

Виктор Иванович РУТЕНБУРГ

**НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ГОРОДАХ ИТАЛИИ
XIV - НАЧАЛО XV ВЕКА**

М.-Л.: издательство АН СССР. 1958

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2010

ОТ АВТОРА

Глава 1. **Наемные рабочие в городах Италии в XIV-XV вв.**

Зарождение и расширение прослойки наемных рабочих

Положение наемных рабочих

Глава 2. **Первые выступления наемных рабочих (40-е годы XIV в.)**

«Тощий» народ

Чуто Брандини

Глава 3. **Восстания в Перудже и Сьене (начало 70-х годов XIV в.)**

Восстание городских низов в Перудже

Восстание «дель Бруко» в Сьене

Глава 4. **Восстание чомпи (июньский этап)**

Предпосылки и причины восстания

Гвельфская партия

Глава 5. **Восстание чомпи (июльский этап)**

Глава 6. **Восстание чомпи (августовский этап)**

Глава 7. **Восстания конца XIV-начала XV в.**

ПРИЛОЖЕНИЯ:

Обзор источников

Неопубликованные документы

Источники и литература

Именной указатель

Географический указатель

Список иллюстраций

Материалы к теме:

[История международного рабочего и национально-освободительного движения \(хронологические таблицы, сост. З.А.Замыслова: от 60-х гг. XVIII в. до 1957 г.\)](#)

[Н.Грацианский. Народные движения в Средние века: Жакерия, восстание Уота Тайлера, восстание чомпи во Флоренции](#)

[В.Самаркин. Восстание Дольчино \(учебно-методическое пособие для студентов исторических факультетов государственных университетов, с приложением документальных источников\)](#)

[С.Сказкин. Исторические условия восстания Дольчино](#)

АННОТАЦИЯ

Книга является первым в исторической литературе обобщающим трудом по истории народных движений в городах Италии в период зарождения там раннекапиталистических отношений (XIV—XV вв.).

В работе рассматривается формирование социальной прослойки наемных рабочих, их положение в наиболее развитых центрах Италии (Флоренция, Сьена, Перуджа и др) и первые восстания предпролетариата. Народные движения XIV—XV вв. — одна из важных страниц истории Европы эпохи феодализма; они оказали значительное влияние на дальнейшее развитие Италии и на революционные традиции ее народа.

В значительной степени исследование опирается на неопубликованные материалы архивов Италии и СССР. Книга рассчитана не только на специалистов-историков, но и на всех интересующихся историей Италии и Европы.

ОТ АВТОРА

XIV—начало XV в. — время крупных крестьянских и городских восстаний средневековья. Уже в начале XIV в. на севере Италии вспыхнуло первое из этих народных движений — восстание Дольчино. Во второй половине столетия феодальную Европу озаряют огни Жакерии; в Англии, впервые в истории, крестьянская армия с помощью горожан занимает столицу государства; восставшие крестьяне Северной Италии — тукины вынуждают герцога Савойского подписать с ними компромиссное соглашение. В этот же период происходят такие крупные городские движения, как восстания Этьена Марселя в Париже, чомпи во Флоренции, ткачей в Генте и Брюгге, зилотов в Фессалониках.

В начале XV в. грандиозное крестьянское восстание гуситов охватывает Чехию.

Такое резкое обострение классовой борьбы, не прекращавшейся в течение всего феодального периода истории Европы, являлось выражением глубокого социального и политического потрясения общеевропейского масштаба. Оно объясняется глубокими сдвигами, происшедшими в недрах экономики Европы, которая к XIV—XV вв. уже несла в себе начальные элементы разложения феодального строя. Именно в этот период проявились многие процессы, которые, по словам Ф. Энгельса, обращенным именно к Италии XIV в., характеризовали «закат феодального средневековья»,¹ т. е. классических натурально-крепостнических порядков.

Процесс разложения феодальных отношений является весьма сложным и длительным, и первые проявления этого процесса в XIV—XV вв. не обозначали еще кризиса феодализма, который в общеевропейском масштабе проявился лишь в XVI—XVII вв.

Характерные для XIV—XV вв. антифеодальные тенденции были вызваны всем ходом развития феодальной экономики,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 327.

а также всей совокупностью политических и идеологических явлений. Наиболее ярким проявлением острых противоречий, являвшихся закономерным порождением начавшегося разложения феодального строя, были классовые битвы крестьянства и горожан в большинстве стран Европы. В каждой стране эти движения проявлялись по-своему, в зависимости от ее уровня развития и всего комплекса явлений, образующих неповторимую специфику в истории страны.

Если во Франции и Англии основной линией классовой борьбы были крестьянские движения, то в таких странах, как Фландрия и Италия, главные битвы происходили уже в городах. При всем различии этих движений объективно все они способствовали расшатыванию устоев феодализма.

Одной из наиболее своеобразных стран Европы этого периода была Италия. Здесь расцвет городов, подъем их экономической жизни происходил раньше, чем в других европейских странах. Успешная борьба за независимость от феодальных синьоров началась в городах Центральной и Северной Италии в X—XI вв. и привела к значительному развитию ремесла и торговли. В XIII в. итальянские города вели героическую двадцатилетнюю борьбу против войск германских феодалов и вышли победителями из этой смертельной схватки. Победа способствовала еще большему укреплению городской экономики и превращению многих из городских центров в города-государства, ведущие свою самостоятельную политику. Это исключительное развитие городов, как указывал К. Маркс, сломало феодализм.² В XIII в. в наиболее развитых областях Италии крепостное право было ликвидировано; его ликвидация декретировалась и проводилась по инициативе и в пользу городов-республик. Феодалы, сопротивлявшиеся этим декретам, подвергались строгим наказаниям. Значительная часть земель переходила в руки богатых горожан. В передовых городских центрах гранды лишались по закону политических прав и особо провинившиеся горожане подлежали переводу в гранды с целью лишения их политических прав.

Уже в XIII в. в наиболее ранних и примитивных формах в Италии наблюдался процесс отделения от земли непосредственного производителя. Часть итальянских крестьян становилась арендаторами-половниками и, таким образом, подвергалась переходным к капиталистическим, методам эксплуатации. Эти медзадьери-половники существуют в Италии и поныне, в условиях капитализма, когда они не владеют средствами про-

изводства и представляют собой наемных рабочих, положение которых отягощается крепостническими пережитками.

Значительная часть крестьянства при ликвидации крепостного права в XIII в. вообще лишилась средств производства. «Поэтому освобождение немедленно превращает его (крепостного, — В. Р.) в поставленного вне закона пролетария, который к тому же тотчас находит новых господ в городах...»³

К. Маркс подчеркивал, что в Италии раньше всего разложились крепостные отношения и раньше всего развилось капиталистическое производство. Конкретной формой разложения феодального производства в итальянских городах было перерождение текстильных цехов в объединения торгово-банковских и промышленных компаний, ставших в XIV в. главными хозяйственными единицами. В крупных городах, производивших товары на экспорт, появились мануфактурные предприятия. Они находились в руках этих компаний, которые применяли в больших размерах труд наемных рабочих.

На появление капиталистического производства в отдельных городах Средиземноморья в XIV—XV вв. указывал еще К. Маркс,⁴ выделяя Италию как страну, где это производство развивалось раньше всего.⁵ Обращаясь к истории этого периода, К. Маркс самым подробным образом знакомился с фактическим материалом, делая выписки из «Истории флорентийской республики» Джинно Каппони.⁶ Главное значение К. Маркс обращал на данные источников по экономической истории Флоренции и особенно по истории классовой борьбы.

Эти записи К. Маркса, хранящиеся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма, лишний раз подтверждают, какая широкая и прочная база фактического материала подкрепляет каждое теоретическое обобщение К. Маркса.

Ф. Энгельс, обращаясь к Италии начала XIV в., где зарождались элементы капиталистического уклада, говорил, что это — лишь «заря современной капиталистической эры...»⁷ Для всей Западной Европы «начало капиталистической эры относится лишь к XVI в.»⁸

В XIV в. в Италии возникает мануфактура. Характеристика мануфактуры, которую дает В. И. Ленин, ссылаясь на XII главу первого тома «Капитала»,⁹ по своей сути целиком относится

³ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 721.

⁴ Там же, стр. 720.

⁵ Там же, стр. 721.

⁶ G. Capponi Storia della Repubblica di Firenze, t. I.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 327.

⁸ К. Маркс Капитал, т. I, стр. 720.

⁹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 402.

к структуре итальянской текстильной промышленности XIV—XV вв. Это не только не исключает, но предполагает наличие специфических черт в ранней итальянской мануфактуре.

Мануфактурное производство базируется на ручном производстве, чем объясняется его относительная неподвижность. Она дает себя знать более всего на последних этапах мануфактурного периода и особенно бросается в глаза при сопоставлении мануфактуры с фабричной машинной промышленностью.¹⁰ Поэтому мануфактура была не в состоянии коренным образом преобразовать общественное производство, и даже в XVI—XVII вв., по образному выражению К. Маркса, «она выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы»¹¹

По сравнению с машинной промышленностью мануфактура представляется примитивным этапом хозяйственного развития, но при сопоставлении ее с цеховой мастерской она выступает как новый прогрессивный этап в развитии промышленности, как качественно новый скачок вперед. «Специфическим для мануфактурного периода механизмом остается сам совокупный рабочий, составленный из многих частичных рабочих»,¹² который приходит на смену классической цеховой мастерской с ее рутинной техникой.

Однако этим не ограничивается то новое, что характеризует мануфактуру как производство, по своей специфике капиталистическое. В мануфактуре происходит также и непосредственное развитие орудий производства, она приспособливает их к обособленным функциям «частичных рабочих», создавая тем самым материальные предпосылки машины, как комбинации простых инструментов.¹³

Именно эта сторона прежде всего выделяется в итальянской мануфактуре XIV—XV вв., представлявшей наиболее передовую в этот период систему организации производства по сравнению с цеховым строем, господствовавшим в Западной Европе.

Несмотря на сохранение ручного производства как основы мануфактуры, последняя требовала усложнения технического процесса, ломавшего рамки цеховой мастерской, с которой ремесленник был связан, «как улитка с раковиной...»¹⁴ В мануфактурной промышленности итальянских городов в XIV—XV вв., в наиболее развитой ее отрасли — текстильной, на-

блюдается усовершенствование отдельных технических процессов и создание примитивных механизмов, вроде сукновальной мельницы. Известная еще в XII в., она получила поистине массовое распространение в XIV в.¹⁵ В XIII в. происходит переход от веретена к ручной прялке, а XIV век можно рассматривать как период всеобщего ее распространения в итальянской текстильной промышленности.

В области ткацкой техники итальянская мануфактура опередила текстильную промышленность всех европейских стран: если в общеевропейском масштабе ткацкий станок претерпел эволюцию к горизонтальной конструкции в XIV—XV вв., то в Италии станок горизонтальной конструкции в XIV в. уже твердо закрепился, став массовым орудием производства в области ткачества. Как характерное явление флорентийской техники XIV в. он изображен на одном из рельефов кампаны Джотто во Флоренции. Спустя столетие на картине Пинтуриккьо появилось изображение широкого ткацкого станка с педальным ремизным аппаратом и сновальным барабаном. Сравнение этого сложного механизма XV в. со станком горизонтальной конструкции XIV в. убеждает в наличии заметного прогресса техники в ранней итальянской мануфактуре.

Даже при неизменном способе труда одновременное применение значительного числа рабочих вызывает революцию в материальных условиях процесса труда¹⁶ Действительно, в отличие от цехового производства, в итальянской мануфактуре XIV—XV вв. наблюдается использование многих тысяч наемных рабочих и связанных с ней ремесленников. Например, во Флоренции, с ее стотысячным населением, в 30-х годах XIV в. более 30 тысяч человек,¹⁷ что составляло около 30% населения, кормилось работой, связанной с производством тонких сукон. В 70-х годах того же века в сукноделии работало не менее 9 тысяч человек¹⁸ при населении в 50 тысяч человек, значительно поредевшем после страшных эпидемий чумы. Это число мануфактурных рабочих также составляло около 20% населения города. Оно возрастет, если к нему прибавить значительный отряд наемных рабочих и ремесленников, занятых обработкой грубых сукон и производством шелка, последнего — особенно в XV в.

Относительно большое количество наемных рабочих давало возможность владельцам мануфактур извлекать значительную прибыль из сукноделия. Даже самое примитивное капитали-

¹⁰ См. В. И. Ленин Сочинения, т. 3, стр. 374.

¹¹ К. Маркс Капитал, т. I, стр. 376.

¹² Там же, стр. 356.

¹³ См. там же, стр. 348—349.

¹⁴ Там же, стр. 366.

¹⁵ G. Villani, l. XI, cap. 1, стр. 203—204, 207.

¹⁶ См. К. Маркс Капитал, т. I, стр. 330.

¹⁷ G. Villani, l. XI, cap. 94, стр. 324—325.

¹⁸ Cronaca prima d'Anonimo, стр. 77.

стическое производство превосходит своей рентабельностью обычное цеховое ремесло, так как ее владельцы могут значительно удешевить производство путем снижения заработной платы, за счет увеличения прибавочной стоимости, получаемой сверх торговой прибыли.¹⁹

Тысячи наемных рабочих ранней итальянской мануфактуры XIV—XV вв работали в городе и в городской округе (контадо) «на одном и том же поле труда» и «под командой одного и того же капитала».²⁰ В итальянской мануфактуре этого периода можно было встретить центральные мастерские, однако в целом это была рассеянная мануфактура, в которой многие наемные рабочие, ремесленники, крестьяне-прядильщики работали не под одной крышей, а в различных пунктах города и городской округи. Эта примитивная форма мануфактуры была, однако, по сравнению с цеховой ремесленной промышленностью весьма прогрессивным явлением.

К тому же ранняя итальянская мануфактура шла по пути развития, именуемому К. Марксом революционизирующим, при котором сам производитель становится купцом и капиталистом.²¹ Члены текстильных цехов, которые в XIII в сами были производителями, в XIV в. превратились в купцов и капиталистов, а эти цехи уже не представляли собой по своей сути типично цеховое ремесло и превратились в мануфактурное производство. Именно этот революционизирующий путь, по которому шла итальянская мануфактура XIV—XV вв, приводил к подрыву, в масштабе отдельных городов, феодальных отношений, о чем говорил К. Маркс.²²

Сложность изучения итальянской мануфактуры заключается в том, что последняя развивалась в рамках перерождавшегося цеха, ставшего, по сути дела, цехом мануфактуристов и купцов, эксплуатировавших наемных рабочих. Конкретным путем разложения цеха в Италии было появление и рост компаний внутри цеха, которые с XIV в. стали основными ячейками хозяйственной жизни передовых итальянских городов.²³

Изучение вопросов, связанных с историей ранней мануфактуры, имеет общеметодологическое значение, так как ее

возникновение отмечено не только в Италии, но и во фландрских, голландских городах и, возможно, в некоторых центрах Испании и поздней Византии, особенно в городских центрах, связанных с крупной экспортной торговлей, главным образом тех, где происходит собственное массовое производство.²⁴

Эти процессы, происходившие в Италии в XIV—XV вв., не могли привести к установлению капиталистического уклада в масштабах всей страны ввиду крайнего разнообразия экономических условий развития и вытекающей из этого политической раздробленности Италии. Однако зарождение и развитие капиталистического уклада в передовых городах-государствах Италии XIV—XV вв представляло собой прогрессивное явление, послужившее базой и истоком Возрождения. Появление капиталистического уклада в Италии было наиболее ярким проявлением начала разложения феодализма в Западной Европе. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали появление капиталистической мануфактуры в этот период, кроме Италии, и в некоторых других странах Европы, и прежде всего в городах Фландрии, Испании, Византии.²⁵

Появление новых капиталистических методов эксплуатации в городах и переходной к капиталистической аренды в деревне привели к значительному повышению производительности труда, не знакомому феодальному способу производства. В то же время эксплуатация труда бесправных наемных рабочих привела к зарождению и разрастанию классовой борьбы пролетариата против зарождающейся ранней буржуазии. В. И. Ленин считал основной чертой мануфактуры «раскол между представителями труда и капитала» Сложность этой борьбы заключалась в том, что в мануфактуре «зависимость работника от капиталиста приобретает массу форм и оттенков»,²⁶ и разные категории этих трудящихся занимали самые противоречивые позиции в ходе битв труда и капитала. Борьба осложнялась также тем, что феодальные отношения, феодальная собственность были подорваны, но не ликвидированы, и феодалы (гранды), проживавшие в итальянских городах, несмотря на антимагнатские декреты, находили способы активно вмешиваться в политическую жизнь. Нередко они заигрывали с низами в целях собственного возвышения. В то же время ранняя буржуазия в самые острые моменты борьбы с предпролетариатом блокировалась с феодальными элементами, что было выражением солидарности эксплуататоров.

²⁴ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 48—49.

²⁵ Там же, стр. 48.

²⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 381.

¹⁹ См. Ф. Энгельс. Дополнения к третьему тому «Капитала». В кн. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 918.

²⁰ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 328, 338.

²¹ См. там же, т. III, стр. 346—347.

²² Об этом и о выше рассмотренных вопросах см.: В. И. Рутенберг. О прогрессивности капиталистических отношений в Италии XIV—XV веков.

²³ Этим вопросам специально посвящена наша монография «Очерк из истории раннего капитализма в Италии».

✓ Восстания наемных рабочих против своих хозяев показали в то же время и антифеодалную направленность их борьбы. программы и действия восставших были более последовательны в этом отношении, чем намерения и мероприятия ранней буржуазии. Поэтому эти восстания объективно способствовали дальнейшему подрыву феодальных отношений в Италии, что являлось одной из предпосылок возникновения новой культуры Возрождения.

Буржуазные историки обращались к истории XIV в., сравнивая ее с «клокотанием воды в бурной, порожистой части реки». Они даже называли XIV столетие «революционным веком», однако этот восторг объяснялся тем, что социально-политическую борьбу XIV в. они оценивали как «буржуазную революцию», а итоги ее как «триумф капитализма».²⁷ С наступлением эпохи империализма буржуазная историография резко меняет свое отношение к народным движениям, что особенно усиливается после Великой Октябрьской социалистической революции. Победа социализма в СССР и становление великого лагеря социализма привели к отказу буржуазных ученых от восторженных оценок народных движений XIV в., особенно восстаний предпролетариата. Теперь они осуждают наемных рабочих XIV в. за их непримиримость, «классовый эгоизм», называют их борьбу за свободу и справедливость иллюзорной, подчеркивая, что для бедняка — это иллюзия «всех мест и времен», призывают рабочих воспитывать в себе «чувство самопожертвования во имя ближнего», проповедуют классовый мир, не забывая при этом подчеркнуть, что «история делается победителями». Они открыто выступают против революционной сущности учения Маркса и Ленина.²⁸

Поэтому труды буржуазных ученых, посвященные в той или иной мере народным движениям XIV—XV вв., требуют не только тщательного анализа, но и коренного пересмотра. Полагая, что критика буржуазной историографии явилась бы мало эффективной, если бы ей было отведено место лишь в предисловии, мы обращаемся к анализу работ буржуазных историков на протяжении всей работы, подвергая критике как общие выводы, так и те отдельные конкретные данные, которые требуют пересмотра или уточнения.

В исторической науке среди восстаний XIV в. обычно называлось одно крупное выступление предпролетариата — восстание чомпи 1378 г. во Флоренции. На деле источники говорят о целой серии восстаний наемных рабочих в различных горо-

дах Италии, начинающихся в 40-х годах XIV в. и продолжающихся до первых десятилетий XV в. К тому же изучение известного восстания чомпи нельзя считать в какой-либо степени полным, а исследование его с марксистских позиций является научно актуальным и необходимым. Ряд советских ученых обращался к отдельным вопросам, связанным с историей народных движений в Италии XIV—начала XV в. При написании этой работы мы учитывали эти немногочисленные исследования, дополняя и уточняя их на основании разнообразных источников.

В этой работе мы обращаемся к изучению ведущей для истории Италии XIV в. линии восстаний — городских народных движений, главным участником которых был предпролетариат. Изучение этих движений, происходивших на протяжении целого столетия, должно заполнить важную и в то же время мало исследованную страницу европейской истории. Движения предпролетариата сыграли немалую роль в исторических судьбах Италии, представляя собой истоки революционных традиций итальянского народа.

Изучение народных движений в итальянских городах XIV—XV вв. может быть произведено лишь на основании всего комплекса источников как документальных, так и нарративных. При изучении этой темы нами обнаружены и использованы весьма интересные неопубликованные источники, хранящиеся главным образом во Флоренции и Прато, с которыми нам удалось ознакомиться во время научной командировки в Италию в 1956 г. Часть неопубликованных источников, использованных в этой книге, хранится в Москве и Ленинграде.

В работе использованы также неопубликованные выписки Маркса из работы Каппони, хранящиеся в Москве, которые имеют непосредственное отношение к нашей теме.

В конце работы, в приложениях, даны краткая характеристика источников и фрагменты из использованных в книге неопубликованных документов, хранящихся как в итальянских архивах, так и в архивохранилищах СССР.

²⁷ См., например: G. Renard, t. II, стр. 1—2, 28.

²⁸ N. Rodolico. I Ciompi, стр. VII, 85, 223.

Глава первая

НАЕМНЫЕ РАБОЧИЕ В ГОРОДАХ ИТАЛИИ В XIV—XV вв.

« Шерстобиты, стригальщики и все рабочие работающие поденно, направляются на работу по определенному правилу, по звону колокола »

(Устав цеха шерстяников Флоренции) ¹

Зарождение и расширение прослойки наемных рабочих

Трудящиеся итальянских городов в XIV и XV вв не представляли собою однообразной по своему социальному положению массы. В городе жили и работали мастера — члены цеха, неполноправные члены цеха, подмастерья и ученики и, наконец, наемные рабочие. Поэтому прежде всего необходимо рассмотреть пеструю картину различных социальных категорий города. Все эти категории должны быть рассмотрены на фоне цеховой системы, что даст возможность яснее очертить их силуэт и определить их положение в итальянском городе.

Несмотря на своеобразие итальянского цеха, в определенных условиях терявшего свои специфические феодальные черты, он играл важную экономическую, а нередко и политическую роль в жизни города. Трудящиеся города находились в разной степени зависимости от цеха. Их социальное положение и условия жизни зависели от структуры всей цеховой системы того или иного города и характера цеха, с которым они непосредственно были связаны.

В Перудже, как и во многих городах Италии, был цех шерстяников — Лана (Arte della Lana), который относился к старшим, или, как они назывались здесь, большим цехам (arti

¹ « battitores ad chamatum, tonditores buldronum et omnes laboratores morantur per diem, intrent ad laborandum certe modo et ordine, ad sonum campane » (Statuto della Lana di Firenze, l III, cap XLII, стр 178)

grosse). Его основание относится к XIV в., хотя Перудже было знакомо сукнодельческое ремесло и в предыдущем столетии. В цех шерстяников входили лишь владельцы сукнодельческих мастерских, закупавшие шерсть, направлявшие ее на обработку и затем продававшие на рынке готовое сукно. Они только контролировали весь сложный процесс сукноделия, обычно не участвуя в нем сами непосредственно, как это делали мастера типично средневекового цеха.

В перуджинский цех Ланы входили ремесленники не всех профессий, имевших отношение к производству сукна. Кроме цеха шерстяников, в Перудже были особые цехи красильщиков, стригальщиков и шерстобитов. В последний, кроме собственно шерстобитов, входили ткачи и чесальщики шерсти.² Работавшие в сукнодельческих мастерских трепальщики шерсти, аппретурщики, гладильщики и другие, очевидно, также входили в перечисленные выше цехи, так как все категории трудящихся, связанные с сукноделием, были в Перудже членами цехов.

Все входившие в тот или иной текстильный цех, за исключением членов цеха Ланы, находились в своеобразном положении. По своей форме и целям эти цехи Перуджи были типично средневековыми союзами равноправных ремесленников, ограждавших себя от внешней и внутренней конкуренции. Однако устав цеха стригальщиков требовал от своих членов, чтобы они дожидались, кого из них наймет хозяин сукнодельческой мастерской — член цеха Ланы, — и строго запрещал ходить от одного хозяина к другому в поисках работы. Такой же запрет встречается и в уставе чистильщиков шерсти. Таким образом, члены цеха Ланы фактически нанимали на работу членов других текстильных цехов. По сути дела, перуджинские текстильные младшие, или малые, цехи (*arti minori*) были в подчинении у цеха Ланы, и, хотя все эти цехи носили одинаковое наименование (*arti*) и имели сходные по форме уставы (*statuti, matricole*), они не были равноправными. Цех Ланы представлял собой организацию владельцев сукнодельческих мастерских — лавок (*aronthica sive camera*) (рис. 1), в то время как младшие текстильные цехи были объединениями ремесленников, которые постепенно превращались в наемных рабочих. Именно поэтому в хрониках они не называются ремесленниками — членами цехов (*artigiani*), а рабочим людом (*gente lavorenté*).³

Члены младших цехов являлись владельцами мелких красильных, ткацких и других мастерских, нередко помещавшихся

в том же помещении, где они и жили.⁴ В этих мелких мастерских раздавался шум ткацкого станка, в красильных чанах кипела ярко-красная жидкость, но лишь в том случае, если хозяин сукнодельческой мастерской — член цеха Ланы — давал работу их владельцам. Оборудование этих мастерских еще было их собственностью, но они уже полностью зависели от заказов мастеров цеха шерстяников. Эта прослойка ремесленников ближе всего подходит к категории, которая В. И. Лениным именуется *quasi-самостоятельными производителями*.⁵ Следующим этапом будет для многих из них потеря собственности на средства производства и переход в категорию наемных рабочих.

Младшие цехи и не ставили перед собой цель добиваться какого-либо равноправия с господствующим цехом Ланы, они лишь пытались защитить интересы своих членов перед богатыми владельцами сукнодельческих мастерских из этого цеха. Так, например, стригальщики и чистильщики должны были получать за работу оплату, не ниже обозначенной в уставе их цеха.⁶ Таким образом, они боролись за определенный минимум заработной платы. Нет сомнения в том, что в городе, где сукноделие еще не приобрело такого международного размаха, как во Флоренции, члены младших цехов с трудом получали работу, и поэтому многие из них согласны были и на более низкую оплату, но в этом их сдерживал устав, требовавший соблюдения интересов всех собратьев по цеху. Нужда толкала их к нарушению уставных норм: в стремлении получить работу члены младших цехов, пренебрегая профессиональной солидарностью, нередко брали работу, уже начатую другим членом цехового сообщества на условиях, очевидно, более выгодных для работодателя, несмотря на строгий запрет цехового устава.⁷

Таким образом, перуджинские младшие цехи, связанные с цехом Ланы, вступили в период своего отмирания. Члены этих цехов пользовались цеховыми установлениями в надежде получить равное количество работы и заработка, но эти традиции общинного уравниательства и добропорядочности были уже непрочной оболочкой, которая грубо прорывалась насущными требованиями новой обстановки. Ожидая справедливого минимума оплаты, предначертанного цеховым уставом, можно было

⁴ Там же, стр. 227

⁵ В. И. Ленин Развитие капитализма в России. Сочинения, т. 3, стр. 381

⁶ Spoglio di Matricole delle Arti di Perugia. Matricole dei Cimatori e Purgatori, art. 18, 24. В кн.: D'Anno. Lotte sociali a Perugia, стр. 340—341. «Spoglio di Matricole» представляет собой выписки из оригинала устава цеха шерстяников (Ланы) 1342 г.

⁷ Там же.

² Cronaca di Perugia, стр. 238—240.

³ Neri Donato, стр. 223.

остаться без всякой работы; нарушив устав, отбросив прочь мораль, исходящую из цеховой солидарности, можно было получить работу, хотя и на менее выгодных условиях оплаты. Красильщики, шерстобиты, ткачи, чесальщики, стригальщики, чистильщики и другие члены младших цехов из quasi-самостоятельных производителей стояли на пути к превращению в наемных рабочих, продающих свою рабочую силу владельцам сукнодельческих мастерских.

Разложению и отмиранию младших цехов, как типично феодальных организаций, способствовали действия хозяев сукнодельческой промышленности — членов цеха Ланы. Они были заинтересованы в привлечении наиболее дешевой рабочей силы, которая бы обеспечивала им быстрое и высококачественное выполнение работ для их мастерских-лавок, приносящих им немалую прибыль (*lucrum*).⁸ В их интересах был подрыв тех основ равенства, которые пытались сохранить уставы младших цехов. Они стремились получить рабочие руки за минимальную оплату, требуя в то же время от подчиненных цехов, чтобы они гарантировали хорошее выполнение работ членами младших цехов (рис 2). За них представители этих корпораций должны были давать специальное поручительство цеху Ланы. Цех красильщиков должен был официально «подчиниться камерарию цеха шерстяников»⁹. Характерно, что узаконение подчинения младших цехов объединению хозяев — цеху Ланы — зафиксировано в уставе последнего. Статьи устава цеха шерстяников говорят о бдительном контроле членов Ланы — хозяев мастерских — за качеством работы и за сохранностью материала.¹⁰ Невыполнение этих требований приводило к рассмотрению дел в специальном суде цеха Ланы, возглавлявшемся камерарием этого цеха.¹¹ В случае хищения шерсти или сукна устав требовал, чтобы виновных в этом чесальщиков, аппретурщиков, красильщиков а также работавших в мастерских на растяжке сукон принуждали вернуть похищенное или восполнить нанесенный хозяевам ущерб.¹²

Положение сукноделов Перуджи в XIV в. определялось именно этим своеобразным процессом перерождения текстильных цехов ведущий текстильный цех Ланы становился сообществом владельцев мастерских, в которых сами они, как

правило, не работали; подчиненные им младшие цехи являлись корпорацией ремесленников, которые готовы были превратиться в наемных рабочих.

Это не означало еще наличия капиталистического производства в Перудже XIV в., даже в его примитивных формах, которые наблюдались тогда во Флоренции или в Сьене. Однако происходившие здесь явления свидетельствуют о том, что и Перуджа находилась накануне зарождения раннекапиталистических отношений. Здесь происходил болезненный процесс отделения мелких ремесленников от средств производства и постепенного превращения их в наемных рабочих.

В дальнейшем, в XV в., этот процесс завершится и в Перудже образованием мануфактурного производства, подобного флорентийскому или сьенскому. В XV в. ремесленники превратятся в наемных рабочих, работающих поденно или сдельно. Об этом с достаточной убедительностью говорит небольшое ценное исследование Дайано, посвященное Перудже.¹³ Фактический материал этой работы весьма выразительно обрисовывает обстановку в Перудже XV в., и характеристика, которую дает автор, представляется достаточно убедительной: в своей массе мелкие ремесленники теряют средства производства и превращаются в наемных рабочих, которых эксплуатируют сукноделы цеха Ланы. Что же касается формулы Дайано об экономическом и политическом подчинении рабочего класса классу капиталистов,¹⁴ то она, конечно, является неприемлемой. Намечаются лишь зачатки новых классов, но сформироваться они, естественно, не смогут ни в XIV, ни в XV вв. ни в одном из уголков Италии и всей Европы.

К тому же необходимо отметить, что, кроме текстильных цехов Перуджи, процессы разложения цеха не проявлялись с достаточной определенностью ни в одном из других перуджинских цехов, в том числе и в таких ведущих старших цехах, как цех сапожников и дубильщиков кож, портных и т. д.

Обстановка, в которой протекала вся хозяйственная и политическая жизнь Перуджи, определяла положение трудящихся этого города, экономика которого в XIV в. представляла собой как бы первую ступень, предшествующую развитию мануфактурной промышленности, процветавшей в целом ряде итальянских городов в XIV—XV вв. Поэтому здесь мы наблюдали процесс превращения цеховых ремесленников в наемных рабочих.

⁸ Там же art 19 стр 340

⁹ «Teneatur habidire Camerario dicte artis lane» (там же, art 19, стр 340) Habidire = obedire ubbidire

¹⁰ «Quod nullus in pignus accipiat lanam artificum nec aliquo labore rium contra voluntatum artificum cuius esset» (там же art 8 стр 339)

¹¹ Там же art 69 стр 340

¹² Matricole delle Arti di Perugia, art 20, стр 339

¹³ D'Ajano. Lotte sociali a Perugia.

¹⁴ Там же.

К перуджинской обстановке приближалось положение дел в Лукке, Болонье, Пизе, где также развивалась текстильная промышленность, и массы ремесленников шерстоткацкого и шелкоткацкого цехов составляли один из наиболее крупных отрядов трудящихся. В то же время положение трудящихся этих городов имело и определенные своеобразие соответственно хозяйственной и политической специфике этих городов.

Образцом следующего, второго, этапа, при котором уже можно говорить о зарождении мануфактурной промышленности в XIV в., следует считать Сьену. Поэтому после рассмотрения перуджинских материалов необходимо обратиться к источникам, характеризующим положение трудящихся сьенской коммуны.

Вся хозяйственная и политическая жизнь горожанина в Сьене, как и в других итальянских городах, была связана с цехом. Одним из наиболее важных сьенских цехов был цех шерстяников — Лана. Структура этого цеха мало чем отличалась от других итальянских цехов XIV в. Во главе цеха стоял совет «Пятнадцати добрых мужей» (*buoni uomini*)¹⁵ и старейшины корпораций (обычно их было два), которые именовались синьорами цеха.¹⁶ При решении общих вопросов и в торжественных случаях совет цеха или синьоры созывали общее собрание членов цеха (*parlamento*), о чем извещали посредством колокола коммуны. Уставы цеха рассматривались на общем собрании цеха, а затем утверждались властями коммуны.¹⁷ В составе цеха мы находим мастеров (*maestri*), подмастерьев (*compagni*), учеников или мальчиков (*gignori, fancelli*), десятников и факторов (*brigatori, fattori*), производителей различных видов работ и торговых агентов (*insegnatori, operatori, tractatori*).¹⁸ Кроме того, цех выделял контролеров (*riveditori*), следивших за качеством выделки сукна и качеством окраски.¹⁹

Все это характеризует сьенскую корпорацию Ланы как обычный средневековый цех.

Однако это лишь внешняя сторона, за которой скрывается более существенная черта сукнодельческого производства. Многие мастерские цеха значительно отличаются от обычных средневековых по своему масштабу и по составу производителей. Они укрупняются: во главе такой мастерской стоит не один

мастер, а целая компания, как во Флоренции.²⁰ Некоторыми мастерскими владеют несколько братьев, занимающихся производством и продажей сукон.²¹ или целый род — братья, племянники, дяди, которые живут «одним хлебом и одним вином»,²² а нередко и члены цеха, не являвшиеся родственниками. Последний вариант встречается наиболее часто, устав цеха разрешает объединяться любым членам цеха — мастерам, кроме контролера цеха.²³ Мастера-шерстяники Сьены объединяются также в компании по эксплуатации сукновальных мельниц.²⁴ Можно полагать, что роль компаний возрастает в Сьене на протяжении XIV в.

Появление компаний, хозяйственных торгово-промышленных ячеек внутри цеха свидетельствует о том, что структура цеха Ланы в Сьене уже с начала XIV в. отходит от типично средневековой. Появление внутри цеха новых хозяйственных ячеек, обладавших большой силой, могло происходить только в условиях социальной и имущественной дифференциации цеховых ремесленников. Резкая социальная дифференциация в сьенском цехе Ланы наблюдается уже с начала XIV в. и нарастает на протяжении всего столетия. Среди членов цеха появляется большое количество должников, растут также хищения материалов, принадлежащих цеху. Должники изгоняются из цеха, их имущество описывается, а сами они попадают в городскую тюрьму по требованию синьоров цеха.²⁵ Наряду с обеднением рядовой массы ремесленников происходит укрепление цеховой верхушки. Звание мастера фактически становится наследственным: сын мастера может стать мастером и открыть сукнодельческую мастерскую без вступительного взноса в цех,²⁶ в то время как обычный ремесленник в 1367 г. должен был вносить за право вступления в цех от 10 до 40 лир, в зависимости от различных условий, при которых происходил

²⁰ Ср.: В. И. Рутенбург. Очерк.

²¹ «...tre fratelli carnali, o più o meno, che facesse l'Arte insieme» (Statuto della Lana di Siena, cap. XLIII, стр. 842; cap. VI, стр. 342; cap. XLVIII, стр. 286; cap. LI, стр. 287).

²² «...a uno pane et a uno vino» (Statuto della Lana di Radicondoli, cap. I—II, стр. 188—189). Радикондоли — небольшой центр сукнодельческого ремесла близ Сьены, тесно с нею связанный.

²³ Statuto della Lana di Siena, cap. I—VIII, стр. 245—248.

²⁴ Там же, cap. XVII, стр. 257.

²⁵ Там же, cap. II, стр. 201. 203; cap. III—IV, стр. 201—204; cap. VI, стр. 198—199; cap. VII, стр. 205—206; cap. VIII, стр. 207; cap. IX, стр. 208; cap. LXXXIII, стр. 190; cap. XV—XVI, стр. 212—213; cap. XVIII—XX, стр. 233—234; cap. XXII, стр. 215, и др. Сохранился лишь устав цеха Ланы 1298 г. с дополнениями и исправлениями, которые вносились в него до 1309 г.

²⁶ Там же, cap. I, стр. 194.

¹⁵ Statuto della Lana di Siena, cap. III, стр. 142—143; cap. LIV, стр. 288.

¹⁶ Там же, cap. I, стр. 163.

¹⁷ Там же, cap. I—VII, стр. 222—244; cap. LXVI, стр. 179.

¹⁸ Там же, cap. VI, стр. 264.

¹⁹ Там же, cap. I—VIII, стр. 245—248; cap. LXX, стр. 298; cap. XCVIII, стр. 382.

прием.²⁷ В цехе шерстяников Радикондоли права мастера передавались по наследству ближайшему родственнику.²⁸ Среди мастеров также нет равенства: мастера с 12-летним стажем составляют привилегированную группу цеховой верхушки и освобождаются от всех цеховых налогов,²⁹ синьором цеха мог быть избран лишь мастер с 5-летним стажем,³⁰ и т. д.

Дифференциация, происходившая внутри цеха, проявляется и в терминологии устава, в изменении содержания терминов. В первых вариантах устава цеха шерстяников все без исключения его члены именуются подчиненными, подведомственными цеху (*sottoposti delle Arte*), все они в равной мере подчинены юрисдикции цеха, его уставам и указаниям (*ciascheduno della detta Università, ciascheduno sottoposto*).³¹ Такой же смысл этот термин имеет и в уставе цеха шерстяников Флоренции начала XIV в., где *sottoposti* приравнивается к члену цеха (*suppositus huic arti vel aliqui membro huius artis*).³² В дополнениях к уставу в начале XIV в. единая категория подчиненных цеху распадается на две: цеховые мастера (*maestro dell'Arte*) и «прочие подчиненные цеху» (*altro sottoposto dell'Arte*).³³ Однако в дальнейшем в сьенском цехе шерстяников термин «подчиненный» (*sottoposto*) будет звучать, как полноправный подданный цеха; это название станет почетным и будет, в отличие от Флоренции, применяться **только к мастерам** (*sottoposti, maestri dell'Arte*), в то время как «прочие подчиненные цеху» будут теперь именоваться «людьми цеха» (*uomo de la detta Arte*).³⁴ Во Флоренции же термин *sottoposto* закрепится в дальнейшем за категорией наемных рабочих. Цеховая верхушка — это мастера-шерстяники, которые владели сукнодельческой мастерской и направляли готовую продукцию на рынок (*maestri o mercatanti, mercatante o lanaiuolo*).³⁵ Устав именует их «особыми людьми цеха» (*singolari persone dell'Università et Arte*).³⁶

²⁷ Statuto della Lana di Radicondoli, cap. LXI, стр. 193; Addizioni. § 16, стр. 221

²⁸ Там же, Addizioni, стр. 210.

²⁹ Statuto della Lana di Siena, cap. XI, стр. 327.

³⁰ Там же, cap. XXV, стр. 157.

³¹ Там же, cap. XIV, стр. 79 и др.

³² Statuto della Lana di Firenze, l. II, cap. XXIII, стр. 117 (1317 г.)

³³ Statuto della Lana di Siena, cap. XVIII, стр. 154; cap. X, стр. 266; cap. XI, стр. 267.

³⁴ Там же, cap. LVIII, стр. 174; cap. I, стр. 249; cap. VIII, стр. 252. Во Флоренции термин *sottoposto* станет обозначать действительно подчиненного наемного рабочего (*sottoposto*), получающего денежную оплату (*salariato*), флорентийский *sottoposto* аналогичен сьенскому *uomo della Arte*

³⁵ Statuto della Lana di Radicondoli, cap. XX, стр. 174; cap. XXXIII, стр. 179.

³⁶ Statuto della Lana di Siena, стр. 70.

Заметная социальная дифференциация происходила также в сьенских цехах кожевников (*arte del conciar pelli*), а также в цехах ключников, шпажников, кузнецов, которые в 1414 г. объединились в единый «старший цех огня» (*maggiore arte del fuoco*), хотя этот процесс не достигает здесь той степени расчленения, как в цехе Ланы.³⁷

В цехе Ланы многие еще недавно полноправные члены цеха фактически теряли свою самостоятельность. Это были те, которых теперь уже не относили к категории мастеров, а считали «прочими подчиненными цеха». Оставаясь членами цеха, они переходили в подчинение, зависимость от «особых людей цеха». Многие ремесленники из самостоятельных товаропроизводителей превращались, как и в Перудже, в *quasi*-самостоятельных, хотя еще владели мелкими мастерскими и собственными орудиями производства. К ним относились красильщики, ткачи, прядильщики и др.

Отдельные ремесленники, не вошедшие в компании, продолжали работать в своей мастерской с подмастерьями и учениками. Такая цеховая мастерская попадает в зависимость от более сильной и богатой сукнодельческой компании.

Ткачи, которые еще владели ткацкими станками, работали по заказу мастеров-сукноделов, получая от них жалованье (*tessa a prezzo*).³⁸ Готовую продукцию ткач должен был в определенный срок доставить мастеру-заказчику после проверки качества работы контролером цеха.

В таком же положении были прядильщики и сновальщики, выполнявшие заказы компаний мастеров-сукноделов. Чаще всего прядением и снованием были заняты женщины (*filatrici, orditrici*).³⁹

На мастеров сьенской Ланы работали также красильщики (*tignitori*), хотя они считались самостоятельными ремесленниками. Многочисленные мелкие ремесленники, держатели «самостоятельных» мастерских, иногда владевшие лишь ткацким станком или прядильным приспособлением, которые помещались в их жилье, все больше входили в подчинение мастерам **цехов** — членам компаний, должны были делать всё «по воле того, чье было сукно».⁴⁰

Постепенно держатели мелких заведений все более теряли свою самостоятельность и превращались в работников, состоя-

³⁷ Statuto della Lana di Siena. Statuti senesi, tt. I—II.

³⁸ Statuto della Lana di Radicondoli, cap. LXVII, стр. 197.

³⁹ Statuto della Lana di Siena, cap. LXX, стр. 298.

⁴⁰ «...volontà di colui cui fusse el panno» (там же, cap. XLVIII, стр. 260).

щих на оплате у богатых мастеров-сукноделов. К середине XIV в. многие из них лишатся орудий труда и будут составлять значительную часть наемных рабочих в сукнодельческом производстве Сьены, в то время как мастера-сукноделы превратятся в предпринимателей, непосредственно не участвующих в производстве сукон. Они будут озабочены лишь организацией производства, доставкой сырья, продажей готовой продукции, которая главным образом шла на далекий экспорт.

Таким образом, в Сьене в большей степени, чем в Перудже, происходит разложение цеха, которое приводит к образованию рассеянной мануфактуры.

В сукнодельческое производство Сьены втягивались не только разоряющиеся члены цеха, но и внецеховые ремесленники, а также крестьяне, направляющиеся в город. Шерсть и очески обрабатывались в разных концах города. Шерсть и пряжа обрабатывались также в деревнях округи (контадо), по крайней мере в радиусе 4 миль от Сьены.⁴¹ Прядильщики и другие рабочие должны были работать, как правило, на одну компанию сукноделов, но не более чем на две.⁴² При нарушении этого правила они лишались работы.⁴³

Ткачи и чесальщики шерсти работали не только как рабочие домашней промышленности, но и в больших мастерских сукноделов, где они именовались рабочими мастерских (texitore o lavorente, pettinatori che avranno in bottega).⁴⁴ Эти и другие наемные рабочие набирались прямо с улицы и не были известны хозяину (li lavorenti non cognosciuti).⁴⁵ Они не имели ничего, кроме своих рук, и продавали свою рабочую силу владельцам мастерских, которым принадлежали все средства и орудия производства, вплоть до кард — щеток для чесания шерсти, вручавшихся чесальщику при поступлении на работу.⁴⁶ Такие рабочие считались как бы принадлежащими хозяину и назывались «его рабочими» (suoi lavorenti),⁴⁷ «людьми, постоянно работающими от шерстяников» (li uomini che lavorranno continuamente de li Lanaiuoli),⁴⁸ «работниками» или «рабочими» (lavorente),⁴⁹

которые занимаются тяжелым трудом по необходимости,⁵⁰ т. е. продают свой труд.

Сукнодельческое производство Сьены отличалось широким разделением труда: кроме шерстоткацких и красильных мастерских, были мастерские по сушке и растягиванию сукна, бассейны для промывки шерсти, сукновальные мельницы. Они были разбросаны по всему городу и за его стенами, главным образом в районах ворот Салайа, Камуллиа и св. Георгия.⁵¹ Одна из сукновален (gualchiere) цеха шерстяников находилась в монастыре, и за ее работу перед цехом отвечал аббат этого монастыря получавший от цеха определенное жалованье.⁵²

Многочисленные и разнообразные мастерские сукнодельческого цеха Ланы были заполнены наемными рабочими различных специальностей (lavorenti di molte condizioni); здесь были: прядильщицы (filatrici), сновальщицы (orditrici), ткачи и ткачихи (tessitori e tessitrici), чесальщики (pettinatori), валяльщики (gualcherai), шерстобиты (battitori), красильщики разных категорий (tegnitori e vagellari d'ogni colore e condizione), промывальщики (conciatori) и «многие другие специальности рабочих в большом количестве».⁵³

В XIV в. разорившиеся цеховые ремесленники Сьены превратились уже в работающих по найму и вместе с пришедшими в город крестьянами составляли новую прослойку наемных рабочих, представляющую наиболее характерную часть трудящихся, обслуживавших сложившуюся уже здесь мануфактурную промышленность.

Флоренция может служить образцом третьего, наиболее высокого в Италии XIV—XV вв. этапа процесса зарождения и развития мануфактурной промышленности. И здесь идет речь прежде всего о сукноделии. Нередко его историю связывают с появлением во Флоренции ордена гумилиатов в 1239 г., значение которого для развития сукнодельческого ремесла иногда преувеличивают. Давидсон и Дорен, которые останавливаются на этом вопросе, определяют значение гумилиатов достаточно убедительно: сукнодельческое производство развивалось во Флоренции еще до появления гумилиатов, мастерские в их монастырях представляли собой лишь часть флорентийского сукно-

⁴¹ Там же, сар. ХСVI, стр. 381.

⁴² Там же, сар. XX, стр. 274; сар. XXI, стр. 274.

⁴³ Statuto della Lana di Radicondoli, сар. XX, стр. 174.

⁴⁴ Statuto della Lana di Siena, сар. XIX, стр. 173; сар. XXII, стр. 175.

⁴⁵ Там же, сар. LVIII, стр. 291.

⁴⁶ «... prestare a lavorente e cardoni senza pegione» (Statuto della Lana di Radicondoli, сар. LXIV, стр. 196).

⁴⁷ Statuto della Lana di Siena, сар. XI, стр. 234; сар. II, стр. 239.

⁴⁸ Там же, сар. XXX, стр. 159.

⁴⁹ Там же, Addizioni, сар. 60, 66, 67, 72, 91, 180, 234.

⁵⁰ «... cui fusse el lavorio» (там же, сар. LVIII, стр. 134). Lavorio — именно тяжелый труд по необходимости, т. е. в данном случае — наемный труд.

⁵¹ Там же, сар. XXII, стр. 156 и др.

⁵² Там же, сар. XXXIX, стр. 163; сар. LVII, стр. 173.

⁵³ «... e di molte altre condizioni lavorenti assai» (там же, сар. LVIII, стр. 291; сар. LXX, стр. 182—183; сар. I, стр. 260; сар. LXVII, стр. 297; сар. LXX, стр. 298).

дельческого ремесла; а через 40 лет после их появления во Флоренции они уже не имели какого-либо значения в сукноделии этого города.⁵⁴ Все же XIII век прошел под знаком развития гумилиатского сукноделия. Каковы были его основы? Орден в XII в. имел земельные владения, а с конца XII—начала XIII в. в нем возрастает значение ремесла. Малообеспеченные гумилиаты-терциарии, мелкие ремесленники основывали мастерские по производству сукна. Для организации этого производства орден выделял специальные суммы и предписывал строго регламентированный труд «во исполнение заветов евангелия», даже за счет сокращения числа постов и молитв.⁵⁵ В дальнейшем, во второй половине XIII в., терциарии теряют свое значение в ордене, члены которого занимаются лишь организацией хозяйственных мероприятий ордена, и труд орденских братьев заменяется трудом ремесленников, состоящих на оплате.⁵⁶ Орден стал организатором сукнодельческого производства (lanae exercitium): закупал сырье, нанимал ремесленников разных специальностей, сбывал готовое сукно на рынке, увеличивал свои капиталы.⁵⁷ Такие предприятия были известны в городах Романьи — в Римини и Болонье, а особенно Тосканы: в Арrezzo, Сан-Миньято, Пизе, Сьене и, наконец, во Флоренции, где рядом с общежитиями братьев и сестер — гумилиатов были расположены целые поселки ремесленников, работавших за плату в гумилиатских сукновальнях и мастерских по растягиванию сукон.⁵⁸ Гумилиаты славились своими сукнами, которые носили наименование «гумилиатских»⁵⁹ и были разных сортов и окрасок.⁶⁰ В материальном преуспевании ордена сукноделие играло большую роль, однако масштабы последнего не имели решающего значения в экономике города. Несмотря на возрастание значения ремесла в XIII в., большую роль в ордене продолжали играть доходы от земельной собственности. Доказательством того, что гумилиатская промышленная деятельность сыграла решающей роли в развитии флорентийского и общегитальянского сукноделия, является непрерывное развитие сукно-

дельческого ремесла до и после расцвета гумилиатского сукноделия. К тому же частично в гумилиатском сукноделии работают сами гумилиаты, которые в определенной степени обеспечены средствами ордена и, таким образом, не представляют собой наемных рабочих. Что же касается ремесленников, нанятых орденом, то они близко подходят к категории наемных рабочих, которая выделяется из массы обедневших собственников-ремесленников. Значительная часть их трудилась в качестве поденщиков в текстильных цехах. К. Маркс определял эту категорию ремесленников как «элемент для образования наемного труда в собственном смысле».⁶¹ Наемные рабочие гумилиатских мастерских приходят сюда не в качестве поденщиков, а как постоянные наемные труженики, не имеющие ничего, кроме своих рабочих рук, своей профессиональной выучки. В цехе XIII в. поденщики составляли второстепенный элемент, у гумилиатов они приобретают значительное место, несмотря на всю специфику условий, создающихся в производственной деятельности религиозных орденов.

Таким образом, в гумилиатском сукноделии впервые, хотя и в небольших масштабах и своеобразных формах, начинается история наемного труда в собственном смысле слова, что свидетельствует о возникновении условий для его зарождения во Флоренции и других развитых центрах Тосканы и Романьи. В то же время гумилиатское сукноделие еще не представляет собой мануфактурного производства.⁶²

Доказательством наличия этих условий во Флоренции является то, что после падения гумилиатского сукноделия во Флоренции, с конца 80-х годов XIII в., особенно в связи с известным постановлением 1289 г., которое фактически положило начало ликвидации там крепостного права, начинается массовое освобождение крестьян. Это привело к значительному возрастанию количества свободных рабочих рук. Наряду с разоряющимися ремесленниками они составили значительную, по фло-

⁶¹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 49. 1 21

⁶² Некоторые западноевропейские историки не находят качественного различия между структурой гумилиатского сукноделия XIII в. и сукнодельческих мануфактур XIV в. Примером тому служит работа Лабанда: E. R. Labande. L'Italie de la Renaissance, стр. 136—149. Можно согласиться с Н. Родолико, когда он говорит о накоплении технического опыта в гумилиатских сукнодельческих мастерских, что подтверждается улучшением качества сукна, производимого ими из местной шерсти, а также с тем, что гумилиаты подтолкнули развитие флорентийского сукноделия (N. Rodolico. Storia degli Italiani, стр. 94). Однако Родолико ничего не говорит о характере гумилиатского сукноделия и роли наемных рабочих в гумилиатских мастерских.

⁵⁴ R. Davidsohn, Bd. I, стр. 69—76; A. Doren. Entwicklung und Organisation der florentiner Zünfte, стр. 75—91; A. Doren. Die florentiner Wollentuchindustrie, стр. 28—40.

⁵⁵ L. Zanoni. Материалы Цанони использованы в работе Л. П. Карсавина: Очерки религиозной жизни в Италии XII—XIII веков, стр. 271—275 и сл.

⁵⁶ Л. П. Карсавин, стр. 282—283.

⁵⁷ Там же, стр. 274—275.

⁵⁸ A. Doren. Die florentiner Wollentuchindustrie, стр. 33—34.

⁵⁹ «...panni, qui dicuntur Humiliati» (L. Zanoni, стр. 575).

⁶⁰ «...laborabant et faciebant laborari pannos de lana cujusque generis et coloris» (Л. П. Карсавин, стр. 275).

рентийским масштабам, прослойку населения, которая с конца XIII—начала XIV в. стала источником наемной рабочей силы и сыграла определенную роль в истории ранней флорентийской мануфактуры.

О постепенном расслоении цеха и выделении особой, занимающей все более важное место, категории наемных рабочих свидетельствуют уставы текстильных цехов Флоренции. Наиболее характерный в этом отношении цех — корпорация шерстяников (Лана). Сохранившийся устав цеха Ланы относится к 1317—1319 гг.⁶³ и, таким образом, дает возможность исследовать интересующий нас вопрос только до начала XIV в. Материалы, касающиеся цеха шелкоткачей (Сэта), дают возможность проследить эволюцию категории наемных рабочих на протяжении XIV и XV вв., так как уставы этого цеха сохранились начиная с 1335 г. с дополнениями и изменениями к нему вплоть до 1578 г.,⁶⁴ однако нужно иметь в виду, что Сэта приобретает большое значение лишь в XV в. Уставы цеха продавцов старых суконных и льняных тканей относятся к 1296—1340 гг.⁶⁵ и несколько дополняют уставы цехов Ланы и Сэты по интересующему нас здесь вопросу.

Таким образом, все эти уставы дают материал главным образом для конца XIII — начала XIV в. и лишь частично XV в. и характеризуют самую начальную стадию развития прослойки наемных рабочих, приобретающих со второй трети XIV в. важнейшее значение в хозяйственной жизни Флоренции.

Как мы уже видели, несмотря на свою специфику, итальянский цех XIV—XV вв., с чисто юридической точки зрения, имел внешнее сходство с обычным средневековым западноевропейским цехом. В конце XI—начале XII в., когда цехи в Италии только зарождались и укреплялись, и даже на всем протяжении XII и XIII вв. они в значительной мере не только внешне, но и по сути были типично средневековыми цехами.⁶⁶ К концу XIII в. в них начинается резкая материальная и социальная дифференциация, которая в XIV в. приводит к разложению цеха. Это разложение представляло собой подспудное, глубинное явление, не затрагивавшее пока внешних традиционных форм, исходивших из давних общинных традиций.

⁶³ Statuto della Lana di Firenze.

⁶⁴ Statuto della Seta.

⁶⁵ Statuto dei rigattieri.

⁶⁶ Мы не обращаемся в нашей работе ко всему комплексу вопросов, связанных с эволюцией цеха в Перудже, Сьене и Флоренции и рассматриваем лишь одну, хотя и весьма существенную сторону его развития. Для этого мы пользуемся недостаточно изученными в этом направлении уставами цехов, оставляя в стороне многие работы по истории цехов.

Итальянские текстильные цехи XIV—XV вв. в определенной степени можно сравнить, в отношении сохранения внешних форм, с общиной — маркой периода разложения, когда общность и традиционное равенство в значительной мере стали уже пережитком былых времен.

В XIV в. также существовали все традиционные цеховые обычаи и названия (мастера, подмастерья, ученики), однако по своему содержанию они уже не являлись типично средневековыми, во всяком случае в текстильных цехах. Те же три категории, о которых говорит Луццато, обращаясь к XII в. (мастер — maestro, подмастерья — socii, laborantes, ученики — discipuli),⁶⁷ мы находим и в уставах XIV—XV вв. Однако все эти категории прошли долгий путь развития и претерпели существенные изменения. Цех давно уже перестал быть корпорацией мастеров, равных по своим правам. Среди мастеров образовались две категории: мастера — полноправные члены цеха, и мастера, частично пользующиеся этими правами. Первая категория — это «добрые и законные люди цеха», «истинные шерстяники» («bonos et legales homines dicte artis», «veri lanifices»),⁶⁸ или полноправные члены цеха Por Santa Maria — шелкоткачи (setaiuoli)⁶⁹ (рис. 3). Вторая категория обычно составлялась из других групп однохарактерных профессий, входивших в цех в качестве коллективных членов (membra). Обычно исследователи включают в число membra лишь второстепенные категории членов цеха, пользовавшихся частью прав по уставу. Так делают А. Дорен,⁷⁰ за ним П. П. Фридолин,⁷¹ в наше время — П. Лейхт, Ф. Вальсекки.⁷² Последний говорит о том, что объединенные в membra пользовались лишь частичными правами, например выдвигали ограниченное число представителей в руководящие органы цеха или межцеховые организации. В действительности, уставы цехов именуют membra все категории цеха, включая и полноправную, ведущую. Например, цех шелкоткачей ко времени восстания чомпи состоял из 5 membra, в том числе и ведущей полноправной профессии (membro setaiuologum),⁷³ которая во всех случаях при перечислении в уставе

⁶⁷ G. Luzzatto, стр. 243

⁶⁸ Statuto della Lana di Firenze, l I, cap. I, стр. 14 (1317 г.); в скобках здесь и далее дается год написания устава или дополнения к нему.

⁶⁹ Statuto della Seta, cap. IV, стр. 329 (1377 г.); cap. IIb, стр. 338 (1384 г.).

⁷⁰ A. Doren. Das florentiner Zunftwesen, стр. 670 и сл.

⁷¹ П. П. Фридолин. Флорентийские цехи, стр. 88.

⁷² P. S. Leicht, стр. 159; F. Valsecchi, стр. 28.

⁷³ Statuto della Seta, cap. I, стр. 331—332 (1378 г.). Историк цеха Сэты Умберто Дорини считает, что Сэта стала главным членом корпорации цеха Por Santa Maria лишь с самого конца XIV в. (U. Dorini. L'arte della seta in Toscana, стр. 12).

membra идет на первом месте. Лишь позднейшая традиция сохранила за второстепенными ремеслами, включенными в цех, название membro или membra. Важнейшей чертой во всем этом является четкое расслоение членов цеха Сэты к началу XV в. на полноправных членов цеха или крупных шелкоткачей (membro della seta, cioè setaiuoli grossi), старших или крупных членов цеха (maiorum membrum, membro grosso),⁷⁴ и второстепенных, неполноправных членов цеха Por Santa Maria. Независимо от специфики построения этого цеха, куда входили мастера смежных, а частично и особых профессий, главной чертой в жизни цеха являлось разделение всех membra на полноправных и неполноправных.

Расслоение в цехе приводило не только к разделению на две категории членов цеха — мастеров (полноправных и неполноправных), но и к размежеванию среди полноправных, формально равных мастеров ведущей профессии.

В 1317 г. в уставе цеха шерстяников было зафиксировано правило, согласно которому консулами цеха могли быть избраны «добрые и законные члены цеха, шерстяники, производящие в год более ста кусков флорентийского сукна».⁷⁵ Восемь консулов цеха избирались на два года из состава этой наиболее зажиточной верхушки всеми мастерами цеха, включая тех, которые производят менее 100 кусков сукна в год. Опираясь на цифровой материал хроники Дж. Виллани, можно подсчитать, что в 1300 г. одна флорентийская мастерская вырабатывала в среднем 333 куска сукна в год, а в 1336—1338 гг. — 400 кусков.⁷⁶ В 70-х годах XIV в. отдельные крупные мастерские Флоренции, по свидетельству хрониста Б. Питти, изготавливали до 1100 кусков сукна в год.⁷⁷ Таким образом, дифференциация

среди мастеров, зафиксированная уставом 1317 г., усиливается ко времени городских восстаний 70-х годов XIV в., хотя начинает проявляться она с первых десятилетий XIV в., когда наряду с шелкоткачами, которые именуются крупными членами цеха (membri grossi), появляются шелкоткачи, которые в уставе получают название мелких членов цеха (membri minuti);⁷⁸ они составляют как бы особый цех мелких шелкоткачей (l'arte della seta minuta).⁷⁹ Membri minuti, или младшие шелкоткачи (setaiuoli minori), продавали шелковые ткани лишь в розницу, в то время как membri grossi, старшие шелкоткачи (setaiuoli maggiori), экспортировали крупные партии товара.⁸⁰ Естественно, что с течением времени старшие шелкоткачи начали заниматься лишь распределением работы среди младших шелкоткачей:⁸¹ первые превращаются в работодателей, вторые — в зависимых ремесленников. Такие ремесленники получали сырье (пряжу) только от старших шелкоткачей и не имели права приобретать его сами; ткачу воспрещалось производить обработку материала за свой счет.⁸² Производство шелковых тканей находилось целиком в руках старших шелкоткачей, которые выступали в качестве владельцев капитала и сырья, организуя производственный процесс. Мелкий ремесленник терял свою самостоятельность. Потеря средств производства, переход ткацкого станка во владение хозяина — старшего шелкоткача, превращала этих ремесленников в наемных рабочих шелкоткачой мануфактуры.

Одним из проявлений усиления дифференциации внутри цеха шелкоткачей, способствующим образованию прослойки наемных рабочих, является рост задолженности определенной части членов цеха. В цехе велась специальная книга, именуемая «зерцалом» (specchio), в которую в алфавитном порядке вносились имена всех должников — членов цеха; записанные в «зерцало» не могли быть избраны на какую-либо должность в цехе.⁸³ Нужно учесть, что еще в XIV в. невозвращение долга каралось штрафом в 10 лир,⁸⁴ неуплата долга и штрафа каралась взыска-

⁷⁴ Statuto della Seta, cap. IV, a, c, стр. 393—394 (1404 г.); cap. IX, a, стр. 496—497 (1429 г.); cap. XII, стр. 499—500 (1429 г.).

⁷⁵ «... bonos et legales homines dicte artis, lanifices facientes anno... centum pannos florentinos ultra...» (Statuto della Lana di Firenze, l. I, cap. I, стр. 15).

⁷⁶ G. Villani, l. XI, cap. XCIV, стр. 324—325.

⁷⁷ B. Pitti, стр. 15—16. В. В. Стоклицкая-Терешкович, ссылаясь на устав цеха Ланы, но не указывая главу и статью устава, говорит о том, что «эти статуты указывают также, что были мастерские, вырабатывавшие свыше 1000 кусков в год, и такие мастерские, выработка которых не достигала 100 кусков в год» (В. В. Стоклицкая-Терешкович, стр. 342). А. Н. Чистозвонов, основываясь на этом, пишет, что В. В. Стоклицкая-Терешкович «на основании разбора статутов „Лана“ показала, что объем продукции суконщиков — членов „Лана“ — колебался от 1000 до 100 и менее кусков в год» (А. Н. Чистозвонов, стр. 369). В указанной статье В. В. Стоклицкой-Терешкович нет разбора статутов, а лишь общая ссылка на устав. Цифра «100 кусков», на основании разбора статутов Ланы, была показана еще А. Дореном в 1908 г. (A. Doren, Das

florentiner Zunftwesen, стр. 283—284). В советской исторической литературе об этом писал, ссылаясь на Дорена, П. П. Фридолин в 1928 г. (П. П. Фридолин, Флорентийские цехи, стр. 89). Цифра «1000 сукон», как сказано, может быть установлена не на основании устава, а по хронике Б. Питти о чем писалось еще в 1951 г. (см.: В. И. Рутенбург, Очерк, стр. 124).

⁷⁸ Statuto della Seta, cap. IX, a, стр. 496—497 (1429 г.).

⁷⁹ Там же, cap. IX, стр. 452 (1418 г.).

⁸⁰ U. Dorigi, L'arte della seta in Toscana, стр. 12—13.

⁸¹ Там же, стр. 31.

⁸² Там же, стр. 30.

⁸³ Statuto della Seta, cap. I, стр. 448 (1418 г.); cap. IV, стр. 465 (1422 г.).

⁸⁴ Там же, cap. XLI, стр. 66 (1335 г.).

нием еще более крупной суммы (50 золотых флоринов). И, наконец, если должник не уплачивал всего этого, он должен был отдать кредитору свое имущество.⁸⁵ Таким образом, запутавшиеся в нарастающих долгах теряли самостоятельность и разорялись, переходя в зависимое положение.

В шелкоткацком, а особенно в сукнодельческом цехах не только создавались условия для образования прослойки наемных рабочих, но и происходил процесс создания и роста этой категории городского населения. Создается прослойка людей, именуемых «рабочими» (*laboratores* или *lavoranti*). Ученики (*discipoli*) и подмастерья (*fattori*) постепенно сближаются с *lavoranti*.

В шелкоткацком цехе этот процесс происходит на протяжении всего XIV в. и лишь к XV в. достигает достаточной выразительности. Об учениках, подмастерьях, рабочих и работницах уже в 30-х годах XIV в. говорят, как о людях, имеющих одинаковое или близкое правовое положение. Например, мастер не имеет права принимать к себе рабочего, ученика или подмастерья (*laborantem, discipulum vel factorem*), работающих у другого мастера и почему-либо пожелавших его покинуть.⁸⁶ В уставе говорится: «... Рабочим, работницам, ученикам и подмастерьям какого-либо купца или мастера названного цеха» («... *laborantes, laboratrices, discipuli et factores cuiuscumque mercatoris vel magistris dicte artis*»)⁸⁷ Всех их резко противопоставляют мастерам, хозяевам: устав объявляет учеников, подмастерьев, рабочих и работниц в равной степени ответственными перед консулами цеха, которые решают все спорные вопросы, возникающие между ними и мастерами.⁸⁸

Правовое сближение этих категорий в шелкоткацком цехе дает основание предполагать, что в основе его лежит социальная близость этих категорий. Ученики и подмастерья по условиям своего существования приближаются к положению наемных рабочих (*laborantes*), состоящих на оплате (*salario*). Особенно это касается учеников (*discipuli*), которые теряют возможность стать мастерами Подмастерья (*factores*), не представляющие, как об этом уже было сказано, в итальянском цехе значительной прослойки, опускаются до положения наемных рабочих, а незначительная их часть превращается к XV в. в надсмотрщиков, которые носят то же наименование (*factores, fattori*).

В XV в. *fattore* не ставится на одну доску с зависимыми от цеха и выполняющими его заказы шелкоткачами (*tessitori*). Он защищает интересы хозяина — владельца мастерской (*setaiuolo*) и называется его фактором (*suo fattore*).⁸⁹

Ученики XV в. состоят на денежной оплате, как и наемные рабочие и именуются «ученики на жалованьи» (*discipoli a salario*).⁹⁰

Процесс сближения таких категорий, как ученик и рабочий, в конечном итоге превращающий ученика в наемного рабочего, наблюдается также в родственном Лане и Калимале цехе по починке и продаже суконных и льняных тканей (*arte dei rigattieri e lainaioli*), которому известны такие производственные процессы, как катанье и окраска тканей. Многие статьи устава рассматривают ученика и рабочего (*discipulum vel laborantem*) как сходные категории и предъявляют им одинаковые требования.⁹¹ Это же мы наблюдаем и в цехе шерстяников.⁹²

Еще в большей степени процесс правового и социального сближения учеников, подмастерьев и рабочих заметен в цехе шерстяников, где он проходил гораздо раньше.

Статьи устава цеха шерстяников, относящегося еще к 1317 г., рисуют картину сближения этих трех категорий: все они работали на своего хозяина — мастера, получали от него аванс или даже заем. Все они — подмастерье, ученик, шерстобит, чесальщик или чесальщица, или другие рабочие цеха Ланы (*factor, discipulus, battitor, pettinator, vel pettinatrix, vel alii laborantes aut operatores artis lane*) — не могут покинуть своего хозяина, не отработав полагающийся срок.⁹³ За нарушение этого правила они подлежат штрафу одного и того же размера (10 лир), что говорит о сходстве в их материальном положении.

Категория подмастерья (*factor*) в цехе шерстяников к середине XIV в. почти исчезает: значительная их часть переходит в категорию наемных рабочих (*laboratores*); верхушка, за которой только и сохраняется название «фактор», превращается в категорию надсмотрщиков над наемными рабочими, каким стал, например, накануне восстания чомпи Микеле ди Ландо.⁹⁴

Категория учеников (*discipuli*) уравнивается по своему положению с категорией наемных рабочих: все они, как рисуют нам статьи устава, «шерстобиты, стригальщики и все рабочие и уче-

⁸⁵ «... dare a creditoribus e' beni in pagamento per la satisfatione...» (там же, сар. XLII, прим. 2 стр. 71).

⁸⁶ Там же, сар. CXI, стр. 138 (1335 г.).

⁸⁷ Там же, сар. III, стр. 216 (1344 г.).

⁸⁸ «... inter ipsos magistros et alios, factores et discipulos et laborantes» (там же, сар. LVI, с. стр. 83—84).

⁸⁹ Там же сар. II, стр. 425 (1412 г.).

⁹⁰ Там же, сар. I, стр. 678; сар. IV, стр. 679 (1489 г.).

⁹¹ Statuto dei rigattieri, сар. XLVII, стр. 73.

⁹² Statuto della Lana di Firenze, сар. XL, стр. 127 (1317 г.).

⁹³ Там же, I, III, сар. II, стр. 147—148.

⁹⁴ M. Stefani, rubr. 796.

ники» работают поденно, поднимаясь на работу по звону колокола; за всеми ними следят надсмотрщики и т. д.⁹⁵

Эти процессы происходили постепенно и не обозначали абсолютного исчезновения категории учеников и подмастерьев. Первые в относительно большем количестве, вторые — в меньшем сохранялись и на протяжении XIV и XV вв., но не составляли главных участников производственного процесса в текстильных цехах. О них говорят цеховые уставы Ланы, Сэты и других корпораций, но все внимание уставов шерстяников в XIV в., а шелкоткачей в XV в. сосредоточено на главной фигуре производственного процесса — на наемном рабочем.

В шелкоткацком цехе к категории зависимых ремесленников, которые в XIV в. переходят на положение наемных рабочих, состоящих на оплате у хозяев, относились красильщики, прядильщики, ткачи и другие, именуемые *lavoranti* или *operantes*.⁹⁶

В XV в. *lavorante* и *fattore* не являются в какой-либо мере близкими по условиям своего существования и по своим правам категориями: *lavorante* — это ткач (или ткачиха), получающие плату за труд, а *fattore* — уже не подмастерье, а надсмотрщик, противостоящий *lavorante*, о чем можно судить по некоторым статьям устава Сэты.⁹⁷

Наемных рабочих в системе Сэты в XV в. становится много в самой Флоренции и в ее округе.⁹⁸ Это — ткачи, сновальщики, красильщики и другие (устав называет не менее семи профессий).⁹⁹

В шерстоткацком цехе такая же картина наблюдалась в более ярко выраженной форме, а значительное расширение прослойки наемных рабочих происходило почти на целое столетие раньше.

Еще до расцвета шерстоткацкой промышленности в 30-х годах XIV в., о котором сообщал Виллани,¹⁰⁰ во флорентийском цехе Ланы были «прядильщики и прядильщицы, ткачи и ткачихи, и многие другие рабочие, работающие от этого цеха».¹⁰¹

⁹⁵ «...battitores ad chamatum, tonditores buldronum et omnes laboratores et discipuli, qui morantur per diem, intrent ad laborandum certo modo et ordine, ad sonum campane...» (Statuto della Lana di Firenze, l. III, cap. XLII, стр. 178).

⁹⁶ Statuto della Seta, cap. LXXXLI, стр. 120—121 (1335 г.); cap. XVII—XVIII, стр. 255—256 (1352 г.).

⁹⁷ Там же, cap. II, стр. 425 (1412 г.).

⁹⁸ «...moltissimi lavoratori dello esercizio della seta fiorentini et del contado» (там же, cap. I, стр. 560), (1443 г.).

⁹⁹ Там же, cap. I, стр. 560 (1443 г.).

¹⁰⁰ G. Villani, l. XI, cap. 94, стр. 324—325.

¹⁰¹ «...filatores et filatrices, tessitores et tessitricas, et omnes alii laboratores de dicta arte» (Statuto della Lana di Firenze, l. I, cap. VIII, стр. 26, 1317 г.).

Некоторые категории «работающих от этого цеха» являлись самостоятельными ремесленниками и входили в цех. Это — красильщики (*tintores*), катальщики (*manganatores*), волочиальщики (*tiratores*), валяльщики (*gualcherarii*) и др.¹⁰²

Известное положение К. Маркса гласит, что широким основанием мануфактурного производства было городское ремесло и сельские побочные промыслы.¹⁰³ Это относится к мануфактурному периоду в целом, т. е. к XVI—XVIII вв. В такой же степени это относится к итальянской мануфактуре XIV—XV вв.

Наемные рабочие были не единственным, хотя и значительным отрядом тружеников в итальянской мануфактуре XIV—XV вв. Другую часть трудящихся, обслуживавших итальянскую мануфактуру XIV—XV вв., составляли городские ремесленники (красильщики, ткачи) и сельские жители городской округи, занимавшиеся побочными промыслами (прядильщики). Об их месте в Перудже и Сьене мы уже говорили.¹⁰⁴

Наиболее рельефно превращение самостоятельных ремесленников в quasi-самостоятельных, а затем в наемных рабочих происходит во Флоренции.

Красильщики (*tintori*) представляли собой ремесленников, которые в течение длительного периода были объединены в замкнутые корпорации, игравшие большую роль в текстильном производстве, в системе Ланы, Калималы и Сэты. Бдительное сохранение секрета окраски и сложность этого процесса делали профессию красильщиков почетной и весьма ценной,¹⁰⁵ а сравнительно дорогое оборудование красильной мастерской (80 и более флоринов) предполагало наличие значительного капитала у владельца такой мастерской. К тому же в мастерской красильщика работало несколько (4—5) подмастерьев или наемных рабочих. Во Флоренции было три типа красильщиков, в зависимости от способов и видов окраски.

К началу XIV в. эта категория ремесленников прошла значительную эволюцию. Например, во Флоренции, в связи с возрастанием экономической и политической роли цеха Ланы, объединения красильщиков потеряли самостоятельность и были подчинены владельцам сукнодельческих мастерских системы Ланы. Из самостоятельных предпринимателей они превратились в ремесленников, подчиненных шерстяникам.

Даже до своего полного подчинения текстильным цехам красильщики должны были вносить ежегодный крупный залог

¹⁰² Там же, l. II, cap. XIII, стр. 106—109 (1317 г.).

¹⁰³ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 376.

¹⁰⁴ См. выше, стр. 13—16, 20—22.

¹⁰⁵ Переселение красильщика в другой город каралось высоким штрафом, достигавшим 200 лир.

(в цехе Ланы — 200 лир, в цехе Калималы свыше 300 флорин) в качестве гарантии за хорошую работу, при условии обслуживания исключительно этих цехов.¹⁰⁶ Красильщики, подчиненные цеху Сэты, также должны были работать только на членов этой корпорации.¹⁰⁷ Красильщики обязаны были производить окраску за плату, установленную цехом. Консулы цеха Ланы назначали двух членов цеха, которые специально наблюдали за качеством окраски сукон и при обнаружении дефектов налагали штрафы, что вело к снижению заработной платы (*ad diminutione salarii*).¹⁰⁸ В 1342 г. красильщики обратились с просьбой освободить их от ярма шерстяников, заявляя, что последние оплачивают их работу частями, задерживая тем самым выплату всего заработка на 4—5 лет.¹⁰⁹ Красильщики были в полной зависимости от шерстяников: они не имели права держать у себя собственный запас красителей и должны были приобретать их исключительно на складе цеха Ланы.¹¹⁰

Включение красильщиков в цех Ланы обозначало ликвидацию самостоятельных объединений красильщиков, их права в цехе шерстяников не шли дальше замещения определенного количества цеховых должностей. Последнее скорее относится к верхушке красильщиков, в то время как основная их масса вынуждена была приобретать оборудование и красители на средства, отпущенные в виде ссуды владельцами сукнодельческих мастерских. Дорен подчеркивает, что, хотя «красильщики и не были целиком вытеснены в ряды пролетариев», их положение начало приближаться к этому, несмотря на сохранение некоторой их привилегированности.¹¹¹ Это подтверждается как опубликованными, так и неопубликованными источниками.¹¹² Такую же эволюцию проходят и красильщики цеха Сэты, хотя он в XIV в. играет еще второстепенную роль в экономике итальянских городов.

Таким образом, происходит процесс превращения самостоятельных товаропроизводителей в зависимых и эксплуатируемых ремесленников, стоящих на грани превращения в наемных рабочих.

¹⁰⁶ N. Rodolico. Il Popolo minuto, doc. № 1, стр. 131—132; S. L. Peguzzi, стр. 94. Эти данные впервые введены в научный оборот указанными историками и подтверждаются изданными впоследствии уставами цехов.

¹⁰⁷ Statuto della Seta, cap. II, a, стр. 407 (1411 г.).

¹⁰⁸ Statuto della Lana di Firenze, l. I, cap. XIII, стр. 28—29.

¹⁰⁹ N. Rodolico. Il Popolo minuto, стр. 32.

¹¹⁰ Statuto della Lana di Firenze, l. I, cap. XV, стр. 72—75; cap. XLI, стр. 79.

¹¹¹ A. Doren. Die florentiner Wollentuchindustrie, стр. 286—301.

¹¹² См.: В. И. Рутенбург. Очерк, стр. 138—144.

Приближение их к этой категории объясняет причину активного участия красильщиков в движении 70-х годов XIV в., направленного против шерстяников-предпринимателей.

В то же время сохранение в руках красильщиков всех или части средств производства характеризует их как частных собственников-товаропроизводителей и во многом объясняет их двойственное поведение на решающем этапе этой борьбы — в переходный период восстания чомпи.

Ткачи (*tessitori*) представляют собой большую группу городских ремесленников, которые в течение XIV в. попадают в полную зависимость от владельцев сукнодельческих мастерских системы Ланы, Сэты и Калималы. Им запрещали работать на собственный счет, выполнять работу нечленов текстильных цехов и получать сырье не от членов этих цехов, бросать работу до окончания заказа, под который выдана ссуда.¹¹³ Вскоре масса ткачей теряет главную основу своей самостоятельности — собственность на ткацкий станок: он становится собственностью хозяина-сукнодела или остается ему в заклад. Ткач становится не столько продавцом своего продукта, сколько продавцом своей рабочей силы. Только часть ткачей сохранит собственность на станок и будет пользоваться услугами подмастерьев или наемных рабочих, но их становится все меньше. Положение итальянских ткачей особенно ухудшается с середины XIV в. в связи с наплывом в Италию фламандских и брабантских ткачей. В поисках работы ткачи, еще владевшие собственными средствами производства, закладывают свои станки хозяевам-сукноделам и попадают в зависимость от них. Процент самостоятельных ремесленников-ткачей все уменьшается. В Венеции шелкоткачи не имели права продавать свою продукцию, они ее должны были сдавать купцам.¹¹⁴ В Милане к концу XIV в. ткачи и другие непосредственные производители были подчинены купцам-сукнонщикам.¹¹⁵

Значительную часть ткачей составляли женщины (*tessitrici*).¹¹⁶ Свидетельством тому являются, например, сукнодельческие мастерские Франческо ди Марко Датини, в архиве которых сохранилось пять рукописных книг «ткачей и ткачих» (*tessitori e tessitrici*) с 1383 г. по 1396 г.¹¹⁷ Дорен образно называл итальянских ткачей XIV—XV вв. «пролетариатом на дому».¹¹⁸

¹¹³ Statuto della Seta, cap. I, стр. 425.

¹¹⁴ R. B. D'Ajano Die venetianische Seidenindustrie, стр. 33.

¹¹⁵ T. Zerbi. Aspetti economico-tecnici, стр. 21—27.

¹¹⁶ A. Doren. Die florentiner Wollentuchindustrie, стр. 260—281.

¹¹⁷ Inventario dell'Archivio Datini, №№ 868, 873F, 874—876 (старая нумерация).

¹¹⁸ «...proletarische Heimarbeiter» (A. Doren. Die florentiner Wollentuchindustrie, стр. 260).

К 70-м годам XIV в., когда развитые города Италии были охвачены восстаниями, ткачи в своей главной массе фактически уже превращались в наемных рабочих.

Прядильщики (filatori) представляли собой главным образом сельских жителей городской округи, среди которых весьма многие занимались этим ремеслом в качестве побочного промысла. Как правило, прядением занимались сельские женщины (filatrici). Такова, например, Бельколора из деревни Варлюнго под Флоренцией, о которой повествует Дж. Боккаччо. В конце недели она сдает хозяину пряжу, выработанную из хозяйского сырья.¹¹⁹ Количество прядильщиц было весьма велико и, очевидно, не уступало количеству ткачей, о чем также можно судить по рукописным книгам прядильщиков сукнодельческих мастерских Датины. Этим книг только с 1383 по 1399 г. насчитывалось пять.¹²⁰ По данным архива Датины, прядильщики были одной из наиболее многочисленных профессий: например, в выработке партии сукна (6 кусков) в Прато в 1396 г. участвовали 14 шерстобитов, 40 чесальщиков шерсти, 123 прядильщицы и т. д.¹²¹

Сновальщики Сэты могли получать шелк-сырец только у членов этого цеха.¹²² Прядильщики Ланы получали готовую для прядения шерсть от владельцев сукнодельческих мастерских через их факторов, которые контролировали работу прядильщиков и, получая от них готовую пряжу, производили оплату работы, нередко обсчитывая их. Уставы запрещали что-либо платить прядильщикам до выполнения всей работы.¹²³ Многие прядильщики, будучи сельскими жителями, в период бурного роста города в XIV в. оказались живущими в городской черте. У Дж. Боккаччо мы встречаем такую городскую прядильщицу — «дочь бедняка по имени Симона», которой «приходилось зарабатывать хлеб на пропитание собственными руками, занимаясь прядением шерсти». Шерсть для пряжи ей доставляет фактор-раздатчик, в обязанности которого входит также бдительное наблюдение за тем, «чтобы хорошо прядли шерсть его хозяина».¹²⁴ У сельских прядильщиц их ремесло было побочным промыслом, хотя и крайне необходимым, что видно из примера с той же боккаччевской Бельколорой, у которой заложено единственное праздничное платье и праздничный

пояс мужа, и они не могут «появиться ни в церкви, ни в другом приличном месте».¹²⁵

Для городских прядильщиц типа боккаччевской Симоны их ремесло, как правило, является не побочным промыслом, а основным источником их существования.

Прядильщики представляли собой в итальянской сукнодельческой мануфактуре зависимых эксплуатируемых ремесленников домашней промышленности, интересы которых во многом совпадали с интересами наемных рабочих.

Близко к прядильщикам стояли ремесленники, перерабатывавшие сырую шерсть в пряжу (stamanioli, stamaiuoli). Если вначале они выступали в качестве полусамостоятельных раздатчиков готовой шерсти прядильщикам, то к середине XIV в. они уже целиком попали в зависимость от сукноделов Ланы и потеряли свою самостоятельность.¹²⁶

Таким образом, многие категории ремесленников в XIV в. теряют свою самостоятельность, попадают в зависимость от хозяев-сукноделов, становятся наемными рабочими или приближаются к этому состоянию. Часть из них сохраняет остатки своей самостоятельности и входит в цех Ланы в качестве его второстепенных членов (красильщики, валяльщики и др.), большинство же их становится эксплуатируемой внецеховой массой, интересы которой близки, но не всегда точно совпадают с интересами чомпи.

В цехе Ланы все более расширялась категория наемных рабочих. Уже в 1317 г. около 10 категорий, «работающих от этого цеха», не входили в него и являлись наемными рабочими, работающими на поденной оплате (pro diurno pretio operanti).¹²⁷ Это — шерстобиты (battitori), чесальщики и чесальщицы (pettinatori vel pettinatrici), трепальщики шерсти (vergheggiatori), сортировщики (sceglitori) и др.¹²⁸ Количество профессий этой категории к середине XIV в., ко времени движения Чучо Брандини, все более расширяется, растет число наемных рабочих. Еще в 30-х годах XIV в. среди общей массы тех, кто, как говорил Виллани, «жил этим» (т. е. сукноделием) и которых он насчитывал до 30 тысяч человек,¹²⁹ было много тысяч наемных рабочих. Во время восстания чомпи в сукноделии работало не менее 9 тысяч человек, а на сходки собиралось до 5 тысяч.

¹¹⁹ G. Vossassio. Il Decameron, giorno VIII, nov. II, стр. 621—624.
¹²⁰ Libri dei tessitori. №№ 868A, 869E, 870F, 872A (старая нумерация).
¹²¹ F. Melis, стр. 1—72.

¹²² Statuto della Seta, cap. II, a, стр. 407.

¹²³ Statuto della Lana di Firenze, cap. I—III, стр. 149.

¹²⁴ G. Vossassio. Il Decameron, giorno IV, nov. VII, стр. 381.

¹²⁵ Там же, стр. 624.

¹²⁶ A. Doren. Die florentiner Wollentuchindustrie, стр. 245—248.

¹²⁷ Statuto della Lana di Firenze, l. II, cap. XLVIII, стр. 132 (1317 г.).

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ G. Villani, стр. 324—325.

В трех, вновь образованных во время восстания чомпи, цехах работало около 13 тысяч человек¹³⁰

По своему социальному положению категория наемных рабочих все больше уходит от близких ей в начале века других «работающих от цеха» и являющихся членами цеха. В период восстания чомпи эта рознь достигла кульминационной точки, что было одной из главных причин поражения чомпи.

Процессы, происшедшие в недрах флорентийских текстильных цехов, способствовали созданию широко разветвленной и пустившей глубокие корни системы рассеянной мануфактуры. Имущественное и социальное расслоение в цехе способствовало социальной поляризации различных категорий цеха: полноправные члены цеха становились предпринимателями, объединяющими свои силы и средства в торгово-промышленных компаниях,¹³¹ верхушка подмастерьев переходила в надсмотрщики (fattoni), а большая их часть вместе с учениками (discerpoli) опускалась до положения наемных рабочих (sottoposti). В этом и состояла сущность разложения цеха, которое во Флоренции происходило быстрее и рельефнее, чем в Сьене: текстильные цехи из феодальных экономических ячеек фактически превращались в раннекапиталистические. Крупные компании второй половины XIV в., занятые главным образом производством сукон, подчиняли себе мелкие заведения цеховых и внецеховых ремесленников,¹³² а также теряющих всякую самостоятельность ремесленников домашней промышленности в городе и деревне.¹³³ Многие из них фактически превращались в наемных рабочих, а в рамках крупных промышленных компаний, как мы об этом уже говорили ранее,¹³⁴ намечались контуры мануфактурного производства централизованного типа, первые черты которого проявлялись в деятельности таких компаний, как Питти, Датини, Дель Бене и им подобные.¹³⁵

В этих условиях во Флоренции XIV в. создается многотысячная прослойка наемных рабочих, именуемых здесь sottoposti, состоящих на оплате (salarjati) у своих хозяев. Sottoposto стоит ниже не только любого члена цеха, даже

неполноправного, но и ниже попавшего в зависимость ремесленника. Последний еще обладает остатками самостоятельности как фактический или хотя бы номинальный владелец средств производства. Sottoposti не имеют ничего, кроме своих рук, которые они продают как товар. Sottoposti лишены всяческих прав, так как они выпадают из традиционной цеховой системы, дающей себя знать во всех проявлениях хозяйственной и политической жизни города-государства, в котором правительство составляется из представителей цехов, ибо разложение текстильных цехов не мешает сохранению внешних цеховых форм политической жизни Флоренции. Sottoposti поставлены вне какой-либо организации. Городские и цеховые власти бдительно следят за тем, чтобы они не объединялись под любым предлогом¹³⁶

Обращаясь к событиям восстания чомпи, Макиавелли в «Истории Флоренции» говорит о многочисленной прослойке sottoposti в 70-х годах XIV в., работавших на цех Ланы и представлявших собой низы города (plebe).¹³⁷ Такая прослойка образовалась в XIV в. не только в текстильных по преимуществу центрах, но и там, где сукноделие и шелкоткачество были второстепенными отраслями промышленности. Так, например, в Милане, где в XIV в. производились не только грубые, но и тонкие сукна, ремесленники, не попавшие в цех, становились наемными рабочими.¹³⁸ Эти низы города — наемные рабочие — были охарактеризованы К. Марксом как «поставленные вне закона пролетарии». К. Маркс имеет при этом в виду не сложившийся класс пролетариата, а крепостного крестьянина, который «эмансипировался здесь, прежде чем успел обеспечить за собой какое-либо право давности на землю» в связи с ликвидацией крепостничества.¹³⁹

В тех же условиях находились и ремесленники, недавно потерявшие средства производства. Обе эти группы сливаются в единую категорию наемных рабочих и, как говорит К. Маркс, «находят новых господ в городах»¹⁴⁰ — владельцев мануфактурных мастерских, продают единственный товар, которым они теперь владеют, — свои рабочие руки. Этим они делают первые шаги по пути перехода к капиталистическим производственным отношениям.¹⁴¹

¹³⁰ Cronaca Primo d'Anonimo стр 77, Processo per i fatti commessi nell' Agosto del 1378 dei Ciompi В кн N Rodolico. La democrazia fiorentina Append-dice, doc I стр 442

¹³¹ В И Рутенбург Очерк, стр 145

¹³² Там же, стр 138—144. Особенно яркий пример такого подчинения в деятельности компании Уццаво (Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР Зап.-европ. секция, 183/5, №№ 46 77, и др.; см. там же, стр 142—144).

¹³³ Там же, стр 144—145

¹³⁴ Там же, стр 138, 183

¹³⁵ Там же, стр 135—138

¹³⁶ N Rodolico La democrazia fiorentina, стр 115—116.

¹³⁷ N Machiavelli, стр 47

¹³⁸ T Zerbi Aspetti economico-tecnici, стр. 37.

¹³⁹ К Маркс Капитал, т. I, стр. 721.

¹⁴⁰ Там же

¹⁴¹ Наемные рабочие (sottoposti) Флоренции и других городов Италии нередко характеризуются как сложившийся класс пролетариата. Такую мо-

Положение наемных рабочих

Крестьяне, не имевшие и не закрепившие за собой «право давности на землю»,¹⁴² и лишившиеся средств производства ремесленники представляли собой дешевую рабочую силу для развивающейся текстильной промышленности итальянских городов.

Вчерашние крестьяне, не имевшие никакой квалификации, использовались на простых, не требующих особой сноровки, низкооплачиваемых работах (кипячение, промывание в речной воде, трепание шерсти, кипячение и промывание сукна и т. д.).

Вчерашние ремесленники, ставшие наемными рабочими или сохранившие некоторую самостоятельность, имели определенную квалификацию и использовались на более квалифицированных работах (пряжание, ткачество, чесание, окраска шерсти или сукна, валяние в глине и мыльном растворе, выглаживание и т. д.). Хозяева мануфактурных мастерских брали бывших ремесленников также на условиях дешевой оплаты, так как других источников существования у людей, полностью или частично потерявших средства производства, не было.

Таким образом, в результате социально-экономических сдвигов в ряде итальянских городов-государств там образовалась значительная прослойка населения, представляющая собой определенный резерв дешевой рабочей силы.

Дешевая рабочая сила была одним из главных рычагов, при помощи которых мануфактура обогнала цеховое производство

дернизацию допускали западноевропейские буржуазные ученые. Так, например, еще в начале XX столетия немецкий ученый А. Дорен говорил о наличии во Флоренции «промышленного пролетариата в специфическом смысле этого слова» (А. Doren. Die florentiner Wollentuchindustrie, стр. 397). Французский ученый Ж. Ренар также называл наемных рабочих Флоренции «настоящим пролетариатом» (G. Renard, стр. 289). Н. Оттокар уже в наши годы говорил о «пролетариате крупной капиталистической промышленности» во Флоренции XIV в. (N. Ottocar, стр. XV). В советской исторической литературе еще в 1920-х годах были подвергнуты критике модернизаторские положения Дорена, более четко охарактеризована прослойка наемных рабочих, однако терминология оставалась еще непоследовательной; наряду с термином «наемные рабочие» существуют и такие как «рабочие пролетарии», «флорентийский пролетариат» (П. П. Фридолин. Флорентийские цехи, стр. 88, 94; П. П. Фридолин. Восстание Чомпи, т. 4, стр. 15; т. 6—7, стр. 20). В 30—40-х годах эта терминология уточняется: их именуют «флорентийские рабочие» или используют термин К. Маркса — «поставленные вне закона пролетарии», т. е. наемные рабочие; (М. А. Гукровский. Кто был истинным руководителем восстания чомпи, стр. 189—190), «предпролетариат» (П. П. Фридолин. Восстание Чомпи. Тезисы, тезис XVII) и «внецеховые рабочие», «рабочие низы» (М. А. Гукровский. Итальянское Возрождение, стр. 175, 190).

¹⁴² К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 721.

по относительной дешевизне продукции, при значительном увеличении ее масштабов и улучшении качества. В «Дополнениях» к III тому «Капитала» Ф. Энгельс подчеркивает, что даже самое примитивное капиталистическое производство превосходит своей рентабельностью средневековое цеховое ремесло. Эти его преимущества исходят прежде всего из реальной возможности снижения заработной платы, увеличения прибавочной стоимости, получаемой сверх торговой прибыли, что ведет к значительному удешевлению себестоимости производимых товаров.¹⁴³

Именно поэтому зародившаяся в развитых городах мануфактура процветала благодаря наличию и эксплуатации дешевой рабочей силы. Владельцы мастерских — «жирные пополаны» — делали все возможное для выжимания из наемных рабочих прибавочной стоимости: вопросам заработной платы отводилось важнейшее место в цеховом и городском законодательстве. Вопросы более справедливой оплаты труда были также важнейшими пунктами программы восставших наемных рабочих.

Несмотря на это, некоторые буржуазные историки говорят о высоком уровне материального положения наемных рабочих в XIV—XV вв. Так, например, Перран, восторгаясь Флоренцией «жирного» народа и сравнивая ее с ульем, не забывает и его «рабочих пчел», как он сам называет трудящихся этого города. Явно не желая нарушать созданную им идиллическую картину цветущего города на Арно, он говорит о том, что «условия жизни трудящихся во Флоренции были более терпимыми, чем где бы то ни было в эти времена».¹⁴⁴

В действительности же новые методы эксплуатации привели к значительному ухудшению положения многих тысяч трудящихся промышленных городов Италии, что привело к целой серии восстаний наемных рабочих в XIV и начале XV в.

Поэтому, рассматривая вопрос о положении наемных рабочих и других близких к ним социальных прослоек города, прежде всего необходимо обратиться к данным о размерах оплаты труда и о реальной заработной плате в XIV—XV вв.

Как свидетельствует хроника Аччаюоли, 19 июля 1378 г. по приказу приоров Флоренции был арестован один из вожаков чомпи — Симончино, по прозвищу Конура (Bugigatto). На допросе он заявил, что мастера-шерстяники (maestri lanajuoli)

¹⁴³ Ф. Энгельс. Дополнения к третьему тому «Капитала». В кн.: К. Маркс. Капитал, т. III, 1953, стр. 918—919.

¹⁴⁴ F.-T. Perrens. La civilisation florentine, стр. 65—66.

«платят очень плохо, и за работу, за которую следует давать двенадцать, платят — восемь».¹⁴⁵

Может быть, низкая оплата труда наемных рабочих была явлением эпизодическим и относилась лишь к седьмому десятиетию XIV в. — годам войны и восстаний?

Требования тех же флорентийских чомпи, выступивших еще в первой половине XIV в. во главе с Чучо Брандини, говорят о низкой оплате наемных рабочих. Хронист, описывая ход событий, происходивших во Флоренции в мае 1345 г., заключает свой рассказ тем, что чомпи «также хотели, чтобы их лучше оплачивали».¹⁴⁶

Можно привести множество свидетельств, подтверждающих постоянные требования повышения заработной платы со стороны наемных рабочих. Нет сомнений, что они проистекают из условий низкого уровня материальной жизни, из того, что в XIV—XV вв. «реальная заработная плата поденщиков и чернорабочих, выполнявших наиболее тяжелую работу, была крайне низкой».¹⁴⁷

Обратимся к материалам, подтверждающим это положение. Прежде всего необходимо установить, что обозначают цифры «8» и «12», о которых говорил на допросе Симонччино.

С 1252 г. во Флоренции начали чеканить золотой флорин,¹⁴⁸ который к XIV в. занял в Западной Европе место международного денежного эквивалента.¹⁴⁹ Флорин был реальной золотой монетой, имевшей хождение. Разменная монета была различна по своему весу, названию и материалу; обычно это была серебряная и медная монета. Все расчеты в банковской, коммерческой и промышленной бухгалтерии¹⁵⁰ производились

¹⁴⁵ «... gli pagano molte male, e del lavoro che si viene dodici, ne danno otto» (А. Acciaiuoli, стр. 21).

¹⁴⁶ «... e anche voleano essere meglio pagati» (D. Velluti, стр. 148).

¹⁴⁷ Дж. Луддатто, стр. 418—419.

¹⁴⁸ Бесом в 3,54 г.

¹⁴⁹ В том же 1252 г. начали чеканить золотую монету в Генуе (genovino). Если даже дженовин появился ранее флорина, и Флоренция заимствовала опыт Генуи, как это ныне доказывается в литературе (R. S. Lopez, fasc. I, стр. 19—55; fasc. II, стр. 163—198), это не меняет сути дела и не снимает положения о ведущей роли флорина. В 1284 г. начали чеканить золотой дукат в Венеции, который затем получил наименование цехина (zecchino). В начале XIV в. приступили к чеканке золотой монеты в Милане (ambrosino).

¹⁵⁰ Элементы промышленной бухгалтерии появились вместе с развитием промышленности (во Флоренции с XIII в.). Выделение и оформление промышленной бухгалтерии в особую, отличную от коммерческой, систему учета происходит с начала XIV в. (компания Дель Бене во Флоренции) и четко определяется к середине XIV в. Для учета стоимости произведенных товаров определяется стоимость каждого производственного процесса. Например, у Дель Бене были: «Книги шерсти» («Libri delle lane»), «Книги рабочих» («Libri dei lavoranti»), «Книги красильщиков» («Libri dei tintori»). См.:

в лирах. Лира была расчетной единицей, состоявшей из 20 сольдов, сольд был равен 12 динарам. Соотношение между флорином и лирой менялось в зависимости от хозяйственной конъюнктуры. В период расцвета сукнодельческой промышленности во Флоренции, бурного строительства и быстрого роста населения¹⁵¹ лира была почти равна флорину: в 1317 г. 1 золотой флорин был равен 1 лире 9 сольдам (т. е. 29 сольдам),¹⁵² а в 1338 г. — 1 лире 10 сольдам 8 динарам (т. е. около 31 сольда).¹⁵³ В годы разорительных войн и падения промышленной деятельности серебряные и медные деньги обесценились: с 1373 г., в течение 7 лет, флорин был равен 3 лирам 16 сольдам,¹⁵⁴ т. е. 76 сольдам. В 1378 г. чомпи требовали установления твердого курса флорина в 68 сольдов (т. е. 3 лиры 8 сольдов). В 1419 г. во флорине насчитывалось 80 сольдов.¹⁵⁵ Из этого следует, что стоимость разменных денег с 30-х до 70-х годов упала, по крайней мере, вдвое.

Для определения размеров оплаты труда в XIV в. обратимся к одному из документов XIV в., хранящемуся в Государственном архиве Флоренции. Это — счета консулов цеха шерстяников с 1 января 1345 г. по 29 апреля 1346 г. Записи, произведенные сер Альбериго да Сеттимо, сообщают о том, что некий Занобио за обработку одного куска сукна из сырья низкого качества получил 8 марта 1345 г. 2 флорина 15 сольдов 6 динаров или 4 лиры 6 сольдов 6 динаров. Трудно определить, какие именно виды работ были исполнены и каким количеством человек, однако сами по себе размеры оплаты в абсолютных цифрах весьма показательны. Кузнец Нуто Лауренци за изготовление ключей и канделябров получил 1 лиру и за другие работы еще 3 лиры. Якопо за очистку колоколов получил 3 лиры. 26 апреля того же года за промывание шерсти в Арно и Муньоне выдано 37 лир 15 сольдов 4 динара. 2 января 1346 г. Ванни Кончи получил жалованье в 3 лиры и 10 сольдов и

E. Peragallo, стр. 38—50; T. Zerbi. Le origini della partita doppia. Образцом наиболее развитой системы промышленной бухгалтерии XIV в. являются книги компании Датини, хранящиеся в архиве Прато (Archivio Datini da Prato), из которых здесь мы имеем возможность использовать «Книгу рабочих» («Libro dei lavoranti», «N»), 1379—1386 (№ 259/861). «Книгу рабочих» («Libro dei lavoranti», «A»), 1395—1399 (№ 267/867) и «Тетрадь рабочих (шерсти)» («Quaderno dei lavoranti (di lana)», «D»), 1379—1385 (Archivio Datini da Prato, № 258/860).

¹⁵¹ G. Villani, l. XI, cap. XCI, XCII, XCIV, стр. 319—321, 323—325 и др.

¹⁵² Statuto della Lana di Firenze, l. III, cap. XXXVI, стр. 172.

¹⁵³ Libri dei Peruzzi, стр. 101.

¹⁵⁴ M. Stefani, rubr. 877, стр. 382.

¹⁵⁵ F. E dler, сто. 233.

столько же некий Бонуомини.¹⁵⁶ Эти данные архивных документов позволяют уточнить вопрос о соотношениях золотого флорина и лиры в 40-х годах XIV в.: в 1345—1346 г. в золотом флорине было около 43 сольдов. По сравнению с концом 30-х годов XIV в. произошло падение стоимости разменных медных денег почти в полтора раза.

Судя по записям того же цеха со 2 мая по 25 июня 1345 г.,¹⁵⁷ это жалованье исчислялось за месяц работы. При подсчете всех данных средний дневной заработок в 1345—1346 г. был равен 8 сольдам.¹⁵⁸

Вопрос о размерах оплаты наемного труда в итальянских городах не является новым, и в то же время он далеко не полностью исследован.

Размер заработной платы наемных рабочих Италии XIV—XV вв. определял еще М. М. Ковалевский, который обращался для этого к цеховым уставам. Устав цеха шерстяников Пизы (*Breve artis lanae*) 1305 г. говорит о рабочих (*lavoranti*), получающих оплату за свой труд (*lo quale lavori a pregio*) — это чесальщики и чесальщицы шерсти (*pettinatore, pettinatrice*), валяльщики, стригальщики, сортировщики (*verghaggiatore vel battitore di boldroni et di lana, tonditori et sciolitori*). Как правило, наемные рабочие, занятые выделкой сукон (*lavoranti per consciare ranni*), получали поденную оплату (*a giornata*).¹⁵⁹ Ковалевский не приводит цифровых показателей дневного заработка поденщиков в сукнодельческой промышленности, хотя в другой главе определяет размер поденной оплаты к середине XIV в. в сельском хозяйстве флорентийской округи от 6 до 10 сольдов, пизанской — от 6 до 8 сольдов, орвиетской и феррарской — от 8 до 10 сольдов.¹⁶⁰ Цифровые показатели заработка наемных рабочих в начале XIV в., относятся к сдельному труду: пизанские промывальщики (*lavatori*) получают 6—8 динаров за обработку мешка шерсти.¹⁶¹ Учитывая, что в день промывальщик обрабатывал 10—12 мешков, он мог получить также около 8 сольдов в день. Дж. Луццатто справедливо отмечает, что, хотя цеховые статуты и могут дать сведения о размерах оплаты труда наемных рабочих, они нередко фиксируют лишь ее норму, как правило — максимум. Более точные данные о действительно выплаченных

суммах очень скудны, хотя и могут быть обнаружены в контрактах и особенно в счетных записях.¹⁶²

Архивные материалы компании Датини, хранящиеся в Прато, дают на это ответ. Десятки страниц «Тетради рабочих (шерсти)», представляющих собой записи о порученной работе и ее оплате, дают ответ на вопрос о фактическом размере оплаты труда в сукнодельческой промышленности XIV в. (рис. 4). Чесальщик шерсти Якопо ди Чинко получил 23 мая 1381 г. 7 сольдов и 6 динаров.¹⁶³ Записи выполнения работ и их оплаты дают картину сравнительно устойчивого уровня заработной платы в течение целого периода с 1379 г. по 1385 г. Средний показатель за 6 лет равен 7—8 сольдам.¹⁶⁴ Такова заработная плата чомпо, работающего в сукнодельческой мастерской, расположенной в Прато, городе, включенном во вторую половину XIV в. в состав Флорентийской республики. В материалах М. М. Ковалевского, хранящихся в Архиве АН СССР в Ленинграде, есть выписка из сьенского архива, относящаяся к концу XIV в.: «Цена труда — поденная работа оценивается от 10 до 12 сольдов».¹⁶⁵ Судя по тому, что в этих выписках собраны данные о земледелии, этот размер поденной оплаты, очевидно, относится к сельскохозяйственному труду. Как видим, он недалеко от оплаты промышленного труда.

Это подтверждается также данными архива Датини, относящимися к концу XIV в. В 1396 г. на обработку партии шерсти 40 чесальщиками и 14 шерстобитами за 20 дней было затрачено 28 лир 23 сольда 10 динаров.¹⁶⁶ Следовательно, в среднем каждый из этих рабочих получил около 10.6 сольда, не учитывая штрафов и других вычетов.

Изучая флорентийский кадастр 1427 г., Дорен установил, что средняя поденная оплата наиболее типичного представителя чомпи — чесальщика шерсти (*pettinatore*) — равна 8 сольдам, а шерстобитов (*divettatori*) — 2—3 сольдам.¹⁶⁷

Перуджинские архивы, по сообщению Дайано, свидетельствуют о том, что в 30-х годах XV в. промывальщик шерсти получал в день 12 сольдов 8 динаров, сортировщик — 10 сольдов. Остальные категории наемных рабочих оплачивались за сдельную работу: чесальщики шерсти — по 2—4 сольда за

¹⁵⁶ Partiti de' Consoli, Archivio di Stato di Firenze. Arte della Lana, 75.

¹⁵⁷ Там же, 74.

¹⁵⁸ Учитывая неоплачиваемые праздничные и воскресные дни и полностью оплачиваемые субботные дни.

¹⁵⁹ М. М. Ковалевский, т. III, стр. 127—129.

¹⁶⁰ Там же, стр. 254—263

¹⁶¹ Там же, стр. 128.

¹⁶² Дж. Луццатто, стр. 418

¹⁶³ Quaderno di lavoranti (di lana), «D», Archivio Datini da Prato, стр. 173.

¹⁶⁴ Там же, стр. 173—199

¹⁶⁵ «La mano d'opera giornaliera e da soldi 10 a 12» (Архив Академии наук СССР, ф. 103, оп. 1, № 934).

¹⁶⁶ F. Melis, стр. 23, 26.

¹⁶⁷ A. Doren. Die florentiner Wollentuchindustrie, стр. 234—235. Для Ломбардии см.: U. Gualazzini.

фунт, трепальщики — по 5—8 динаров за фунт, шерстобиты — 6 динаров за фунт. Эта оплата была близка к флорентийской, или несколько ее превышала.

Таким образом, «8» и «12», о которых на допросе говорил Симончино, обозначают количество сольдов, получаемых в день одним наемным рабочим (8 сольдов) и то количество сольдов, которое «следует давать» за эту же работу (12 сольдов).

Теперь необходимо сказать несколько слов об оплате тех категорий трудящихся, которые превращались из самостоятельных товаропроизводителей в зависимых ремесленников, а нередко и в наемных рабочих (красильщики, ткачи, прядильщики и др.).

Красильщики были подчинены хозяевам сукнодельческих мастерских через цех Ланы, который устанавливал выгодные ему тарифы для оплаты за окраску шерсти и сукон.

В 30-х годах XIV в. за окраску канны (около 2 м) сукна красильщик мог брать от 18 до 35 сольдов, а иногда и более, в зависимости от цвета и качества красителя. За окраску 12 фунтов тонкой английской шерсти — от 10 до 40 сольдов. За 8 месяцев красильщик зарабатывал около 7 лир.

В 70-х годах XIV в. окраска тонкой шерсти оценивалась от 13 до 15 сольдов, грубой — от 12 до 35 сольдов. Окраска сукна производилась в среднем по такой же оплате; в 80-х годах оплата несколько повышается, а в XV в. (данные за 1428 г.) снова несколько снижается.¹⁶⁸

Процесс крашения являлся одним из наиболее сложных звеньев производства сукон, поэтому естественно, что этот квалифицированный труд оплачивался значительно выше труда чесальщиков и других чомпи. С другой стороны, он требовал больших затрат. Цех шерстяников, подчинив себе красильное ремесло, стремился к максимальному снижению прибылей красильщиков. К тому же в этом процессе участвовал не только владелец красильной мастерской, но также и наемные рабочие и ученики красильщика.

Материалы красильной мастерской компании Уццано второй половины XIV в. дают возможность определить относительные размеры оплаты рабочих, учеников и дохода красильщика в общем объеме затрат на окраску. По 8 счетам всего было затрачено на красители, закрепители, топливо, наем помещения, на оплату наемных рабочих (*lavoratori*) и учеников (*discepoli*) вместе с доходами красильщика (*loro guadagno*) 152 лиры 10 сольдов 10 динаров. Из этой суммы рабочим выплачено

7 лир 1 сольд 3 динара, ученикам — 2 лиры 16 сольдов 11 динаров, прибыль красильщика равна 14 лирам.¹⁶⁹ Если учесть, что вместе с учениками у красильщика работало 4—5 человек, будет ясно, что оплата красильщика во много раз выше оплаты рабочих его мастерской. В то же время «прибыль» красильщика (*loro guadagno*), очевидно, является платой владельцев сукнодельческих мастерских из цеха Ланы за амортизацию красильного чана. Эти расчеты производятся истинными владельцами мастерских — Уццано. Красители и закрепители красильщик может приобретать только у цеха Ланы, от которого зависит получение заказов. Красильщик превратился из самостоятельного товаропроизводителя в зависимого ремесленника, несмотря на то, что у него продолжают работать наемные рабочие.

Если к тому же учесть значительное падение стоимости разменных денег в 70-х годах по сравнению с 30-ми годами, то можно полагать, что фактическая оплата работы красильщиков, не говоря уже об их наемных рабочих, была сильно снижена ко времени восстаний в Сьене и Флоренции.

Несмотря на то, что ткачи и ткачихи были достаточно квалифицированной рабочей силой, они были в полной зависимости от хозяев шерстяников: если ткач жаловался на низкую оплату его рабочей силы, его лишали работы.¹⁷⁰

В еще более сильной степени зависимости и подчинения находились прядильщицы и сновальщицы, уровень оплаты которых целиком зависел от хозяев сукнодельческих мастерских.

В шелкоткацком производстве системы цеха Сэты был установлен свой тариф оплаты труда: согласно уставу цеха, в 1429 г. красильщикам шелка (*tintori delle sete*) полагалось от 1 до 35 сольдов за фунт, в зависимости от качества красителя; прядильщикам и сучильщикам (*filatoiai e torcitori*) — от 5 до 23 сольдов за фунт, ткачам (*tessitori*) — от 8 до 44 сольдов за локоть¹⁷¹ (в канне 3—4 локтя).

Определив размеры оплаты наемных рабочих и зависимых ремесленников, можно обратиться к пояснению Симончино, которое характеризует эти размеры как низкие, недостаточные («платят очень плохо»).

Никто из предпринимателей-сукноделов не мог повысить оплату своим наемным рабочим даже в целях привлечения в свои мастерские более искусных и квалифицированных рабо-

¹⁶⁸ Libri degli Uzzano Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР, Зап.-европ. секция, 5/№ 86 (старый шифр 46/№ 86)

¹⁷⁰ G. Renard, t. I, стр. 292.

¹⁷¹ Statuti della Seta, cap V, a, b, c, стр. 489—490.

чих рук. В городах Италии XIV—XV вв. царил установленный правительством строгий максимум заработной платы, однако определенный минимум ее не был гарантирован, что приводило к полному произволу, и поэтому наемные рабочие вели борьбу за гарантированный минимум заработной платы.¹⁷²

Законы о максимуме были известны еще в Римской империи, однако законы о максимуме заработной платы могли возникнуть лишь в период возникновения наемного труда. Первый тариф на труд был зафиксирован в итальянских городских статутах в Парме в 1255 г. для ткачей и ткачих. С начала XIV в. введение максимума отмечено в Мантуе (1303 г.), Пизе (1305 г.), Болонье и т. д. Максимум вводился и для половников Флоренции, Перуджи, Пизы.¹⁷³ Во Флоренции, Сьене, Перудже, Пизе максимум для наемных рабочих был прочно введен в быт.¹⁷⁴ Например, красильщикам, подчиненным цеху Сэты, в 1335 г. было предписано выполнять заказы по установленному тарифу оплаты (salario). При отсутствии твердого соглашения устав разрешал в 1429 г. платить по усмотрению мастера, хотя и после утверждения условий оплаты. В 1438—1440 гг. составляются «свободные соглашения» хозяев мастерских с ткачами, очевидно при сохранении интересов хозяина.¹⁷⁵ Черная смерть в 1348 г., приведшая к сокращению рабочих рук, привела к усилению строгостей в законодательстве об оплате наемного труда: во Флоренции за нарушение закона о максимуме заработной платы хозяев мастерских подвергали штрафу.¹⁷⁶ О том, что этот максимум был чрезвычайно низок при сопоставлении с уровнем цен, особенно в годы после эпидемии чумы, говорит требование наемных рабочих и ремесленников о повышении оплаты их рабочей силы. Вопросы максимума вошли в состав основных требований чомпи в 1378 г. (8 и 12 сольдов). Максимум сохранялся и в XV в., и только к XVI в. и особенно XVII в., пытаясь подержать падающую текстильную промышленность, тосканские правительствующие инстанции вводят минимум заработной платы.¹⁷⁷

¹⁷² См. выше, стр. 40—42.

¹⁷³ М. М. Ковалевский, т. III, стр. 127—128, 155, 170, 172, 254—263.

¹⁷⁴ Там же, стр. 255. Венеция проводит в это время своеобразную политику привлечения на свою территорию рабочей силы на льготных условиях. М. М. Ковалевский несколько преувеличивает результаты этой политики (там же, стр. 244—245).

¹⁷⁵ Statuti della Seta, cap. LXXXVIII, d, стр. 122; cap. XVI, a, стр. 505—506; cap. III, стр. 539.

¹⁷⁶ G. Renard, t. II, стр. 25.

¹⁷⁷ L. Cantini. Legislazione toscana, t. XX, стр. 231.

Расчет, который происходил в конце недели, производился медными деньгами — кватринами¹⁷⁸ (quattrini et ogni moneta di game). На рынке фактическая ценность кватрина была весьма низкой, и оплата работы кватринами, как об этом говорится у хронистов и в уставах цехов, была весьма выгодна шерстяникам-предпринимателям, которые продавали свои сукна за полноценные золотые флорины и в крайнем случае за флорины серебряные.¹⁷⁹

Однако при расчете наемные рабочие, как правило, не получали причитающихся им 24 кватринов (8 сольдов), так как в сукноделии господствовала жестокая система штрафов.

Если какой-либо владелец мастерской работал в недозволенное уставом время, то штрафу подвергался не только он (40 сольдов за каждую ночь работы), но и наемный рабочий (laborator) — шерстобит или стригальщик (5 сольдов).¹⁸⁰

В Сьене в 1307 г. с рабочего-кардовщика взимали 5 сольдов штрафа за недостаточно хорошо обработанный кусок сукна. У чесальщиков шерсти, работающих в мастерской (pettinatori che avanno in bottega), вычиталось 2 сольда из их скудного заработка, если они не успевали уложить шерсть после работы. Если работу находили выполненной недостаточно хорошо, чесальщика заставляли сделать ее заново и, кроме того, брали с него 2 сольда штрафа. Промывальщиков шерсти штрафовали за загрязнение бассейна (1 сольд) и т. д.¹⁸¹

Штрафам подвергали также ткачей и прядильщиков. Так, например, если ткач не мог исправить все погрешности в работе после осмотра ее, он подвергался штрафу до 5 лир.¹⁸²

За погрешности при выработке пряжи в первый раз на прядильщика налагали штраф до 1 сольда, при повторном случае — до 2 лир, а в третий раз, о чем говорилось в специальных посланиях епископа Флорентийского и Фьезоланского, прядильщику грозило отлучение от церкви.¹⁸³ Если у ткача на-

¹⁷⁸ 1 кватрин равен 4 динарам, в сольде 12 динаров; 8 сольдов выдавались в виде 24 кватринов.

¹⁷⁹ «Li mercatanti vendeano a fiorini, e le manifatture pagavano a soldi e così si faceva per gli mercatanti valesse assai, e specialmente per gli lanaiouli, e per quelli che viveano di rendità» (M. Stefani, rubr. 877, стр. 382). Устав цеха Ланы требует: «Nullus huius artis et societatis vendat vel emat pannum aut pannos... nisi ad florenos argenteos, faciendo et fieri faciendo solutionem in florenis aureis cum lilio» (Statuto della Lana di Firenze, l. III, cap. XXXVI, стр. 172).

¹⁸⁰ Statuto della Lana di Firenze, l. II, cap. XLIII, стр. 130.

¹⁸¹ Statuto della Lana di Siena, cap. II, III, X, XI, XVI, XX, XXII, стр. 175, 261—262, 266—267, 272, 332.

¹⁸² Statuto della Lana di Firenze, l. I, cap. VIII, стр. 27.

¹⁸³ Там же, l. III, cap. VII, стр. 151—152.

ходили поясок или мешочек, сделанный из шерсти, его подвергали штрафу в 1 лиру, полагая, что он похитил шерсть; из них 10 сольдов шли в пользу указанного епископа и вторые 10 сольдов — приходскому священнику.¹⁸⁴

Штрафы брали за непочтительное отношение к цеховому начальству, ругань и т. д.¹⁸⁵ К тому же, если штраф уплачивался несвоевременно, его сумма увеличивалась на 25%.¹⁸⁶

Таким образом, штрафы значительно сокращали и без того небольшую заработную плату.

Небольшие размеры заработной платы вытекали из условий найма на работу. Не имевший никаких средств производства, владевший только своими рабочими руками, чомпо нуждался в неотложном получении аванса. Не имея ничего, наемный рабочий соглашался на оплату его труда в несколько сольдов в день. Если же, нанявшись на работу, он замечал, что эта оплата его не удовлетворяла, он не мог покинуть хозяина до отработки всей суммы аванса.¹⁸⁷ Согласно флорентийскому закону 1371 г., наемный рабочий не имел права возратить аванс наличными. Размер аванса можно установить на основании записей «Книги рабочих (шерсти)», хранящейся в архиве Датины в Прато.¹⁸⁸ В сукнодельческих мастерских Франческо Датины 1 сентября 1380 г. был выдан аванс размером в 1 золотой флорин, а 22 сентября того же года — в 2 золотых флорина. Подсчет всех случаев выдачи авансов, отмеченных в записях этой тетради, дает среднюю цифру, достигающую почти 2 флоринов.¹⁸⁹ Эта сумма надолго приковывала наемного рабочего к мастерской, иногда на несколько месяцев. Аванс носит в этих записях название займа (*prestanza*).¹⁹⁰ В 1418 г. было принято решение, запрещающее наемным рабочим покидать работу без предупреждения об этом хозяина за 4 месяца, в то время как предприниматель мог уволить наемного рабочего без всякого предупреждения.¹⁹¹ Все расчеты по заработной плате производились при явном пренебрежении интересов рабочего и к безусловной выгоде хозяев. Все спорные вопросы, связанные с заработной платой, решались таким порядком, при котором надо

было, как говорит устав, «верить шерстянику (т. е. хозяину), который занимается ремеслом в цехе, а не низкому рабочему».¹⁹²

К тому же скудная заработная плата толкала наемных рабочих на необходимость брать деньги в долг. Нередко займы давали сами предприниматели, увеличивая тем самым зависимость от себя наемных рабочих. Это еще теснее привязывало их к мастерской, что было выгодно хозяевам, особенно в период большого спроса на их продукцию на внешних рынках. При временном перепроизводстве или во времена некоторого свертывания промышленной деятельности — в связи с войнами, потерей выхода к морю и т. п. — предприниматели могли направить должника в тюрьму, изгнав его таким образом из мастерской якобы на законном основании.¹⁹³

Иногда жалованье выдавалось не в деньгах, а в натуре, в виде готовой продукции самой мастерской, т. е. сукном и другими товарами. К тому же канна сукна при оплате труда наемного рабочего оценивалась вдвое дороже (например, 4 флорина вместо 2).¹⁹⁴ Сьенские уставы также дают возможность предполагать, что часть жалованья выдавалась сукном.¹⁹⁵

Для наблюдения за работой и поведением наемных рабочих были установлены особые должности: «чужеземный чиновник», секретные осведомители и надсмотрщики-факторы.

«Чужеземный чиновник» (*ufficiale forestiere*),¹⁹⁶ согласно решению консулов флорентийского цеха Ланы в июле 1310 г., назначался консулами цеха из числа чужеземцев,¹⁹⁷ имеющих юридическое образование (обычно из нотариусов), для наблюдения за точным соблюдением устава цеха.¹⁹⁸ Эта формула охватывала широкий круг его полномочий. Он действительно следил за выполнением цеховых норм членами Ланы (правильное использование мастерских, соблюдение запрета обрабатывать готовые сукна, произвольно изменять длину куска сукна, нарушать монополию цеха на распределение красителей, рабо-

¹⁸² «...credere a lanaiuolo el quale faccia l'Arte, contra el lavorente infimo» (Statuto della Lana di Radicondoli, cap. VII, стр. 168)

¹⁸³ Statuto della Lana di Firenze, l. III, cap. II, стр. 148.

¹⁸⁴ A. Fanfani, стр. 79.

¹⁸⁵ Statuto della Lana di Siena, cap. XI, стр. 234.

¹⁸⁶ В тексте устава встречаются еще следующие его названия: *officialis foresterius*, *executor forestarius*, *notarius malleficiorum*, *notarius super criminalibus* и др. (Statuto della Lana di Firenze, l. I, cap. XXXVIII, стр. 68—72; l. II, cap. VIII, стр. 102—103; l. III, cap. XLV, стр. 180 и др.).

¹⁸⁷ Т. е. из числа жителей других городов Италии, расположенных не ближе 20 миль от Флоренции.

¹⁸⁸ «...debet dictus notarius observare et observari facere omnia statuta vel capitula dicte artis» (там же, l. I, cap. XXXVIII, стр. 71).

¹⁸⁴ Там же, l. II, cap. LXXI, стр. 144—145.

¹⁸⁵ В. И. Рутенбург. Восстание «обездоленных» в Сиене в 1371 г., стр. 158.

¹⁸⁶ Statuto della Lana di Radicondoli, стр. 205. Addizioni, § 13

¹⁸⁷ Statuto della Seta, l. III, cap. II, стр. 147—148 (1335 г.). В сьенских землях аванс носил наименование *danari serviti* (Statuto della Lana di Radicondoli, cap. VII, стр. 168).

¹⁸⁸ Quaderno di lavoratori (di lana), «D», Archivio Datini da Prato, л. 169.

¹⁸⁹ Там же, л. 169—203.

¹⁹⁰ Там же, л. 169.

¹⁹¹ И. М. Кулишер, стр. 209

тать с кем-либо, не входящим в цех, и т. д.).¹⁹⁹ Однако эта сторона его деятельности не была главной: цех платил чужеземному чиновнику большое жалование (600 лир в год)²⁰⁰ и давал ему в помощь специальный аппарат (5 стражников — *berovariis* и секретных наблюдателей), поручая ему прежде всего наблюдение за поведением рабочих в целях удержания их от выступлений против хозяев.

«Чужеземному чиновнику» предписывалось следить за возможными заговорами и незаконными союзами и собраниями, превышающими 10 человек (*conventicula et postura illicitis*), за что виновные подвергались самому суровому наказанию.²⁰¹

Шерстяники — хозяева сукнодельческих мастерских — боялись любого объединения наемных рабочих и запрещали даже религиозные братства шерстобитов, чесальщиков шерсти и других, так как под видом этого братства они могли составить заговор против хозяев цеха Ланы.²⁰² В цехе шерстяников Радикондоли строго запрещались любые формы объединения красильщиков (*alcuna communita o unione, o lega, o sette o conspirazione o posta con veruno tignitore*).²⁰³ Союзы воспрещались и уставом цеха Калималы 1302 г. (*de dogana facienda*) (рис. 5).²⁰⁴

В цехе шелкоткачей также преследовались всяческие объединения в тайные союзы (*postura, ligas et doganas*). Характерно обоснование этой статьи: «Христианское учение устами апостолов гласит: все должны быть братьями во Христе».²⁰⁵ Жирные пополаны — владельцы текстильных мастерских — использовали в борьбе против объединения наемных рабочих идеологическое оружие наряду с физическим. Последним ведал «чужеземный чиновник».

Коммунальные власти Флоренции поддерживали и закрепляли запреты соборщ и союзов в уставах подеста коммуны (1324 г.) и капитана народа (1355 г.).²⁰⁶ В Венеции воспрещались любые союзы наемных рабочих. В Болонье запрещались союзы красильщиков; в случае их появления их деятельность

должна была прекратиться не позднее, чем на третий день. Любое сообщество *sottoposti* каралось здесь штрафом в 15 лир, а в Сьене — в 25 лир. В Пизе также были воспрещены союзы клятвы (*legamento di sacramento*) и т. д.²⁰⁷

«Чужеземный чиновник» должен был неукоснительно следить за выполнением тех статей устава, по которым строгим наказаниям подлежали лица, наносящие какое-либо оскорбление консулам и другим должностным лицам цеха. Размеры штрафов по этой статье были очень высокими (от 5 до 50 лир).²⁰⁸ За произнесение при консулах неприличествующих их высокому положению слов на виновных налагался штраф (до 10 сольдов),²⁰⁹ и т. д.

Все усилия были направлены на удержание наемных рабочих в строгом подчинении своим хозяевам. Каждый хозяин сукнодельческой мастерской мог обратиться с жалобой на любого работающего ученика, подмастерье или другое лицо, объявив, например, что кто-либо из них незаконно присвоил деньги, и «чужеземный чиновник» должен был по расследованию вопроса арестовать обвиняемого, поместить его в тюрьму и держать его там по воле мастера-хозяина.²¹⁰ Из этой формулы явствует, какую роль играло мнение мастера-хозяина при этом расследовании. «Чужеземный чиновник» от имени цеха принимал присягу у красильщиков, рабочих мастерских по растягиванию сукна и других, которой они обязывались подчиняться всем установлениям цеха. Присягу приносили красильщики, прядильщики, ткачи и все наемные рабочие шелкоткацкого цеха.²¹¹ Прежде всего речь шла о сохранении шерсти, сукна или шелка: наемные рабочие и ремесленники обязывались их не расхищать, а «чужеземный чиновник» должен был предупреждать и пресекать хищения.²¹² Все нарушения правил обработки шерсти и сукна вели к штрафам, о чем уже было сказано выше. До двух лир «чужеземный чиновник» мог оштрафовать собственной властью, без какого бы то ни было письменного оформления.²¹³ Пытавшиеся уклониться от штрафа путем бегства из

¹⁹⁹ Там же, I, I, cap. XL—XLI, стр. 76—79; I, II, cap. VIII, стр. 102—103; cap. XIV, стр. 109; cap. XXIII, стр. 118; cap. LVIII, стр. 137; I, III, cap. V, стр. 187.

²⁰⁰ Там же, I, I, cap. XXXVIII, стр. 70 (из расчета 56 сольдов во Флорин, т. е. около 215 золотых флоринов в год).

²⁰¹ Там же, I, II, cap. XVIII, стр. 115.

²⁰² «...sul pretestu societatis, predicti battitores et scardassarii et pettinatores faciant ibidem conventiculas contra artem lane» (там же, I, IV, cap. XXXII, стр. 203), (1317 г.).

²⁰³ Statuto della Lana di Radicondoli, cap. XXXIX, стр. 282.

²⁰⁴ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 25.

²⁰⁵ Statuto della Seta, cap. CXXXIII, стр. 153 (1335 г.).

²⁰⁶ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 26.

²⁰⁷ N. Rodolico. La democrazia fiorentina, стр. 96—103.

²⁰⁸ Statuto della Seta, cap. XXVIII, стр. 55; cap. XXXIII, стр. 58 (1335 г.) и др.

²⁰⁹ Statuto della Lana di Firenze, I, II, cap. X, стр. 104—105.

²¹⁰ «...et teneri facere ad voluntatem ipsius magistri» (там же, I, III, cap. XLVI, стр. 180—181).

²¹¹ Там же, cap. II, стр. 184—185; Statuto della Seta, cap. XVIII, стр. 256 (1352 г.).

²¹² Statuto della Lana di Firenze Reformationis Consiliorum Artis Lane (1318—1319 гг.), стр. 216—217.

²¹³ Statuto della Seta, cap. CXI, m, стр. 158 (1335 г.).

Флоренции или не уплатившие его в связи с предыдущей задолженностью арестовывались и заключались в тюрьму.

Задолженность у наемных рабочих возникла также в связи с системой оплаты (выдача аванса). Хозяин мастерской мог через «чужеземного чиновника» направить должника-рабочего в тюрьму на три года и более.²¹⁴ Стражники «чужеземного чиновника» могли по его приказу избивать и пытаться наемных рабочих, а по закону 1356 г. могли поступать еще более строго: в случае невозвращения долга в течение десяти дней отсекали кисть правой руки; если правая уже отсечена — кисть левой руки, а иногда могли присудить и к отсечению головы. Обычно эти кары применялись к беднякам, от которых нельзя было ожидать возвращения долга.²¹⁵

Каждый наемный рабочий находился под страхом преследования со стороны «чужеземного чиновника», который мог вести розыск, расследовать дела и наказывать виновных.²¹⁶ При чем расследования велись как открытыми, так и скрытыми методами (*secrete et palam*).²¹⁷ «Чужеземному чиновнику» разрешалось вести все эти процессы самому, без участия консулов цеха.²¹⁸ Таким образом, цех Ланы с разрешения флорентийского правительства передавал «чужеземному чиновнику» функции полиции, суда и палача по отношению к наемным рабочим и ремесленникам мануфактурных мастерских. Значение этого должностного лица с середины XIV в. было очень велико. Это подчеркивалось тем, что «чужеземный чиновник», не будучи должностным лицом коммуны, имел право носить любой вид оружия²¹⁹ и проживать в резиденции цеха. Это намеренное подчеркивание значения «чужеземного чиновника» и самостоятельности его действий было выгодным «жирным» пополанам и в первую очередь сукноделам, как как формально они отстранялись от следственных и карательных функций: их выполнял иногородний житель, считавшийся фигурой нейтральной и к тому же, как юрист, беспристрастной. В действительности «чужеземный чиновник» был ставленником «жирных» пополанов, делал все с согласия консулов цеха, которые могли его отстранить от должности до окончания годовичного срока.²²⁰ Однако в значи-

тельной степени им удавалось переключить ненависть наемных рабочих к хозяевам на «чужеземного чиновника».²²¹ Не случайно устав предполагал возможность заговора или выступления, направленного против консулов или против «чужеземного чиновника».²²²

«Чужеземный чиновник» играл очень важную роль во всей системе флорентийского сукноделия, в большей степени, чем в системе шелкоткацкой промышленности (Сэта), сукнообработывающей (Калимала), в цехе по починке и продаже льняных тканей, и т. д. Однако и в этих отраслях промышленности действовали «чужеземные чиновники», выполнявшие те же функции.

Колоритный дополнительный материал о действиях «чужеземного чиновника» дает история шелкоткацкого цеха (Сэта), в котором также были наемные рабочие. Масштабы его деятельности были значительно меньше, чем у его коллеги в цехе Ланы, поэтому и оплата его была в четыре раза меньше оплаты «чужеземного чиновника» Ланы (около 50 флоринов в год).²²³ Принцип его избрания, а также цели и методы его деятельности аналогичны тем, которые практиковались в цехе Ланы.²²⁴ Роль «чужеземного чиновника» цеха Сэты возрастает в XV в., соответственно растущему значению шелкоткацкого производства во Флоренции: его права уточняются и расширяются в дополнениях и изменениях устава Сэты в 1411, 1412, 1413, 1435, 1460, 1461 гг.²²⁵ В 1460 г. его жалованье возросло в несколько раз, не

²²¹ В своей ранней работе Родолико, обращаясь к фигуре «чужеземного чиновника», говорил о гуманном и демократическом духе уставов цеха, признавая лишь угрозу потери работы для наемных рабочих (N. Rodolico. Il popolo minuto, стр. 27—28), в то время как Перран, Сантароза и другие историки писали об избивании чужеземным чиновником рабочих до крови. Дорен доказал это документально. В своей новой работе о чомпи Родолико признал, что он идеализировал флорентийскую действительность, согласился с Дореном и дал правильную, хотя и очень краткую характеристику этой должности (N. Rodolico. I Ciompi, стр. 13).

²²² Statuto della Lana di Firenze, l. III, cap. XXX, стр. 169.

²²³ Statuto della Seta, cap. XXIII, a, стр. 41 (1335 г.).

²²⁴ Там же, cap. XXIII—XXV, стр. 42—49; cap. XXXII, b, стр. 57; cap. VII, стр. 217—218; cap. VIII, стр. 245; cap. I, стр. 264; cap. LXXXV, стр. 112—113; cap. XXXII—XXXIII, стр. 422. Как в цехе Ланы, «чужеземно-о чиновника» избирали из иногородних («sia di natione di fuori della giurisdizione di Firenze» — там же, cap. III, b, стр. 602) на 1 год. Возраст его должен был быть не ниже 30—35 лет (там же, cap. IX, стр. 529; cap. I, a, b, c, d, стр. 597—599).

²²⁵ Там же, cap. XV, стр. 415; cap. XXXIII, стр. 422—423; cap. V, стр. 432; cap. IX, стр. 529; cap. I, стр. 597—598; cap. II, стр. 605 и др. Вплоть до ликвидации этой должности в 1463 г., в связи с тем, что она требовала больших затрат и не всегда приносила необходимые результаты («l' detto ufficiale non fa il frutto che si stimò et piuttosto è spesa perduta

²¹⁴ Statuto della Lana di Firenze, cap. XXXIII, стр. 171.

²¹⁵ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 123.

²¹⁶ «... plenam baliam inquirendi, procedendi et puniendi quos invenerit culpabiles» (Statuto della Lana di Firenze, l. II, cap. LVIII, стр. 137).

²¹⁷ Там же, l. I, cap. XXXVIII, стр. 71.

²¹⁸ «... ipse idem notarius, sine ipsis consulibus, per se solum vel cum aliis de dicta arte... possit processus... expedire...» (Statuto della Lana di Firenze, l. III, cap. XXVIII, стр. 168).

²¹⁹ Там же, l. I, cap. XXXVIII, стр. 71.

²²⁰ Там же, l. I, cap. XXXVIII, стр. 71.

уступая размеру оплаты «чужеземного чиновника» Ланы (1000 лир в год).²²⁶ «Чужеземному чиновнику», как это было подтверждено в 1412 г., поручалось рассмотрение всех конфликтов, возникающих между хозяевами мастерских и рабочими (lavoranti), между мастерами, с одной стороны, и подмастерьями и учениками — с другой.²²⁷ «Чужеземный чиновник» Сэты был заинтересован во взимании штрафов, так как 25% из их суммы шли в его пользу. Из этой четвертой части штрафов и составлялось его жалование; в случае, если этой суммы не хватало на покрытие размера жалования, остальное доплачивали богатые шелкоткачи (setaiuoli del membro grosso).²²⁸

Для бедных должников штраф заменялся физическими наказаниями. Характерна сама формулировка, поясняющая необходимость этих мер: в интересах укрепления цеховых установлений ввести для бедных людей, которые из-за своей бедности не могут платить штрафы и остаются безнаказанными,²²⁹ вместо денежных штрафов позорные и физические наказания и пытки: позорный колпак (mitere), позорный столб (ghogna), сечение розгами (schopa), избивание ремнем (schoreggiate), пытки (tortura), а именно дыба или пытка веревкой (cholla).

Проведение физических наказаний и пыток было разрешено и поручено «чужеземному чиновнику»: он имел право подвергать пытке веревкой (cholla) или водой (acqua) и другим телесным наказаниям, которые ему покажутся необходимыми.²³⁰ Вряд ли подлежит сомнению, что эти меры применялись не только к виновным в хищении или порче материалов. Пытки применялись прежде всего к вожакам и участникам восстаний, о чем говорит пример одного из руководителей чомпи — Симончино во Флоренции, а также руководителей восставших в Сьене Франческо д'Аньоло, Джованни Тесса и Чекко Форначи, которых пытали веревкой.²³¹

В цехе же по починке и продаже льняных тканей (rigattieri e linaioli) также был «чужеземный чиновник» (notarius forestarius) уже с 1318 г.²³² Он получал 20% от суммы всех штрафов и жалованье.²³³ Цеху были подчинены зависимые ремесленники и наемные рабочие, занимающиеся катанием полотна, окраской, и др.²³⁴ Поэтому усилился «чужеземного чиновника» этого цеха были направлены прежде всего на обеспечение беспрекословного их подчинения хозяевам — членам цеха.²³⁵

В подчинении у «чужеземного чиновника», кроме 5 стражников (bergovieri) и нескольких посыльных, была целая сеть тайных осведомителей (exploratores secreti).²³⁶ Они назначались консулами цеха и были в подчинении сензалов цеха, следивших за выполнением правил производственного процесса и торговли. Они также подчинялись «чужеземному чиновнику». Секретные осведомители были во флорентийских цехах — Ланы, Сэты, Калималы, цехе по починке и продаже льняных тканей и т. д. В цехе шелкоткачей (Сэты) в 1335 г. их было 8 (по 2 от каждого района города).²³⁷ Они должны были доносить сензалам цеха и «чужеземным чиновникам» о нарушении правил при приеме в цех новых членов, при продаже и хранении шерсти и красителей, при выдаче шерсти прядильщикам, при передаче шерсти от шерстобита чесальщику, при обработке шелка и сукна,²³⁸ об опозданиях наемных рабочих (laboratores) на работу,²³⁹ за что получали до 25% от наложенного за нарушение штрафа.

Если доносы делались на членов цеха, последние могли обжаловать решение «чужеземного чиновника» перед консулами.

²³² Statuto dei rigattieri, cap. [LVII], стр. 175. В уставе последний порядковый номер статьи LIII (стр. 174) и номера в квадратных скобках поставлены мною для большего удобства, так как в тексте рукописи они не проставлены, очевидно, случайно.

²³³ Там же, cap. [LXVII], стр. 178.

²³⁴ Там же, cap. XXXII—XXXIII, стр. 209—210.

²³⁵ Там же, cap. [LVIII], стр. 176.

²³⁶ Statuto della Lana di Firenze, l. I, cap. XVI, стр. 38; Statuto della Seta, cap. XXIII, e, стр. 42. Они также именовались exploratores secreti (Statuto della Seta, cap. XIII, стр. 42; cap. XXXIII, стр. 59), accusatores (Statuto della Lana di Firenze, l. II, cap. III, стр. 96), spias et expiatores secreti (Statuto dei rigattieri, cap. [LXIII], стр. 177).

²³⁷ Statuto della Seta, cap. XXXIV, стр. 59 (1335 г.).

²³⁸ Там же, cap. XXIII, e, стр. 42; Statuto della Lana di Firenze, l. I, cap. VIII, стр. 27; cap. XVI, стр. 38; l. II, cap. III, стр. 96; cap. III, стр. 97; cap. VII, стр. 101; cap. XV, стр. 111—112; cap. XXIII, стр. 117—118; cap. XXXIII, стр. 124; cap. XXXVI, стр. 125; cap. XLVII, стр. 131; l. IV, cap. XXXIII, стр. 203—204; Statuto dei rigattieri, cap. [LXI]—[LXVII], стр. 177—178.

²³⁹ Statuto della Lana di Firenze, l. III, cap. XLII, стр. 178—179.

che alcuno utile se ne tragga» — там же, cap. II, a, стр. 623—624). Функции «чужеземного чиновника» были возложены на консулов цеха и проводителей, которые как жители Флоренции и члены цеха могли оплачиваться дешевле, чем иногородний юрист.

²²⁶ Там же, cap. III, a, стр. 602.

²²⁷ Там же, cap. VII, стр. 427—428.

²²⁸ Там же, cap. II, стр. 605; cap. XI—XII, стр. 609—610 (1460 г.).

²²⁹ «...povere persone, le quali per povertà non possano pagare le contempnazioni et in manchamento rimanchono impruniti» (там же, cap. V, стр. 590—591). Это решение было принято в 1458 г. и, очевидно, узаконило фактическое положение вещей, существовавшее издавна.

²³⁰ «...altra pena afflicativa di sopra come allui parrà» (там же, cap. XXII, стр. 615) Текст этой статьи относится к 1460 г. и также, очевидно, является фиксацией давно установившейся практики.

²³¹ Neri Donato, стр. 224.

цеха, рабочие же не могли жаловаться никому.²⁴⁰ Дорен с полным основанием отмечает, что они были совершенно бесправны.²⁴¹

Особо важной стороной деятельности тайных осведомителей были доносы о противозаконных речах (*verba iniuriosa*), направленных против консулов цеха,²⁴² о готовящихся заговорах,²⁴³ которые могли перерасти в восстания. Случаи нападения на консулов и служащих цехов с палками, ножами и другими видами оружия были настолько частыми, что уставы предусматривали специальные наказания за них.²⁴⁴

Во всех отраслях и на разных участках сукнодельческого, шелкоткацкого и других видов производства были поставлены факторы-надсмотрщики над наемными рабочими (*fattori sopra i lavoratori*). Это были ставленники хозяев, производители работ, ответственные за определенный участок производства. В отличие от тайных осведомителей, имена которых, естественно, сохранялись в секрете, они непосредственно доносили о нарушениях, за которые на рабочих налагали денежные штрафы или иные наказания. Факторы-надсмотрщики были первой ступенью административного аппарата в мануфактурной промышленности итальянских городов.

В итальянской мануфактуре XIV—XV вв. предприниматель давно уже освободился от ручного труда, хотя он и является членом цеха. Более того, он уже освободился и от функций непосредственного надзора, которые закреплены за особым аппаратом наемных работников. К. Маркс писал, что «для массы рабочих, объединенной совместным трудом под командой одного и того же капитала, нужны промышленные обер-офицеры (управляющие, *managers*) и унтер-офицеры (мастера, *foremen*, *overlookers*, *contre-maitres*), распоряжающиеся во время процесса труда от имени капитала».²⁴⁵

В лице «чужеземных чиновников», секретных осведомителей и надсмотрщиков-факторов мы встречаемся с первой, хотя и примитивной, системой надзора, ставшей в раннекапиталистических предприятиях необходимой ступенью между работодателями и наемными рабочими. Такая передача предпринимателем

функций непосредственного и постоянного надзора за рабочими особой категории работников свойственна именно капиталистической кооперации.²⁴⁶

Для определения масштабов заработной платы необходимо коснуться вопроса о продолжительности рабочего дня.

Регламентация рабочего дня была одним из важнейших элементов всего комплекса строгой дисциплины труда наемных рабочих. Наемный рабочий должен был выполнять любую указанную ему предпринимателем работу и трудиться над ней в определенные часы. Распределение рабочего времени совершалось, таким образом, по произволу хозяев мастерских. Работа начиналась летом с восходом солнца по звону колокола на башне дворца подеста,²⁴⁷ которому вторили колокола каждого городского района (кварталы во Флоренции, терцы в Сьене и т. д.). Зимой не дожидались восхода солнца и начинали работу по звону колокола.²⁴⁸ В течение рабочего дня разрешался лишь один перерыв — на обед, после которого рабочие должны были тотчас вернуться и приступить к работе. Конец рабочего дня, как правило, наступал с заходом солнца, поэтому в течение пяти летних месяцев (с 1 марта по 1 августа), когда рабочий день достигал 16—18 часов в сутки, наемным рабочим разрешалось иметь два перерыва (в 3 часа по флорентийскому времени, т. е. между 7 и 9 утра, и в 9 часов, т. е. между 1 и 3 дня).²⁴⁹

Как правило, ночные работы были запрещены: эти правила преследовали цель не улучшить положение рабочих,²⁵⁰ а избежать пожаров и плохого качества обработки товаров,²⁵¹ а также и нежелательных для хозяев незаконных ночных сборищ наемных рабочих.

В воскресные и праздничные дни работа также была воспрещена, за исключением некоторых процессов производства, требовавших непрерывности (окраска и т. п.).

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ «... ab hora primo vel aurora, ad primum sonum campane que pulsatur in pallatio Potestatis» (Statuto della Seta, cap. CV, стр. 129, 1335 г.). Так было не только во Флоренции но и в Сьене: «...sonata la campana» (Statuto della Lana di Siena, cap. XVII, стр. 272).

²⁴⁸ А. Дорен пишет о таких колокольных сигналах в отдельных кварталах города и не говорит о том, что ими пользовались не только зимой, но и летом (А. Дорен. Die florentiner Wolltuchindustrie, стр. 222—223).

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 15—18.

²⁵¹ «Cum hoc sit periculosissimum propter ignem apprehendendum», «debent bactere non cum litime aliquo ignis aliqua accensi, set solum ad clarum diey...» (Statuto della Seta, cap. CV, стр. 129).

²⁴⁰ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 13.

²⁴¹ A. Doren. Italienische Wirtschaftsgeschichte, стр. 259—260.

²⁴² Statuto della Seta, cap. XXXIII—XXXVIII, стр. 59—60 (1335 г.);

²⁴³ Statuto della Lana di Firenze, l. II, cap. XVIII, стр. 114.

²⁴⁴ «... assalto contro ad alchuno de' consoli, notaio, ovvero ufficiale con coltello frusto, bastone, ovvero altra generazione d'arme» (Statuti dei fornai, cap. XXIII, стр. 91).

²⁴⁵ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 338.

Во Флоренции в 1335 г. было 67 праздничных дней,²⁵² в Сьене — 71.²⁵³ В это число не входило 52 воскресных дня в году и столько же субботних дней с сокращенным на 1/3 рабочим днем.²⁵⁴ Таким образом, количество рабочих дней в году колебалось от 226 до 230, что приводило к тому, что в среднем за весь год в день наемный рабочий получал не 8 сольдов, а всего 5.²⁵⁵

Свойственное средневековью обилие религиозных праздников не облегчало положения трудового люда городов Италии. Большое количество нерабочих дней не было выгодно наемным рабочим, так как оно значительно снижало их заработную плату: нерабочие дни, естественно, не оплачивались, а за сокращенные субботние дни оплата также сокращалась на 1/3 (вместо 8 сольдов — около 5).

Обязательность отдыха в праздничные дни в XIII—XIV вв. не является итальянской спецификой, она известна всем европейским странам. Почти во всех цеховых уставах можно найти статьи о праздничных днях. М. М. Ковалевский справедливо замечает, что причиной включения этих статей в уставы цехов была «забота о поддержании равенства условий» членов цеха.²⁵⁶

В Италии, где во многих развитых городах текстильные цехи в XIV—XV вв. превратились в организации мануфактуристов, главной заботой хозяев мастерских являлось извлечение прибавочной стоимости, увеличение рабочего времени. Не отходя по форме от средневековых цеховых традиций, хозяева мастерских фактически обходили их, статьи об обязательных нерабочих днях и запрете ночных работ нарушались: характерно, что за недозволенные ночные работы штрафовали не только хозяина, но и наемного рабочего, отнимая у него в виде штрафа 2/3 дневной оплаты труда (5 сольдов из 8).²⁵⁷

Статьи устава давали возможность обходить строгие запреты, например разрешали в праздники открывать мастерскую для продажи товаров, но не для работы.²⁵⁸ Некоторым кате-

гориям рабочих (возчикам, упаковщикам, носильщикам) было разрешено работать и в праздничные дни.²⁵⁹ Целому ряду профессий в цехе Ланы (стригальщикам, чесальщикам, рабочим мастерских по растяжке сукна) было разрешено работать в субботу полный рабочий день,²⁶⁰ а некоторые категории наемных рабочих могли работать в праздничные дни под видом охраны мастерских.²⁶¹

Некоторые акты Флорентийской коммуны позволяют предпологать, что возможность работы в праздничные дни использовалась довольно широко. 24 мая 1388 г. коммунальные власти принимают решение об использовании праздничных дней в порядке исключения во всех цехах, во всех мастерских города (*negotiis civilibus*).²⁶²

Помимо этих лазеек, был и прямой путь к увеличению количества рабочих часов: даже в дни больших праздников можно было работать, получив специальное разрешение от трех консулов цеха, уплатив за это 2 сольда в пользу церкви Ор Сан Микеле за каждого рабочего.²⁶³ Эта своеобразная индульгенция давала возможность предпринимателям избежать большого штрафа.

Наконец, в сьенском цехе Ланы от членов цеха требовали обязательного посещения церкви в праздничные дни; в то же время им разрешалось продавать и покупать, а для их рабочих (стригальщиков, ткачей, чесальщиков) празднование этих дней объявлялось необязательным.²⁶⁴ В малоразвитых центрах, вроде Радикондоли, в праздничные дни запрещалось работать и мастерам, и рабочим.²⁶⁵ В развитых городах Италии, где процветала мануфактурная промышленность, традиционные цеховые правила нарушались скрыто и открыто в целях увеличения объема продукции, а следовательно, и размеров прибавочной стоимости.

Когда речь идет о положении наемных рабочих и зависимых ремесленников в итальянских городах XIV—XV вв., необходимо учесть, что значительное место в их рядах занимали женщины-работницы (*laboratrices*), особенно в прядении, сновании и ткачестве, как в сукноделии, так и в шелкоткацкой про-

²⁵² В январе — 1, в феврале — 4, в апреле — 6, в мае — 6, в июне — 8, в июле — 3, в августе — 7, в сентябре — 4, в октябре — 5, в ноябре — 5, в декабре — 18 (*Statuto della Seta*, cap. LXXXV, г, стр. 104).

²⁵³ В январе — 6, в феврале — 5, в марте — 3, в апреле — 4, в мае — 5, в июне — 3, в июле — 4, в августе — 9, в сентябре — 5, в октябре — 7, в ноябре — 10, в декабре — 10 (*Statuto della Lana di Siena*, стр. 311—313).

²⁵⁴ *Statuto della Lana di Firenze*, l. II, cap. L, стр. 133. Сокращенное время субботних дней дает около 16 нерабочих дней в году.

²⁵⁵ По 8 сольдов за 230 дней, т. е. 1840 сольдов на 365 дней (около 5 сольдов в день).

²⁵⁶ М. М. Ковалевский, т. III, стр. 174.

²⁵⁷ *Statuto della Lana di Firenze*, l. II, cap. XLVIII, стр. 130.

²⁵⁸ *Statuto della Seta*, cap. LXXXV, г, стр. 104 (1335 г.).

²⁵⁹ Там же, с, стр. 104.

²⁶⁰ *Statuto della Lana di Firenze*, l. III, cap. XII, стр. 158.

²⁶¹ Там же, cap. XV, стр. 159.

²⁶² *Atti giurisdizionali*, Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 838, № 119.

²⁶³ *Statuto della Seta*, cap. LXXXV, m, стр. 105 (1335 г.).

²⁶⁴ *Statuto della Lana di Siena*, cap. LXVII, стр. 180. К тому же посещение церкви разрешалось совершить кому-либо одному из семьи мастера, не обязательно самому члену цеха.

²⁶⁵ *Statuto della Lana di Radicondoli*, cap. XI, стр. 182.

мышленности (textitrices, filafrici).²⁶⁶ Дорен отмечает, что до конца 70-х годов XIV в. женщины работали за ткацким станком больше, чем мужчины.²⁶⁷ Достаточно вспомнить рельеф Джотто на флорентийской кампаниле, где у ткацкого станка горизонтальной конструкции находятся женщины. Прядение в деревне и частично в городе лежало на женщинах,²⁶⁸ шелк-сырец главным образом обрабатывали женщины (donne e madri), и устав цеха предписывал им в определенных случаях привлекать к этой работе детей и мужей, которые также считались в таком случае sottoposti этого цеха, так как делили с женами и матерями хлеб и вино.²⁶⁹

Нередко жены наемных рабочих-сукноделов, работавших в мастерских, выполняли заказы хозяев на дому. Примером тому может служить жена рабочего Кападока, о которой рассказывает в своих новеллах Саккетти. Кападока всю неделю работает в сукнодельческих мастерских Рондинелли, откуда приходит домой только обедать, а его жена по ночам прядет шерсть на прялке, шум которой не дает спать соседям.²⁷⁰

Устав цеха в 1352 г. объявлял жену или подругу наемного рабочего (lavorante) ответственной за его долг хозяину и за аванс, выданный ему за работу.²⁷¹

Определение размеров заработной платы и продолжительности рабочего дня дают достаточно четкую характеристику положения наемных рабочих. Сопоставление этих данных с ценами позволяет уточнить вопрос о реальной заработной плате. Хотя вопрос о ценах в Италии XIV и XV вв. в определенной степени разработан, однако колебания цен, связанные с войнами и нередкой потерей выходов к морю; неурожайными годами и эпидемиями не дают возможности установить точную статистическую картину взаимоотношений между ценами и оплатой труда: Дж. Луццатто пишет, что «реальная заработная плата поденщиков и чернорабочих, выполнявших наиболее тяжелую работу, была крайне низкой».²⁷² К поденщикам и чернорабочим относится большинство наемных рабочих, а к квалифицированным рабочим, реальная заработная плата которых, по

Луццатто, была сравнительно высокой, — красильщики и некоторые другие профессии. Однако красильщики, как об этом уже говорилось, все больше теряли свои привилегии и становились зависимыми наемными рабочими, заработная плата которых регулировалась теми же предпринимателями-сукноделами или шелкоткачами. О снижении уровня их материальной жизни свидетельствует движение красильщиков Флоренции в 60—70-х годах XIV в.²⁷³

Для установления цен необходимо обратиться к весьма точным показателям торговых книг. Три брата Перуцци, члены богатейшей торгово-банковской компании Флоренции, затратили за год (1313—1314) на содержание своих семей, т. е. на еду и питье, выезды и налоги, 3025 лир 11 сольдов 15 динаров, т. е. в среднем 1000 лир на семью. Один из представителей рода Перуцци израсходовал за год на свою семью в 1315—1316 гг. — 1436 лир, в 1316—1317 гг. — 1261 лир 13 сольдов.²⁷⁴ Средние затраты на семью в год у представителей «жирного народа» были равны в XIV в. 1144 лирам. В среднем ежедневные расходы на семью у тех, на кого работали наемные рабочие, были равны 3.1 лире, или 62 сольдам, в то время как чомпо мог затрачивать в день на семью не более 5 сольдов,²⁷⁵ или в двенадцать раз меньше своих хозяев. Таковы крайние полюсы материальной обеспеченности итальянских горожан в XIV в. Если обратиться к оплате ответственных служащих торгово-банковских и промышленных компаний, то они могли затрачивать в день свыше 20 сольдов, или в четыре раза больше наемных рабочих.²⁷⁶ К тому же жалование служащего вовсе не являлось единственным источником его доходов.²⁷⁷ Учитывая штрафы и другие вычеты из заработной платы рабочего, можно установить, что его дневные заработки могут быть и менее 5 сольдов.

При повышении цен на основные продукты питания наемные рабочие ощущали резкий недостаток средств, в то время как не только хозяева мастерских, но и их служащие, даже получающие более скромное жалование,²⁷⁸ могли просуществовать.

Повышение цен на основные продукты питания происходило в связи с войнами, неурожайными годами, которые влекли за

²⁶⁶ Statuto della Seta, cap. XXI—XXII, стр. 250 (1352 г.). Inventario dell'Archivio di F. Datini in Prato. Libri dei tessitori e tessitrici, стр. 50.

²⁶⁷ A. Doren. Die florentiner Wollentuchindustrie, стр. 278.

²⁶⁸ G. Boccaccio Il Decameron, giorno IV, nov. VII, стр. 381; гior. VIII, nov. II, стр. 621—624.

²⁶⁹ «... stando insieme a uno pane et un vino» (Statuto della Seta, cap II, с, стр. 407, 1411 г.).

²⁷⁰ F. Sacchetti, t. I, nov. C, стр. 403—405.

²⁷¹ «... che gli desse che lavorare» (Statuto della Seta, cap. XVII, стр. 255, 1352 г.).

²⁷² Дж. Луццатто, стр. 418—419.

²⁷³ См. стр. 93—94

²⁷⁴ Libri dei Peruzzi, стр. 424, 463—464

²⁷⁵ Из расчета 230 рабочих дней в году при зарплате в 8 сольдов в день

²⁷⁶ Из расчета жалования 10 служащих компании Барди, получавших от 65 до 450 флоринов в год (данные из приложения 3 к работе Сапори (A. Sapori La sign, стр. 263).

²⁷⁷ См.: В. И. Рутенбург. Очерк, стр. 45—46

²⁷⁸ Там же, стр. 43, 46, прим. 5.

с собой эпидемии и голод. В развитых городах, где процветала мануфактурная промышленность, городское население в XIV в. чрезвычайно возросло. Городские власти были заинтересованы в обеспечении прожиточного минимума беднейших слоев населения, который, как справедливо говорит Дж. Луццатто, был весьма низким.²⁷⁹ Эта их заинтересованность судьбой «тощего» народа разъяснена хронистом Дж. Виллани, который советовал «сдерживать гнев народа и бедного люда» мирными методами.²⁸⁰ Территория ближайшей городской округи (контадо), а иногда и всех земель республики (дистретто), не могла обеспечить продуктами густонаселенные центры типа Флоренции, где тысячи наемных рабочих и зависимых ремесленников были заняты в мануфактурной промышленности.

Зерно и другие продукты привозили из южноитальянских, в большей степени аграрных, районов. В годы больших недородов город мог надеяться лишь на запасы в дистретто, а в дни войны, когда территория города-государства в значительной степени была разорена, или захвачена войсками противника, — лишь на зерновые ресурсы контадо, что обозначало для массы населения угрозу голодной смерти.²⁸¹

Дж. Виллани описывает один из таких страшных периодов в истории Флоренции, когда весной 1347 г. неурожай принес неисчислимые бедствия, от чего пострадали «особенно бедные и слабые», начались массовые заболевания и смертность, народ умирал от голода, за лето умерло более 4000 человек, главным образом из бедного люда.²⁸²

Это был далеко не исключительный эпизод: Виллани показывает, что недороды происходили трижды в каждое десятилетие. Неурожайные годы и войны с сопутствующими им эпидемиями и голодовками были постоянно действующими факторами итальянской действительности.

В непосредственной связи с неурожайными годами находится уровень цен на хлеб, который является показателем общего положения с ценами на остальные продукты первой необходимости.

М. М. Ковалевский на основании флорентийских материалов установил процесс возрастания цен на хлеб в XIV в. Стайо²⁸³

²⁷⁹ G. Luzzatto, стр. 247.

²⁸⁰ G. Villani, l. X, cap. CXVIII, стр. 111—112

²⁸¹ G. Luzzatto, стр. 247—248.

²⁸² «...specialmente i poveri e impotenti, .. il popolo moria di fame ... il più in povere genti» (G. Villani, l. XII, cap. LXXXIII—LXXXIV, стр. 130—131).

²⁸³ Стайо (stajo) или старий (stero, staro) составляет около 36 литров; 24 стайо равны 1 модию (F. Edler, стр. 281).

пшеницы оценивался в первой половине XIV в. не выше 4 сольдов и в редкие годы его цена в среднем поднималась до 6.5 сольдов.²⁸⁴ В 1346 г. вследствие неурожая стайо пшеницы стоил 10 сольдов, а в год черной смерти — 6—7 сольдов. Эта цена сохранилась до 1352 г., когда она временно поднялась до 12 сольдов.²⁸⁵

Данные, собранные Ковалевским в сьенских архивах и не обработанные им, расширяют и уточняют эти сведения. Между 1245 и 1267 гг. стайо зерна оценивалось от 1.5 до 3 сольдов. В XIV в. начинается возрастание стоимости зерна: стайо доходит до 3.5—3.6 сольда. В неурожайные годы его стоимость значительно возрастает: в 1341 г. — 10 сольдов, в 1346 г. — 17—18 сольдов. В 60-х годах снижается вновь до 4—6 сольдов, а в 1370 г. круто возрастает до 17.5—20 сольдов.²⁸⁶ Архивная запись, относящаяся к этому году, гласит: «В этом году был неурожай, и коммуна приобрела зерно в Апулии и других частях Италии. Начали продавать зерно 9 августа 1370 г. по 20 сольдов за стайо...»²⁸⁷ В начале XV в., в 1403—1404 гг., стайо зерна оценивалось в 8—10 сольдов,²⁸⁸ а в 1407 г. доходило до 20 сольдов.²⁸⁹

Все эти данные говорят о том, что, несмотря на относительно дешевизну продуктов питания в итальянских городах XIV—XV вв., о которой говорят Л. Симеони и Дж. Луццатто,²⁹⁰ наемный рабочий, при его зарплатке в 5 сольдов в день, не мог обеспечить питанием себя и свою семью, а в годы неурожая и эпидемий падал первой жертвой голода и заболеваний.

Л. Симеони сообщает, что в Вероне XIII в. стоимость питания одного наемного рабочего была равна 1—1.5 сольдам, в то время как дневная оплата достигала 3—6 сольдов, т. е. от четверти до половины всей заработной платы. Если эта пропорция сохраняется в XIV—XV вв., то стоимость питания должна колебаться от 2 до 4 сольдов, что при наличии семьи и учета иных затрат (одежда и др.) не может обеспечить прожиточного минимума.²⁹¹

²⁸⁴ М. М. Ковалевский, т. II, стр. 408.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Spogli degli Matricoli, Архив АН СССР, ф. 103, оп. 1, № 934. Данные обработаны нами на основании разнообразных архивных выписок М. М. Ковалевского.

²⁸⁷ Там же, л. 28

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Там же, л. 36.

²⁹⁰ Дж. Луццатто, стр. 419. L. Simeoni.

²⁹¹ П. Лейхт, пользуясь отдельными данными Глорна, Симеони, Чибрарно, показывает для XIII в. некоторое абсолютное возрастание зара-

Военная обстановка подтачивала хозяйственное развитие городов весьма существенным образом, что тяжело отражалось прежде всего на городской бедноте.

Редкий год обходился без войны, нашествия кондотьеров и т. п. В течение XIV в. Флоренцией не менее 40 лет были потрачены на военные действия. Только на войну с папскими войсками накануне восстания чомпи Флорентийская республика затратила около 2,5—3 миллионов флоринов, на войны с Висконти до 7,5 миллионов,²⁹² а на военные нужды во второй половине XIV в. и в начале XV в. (до 1406 г.) — 115 тысяч дукатов.²⁹³

Войны приводили к крайнему напряжению городских финансов, а следовательно, и к усилению налогового пресса. На военные нужды коммуной Флоренции, как правило, взимались крупные суммы по принудительным займам (*prestanze*), доходившие до 30—50 тысяч флоринов. Если какой-либо горожанин не мог выплатить наложенную по займу сумму, за него мог внести другой, более состоятельный член коммуны, который получал за это соответствующие проценты. Отказавшиеся от уплаты займа лишались политических прав.²⁹⁴ Автор проекта нового налогообложения флорентиец Лодовико Гети, писавший в первой четверти XV в.,²⁹⁵ справедливо заявлял, что войны требуют непрерывных затрат (*sanza continova spesa*), которых многие не могут вынести (*non potersi sopportare*). Поэтому он предлагал в своем проекте освободить от всяческих налогов

наемных рабочих (*lavoranti*), которые, как он пишет, почти все являются бедняками.²⁹⁶

Войны влекли за собой не только увеличение налогообложения. Нередко они приводили к потере портовых центров, через которые шла продукция на внешние рынки, что нарушало хозяйственную жизнь города. Поэтому, хотя XIV и первая четверть XV в. были временем расцвета мануфактурной промышленности, этому периоду были известны также целые полосы временного застоя, сокращения промышленной деятельности.²⁹⁷

Крайне низкий материальный уровень наемных рабочих и зависимых ремесленников особенно остро ощущался в такие периоды. Их положение отягощалось к тому же большой задолженностью по авансам, займам и налогам,²⁹⁸ которая, как уже об этом было сказано, могла привести их в тюрьму. В период свертывания промышленности хозяева таким путем могли отделаться от беспокойной массы людей, временно потерявших работу.

Такая обстановка толкала наемных рабочих на бегство из родного города, во избежание тюрьмы или голодной смерти. Известны факты массового бегства венецианских шелкоткачей во Флоренцию, к чему их вынудили непомерные долги.²⁹⁹ Известны также массовые побеги наемных рабочих (*lavoranti*) из Флоренции в Сьену, Геную, Милан, Лукку, Болонью, Перуджу, Неаполь и даже в Испанию.³⁰⁰

Из Флоренции бежали многие производители шелка: ткачи, сновальщики, сновальщицы, красильщики и т. д.³⁰¹

После окончания промышленного застоя, который иногда продолжался несколько лет,³⁰² рабочие руки вновь были крайне необходимы хозяевам мастерских, и поэтому городские власти призывали рабочих вернуться в родной город на льготных условиях. Им обещали отсрочку долгов на 5 лет с выплатой их в следующее за возвращением пятилетие из расчета 5—10% в год, а иногда и отсрочку всех долгов на 10 лет.³⁰³ В начале XV в. устав на основе решения правительства запрещал ткачам

ботной платы наемных рабочих Вероны (с 3—45 сольдов в 1228 г. до 5—6 сольдов в 1300 г.) и относительное ее возрастание — у строительных рабочих (каменщиков, плотников) Падуи (с 4 сольдов 6 динаров в 1236 г. до 10 сольдов к концу XIII в.). Сравнивая эти зарплатки со стоимостью 1 стайо пшеницы или ячменя в 1236, 1295 и 1314 гг., он делает выводы об относительном росте их заработной платы (P. S. Leicht, стр. 122—123). Не оспаривая этого вывода для XIII в., необходимо, однако, учесть, что он касается только одного центра Италии, сравнительно мало развитого в промышленном отношении (Падуя) и одной специфической категории тружеников (строителей). Лейхт обходит молчанием данные по XIV в., когда значительно повысилась цена на зерно и был установлен максимум заработной платы, что прежде всего касается таких развитых промышленных центров, как Флоренция, Сьена и другие, где происходили восстания наемных рабочих, отмечаемые им самим.

²⁹² Дж. Луццатто, стр. 389; G. Sarroni, стр. 288.

²⁹³ Histoire florentine, Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Ин. 180, л. 177.

²⁹⁴ В. И. Рутенбург. Налогообложение и общественный кредит Флоренции XII—XV вв., стр. 154—158.

²⁹⁵ Там же, стр. 162—165.

²⁹⁶ «... quasi sono tutte povere persone» (Inventiva d'una impositione, стр. 467—468).

²⁹⁷ «... malo statu, cattivo temporale» (Statuto della Seta, cap. XI, стр. 219, 1344 г.).

²⁹⁸ «... gran danno... e della gabella» (там же, cap. I, стр. 560).

²⁹⁹ Там же, cap. XXI, стр. 257 (1352 г.).

³⁰⁰ Там же, cap. I, стр. 560—561 (1443 г.), стр. 660—661 (1481 г.).

³⁰¹ Там же, стр. 660.

³⁰² «Cattivo temporale che è stato già più anni molti» (там же):

³⁰³ Там же, стр. 561, 661 (1443, 1481 гг.).

уходить далее пределов дистретто.³⁰⁴ Это положение свидетельствует об отсутствии в городах постоянного резерва безработных.³⁰⁵

А. Сапори, обращаясь к положению наемных рабочих XIV в., справедливо замечает, что они находились в положении наиболее угнетенных низов и не только не могли принимать участия в управлении республикой, объединяться в союзы, но и должны были принимать крайне жесткие условия труда и оплаты, продиктованные им хозяевами-мастерами.³⁰⁶

В то же время он подчеркивает отзывчивость предпринимателей по отношению к бедным, наряду с суровостью по отношению к наемным рабочим.³⁰⁷ Противоречивость этого положения состоит в том, что наемные рабочие тоже являлись бедняками. Это противоречие А. Сапори, по его же словам, разрешается с легкостью: поскольку величие Флоренции состояло в ее мануфактурной промышленности, для того чтобы преодолеть конкуренцию, хозяева должны были искать выход в уменьшении заработной платы, так как из всех элементов стоимости продукции она являлась единственным элементом, которым можно было маневрировать.³⁰⁸ А. Сапори подчеркивает, что он не оправдывает этим капиталистическую систему, а уточняет картину определенного момента в развитии капиталистической системы.

А. Сапори, не скрывая истинного положения вещей, говорит о неизбежности процветания Флоренции «жирного народа» за счет эксплуатируемых рабочих, но в таком случае не лишним было сказать о том, что величие и процветание Флоренции было и личным процветанием предпринимателей.

Что касается «отзывчивости» представителей Флоренции, «жирных» пополанов, выражавшейся в завещании бедным и выделении «божьего денария» в счетных книгах, то ее скорее можно назвать разумным практицизмом, направленным на укрепление деловой и общегражданской репутации.

³⁰⁴ Там же, Provisio Communis Florentiae, стр. 457 (1419 г.).

³⁰⁵ А. Д. Эпштейн в статье «К вопросу о „раннем капитализме“ во Флоренции» говорит о «резервной армии» — постоянном контингенте рабочей силы, из которого использовалась только часть (стр. 335). В моей статье «О прогрессивности капиталистических отношений в Италии XIV—XV вв.» (стр. 394) показана необоснованность этого положения. Цеховые уставы еще раз подтверждают отсутствие так называемой «резервной армии»

³⁰⁶ A. Saporì. I secoli d'oro del mercante di Firenze, стр. 186.

³⁰⁷ Там же, стр. 185.

³⁰⁸ «Di tutti gli elementi del costo di produzione l'unico che si poteva veramente manovrare era patropo il salario» (там же, стр. 187).

Ярким образом помощи бедным является распоряжение цеха Сэты о сборе 4 динаров с лиры со всех членов цеха в пользу бедных невест, рожениц, больных, заключенных, в том числе, очевидно, и должников. Однако вычеты производятся не только с состоятельных членов цеха, но также и с ткачей и прядильщиков, которые сами должны заботиться о бедняках своего круга.³⁰⁹

Тяжелое положение наемных рабочих представляет собой резкий контраст богатству и роскоши их хозяев-предпринимателей. Внимательный наблюдатель, современник изучаемых нами событий, Франко Саккетти рассказывает в своей сотой новелле о том, как рабочие сукнодельческих мастерских по окончании работы собираются на проповедь в церкви Санта Репарата. Уже несколько раз им приходится слушать проповедь о вреде ростовщичества. Один из них, Ромоло дель Бьянко, не выдержав, заявил, что им надоело слушать все это, потому что все, кто присутствует в церкви, «берут в долг, а не дают, так как им нечего дать», ибо они «все бедные рабочие-шерстяники». С этого дня проповедник стал говорить о бедности, которую надо нести терпеливо и покорно.³¹⁰

Не менее характерна обстановка в семье шерстобита Аньоло, который всю жизнь до 70 лет не имел «ничего, кроме заработка». Когда Аньоло пытается заняться делами, необычными для шерстобита, его жена с возмущением заявила ему: «Ты из ума выжил. Ты не принимаешь в расчет того, что ты рабочий-шерстяник и что у тебя нет ничего другого, кроме того, что ты зарабатываешь. Перетряхивай лучше шерсть, как привык... Пусть будет проклят день, когда я была дана тебе в жены, ибо мои руки обессилели в работе, которой я кормлю твоих детей...»³¹¹

Заработная плата была тем стержнем, вокруг которого вращались все остальные вопросы взаимоотношений, существовавших между предпринимателями и наемными рабочими в XIV—XV вв.

Вся система контроля и угнетения была направлена на максимальное фактическое сокращение заработной платы. И это естественно, так как регулирование заработной платы хозяевами мануфактур давало им возможность увеличивать прибавочную стоимость. Если рабочий получал в день 8 сольдов, то стоимость выработанной им дневной продукции

³⁰⁹ Statuto della Seta, cap. I, стр. 565—569 (1447 г.).

³¹⁰ F. Sacchetti, t. I, nov. C, стр. 403—405

³¹¹ Там же, nov. LXIV, стр. 256—257

чих рук. В городах Италии XIV—XV вв. царил установленный правительством строгий максимум заработной платы, однако определенный минимум ее не был гарантирован, что приводило к полному произволу, и поэтому наемные рабочие вели борьбу за гарантированный минимум заработной платы.¹⁷²

Законы о максимуме были известны еще в Римской империи, однако законы о максимуме заработной платы могли возникнуть лишь в период возникновения наемного труда. Первый тариф на труд был зафиксирован в итальянских городских статутах в Парме в 1255 г. для ткачей и ткачих. С начала XIV в. введение максимума отмечено в Мантуе (1303 г.), Пизе (1305 г.), Болонье и т. д. Максимум вводился и для половников Флоренции, Перуджи, Пизы.¹⁷³ Во Флоренции, Сьене, Перудже, Пизе максимум для наемных рабочих был прочно введен в быт.¹⁷⁴ Например, красильщикам, подчиненным цеху Сэты, в 1335 г. было предписано выполнять заказы по установленному тарифу оплаты (salario). При отсутствии твердого соглашения устав разрешал в 1429 г. платить по усмотрению мастера, хотя и после утверждения условий оплаты. В 1438—1440 гг. составляются «свободные соглашения» хозяев мастерских с ткачами, очевидно при сохранении интересов хозяина.¹⁷⁵ Черная смерть в 1348 г., приведшая к сокращению рабочих рук, привела к усилению строгостей в законодательстве об оплате наемного труда: во Флоренции за нарушение закона о максимуме заработной платы хозяев мастерских подвергали штрафу.¹⁷⁶ О том, что этот максимум был чрезвычайно низок при сопоставлении с уровнем цен, особенно в годы после эпидемии чумы, говорит требование наемных рабочих и ремесленников о повышении оплаты их рабочей силы.

Вопросы максимума вошли в состав основных требований чомпи в 1378 г. (8 и 12 сольдов). Максимум сохранялся и в XV в., и только к XVI в. и особенно XVII в., пытаясь подержать падающую текстильную промышленность, тосканские правительствующие инстанции вводят минимум заработной платы.¹⁷⁷

¹⁷² См. выше, стр. 40—42.

¹⁷³ М. М. Ковалевский, т. III, стр. 127—128, 155, 170, 172, 254—263.

¹⁷⁴ Там же, стр. 255. Венеция проводит в это время своеобразную политику привлечения на свою территорию рабочей силы на льготных условиях. М. М. Ковалевский несколько преувеличивает результаты этой политики (там же, стр. 244—245).

¹⁷⁵ Statuti della Seta, cap. LXXXVIII, d, стр. 122; cap. XVI, a, стр. 505—506; cap. III, стр. 539.

¹⁷⁶ G. Renard, t. II, стр. 25.

¹⁷⁷ L. Cantini. Legislazione toscana, t. XX, стр. 231.

Расчет, который происходил в конце недели, производился медными деньгами — кватринами¹⁷⁸ (quattrini et ogni moneta di game). На рынке фактическая ценность кватрина была весьма низкой, и оплата работы кватринами, как об этом говорится у хронистов и в уставах цехов, была весьма выгодна шерстяникам-предпринимателям, которые продавали свои сукна за полноценные золотые флорины и в крайнем случае за флорины серебряные.¹⁷⁹

Однако при расчете наемные рабочие, как правило, не получали причитающихся им 24 кватринов (8 сольдов), так как в сукноделии господствовала жестокая система штрафов.

Если какой-либо владелец мастерской работал в недозволенное уставом время, то штрафу подвергался не только он (40 сольдов за каждую ночь работы), но и наемный рабочий (laborator) — шерстобит или стригальщик (5 сольдов).¹⁸⁰

В Сьене в 1307 г. с рабочего-кардовщика взимали 5 сольдов штрафа за недостаточно хорошо обработанный кусок сукна. У чесальщиков шерсти, работающих в мастерской (pettinatori che avvanno in bottega), вычиталось 2 сольда из их скудного заработка, если они не успевали уложить шерсть после работы. Если работу находили выполненной недостаточно хорошо, чесальщика заставляли сделать ее заново и, кроме того, брали с него 2 сольда штрафа. Промывальщиков шерсти штрафовали за загрязнение бассейна (1 сольд) и т. д.¹⁸¹

Штрафам подвергали также ткачей и прядильщиков. Так, например, если ткач не мог исправить все погрешности в работе после осмотра ее, он подвергался штрафу до 5 лир.¹⁸²

За погрешности при выработке пряжи в первый раз на прядильщика налагали штраф до 1 сольда, при повторном случае — до 2 лир, а в третий раз, о чем говорилось в специальных посланиях епископа Флорентийского и Фьезоланского, прядильщику грозило отлучение от церкви.¹⁸³ Если у ткача на-

¹⁷⁸ 1 кватрин равен 4 динарам, в сольде 12 динаров; 8 сольдов выдавались в виде 24 кватринов.

¹⁷⁹ «Li mercatanti vendeano a fiorini, e le maniffature pagavano a soldi e così si faceva per gli mercatanti valesse assai, e specialmente per gli lanaiouli, e per quelli che viveano di rendità» (M. Stefani, rubr. 877, стр. 382). Устав цеха Ланы требует: «Nullus huius artis et societatis vendat vel emat pannum aut pannos... nisi ad florenos argenteos, faciendo et fieri faciendo solutionem in florenis aureis cum lilio» (Statuto della Lana di Firenze, l. III, cap. XXXVI, стр. 172).

¹⁸⁰ Statuto della Lana di Firenze, l. II, cap. XLIII, стр. 130.

¹⁸¹ Statuto della Lana di Siena, cap. II, III, X, XI, XVI, XX, XXII, стр. 175, 261—262, 266—267, 272, 332.

¹⁸² Statuto della Lana di Firenze, l. I, cap. VIII, стр. 27.

¹⁸³ Там же, l. III, cap. VII, стр. 151—152.

ходили поясок или мешочек, сделанный из шерсти, его подвергали штрафу в 1 лиру, полагая, что он похитил шерсть; из них 10 сольдов шли в пользу указанного епископа и вторые 10 сольдов — приходскому священнику.¹⁸⁴

Штрафы брали за непочтительное отношение к цеховому начальству, ругань и т. д.¹⁸⁵ К тому же, если штраф уплачивался несвоевременно, его сумма увеличивалась на 25%.¹⁸⁶

Таким образом, штрафы значительно сокращали и без того небольшую заработную плату.

Небольшие размеры заработной платы вытекали из условий найма на работу. Не имевший никаких средств производства, владевший только своими рабочими руками, чомпо нуждался в неотложном получении аванса. Не имея ничего, наемный рабочий соглашался на оплату его труда в несколько сольдов в день. Если же, нанявшись на работу, он замечал, что эта оплата его не удовлетворяла, он не мог покинуть хозяина до отработки всей суммы аванса.¹⁸⁷ Согласно флорентийскому закону 1371 г., наемный рабочий не имел права возратить аванс наличными. Размер аванса можно установить на основании записей «Книги рабочих (шерсти)», хранящейся в архиве Датини в Прато.¹⁸⁸ В сукнодельческих мастерских Франческо Датини 1 сентября 1380 г. был выдан аванс размером в 1 золотой флорин, а 22 сентября того же года — в 2 золотых флорина. Подсчет всех случаев выдачи авансов, отмеченных в записях этой тетради, дает среднюю цифру, достигающую почти 2 флоринов.¹⁸⁹ Эта сумма надолго приковывала наемного рабочего к мастерской, иногда на несколько месяцев. Аванс носит в этих записях название займа (prestanza).¹⁹⁰ В 1418 г. было принято решение, запрещающее наемным рабочим покидать работу без предупреждения об этом хозяина за 4 месяца, в то время как предприниматель мог уволить наемного рабочего без всякого предупреждения.¹⁹¹ Все расчеты по заработной плате производились при явном пренебрежении интересов рабочего и к безусловной выгоде хозяев. Все спорные вопросы, связанные с заработной платой, решались таким порядком, при котором надо

было, как говорит устав, «верить шерстянику (т. е. хозяину), который занимается ремеслом в цехе, а не низкому рабочему».¹⁹²

К тому же скудная заработная плата толкала наемных рабочих на необходимость брать деньги в долг. Нередко займы давали сами предприниматели, увеличивая тем самым зависимость от себя наемных рабочих. Это еще теснее привязывало их к мастерской, что было выгодно хозяевам, особенно в период большого спроса на их продукцию на внешних рынках. При временном перепроизводстве или во времена некоторого свертывания промышленной деятельности — в связи с войнами, потерей выхода к морю и т. п. — предприниматели могли направить должника в тюрьму, изгнав его таким образом из мастерской якобы на законном основании.¹⁹³

Иногда жалованье выдавалось не в деньгах, а в натуре, в виде готовой продукции самой мастерской, т. е. сукном и другими товарами. К тому же канна сукна при оплате труда наемного рабочего оценивалась вдвое дороже (например, 4 флорина вместо 2).¹⁹⁴ Сьенские уставы также дают возможность предполагать, что часть жалованья выдавалась сукном.¹⁹⁵

Для наблюдения за работой и поведением наемных рабочих были установлены особые должности: «чужеземный чиновник», секретные осведомители и надсмотрщики-факторы.

«Чужеземный чиновник» (ufficiale forestiere),¹⁹⁶ согласно решению консулов флорентийского цеха Ланы в июле 1310 г., назначался консулами цеха из числа чужеземцев,¹⁹⁷ имеющих юридическое образование (обычно из нотариусов), для наблюдения за точным соблюдением устава цеха.¹⁹⁸ Эта формула охватывала широкий круг его полномочий. Он действительно следил за выполнением цеховых норм членами Ланы (правильное использование мастерских, соблюдение запрета обрабатывать готовые сукна, произвольно изменять длину куска сукна, нарушать монополию цеха на распределение красителей, рабо-

¹⁹² «...credere a lanaiuolo el quale faccia l'Arte, contra el lavorente infimo» (Statuto della Lana di Radicondoli, cap. VII, стр. 168)

¹⁹³ Statuto della Lana di Firenze, l. III, cap. II, стр. 148.

¹⁹⁴ A. Fanfani, стр. 79.

¹⁹⁵ Statuto della Lana di Siena, cap. XI, стр. 234.

¹⁹⁶ В тексте устава встречаются еще следующие его названия: officialis foresterius, executor forestarius, notarius malleficiorum, notarius super criminalibus и др. (Statuto della Lana di Firenze, l. I, cap. XXXVIII, стр. 68—72; l. II, cap. VIII, стр. 102—103; l. III, cap. XLV, стр. 180 и др.).

¹⁹⁷ Т. е. из числа жителей других городов Италии, расположенных не ближе 20 миль от Флоренции.

¹⁹⁸ «...debet dictus notarius observare et observari facere omnia statuta vel capitula dicte artis» (там же, l. I, cap. XXXVIII, стр. 71).

¹⁸⁴ Там же, l. II, cap. LXXI, стр. 144—145.

¹⁸⁵ В. И. Рутенбург. Восстание «обездоленных» в Сиене в 1371 г., стр. 158.

¹⁸⁶ Statuto della Lana di Radicondoli, стр. 205. Addizioni, § 13

¹⁸⁷ Statuto della Seta, l. III, cap. II, стр. 147—148 (1335 г.). В сьенских землях аванс носил наименование danari serviti (Statuto della Lana di Radicondoli, cap. VII, стр. 168).

¹⁸⁸ Quaderno di lavoranti (di lana), «D», Archivio Datini da Prato, л. 169.

¹⁸⁹ Там же, лл. 169—203.

¹⁹⁰ Там же, л. 169.

¹⁹¹ И. М. Кулишер, стр. 209

тать с кем-либо, не входящим в цех, и т. д.).¹⁹⁹ Однако эта сторуна его деятельности не была главной: цех платил чужеземному чиновнику большое жалование (600 лир в год)²⁰⁰ и давал ему в помощь специальный аппарат (5 стражников — *berovariis* и секретных наблюдателей), поручая ему прежде всего наблюдение за поведением рабочих в целях удержания их от выступлений против хозяев.

«Чужеземному чиновнику» предписывалось следить за возможными заговорами и незаконными союзами и собраниями, превышающими 10 человек (*conventicula et postura illicitis*), за что виновные подвергались самому суровому наказанию.²⁰¹

Шерстяники — хозяева сукнодельческих мастерских — боялись любого объединения наемных рабочих и запрещали даже религиозные братства шерстобитов, чесальщиков шерсти и других, так как под видом этого братства они могли составить заговор против хозяев цеха Ланы.²⁰² В цехе шерстяников Радикондоли строго запрещались любые формы объединения красильщиков (*alcuna communita o unione, o lega, o sette o conspirazione o posta con veruno tignitore*).²⁰³ Союзы воспрещались и уставом цеха Калималы 1302 г. (*de dogana facienda*) (рис. 5).²⁰⁴

В цехе шелкоткачей также преследовались всяческие объединения в тайные союзы (*postura, ligas et doganas*). Характерно обоснование этой статьи: «Христианское учение устами апостолов гласит: все должны быть братьями во Христе». ²⁰⁵ Жирные пополаны — владельцы текстильных мастерских — использовали в борьбе против объединения наемных рабочих идеологическое оружие наряду с физическим. Последним ведал «чужеземный чиновник».

Коммунальные власти Флоренции поддерживали и закрепляли запреты соборщ и союзов в уставах подеста коммуны (1324 г.) и капитана народа (1355 г.).²⁰⁶ В Венеции воспрещались любые союзы наемных рабочих. В Болонье запрещались союзы красильщиков; в случае их появления их деятельность

¹⁹⁹ Там же, I, I, cap. XL—XLI, стр. 76—79; I, II, cap. VIII, стр. 102—103; cap. XIV, стр. 109; cap. XXIII, стр. 118; cap. LVIII, стр. 137; I, III, cap. V, стр. 187.

²⁰⁰ Там же, I, I, cap. XXXVIII, стр. 70 (из расчета 56 сольдов во Флорине, т. е. около 215 золотых флоринов в год).

²⁰¹ Там же, I, II, cap. XVIII, стр. 115.

²⁰² «...sul pretestu societatis, predicti battitores et scardassarii et pettinatores faciant ibidem conventiculas contra artem lane» (там же, I, IV, cap. XXXII, стр. 203), (1317 г.).

²⁰³ Statuto della Lana di Radicondoli, cap. XXXIX, стр. 282.

²⁰⁴ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 25.

²⁰⁵ Statuto della Seta, cap. CXXXIII, стр. 153 (1335 г.).

²⁰⁶ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 26.

должна была прекратиться не позднее, чем на третий день. Любое сообщество sottoposti каралось здесь штрафом в 15 лир, а в Сьене — в 25 лир. В Пизе также были воспрещены союзы клятвы (*legamento di sacramento*) и т. д.²⁰⁷

«Чужеземный чиновник» должен был неукоснительно следить за выполнением тех статей устава, по которым строгим наказаниям подлежали лица, наносящие какое-либо оскорбление консулам и другим должностным лицам цеха. Размеры штрафов по этой статье были очень высокими (от 5 до 50 лир).²⁰⁸ За произнесение при консулах неприличествующих их высокому положению слов на виновных налагался штраф (до 10 сольдов),²⁰⁹ и т. д.

Все усилия были направлены на удержание наемных рабочих в строгом подчинении своим хозяевам. Каждый хозяин сукнодельческой мастерской мог обратиться с жалобой на любого работающего ученика, подмастерье или другое лицо, объявив, например, что кто-либо из них незаконно присвоил деньги, и «чужеземный чиновник» должен был по расследованию вопроса арестовать обвиняемого, поместить его в тюрьму и держать его там по воле мастера-хозяина.²¹⁰ Из этой формулы явствует, какую роль играло мнение мастера-хозяина при этом расследовании. «Чужеземный чиновник» от имени цеха принимал присягу у красильщиков, рабочих мастерских по растягиванию сукна и других, которой они обязывались подчиняться всем установлениям цеха. Присягу приносили красильщики, прядильщики, ткачи и все наемные рабочие шелкоткацкого цеха.²¹¹ Прежде всего речь шла о сохранении шерсти, сукна или шелка: наемные рабочие и ремесленники обязывались их не расхищать, а «чужеземный чиновник» должен был предупреждать и пресекать хищения.²¹² Все нарушения правил обработки шерсти и сукна вели к штрафам, о чем уже было сказано выше. До двух лир «чужеземный чиновник» мог оштрафовать собственной властью, без какого бы то ни было письменного оформления.²¹³ Пытавшиеся уклониться от штрафа путем бегства из

²⁰⁷ N. Rodolico. La democrazia fiorentina, стр. 96—103.

²⁰⁸ Statuto della Seta, cap. XXVIII, стр. 55; cap. XXXIII, стр. 58 (1335 г.) и др.

²⁰⁹ Statuto della Lana di Firenze, I, II, cap. X, стр. 104—105.

²¹⁰ «...et teneri facere ad voluntatem ipsius magistri» (там же, I, III, cap. XLVI, стр. 180—181).

²¹¹ Там же, cap. II, стр. 184—185; Statuto della Seta, cap. XVIII, стр. 256 (1352 г.).

²¹² Statuto della Lana di Firenze Reformationis Consiliorum Artis Lane (1318—1319 гг.), стр. 216—217.

²¹³ Statuto della Seta, cap. CXI, m, стр. 158 (1335 г.).

Флоренции или не уплатившие его в связи с предыдущей задолженностью арестовывались и заключались в тюрьму.

Задолженность у наемных рабочих возникала также в связи с системой оплаты (выдача аванса). Хозяин мастерской мог через «чужеземного чиновника» направить должника-рабочего в тюрьму на три года и более.²¹⁴ Стражники «чужеземного чиновника» могли по его приказу избивать и пытаться наемных рабочих, а по закону 1356 г. могли поступать еще более строго: в случае невозвращения долга в течение десяти дней отсекали кисть правой руки; если правая уже отсечена — кисть левой руки, а иногда могли присудить и к отсечению головы. Обычно эти кары применялись к беднякам, от которых нельзя было ожидать возвращения долга.²¹⁵

Каждый наемный рабочий находился под страхом преследования со стороны «чужеземного чиновника», который мог вести розыск, расследовать дела и наказывать виновных.²¹⁶ Причем расследования велись как открытыми, так и скрытыми методами (*secrete et palam*).²¹⁷ «Чужеземному чиновнику» разрешалось вести все эти процессы самому, без участия консулов цеха.²¹⁸

Таким образом, цех Ланы с разрешения флорентийского правительства передавал «чужеземному чиновнику» функции администрации, суда и палача по отношению к наемным рабочим и ремесленникам мануфактурных мастерских. Значение этого должностного лица с середины XIV в. было очень велико. Это подчеркивалось тем, что «чужеземный чиновник», не будучи должностным лицом коммуны, имел право носить любой вид одежды²¹⁹ и проживать в резиденции цеха. Это намеренное подчеркивание значения «чужеземного чиновника» и самостоятельности его действий было выгодным «жирным» пополам и в первую очередь для сукноделов, так как формально они отстранялись от следственных и карательных функций: их выполнял иногородний житель, считавшийся фигурой нейтральной и к тому же, как юрист, беспристрастной. В действительности «чужеземный чиновник» был ставленником «жирных» пополамов, делал все с согласия консулов цеха, которые могли его отстранить от должности до окончания годичного срока.²²⁰ Однако в значи-

тельной степени им удавалось переключить ненависть наемных рабочих к хозяевам на «чужеземного чиновника».²²¹ Не случайно устав предполагал возможность заговора или выступления, направленного против консулов или против «чужеземного чиновника».²²²

«Чужеземный чиновник» играл очень важную роль во всей системе флорентийского сукноделия, в большей степени, чем в системе шелкоткацкой промышленности (Сэта), сукнообработывающей (Калимала), в цехе по починке и продаже льняных тканей, и т. д. Однако и в этих отраслях промышленности действовали «чужеземные чиновники», выполнявшие те же функции.

Колоритный дополнительный материал о действиях «чужеземного чиновника» дает история шелкоткацкого цеха (Сэта), в котором также были наемные рабочие. Масштабы его деятельности были значительно меньше, чем у его коллеги в цехе Ланы, поэтому и оплата его была в четыре раза меньше оплаты «чужеземного чиновника» Ланы (около 50 флоринов в год).²²³ Принцип его избрания, а также цели и методы его деятельности аналогичны тем, которые практиковались в цехе Ланы.²²⁴ Роль «чужеземного чиновника» цеха Сэты возрастает в XV в., соответственно растущему значению шелкоткацкого производства во Флоренции: его права уточняются и расширяются в дополнениях и изменениях устава Сэты в 1411, 1412, 1413, 1435, 1460, 1461 гг.²²⁵ В 1460 г. его жалованье возросло в несколько раз, не

²²¹ В своей ранней работе Родолико, обращаясь к фигуре «чужеземного чиновника», говорил о гуманном и демократическом духе уставов цеха, признавая лишь угрозу потери работы для наемных рабочих (N. Rodolico. Il popolo minuto, стр. 27—28), в то время как Перран, Сантароза и другие историки писали об избении чужеземным чиновником рабочих до крови. Дорен доказал это документально. В своей новой работе о чомпи Родолико признал, что он идеализировал флорентийскую действительность, согласился с Дореном и дал правильную, хотя и очень краткую характеристику этой должности (N. Rodolico. I Ciompi, стр. 13).

²²² Statuto della Lana di Firenze, l. III, cap. XXX, стр. 169.

²²³ Statuto della Seta, cap. XXIII, a, стр. 41 (1335 г.).

²²⁴ Там же, cap. XXIII—XXV, стр. 42—49; cap. XXXII, b, стр. 57; cap. VII, стр. 217—218; cap. VIII, стр. 245; cap. I, стр. 264; cap. LXXXV, стр. 112—113; cap. XXXII—XXXIII, стр. 422. Как в цехе Ланы, «чужеземно-о чиновника» избирали из иногородних («sia di natione di fuori della giurisdizione di Firenze» — там же, cap. III, b, стр. 602) на 1 год. Возраст его должен был быть не ниже 30—35 лет (там же, cap. IX, стр. 529; cap. I, a, b, c, d, стр. 597—599).

²²⁵ Там же, cap. XV, стр. 415; cap. XXXIII, стр. 422—423; cap. V, стр. 432; cap. IX, стр. 529; cap. I, стр. 597—598; cap. II, стр. 605 и др. Вплоть до ликвидации этой должности в 1463 г., в связи с тем, что она требовала больших затрат и не всегда приносила необходимые результаты («l' detto ufficiale non fa il frutto che si stimò et piuttosto è spesa perduta

²¹⁴ Statuto della Lana di Firenze, cap. XXXIII, стр. 171.

²¹⁵ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 123.

²¹⁶ «... plenam baliam inquirendi, procedendi et puniendi quos invenerit culpabiles» (Statuto della Lana di Firenze, l. II, cap. LVIII, стр. 137).

²¹⁷ Там же, l. I, cap. XXXVIII, стр. 71.

²¹⁸ «... ipse idem notarius, sine ipsis consilibus, per se solum vel cum aliis de dicta arte... possit processus... expedire...» (Statuto della Lana di Firenze, l. III, cap. XXVIII, стр. 168).

²¹⁹ Там же, l. I, cap. XXXVIII, стр. 71.

²²⁰ Там же, l. I, cap. XXXVIII, стр. 71.

уступая размеру оплаты «чужеземного чиновника» Ланы (1000 лир в год).²²⁶ «Чужеземному чиновнику», как это было подтверждено в 1412 г., поручалось рассмотрение всех конфликтов, возникающих между хозяевами мастерских и рабочими (lavoranti), между мастерами, с одной стороны, и подмастерьями и учениками — с другой.²²⁷ «Чужеземный чиновник» Сэты был заинтересован во взаимии штрафов, так как 25% из их суммы шли в его пользу. Из этой четвертой части штрафов и составлялось его жалование; в случае, если этой суммы не хватало на покрытие размера жалования, остальное доплачивали богатые шелкоткачи (setaiuoli del membro grosso).²²⁸

Для бедных должников штраф заменялся физическими наказаниями. Характерна сама формулировка, поясняющая необходимость этих мер: в интересах укрепления цеховых установлений ввести для бедных людей, которые из-за своей бедности не могут платить штрафы и остаются безнаказанными,²²⁹ вместо денежных штрафов позорные и физические наказания и пытки: позорный колпак (mitere), позорный столб (ghogna), сечение розгами (schopa), избивание ремнем (schoreggiate), пытки (tortura), а именно дыба или пытка веревкой (cholla).

Проведение физических наказаний и пыток было разрешено и поручено «чужеземному чиновнику»: он имел право подвергать пытке веревкой (cholla) или водой (acqua) и другим телесным наказаниям, которые ему покажутся необходимыми.²³⁰ Вряд ли подлежит сомнению, что эти меры применялись не только к виновным в хищении или порче материалов. Пытки применялись прежде всего к вожакам и участникам восстаний, о чем говорит пример одного из руководителей чомпи — Симончино во Флоренции, а также руководителей восставших в Сьене Франческо д'Аньоло, Джованни Тесса и Чекко Форначи, которых пытали веревкой.²³¹

che alcuno utile se ne tragga — там же, сар. II, а, стр. 623—624). Функции «чужеземного чиновника» были возложены на консулов цеха и проводителей, которые как жители Флоренции и члены цеха могли оплачиваться дешевле, чем иногородний юрист.

²²⁶ Там же, сар. III, а, стр. 602.

²²⁷ Там же, сар. VII, стр. 427—428.

²²⁸ Там же, сар. II, стр. 605; сар. XI—XII, стр. 609—610 (1460 г.).

²²⁹ «...overe persone, le quali per povertà non possano pagare le condempnazioni et in manchamenti rimanchono impuniti» (там же, сар. V, стр. 590—591). Это решение было принято в 1458 г. и, очевидно, узаконивало фактическое положение вещей, существовавшее издавна.

²³⁰ «...altra pena afflicativa di cogro come allui paggà» (там же, сар. XXII, стр. 615) Текст этой статьи относится к 1460 г. и также, очевидно, является фиксацией давно установившейся практики.

²³¹ Neri Donato, стр. 224.

В цехе же по починке и продаже льняных тканей (rigattieri e lainaioli) также был «чужеземный чиновник» (notarius forestarius) уже с 1318 г.²³² Он получал 20% от суммы всех штрафов и жалованье.²³³ Цеху были подчинены зависимые ремесленники и наемные рабочие, занимавшиеся катанием полотна, окраской, и др.²³⁴ Поэтому усилия «чужеземного чиновника» этого цеха были направлены прежде всего на обеспечение беспрекословного подчинения хозяевам — членам цеха.²³⁵

В подчинении у «чужеземного чиновника», кроме 5 стражников (bergovieri) и нескольких посыльных, была целая сеть тайных осведомителей (exploratores secreti).²³⁶ Они назначались консулами цеха и были в подчинении сензалов цеха, следивших за выполнением правил производственного процесса и торговли. Они также подчинялись «чужеземному чиновнику». Секретные осведомители были во флорентийских цехах — Ланы, Сэты, Калималы, цехе по починке и продаже льняных тканей и т. д. В цехе шелкоткачей (Сэты) в 1335 г. их было 8 (по 2 от каждого района города).²³⁷ Они должны были доносить сензалам цеха и «чужеземным чиновникам» о нарушении правил при приеме в цех новых членов, при продаже и хранении шерсти и красителей, при выдаче шерсти прядильщикам, при передаче шерсти от шерстобита чесальщику, при обработке шелка и сукна,²³⁸ об опозданиях наемных рабочих (laboratores) на работу,²³⁹ за что получали до 25% от наложенного за нарушение штрафа.

Если доносы делались на членов цеха, последние могли обжаловать решение «чужеземного чиновника» перед консулами.

²³² Statuto dei rigattieri, сар. [LVI], стр. 175. В уставе последний порядковый номер статьи LIII (стр. 174) и номера в квадратных скобках поставлены мною для большего удобства, так как в тексте рукописи они не проставлены, очевидно, случайно.

²³³ Там же, сар. [LXVII], стр. 178.

²³⁴ Там же, сар. XXXII—XXXIII, стр. 209—210.

²³⁵ Там же, сар. [LVIII], стр. 176.

²³⁶ Statuto della Lana di Firenze, l. I, сар. XVI, стр. 38; Statuto della Seta, сар. XXIII, е, стр. 42. Они также именовались exploratores secreti (Statuto della Seta, сар. XIII, стр. 42; сар. XXXIII, стр. 59), accusatores (Statuto della Lana di Firenze, l. II, сар. III, стр. 96), spias et expiatores secreti (Statuto dei rigattieri, сар. [LXIII], стр. 177).

²³⁷ Statuto della Seta, сар. XXXIV, стр. 59 (1335 г.).

²³⁸ Там же, сар. XXIII, е, стр. 42; Statuto della Lana di Firenze, l. I, сар. VIII, стр. 27; сар. XVI, стр. 38; l. II, сар. III, стр. 96; сар. III, стр. 97; сар. VII, стр. 101; сар. XV, стр. 111—112; сар. XXIII, стр. 117—118; сар. XXXIII, стр. 124; сар. XXXVI, стр. 125; сар. XLVII, стр. 131; l. IV, сар. XXXIII, стр. 203—204; Statuto dei rigattieri, сар. [LXI]—[LXVII], стр. 177—178.

²³⁹ Statuto della Lana di Firenze, l. III, сар. XLII, стр. 178—179.

цеха, рабочие же не могли жаловаться никому.²⁴⁰ Дорен с полным основанием отмечает, что они были совершенно бесправны.²⁴¹

Особо важной стороной деятельности тайных осведомителей были доносы о противозаконных речах (*verba iniuriosa*), направленных против консулов цеха,²⁴² о готовящихся заговорах,²⁴³ которые могли перерасти в восстания. Случаи нападения на консулов и служащих цехов с палками, ножами и другими видами оружия были настолько частыми, что уставы предусматривали специальные наказания за них.²⁴⁴

Во всех отраслях и на разных участках сукнодельческого, шелкоткацкого и других видов производства были поставлены факторы-надсмотрщики над наемными рабочими (*fattori sopra i lavoranti*). Это были ставленники хозяев, производители работ, ответственные за определенный участок производства. В отличие от тайных осведомителей, имена которых, естественно, сохранялись в секрете, они непосредственно доносили о нарушениях, за которые на рабочих налагали денежные штрафы или иные наказания. Факторы-надсмотрщики были первой ступенью административного аппарата в мануфактурной промышленности итальянских городов.

В итальянской мануфактуре XIV—XV вв. предприниматель давно уже освободился от ручного труда, хотя он и является членом цеха. Более того, он уже освободился и от функций непосредственного надзора, которые закреплены за особым аппаратом наемных работников. К. Маркс писал, что «для массы рабочих, объединенной совместным трудом под командой одного и того же капитала, нужны промышленные обер-офицеры (управляющие, *managers*) и унтер-офицеры (мастера, *foremen*, *overlookers*, *contre-maitres*), распоряджающиеся во время процесса труда от имени капитала».²⁴⁵

В лице «чужеземных чиновников», секретных осведомителей и надсмотрщиков-факторов мы встречаемся с первой, хотя и примитивной, системой надзора, ставшей в раннекапиталистических предприятиях необходимой ступенью между работодателями и наемными рабочими. Такая передача предпринимателем

функций непосредственного и постоянного надзора за рабочими особой категории работников свойственна именно капиталистической кооперации.²⁴⁶

Для определения масштабов заработной платы необходимо коснуться вопроса о продолжительности рабочего дня.

Регламентация рабочего дня была одним из важнейших элементов всего комплекса строгой дисциплины труда наемных рабочих. Наемный рабочий должен был выполнять любую указанную ему предпринимателем работу и трудиться над ней в определенные часы. Распределение рабочего времени совершалось, таким образом, по произволу хозяев мастерских. Работа начиналась летом с восходом солнца по звону колокола на башне дворца подеста,²⁴⁷ которому вторили колокола каждого городского района (картьеры во Флоренции, терцы в Сьене и т. д.). Зимой не дожидались восхода солнца и начинали работу по звону колокола.²⁴⁸ В течение рабочего дня разрешался лишь один перерыв — на обед, после которого рабочие должны были тотчас вернуться и приступить к работе. Конец рабочего дня, как правило, наступал с заходом солнца, поэтому в течение пяти летних месяцев (с 1 марта по 1 августа), когда рабочий день достигал 16—18 часов в сутки, наемным рабочим разрешалось иметь два перерыва (в 3 часа по флорентийскому времени, т. е. между 7 и 9 утра, и в 9 часов, т. е. между 1 и 3 дня).²⁴⁹

Как правило, ночные работы были запрещены: эти правила преследовали цель не улучшить положение рабочих,²⁵⁰ а избежать пожаров и плохого качества обработки товаров,²⁵¹ а также и нежелательных для хозяев незаконных ночных сборищ наемных рабочих.

В воскресные и праздничные дни работа также была воспрещена, за исключением некоторых процессов производства, требовавших непрерывности (окраска и т. п.).

²⁴⁰ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 13.

²⁴¹ A. Doren. Italienische Wirtschaftsgeschichte, стр. 259—260.

²⁴² Statuto della Seta, cap. XXXIII—XXXVIII, стр. 59—60 (1335 г.)³

²⁴³ Statuto della Lana di Firenze, l. II, cap. XVIII, стр. 114.

²⁴⁴ «... assalto contro ad alchuno de' consoli, notaio, ovvero ufficiale con coltello frusto, bastone, ovvero altra generazione d'arme» (Statuti dei fornai, cap. XXIII, стр. 91).

²⁴⁵ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 338.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ «... ab hora primo vel aurora, ad primum sonum campane que pulsatur in pallatio Potestatis» (Statuto della Seta, cap. CV, стр. 129, 1335 г.). Так было не только во Флоренции но и в Сьене: «... sonata la campana» (Statuto della Lana di Siena, cap. XVII, стр. 272).

²⁴⁸ А. Дорен пишет о таких колокольных сигналах в отдельных квартирах города и не говорит о том, что ими пользовались не только зимой, но и летом (A. Doren. Die florentiner Wollentuchindustrie, стр. 222—223).

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 15—18.

²⁵¹ «Cum hoc sit periculosissimum propter ignem apprehendendum», «debent bactere non cum lumine aliquo ignis aliquahter accensi, set solum ad clarum diey...» (Statuto della Seta, cap. CV, стр. 129).

Во Флоренции в 1335 г. было 67 праздничных дней,²⁵² в Сьене — 71.²⁵³ В это число не входило 52 воскресных дня в году и столько же субботних дней с сокращенным на 1/3 рабочим днем.²⁵⁴ Таким образом, количество рабочих дней в году колебалось от 226 до 230, что приводило к тому, что в среднем за весь год в день наемный рабочий получал не 8 сольдов, а всего 5.²⁵⁵

Свойственное средневековью обилие религиозных праздников не облегчало положения трудового люда городов Италии. Большое количество нерабочих дней не было выгодно наемным рабочим, так как оно значительно снижало их заработную плату: нерабочие дни, естественно, не оплачивались, а за сокращенные субботние дни оплата также сокращалась на 1/3 (вместо 8 сольдов — около 5).

Обязательность отдыха в праздничные дни в XIII—XIV вв. не является итальянской спецификой, она известна всем европейским странам. Почти во всех цеховых уставах можно найти статьи о праздничных днях. М. М. Ковалевский справедливо замечает, что причиной включения этих статей в уставы цехов была «забота о поддержании равенства условий» членов цеха.²⁵⁶

В Италии, где во многих развитых городах текстильные цехи в XIV—XV вв. превратились в организации мануфактуристов, главной заботой хозяев мастерских являлось извлечение прибавочной стоимости, увеличение рабочего времени. Не отходя по форме от средневековых цеховых традиций, хозяева мастерских фактически обходили их, статьи об обязательных нерабочих днях и запрете ночных работ нарушались: характерно, что за недозволенные ночные работы штрафовали не только хозяина, но и наемного рабочего, отнимая у него в виде штрафа 2/3 дневной оплаты труда (5 сольдов из 8).²⁵⁷

Статьи устава давали возможность обходить строгие запреты, например разрешали в праздники открывать мастерскую для продажи товаров, но не для работы.²⁵⁸ Некоторым кате-

²⁵² В январе — 1, в феврале — 4, в апреле — 6, в мае — 6, в июне — 8, в июле — 3, в августе — 7, в сентябре — 4, в октябре — 5, в ноябре — 5, в декабре — 18 (Statuto della Seta, cap. LXXV, г, стр. 104).

²⁵³ В январе — 6, в феврале — 5, в марте — 3, в апреле — 4, в мае — 5, в июне — 3, в июле — 4, в августе — 9, в сентябре — 5, в октябре — 7, в ноябре — 10, в декабре — 10 (Statuto della Lana di Siena, стр. 311—313).

²⁵⁴ Statuto della Lana di Firenze, l. II, cap. L, стр. 133. Сокращенное время субботних дней дает около 16 нерабочих дней в году.

²⁵⁵ По 8 сольдов за 230 дней, т. е. 1840 сольдов на 365 дней (около 5 сольдов в день).

²⁵⁶ М. М. Ковалевский, т. III, стр. 174.

²⁵⁷ Statuto della Lana di Firenze, l. II, cap. XLVIII, стр. 130.

²⁵⁸ Statuto della Seta, cap. LXXV, г, стр. 104 (1335 г.).

гориям рабочих (возчикам, упаковщикам, носильщикам) было разрешено работать и в праздничные дни.²⁵⁹ Целому ряду профессий в цехе Ланы (стригальщикам, чесальщикам, рабочим мастерских по растяжке сукна) было разрешено работать в субботу полный рабочий день,²⁶⁰ а некоторые категории наемных рабочих могли работать в праздничные дни под видом охраны мастерских.²⁶¹

Некоторые акты Флорентийской коммуны позволяют предпологать, что возможность работы в праздничные дни использовалась довольно широко. 24 мая 1388 г. коммунальные власти принимают решение об использовании праздничных дней в порядке исключения во всех цехах, во всех мастерских города (negotiiis civilibus).²⁶²

Помимо этих лазеек, был и прямой путь к увеличению количества рабочих часов: даже в дни больших праздников можно было работать, получив специальное разрешение от трех консулов цеха, уплатив за это 2 сольда в пользу церкви Ор Сан Микеле за каждого рабочего.²⁶³ Эта своеобразная индульгенция давала возможность предпринимателям избежать большого штрафа.

Наконец, в сьенском цехе Ланы от членов цеха требовали обязательного посещения церкви в праздничные дни; в то же время им разрешалось продавать и покупать, а для их рабочих (стригальщиков, ткачей, чесальщиков) празднование этих дней объявлялось необязательным.²⁶⁴ В малоразвитых центрах, вроде Радикондоли, в праздничные дни запрещалось работать и мастерам, и рабочим.²⁶⁵ В развитых городах Италии, где процветала мануфактурная промышленность, традиционные цеховые правила нарушались скрыто и открыто в целях увеличения объема продукции, а следовательно, и размеров прибавочной стоимости.

Когда речь идет о положении наемных рабочих и зависимых ремесленников в итальянских городах XIV—XV вв., необходимо учесть, что значительное место в их рядах занимали женщины-работницы (laboratrices), особенно в прядении, сновании и ткачестве, как в сукноделии, так и в шелкоткацкой про-

²⁵⁹ Там же, с, стр. 104.

²⁶⁰ Statuto della Lana di Firenze, l. III, cap. XII, стр. 158.

²⁶¹ Там же, cap. XV, стр. 159.

²⁶² Atti giurisdizionali, Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 838, № 119.

²⁶³ Statuto della Seta, cap. LXXV, m, стр. 105 (1335 г.).

²⁶⁴ Statuto della Lana di Siena, cap. LXVII, стр. 180. К тому же посещение церкви разрешалось совершить кому-либо одному из семи мастера, не обязательно самому члену цеха.

²⁶⁵ Statuto della Lana di Radicondoli, cap. XI, стр. 182.

мышленности (*textrices, filatrici*).²⁶⁶ Дорен отмечает, что до конца 70-х годов XIV в. женщины работали за ткацким станком больше, чем мужчины.²⁶⁷ Достаточно вспомнить рельеф Джотто на флорентийской кампаниле, где у ткацкого станка горизонтальной конструкции находятся женщины. Пряндения в деревне и частично в городе лежало на женщинах,²⁶⁸ шелк-сырец главным образом обрабатывали женщины (*donne e madri*), и устав цеха предписывал им в определенных случаях привлекать к этой работе детей и мужей, которые также считались в таком случае *sottoposti* этого цеха, так как делили с женами и матерями хлеб и вино.²⁶⁹

Нередко жены наемных рабочих-сукноделов, работавших в мастерских, выполняли заказы хозяев на дому. Примером тому может служить жена рабочего Кападока, о которой рассказывает в своих новеллах Саккетти. Кападока всю неделю работает в сукнодельческих мастерских Рондинеллы, откуда приходит домой только обедать, а его жена по ночам прядет шерсть на прялке, шум которой не дает спать соседям.²⁷⁰

Устав цеха в 1352 г. объявлял жену или подругу наемного рабочего (*lavorante*) ответственной за его долг хозяину и за аванс, выданный ему за работу.²⁷¹

Определение размеров заработной платы и продолжительности рабочего дня дают достаточно четкую характеристику положения наемных рабочих. Сопоставление этих данных с ценами позволяет уточнить вопрос о реальной заработной плате. Хотя вопрос о ценах в Италии XIV и XV вв. в определенной степени разработан, однако колебания цен, связанные с войнами и нередкой потерей выходов к морю; неурожайными годами и эпидемиями не дают возможности установить точную статистическую картину взаимоотношений между ценами и оплатой труда: Дж. Луццатто пишет, что «реальная заработная плата поденщиков и чернорабочих, выполнявших наиболее тяжелую работу, была крайне низкой».²⁷² К поденщикам и чернорабочим относится большинство наемных рабочих, а к квалифицированным рабочим, реальная заработная плата которых, по

Луццатто, была сравнительно высокой, — красильщики и некоторые другие профессии. Однако красильщики, как об этом уже говорилось, все больше теряли свои привилегии и становились зависимыми наемными рабочими, заработная плата которых регулировалась теми же предпринимателями-сукноделами или шелкоткачами. О снижении уровня их материальной жизни свидетельствует движение красильщиков Флоренции в 60—70-х годах XIV в.²⁷³

Для установления цен необходимо обратиться к весьма точным показателям торговых книг. Три брата Перуцци, члены богатейшей торгово-банковской компании Флоренции, затратили за год (1313—1314) на содержание своих семей, т. е. на еду и питье, выезды и налоги, 3025 лир 11 сольдов 15 динаров, т. е. в среднем 1000 лир на семью. Один из представителей рода Перуцци израсходовал за год на свою семью в 1315—1316 гг. — 1436 лир, в 1316—1317 гг. — 1261 лир 13 сольдов.²⁷⁴ Средние затраты на семью в год у представителей «жирного народа» были равны в XIV в. 1144 лирам. В среднем ежедневные расходы на семью у тех, на кого работали наемные рабочие, были равны 3.1 лире, или 62 сольдам, в то время как чомпо мог затрачивать в день на семью не более 5 сольдов,²⁷⁵ или в двенадцать раз меньше своих хозяев. Таковы крайние полюсы материальной обеспеченности итальянских горожан в XIV в. Если обратиться к оплате ответственных служащих торгово-банковских и промышленных компаний, то они могли затрачивать в день свыше 20 сольдов, или в четыре раза больше наемных рабочих.²⁷⁶ К тому же жалование служащего вовсе не являлось единственным источником его доходов.²⁷⁷ Учитывая штрафы и другие вычеты из заработной платы рабочего, можно установить, что его дневные заработки могут быть и менее 5 сольдов.

При повышении цен на основные продукты питания наемные рабочие ощущали резкий недостаток средств, в то время как не только хозяева мастерских, но и их служащие, даже получающие более скромное жалование,²⁷⁸ могли просуществовать.

Повышение цен на основные продукты питания происходило в связи с войнами, неурожайными годами, которые влекли за

²⁶⁶ Statuto della Seta, cap. XXI—XXII, стр. 250 (1352 г.). Inventario dell'Archivio di F. Datini in Prato. Libri dei tessitori e tessitrici, стр. 50.

²⁶⁷ A. Doren. Die florentiner Wollentuchindustrie, стр. 278.

²⁶⁸ G. Vossaccio Il Decameron, giorno IV, nov. VII, стр. 381; giog. VIII, nov. II, стр. 621—624.

²⁶⁹ «... stando insieme a uno pane et un vino» (Statuto della Seta, cap. II, с, стр. 407, 1411 г.).

²⁷⁰ F Sacchetti, t. I, nov. C, стр. 403—405.

²⁷¹ «... che gli desse che lavorare» (Statuto della Seta, cap. XVII, стр. 255, 1352 г.).

²⁷² Дж. Луццатто, стр. 418—419.

²⁷³ См стр. 93—94

²⁷⁴ Libri dei Peruzzi, стр. 424, 463—464

²⁷⁵ Из расчета 230 рабочих дней в году при заработке в 8 сольдов в день

²⁷⁶ Из расчета жалования 10 служащих компании Барди, получавших от 65 до 450 флоринов в год (данные из приложения 3 к работе Сапори (A. Saporì La crisi, стр. 263).

²⁷⁷ См: В И Рутенбург. Очерк, стр. 45—46

²⁷⁸ Там же, стр. 43, 46, прим. 5.

собой эпидемии и голод. В развитых городах, где процветала мануфактурная промышленность, городское население в XIV в. чрезвычайно возросло. Городские власти были заинтересованы в обеспечении прожиточного минимума беднейших слоев населения, который, как справедливо говорит Дж. Луццатто, был весьма низким.²⁷⁹ Эта их заинтересованность судьбой «тощего» народа разъяснена хронистом Дж. Виллани, который советовал «сдерживать гнев народа и бедного люда» мирными методами.²⁸⁰ Территория ближайшей городской округи (контадо), а иногда и всех земель республики (дистретто), не могла обеспечить продуктами густонаселенные центры типа Флоренции, где тысячи наемных рабочих и зависимых ремесленников были заняты в мануфактурной промышленности.

Зерно и другие продукты привозили из южноитальянских, в большей степени аграрных, районов. В годы больших недородов город мог надеяться лишь на запасы в дистретто, а в дни войны, когда территория города-государства в значительной степени была разорена, или захвачена войсками противника, — лишь на зерновые ресурсы контадо, что обозначало для массы населения угрозу голодной смерти.²⁸¹

Дж. Виллани описывает один из таких страшных периодов в истории Флоренции, когда весной 1347 г. неурожай принес неисчислимые бедствия, от чего пострадали «особенно бедные и слабые», начались массовые заболевания и смертность, народ умирал от голода, за лето умерло более 4000 человек, главным образом из бедного люда.²⁸²

Это был далеко не исключительный эпизод: Виллани показывает, что недороды происходили трижды в каждое десятилетие. Неурожайные годы и войны с сопутствующими им эпидемиями и голодовками были постоянно действующими факторами итальянской действительности.

В непосредственной связи с неурожайными годами находится уровень цен на хлеб, который является показателем общего положения с ценами на остальные продукты первой необходимости.

М. М. Ковалевский на основании флорентийских материалов установил процесс возрастания цен на хлеб в XIV в. Стайо²⁸³

²⁷⁹ G. Luzzatto, стр. 247.

²⁸⁰ G. Villani, I. X, cap. CXVIII, стр. 111—112

²⁸¹ G. Luzzatto, стр. 247—248.

²⁸² «...specialmente i poveri e impotenti, .. il popolo moria di fame ... il più in povere genti» (G. Villani, I. XII, cap. LXXXIII—LXXXIV, стр. 130—131).

²⁸³ Стайо (stajo) или старий (stero, staro) составляет около 36 литров; 24 стаю равны 1 модию (F. Edler, стр. 281).

пшеницы оценивался в первой половине XIV в. не выше 4 сольдов и в редкие годы его цена в среднем поднималась до 6,5 сольдов.²⁸⁴ В 1346 г. вследствие неурожая стаю пшеницы стоил 10 сольдов, а в год черной смерти — 6—7 сольдов. Эта цена сохранилась до 1352 г., когда она временно поднялась до 12 сольдов.²⁸⁵

Данные, собранные Ковалевским в сьенских архивах и не обработанные им, расширяют и уточняют эти сведения. Между 1245 и 1267 гг. стаю зерна оценивалось от 1,5 до 3 сольдов. В XIV в. начинается возрастание стоимости зерна: стаю доходит до 3,5—3,6 сольда. В неурожайные годы его стоимость значительно возрастает: в 1341 г. — 10 сольдов, в 1346 г. — 17—18 сольдов. В 60-х годах снижается вновь до 4—6 сольдов, а в 1370 г. круто возрастает до 17,5—20 сольдов.²⁸⁶ Архивная запись, относящаяся к этому году, гласит: «В этом году был неурожай, и коммуна приобрела зерно в Апулии и других частях Италии. Начали продавать зерно 9 августа 1370 г. по 20 сольдов за стаю...»²⁸⁷ В начале XV в., в 1403—1404 гг., стаю зерна оценивалось в 8—10 сольдов,²⁸⁸ а в 1407 г. доходило до 20 сольдов.²⁸⁹

Все эти данные говорят о том, что, несмотря на относительно дешевизну продуктов питания в итальянских городах XIV—XV вв., о которой говорят Л. Симеони и Дж. Луццатто,²⁹⁰ наемный рабочий, при его заработке в 5 сольдов в день, не мог обеспечить питанием себя и свою семью, а в годы неурожая и эпидемий падал первой жертвой голода и заболеваний.

Л. Симеони сообщает, что в Вероне XIII в. стоимость питания одного наемного рабочего была равна 1—1,5 сольдам, в то время как дневная оплата достигала 3—6 сольдов, т. е. от четверти до половины всей заработной платы. Если эта пропорция сохраняется в XIV—XV вв., то стоимость питания должна колебаться от 2 до 4 сольдов, что при наличии семьи и учета иных затрат (одежда и др.) не может обеспечить прожиточного минимума.²⁹¹

²⁸⁴ М. М. Ковалевский, т. II, стр. 408.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Spogli degli Matricoli, Архив АН СССР, ф. 103, оп. 1, № 934. Данные обработаны нами на основании разнообразных архивных выписок М. М. Ковалевского.

²⁸⁷ Там же, л. 28

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Там же, л. 36.

²⁹⁰ Дж. Луццатто, стр. 419. L. Simeoni.

²⁹¹ П. Лейхт, пользуясь отдельными данными Глорна, Симеони, Чибарио, показывает для XIII в. некоторое абсолютное возрастание зара-

Военная обстановка подтачивала хозяйственное развитие городов весьма существенным образом, что тяжело отражалось прежде всего на городской бедноте.

Редкий год обходился без войны, нашествия кондотьеров и т. п. В течение XIV в. Флоренцией не менее 40 лет были потрачены на военные действия. Только на войну с папскими войсками накануне восстания чомпи Флорентийская республика затратила около 2,5—3 миллионов флоринов, на войны с Висконти до 7,5 миллионов,²⁹² а на военные нужды во второй половине XIV в. и в начале XV в. (до 1406 г.) — 115 тысяч дукатов.²⁹³

Войны приводили к крайнему напряжению городских финансов, а следовательно, и к усилению налогового пресса. На военные нужды коммуной Флоренции, как правило, взымались крупные суммы по принудительным займам (*prestanze*), доходившие до 30—50 тысяч флоринов. Если какой-либо горожанин не мог выплатить наложенную по займу сумму, за него мог внести другой, более состоятельный член коммуны, который получал за это соответствующие проценты. Отказавшиеся от уплаты займа лишались политических прав.²⁹⁴ Автор проекта нового налогообложения флорентиец Лодовико Гети, писавший в первой четверти XV в.,²⁹⁵ справедливо заявлял, что войны требуют непрерывных затрат (*sanza continova spesa*), которых многие не могут вынести (*non potersi sopportare*). Поэтому он предлагал в своем проекте освободить от всяческих налогов

ботной платы наемных рабочих Вероны (с 3—45 сольдов в 1228 г. до 5—6 сольдов в 1300 г.) и относительное ее возрастание — у строительных рабочих (каменщиков, плотников) Падуи (с 4 сольдов 6 динаров в 1236 г. до 10 сольдов к концу XIII в.). Сравнивая эти заработки со стоимостью 1 стайо пшеницы или ячменя в 1236, 1295 и 1314 гг., он делает выводы об относительном росте их заработной платы (P. S. Leicht, стр. 122—123). Не оспаривая этого вывода для XIII в., необходимо, однако, учесть, что он касается только одного центра Италии, сравнительно мало развитого в промышленном отношении (Падуя) и одной специфической категории тружеников (строителей). Лейхт обходит молчанием данные по XIV в., когда значительно повысилась цена на зерно и был установлен максимум заработной платы, что прежде всего касается таких развитых промышленных центров, как Флоренция, Сьена и другие, где происходили восстания наемных рабочих, отмечаемые им самим.

²⁹² Дж. Луццатто, стр. 389; G. Carroni, стр. 288.
²⁹³ Histoire Florentine, Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Ин. 180, л. 177.

²⁹⁴ В. И. Рутенбург. Налогообложение и общественный кредит Флоренции XII—XV вв., стр. 154—158.

²⁹⁵ Там же, стр. 162—165.

наемных рабочих (*lavoranti*), которые, как он пишет, почти все являются бедняками.²⁹⁶

Войны влекли за собой не только увеличение налогообложения. Нередко они приводили к потере портовых центров, через которые шла продукция на внешние рынки, что нарушало хозяйственную жизнь города. Поэтому, хотя XIV и первая четверть XV в. были временем расцвета мануфактурной промышленности, этому периоду были известны также целые полосы временного застоя, сокращения промышленной деятельности.²⁹⁷

Крайне низкий материальный уровень наемных рабочих и зависимых ремесленников особенно остро ощущался в такие периоды. Их положение отягощалось к тому же большой задолженностью по авансам, займам и налогам,²⁹⁸ которая, как уже об этом было сказано, могла привести их в тюрьму. В период свертывания промышленности хозяева таким путем могли отделаться от беспокойной массы людей, временно потерявших работу.

Такая обстановка толкала наемных рабочих на бегство из родного города, во избежание тюрьмы или голодной смерти. Известны факты массового бегства венецианских шелкоткачей во Флоренцию, к чему их вынудили непомерные долги.²⁹⁹ Известны также массовые побеги наемных рабочих (*lavoranti*) из Флоренции в Сьену, Геную, Милан, Лукку, Болонью, Перуджу, Неаполь и даже в Испанию.³⁰⁰

Из Флоренции бежали многие производители шелка: ткачи, сновальщики, сновальщицы, красильщики и т. д.³⁰¹

После окончания промышленного застоя, который иногда продолжался несколько лет,³⁰² рабочие руки вновь были крайне необходимы хозяевам мастерских, и поэтому городские власти призывали рабочих вернуться в родной город на льготных условиях. Им обещали отсрочку долгов на 5 лет с выплатой их в следующее за возвращением пятилетие из расчета 5—10% в год, а иногда и отсрочку всех долгов на 10 лет.³⁰³ В начале XV в. устав на основе решения правительства запрещал ткачам

²⁹⁶ «...quasi sono tutte povere persone» (Inventiva d'una impositione, стр. 467—468).

²⁹⁷ «...malo statu, cattivo temporale» (Statuto della Seta, cap. XI, стр. 219, 1344 г.).

²⁹⁸ «...gran Channo... e della gabella» (там же, cap. I, стр. 560).

²⁹⁹ Там же, cap. XXI, стр. 257 (1352 г.).

³⁰⁰ Там же, cap. I, стр. 560—561 (1443 г.), стр. 660—661 (1481 г.).

³⁰¹ Там же, стр. 660.

³⁰² «Cattivo temporale che è stato già più anni molti» (там же):

³⁰³ Там же, стр. 561, 661 (1443, 1481 гг.).

уходить далее пределов дистрикто.³⁰⁴ Это положение свидетельствует об отсутствии в городах постоянного резерва безработных.³⁰⁵

А. Сапори, обращаясь к положению наемных рабочих XIV в., справедливо замечает, что они находились в положении наиболее угнетенных низов и не только не могли принимать участия в управлении республикой, объединяться в союзы, но и должны были принимать крайне жесткие условия труда и оплаты, продиктованные им хозяевами-мастерами.³⁰⁶

В то же время он подчеркивает отзывчивость предпринимателей по отношению к бедным, наряду с суровостью по отношению к наемным рабочим.³⁰⁷ Противоречивость этого положения состоит в том, что наемные рабочие тоже являлись бедняками. Это противоречие А. Сапори, по его же словам, разрешается с легкостью: поскольку величие Флоренции состояло в ее мануфактурной промышленности, для того чтобы преодолеть конкуренцию, хозяева должны были искать выход в уменьшении заработной платы, так как из всех элементов стоимости продукции она являлась единственным элементом, которым можно было маневрировать.³⁰⁸ А. Сапори подчеркивает, что он не оправдывает этим капиталистическую систему, а уточняет картину определенного момента в развитии капиталистической системы.

А. Сапори, не скрывая истинного положения вещей, говорит о неизбежности процветания Флоренции «жирного народа» за счет эксплуатируемых рабочих, но в таком случае не лишним было сказать о том, что величие и процветание Флоренции было и личным процветанием предпринимателей.

Что касается «отзывчивости» представителей Флоренции, «жирных» пополанов, выражавшейся в завещании бедным и выделении «божьего денария» в счетных книгах, то ее скорее можно назвать разумным практицизмом, направленным на укрепление деловой и общегражданской репутации.

³⁰⁴ Там же, Provisio Communis Florentiae, стр. 457 (1419 г.).

³⁰⁵ А. Д. Эпштейн в статье «К вопросу о „раннем капитализме“ во Флоренции» говорит о «резервной армии» — постоянном контингенте рабочей силы, из которого использовалась только часть (стр. 335). В моей статье «О прогрессивности капиталистических отношений в Италии XIV—XV вв.» (стр. 394) показана необоснованность этого положения. Цеховые уставы еще раз подтверждают отсутствие так называемой «резервной армии».

³⁰⁶ А. Сапори. I secoli d'oro del mercante di Firenze, стр. 186.

³⁰⁷ Там же, стр. 185.

³⁰⁸ «Di tutti gli elementi del costo di produzione l'unico che si poteva veramente manovrare era partropo il salario» (там же, стр. 187).

Ярким образцом помощи бедным является распоряжение цеха Сэты о сборе 4 динаров с лиры со всех членов цеха в пользу бедных невест, рожениц, больных, заключенных, в том числе, очевидно, и должников. Однако вычеты производятся не только с состоятельных членов цеха, но также и с ткачей и прядильщиков, которые сами должны заботиться о бедняках своего круга.³⁰⁹

Тяжелое положение наемных рабочих представляет собой резкий контраст богатству и роскоши их хозяев-предпринимателей. Внимательный наблюдатель, современник изучаемых нами событий, Франко Саккетти рассказывает в своей сотой новелле о том, как рабочие сукнодельческих мастерских по окончании работы собираются на проповедь в церкви Санта Репарата. Уже несколько раз им приходится слушать проповедь о вреде ростовщичества. Один из них, Ромоло дель Бьянко, не выдержав, заявил, что им надоело слушать все это, потому что все, кто присутствует в церкви, «берут в долг, а не дают, так как им нечего дать», ибо они «все бедные рабочие-шерстяники». С этого дня проповедник стал говорить о бедности, которую надо нести терпеливо и покорно.³¹⁰

Не менее характерна обстановка в семье шерстобита Аньоло, который всю жизнь до 70 лет не имел «ничего, кроме заработка». Когда Аньоло пытается заняться делами, необычными для шерстобита, его жена с возмущением заявила ему: «Ты из ума выжил. Ты не принимаешь в расчет того, что ты рабочий-шерстяник и что у тебя нет ничего другого, кроме того, что ты зарабатываешь. Перетряхивай лучше шерсть, как привык... Пусть будет проклят день, когда я была дана тебе в жены, ибо мои руки обессилели в работе, которой я кормлю твоих детей...»³¹¹

Заработная плата была тем стержнем, вокруг которого вращались все остальные вопросы взаимоотношений, существовавших между предпринимателями и наемными рабочими в XIV—XV вв.

Вся система контроля и угнетения была направлена на максимальное фактическое сокращение заработной платы. И это естественно, так как регулирование заработной платы хозяевами мануфактур давало им возможность увеличивать прибавочную стоимость. Если рабочий получал в день 8 сольдов, то стоимость выработанной им дневной продукции

³⁰⁹ Statuto della Seta, cap. I, стр. 565—569 (1447 г.).

³¹⁰ F. Sacchetti, t. I, nov. C, стр. 403—405

³¹¹ Там же, nov. LXIV, стр. 256—257

составляла 12—18 сольдов.³¹² Следовательно, из труда каждого рабочего хозяева флорентийских мануфактурных мастерских извлекали от 4 до 10 сольдов в день. Если даже до 70-х годов XIV в. чомпи получали 12 сольдов, то и в этом случае прибавочная стоимость, получаемая от каждого рабочего, могла достигнуть 6 сольдов. К тому же нужно учесть, что штрафы и другие обстоятельства, о которых уже говорилось, вели к снижению дневной оплаты рабочего фактически до 5 сольдов. Максимальное выжимание прибавочной стоимости из наемных рабочих являлось наиболее существенной причиной ухудшения положения наемных рабочих и зависимых ремесленников, втянутых в систему мануфактурного производства, зародившегося и развивавшегося в итальянских городах в XIV—XV вв.

Значительное ухудшение материального положения трудящихся итальянских городов, в которых развивалось мануфактурное производство, сочеталось с утверждением полного политического и правового бесправия наемных рабочих.

« Все это в значительной мере обостряло обстановку в этих городах Италии. В значительно более резкой форме, чем в период, который для этих развитых центров Италии можно назвать домануфактурным, т. е. типично цеховым, здесь проявлялось имущественное и социальное неравенство.

« Мануфактура, даже в своих первоначальных и примитивных формах, которые мы наблюдаем в Италии XIV—XV вв., представляла собой производство, основанное на капиталистической эксплуатации, приносящей владельцам предприятий прибавочную стоимость. Будучи в целом прогрессивным явлением, мануфактура вела к качественно новому повышению производительности труда и к значительному, по сравнению с цеховым, увеличению объема продукции.

Этот прогресс совершается усилиями и за счет наемных рабочих и зависимых ремесленников, представлявших собой качественно новый, по сравнению с цеховым, коллектив трудящихся, который был охарактеризован К. Марксом, как «совокупный рабочий, составленный из многих частичных рабочих».³¹³

Увеличение объема продукции мануфактур силами «совокупного рабочего» связано с размерами прибавочной стоимости, непомерное выжимание которой являлось новой, более тяжелой, капиталистической формой эксплуатации трудящихся.

Обращаясь к первым шагам капиталистического производства, К. Маркс говорит, что «выкачивая прибавочный труд и

эксплуатируя рабочую силу, капитал по своей энергии, ненасытности и эффективности далеко превосходит в этом отношении все прежние системы производства, покоящиеся на прямом принудительном труде».³¹⁴

Новые капиталистические производственные отношения, зародившиеся в развитых центрах Италии, привели к значительному усилению эксплуатации трудящихся, что и явилось основной причиной народных движений в городах Италии XIV—XV вв.

³¹² В И Рутенбург О прогрессивности капиталистических отношений в Италии XIV—XV вв., стр. 395

³¹³ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 315.

Глава вторая

ПЕРВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ НАЕМНЫХ РАБОЧИХ

(40-е годы XIV в.)

«Да здравствует тощий народ, и да умрут габелла и жирный народ!»

(Дж. Виллани Хроника) 1

«Тощий» народ

В наиболее развитых городах Италии прослойка наемных рабочих составляла значительную часть населения уже к XIV в., который открывает собой новую страницу в истории классовой борьбы. Если в XIII в. основным направлением этой борьбы являлось наступление всего городского населения в целом (*popolo*) на феодальные элементы (*nobili*), то в XIV в. внутри самого *popolo* начинаются все более обостряющиеся стычки «тощего» народа (*popolo minuto*) с «жирным народом» (*popolo grasso*).

До середины XIII в. выражения «*popolo minuto*» не существовало, так как не было такой в достаточной мере четко выраженной группировки. Во второй половине XIII в. флорентийские цехи распадаются на старшие (*maggiori*), средние (*medie*) и младшие (*minori*). После объединения в одну группу старших и средних цехов члены младших цехов стали именоваться *popolo minuto*.² В первой половине XIV в. этот термин распространяется и на внецеховую массу наемных рабочих, а во второй половине века он за ними закрепляется и становится почти равнозначным термину «чомпи».

Наряду с появлением и оформлением «тощего» народа появляется его антипод — «жирный народ». Вначале «жирными» пополами именуется всех членов старших цехов, затем этот

гермин закрепляется преимущественно за владельцами текстильных мануфактур. У флорентийского хрониста второй половины XIV в. Аламанно Аччаюоли мы встречаем также термин «*cittadini grossi*»,³ что можно перевести колоритным выражением «толстые горожане», хорошо передающим их социальное положение и материальное благополучие. Этот термин мы в свое время ввели в научный оборот, предложив его вместо термина «жирные» пополаны.⁴ Однако дальнейшее сопоставление текстов различных хроник и официальных документов привело нас к убеждению, что хотя наш перевод не противоречит форме и смыслу слова и может быть принят для расширения характеристики этой прослойки населения, основным, широко употреблявшимся в XIV в. был все же термин «жирный народ» или «жирные» пополаны (*popolani grassi*). К тому же, сопоставляя термины самого Аччаюоли «*cittadini grossi*» с его же выражением «*artefici grossi e minuti*»,⁵ мы приходим к заключению, что «*grossi*» скорее обозначает здесь «крупные», а не «толстые»: «крупные и мелкие ремесленники», а значит и «крупные горожане». Термин Аччаюоли «*cittadini grossi*» («крупные горожане») скорее приближается к термину хрониста первой половины XIV в. Джованни Виллани — «*grande popolano*»⁶ («крупный пополан») и «*i grandi e possenti popolani*»⁷ («крупные и могущественные пополаны»). Поэтому мы принимаем как наиболее широко употреблявшиеся в XIV в. термины «жирный народ» и «жирные» пополаны, не отвергая колоритных, дополняющих их терминов Виллани и Аччаюоли — «крупные», «толстые».

Раннекапиталистические отношения складываются в передовых городах Италии в XIV в. Они и приводят ко все более резкому размежеванию пополанов на «тощих» и «жирных» и обострению борьбы между ними. Однако еще в конце XIII в. в цеховой сукнодельческой промышленности существовала прослойка бесправных наемных рабочих. Они еще не оформились в группу «тощего» народа, не пришли к определенным требованиям, как это будет в XIV в., но их наличие уже давало себя знать в одиночных, случайных выступлениях.

Источники сохранили один пример мало исследованного выступления «бесштанников»⁸ в Болонье в 1289 г.

³ Там же.

⁴ В. И. Рутенбург. Очерк, стр. 14.

⁵ А. Acciaiuoli, стр. 16.

⁶ G. Villani, t. IV, l. XII, cap. I, стр. f.

⁷ Там же, cap. XVI, стр. 27.

⁸ «Люд, не носящий штанов» (*popolo senza brache*). Этот термин поясняется историком XVI в. Помпео Виццани: «... большая часть ремес-

¹ «Viva il popolo minuto e muoiano le gabelle e il popolo grasso!» (G. Villani, l. XII, cap. XIII, стр. 43).

² N. Rodolico. I Ciompi, стр. 29.

Родолико, обращаясь к этому восстанию, пользуется краткой его характеристикой, данной Вицани.⁹ Хроника рассказывает¹⁰ о том, что в 1289 г. в Болонье было очень крупное столкновение между горожанами.¹¹ Внешним поводом к этой стычке было окончание правления болонского подеста мессера Антонио да Фиксаракко,¹² который должен был после этого некоторое время оставаться в соответствующем правительственном помещении для того, чтобы дать отчет,¹³ «как это было принято согласно коммунальным статутам Болоньи».¹⁴ Но, очевидно, здесь действовали не только формальные причины, так как мессер Антонио не хотел оставаться в этом помещении, как это было положено, потому что его всячески срамили и даже угрожали убить.¹⁵ Можно предполагать, что мессер Антонио, исполняя обязанности подеста, не угодил «жирным» пополанам Болоньи, а возможно даже проводил политику покровительства «тощему» народу. Именно поэтому, как говорит Вицани, «некоторая часть тощего народа благосклонно относилась к нему».¹⁶ Более того, не желая, чтобы мессер Антонио был задержан, а возможно и наказан, эта часть «тощего» народа, именуемая «бесштаниками», двинулась к нему на помощь и привела его на главную площадь Болоньи, где, очевидно, собрались и их противники, так как в мессера Антонио было пущено два камня; по словам хрониста, «ему грозила смертельная опасность». Вся его прислуга была внезапно осво-

ленников, которые, очевидно, для того, чтобы удобнее производить свои работы, не носили чулок, были названы в эти времена в насмешку людям, не носящим штанов» («...ischerro popolo senza brache» — P. Vizani, стр. 152). Разъяснение Вицани необходимо уточнить. Чулки и штаны в XIV в. были одной частью одежды, и шерстобиты действительно работали в одних рубашках.

⁹ N. Rodolico. La democrazia, стр. 98—100.

¹⁰ Corpus chronicorum bononiensium, стр. 1; Cronica di Bologna, стр. 233. В тексте другого варианта этой хроники, впервые изданной в XVIII в., можно найти интересные дополнения к «Хронике Болоньи» (там же, стр. 231). Наиболее лаконичной является латинская хроника Маттео Гриффони «Исторические записки о болонских событиях» (Mattei de Griffonibus, стр. 129).

¹¹ «1289. In Bologna fuo grandissima discordia tra gli cittadini» (Cronica di Bologna, стр. 233).

¹² В другой хронике он именуется «Антонио да Виссираро да Лоди» (там же, стр. 295); Вицани именует его «Антонио Плисирага» (P. Vizani, стр. 152).

¹³ «...stare a sindacato» (Cronica di Bologna, стр. 295).

¹⁴ «...come é usuanza secondo la forma di statuti del comune de Bologna» (там же, стр. 233).

¹⁵ «...lo dicto misser Antonio non voleva stare a sindacato, come era tenuto. E fu lo dicto misser Antonio vergognato da li popolari e fu in pericolo de essere morto» (там же, стр. 295—296).

¹⁶ P. Vizani, стр. 152.

бождена народом, и «бесштаники», возглавляемые Джулиано и Микеле ди Вадо, проводили мессера Антонио до моста через Рено, где он уже, очевидно, был в безопасности. За ним шло множество людей «самых низших кругов», как пишет хронист¹⁷ (рис. 6).

Нас не интересуют в данном случае все детали правления подеста Антонио да Фиксаракко и последующего хода событий. Важнейшим выводом из выступления «бесштаников» является то, что уже к последнему десятилетию XIII в. в передовых центрах Италии из popolo в целом начинает выделяться «тощий» народ, оказывающий влияние на ход и исход некоторых политических событий. У «бесштаников» нет еще, очевидно, никакой программы, но они уже не желают дать в обиду своих покровителей и энергично выступают на их защиту. Можно полагать, что движение «бесштаников» носило совершенно стихийный характер и их вожаки — Джулиано и Микеле — возглавили толпу в ходе самих событий.

Только широкое развитие сукнодельческой мануфактуры в передовых центрах Италии приведет к созданию многотысячной прослойки наемных рабочих, которые будут выступать с лозунгами, четко выражающими их смертельную ненависть к «жирному народу».

В наиболее яркой форме это можно наблюдать во Флоренции, где уже ко второму десятилетию XIV в. в системе цеха Ланы производилось более 100 тысяч кусков грубого сукна, стоимостью до 600 тысяч золотых флоринов, а в 30-х годах — до 80 тысяч кусков тонкого сукна, стоимость которых доходила до 1 200 000 золотых флоринов, и «жило этим более 30 тысяч человек». К этому нужно присоединить еще обработку до 10 тысяч кусков грубых сукон в системе цеха Каималы, стоимость которых достигала 300 тысяч золотых флоринов.¹⁸

Это уже были мануфактурные мастерские, в которых работали тысячи наемных рабочих. В несколько меньших масшта-

¹⁷ «Et una parte delle compagnie... non volevano ch'el dito meser Antonio fusse retegniudo, ed quisti erano appellati popolani, zoè popolo senza brache. Et menonno in suxo la piazza del comune de Bologna et in que l'ora fuo zettato doe pietre per le quale fuo in pericolo de morte el dito Antonio. Et incontenente fuo presa tuta la sua famiglia, i quali steno a sinicado et fuono asolti. Et el dicto popolo accompagnaue el dito meser Antonio con sua famiglia infino al ponte da Reno. Degli quali fuoron Iuliano e Michele de Vado et più altri de più ville condicione che costoro» (Cronica di Bologna, стр. 233).

¹⁸ G. Villani, I, XI, cap. 94, стр. 324—325. К. Маркс, делая выписки из «Истории флорентийской республики» Каппони, подробно записывал и подчеркивал все эти сведения, взятые из хроники Виллани. У Маркса подчеркнуто число «живущих сукноделием» («...e viveanne più di 30000 persone» — К. Маркс. Excerpte, стр. 8).

бах такого уровня достигли Сьена и другие города.¹⁹ Поэтому вполне естественно, что уже в 40-х годах XIV в. наблюдаются первые выступления «тощего» народа против своих эксплуататоров — «жирных» пополапов.

П. П. Фридолин говорит, что до восстания чомпи было «до десяти случаев восстаний рабочих»,²⁰ не уточняя, какие именно. Возможно, что первые выступления наемных рабочих были до 40-х годов, но в источниках нет об этом данных. В нашей работе, вышедшей в 1951 г., было сказано о том, что в хронике Виллани глухо говорится о выступлении рабочих-шерстяников еще в 1311 г.²¹ Ныне мы полагаем, что такая характеристика была неверной. У Виллани действительно идет речь о шерстяниках, но, очевидно, не о рабочих, а о владельцах шерстоткацких, сукнодельческих мастерских, к которым обычно применяется термин «lanaiuoli», его мы и встречаем у Виллани в связи с этими событиями. В ноябре 1311 г. между ними произошла резкая стычка по вопросу о выборах консулата цеха, из-за чего в городе было волнение.²² Можно лишь предполагать, но нельзя утверждать, что в этих волнениях принимали участие наемные рабочие. Таким образом, тезис о первом выступлении рабочих-шерстяников в 1311 г. нужно признать неверным.

Однако бесспорным является, что 40-е годы XIV в. были заполнены во Флоренции и Сьене острыми столкновениями разных прослоек горожан: «... великие изменения и различные потрясения пришли в эти времена в наш город Флоренцию из-за наших раздоров среди горожан...»,²³ — говорит современник этих событий.²⁴

¹⁹ О масштабах, структуре и эволюции сукнодельческой промышленности Флоренции и других городов XIV—XV вв. см.: М. А. Гуковский. Итальянское Возрождение, стр. 211—215; В. И. Рутенбург. Очерк, стр. 129—147; В. И. Рутенбург. О прогрессивности капиталистических отношений в Италии XIV—XV вв., стр. 387—410; см. также выше, стр. 23—39.

²⁰ П. П. Фридолин. Восстание Чьомпи. Тезисы, стр. 4. В действительности только в 40-х годах XIV в. было 4 известных по источникам выступления и не менее 5 в 60—70-х годах.

²¹ В. И. Рутенбург. Очерк, стр. 155.

²² «Nel detto anno e mese i Lanaiuoli di Firenze vennono tra loro in grande divisione e setta per cagione del consolato, e funne quasi a romore la citta» (G. Villani, l. IX, cap. XXX, стр. 163).

²³ «... grandi mutamenti e diverse rivoluzioni avvennero in questi tempi alla nostra città di Firenze per le nostre discordie tra cittadini...» (там же, cap. I, стр. 5).

²⁴ Первые выступления наемных рабочих в 40-х годах XIV в. специально изучены Родолико в его ранней работе «Тоший народ, заметки из флорентийской истории (1343—1378)» (N. Rodolico. Il popolo minuto). В советской литературе описание некоторых восстаний 40-х годов

Эти восстания вытекают из общих экономических условий развития Флоренции и связаны также с весьма сложной социально-политической историей этого периода.

Расцвет флорентийского сукноделия в 30-х годах XIV в. приводит к увеличению богатств в коммуне, что выражается в бурном строительстве. В 1345 г. заканчивается строительство знаменитого Старого Моста (Ponte Vecchio), стоившего более ста тысяч флоринов, за ним, в 1346 г., моста Санта Тринита. Еще более важным и характерным был рост материальной дифференциации, резкой поляризации бедности и богатства. Внешним выражением этого являлось широкое строительство каменных домов с большими каминами, застекленными окнами, стенной росписью, с роскошными коврами, которые во время празднеств вывешивались в окнах или лоджиях. И в том же городе, иногда рядом с ними, стояли деревянные хибарки, в которых было не более двух комнат.²⁵ Более того, за пределами Флоренции, на живописных склонах холмов контадо, «жирные» пополапы строили богато обставленные виллы, где они проводили жаркие летние месяцы. По свидетельству Виллани, «вокруг города на шесть миль тянулись» загородные виллы, «это были такие богатые и благородные жилища, что были тогда как бы две Флоренции».²⁶

Это вовсе не означало, что развитие флорентийской экономики шло совершенно гладко и что политический горизонт у «жирного» народа был безоблачным.²⁷ Еще в 30-х годах Флоренция терпит огромные убытки от наводнения, в начале 40-х годов ее охватывает первая эпидемия чумы. К этому прибавляется крах крупнейших во Флоренции компаний Барди и Перуцци в 1343—1346 гг., который нанес всему хозяйству города и многочисленным вкладчикам этих компаний крупнейший урон. С другой стороны, этому краху способствовала сама коммунa, не возвратившая им долгов в связи с огромными затратами на войны.²⁸ К. Маркс подробно записывает обстоятельства и результаты этого краха.²⁹

нашло место в работе М. А. Гуковского «Итальянское Возрождение» (стр. 173—180). Специальных работ в советской литературе, посвященных этому периоду, нет, не считая дипломной работы М. Лабок «Предпосылки восстания чомпи», написанной в 1951 г. под руководством проф. О. Л. Вайнштейна (Библиотека Исторического факультета Ленинградского государственного университета).

²⁵ A. Schiaparello.

²⁶ G. Villani, l. XI, cap. 94, стр. 326.

²⁷ М. А. Гуковский. Итальянское Возрождение, стр. 173—174.

²⁸ В. И. Рутенбург. Очерк, стр. 27—30.

²⁹ «1330—33. In diesen Jahren cominciarono a crollare e poco dopo fallirono la compagnia dei Perruzzi e quella dei Bardi... Per le loro mani venivano tutte le rendite e lane...» (К. Маркс. Exzerpte, стр. 6).

К тому же война с Пизой, борьба за Лукку имели затяжной характер и кончились безуспешно: коммуна купила Лукку у делла Скала и начала выплату огромной суммы в 250 000 золотых флоринов, а в это время Пиза захватила Лукку. В городе росло количество должников, многие из них попадали в тюрьму Стинке. В апреле 1342 г. «ведомство изобилия» при Ор Сан Микеле выделило двух официальных лиц для сбора милостыни в пользу Стинке.³⁰

Таким образом, «жирный народ» рос и богател, но его дальнейшее укрепление было сопряжено с огромными трудностями экономического и политического порядка.

Этим воспользовались гранды, не желавшие оставлять мысли о возвращении былых позиций. В 1340 г. они пытались произвести переворот, вдохновителем и вожаком которого была одна из наиболее богатых и знатных семей — Барди. Эта попытка провалилась, целый ряд грандов был выслан из города, но и после этого «жирный народ» не мог чувствовать себя спокойно. Для укрепления пополанских порядков они призвали иностранные войска во главе с герцогом Афинским,³¹ предоставляя ему должность барджелло. Не вдаваясь в детали его правления, мы должны все же остановиться на нем, поскольку объективно герцог Афинский сыграл роль своеобразного социального фермента в истории народных движений Флоренции.

К тому же короткий период его правления обострил противоречия, существовавшие и до него, и выявил еще более резко расстановку сил во Флоренции.

Получив власть из рук «жирного народа», что само по себе свидетельствовало об ослаблении пополанской верхушки Флоренции, он решил добиваться единоличной власти³² и для этого сделал ставку на грандов. Последние, естественно, оказали ему всяческую поддержку в надежде укрепить свои позиции. С другой стороны, он демагогически заигрывал с «тощим» народом, находя в нем также опору против «жирных» пополанов. В условиях фактического господства «жирного народа» во Флоренции

³⁰ Atti giurisdizionali, Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 838, № 112.

³¹ Готье де Бриенн, родственник французских и неаполитанских королей, первый раз был во Флоренции с Карлом Калабрийским в 1326 г. Его герцогство было отобрано у него каталонцами еще в 1312 г., и он лишь носил герцогский титул. Это был хитрый и коварный авантюрист, опирающийся на наемные войска. После неудачной попытки превратить Флоренцию в свое владение он отправился в Болонью, Венецию, затем на юг Италии и, наконец, во Францию, где в 1356 г. сложил голову в битве при Пуатье.

³² «...avendo pensiero d'insignorirsi dalla Città» (Memorie della Casa de'Medici. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 458, л. 11).

это было рискованное и сложное политическое балансирование, свойственное его авантюрной натуре. Герцога Афинского нельзя считать инициатором и организатором этой сложной борьбы, она была и до него, он воспользовался ею, лишь обострив ситуацию благодаря своей демагогической политике. В мае 1342 г. он получает право командовать всеми вооруженными силами коммуны, а в сентябре того же года на парламентном собрании, проходившем на площади Санта Кроче, его провозгласили синьором Флоренции и подчиненных ей городов. Гранды получили от него право покончить с «Установлениями справедливости», а «тощий» народ — ряд нововведений и прав, которые обеспечили ловкому правителю до поры до времени поддержку многих тысяч флорентийских тружеников.

Обратимся к этим нововведениям, которые, независимо от незначительности самой фигуры герцога Афинского, оставили след не только в истории 40-х годов, но и позднее, в 70—80-х годах, в период бурных дней восстания чомпи и последующих народных выступлений.

Установление герцогом Афинским единоличной неограниченной власти, его стремление закрепить ее вызвало необходимость достаточно широкой социальной базы. Главным образом этой базой являлись многие тысячи наемных рабочих и группа зависимых ремесленников цехов Ланы, Калималы и др. Поддержка, полученная герцогом Афинским при провозглашении его синьором Флоренции, исходила от «тощего» народа, ожидавшего от него улучшения своего положения.

В ноябре 1342 г. красильщики подали петицию на имя Совета мудрых, назначенного герцогом Афинским, в которой они жаловались на несправедливости и притеснения со стороны цеха Ланы: шерстяники устанавливают оплату их труда по своему желанию, а к тому же платят нерегулярно, задерживая иногда полную выплату на 4—5 лет, расплачиваются нередко не деньгами, а натурой — товарами; все конфликты между красильщиками и шерстяниками решает совет цеха Ланы, защищавший интересы шерстяников.³³

Красочная и слезная концовка петиции прославляла всевышнего, который послал им избавителя в лице герцога, без помощи которого они вынуждены были бы закрыть свои мастерские и нищенствовать.³⁴

Эта петиция послужила основанием для распоряжения герцога от 23 ноября 1342 г. о праве избрания красильщиками собственных консулов, т. е. фактически об организации нового

³³ N. Rodolico. Il popolo minuto, стр. 31—33.

³⁴ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 35.

цеха. В этот цех красильщиков (*tintori*) входили также мыловары (*saponai*), щелочники (*ceneraioli*) и маренщики (*robbiaioli*).³⁵ Организация нового цеха зависимых ремесленников наносила удар по престижу и не в меньшей степени по карману «жирных» пополанов из цеха Ланы. Она сыграла большую роль в дальнейшем, в годы восстания чомпи, когда к этому примеру обращались как к историческому прецеденту.

Не менее важным в этом же плане были мероприятия герцога в отношении бесправной массы наемных рабочих, и прежде всего чесальщиков шерсти, чомпи. Официальные документы этих решений не сохранились, поэтому нельзя утверждать, что был создан цех чесальщиков шерсти, хотя сообщение хрониста Стефани дает основание это предполагать. Чесальщики могли собираться в доме, определенном для их совещаний, там они могли принимать решения, в том числе касающиеся заработной платы. Выражение хрониста Виллани, что «цеховые права были даны тем, кто был *sottoposti*, так как они хотели большей оплаты за их труд»,³⁶ относится к красильщикам и их коллегам по цеху, но это могло в равной мере относиться и к чесальщикам, за которыми в этот период также закрепляется название *sottoposti* или *salariati*, о чем уже было сказано в первой главе. Во всяком случае, чесальщики имели свое ополчение и могли носить щиты с изображением ангела. Стефани бесспорно имеет в виду щит (*ravese*), однако можно предполагать и наличие у чомпи знамени с изображением ангела,³⁷ которое станет их традиционным символом в 1378 г. В рукописи, хранящейся в Риккардиане, говорится, что герцог Афинский, «для того, чтобы сделать низы более дружественными, дал им некоторые знаки отличия и звания, свидетельствующие о некоторой их власти...»³⁸ Предположение о создании особой корпорации чесальщиков, как полагает Родолико, подтверждает также факт создания специальной должности чиновника по делам чесальщиков (*ufficiale degli scardassieri*) в лице некоего Джованни Бартолини ди Монтефальконе,³⁹ хотя нам кажется более вероятным, что это была должность при герцоге, не носившая характера цеховой.

³⁵ Там же.

³⁶ «... dimembrando gli ordini dell'arte a chi erano sottoposti per volere maggior salario dei loro lavori (G. Villani, l. XII, стр. 9).

³⁷ Ravese — «щит», однако *ravesata* — «украшение флагами», *ravesare* — «украшать флагами»; поэтому возможно Стефани имел в виду знамя чесальщиков шерсти.

³⁸ «... egli per farsi da plebe più amica donò loro alcune insegne, e titoli di certe loro signorie...» (Commentari Civili, Riccardiana, 3251, л. 21).

³⁹ N. Rodolico. Il popolo minuto, стр. 37.

Весьма важным мероприятием, касавшимся наемных рабочих — сукноделов, было ослабление прав «чужеземного чиновника», о роли которого мы уже говорили в предыдущей главе. Эта должность не была ликвидирована, но ее функции становились весьма ограниченными: все решения «чужеземного чиновника» подлежали теперь утверждению со стороны совета цеха, а все решения последнего в свою очередь подлежали рассмотрению герцога или его комиссара. Тем самым автономия Ланы представляла по отношению к членам своего цеха и подчиненным им наемным рабочим государство в государстве. Характерно, что решение об ограничении прав «чужеземного чиновника» было вынесено 23 апреля 1343 г. самим цехом Ланы, что, очевидно, было сделано не без давления со стороны герцога. Наконец, было принято решение о назначении «чужеземного чиновника» самим герцогом.⁴⁰

Все эти мероприятия несколько улучшили положение наемных рабочих и зависимых ремесленников, однако не так заметно, как это считает Родолико.⁴¹ Возможность оказывать решающее влияние на повышение оплаты труда для чесальщиков вряд ли можно считать достаточно серьезной. Период восстания чомпи показал, как умели владельцы мануфактурных мастерских обходить самые строгие решения правительства. Власть «чужеземного чиновника» была ослаблена, но не ликвидирована, а значит, сохранялась вся система «унтер-офицерского» аппарата мануфактурной промышленности, о которой говорил К. Маркс, с ее тайными доносами, штрафами и т. д.⁴²

Самое большое значение для будущих событий имела организация самостоятельных цехов, ополчений и т. д.; это обозначало привлечение бесправных или неполноправных слоев городского населения к участию в политической жизни, чего еще не знала история Флоренции.

Родолико отличал в движениях наемных рабочих и рядовых ремесленников этого периода борьбу за улучшение экономического положения, борьбу за хлеб от борьбы «за право ассоциаций», за «автономию» этих категорий городской бедноты.⁴³ Это — искусственное разделение. В 40-х годах мы наблюдаем соединение того и другого в одну общую линию борьбы за политические права и вытекающее из них улучшение материального положения. Современник этих событий хронист Дж. Виллани понимал эту борьбу именно так: право корпо-

⁴⁰ Там же, стр. 35—40.

⁴¹ Там же, стр. 40—42.

⁴² См. выше, стр. 51—59.

⁴³ «... mossi dell'instinto della fame»; «... desiderio di autonomia» (N. Rodolico. Il popolo minuto, стр. 45).

рации давало возможность бороться за повышение оплаты труда.⁴⁴

В своих выписках из работы Каппони, обращаясь к материалам этого периода, К. Маркс подчеркивает его мысль о том, что стержнем всей борьбы между «жирным народом» и «тощим» народом был вопрос о заработной плате, положительное решение которого во многом зависело от приобретения «тощим» народом прав на цеховую самостоятельность. К. Маркс выписывает следующие слова Каппони: «... герцог правил с мясниками, виноторговцами и чесальщиками, дав им консулов и ректоров по их желанию и подорвав установления цехов, посредством которых обычно определялись правила оплаты труда; в этом заключалось самое важное в столкновениях между жирным народом и тощим».⁴⁵

Все мероприятия герцога Афинского в отношении «тощего» народа выполнялись с одной ограниченной целью — удержать за собой симпатии многих тысяч горожан, настроенных враждебно к своим хозяевам — «жирному народу». Герцог вовсе не стремился коренным образом улучшить положение «тощего» народа, в частности чесальщиков шерсти. Он хотел закрепить за собой власть, а пока, не откладывая на будущие времена, выжать из богатой Флоренции все, что можно: за десять с лишним месяцев своего правления он собрал около полумиллиона золотых флоринов в самой Флоренции и более двухсот тысяч в ее округе.⁴⁶ Одним из главных способов выкачки денег были налоги, тяжесть которых не снималась с плеч «тощего» народа. К тому же, как уже говорилось, «жирные» пополаны, будучи хозяевами мануфактурных мастерских, находили способы сокращения заработной платы чесальщиков и других sottoposti цеха Ланы, используя саботаж, ведущий к хозяйственным затруднениям в городе. Таким образом, можно полагать, что существенного улучшения в положении «тощего» народа не произошло. Недовольство же его возрастало еще в большей степени именно потому, что демагогические обещания и мероприятия герцога давали право надеяться на улучшение положения.

Гранды также начали отходить от герцога, который вел себя как суверенный монарх, третировал и даже казнил нобилей, не считаясь с их понятиями о феодальной и республиканской

⁴⁴ G. Villani, l. XII, стр. 9 (см. прим. 36 на стр. 80).

⁴⁵ «... il Duca reggendosi co' beccai, vinattieri e scardassieri, ad essi dando consoli e rittori al loro volere, e disfacendo gli ordinamenti delle Arti, pei quali solevano avere regola i salari, in che era il forte della contesa tra il grasso popolo e il minuto» (K. Marx, Exzerpte, стр. 7).

⁴⁶ G. Renard, t. II, стр. 63.

честь. Как говорится в одной рукописи: «Начал он хорошо... но затем показал себя жестоким и тираном... он не имел другого закона, кроме собственной воли».⁴⁷ Церковные круги, в начале оказывавшие поддержку герцогу, теперь начали обвинять его в склонности к гибелинизму. Развязное поведение герцога-чужеземца, не считавшегося с давними республиканскими традициями Флоренции, привело к вспышке недовольства во всех слоях города.

26 июля 1343 г. произошло вооруженное выступление против герцога и, хотя среди горожан не было полного единодушия, противников синьора оказалось больше, чем сторонников. Резиденция герцога была окружена под крики: «Смерть герцогу и его сторонникам! Да здравствует коммуна, народ и свобода!» Герцогу пришлось согласиться на переговоры и отказаться от власти, а 31 июля 1343 г. он покинул Флоренцию. Власть в городе перешла к временному правительству, состав которого был весьма показательным: 7 грандов и столько же пополанов. Одним из первых мероприятий нового правительства, как об этом свидетельствует запись Винченцо Больдрини, хранящаяся в Государственном архиве Флоренции, было создание специальной комиссии: «для пересмотра, заслушивания и принятия решений по жалобам, которые связаны с событиями, происшедшими при герцоге Афинском в 1343 году и для рассмотрения счетов, подлежащих оплате и связанных с делами управления в это время, назначаются по двое от картберы».⁴⁸ Это свидетельствовало о запутанности дел и массовом недовольстве правлением герцога Афинского.

После изгнания герцога Афинского во Флоренции складывается весьма сложная ситуация. Сотрудничество «жирного народа» с нобилиями не имело прочных оснований. «Жирный народ» из старших цехов стоял ближе к членам средних и даже младших цехов, также являвшихся собственниками средств производства. Стефани писал о некотором их сближении с республиканцами этих цехов.⁴⁹ Низы города (il popolazzo), которые рассматривали грандов как основных виновников всех

⁴⁷ «Cominciò... dal bel principio ad dimostrarsi crudele ed Tiranno... egli non aveva altra Legge, che la Sua volontà» (Memorie della Casa de' Medici, Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 458, лл. 11, 13).

⁴⁸ «Ufficiali a rivedere et udire et giudicare le querele che casi seguiti sotto il Duca d'Atene [1343] a saldare i conti delle cose amministrative in que l' tempo e sono due per quartiere» (Nota d'Ufficiali Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 275, л. 11). Здесь же дан список членов этой комиссии: Коппо Манелли, Джованни Фальконе, Франческо Ринуччини, Кароццо Альберти, Донато Орландини, Андреа Строцци, Маэо Уччеллини, Сальвестро Риччи (там же).

⁴⁹ M. Stefani, rubr 588a, стр. 211—212.

темных сторон правления герцога Афинского, выступили против них и начали громить их дома: после изгнания иноземного авантюриста их гнев обрушился на дома Кавальканги, Пацци, Адимари, Донати; всего было подожжено 23 дома нобилей.⁵⁰ Этим был нанесен значительный удар феодальным элементам Флоренции. Антифеодальная направленность движения флорентийских низов, которая ярко проявится во время восстания чомпи, давала себя знать уже в 40-е годы XIV в., что подтверждают и неопубликованные материалы. В «Дневнике записей о событиях, происшедших во Флоренции» под годом 1343, говорится: были «в эти времена многие стычки... между народом и грандами».⁵¹

Необходимость опоры на младшие цехи была вынужденной для «жирного народа», искавшего массовой социальной базы в борьбе против нобилей, с одной стороны, и наемных рабочих — с другой. Это привело к усилению всех цеховых ремесленников в правительственных инстанциях. С октября 1343 г. в приорате большинство принадлежит представителям младших цехов. Это объяснялось также массовым наплывом во Флоренцию жителей контадо и дистретто, главным образом мелких ремесленников, которые, с точки зрения «жирных» пополапов, «портили» ее социальное лицо. Достаточно обратиться к хроникам Джованни, Маттео и Филиппо Виллани и к письмам Боккаччо, чтобы увидеть, сколько презрения и ненависти вкладывали они в характеристику этих новых пришельцев.⁵² К. Маркс выписывал данные Каппони о наплыве в город жителей контадо и о характере правления в связи с этим.⁵³ С ними приходилось считаться и делить власть. Называть этот период «золотым веком *popolo minuto*», как это делает Родолико,⁵⁴ было бы преувеличением, так как «жирный народ» не только остался хозяином мануфактурных предприятий, банковских и торговых компаний, но и не потерял господства в делах политических.

Вынужденный союз с младшими цехами не мог принести «жирному народу» полной победы над феодальными элементами. Хотя в 1343 г. были восстановлены антифеодальные «Установления справедливости», гранды в союзе с близкими к ним по своему положению пополанами укрепились в гвельф-

ской партии (*parte guelfa*), которая приобрела значение ортодоксальной общегосударственной инстанции, определяющей, кто относится к «истинным гвельфам», «верным сынам католической церкви», а кого следует подвергнуть ограничению в правах или даже выслать. Явным извращением исторической действительности является характеристика, которую дал правлению 40-х годов буржуазный историк Валери, называя его периодом «буржуазно-демократической конституции».⁵⁵

Между «жирным народом» и младшими цехами также не было сердечного согласия. Более того, «жирные» хотели отделаться от своих союзников, «объявить им шах и мат», как заявил на процессе 29 ноября 1343 г. Томмазо Барди, подстрекавший ремесленников к тому, чтобы они «позаботились о себе».⁵⁶

Стремление «жирного народа» к содружеству с младшими цехами, о котором писал Стефани, не имело никакого отношения к наемным рабочим, хотя их антифеодальные настроения были использованы «жирными» пополанами. Изгнание герцога Афинского привело к старым порядкам, при которых полными распорядителями судьбы наемных рабочих были хозяева сукнодельческих мануфактур.

После кратковременного и незначительного улучшения положения наемных рабочих в конце 1342 — первой половине 1343 г. настал период усиления эксплуатации. К этому прибавились хозяйственные затруднения, особенно крах компаний Барди и Перуцци, потрясший всю Флоренцию. Поэтому в середине 40-х годов происходят первые выступления «тощего» народа с ярко выраженным направлением: объектом их ненависти являлись «жирные» пополапы. Это были первые схватки едва осознавшего свои интересы предпролетариата — чомпи, с ранней буржуазией — «жирными» пополанами Флоренции. Поэтому явной модернизацией звучит фраза Ренара о борьбе буржуазии с рабочим классом в 40-е годы XIV в.⁵⁷

Недовольство наемных рабочих демагогически использовали гранды в борьбе против «жирного народа».

23 сентября 1343 г. во Флоренции произошло первое известное в истории выступление наемных рабочих, о котором говорят хронисты Виллани и Стефани. Андреа Строцци поднял «чесальщиков и им подобных», и они, восклицая «Да здравствует тощий народ, и да умрут габелла и жирный народ!», дви-

⁵⁰ Там же, rubr. 592, стр. 212—215.

⁵¹ «... detti tempi molta battaglie... fra il popolo e i grandi» (*Diario di memorie. Riccardiana, 3628, лл. 44r—45v*).

⁵² G. Villani, l. X, cap. 64; M. Villani, l. XII, cap. 43; F. Villani, l. IV, cap. 69; G. Vossaccio. *Lettere volgari*, стр. 12

⁵³ К. Маркс. *Exzerpte*, стр. 7.

⁵⁴ N. Rodolico *I Ciompi*, стр. 40.

⁵⁵ N. Valeri, стр. 193

⁵⁶ N. Rodolico. *Il Popolo minuto Appendici, doc. № 18, стр. 166; N. Rodolico. I Ciompi, стр. 43—44.*

⁵⁷ G. Renard, t. II, стр. 78.

нулись ко дворцу приоров. Таким образом, одной из причин движения была, очевидно, налоговая политика «жирного народа». Чесальщики хотели изменить правление и сделать синьором Андреа Строцци. Представитель «жирного народа» — хронист Виллани — называет его «жестоким и безумным рыцарем». Строцци был присужден к смертной казни. В этом выступлении, по свидетельству Стефани, принимало участие около 4 тысяч «чесальщиков и мелкого и бедного люда» (*scardassieri e gente minuta e rovera*)⁵⁸ К. Маркс, делая выписки из работы Каппони, подчеркнул имя вожака восстания, девиз восставших и их численность.⁵⁹ Для характеристики вожака восстания, который, очевидно, хотел использовать движение в целях личного возвышения, можно дополнить одну небольшую, но существенную черту в его биографии. Он был хорошо знаком с методами и результатами правления герцога Афинского, так как за два месяца до того, как возглавить восстание, был назначен членом правительственной комиссии по расследованию жалоб и счетов, относящихся ко времени правления синьора Флоренции.⁶⁰ Возможно, что в лице Андреа Строцци мы встречаем первого в истории города на Арно претендента в синьоры отечественного происхождения, в отличие от чужеземца — Гогье де Бриенна.

На следующий день, 24 сентября 1343 г., против правительства выступили гранды во главе с Барди, но «жирные» пополаны, пользуясь возбуждением, царившим среди «тощего» народа, направили его гнев против грандов.⁶¹

В конце того же месяца, 30 сентября 1343 г. произошло движение низов.⁶² Это были голодные для городских низов времена, цены на хлеб выросли до 20 сольдов за стайо Паньотто из знатной семьи Строцци, обращаясь к ним, говорил: «Эй вы, сброд, сброд, умирающий с голода. Вы прогнали того, кто вам давал хлеб по десять сольдов за стайо, но ничего, я вас тоже накормлю, сброд вы этакий»⁶³ Возможно, что он начал прода-

⁵⁸ Это восстание изучено в 1898 г. Родолико (*N Rodolico. Il popolo minuto*, стр. 45—46) в советской литературе описано М. А. Гукоским (Итальянское Возрождение, стр. 177). На него еще в 1875 г. указывал Каппони (*G. Capponi*, стр. 211).

⁵⁹ «1343 *Andrea Strozzi*, (September), about 4000 *scardassieri e minuta gente hinter ihm vor dem Palast gridando „Viva il popolo minuto, e tuoiano le gabelle e il popolo grasso“*» (К. Маркс *Exzerpte*, стр. 7).

⁶⁰ *Nota d'Ufficiale Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti 275*, стр. 11.

⁶¹ М. А. Гукоский *Итальянское Возрождение*, стр. 178.

⁶² Это восстание изучено Родолико (*N Rodolico Il popolo minuto*, стр. 49). В советской литературе описано М. А. Гукоским (Итальянское Возрождение, стр. 177—178).

⁶³ *N Rodolico Il popolo minuto Appendici, doc. № 8*, стр. 143.

вать дешевый хлеб или собирался это сделать. Его речи подтолкнули и без того возбужденные низы на выступление, за что Паньотто и был в марте 1344 г. изгнан в Сьену и уплатил огромный штраф в 1000 лир.

Дело не ограничилось речами Паньотто. Как пишет Стефани, около 1300 чесальщиков «и другого мелкого люда» собрались на площади Деи Серви. Когда одного из них схватили и привели во дворец приоров, он заявил: «Мы усиливаем настолько, что произведем великие богатства, так что однажды бедные станут богатыми». Эти слова показывают, что хотя демагоги пытались использовать движение народа в своих личных целях, «тощий» народ постепенно начал осознавать собственную растущую силу и приходил уже к идее равенства с богатыми, которую он попытался реализовать во время восстания чомпи.

Волнения среди «тощего» народа продолжались, и власти пытались пресечь любую агитацию среди наемных рабочих. 8 октября 1343 г. был осужден сьенец Альдобрандино, который подбивал к восстанию наемных рабочих и учеников флорентийских мастерских Альбицци и Лотто.⁶⁴

На следующий день, 9 октября 1343 г., был вынесен смертный приговор наемному рабочему, выходцу из контадо, Франческо ди Лапо, по прозвищу Грелло. Он призывал жителей прихода Сан Лоренцо, который во время восстания чомпи стал одним из очагов народного движения, выступить против владельцев сукнодельческих мастерских Альбицци. Дело не ограничилось одними словами, было совершено вооруженное нападение на надсмотрщика-фактора этих мастерских, Баттальяно Баннини.⁶⁵

В 1344 г. положение наемных рабочих ухудшилось, особенно после восстановления статута капитана народа, согласно которому строжайшим образом запрещались самостоятельные корпорации наемных рабочих и зависимых ремесленников и полностью восстанавливались судебнопольцейские функции «чужеземного чиновника», ослабленные при герцоге Афинском.⁶⁶

Это привело к новым выступлениям наемных рабочих. В начале 1344 г. они выходят на улицы города с криками: «Да здравствуют цехи и народ! Беритесь за оружие, жгите! К дому предателей Оричеллаи! Смерть жирным пополам!»⁶⁷

В том же 1344 г. несколько сотен из «тощего» народа, возглавляемые красильщиком Корацца, идут ко дворцу приоров.

⁶⁴ *N Rodolico Il popolo minuto*, стр. 56—57.

⁶⁵ Там же, стр. 58.

⁶⁶ Там же, *Appendici, doc. № 12*, стр. 152—153.

⁶⁷ *N. Rodolico. I Ciompi*, стр. 43.

Устрашенные приоры сдержали их льстивыми речами и различными обещаниями.⁶⁸

В Сьене, близкой по условиям своего развития к Флоренции, было беспокойно. В 1346 г. там поднимается движение низов, подогретых агитацией грандов из семьи Толомеи. Во главе этого движения стояли чесальщики шерсти Паоло ди Андреа, Липпо, Камбио, Джованни и Симоне Локтини. С ножами и другим оружием⁶⁹ они двинулись от ворот Овиле по городу, восклицая: «Да здравствует народ, и да умрут собаки, которые заставляют нас умирать от голода!»⁷⁰ В приговоре подеста Гвидо да Монтоне сказано, что «они действовали, побуждаемые дьявольским духом, забывая о боге».⁷¹ Там же говорится, что, кроме пятерых названных чесальщиков, были заочно осуждены шесть сапожников, два портных, двое слуг, ключник, кожевник, столяр, не считая трех из семьи Толомеи.⁷² Выступление было подавлено, вожаки, очевидно, бежали.

Таким образом, в первом десятилетии XIV в. во Флоренции, Сьене, Болонье и других развитых городах-государствах Италии сложился и оформился «тощий» народ, основную массу которого составляли чесальщики шерсти и другие наемные рабочие сукнодельческих мануфактур. Будучи наиболее эксплуатируемой и наиболее революционно настроенной частью городского населения, наемные рабочие активно протестовали против угнетения и требовали улучшения своего положения.

Первые выступления 40-х годов обычно начинались при подстрекательстве грандов (реже — «жирных» пополанов), пытавшихся сыграть на недовольстве народа и использовать его движение в своих целях. В последующих выступлениях мы наблюдаем появление вожаков из среды самих восставших, как Франческо ди Лапо или Корацца, иногда наряду с демагогами из грандов, как в Сьене в 1346 г.

Стихийные демонстрации низов, требующих хлеба и ликвидации налогов, сочетались с вооруженными выступлениями, нападениями на ненавистных надсмотрщиков. В этих выступлениях все сильнее звучит лозунг борьбы против эксплуататоров, против «жирных» пополанов.

Здесь нет еще класса пролетариев, как нет и класса буржуазии, о чем пишут буржуазные модернизаторы. Во Флорен-

⁶⁸ N. Rodolico. La democrazia, стр. 119.

⁶⁹ «... armati armis offendilibus cultellis et aliis armis» (N. Rodolico. Il popolo minuto. Appendici, doc. № 10, стр. 146—148).

⁷⁰ «Vivat populus et moriantur isti canes qui affamant nos» (там же).

⁷¹ «... spiritu diabolico instigati Deum per oculis non habentes» (там же, стр. 148).

⁷² N. Rodolico. Il popolo minuto. Appendici, doc. № 10, стр. 146—

ции, Сьене и других передовых центрах Италии происходила лишь зарожждение ранней буржуазии и ее антипода — предпролетариата.

Относительно крупные, в условиях Италии XIV в., масштабы мануфактурного производства приводят к значительному количественному росту отряда наемных рабочих.

Появление же капиталистической эксплуатации неизбежно вело к обострению классовой борьбы, что мы и наблюдаем с 40-х годов XIV в.

На собственном опыте «тощий» народ, зарождающийся предпролетариат итальянских городов, убеждался в своей растущей силе, все более осознавая свои интересы. Во Флоренции этому способствовали также события времени демагогического правления герцога Афинского. Уже к середине 40-х годов флорентийские чомпи выдвинули из своей среды крупного вожака и пришли к мысли о необходимости объединения наемных рабочих в собственную организацию. Об этом свидетельствует движение чомпи, возглавляемое чесальщиком шерсти Чучо Брандини.

Чучо Брандини

«В день 24-й мая 345 капитан Флоренции, а именно мессер Неччо из Губбио, схватил ночью Чучо Брандини, чесальщика, и его двух сыновей...» Так гласит анонимная хроника XIV в.⁷³ Чем же был опасен чесальщик Чучо для правящих кругов пополанской Флоренции?⁷⁴

Чучо Брандини, чесальщик из прихода Сан Пьеро Маджоре, был «человеком низкого происхождения, плохого поведения, образа жизни и дурной славы».⁷⁵ Такая характеристика врагов Чучо говорит не только о неприязни к человеку из низов, но и о ненависти к нему. Причиной ее была деятельность Чучо, который «помышлял, обманом и хитростью, побуждаемый дьявольским духом, по внушению этого врага рода человеческого, под предлогом дозволенного, совершить недозволенное», — как гласит текст того же документа. Более конкретная формула,

⁷³ D. Velluti, Appendice, Frammento di Cronica d'Anonimo, стр. 148.

⁷⁴ Насколько нам известно специальных работ о Чучо Брандини нет. О нем писали Родолико (N. Rodolico. Il popolo minuto, стр. 60—61; N. Rodolico I Ciompi, стр. 46—47) и др.; в советской литературе — М. А. Гуковский (Итальянское Возрождение, стр. 179), В. И. Рутенбург (Очерк, стр. 155) и в указанной дипломной работе Лабок. О движении Чучо сохранились два источника: указанная выше анонимная хроника и запись процесса, найденная и опубликованная Родолико в 1898 г. (Libro delle inquisizioni, стр. 157—159) и вторично в 1945 г. (N. Rodolico. I Ciompi, doc. № 1, стр. 238—239).

⁷⁵ Libro delle inquisizioni, стр. 157.

в которой говорится о его деятельности, состоит в том, что Чучо был организатором многих собраний «и других преступных затей», проводившихся им в городе, что можно расшифровать как подготовку антиправительственного выступления.⁷⁶ С этой целью он хотел организовать группу единомышленников, которая собиралась недалеко от правительственного дворца в церкви Санта Кроче (рис. 7), и составить тайный заговор.⁷⁷ Участниками этих событий являлись чесальщики шерсти и другие наемные рабочие цеха Ланы,⁷⁸ собиравшиеся из всех уголков Флоренции⁷⁹ в Санта Кроче и даже в кафедральном соборе Санта Мариа дель Фьоре.⁸⁰ «Вместе со многими и многими другими» он решил по собственному разумению образовать братство чесальщиков и других работающих в цехе Ланы «в возможно большем количестве», которое бы действовало в разных местах города и имело бы своих советников и глав.⁸¹

К тому же на этих собраниях Чучо Брандини предлагал установить между членами этого братства сбор средств.⁸²

Таким образом, флорентийские чомпи уже в 1345 г. пришли к мысли об организации братства наемных рабочих цеха Ланы с советниками и главами, как в цехе, которое бы располагало своими собственными средствами. Это братство должно было охватить всех работающих в системе шерстяников, независимо от их местожительства в городе.

После демагогических затей синьора Флоренции де Бриенна, которые не принесли наемным рабочим существенного улучше-

⁷⁶ «...conventiculas, posturas et alias noxias novitates per eum in civitate et comuni florentino subgiestas» (там же, стр. 158). Итальянский термин «novità» обозначал в XIV в. «переворот», «восстание»; здесь латинизирован (novitates), но его смысл, очевидно, такой же — «преступные затей, ведущие к восстанию».

⁷⁷ «...l' detto Ciuto voleva fare una compagnia a Santa Croce, e fare setta» (D. Velluti, Appendice, Frammento di Cronica d'Anonimo, стр. 148). Обычно под термином «compagnia» понимается «вооруженный отряд», но здесь скорее «группа единомышленников, коллег». La setta в XIV в. обозначало не столько секту в обычном понимании, сколько группу заговорщиков и даже тайный заговор.

⁷⁸ «...scardazerios petinatores et alios laboratores in artificio Lane...» (Libro delle inquisizione, стр. 158).

⁷⁹ «...e ragunata cogli altri lavoranti di Firenze» (D. Velluti, Appendice, Frammento di Cronica d'Anonimo, стр. 148).

⁸⁰ Libro delle inquisizioni, № 16, d, стр. 159.

⁸¹ «...cum multis et multis aliis suo proprio proposito seducto et indicatione, quod per scardazerios petinatores et alios laboratores in artificio lane, in maiori numero quantum habere posse, fingeretur quedam fraternitas in pluribus locis civitatis Florentie et ad hoc ut haberent materiam se ad invicem congregandam et possent consules et capitulones habere in eorum congregatione et conventicula...» (там же, стр. 158).

⁸² «...inter alia dictus Ciutus proposuit... collectio inter ipsos certam quantitatem pecunie...» (там же).

ния их положения, последние неоднократно выступали при поддержке или при подстрекательстве грандов-демагогов. Ничего не принесли и те стихийные выступления, в которых вожаками выступали сами наемные рабочие или ремесленники. И тогда чомпи пришли к мысли о необходимости организации братства не милостью герцога или гранда, а собственными силами и на собственные средства. Явной модернизацией является положение Ренара о том, что Чучо, «казалось, мечтал оформить рабочий класс в классовой партии».⁸³

Источники позволяют предположить, что организация братства в представлении самого Чучо была первым шагом к дальнейшей борьбе. Можно предполагать, что наемные рабочие готовили переворот,⁸⁴ хотя формы и результаты его они, очевидно, представляли себе очень смутно. Об этом можно судить, обратившись к теории и практике следующего поколения флорентийских чомпи в 70-х годах XIV в., среди которого могли еще быть участники собраний и «других преступных затей» Чучо Брандини.

Весьма показательным является само появление фигуры чесальщика-вожака, талантливого организатора и пламенного оратора.⁸⁵ В тот же день до флорентийских чесальщиков дошел слух о том, что их вождь Чучо ночью взят прямо из постели капитаном народа. Узнав об аресте своего организатора, они все немедленно бросили работу, заявив, что не станут работать до тех пор, пока не вернется Чучо. Чесальщики двинулись к приорам, требуя, чтобы Чучо был им выдан «здоровым и веселым».⁸⁶

Это была одна из самых ранних, если не первая известная в истории, стихийная забастовка наемных рабочих. Дж. Скарамелла назвал ее «одной из первых забастовок протеста».⁸⁷

Нужно отметить, что она не являлась единственной забастовкой XIV в. Забастовки были известны в разных странах, например в Польше в 1375 и в 1391 гг., в связи с запретом союза краковских подмастерьев и в горной (соляной) промышленности, где применялся также и вольнонаемный труд,⁸⁸ хотя

⁸³ D. Renard, t. II, стр. 79. К тому же Ренар ошибочно пишет о движении Чучо в 1346 г.

⁸⁴ См.: М. А. Гук овский. Итальянское Возрождение, стр. 179.

⁸⁵ Валери несколько модернизировано называет его «пролетарием вдохновенным и красноречивым» (N. Valeri, стр. 194).

⁸⁶ «...petinatores et scardassieri, si incontinente ch'udirono, e seppono, che'l detto Ciuto era istato preso di notte in sul letto dal capitano, incontinate veruno non lavorò, e istettonsi e non volevano lavorare se'l detto Ciuto non riavessono, e andarone i detti lavoranti à Priori, pregandogli, che'l detto Ciuto faciessono che'glineo li riavessono sano e lieto...» (D. Velluti, Appendice, Frammento di Cronica d'Anonimo, стр. 148).

⁸⁷ G. Scaramella. Ciompi, стр. 383.

⁸⁸ R. Grodecki, стр. 137—139.

эти забастовки имели свою специфику.

Обычно на описании забастовки заканчивается характеристика движения Чучо Брандини.⁸⁹ Однако текст хроники позволяет предположить, что дело не ограничилось забастовкой. Получив отказ, или, во всяком случае, не увидев своего вожака «здоровым и веселым», наемные рабочие начали действовать так решительно, что «заклокотал весь город».⁹⁰ Забастовка переросла в восстание, к тому же проходившее не только под лозунгом спасения вожака чесальщиков, но под общим девизом повышения заработной платы.⁹¹

На этом фрагмент анонимной хроники обрывается, и о дальнейших событиях трудно судить. Очевидно, восстание было подавлено. Что касается Чучо Брандини, то он, по-видимому, подвергался допросу в течение недели после этих событий, так как запись его процесса помечена 30 мая 1345 г., а схвачен он был 24 мая. Когда ему зачитали приговор на итальянском языке, он подтвердил, что все это правда.⁹² «Затем названный Чучо был повешен...»⁹³ Этой фразой заканчивается сохранившийся отрывок, повествующий о героических делах и мужественной смерти первого выдающегося вожака флорентийских чомпи.⁹⁴

С казнью Чучо не прекратилась дальнейшая борьба наемных рабочих. Уже в том же 1345 г. на площади св. Марка собралась огромная толпа недовольных. Затем происходит процесс, на котором некие Джованни Фацио и Манно ди Треза обвинялись в подготовке восстания в мае 1345 г. Через год, 16 августа 1346 г., был вынесен приговор 16 чесальщикам из Сан Фреддиано, напавшим на дом надсмотрщика Якопо Бонсиньоре.⁹⁵ Возможно, что все они были в какой-то степени связаны с движением Чучо Брандини.

1348 год принес невиданное потрясение во всей хозяйственной жизни Италии и Европы: черная смерть унесла от трети до половины населения итальянских городов. К. Маркс выписывает из работы Каппони данные о последствиях чумы во фло-

⁸⁹ В том числе и в нашей работе (В. И. Рутенбург. Очерк, стр. 155).

⁹⁰ «...detti lavoratori tutta la Terra misono a bollire» (D. Velluti, Appendice, Frammento di Cronica d'Anonimo, стр. 148).

⁹¹ «...e anche voleano essere meglio pagati» (там же).

⁹² N. Rodolico. Il popolo minuto, стр. 61.

⁹³ D. Velluti, Appendice, Frammento di Cronica d'Anonimo, стр. 148.

⁹⁴ Родолико называл его первой жертвой борьбы «за право рабочих ассоциаций» в средние века и в новое время (N. Rodolico. Storia degli italiani, стр. 129).

⁹⁵ N. Rodolico. Il popolo minuto. Appendici, doc. № 15, стр. 161—162.

рентийской промышленности: «1348 Чума во Флоренции и контадо. После эпидемии „голод, из-за него нехватка рабочих рук, и поэтому число ремесленного люда сильно сокращается...»⁹⁶ Нехватка рабочих рук не гарантировала сама по себе увеличения заработной платы, если учитывать истощение трудящегося населения города и контадо и рост цен на продукты питания.

«Жирный народ» стремился всячески ограничить рост заработной платы. В июне 1349 г. консулы цеха Ланы вынесли решение о строгом надзоре за красильщиками, которые «много берут за работу».⁹⁷

Однако беспокойная обстановка ощущалась как в городе, так и в тесно с ним связанном контадо. Значительной частью земель в контадо владели «жирные» пополаны Флоренции, а поэтому естественно, что их правительство регулировало условия работы крестьян-половников, так называемых «рабочих земель» (i lavoratori delle terre). Последние были подчинены служащим «ведомства изобилия» Ор Сан Микеле. Условия работы этих крестьян контадо были записаны в уставе капитана народа, где были предусмотрены наказания за их отказ от обработки полей, а также за организацию союзов. О том, что такие заговоры, направленные на организацию забастовок, были среди крестьян флорентийского контадо в 40-х годах XIV в., свидетельствует жалоба, направленная в 1348 г. владельцами земель приорату и им утвержденная. В ней говорилось о необходимости принятия мер против крестьян контадо, которые составляют заговоры и союзы и творят многие другие недозволенные и противозаконные деяния, за которые приорат налагал огромные штрафы.⁹⁸ В 1348 г. крестьяне флорентийского контадо действительно начали бастовать в связи с тяжелыми условиями труда, а в 1349—1352 гг. были вынесены специальные решения о запрете оставлять землю без разрешения хозяина.⁹⁹ Город увеличивает налоги и даже цену на соль, заставляя половников и поденщиков подчиняться строгим и тяжелым условиям работы.¹⁰⁰ К. Маркс выписывает из работы Каппони данные о влиянии черной смерти

⁹⁶ «1348 Pest in Florenz und contado. Nach der Pestilenz „carestia pel disfetto delle braccia, e perchè il popolo degli artigiani ridotto a numero molto scarso...“» (K. Marx. Excerpte, стр. 7). «1348 Чума во Флоренции и контадо. После эпидемии» — слова Маркса, далее — обычная выписка из работы Каппони.

⁹⁷ N. Rodolico. La democrazia, стр. 123.

⁹⁸ «...contra colonos et inquilinos... adversus eosdem et in faciendo conspirationes et posturas et multa alia indebita seu iniusta faciendo» (N. Rodolico. Il popolo minuto. Appendici, doc. № 25, стр. 174—175).

⁹⁹ N. Rodolico. Il popolo minuto, стр. 95—97.

¹⁰⁰ G. Renard, t. II, стр. 80—81

на значительное сокращение рабочих рук в городе и contado Флоренции, где так же широко применяется наемный труд, и подчеркивает термин «рабочие земель».¹⁰¹

Черная смерть нанесла удар всей экономике города и деревни, однако богачи скоро оправились от потрясений и восстановили свое процветание. В дневнике семьи Альберти, хранящемся в архиве дворца Медичи, уже 22 марта 1349 г. записано, что «со всем имуществом дело обстоит хорошо», и далее говорится, что «можно делать дальнейшие приобретения».¹⁰²

В 1355 г. было вынесено решение о запрещении каких-либо объединений наемных рабочих и зависимых ремесленников. Хозяева Ланы, Калималы и Сэты сами устанавливали максимум заработной платы и к тому же при помощи авансов приковывали наемных рабочих к мастерским.¹⁰³

Красильщикам снова начинают платить с большим опозданием и нередко, как это делалось и раньше, производить расчеты не деньгами, а натурой. «Жирные» пополаны делали это даже вопреки официальным решениям коммуны. Такие методы эксплуатации сочетались с ростом цен, что приводило к стихийным вспышкам выступлений народа.

В августе 1368 г. «тощий» народ собрался на хлебном рынке и с криками «Да здравствует народ!» бросал на землю мешки с зерном и мукой. Затем толпа двинулась ко дворцу приоров и бросала муку и зерно в окна, требуя дешевых цен.¹⁰⁴

В этом же, 1368, году начались волнения среди красильщиков. Эти волнения в конечном счете вылились в забастовки. Красильщики требовали увеличения и упорядочения оплаты труда. В ответ на массовую забастовку ремесленников «жирные» пополаны из цеха Ланы 16 августа 1370 г. вынесли решение о проведении своеобразного локаута: шерстяник, который даст работу бастующим красильщикам, подвергается штрафу в 100 флоринов,¹⁰⁵ а красильщик, не имеющий двухлетнего стажа работы, не имеет права получать заказы в течение 10 лет. Только в октябре 1370 г. этот конфликт разрешился в связи с успешным окончанием войны с Пизой, и локаут был отменен.¹⁰⁶

Флоренция стояла накануне восстания чомпи. Но если чомпи действительно были наследниками Чучо Брандини, то

¹⁰¹ «... I lavoratori delle terre...» (К. Marx. Exzerpte, стр. 7).

¹⁰² «... bene di tutto dell'averità» (Notizie della famiglia Alberti. Riccardiana, 818, л. 124v).

¹⁰³ D. Renard, t. II, стр. 85.

¹⁰⁴ N. Rodolico. Il popolo minuto. Appendici, doc. № 11, стр. 152; N. Rodolico. La democrazia, стр. 123—125.

¹⁰⁵ Там же, 125—126.

¹⁰⁶ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 48—49.

все же между движением 1345 г. и событиями 1378 г. пролегла большая, более чем 30-летняя, полоса времени. Она была заполнена событиями, не только предшествовавшими движению чомпи, но имевшими определенную связь с этим великим восстанием флорентийского предпролетариата, завершившим серию крупных восстаний наемных рабочих XIV в. Речь идет прежде всего о движении плебса в Перудже и восстании «дель Бруко» в Сьене, к рассмотрению которых мы и переходим.

Глава третья

ВОССТАНИЯ В ПЕРУДЖЕ И СЬЕНЕ

(Начало 70-х годов XIV в.)

«В Перудже в день 16 мая 1371 г. поднялось открытое восстание, его начал на площади рабочий люд — шерстяники...»

(Нери Донато Сьенская хроника)¹

«Пусть мир и согласие будут в городе Сьене, если это возможно...»

(Устав цеха шерстяников Сьены)²

Восстание городских низов в Перудже

Выдающееся значение Перуджи определяется тем, что современники уже в середине XIV в. сравнивали ее с Флоренцией и Сьеной: эти три города объединялись названием «Три Коммуны» («Тге Comuni»),³ чем подчеркивалось то общее, что было свойственно всем им, — их выдающееся экономическое и политическое положение в Центральной Италии. Нередко это объединяющее их наименование оправдывало себя и в практике военно-дипломатических отношений.⁴ Среди этих «Трех Коммун» первое место принадлежало Флоренции, Перуджа занимала последнее. Однако по сравнению со многими городами Центральной Италии Перуджа была одним из наиболее развитых городов-коммун, хотя уже с XII в. номинально зависела от папы. XII век был для нее периодом значительного расширения ее территории как города-государства; она подчинила себе

Читта ди Кастелло, Губбио, Кастель дела Пьеве, Ассизи. В этом же веке в Перудже установилась власть цеховых элементов во главе с капитаном народа, анцианами и Советом пятисот «людей цехов» (uomini d'Arti).⁵ В течение всего XIII в. в Перудже продолжалась ожесточенная борьба между пополами и нобилиями.⁶

В начале XIV в. в Перудже был установлен приорат по типу Флоренции: формально в это правительство входили представители всех пяти районов города,⁷ фактически оно формировалось из десяти старшин ведущих цехов. Два приора должны были принадлежать богатейшему цеху Перуджи — цеху купцов, причем один из них обязательно избирался главой правительства. Второй по значению перуджинский цех, цех менял, обычно имел своего представителя в приорате. Остальным семь мест приоров принадлежали прочим старшим цехам. Приором мог быть не каждый пополар — член цеха, а лишь богатый, имевший не менее 100 лир годового дохода (затем этот ценз был снижен до 50 лир) и не состоявший ранее в услужении, т. е. богатый, полноправный цеховой мастер.

Установление приората наносило удар по нобилиям, отстраняя их от политической деятельности и прежде всего от участия в правительстве города-государства. Нобили, однако, не были развиты окончательно; борьба с ними продолжалась в течение всего XIV в., и у нобилей было еще достаточно сил для временного захвата и удержания власти, в чем им постоянно помогал такой союзник, как папская курия. Нобили Перуджи были значительно сильнее флорентийских феодалов; этим объясняется их нежелание записываться в цехи для получения политических прав, как это делали их собратья по классу во Флоренции. Они отстаивали ускользавшие из их рук, но еще не потерянные права с оружием в руках. Хотя закон категорически воспрещал нобилиям входить в приорат, но фактически, в случае благоприятной для них политической обстановки, они проникали в правительство или возглавляли районы города в качестве капитанов. Соотношение сил попо-

⁵ Общий для большинства итальянских городов термин «arte» (цех) был знаком и Перудже (arte della Lana), однако официально перуджинские цехи именовались также коллегиями: collegio della Mercanzia (цех купцов), collegio di Cambio (цех менял) и т. п.

⁶ Горожане Перуджи именовались «пополары» (popolari), как и в Сьене; это соответствовало термину пополаны (popolani) во Флоренции. Нобили или гранды, феодалы — название общее для этих городов.

⁷ Всего 10 человек, по двое от района. Районы носили наименование по названию городских ворот: Сан Пьетро (Porta San Pietro), Борнья (Porta Borgna), Сант Аньоло (Porta San Agnolo), Соле (Porta Sole), Сан Сусанна (Porta San Susanna).

¹ «In Perugia a dì 16 di Maggio si levò uno romore apertamente; cominciò in Piazza per gente lavorente di Lane...» (Neri Donato, стр. 223)

² «... che pace e concordia sia ne la città di Siena, se potranno» (Statuto della Lana di Siena, cap. LXXXI, стр. 189)

³ L. Bonazzi, v. I, стр. 444

⁴ S. Sismondi, t. 6, стр. 85, 185.

ларов и нобилей Перуджи было сходно с сьенским с той лишь разницей, что в Сьене нобили были несколько слабее и шли на определенный компромисс с пополарами, хотя также не складывали оружия в течение всего XIV в.

Таким образом, из «Трех Коммун» Центральной Италии Перуджа стояла как бы на низшей ступени в борьбе за победу пополанов над нобилиями, Сьена занимала промежуточную, а Флоренция дошла до высшей ступени, далеко, однако, не покончив с притязаниями феодалов.

Относительная сила перуджинских нобилей выражалась в существовании феодальной партии, символом которой был коршун, отчего ее участники и носили наименование «клюющих» (*becchirini*). Господствующая партия пополаров, символом которых была кошка, именовала себя партией «царапающих» (*gaspanti*). В XIV в. из общего числа горожан-пополаров четко выделялся «тощий» народ — рядовые ремесленники.⁸ «Царапающие» — пополары — были хозяевами Перуджи в XIV в. Это были богатые купцы, менялы, сапожники, шерстяники. Первое место по богатству и политическому значению в Перудже занимал цех купцов, внесенный в 1382 г. 1300 флоринов годового налога. За ним следовал цех менял (700 флоринов в год), затем — сапожников и дубильщиков кож (200 флоринов в год) и на четвертом месте — шерстяников-сукноделов (100 флоринов в год).⁹

Для Перуджи характерны крайняя дробность ремесла и вытекающая отсюда многочисленность цехов. По числу цехов Перуджу из всех итальянских городов превосходит, пожалуй, лишь Венеция, где их число доходило до 58. В городах, входивших в военно-политический союз и имевших многие сходные черты, число цехов было следующее: в Перудже 44, в Сьене 43, во Флоренции 21. Среди перуджинских цехов можно отметить торговые (цехи купцов, продавцов старых сукон, пергамена и бумаги, старьевщиков и т. д.), банковские (цех менял), связанные с обработкой металла (цехи кузнецов, изготовителей подков, шпажников и др.), изготавливающие продукты питания (цехи булочников, рыбников, мясников и т. п.), занятые строительством (цехи плотников, каменщиков, кровельщиков, черепичников и др.) и производством сукна (цехи шерстяников, шерстобитов, чесальщиков шерсти, стригальщиков, красильщиков и т. п.). Многие цехи Перуджи стоят особняком и не могут

⁸ «In eadem civitate perusina sunt tres ordines seu status civium; nam quidam sunt Nobiles qui dicuntur Beccarini, et post eos maiores de populo qui Raspantes nuncupantur, et minutus populus» (Cronaca di Perugia, стр. 238—240).

⁹ R B D'Ajano. Lotte sociali, стр. 343.

быть объединены в группы (цех по производству кошелек-мешочков для денег, цехи возчиков, рассыльных, наконец, художников и др.).¹⁰

Такое большое количество цехов в Перудже и их относительная самостоятельность свидетельствуют о том, что здесь, как и в Сьене, существовали типично средневековые цеховые порядки. Многочисленность цехов свидетельствует о значительном разделении труда внутри городского ремесла, но здесь еще нет укрупнения цехов, происходившего путем поглощения обслуживающих профессий ведущими цехами, как во Флоренции в этот же период, хотя налицо имелись существенные различия в материальном состоянии отдельных цехов и как следствие соответствующий удельный вес в политической жизни города-государства.

Как об этом уже говорилось в первой главе, в передовых городах-государствах Италии XIV в. цеховая система переживала процесс перерождения, что вовсе не означало ликвидации цеха. Наиболее богатые цехи превращались в олигархическую организацию купцов-предпринимателей, не нарушая формально внешнего вида и уставов цеха. Наиболее ярко этот процесс протекал во Флоренции. Сьена переживала его в несколько менее выраженной форме, Перуджа находилась в его начальной стадии. И это определяло специфику перуджинских цехов и неотъемлемо связанные с ними условия жизни и направление борьбы городских низов: ремесленники некоторых младших цехов Перуджи стали на путь постепенного превращения в наемных рабочих.

В 1368 г. нобили Перуджи («клюющие») при помощи папской курии пытались захватить власть, изгнав пополаров («царапающих»). Заговор был раскрыт, четверо «клюющих» казнены, шестнадцать бежали. Папа выступил в защиту феодалов и наложил на Перуджу интердикт. В мае 1369 г. началась опустошительная война Перуджи с папскими войсками, которым всячески помогали перуджинские нобили. Война эта длилась в течение двух лет, истощила город и тяжелым бременем легла прежде всего на трудящийся люд Перуджи. К тому же многие земли Перуджи были захвачены,¹¹ войска противника находились уже у ворот города. Пополарские комиссии по ведению войны показали свое неумение и бессилие осуществить руководство военными действиями. Осенью 1370 г. жители северного района Перуджи (ворот Сант Аньоло) — чесальщики шерсти,

¹⁰ Cronaca di Perugia, стр. 238—240.

¹¹ «Essendo i Peroscini stracchi et preso molte terre loro» (там же, стр. 215).

шерстобиты, красильщики — собрались в церкви св. Августина и потребовали заключения мира, который положил бы конец голодной блокаде города (рис. 8).

Волнения горожан оказали свое воздействие: пополарское правительство «царапающих» в ноябре 1370 г. подписало мир с папским легатом, обещая уплатить папе 3 тысячи золотых флоринов, вручить ему ключи от города и вернуть в город нобилей.¹² Город попал в руки представителей легата, а весной 1371 г. сюда начали стекаться феодальные отряды «кляющих». Атмосфера накалилась до предела, пополарский приорат «царапающих» находился под ударом и 14 мая 1371 г. издал приказ о запрещении носить оружие, выданное во время войны. Перуджинцы отказались выполнить приказ. Вновь поднялся сукнодельческий район Сант Аньоло, народ собрался на площади св. Фортуната и заявил, что он ни за что не отдаст оружия и требует созыва Общего совета города — верховного законодательного органа коммуны. Под давлением вооруженного народа пополарский приорат «царапающих» вынужден был 16 мая 1371 г. созвать Общий совет. Народ многого ожидал от Общего совета: он надеялся на прекращение длительной голодовки, отмену неравномерного распределения хлеба и налога на помол, ликвидацию высоких цен на хлеб (в годы войны эти цены доходили до 2 флоринов за мину) и смутно мечтал об обновлении способа управления городом.

Началось восстание. Восставшие подняли оружие против партии «царапающих» богатых пополаров, сидевших в правительстве купцов, менял, владельцев сукнодельческих мастерских. У восставших перуджинских низов не было какой-либо четкой программы.¹³

На Общем совете 16 мая 1371 г., созванном под давлением вооруженного народа, решался вопрос о приглашении в Перуджу папского легата, который устами своих представителей Бьяджо и мессера Аронне обещал в случае, если он прибудет в город, снабдить голодающий народ хлебом. Народ ожидал от

этого решения улучшения положения и ликвидации власти «царапающих». Для еще управлявшей городом пополарской партии «царапающих» приглашение легата означало усиление феодальной партии «кляющих» и потерю власти. Пополары приложили все усилия к тому, чтобы сорвать решение Общего совета о приглашении легата. Тогда народ, как сообщает хронист, «вернулся домой за оружием».¹⁴ «И здесь, и там, — пишет хронист, — можно было видеть, как люди покидали дома с оружием в руках с криками „Да здравствует народ!“»¹⁵ Другой хронист уточняет состав восставших: «В Перудже в день 16 мая поднялось открытое восстание, его начал на площади рабочий люд — шерстяники, чужеземцы. . .»¹⁶ Восстание подняла наиболее эксплуатируемая часть населения Перуджи, терявшие свою экономическую самостоятельность мелкие ремесленники района Сант Аньоло. Чужеземцы, о которых говорит хронист, — это тоже мелкие ремесленники, пришельцы из других городов Центральной и Северной Италии и даже из Германии, главным образом ткачи. По сообщению этого хрониста, лозунгом восставших было: «Да здравствует церковь и народ!», что вполне закономерно, так как от представителей церкви народ ожидал обещанного хлеба и надеялся на подрыв партии своих хозяев — «царапающих».

Первые удары восставших, естественно, пали на головы богачей-пополаров — купцов, менял, владельцев мастерских, ненавистных хозяев города, а также на судей и нотариусов — оформителей и исполнителей их законов. Здесь же на площади восставшие разбили ворота дома судьи мессера Гульельмо, одного из членов пополарской «Комиссии войны» (*Cinque sora la guerra*), причинившей им столько бед. Хозяин дома спасся, бежав по потайному ходу. В ночь на 17 мая «царапающие» покинули Перуджу, а восставшие захватывали и громили их дома. Были разгромлены и подожжены дома Карпини, Берарделло, Даниелло, Ваньи, Камилла, Печчьоло, Грациа. Удалось затушить пожар лишь в доме Микелотти, члена «Комиссии войны». Восстание распространилось на весь город. 16 мая рабочий люд пришел из северного района города (Сант Аньоло), расположенного километра за полтора от центра, на городскую площадь, где и началось восстание, а 17 мая уже полыхали дома Чеккарелло, дотла был сожжен и разрушен дом братьев Пеллоло в южной части города (Сант Пьетро), а за ними разгромлены и подожжены дома Руджьери, Ванноло, аптекаря Ма-

¹² Там же, стр. 215.

¹³ Буржуазный историк Перуджи, Бонацци, писавший в годы Парижской Коммуны, видит и в этом раннем выступлении наемных рабочих «призрак коммунизма» («da qualche sfumatura di quelle idee che oggi chiameremmo comunistiche» — L. Vona zzi, стр. 475). На эту его характеристику указывал и другой буржуазный ученый, Дайано, в 1910 г., но не дал ей должной оценки (R. V. D'Aiano Lotte sociali, стр. 345). Сисмонди примитивно, однако без подобных фантазий, вызванных страхом буржуазии перед рабочими восстаниями, оценивал это «восстание» (une sédition) как движение, направленное на изгнание из города «царапающих», которые, по его словам, представляли собой «партию наиболее ревностных сторонников свободы» (S. Sismondi, стр. 65—66).

¹⁴ Cronaca di Perugia, стр. 215

¹⁵ «... et quinci e quindi si vedeva uscire il popolo con l'arme in mano gridando — Viva il popolo!» (там же, стр. 215).

¹⁶ Neri Donato, стр. 233

нуччо, Гвидуччо, дома владельцев сукнодельческих мастерских в районе Сант Аньоло — Белардино д'Андруччоло и Лонгаруччо, который держал лавку в южной части города, на рынке св Антония. Восставшими были убиты создатели ненавистных им уставов цеха шерстяников, нотариусы сер Аньело Статути, дом которого также был подожжен, и сер Паоло ди Берардуччо¹⁷

Таким образом, по сведениям перуджинского хрониста, было разрушено около двадцати домов и убито два человека. Другой хронист говорит о том, что «было убито четырнадцать именитых людей, и разграблены и сожжены их дома, и изгнаны все «царапающие»».¹⁸ Эти факты свидетельствуют о том, что восстание было относительно бескровным.

Восставший народ Перуджи, и прежде всего потерявшие самостоятельность мелкие ремесленники, эксплуатируемые богатыми сукноделами, сыграли решающую роль в подрыве, а затем и временной ликвидации правления пополаров в мае 1371 г. Это произошло за два месяца до восстания «дель Бруко» в Сьене и за семь лет до восстания чомпи во Флоренции.

Поэтому восстание перуджинских низов можно считать первым в Италии городским восстанием, приведшим к временной ликвидации власти богатых пополаров. Не случайно хронист, выражавший чувства сьенских пополаров, говорит: «... и было там большое несчастье, многие были убиты и ограблены, дома сожжены... И сьенцы, и флорентийцы выражали свое недовольство, и были опечалены этим событием все добрые горожане (li buoni Cittadini)».¹⁹ В этом проявлялась солидарность пополанов всех «Трех Коммун».

Однако эксплуатируемая масса ремесленников младших цехов, находившихся в подчинении цеха Ланы, была весьма слаба: они не были способны захватить власть даже временно

¹⁷ Cronaca di Perugia, стр 215 Восставшие прежде всего изливали свой гнев на непосредственных создателей законов — нотариусов, нередко обходя своих хозяев — главных виновников их бед. Так было и во Флоренции во время восстания чомпи

¹⁸ «... e fuvi morti 14 di nome, e robate e arse case, e cacciati tutti li Raspanti» (Neri Donato, стр 223) Речь идет, очевидно, о вожаках «царапающих»

¹⁹ Там же, стр. 222 Это была обычная политическая взаимопомощь правительства одного феодального города-государства другому, но и в этом можно видеть и нечто новое: солидарность «жирных» пополанов. Такая солидарность богатых пополанов разных городов Италии представляет собой характерную черту классовой борьбы XIV в; она проявится и в будущем. Подтверждением тому является случай, происшедший менее чем через месяц после перуджинского восстания: в июне того же года сьенские богачи посылают 300 арбалетчиков для подавления народного движения, вспыхнувшего в Кортоне.

Однако удар, нанесенный по «царапающим», облегчил захват власти феодальной партией «клюющих» во главе с папским легатом, объявившим, что всякого, кто осмелится поджигать и грабить дома, ждет смертная казнь.²⁰ Буржуазный историк Дайано говорит о союзе нобилей и низов народных (infimi popolari) в Перудже,²¹ но это неверно: нобили использовали народное восстание для укрепления своих позиций.²²

Появившись 19 мая 1371 г. в городе, легат начал действовать при помощи политики пряника и кнута. Население было широко оповещено о том, что легат прибыл в Перуджу с запасом зерна и что он отменяет ненавистный налог с помола и снижает цены на хлеб. В то же время легат предупредил о том, что он в корне будет подавлять всяческие «беспорядки», и для демонстрации своих сил проследовал на коне через весь город во главе тысячи конных и 400 пеших.²³ Перуджинские нобили организовали торжественную встречу кардинала, восклицая: «Да здравствует церковь, да здравствует синьор, смерть «царапающим»!» В результате прихода в город кардинальских войск, при активном содействии дворянства в Перудже были практически ликвидированы республиканские органы и установлена единоличная власть синьора — папского легата, который поспешил назначить викарием Перуджи графа Уголино ди Монтемарте, поддержанного всем дворянством (da tutti gentiluomini). Из города были изгнаны «царапающие» — республиканская партия горожан, и правящей партией стали «клюющие» — нобили.²⁴ Хронист сообщает о том, что кардинал выслао из города 70 граждан «по собственному усмотрению» («a suo beneplacito») и приказал очистить от домов район св. Антония для возведения там крепости, однако жители не захотели бросать домов своих предков и не дали ему провести в жизнь свои варварские мероприятия. Возмущение народа напугало легата и заставило его покинуть Перуджу.²⁵ Так перуджинские горожане изгнали первого папского представителя, несмотря на поддержку его вооруженными отрядами дворянства.

Такой оборот событий заставил папскую власть временно изменить тактику и направить в Перуджу епископа Сансабин-

²⁰ Cronaca di Perugia, стр 216—217

²¹ R. V. D'Alagno Lotte sociali, стр 338

²² См. об этом аннотацию на статью автора «Восстание городского плебса в Перудже в 1371 г»: Rassegna sovietica, стр. 144—145.

²³ Cronaca di Perugia, стр 216 Бонацци приводит преувеличенные данные: 4 тысячи конных и 1 тысяча пеших (L. Bonazzi, стр. 478).

²⁴ Cronaca di Perugia, стр 216—217

²⁵ Там же, стр 217 Бонацци и здесь дает неправильную цифру — 17 (L. Bonazzi, стр 478)

²⁶ Cronaca di Perugia, стр 217.

ского, который слыл за человека мягкого и сдержанного. Он проводил демагогическую политику и даже издал приказ о запрете дворянских союзов. Однако это было лишь способом успокоения населения и подготовкой к решительному овладению Перуджей.

Исполнителем папской воли, его железной рукой в Перудже стал в 1372 г. новый папский легат Герард Дюнои, аббат Ключийского монастыря, известный в Италии под именем аббата Моммаджоре.²⁷ Воспользовавшись бедственным положением Перуджи ввиду неурожайных лет и длительной войны, обещая покончить с голодом при помощи твердой власти, он лишил город всех республиканских традиций и установил абсолютную власть папы в лице его легата. На протяжении трех с половиной лет папский легат от имени Григория XI казнил и высылал за малейшее проявление республиканизма, причем преследовались не только представители партии горожан — «царапающие», но и любой представитель партии «ключющих» (нобилей), заподозренный в поддержке республиканской партии горожан (*sospetti a gaspantismo*). То, что не удалось представителям папской власти в период открытой церковной диктатуры в Перудже, еще не ослабленной папскими репрессиями, провел в жизнь аббат Моммаджоре. Француз, чужеземец, он обращался с итальянцами, как с покоренным народом. Демагогическое обещание снизить налоги было давно забыто, и агенты легата беспощадно выколачивали из населения налог на войну. Для проведения своей политики папский легат стремился установить строгий порядок в Перудже. Первым мероприятием в этом направлении была постройка мощной крепости, которая держала бы под ударом все стратегически важные пункты города. Возведение папской крепости в самом городе, во многом за счет самих горожан, с целью удержания их в повиновении, было явным вызовом. Однако при активной поддержке феодальной партии нобилей — «ключющих» — это было осуществлено. Под руководством архитектора Гаттапоне из Губбио в районе Порта Соле начала строиться «наиболее красивая крепость Италии».²⁸ Для того чтобы построить ее в самом городе, по приказу легата были снесены постройки на холме, где вырастала мощная крепость. Крепость, расположенная в одном из районов города, была в то же время соединена укрепленным крылом с городской площадью, собором св. Лаврентия и правительственными дворцами подеста и приоров.

²⁷ L'Abbate di Mommagiore, или del Monastero Maggiore, т. е. Montmayeur, Cluny de Marmoutier.

²⁸ Cronaca di Perugia, стр. 217.

Таким образом, сидя в крепости, где находилось около 1500 французских и английских наемников, папский легат держал в своих руках правительственные здания и главную арену всех политических событий этих времен — городскую площадь с ее дворцами. Опыт недавних лет подсказывал кардиналу, что народ, пришедший на городскую площадь с оружием в руках, может сделать многое. Поэтому он, как пишет хронист, позаботился о том, чтобы «ни один гражданин не мог ступить туда без его разрешения»,²⁹ так как на площадь можно было пройти, лишь используя подъемные мосты крепости или сняв охрану с ближайших к площади улиц. Крепость была также соединена укрепленным крылом длиной до километра с северо-восточным районом города — Сант Антонио, где был построен бастион с шестью башнями и двумя подъемными мостами. Были построены также бастионы у ворот Сан Маттео и у ворот Сант Аньоло — в сукнодельческом районе Перуджи. С внешней стороны вокруг всей крепости был вырыт глубокий ров.

Внутри самой крепости были возведены башни и построены роскошные жилища для легата, его свиты и войск. Не забыл папский легат построить и специальные хоромы для своего высокого начальства — папы, обставив их с большой пышностью, для которой хронист нашел единственное сравнение — «рай».³⁰ В этой крепости и проживал полновластный представитель папы на перуджинской земле — аббат Моммаджоре со своей французской челядью и французскими и английскими наемниками.³¹ Крепость всегда была «готова к защите», говорит хронист.³² В крепость были завезены запасы зерна, муки, вина и других продуктов, так что сидящие в ней, по определению хрониста, «могли хорошо продержаться более 10 лет».³³ Внутри крепости были сооружены одна большая и семь небольших метательных машин, поставлены бомбарды, собран значительный запас арбалетов, стрел, пращей и военного снаряжения.

Не надеясь на силы одного крепостного гарнизона, легат привлек на свою службу прославленного кондотьера Джона Хоквуда и его итальянского собрата по профессии Торнабариле.³⁴ В 1373 г. аббат Моммаджоре, захватив все крепости Перуджи и контадо и полагая, что это дает ему право на более решительные действия, усиливал репрессии и усложнял и беа

²⁹ Там же, стр. 218.

³⁰ «Un abitazione papale... che sembrava un paradiso» (там же, стр. 218).

³¹ Там же.

³² Там же, стр. 218.

³³ Там же, стр. 218.

³⁴ «Li quali erano soldati della chiesa» (там же, стр. 219).

того жестокий политический режим в городе. Из города были изгнаны многие сторонники республиканской партии «царяпающих», «почти все наши лучшие граждане»,³⁵ как говорит хронист. Борьба легата против антипапской партии «царяпающих» отражалась и на судьбе низов города. Паразитический папский режим привел к значительному свертыванию сукнодельческой и других отраслей ремесленной промышленности, к замиранию хозяйственной деятельности города, что не замедлило отразиться прежде всего на положении широких народных масс.

Глухое недовольство приближалось к открытому взрыву.

В сентябре 1375 г. по одному только подозрению церковного правителя были высланы из Перуджи многие известные горожане. В последующие месяцы положение обострилось.

6 декабря легат провел демонстрацию своей силы, выведя на улицы и площади города все свои войска. Это переполнило чашу терпения, и горожане выступили против церковной власти. С криками: «Да здравствует народ, смерть аббату и пастырям церкви!»,³⁶ с оружием в руках народ двинулся к городской площади. Характерным является то, что первыми выступили жители сукнодельческого района — чесальщики шерсти, шерстобиты, валяльщики, красители. Еще рано утром 7 декабря они захватили удаленный от центра города бастион у ворот Сан Маттео, построенный в свое время легатом, затем двинулись к площади, где вместе с другими приняли участие в штурме правительственных дворцов. Наемные труженики цехов, еще в 1371 г. восставшие против своих хозяев, ныне являлись активнейшим ядром антипапского движения. Выступлением беднейшей части населения Перуджи, инициатора восстания, не преминули воспользоваться пополары, стремившиеся восстановить свою власть.

Несколько лет правления папского легата сделали свое дело: если в 1371 г. население Перуджи выступило против пополарского правительства, приветствуя народ и церковь, теперь, испытав на себе все тяготы правления папской власти, восставшие требовали смерти пастырям церкви. Такова эволюция политического настроения народа Перуджи, происшедшая под влиянием близкого знакомства с властью церкви. Она отражает такую же эволюцию населения всей Папской области в 70-х годах XIV в., как показали дальнейшие события. Это движение носило явно антипапский, антицерковный характер, не являясь

³⁵ Никколо Капелла, Дж. Симонетто, Бонтемпи, Нино, Мекка, Макко, Чапелла, Казалья (там же, стр. 219—220).

³⁶ «Viva il popolo, e muora l'abbate e li pastori della chiesa!» (там же, стр. 220)

в какой-либо мере движением антирелигиозным. Хронист, стоящий на стороне восставших против папской власти, называющий месяц восстания победоносным («vittorioso mese di dicembre»), говорит о том, что «святой народ Перуджи» («il santo popolo di Perugia») побеждал «во имя бога и его матери Марии, св. Эрколана, св. Лоренцо, св. Костанцо, которые освободили народ Перуджи». Такое восприятие и объяснение было естественным и обычным.³⁷

На площади у дворца приоров стоял на страже отряд Гомера Альборноса. Услыхав гул толпы, он запер ворота и поставил охрану. Народ смял охрану и ворвался на площадь.

Сражение 7 декабря длилось с раннего утра до 9 часов вечера. Смелый и упорный натиск восставших, невиданный гнев народа, проявленный им в этой схватке,³⁸ вынудили Гомера покинуть площадь, оставить дворцы подеста и приоров и бежать в крепость через храм св. Лаврентия.³⁹ Это был первый успех восставшего народа. После этого восставшие бросились на штурм крепости. У ее ворот произошло большое сражение,⁴⁰ в результате которого войска легата отступили, а осаждавшие сожгли подъемный мост, так что из крепости теперь нельзя было попасть на площадь. Были подожжены также мосты бастионов. Восставшие стали разрушать укрепленные крылья, соединявшие крепость с бастионами.

Мастера камня и дерева, как именовался цех строителей в Перудже, применили свое умение для разрушения недавно возведенных стен этих крыльев. Им активно помогало все население. Деревянные подпорки стен были вырваны и использованы в качестве таранов, которые затем поджигались. Несмотря на сопротивление осажденных войск легата, бастионы один за другим были отделены от крепости, а крепость — от правительственных дворцов и от собора св. Лаврентия. Под натиском восставших рухнул план папского легата контролировать все подходы к городской площади, теперь сам легат не мог появиться на ней. Второй план папского легата — держать в своих руках весь город, опоясав его укрепленными крыльями

³⁷ Там же, стр. 224 Однако это не означает, что в этот период не было выступлений, явно направленных против католической веры. В той же Перудже еще в 1327 г. было еретическое выступление против Христа, богородицы и святых; на это дело обратил внимание сам папа, и было составлено обвинение «против хулителей Иисуса Христа, пресвятой девы и святых» (Contro i Bestimatori Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР, Зап.-европ. секция, 6/158).

³⁸ «... vedendo messer Gomese il furor del popolo» (Cronaca di Perugia, стр. 220).

³⁹ Там же.

⁴⁰ « fu data una gran battaglia» (там же, стр. 221).

и бастионами, также был сорван восставшим народом. Осада длилась непрерывно днем и ночью, вся крепость была окружена вооруженным народом, всегда готовым к сражению.⁴¹

В осажденной крепости укрылись папский легат, аббат Моммаджоре, недавно прибывший сюда епископ Болонский, Гомец Альборнос, племянник знаменитого папского тирана Хиля Альборноса, мессер Уго дела Реккья, родственник папы, мессер Грацино, служащий папской курии и викарий Перуджи, Лодовико дела Марка. Вчерашние папские правители города-государства оказались теперь лишенными власти.

Не помогли им и войска, укрывшиеся в крепости. Здесь были английские отряды во главе с Бернардом Сала, а также французские и бургундские отряды общей численностью до 1500 человек.⁴²

В крепости находились также союзники папских властей — феодалы: графы Бульгаро да Маршьяно и Франческо ди Санта Фьоре, недавно прибывшие под видом нейтральных представителей на переговоры с легатом и оставшиеся в его лагере.⁴³ Здесь же укрылись и такие перуджинские нобили, как мессер Раньере со всей своей семьей, который боялся народного гнева⁴⁴ и которого хронист именует предателем (*traditore*).⁴⁵ Нобили помогали папской курии захватывать власть в итальянских городах, теперь же они выступали вместе с папскими ставленниками против своих соотечественников — попов.

Союзниками осажденных были также чужеземные отряды кондотьеров Джона Хоквуда, находившиеся в землях Перуджи. Они подошли к стенам Перуджи и угрожали городу. Таким образом, восставшие горожане, осадившие папскую крепость, сами находились в кольце осады. Однако особенность кондотьеров в том и заключалась, что они были всегда верны своей неверности и служили тому, кто им больше платил. Восставшим горожанам была хорошо знакома эта черта кондотьеров. Хоквуду была послана богатыми пополами Перуджи определенная сумма денег, после чего он пообещал городу не оказывать помощи осажденным церковникам и их французским отрядам и не выступать «против народа Перуджи». ⁴⁶ Обещание кондотьеров ничем не могло быть гарантировано, и перуд-

жинцы предприняли еще некоторые шаги для усиления своих позиций: «царапающие» направили дипломатическое посольство во Флоренцию с просьбой «помочь против пастырей церкви». ⁴⁷ Флорентийская республика направила в помощь Перудже большой отряд конных и пеших воинов.⁴⁸ Значительный отряд был послан также Сьенской республикой.⁴⁹ Пришел также отряд из Ареццо. Эти отряды оказывали помощь восставшим и являлись некоторым противовесом Хоквуду, который мог с легкостью переметнуться на сторону церкви. В этом проявлялась солидарность флорентийского и сьенского «жирного народа» с городской верхушкой Перуджи, использовавших в своих интересах движение городских низов.

Шли дни за днями, а осада крепости продолжалась. Горожане использовали для осады мощную метательную машину, наносившую большой урон осажденным: огромные камни разрушали стены и башни крепости. Рухнувшей балкой в башне был убит граф Санта Фьоре. Народ прозвал эту машину «гонительницей попов» (*sacciarreti*). Другая метательная машина наносила разрушения бастиону Сан Лоренцо, действуя непрерывно в течение всего дня.⁵⁰

В результате упорной и успешной осады папская крепость, в которой легат хвастливо обещал продержаться 10 лет, пала. Осада длилась 24 дня и окончилась полной победой восставших.

Папский легат вынужден был согласиться покинуть крепость и город и таким образом отказаться от власти.

В первый день 1376 г. «наши враги — церковники», как называл их хронист,⁵¹ сдали ими же в свое время построенную крепость. Недавно еще гордая крепость имела жалкий вид, стены и бастионы были разрушены и повреждены, бастион у Порта Соле был разрушен до основания.⁵² Из роскошных комнат кардинала и хором, предназначенных для папы, сохранилась лишь часть. Тысячи горожан собрались и наблюдали, как их недавние церковные властители покидали крепость и город. Из крепости выходили потрепанные отряды английских, французских и бургундских наемников и родственники папы, затем — епископ Болонский и недавно еще грозный аббат Моммаджоре, «который был нашим синьором» и на которого за его

⁴¹ «... e sempre tutto il popolo stiede a combattere con loro dì e notte»; «... e sempre tutto il popolo era armato in piazza e intorno alle muri della cittadella» (там же).

⁴² Там же, стр. 220—221.

⁴³ Бонацци в своей истории Перуджи проходит мимо этого характерного факта (L. Bonazzi, стр. 484).

⁴⁴ «... per paura del popolo» (Cronaca di Perugia, стр. 221).

⁴⁵ Там же, стр. 224.

⁴⁶ «... contro il Popolo di Perugia» (там же, стр. 222).

⁴⁷ «Soccorse contra i detti pastori della chiesa» (там же, стр. 223).

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Neri Donato, стр. 247.

⁵⁰ Cronaca di Perugia, стр. 222—223.

⁵¹ Там же, стр. 223.

⁵² В 1389 г. на месте части крепости была разбита площадь Палья, а в 1463 г. пожар довершил уничтожение зданий, построенных папским легатом.

дела «господь обрушил свой гнев», как говорит хронист.⁵³ «С большим позором и убытком вместе с ним бежал и мессер Ранбере, наш горожанин — предатель».⁵⁴ Это был, как уже говорилось выше, один из перуджинских нобилей — главных союзников папской власти. Народ провожал их пронзительным свистом, наблюдая, как они скользят по земле, размытой дождями.

Инициатором и боевым ядром восставших против папской власти были низы Перуджи. В ходе борьбы против папской власти в Перудже, как и в других городах, в общей ненависти к церковной иерархии и чужеземным наемникам объединились различные слои городского населения, хотя у каждого из них были свои особые стремления. Рядовые горожане и низы Перуджи и других итальянских городов стремились к освобождению от папского гнета, мечтали об облегчении своей тяжелой участи, справедливо рассматривая чужеземных захватчиков и их высоких католических хозяев как своих явных врагов. Этому их обучил печальный опыт нескольких лет папского правления. Городская цеховая верхушка, которая лишилась власти в результате ее захвата церковниками, при активной помощи нобилей, также смотрела на папский лагерь, как на своего врага, имея в виду, в случае победы, вновь захватить власть. Поэтому во время восстания все горожане выступали против церковников и чужеземцев, чем объясняется внешне однохарактерный состав движения — горожане, которые хронистами включаются в общее понятие «народ» (*popolo*) «Перуджинцы, — говорит сьенский хронист, — подняли восстание в городе в интересах народа, изгоняли и нередко убивали служителей церкви».⁵⁵ В этот период восстания против церкви действительно выступал весь «народ», т. е. все горожане. Размежевание проходило по другой линии: с одной стороны были все горожане, с другой — папские агенты, их чужеземные наемники, а также нобили

Однако успехами восстания воспользовалась именно городская верхушка, установившая, как говорит хронист, власть «приоров и народа».⁵⁶ Теперь уже и хронист подчеркивает, что власть переходит к приорам — главам богатейших цехов города, к так называемому «народу» — пополарам, городским богачам.⁵⁷

⁵³ Там же, стр. 224

⁵⁴ Там же

⁵⁵ Neri Donato, стр. 247.

⁵⁶ «... riformare la città a priori e popolo» (там же, стр. 247)

⁵⁷ См.: В. И. Рутенбург *Антипапские восстания*, стр. 317—332. О движениях низов Перуджи в 80-х годах см.: В. И. Рутенбург *Восстание городского плебса в Перудже* стр. 466—467.

Восстание городских низов Перуджи, их активное участие в антипапских выступлениях, привлекает наше внимание как первое из тех городских восстаний, которые потрясли Италию в начале 70-х годов XIV в. У ремесленников младших цехов Перуджи, переживавших процесс превращения в наемных рабочих, еще не было и мысли об участии в политическом управлении городом, к чему придут вскоре их собратья в Сьене и Флоренции, но все же они первыми в Италии XIV в. временно ликвидировали правление богатых пополаров.

Сьенские и флорентийские низы не могли почерпнуть у перуджинских ремесленников ни лозунгов, ни программы, так как последние стремились лишь к некоторому улучшению своего материального положения, а все их движение носило сугубо стихийный характер.

Главной чертой движения перуджинских низов являлся сам факт их активного участия в политической борьбе, они в значительной мере оказывали влияние на исход событий. Независимо от того, что фактически перуджинские низы расчищали путь к власти нобиллям, реже — богатым пополарам, важно то, что они вступили на путь вооруженной политической борьбы.

Это свидетельствовало о появлении в Италии XIV в. новой растущей прослойки; из нее постепенно образовался отряд наемных рабочих, предпролетариата, который вскоре будет решать судьбу наиболее развитых республик Италии.

Одним из примеров этого процесса являются события в Сьене, к которым мы и обращаемся.

Восстание «дель Бруко» в Сьене

Восстание «дель Бруко» в Сьене было одним из наиболее ранних восстаний наемных рабочих средневековья, оно вспыхнуло за семь лет до восстания чомпи во Флоренции.⁵⁸ Наемные

⁵⁸ Хронист называет восставших «Содружеством Гусеницы», или «компанией дель Бруко» (*Compagnia del Brucio — Neri Donato*, стр. 224), или «Обществом Гусеницы» (*Brigata del Brucio — там же, стр. 225*) Под термином «компания дель Бруко» имеются в виду все наемные рабочие — сукноделы Сьены. Так же, как термин «чомпи» во Флоренции XIV в. звучал как «оборванцы», «босяки», так термин «бруко» (*brucio — гусеница*) звучал в Сьене как «оборванец», «голяк» (*ignudo — голый, ignudo brucio — обездоленный, ничтожный*). Исходя из этого в своей работе, посвященной этому восстанию, мы использовали термин «обездоленные» (В. И. Рутенбург *Восстание «обездоленных» в Сьене*, стр. 152—180) О. Малавольти, историк Сьены, писавший еще в конце XVI в., объясняет это наименование тем, что символ района, в котором проживали рабочие — шерстяники, была гусеница («... si domandavan quelli della Compagnia del Brucio perche tale era l'insegna di quella contrada» — О. Malavolti, стр. 138) Как и широко известный

рабочие сукнодельческой промышленности — съенские чомпи — подняли знамя борьбы с эксплуататорами в третьем по величине городе Тосканы, развитом промышленном центре Италии XIV в.

Сьена была городом резких социальных потрясений. Особенно это относится к XIV в., когда она из средневекового банковско-ростовщического центра превратилась в центр промышленный.

Еще за столетие до описываемых событий, в 1277 г., Сьена покончила с преобладанием грандов, лишив их права занимать высшие должности в республике. Эти решения, известные под названием «народных уставов» (*statuti del popolo*), были менее радикальными, чем появившиеся через 15 лет во Флоренции «Установления справедливости» (*Ordinamenti della giustizia*), однако носили тот же характер. Они представляли собой законодательное оформление победы пополаров над грандами, ожесточенная борьба с которыми занимала собой весь XIII век.⁵⁹ Победа пополаров Сьены была менее полной, чем во Флоренции, несмотря на раннее антифеодальное законодательство. Нерешительность «народных уставов» была выражением действительного положения вещей в республике: вплоть до 70-х годов следующего, XIV, века ослабленные, но не разбитые гранды пытались подорвать растущую мощь пополарской республики. В замках съенского контадо и мрачных дворцах самой Сьены они плетут сети заговоров и интриг против правительства пополаров. Одним из наиболее излюбленных методов их борьбы являлось использование недовольства народных низов Сьены, наемных рабочих и ремесленников, выносивших на себе всю тяжесть эксплуатации.

Действительными производителями съенских сукон были эти наемные рабочие и ремесленники Сьены, однако устав провозглашал «производителями сукон» их эксплуататоров — хозяев

итальянский термин «чомпи» для Флоренции, мы сохраняем и для Сьены итальянский термин «дель Бруко». Первым обратил внимание на это восстание русский ученый М. М. Ковалевский, который, ссылаясь на хронику Нери Донато, указал, что, как и в восстании чомпи, «с не меньшей наглядностью выступает та же рознь съенских рабочих занятых в том же шерстяном производстве», и что «оно воспоследовало целыми семью годами раньше» (восстания чомпи) (М. М. Ковалевский, т. III, стр. 141).

⁵⁹ Еще в середине XII в. пополары добились трети мест в правительстве Сьены. Это дало повод буржуазным историкам говорить о «редком в Италии равновесии» в Сьенской республике (F.-T. Regens Histoire de Florence t. I, стр. 240). «Равновесие» было мнимым, и гранды продолжали борьбу и после победы пополаров изменив лишь ее формы. См. также L. Douglas, L. Sbaragli

сукнодельческих мануфактур.⁶⁰ В этой главе устава огражается существо взаимоотношений между работодателями и наемными рабочими Сьены XIV в. Владелец мастерской, полноправный член цеха шерстяников, имел право на производство сукон, что обозначало право владения мастерской, право на эксплуатацию чужого труда. Устав находил для этого четкое определение «...мастер может производить или же заставить (поручить) производить . сукно другим».⁶¹ Наемные рабочие и ремесленники и были тем, кому «поручалось» непосредственное производство сукон, кто своими руками чесал, промывал, пряд и ткал шерсть, превращал ее в сукно, продажа которого приносила хозяевам огромную прибыль. Пополарское правительство Сьены, естественно, отражало интересы владельцев сукнодельческих мастерских и им подобных «добрых горожан», которые являлись истинными хозяевами республики. В 60-х годах XIV в. это было правительство средних пополаров.

Антинародная политика правительства была весьма ощутительна для наемных рабочих и ремесленников Сьены. Правительство усилило налоговое бремя, ввело новые налоги, установило принудительные займы, и поэтому задолженность съенцев значительно возросла.⁶² К тому же в 1363 г. Сьену, как и другие области Италии, охватила эпидемия чумы.⁶³ В Сьене эта эпидемия соединялась с голодом. Это было связано с сокращением деятельности порта Таламоне и урожаем в землях Мареммы, прилегающих к нему. В этой съенской житнице в конце 60-х годов сбор урожая упал в восемь раз (с 40 тысяч до 5 тысяч модиев), что привело к значительному росту цен на хлеб.⁶⁴ Виной тому была недалёковидная внешняя и внутренняя политика сидевших у власти средних пополаров. Опустошение дополнялось невиданными грабежами многочисленных кондотьерских отрядов, сжигавших целые селения, убивавших крестьян, горожан, монахов и монахинь. Эти отряды занимались прямым вымогательством, требовали от коммуны многих тысяч флоринов отступного (*fiornate*), получали их и все же грабили земли Сьенской республики. Так поступал и знаменитый кондотьер Джон Хоквуд, вызывавший страх и преклонение совре-

⁶⁰ «В цехе шерстяников только мастер может заниматься производством сукна, но никто другой» — «...che neuno sottoposto dell arte de la Lana di Siena lo quale non sia maestro possa fare o vero far fare neuno panno» (*Statuto della Lana di Siena*, l. XXVI, стр. 276).

⁶¹ «...far fare . panno» (там же, стр. 276).

⁶² O Malavolti, л. 138

⁶³ «La moria era in Siena, e quasi per tutta Italia» (Neri Donato, стр. 176)

⁶⁴ До 26 сольдов за стаю в 1368 г. (Neri Donato, стр. 194)

менников. Как и другие кондотьеры, действовавшие на территории Италии, он оправдывал девиз одного из своих предшественников: «Враг бога, правосудия и милосердия». ⁶⁵ Кондотьерский разбой был страшным бичом для Сьены, ⁶⁶ как и для других итальянских городов.

Пользуясь тем, что правительство растерялось в чрезвычайно сложной обстановке, гранды пытались взять реванш и овладеть властью. Это было возможно даже при той постоянной внутренней распри, которая царил в Сьене внутри самого сословия грандов. О ней красочно рассказывается в неопубликованной «Истории города Сьены», хранящейся в Государственном архиве Флоренции: были «между ними ссоры, и... из-за этой вражды они взялись за оружие с такой звериной злобой, бешенством и яростью, что были лютее собак...» ⁶⁷

Крупнейшие семейства грандов — Салимбени и Толомеи, враждующие между собой, стали пробираться в правительство с черного хода. Это было возможно при начавшемся попустительстве правительства Двенадцати по отношению к грандам; оно проистекало из стремления правительства ослабить политические распри между грандами и попоalaraми в обстановке растущего недовольства народа. Многие гранды были возвращены из ссылки и даже получили возможность за 100 золотых флоринов приобрести политические права и стать гражданами Сьены. ⁶⁸ Вскоре правительство Двенадцати распалось на две равные части: шесть членов стали приверженцами Салимбени, другие шесть — приверженцами Толомеи. ⁶⁹ Разногласия в правительстве средних пополаров окрылили грандов, и 2 сентября 1368 г. их восьмитысячная армия захватила дворец, и они установили свою власть. ⁷⁰ Так закончилось тринадцатилетнее правление средних пополаров.

Однако народ, доведенный до полного отчаяния экономической разрухой и политическими неурядицами, не склонил голову перед правительством феодальных консулов, действовав-

⁶⁵ Кондотьерский отряд 40-х годов XIV в., именуемый «Великой компанией», во главе которой стоял Вернер фон Урслинген, действовал в Италии под таким девизом. Он облагал крупную данью многие города, в том числе и Сьену.

⁶⁶ Многие страницы хроники пестрят подробным описанием грабежей и вымогательств кондотьеров (Neri Donato, стр. 184, 188, 189, 193 и др.). О кондотьерах в Италии см.: E. Riscotti. Специально о кондотьерах в сьенских землях см.: A. Professione.

⁶⁷ «... in fra di loro discordie, e... da tale inimicitia vennero al'armi con tal bestialità, rabbia e furore, che crudelissime come cani...» (Sozzini. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti. 708, л. 42). См. «Приложения», док. 5

⁶⁸ Neri Donato, стр. 158, 160, 175.

⁶⁹ Там же, стр. 193.

⁷⁰ Там же, стр. 196—197.

ших вместе с тремя соглашателями из пополаров. ⁷¹ Через 20 дней он поднялся с оружием в руках и изгнал из дворца представителей феодалов. Салимбени, Толомеи, Пикколомини, Малавольти, Сарачени и другие бегут из Сьены, а народ поджигает и разоряет их дворцы при возгласах. «Да здравствует народ!» Образовалось правительство пополаров, в которое вошли три представителя богатой верхушки города, четыре из средних пополаров и пять из «тощего» народа. Во всех домах грандов были поставлены войска коммуны, от 6 до 15 вооруженных воинов в каждом доме. ⁷²

Вновь народ нанес сокрушительный удар по притязаниям феодалов, отвергнув примиренческую позицию богатых и средних пополаров. Изгнанные из города и из контадо, феодалы совершают разбойничьи нападения на Сьену, захватывая замки, нарушая снабжение города. При значительном падении реальной стоимости денег вдвое возросла цена на хлеб. ⁷³ Компромиссное правительство, в котором «тощий» народ был в меньшинстве, не в состоянии было справиться с экономическими и политическими трудностями.

Итогом трехмесячной неудачной деятельности этого правительства было новое восстание народа в декабре 1368 г. Салимбени и другие нобили еще раз попытались использовать народ, но безуспешно: их политическая интрига была поглощена пламенем общегородского восстания. ⁷⁴ Народ поджигает ворота дворца приоров, захватывает его и изгоняет представителей богатых и средних пополаров, оставив во дворце лишь пять представителей «тощего» народа, входивших в состав предыдущего правительства. Эти пять призывают еще десять из представителей того же социального слоя и в январе 1369 г. образуют коллегию Пятнадцати реформаторов. Эта коллегия созывает Большой совет из 858 членов, который не без влияния верхушки города приходит к решению об образовании нового компромиссного правительства, хотя и с явным преобладанием представителей «тощего» народа. ⁷⁵ Правительство присвоило

⁷¹ «Ergo triginta Nobilis tenent palatium; et reformato regimine de decem Nobilibus et tribus Popolaribus, posito nomine Consululm...» (Libro delle deliberazioni. Archivio di Stato di Siena, № 43, л. 23).

⁷² Neri Donato, стр. 198—199.

⁷³ Цена хлеба возросла с 26 до 52 сольдов за стайо, а стоимость флорина достигла 3 лир 4 сольдов (там же, стр. 194, 201). При обычном соотношении 1 флорин = 1—2 лирам.

⁷⁴ «... tutta la Città s'armò, e il Popolo minuto» (там же, стр. 202).

⁷⁵ 3 — из богатых пополаров, 4 — из средних и 8 — из «тощего» народа, в том числе ведущие должности правительства (гонфалоньер справедливости и капитан народа) (там же).

многочисленное название защитника народных интересов (difensori).

Богатые и средние пополары видели смертельную для себя угрозу в том, что большинство правительства состоит из представителей «тощего» народа. Они боялись, что «тощий» народ двинется к домам бывших членов правительства Девяти и Двенадцати с целью убить их и разграбить имущество.⁷⁶ Они выступали против правительства «тощего» народа с оружием в руках под лозунгом «Да здравствуют Девять и Двенадцать!»⁷⁷ На защиту правительства вышел народ, восклицая: «Справедливость! Справедливость!»⁷⁸ Гранды в страхе перед народом пошли на крайние меры: осадили город, прервав тем самым доступ продовольствия. В городе начался голод.⁷⁹ Однако возмущение не вылилось в простой голодный бунт.

Опыт предыдущих лет подсказывал народу, что пополары в лице своих представителей в правительстве ведут примиренческую политику, не спешат прекратить блокаду города, проводимую грандами. Решение вопроса народ видел в изгнании из правительства соглашателей. С криками: «Да здравствует народ!», «Смерть предателям, которые хотят грандов! В огонь их!»⁸⁰ — он изгоняет из правительственного дворца представителей богатых пополаров.⁸¹ Так народ нанес удар грандам и соглашательски настроенным пополарам.

Император, стремившийся опереться на богатую грандско-пополарскую верхушку Сьены, решил вмешаться в ход событий и расправиться с народным правлением. Трехтысячный отряд императорской конницы вошел в Сьену, но был встречен набатым звоном. Схватка сьенцев с войсками императора длилась в течение шести часов. Результатом ее был полный разгром императорской кавалерии сьенцами: более 400 всадников было убито, захвачено 1200 боевых коней; остаток императорских войск позорно бежал из города, покинув своего венценосного начальника, который с плачем просил у сьенцев помощи, обвиняя во всем своих союзников — грандов и богатых пополаров.

Богатые пополары были изгнаны из города, а гранды (в который раз) заключили мир с коммуной и отдали ей 8 крепостей.⁸² Изгнание пополаров из учреждения, ведающего вопро-

сами снабжения города хлебом, привело к снижению цен на хлеб на 1/3. Правительство пыталось проводить политику снижения цен и на другие продукты (масло, мясо и т. д.).⁸³ Эти мероприятия не могли, как и прежде, коренным образом подорвать положение пополаров Сьены, которые владели своими мастерскими; эта политика раздражала пополанскую Флоренцию своей демократической направленностью, и она послала против Сьены кондотьерские отряды, выдавая им вознаграждение за каждый сожженный на сьенской земле дом. За сравнительно короткий срок было сожжено около двух тысяч домов. С трудом избавилась Сьена от кондотьеров, посредством которых Флоренция пыталась оказать давление на правительство Сьены.⁸⁴

Разорение сьенских земель, огромный выкуп, который потребовали кондотьеры, строительство укреплений привели к небывалым финансовым затруднениям.⁸⁵ 26 августа 1370 г. в районе Овиле собираются около 300 человек во главе с ремесленником Доменико ди Ласси и требуют «мира и изобилия» (pace e divizia). Для того чтобы заглушить это выступление, пришлось дать хлеб, как говорит хронист, «тем, кто его не имел».⁸⁶ Правительству «тощего» народа пришлось объявить о праве продавать вино по любой цене тому, кто даст коммуне займы 1500 флоринов, объявить принудительный заем в 25 тысяч золотых флоринов и, наконец, отдать на откуп городские налоги на три года вперед (на общую сумму, превышающую 300 тысяч флоринов).⁸⁷ Бюджетные затруднения коммуны усложнялись благодаря интригам пополаров, обладавших большими средствами и оказывавших поэтому воздействие на поведение правительства. В то время как правительство выплачивало огромные суммы кондотьерам, народ выступил против подобных сделок за его счет и шумно протестовал на площади у дворца правительства. Одного из вожаков народа, сапожника по профессии, правительство, перешедшее теперь на позиции пополаров, схватило и казнило.⁸⁸

После таких антинародных действий сьенского правительства пополанская Флоренция сочла его достойным союза, и уже весной 1371 г. оно послушно подчиняется городу золотого флорина и посылает в помощь ему 6 кондотьерских отрядов, нанятых на средства Сьены.⁸⁹ Для закрепления пополарской направ-

⁷⁶ «... che l'Popolo minuto doveva corrare alle case de'Nove e de'Dodici, e uccidarli tutti e robare...» (там же).

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же, стр. 203.

⁸⁰ «... al fuoco, muojano li traditori che voleano li gentilhomini» (там же, стр. 204).

⁸¹ Там же, стр. 205.

⁸² Там же, стр. 208—211.

⁸³ Там же, стр. 219—220.

⁸⁴ Там же, стр. 221.

⁸⁵ «Costò al Comune di Siena grande quantità di denaro» (там же, стр. 222).

⁸⁶ Там же, стр. 218.

⁸⁷ Там же, стр. 219, 222, 223.

⁸⁸ «Per cagione di quello romore...» (там же, стр. 221).

⁸⁹ Там же.

ленности политики правительства производится изменение его состава.⁹⁰ Вскоре оно открыто показывает свое лицо. 16 мая 1371 г., когда в Перудже поднимается восстание рабочих-шерстяников, как сообщает хронист, все «добрые горожане» (т. е. «жирный народ») Сьены и Флоренции были опечалены этим событием и выражали свое недовольство.⁹¹ Такая солидарность богатых горожан разных городов Италии представляет собой характерную черту классовой борьбы XIV в.; она проявится и в дальнейшем, несмотря на всю политическую раздробленность Италии.

Богатая верхушка Сьены всегда была обеспокоена перспективой возможных выступлений эксплуатируемых ею трудящихся. Уставы разных цехов Сьены оберегают консулов цеха от оскорблений со стороны им подчиненных (sottoposti).⁹² Речь идет об обычном поддержании авторитета цеховой власти со стороны членов цеха, но не только об этом. Уставы прямо говорят о пресечении всех форм протеста, вплоть до открытого выступления,⁹³ и даже предписывают, как должен вести себя работающий в цеховых мастерских во время восстаний, заклиная бога «пресечь такие события».⁹⁴ Однако строгие указания не приносили желаемой покорности угнетенных, что признается в тех же уставах.⁹⁵ История Сьены в 50—60-х годах XIV в. заполнена яркими вспышками народных восстаний 1355, 1368 и 1369 гг., которые являются яркой иллюстрацией того, что ожесточенные выступления городских низов против феодалов и против богатых пополаров не только не прекращались, но и обострялись.

В этих восстаниях наблюдается некоторая последовательность, вытекающая из опыта народных масс. От компромиссного правительства всех слоев города до создания правительства «тощего» народа — таков путь, пройденный сьенским народом за полтора десятилетия. В этих событиях активное участие принимали наемные рабочие Сьены. На своем горьком опыте убеждаются они в безрезультатности деятельности компромиссных правительств и в провале попыток изменить положение и при однородном по своему социальному составу правительстве «тощего» народа, не сумевшего справиться с финансовой катастро-

фой и попавшего благодаря интригам пополаров в их руки. Положение наемных рабочих еще более ухудшилось после того, как правительство «тощих» горожан перестало представлять интересы народа. Обстановка осложнилась также в результате неурожая 1370 г.⁹⁶ Эта обстановка толкнула их на новое восстание.⁹⁷

В июле 1371 г. чесальщики шерсти и другие бесправные рабочие цеха шерстяников Сьены, проживавшие в районе Овиле,⁹⁸ вступили в спор со своими мастерами, доказывая последним, что они (рабочие) желают и должны пользоваться такими же правами, как мастера,⁹⁹ и получать большую заработную плату. Хозяева грубо отказали им в этом, после чего толпы рабочих устремились ко дворцу синьории, апеллируя к коммунальным властям. Они и здесь требовали более справедливой оплаты труда, заявляя, что они «желают, чтобы им платили не по установлениям цеха, а по установлениям сьенской коммуны».¹⁰⁰ Надежда на помощь со стороны синьории была явным заблуждением, так как главы цеха были в тесном контакте с коммунальными властями, утверждавшими решения цеха. Синьоры и не допустили их во дворец, оказавшийся фактически в осаде.

Не получив ответа ни от своих хозяев-мастеров, ни от коммунальных властей, возмущенные до предела чесальщики шерсти и их собратья по мастерским подняли волнение, угрожая убить своих мастеров цеха Ланы и других цехов.¹⁰¹ Значительная их часть во главе с Доменико, занимавшимся перепродажей старых суков, с оружием в руках двинулась к хлебному складу.¹⁰²

Несколько чесальщиков из восставших «дель Бруко»,¹⁰³ окруживших дворец, были схвачены сенатором¹⁰⁴ и преданы

⁹⁶ O. Malavolti, л. 138.

⁹⁷ О восстаниях 50—60-х годов см.: G. Luchaire; нашу статью «Восстание „обездоленных“ в Сиене», стр. 160—169.

⁹⁸ «...li lavorenti e scardazieri dell'Arte di Lana di Siena» (Neri Donato, стр. 244). «Et a quest'effetto havendo fatto nascere certo tumulto, mosso da molti de' minori operai della arte della lana, che furono huomini dell'infima Plebe, che habitando le coste d'Ovile» (O. Malavolti, л. 138).

⁹⁹ Neri Donato, стр. 224.

¹⁰⁰ «Pagare secondo l'ordine dell' Comune di Siena, e non per quello dell'Arte» (там же).

¹⁰¹ «...e fero gran romore e minaccie, e voleano uccidere de' loro Maestri di Lana e altri» (там же).

¹⁰² O. Malavolti, лл. 138—139.

¹⁰³ «...erano scardazieri della Compagnia del Bruco» (Neri Donato, стр. 224).

¹⁰⁴ Должностное лицо, выполнявшее функции главы коммунальной полиции, вроде флорентийского барджелло.

⁹⁰ Там же, стр. 222.

⁹¹ Там же.

⁹² Statuto del Arte dei carnajuoli, l. LXXXI, LXXXII, стр. 91, 118

⁹³ «...ingiuriosa o disonesta o villanea ne parlare ne fare romore...» (Statuto dell'Arte de' chiavai, cap. VII, стр. 244—245).

⁹⁴ «...a tempo di romore o d'apparecchiamento d'arme o di battaglia che fusse quella Città di Siena, cosa le quale Dio cessi» (там же, cap. III, стр. 242—243).

⁹⁵ Statuto de' cuoiai, cap. XXXVIII, стр. 305.

в его дворце¹⁰⁵ пытке веревкой. Это были Чекко далле Форначи, Джованни ди Монна Тесса и Франческо д'Аньоло, по прозвищу Ворчун, — вожаки восстания,¹⁰⁶ наиболее энергично настаивавшие на выполнении их требований синьорами. Арестованные вожди под пытками вынуждены были сказать о сговоре против своих ненавистных эксплуататоров и были приговорены к смертной казни.

На защиту своих руководителей выступили восставшие с оружием в руках. 14 июля они двинулись ко дворцу сенатора и потребовали у него освобождения трех своих руководителей, но, не добившись этого, хотели поджечь дворец, успешно сражаясь с вооруженной охраной сенатора. Народный капитан Франчино ди Маэстро Наддо поспешил спасти положение; с трубами и знаменем капитана он направился ко дворцу сенатора, где произошла настоящая битва и были убиты и ранены многие люди сенатора.¹⁰⁷ Восставшие побеждали, и властям пришлось спешно пойти на уступку: народный капитан приказал сенатору срочно освободить народных вожаков, так как весь город уже взялся за оружие.¹⁰⁸

Три руководителя из «дель Боуко» были освобождены, но восставшие и после этого не успокоились и не сложили оружия, как ожидал капитан. Во главе со своими вожаками направились они ко дворцу синьории, требуя прекращения деятельности правительства богатых и средних пополаров, которое предаёт пытке их собратьев за стремление вырваться из нужды и несправия. Их гнев возрос после того, как они увидели своих вожаков, замученных до полусмерти, но не склонивших головы перед своими врагами.

Восставших окрылила первая победа; они вышли победителями в бою у дворца сенатора и освободили своих руководителей, уже осужденных на смерть.¹⁰⁹ Грозный гул надвигавшейся вооруженной толпы был уже слышен во дворце синьории. С криками: «Пусть будут изгнаны и Двенадцать, и Девять!»¹¹⁰ — штурмовали они дворец, однако ворота его были на прочном запоре, все способы взять его не удавались, и им пришлось обратиться с просьбой о помощи к Салимбени, выдававших себя

за противников правительства и державших в своих руках «знамя народа» на правах его «собратьев».¹¹¹

Салимбени отказали им в помощи, и восставшие отобрали у них это знамя — символ защитников народа перешел к чекальщикам «дель Бруко», взявшимся самостоятельно за дело защиты своих интересов. Были отображены также знамена у других гонфалоньеров — формальных представителей народа — и как символы власти вручены тем, кому он доверял. Затем знамена были водружены в окнах правительственного дворца, как олицетворение законности действий восставших.¹¹² С криками «Смерть Двенадцати, да здравствует народ!» идут они по всему городу и громят дома пополаров, сидящих в правительстве, — сер Чекко Андреа, дель Фонда, Мео д'Аньоло и других, с намерением убить их владельцев. По пути им попался Маннуччо ди Франчино, который прославился своими антинародными деяниями, будучи капитаном народа в конце прошлого, 1370, года. Он был убит вожаком восставших Ферраччо, которого они называли «капитаном компании дель Бруко».¹¹³ Не то самим Ферраччо, не то по его приказу в схватке за знамена гонфалоньеров был убит Бартоло де Форжьере, владелец мастерской по производству лат.

Отобрание этих знамен восставшими символизировало переход власти в их руки, но во дворце еще находилось правительство пополаров. Снова восставшие двинулись ко дворцу и снова не смогли его взять.

Раздраженные неудачей, разгневанные на Салимбени, которые выдавали себя за защитников народа и в решительный момент отказали им в помощи, они двинулись в район Камуллия громить дома Салимбени и других грандов.

В «Истории города Сьены» говорится о восстании, во время которого «народ изгнал 12 Салимбени и были свергнуты члены правительства...» Автор смешивает правительство и знаменитую семью грандов, но фактически правильно связывает здесь факт низложения правительства с Салимбени, которые также были противниками народа, как и другие гранды.¹¹⁴ Последние в страхе перед народным восстанием забыли свои распри и объединились. Восставшие были встречены объединенным отрядом

¹⁰⁵ Дворец был куплен коммуной у семьи Скварчалупи (O. Malavolti, л. 139).

¹⁰⁶ «... ch'erano state de capi di quel romore» (там же).

¹⁰⁷ Neri Donato, стр. 224.

¹⁰⁸ «... che la Città era tutta in arme...» (O Malavolti, л. 139).

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Так именовались сьерские правительства: богатых пополаров — «Девять», средних пополаров — «Двенадцать».

¹¹¹ «La bandiera con l'insegna del Popolo» (там же); «La bandiera del Popolo, la quale tenevano li Salimbeni come Consorti del Popolo» (Neri Donato, стр. 224).

¹¹² Там же.

¹¹³ «... e ucciselo Ferraccio Capitano della Compagnia del Bruco» (там же).

¹¹⁴ «Novità che il Popolo cacci li dodici Salimbeni e furno deposti del regimento.» (Sozzini. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 708, л. 62r).

Салимбени, Малавольти, Толомеи, Ринальдини и других грандов, взявшихся за оружие, для того чтобы подавить движение народа.¹¹⁵ Однако феодальное ополчение было наголову разбито плохо вооруженным народом, хотя во главе отряда грандов стоял бывший капитан правительства Маттенно ди Вентура. У грандов были раненые и убитые, среди последних Карло Малавольти.¹¹⁶ Не помог грандам и отряд, посланный в мае съенскими властями на подавление восстания в Перудже и ныне вернувшийся в Съену.¹¹⁷ Восставшие победили.

Это был второй успех наемных рабочих «дель Бруко», и он принес им союзников, эффективно поддерживавших движение, а до того не вступавших в борьбу. Такими союзниками стали рядовые горожане, мелкие ремесленники и торговцы.¹¹⁸ Таким образом, успешные действия наемных рабочих Съены привлекали к ним более широкие слои рядовых горожан. Впервые в съенских восстаниях XIV в. наемные рабочие стали инициаторами и главным ядром народного движения, до сих пор они были лишь составным элементом городских восстаний. Восстание стало более массовым, силы восставших значительно выросли, и результатом этого был третий штурм правительственного дворца, из которого, наконец, были изгнаны ненавистные правители. Главной силой при этом оставались также наемные рабочие «дель Бруко»¹¹⁹ (рис. 9).

В середине июля 1371 г. в Съене победил народ во главе с наемными рабочими. Из дворца были изгнаны три представителя богатых пополаров и четыре — средних, это были Феличе ди Казуккьо, Кристофано ди Дуччо д'Ардуино, Петроне Катерино, Тоне д'Уго, Никколо ди Милла, Чамполе ди Ванноччио и Бартоло ди Франческо ди Буонаюта.¹²⁰ На их место победившие избрали семь человек из народа. Это были Чекко ди Лука, Ландино ди Гуччо, Маэстро Франческо ди Маэстро Амброджо, Берна ди Мео ди Ристоро, Нанни дель Джойа, Лапо ди Като и Аньоло ди Франческо.¹²¹

Таким образом, новое правительство целиком было составлено из той части населения, которая в Съене называлась, как

¹¹⁵ «... presa l'arme per quietar quel tumulto della Plebe...» (O. Malavolti, л. 139).

¹¹⁶ Neri Donato, стр. 224; O. Malavolti, л. 139.

¹¹⁷ Neri Donato, стр. 224.

¹¹⁸ «... levatosi... in arme la compagnia del populo» (O. Malavolti, л. 139).

¹¹⁹ Neri Donato, стр. 224; «... la Compagnia del populo, con quella del Bruco per forza trasse di Palazzo i quattro Signori che risedevano dell'ordin de' Dodici, e tre dell'ordin de' Nove» (O. Malavolti, л. 139).

¹²⁰ O. Malavolti, л. 139.

¹²¹ Там же, л. 139.

уже сказано, «тощим» народом или «народом большей численности». Семеро вновь пришедших в правительственный дворец заседали там вместе с восемью представителями этого же большинства, оставшимися в новом правительстве и входившими в состав старого правительства. Новая власть носила официальное наименование правительства Пятнадцати синьоров (Quindici signori) — реформаторов. «История города Съены» сообщает, что это правительство образовали «многие горожане и было снова реформировано правительство благородных, народа и Девяти».¹²² Эта фраза подтверждает тот факт, что новое правительство не было подобно ни одному из предшествовавших ему — ни магнатскому, ни пополарскому. Формально все 15 членов правительства являлись представителями «тощего» народа, но фактически они делились на две части: пришедшие в правительство семь новых его членов были представителями восставшего народа, в то время как оставленные в нем восемь заседали во время восстания вместе с богатыми и средними пополарами и вместе с ними оборонялись от восставших. Таким образом, формально правительство было однородным, фактически — компромиссным,¹²³ что было одной из наиболее слабых его сторон.

Причины, приведшие к образованию компромиссного правительства, состояли в том, что, во-первых, наемные рабочие не имели никакого опыта политической борьбы и, победив, не знали, как лучше закрепить свою победу; во-вторых, исход восстания был решен после присоединения к ним всего «тощего» народа Съены, который был далек от требований наемных рабочих «дель Бруко» и способствовал образованию правительства из числа всего «тощего» народа. Этим же, очевидно, объясняется отсутствие в правительстве тех, кого в начале и ходе

¹²² «... a 1371... molte Cittadini e fu novamente reformata il regimento di gentilhomini populo e nove...» (Sozzini. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 708, л. 62r).

¹²³ В. В. Стоклицкая-Терешкович считает, что нельзя рассматривать создание в результате восстания новую власть «Пятнадцати» правительством восставших «дель Бруко» (В. В. Стоклицкая-Терешкович. Рецензия, стр. 166). С этим мы не можем согласиться, так как представители «дель Бруко» были ядром и основной силой восстания. Семеро представителей восставших вошли в правительство Пятнадцати, остальные восемь, все без исключения, представляли «тощий» народ, который на этом этапе находился вместе с «дель Бруко». Таким образом, по социальному составу оно было более однородным, чем июльское правительство чомпи в 1378 г., так как в нем были, кроме представителей наемных рабочих и младших цехов, «жирные» пополаны. Однако окончательный ответ на этот вопрос могли бы дать лишь материалы о деятельности правительства, но они почти не сохранились. Более важным является возражение того же автора, в котором говорится о том, что восставшим «не удалось захватить власть» (там же). Этот вопрос требует специального рассмотрения.

восстания мы видели в качестве его вожаков. Правда, среди имен семи новых членов правительства фигурирует Аньоло ди Франческо. Можно предполагать, что это — Франческо д'Аньоло, по прозвищу Ворчун, один из трех вожаков восставших, подвергнутых пытке, а затем освобожденных.¹²⁴ Кроме того, среди семи новых членов правительства могли быть представители и даже руководители «дель Бруко», имена которых не были до того названы хронистами. Все же и такое правительство по своему социальному составу было более однородным, чем правительство, образованное после победы чомпи во Флоренции через несколько лет после съенского восстания 1371 г.¹²⁵

Новое правительство попыталось взять в свои руки всю власть в городе.¹²⁶ Очевидно, в первые дни своего правления оно приступило к рассмотрению некоторых декретов, заключавших в себе требования восставших.¹²⁷ Если эти требования даже были декларированы, они не делали наемных рабочих хозяевами города-государства, так как само по себе провозглашение равенства с мастерами не меняло коренным образом положения дел. Богатые и средние пополары оставались хозяевами своих мастерских, лавок, банковских домов. От них же зависел и уровень заработной платы, повышения которой требовали наемные рабочие. Однако сам факт существования народного правительства, которое могло выслать из города наиболее ненавистных ему пополаров или подвергнуть их наказанию, могло издавать антипополарские законы, приводил недавних хозяев города в бешенство.

Не имея пока возможности путем прямого насилия расправиться с народным правительством, они предприняли обходный маневр, пользуясь системой республиканского строя Съены и наивной верой восставших в справедливость и законность республиканских установлений города-государства, что свойственно и флорентийским чомпи. Боясь, что при умелом пользовании властью семь новых членов правительства могут нанести богатым пополарам ощутительный удар, последние, очевидно не без поддержки восьми старых членов правительства, сколачивают при правительстве новый орган.¹²⁸

¹²⁴ Такого рода перестановка имен в результате описки иногда встречается у хронистов.

¹²⁵ В его состав входили 3 представителя богатых пополанов, 3 — от средних и 3 — от чомпи.

¹²⁶ «...per haversi ridotto alle mani tutto il governo della Città» (O. Malavolti, л. 139).

¹²⁷ Как уже ранее сказано, в нашем распоряжении нет достаточно полных данных о деятельности правительства восставших.

¹²⁸ «...gli altri Cittadini facesser alteratione» (там же).

19 июля 1371 г. создается Совет реформаторов (Consiglio de' reformatori), которому Общий совет (Consiglio generale), состоящий из представителей всех слоев городского населения, передает власть,¹²⁹ якобы с целью помочь правительству укрепить новые порядки.¹³⁰ Смысл этой помощи вскоре стал ясен: Совет реформаторов, не решаясь пока открыто предложить немедленную смену состава правительства, разрешил, однако, включить имена изгнанных из правительства богатых и средних пополаров в списки кандидатов. При последующих выборах богатые и средние пополары могли быть, таким образом, вновь избраны в правительство¹³¹ и бескровным путем вернуть себе власть. Такие скрытые методы борьбы с правительством восставших свидетельствовали об относительной силе победивших и боязни открытого выступления со стороны богатых пополаров. В то же время восставшие, которые считали себя хозяевами положения, не сознавали всей опасности таких шагов: они не отменили решение Совета и не помышляли о ликвидации таких традиционных учреждений города, как Общий совет, используемый ныне их врагами.

Окрыленные тем, что восставшие не пресекали их подрывной деятельности, богатые пополары составили заговор против городских низов.¹³² Не обошлось и без предательства. Капитан народа Франчино дель Маэстро Наддо,¹³³ происходивший из «тощего» народа и его представляющий,¹³⁴ изменил народу. Историк XVI в., симпатизирующий предателю, говорит о том, что капитан народа, якобы обладавший «гордым духом, не мог вынести (того), что государство так возмутительно могло попасть во время его правления в руки людей такого низкого происхождения».¹³⁵ И он стал участником антинародного заговора.¹³⁶ В вышеприведенной апологетической характеристике Франчино стыдливо умалчивается о цене предательства.

¹²⁹ «...era stata data piena autorità» (там же).

¹³⁰ Внешне все эти изменения выглядели совершенно демократично: было назначено по 6 горожан от каждого из трех районов города (terzi) от имени всего «народа» (del Populo) «для успокоения города» («per racquietare la Città»). Они создали Совет реформаторов, состоящий из 300 человек (по 100 человек от района — тердзы; Neri Donato, стр. 225).

¹³¹ Там же.

¹³² «Congiure contro alla plebe... non essendo sodisfatti quelli dell'ordin de' Dodici, congiurati con alquanti de Nove...» (O. Malavolti, л. 139).

¹³³ Neri Donato, стр. 225.

¹³⁴ «...Capitano di Populo, il quale... era del medesimo ordine popolare del maggior numero» (O. Malavolti, л. 139).

¹³⁵ «...essendo di spirito altiero, non poteva sopportare che con tanta indignità lo stato si fusse ridotto nel suo tempo in mano d'huomini di così bassa conditione» (там же).

¹³⁶ «...et entrando nella congiura...» (там же).

В этой обстановке представители Совета реформаторов стали проводить политику установления «новых порядков» в городе. 24 июля они отобрали знамена у возглавляющих районы города — терцы: Камуллая, Сан Мартино, Центральный. Имена, называемые хронистом, не дают возможности установить смысла этой операции, однако можно без сомнения сказать, что знамена районов города передавались в руки лиц, угодных Совету реформаторов. Через четыре дня, 28 июля, стали отбирать знамена у глав цеховых ополчений, именуемых в Сьене мастерами-гонфалоньерами (*gonfalonieri maestri*).¹³⁷ Вместо них были избраны 6 капитанов (по 2 от терцы), возглавивших объединенное таким образом ополчение, ставшее общегородским (*guardia della Città*).¹³⁸ Главной заботой этих капитанов была фактически охрана тех богатых пополаров и нобилей, которые были схвачены во время восстания и находились под стражей по приказу правительства, образованного в результате восстания. Это были наиболее видные представители богатых пополаров (10 человек), средних пополаров (30 человек), нобилей (Салимбени и др.), которые были удалены из всех учреждений коммуны. Капитаны гвардии освободили их и дали им пропуски на право выхода из города. Днем и ночью уходили из Сьены эти злобные враги народа,¹³⁹ готовые на все ради мести и возвращения к власти.

Таким образом, правительство, не обладая никаким опытом организации власти, сохраняя в своем составе людей, связанных со старым правительством, допустило использование своими врагами системы республиканского правления в их интересах и организацию их вооруженных сил. Люди из слоев «дель Бруко»,¹⁴⁰ наблюдая происходящее в городе, были охвачены стихийным возмущением и 29 июля направились ко дворцу, требуя от своих представителей принятия решительных мер, в частности освобождения тех, кого, по их мнению, держали под стражей несправедливо. Врагов восставших, как мы видели, выпускали из-под замка, оставляя в заключении сторонников «дель Бруко». Поэтому люди из «дель Бруко» заявили, что если не будут освобождены те, кого они считают защитниками народа, «то (они) изрубят в куски капитана», и «взялись за мечи».¹⁴¹ Они потребовали также от правительства решительной расправы с представителями богатых и средних пополаров: отсечения головы Николо д'Амброджо ди Незе, сторонника Две-

надцати, и Антонио ди Биндотто Палакани, сторонника Девяти. Только вечером разошлись они, оглашая городскую площадь гневными криками.¹⁴² Стихийная демонстрация «дель Бруко», очевидно, заставила их представителей в правительстве задуматься над происходящим.

К тому же вскоре в руки правительства попал материал, подтверждающий наличие антинародного заговора, о котором синьорам сообщил съенский мясник Тофано ди Фечино. В заговоре участвовали средние пополары в союзе с нобильями; активную роль в нем играли Салимбени. Заговор поддерживал епископ. Средние пополары, сторонники Двенадцати, хотели захватить власть без богатых пополаров, сторонников Девяти, ненависть народа против которых была настолько явной, что надеяться на какую-либо популярность среди него последние не могли.¹⁴³ Представителем заговорщиков в самом правительстве был капитан народа Франчино дель Маэстро Наддо, а также вновь назначенные капитаны гвардии. Хронист подтверждает, что действовали против народа как из-за своей ненависти к народному правительству, так и из-за денег.¹⁴⁴ По плану заговорщиков Франчино и капитаны городской гвардии должны были в ночь на 1 августа приготовиться в городе к выступлению с тем, чтобы утром внезапно захватить все три района города, изолировать Кампо,¹⁴⁵ соединиться с силами нобильских отрядов, идущих к Сьене из разных пунктов ее владений, преградить все входы и выходы из города и объединенными усилиями «разрубить на куски „компанию дель Бруко“»¹⁴⁶ и изменить способ правления в городе.¹⁴⁷ К городу действительно были подтянуты феодальные ополчения: Салимбени послали 1500 пеших и 40 конных под командой Нуччио да Бигоццо и Понгателло, отряд конных во главе с Чоне ди Сандро, 400 пеших под предводительством мессера Анцо да Бигоццо и 100 пеших во главе с Нери да Бигоццо, всего более 2 тысяч человек.¹⁴⁸

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Салимбени преследовали в этом заговоре и частную цель — разгром враждующей с ними семьи Толомеи (там же).

¹⁴⁴ «...e operono si per loro sdegni delle cose passate e si per denari, che Francino del Maestro Naddo, che era capitano di Populo, e con tutti e tre e Gonfalonieri Maestri, che essi tennero con loro...» (там же).

¹⁴⁵ Т. е. правительство, так как на Кампо (городской площади) находился дворец правительства.

¹⁴⁶ «...e che essi taglierebbero a pezzi la Compagnia del Bruco» (Neri Donato, стр. 226).

¹⁴⁷ «...e poi reformarebbero la Città» (там же).

¹⁴⁸ Там же, стр. 227.

¹³⁷ Neri Donato, стр. 225.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же.

Узнав о заговоре, правительство Пятнадцати синьоров спешно арестовало нескольких заговорщиков, остальные успели бежать. В ночь на 30 июля правительство послало вооруженный отряд на поиски капитана народа. Его нашли у ворот одного с ключами в руках.

«Что делаешь здесь, капитан?» — спросили его. Пойманный с поличным, капитан Франчино не знал, что ответить, и дал им отобрать ключи. Он был отрешен от должности и заперт в отдельную комнату дворца.¹⁴⁹ Однако этим самым заговор не был пресечен. Арест капитана лишь ускорил события. Утром 30 июля три гонфалоньера городских терц, поставленные в свое время Советом реформаторов на этот пост, во главе 1800 ополченцев приступили к захвату территории своих терц и овладели некоторыми городскими воротами. Так начал приводиться в исполнение план средних пополаров — сторонников Двенадцати. Овладев отдельными районами города, они пошли ко дворцу правительства с целью захватить его.

Правительство оборонялось, однако план заговорщиков удался: наемные рабочие «дель Бруко» были изолированы от дворца и не могли проникнуть на Кампо. Не имея поддержки народа, правительство все же продолжало обороняться. С башни осажденного дворца был брошен большой камень, который с огромной высотой понесся вниз, попал в бассейн фонтана на площади и, отскочив, упал в толпу. Многие из осаждавших в испуге пустились в бегство.¹⁵⁰ Паника не могла решить исхода борьбы. Вооруженные отряды средних пополаров, не дожидаясь помощи феодальных ополчений, двинулись в район Овиле, где проживало большинство наемных рабочих, выполнять свою кровавую задачу — «рубить на куски „компанию дель Бруко“».

В этот момент проявился раскол когда-то единого лагеря: рядовые ремесленники, примкнувшие в свое время к наемным рабочим, получив политические права от правительства «тощего» народа, перестали оказывать активную поддержку «дель Бруко». Они примкнули к более сильным теперь средним пополарам и составили добрую половину ополчения, сражавшегося против правительства, в силу которого они верили меньше, чем в силу средних пополаров. К тому же средние пополары были к ним ближе по своему социальному положению, чем наемные рабочие: являясь «тощим» народом, рядовые ремесленники и торговцы тем не менее оставались мелкими частными собственниками. В начале восстания они поддержали наемных рабочих против богатых пополаров, от которых они также страдали, но

теперь, убедившись на опыте в слабости нового правительства, с одной стороны, и в радикальности требований «дель Бруко» — с другой, они пошли за более сильными и стали сторонниками Двенадцати. Мелкие ремесленники и торговцы не были прочными союзниками наемных рабочих, так как резко отличались от них своим социальным положением. Та же часть ремесленников и торговцев, которая еще хотела поддержать «дель Бруко», была разобщена и изолирована в отдельных районах города, хотя часть их и сражалась против Двенадцати на Кампо.¹⁵¹

Наемные рабочие подверглись беспощадной расправе в районе Овиле. Озверевшие отряды ополчения, обозленные безуспешным штурмом дворца, набросились на плохо вооруженных людей «дель Бруко». Хронист, не являющийся сторонником восставших рабочих, рисует страшную картину этого побоища: «... и громили и гнали их — незнакомых с военным делом — разным способом, копьями, арбалетами и мечами; и они бежали в разные стороны и бросались на стены. Их жены издавали вопли и умоляли, держа малых детей на руках, но должны были бежать, так как не было по отношению к ним жалости, чтобы не поощрять тех, кто видел много, но не имел ничего».¹⁵²

Другой хронист, также далекий от симпатий к восставшим, признает, что нападение на них было произведено внезапно и совершенно для них неожиданно в их жилищах, прежде чем они могли взяться за оружие.¹⁵³ Была убита значительная их часть,¹⁵⁴ и «избивали их с такой яростью, с таким бешенством, что не принимали более в расчет, где женщины и где мужчины, убивали без различия всех, кто не мог спастись бегством».¹⁵⁵

Так эксплуататоры расправлялись с наемными рабочими, которые выступили за улучшение своего невыносимо тяжелого материального положения и приобретение политических прав. Позорное нападение из-за угла сопровождалось прямым грабжом. Из домов забирали все, что в них было, вплоть до кусков сукон, вырабатываемых здесь же. После грабежа было подожжено восемь домов, а вскоре ветром огонь был перенесен на соседние дома, и пожаром был охвачен весь рабочий район.¹⁵⁶

Это был непоправимый удар по наемным рабочим, которые больше не смогли оправиться настолько, чтобы выступать в ка-

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵² Neri Donato, стр. 226.

¹⁵³ O. Malavolti, л. 139.

¹⁵⁴ «... n'amazzarono una gran parte...» (там же)

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Neri Donato, стр. 227.

¹⁴⁹ Neri Donato, стр. 226.

¹⁵⁰ Там же; O. Malavolti, л. 139.

честве самостоятельной силы и быть существенной поддержкой правительству.

После этого беспощадного разгрома нобили и богатые пополары объявили себя «защитниками народа». Фактически дальнейшая борьба — это столкновение различных прослоек пополаров. Богатым пополарам, сторонникам Девяти, вместе с нобиями, и прежде всего Толомеи, удастся вооруженным путем сломить средних пополаров — сторонников Двенадцати — и тем самым «спасти» правительство от «заговорщиков», фактически став хозяином положения.¹⁵⁷

Таким образом, после разгрома наемных рабочих наносится удар не только по мелким ремесленникам, но и по средним пополарам. От всего этого выигрывает пополарская верхушка Сьены, блокирующаяся с феодальными элементами. Этот реакционный блок действует от имени все того же «народного» правительства, потерявшего свой облик и почву под собой, а может быть и изменившего свой состав.

1 августа, в день предполагаемого выступления заговорщиков, произошла казнь капитана народа Франчино на площади у дворца. Его одели в ярко-красную одежду и отсекали ему голову на сукне того же цвета. Предатель понес заслуженную кару, но это уже был террор справа: покарал его не народ, а богатые пополары, для того чтобы показать свою мнимую справедливость.

Под видом защиты правительства богатые пополары расправляются со своими политическими противниками и рубят им головы на площадях или у городских ворот.¹⁵⁸ Правительство возвращает в город около 500 бежавших из него богатых пополаров, гарантируя им неприкосновенность.¹⁵⁹ 12 августа в правительство официально были включены три богатых пополара из числа Девяти.¹⁶⁰ Орудием богатых пополаров явилась также комиссия из трех граждан, получившая право осуждать, по своему усмотрению, любого жителя Сьены. Многих объявила она мятежниками, выслав за пределы государства, разрушив их дома, наложив штрафы в сумме, превышающей 20 тысяч золотых флоринов. Были осуждены 131 человек из средних пополаров, 85 из «тощего» народа и 12 из Салимбени (мечь победивших Толомеи) и только 12 из богатых пополаров.¹⁶¹ Пополарская реакция торжествовала: была разбита урна с именами прежних кандидатов в правительство, и отныне туда выбирали

лишь сторонников Девяти и «истинного народа» (*del Popolo schieto*).¹⁶² 22 августа богатые пополары праздновали победу и организовали пышную процессию во славу правительства реформаторов.¹⁶³

Так закончилось первое выступление наемных рабочих одного из важнейших центров сукноделия в Италии XIV в.

Несмотря на кровавое подавление восстания, правящим кругам пополаров пришлось провести некоторые мероприятия демагогического порядка во избежание повторения грозных событий 1371 г. 24 ноября 1371 г. Общий совет коммуны во исправление устава цеха Ланы принял решение о наемных рабочих этого цеха.¹⁶⁴

Наемному рабочему (*laborante d'arte de Lana*) разрешалось работать у любого владельца мастерской, что давало свободу выбора хозяина, однако в этом же пункте говорилось, что он не имеет права покинуть старого хозяина, если уже обязался выполнить ему какую-либо работу или если был ему должен.¹⁶⁵ Вторая часть фактически обесценивала первую.

Устанавливался точный вес фунта (*libra*) шерсти, отдаваемой для прядения, что несколько ограничивало произвол хозяев в отношении объема работы.¹⁶⁶

Правительство, заинтересованное в том, чтобы «в городе Сьене был мир», запрещало советникам цеха изменять устав без разрешения совета коммуны.¹⁶⁷ Это делалось не для защиты наемных рабочих от хозяев, а для защиты последних от восстаний, так как речь шла, конечно, об изменениях устава в направлении ухудшения положения наемных рабочих.

Наконец, в этом решении речь шла о допущении наемных рабочих — горожан Сьены — в состав консулов цеха (2 — из 4), в состав комиссии «добрых мужей» (6 из 12), в совет цеха (50%), при оговорке, в которой воспрещалось включать в эти цеховые инстанции осужденных в августе 1371 г., т. е. участников восстания.¹⁶⁸ Нет сомнения, что в эти органы цеха вводили таких лиц, которые не могли помешать владельцам мастерских. Эти ограниченные уступки весьма показательны, они говорят о некоторых конкретных результатах восстания, так как частично, во многом лишь по форме, но все же являлись выпол-

¹⁶² Там же, стр. 229.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ *Libro delle deliberazioni*, стр. 458—466.

¹⁶⁵ «... non avesse debito col suo maestro» (*R. B. D' Ajaccio Tumulti*, стр. 465).

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же, стр. 465—466.

¹⁶⁸ Там же, стр. 465.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же, стр. 228.

¹⁶¹ Там же.

нением требований восставших, как это было и после подавления восстания чомпи во Флоренции в 1378—1382 гг.

Естественно, что в условиях только появляющихся капиталистических отношений победа наемных рабочих не могла быть ни длительной, ни прочной, но сам факт выступления наиболее угнетенной части городского населения — наемных рабочих, является весьма показательным. Восстание «дель Бруко» является первым крупным выступлением тех, кого Ф. Энгельс называл революционными предшественниками современного пролетариата.¹⁶⁹ Предпролетариат итальянских городов XIV—XV вв. состоял из прослоек трудящихся, находящихся в разных формах зависимости. «Но вся эта пестрота форм зависимости только прикрывает ту основную черту мануфактуры, что здесь уже раскол между представителями труда и капитала проявляется во всей силе».¹⁷⁰ Восстание съенских наемных рабочих подтверждает эту черту мануфактуры.

Съенские повстанцы «дель Бруко» были предшественниками флорентийских чомпи, и между восстаниями тех и других много сходного. Восстание «дель Бруко» было первым в Италии крупным восстанием наемных рабочих, и не лишено основания, что отзвуки его докатились до соседней Флоренции и более тщательная подготовка чомпи могла в определенной степени исходить из опыта их съенских собратьев.

В связи с изучением восстания «дель Бруко» возникает вопрос о власти. Можно ли считать, что восставшим «дель Бруко», т. е. наемным рабочим Съены, удалось захватить власть. Этот вопрос носит общеметодологический характер и касается также восстания чомпи. Мы считаем, что восставшим «дель Бруко», как и позднее чомпи во Флоренции, удалось захватить власть, так как новые правительства были образованы в результате восстаний наемных рабочих в союзе с рядовыми ремесленниками. Это предreshало вопрос о составе правительства. Эти правительства опирались на силу вооруженного народа и поэтому по своей сущности носили характер революционной власти, несмотря на свою непоследовательность и слабость. Более существенным является вопрос о результатах образования этих новых органов власти. Итальянский предпролетариат XIV в. не был и не мог стать сложившимся классом, который, захватывая власть, ведет затем борьбу за создание и укрепление новой социально-экономической формации, нового политического строя. Как пояснял В. И. Ленин, такой «захват власти может быть произведен только организованным рабочим

классом, прошедшим школу классовой борьбы».¹⁷¹ Этот «захват власти» в широком смысле слова, под которым понимается «переход государственной власти из рук одного в руки другого класса», может совершиться в результате революции.¹⁷² Восстания предпролетариата не являлись революциями, однако в условиях XIV в. даже непрочный и временный захват ими власти в союзе с массой рядовых ремесленников мог оказать и оказал существенное влияние на дальнейший исторический ход событий в этих городах-государствах. Об этом более ярко говорит история восстания чомпи.

¹⁶⁹ См.: Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 154.

¹⁷⁰ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 381.

Глава четвертая

ВОССТАНИЕ ЧОМПИ

(июньский этап)

«Произошло во Флоренции великое июньское волнение, так как весь народ взялся за оружие»

(Боловская хроника)¹

Восстанию чомпи посвящено немало книг в западноевропейской, главным образом итальянской, литературе. Первой работой о чомпи было исследование соратника Мадзини, участника революции 1848 г. в Италии, Габриеле Роза. В 1873 г. была издана работа Симонен, в которой была сделана попытка социально-экономической характеристики движения чомпи. В том же году Флорентийскому исследовательскому институту была представлена работа по истории чомпи Пио Карло Фаллетти Фоссати, увидевшая свет через два года. В ней не рассматривается социально-экономический фон движения, однако в научный оборот вводятся новые источники. Работа была для своего времени первым серьезным вкладом в разработку истории чомпи; в 1882 г. она вышла вторым изданием. Если не считать интересных статей Герарди, следующей после исследования Фоссати была вышедшая в том же 1882 г. крупная работа Джузеппе Одоардо Кораццини. Автор выступал в ней на защиту частной собственности, а также всячески восхвалял предавшего восставших Микеле ди Ландо.

Разработка проблем восстания чомпи продолжается и в XX в. В 1904 г. вышла работа немецкого ученого Альфреда Дорена; через десять лет появилась книга Джино Скарамелла, издателя ценнейшего собрания хроник времен восстания чомпи, а затем его статья о чомпи в «Итальянской энциклопедии».

¹ «Fu in Firenze un gran rumore di Giugno per questo modo che tutto il Popolo trasse all'armi» (Corpus chronicorum bononiensium, стр. 230)

Значительное место уделялось восстанию чомпи и в общих работах, например в двухтомном исследовании Жоржа Ренара по истории труда во Флоренции, в истории Флоренции Ромоло Каджезе. Из старых работ такого же типа определенную ценность представляет книга Джино Каппони, которой пользовался К. Маркс. Определенный интерес представляют также работы Альфредо Ориани, Пьетро Орси и др.

Особо важное место в историографии движения чомпи занимает Николо Родолико, исследования которого дают большой и ценный материал в этой области. Его книга, вышедшая в 1945 г., является последним словом буржуазной западноевропейской науки в области специального изучения восстания чомпи, если не считать новых работ Антонио Панелла. Нино Валери и др.²

В русской дореволюционной литературе специальных работ, посвященных восстанию чомпи, не было. Только в общих трудах уделялось некоторое место истории этого движения, например в исследовании А. Н. Веселовского. В советской исторической литературе движению чомпи посвящены некоторые исследования П. П. Фридолина, статьи М. А. Гуковского, А. К. Дживелегова, Н. Ратнера. Из общих исследований, в которых уделялось внимание восстанию, можно указать на одну из наиболее ранних работ советских историков — книгу Н. П. Грацианского о крестьянских и рабочих движениях в средние века, на работу М. А. Гуковского об итальянском Возрождении, и на книгу автора этих строк, в которой одна из глав представляет собой предварительное исследование некоторых вопросов восстания чомпи.³ Однако нельзя считать, что это известное событие, нашедшее себе место в школьных учебниках, изучено в достаточной мере и не требует дальнейшего исследования.

Обращение к истории восстания чомпи правомерно хотя бы потому, что донныне, по сути дела, оно рассматривалось как

² См. L. Simonin; P. C. Fossati; A. Gherardi Documenti, A. Gherardi. Dei rivolgimenti; G. O. Corazzini; A. Doren. Ein sozialer Aufstand, G. Scaramella. Firenze; G. Scaramella] Ciompi; G. Renard; R. Caggese; G. Carponi; C. Cipolla; A. Oriani; P. Orsi; N. Rodolico. Il Popolo minuto, N. Rodolico. La democrazia; N. Rodolico. The struggle; N. Rodolico I Ciompi, A Panella; N. Valeri.

³ См.: А. Н. Веселовский; П. П. Фридолин. Восстание Чьомпи; П. П. Фридолин. Восстание Чьомпи. Тезисы; М. А. Гуковский Кто был истинным руководителем восстания чомпи; А. К. Дживелегов Чомпи и гуманизм; Н. Ратнер. Восстание чомпи; Н. П. Грацианский. Крестьянские и рабочие движения; М. А. Гуковский Итальянское Возрождение; В. И. Рутенбург. Очерк; V. Rutenburg. A dérmunkások helizete.

обособленное явление, не связанное с серией предшествовавших ему восстаний.⁴ К тому же ход и исход восстания рассматривался без специального изучения эволюции различных социальных категорий городского населения, входивших в состав сложного и противоречивого сословия пополанов.

Изучение материалов подтверждает также необходимость уточнения многих частных вопросов и отдельных сторон истории восстания чомпи, без чего общая картина этих событий остается неполноценной.

Перед тем как перейти к наиболее важным вопросам, связанным с историей восстания чомпи, необходимо сказать о самом названии этого восстания

Термин «*ciompi*» (единственное число *ciompo*) буквально не переводится. Хронист Стефани дал этому своеобразному термину довольно пространное толкование, на основании которого обычно составляются все объяснения в специальных работах или справочных пособиях: «... часть мелкого народа: чесальщики шерсти, шерстобиты, промывальщики, аппретурщики и рабочие других ремесел... назывались чомпи. Это наименование восходит еще ко времени герцога Афинского и так произошло оттого, что говорили чомпо в смысле приятель, но это слово испорченное, так как по-французски говорилось „*compar*“, как французы имели привычку и называть, здешние же это слово искажали, произнося его как „Чомпа“». ⁵ Французское *comparè* или итальянское *compara* обозначает «кум», но в то же время «ловкач», «спройдоча», «соучастник», т. е. могло звучать как «добрый малый», «свой брат», «приятель».

П. Лейхт не принимает толкования, которое дает Стефани. По его мнению, он не может происходить от слова *comparè*, так как герцог Афинский был не француз, а неаполитанец. С этим вряд ли можно согласиться; герцог Афинский прибыл во Флоренцию из Неаполитанского королевства, но он и его свита говорили на французском языке. Лейхт предлагает итальянский вариант происхождения этого слова — от «*zompi*», от манеры походки у наемных рабочих.⁶ Лейхт не дает подробных разъ-

яснений, но если принять его вариант, то можно предложить следующий ход мысли: *zompo* — «удар», *zombare* — «колотить», *zompare* — «ударять лапой, копытом». *Zompi* — те, кто ходит на лапах, т. е. твари, скоты. Возможно, так могли прозвать хозяева своих наемных рабочих, тяжело передвигающих ноги после изнурительного труда. Возможно, здесь приемлем и более простой вариант: *zompi* — «хромающие», «сгорбленные».

В хрониках современников встречаются пояснения термина «чомпи». Единственный симпатизирующий чомпи автор «Первой анонимной хроники» приводит термин «чомпи»,⁷ а также в качестве аналогичных терминов — «народ»,⁸ «бедные люди Флоренции»,⁹ «тощий» народ, т. е. чомпи.¹⁰ Он перечисляет профессии, вошедшие в цех чомпи: чесальщики (*iscardassieri*, *pettinatori*), шерстобиты (*vergheggiatori*), аппретурщики (*riverditori*), ткачи (*tessitori*), «мальчики» из мастерских по окраске, по растягиванию сукна, ткацких мастерских (*garzone ch'andasse a ia tinta, o a tiratorio, o telaio*), подмастерья (*fattori*) и др.¹¹ Очень метко он определяет чомпи как тех, «кто никогда не принимал участия [в правительственных органах] и не имел должностей и всегда нуждался [жил своим трудом]».¹²

Таким образом, из этой хроники мы узнаем точно о круге лиц, входивших в категорию «чомпи», а также получаем достаточно разностороннюю характеристику этой прослойки флорентийских трудящихся.

Автор «Второй анонимной хроники» не приводит термина «чомпи», называя их в то же время «тощим» народом, различая как особую категорию «младшие цехи».¹³ Иногда он называет их просто «тощие», разъясняя, что это «чесальщики»,¹⁴ и, наконец, в стихах, рассказывающих о подавлении движения чомпи, вводит термин «мелкота» (*minutaglia*), поясняя, что под этим имеется в виду вся масса рабочих шерстоткацкой промышленности — шерстобиты (*battilana*). Прежде всего это — чесальщики шерсти, а в целом «люди без роду и племени», «вчера родившиеся».¹⁵

⁴ Это положение получило классическое выражение в старом труде К. Чиолла, который писал, что восстание чомпи было изолированным фактом («*era un fatto isolato*» — С. Чиолла, стр. 195).

⁵ «...una maniera di gente minuta scardassieri, pettinatori, vergheggiatori, lavatori, purgatori e riverditori ed altri membri chiamavansi i ciompi. Lo quale nome dirivo infino al tempo del Duca, e tanto viene a dire ciompo quanto compare; ma è corrotto il vocabolo, che in francesco dice „*Compar*“ come è usanza de Franceschi; questi lo corrupero con dire „*Ciompa*“» (M Stefani, rubr. 195a, стр. 322)

⁶ P. S. Leicht, стр. 169

⁷ «...*ciompi e scardassieri*» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 89)

⁸ «...*il popolo*» (там же, стр. 75).

⁹ «...*i poveri uomini di Firenze*» (там же стр. 76).

¹⁰ «*popolo minuto, cioè di quell'arte che si chiamavano ciompi*» (там же, стр. 81)

¹¹ Там же, стр. 77

¹² «...*i quali non avevano mai auto parte d'ufficio e sempre erano stati alle spesi*» (там же, стр. 78).

¹³ «...*il popolo minuto, con que'delle XIII arti minori*» (Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 107)

¹⁴ «...*minuti, pettinatori, iscardassieri*» (там же, стр. 120).

¹⁵ «...*gente che nacque ieri*» (там же, стр. 121)

Гонфалоньер-хронист Луиджи Гвиччардини в своей памятной записи также использует термин «чомпи»; он говорит, что в июльском восстании принимали участие «чесальщики, ткачи и все другие из шерстоткацкой промышленности».¹⁶

Сер Нюфри называет их «тощий народ и низы Флоренции»,¹⁷ поясняя, что «эти люди, которые назывались чомпи, были чесальщиками, рабочими и им подобными».¹⁸

Автор «Третьей анонимной хроники» также свидетельствует о разнозначности терминов «тощий» народ и «чомпи»¹⁹ и уточняет, что это были чесальщики, рабочие цеха Ланы.²⁰

В письме анонимного автора, написанном 25 июля 1378 г., «тощий» народ иногда именуется «самым тощим»²¹ и дается расширенное толкование термина «чомпи» как наемных рабочих не только цеха Ланы, но и других цехов, работавших на по-денной оплате.²²

В наиболее ответственный период восстания, когда чомпи решили создать собственное правительство, они называли его «Восемь святых божьего народа», как об этом говорится в приговоре от 17 декабря 1379 г.²³

Хронист Аччаюоли, безымянный автор «Дневника» («Diario d'Anonimo»), Нанни Бонифаци в своем письме от 9 сентября 1378 г., многие иногородние хронисты ничего нового не добавляют для разъяснения содержания термина «чомпи», кроме некоторых незначительных деталей.

Например, автор пистойской хроники Содзоменти прилагает к чомпи эпитет «низкие» «ничтожные».²⁴ В одной из рукописей, хранящихся во Флоренции, говорится о чомпи, как о «наиболее подлой части народа, которым является плебс».²⁵

¹⁶ «...i petinatori e tesitori e scardasieri e ogni altra batilana» (L. Guicciardini, стр. 49).

¹⁷ «...dalla gente minuta e dal popolazzo di Firenze» (Ser Nofri, стр. 57).

¹⁸ «...questa gente, che si chiamavano i ciompi, che erano scardassieri e lavoranti e simili» (там же, стр. 58).

¹⁹ «...una gente di popolo minuto che si chiamarono i ciompi» (Cronaca terza d'Anonimo, стр. 129).

²⁰ «...quella gente, pettinatori e scardassieri, che si chiamavano i ciompi», «di que lavoranti», «lavorante d'arte di Lana» (там же, стр. 131—132).

²¹ «...popolo minutissimo» (Lettera d'Anonimo, стр. 148).

²² «...gente minute, intendete tutta gente sottoposta all' arte della lana et ad altre arti, gente che stanno a giornate» (там же, стр. 141).

²³ «Ex parte Octo Sanctorum Baylie populi Dei...» (Atti del Capitano del Popolo del 1379, стр. 444). В том же тексте приговора дается итальянское наименование правительства чомпи («li Otto Santi de la Balia del popolo de Dio» — там же, стр. 442).

²⁴ «...ad persequendum istos infimos Ciompo» (Specimen, стр. 91).

²⁵ «...della parte più vile, che e la plebe» (Memoria della Casa de'Medici. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 458, л. 15).

Итак, толкование, касающееся происхождения термина «чомпи», мы встречаем только у Стефани. Его приводит в своей последней работе о чомпи и Родолико, ссылаясь также на комментарий переписчика хроники Каппони. Этот переписчик XIV в. разъяснял, что наименование «чомпи» относится к «людям наиболее низкого происхождения, которые работают в цехе Ланы по найму, чешут, бьют и укладывают шерсть, чтобы ее можно было ткать, и во время работы они находятся в закрытых помещениях почти голые, все в грязи и в мусоре от шерсти... Поэтому чомпи не обозначают ничего другого, как „весь в грязи“, запачканный и плохо одетый».²⁶

П. П. Фридолин говорит о том, что в понимании писателей термин «чомпи» имеет двойкий смысл: с одной стороны, он обозначает «чесальщики шерсти», с другой — имеет презрительный оттенок, вроде русского слова «рвань».²⁷ Он ссылается при этом на Стефани и на комментарии к нему Аммирато.²⁸

М. А. Гуковский называет «лагерь чомпи» лагерем «много-тысячной массы полубесправных или совсем бесправных рабочих старших цехов».²⁹

Необходимо уточнить, что во второй половине XIV в. именно чомпи назывались «тощим» или «мелким» народом, а не были лишь частью в составе «мелкого» народа. Хронисты никогда не относят цеховую массу к «тощему» народу (popolo minuto) и дают ей совершенно определенное название — «младшие цехи» (arti minori).

Таким образом, «чомпи» — это бесправные наемные рабочие текстильных цехов Флоренции, которые называли себя «народом», «тощим» народом, «божьим народом», в то время как их хозяева и противники именовали их «чомпи».

Предпосылки и причины восстания

«За грех, содеянный против святой церкви божьей, — а грех не остается безнаказанным, — дурными гражданами Флоренции, которые предприняли поход против церкви и толкнули на мятеж столько городов и замков... ежедневно совершали столько бесчестия и несправедливости по отношению к духов-

²⁶ «...dalla più bassa gente, che lavora l'Arte della Lana all'esercizio, che la pettina, et ugne, et acconciava da poter la filare, onde mentre che lavora se ne sta rinchiusa in certe stanze, quasi ignuda, tutti unta e inebaratta dai colori della lana... Così Ciompi non vuol significare altro che tutto unto e imbarattato e malvestito» (G. Scaramella. Firenze allo scoppio dei Ciompi, стр. 13).

²⁷ П. П. Фридолин. Восстание Чьомпи, т. 4—5, стр. 5.

²⁸ Там же, стр. 5—6.

²⁹ М. А. Гуковский. Итальянское Возрождение, стр. 182.

ным лицам... господь ниспослал на наш город бич божий, о котором в этой рукописи рассказывается».³⁰

Так определяет причины восстания чомпи хронист Аччаюоли. Восстание, по мнению этого реакционно настроенного представителя «жирного народа» Флоренции, это — наказание за грехи.

Несмотря на наивность такого объяснения, в нем есть некоторая доля истины: события 1378 г. назрели в условиях длительной войны Флоренции с папской курией, против которой выступали многие города Италии. Борьба против возвращающегося в Италию папского двора приняла массовый характер, ею были охвачены десятки итальянских городов.

В военные действия против папской курии была втянута также Флоренция — один из крупнейших промышленных и банковских центров Италии XIV в. Поводом к войне явился отказ папского легата в Болонье направить из Романьи во Флоренцию зерно в 1375 г., когда там был недород и связанные с ним эпидемии. На отказ папского легата в Болонье последовал отказ Флоренции в займе, который у нее просил тот же легат для найма кондотьерских войск Джона Хоквуда. К тому же возвращение городов Романьи и Умбрии под власть римской курии наносило удар по хозяйственным связям Флоренции с этими городами, не говоря уже о попытках воинственных легатов папы захватить часть флорентийских земель. Флоренция стала вдохновительницей антипапского сопротивления и в знак поддержки посылала городам, успешно боровшимся с войсками церкви, «знамя свободы». Флоренция опиралась на заключенный в 1375 г. союз с Пизой, Сьеной, Луккой и Арреццо. В 1376 г. произошло антипапское выступление в таком важном центре Италии, как Болонья. С папской властью в Болонье было покончено, новая республика вошла в антипапскую лигу, получив от Флоренции «знамя свободы», а также денежную и военную помощь.³¹

Взаимоотношения борющихся сторон обострились: в мае 1376 г. на Флоренцию был наложен интердикт, который нанес существенный удар по ее экономическим связям.

Флоренция помогала городам антипапской лиги бороться с кардинальскими и кондотьерскими отрядами, в то время как представители папы помогали крупнейшим феодальным семьям в борьбе с пополанскими правительствами. Кардинал, представлявший папу в Перудже, опирался на феодальную семью Бальони, а в Сьене оказывал всяческое содействие крупным

нобиям Салимбени. Кардинал, действовавший от имени римской курии в Болонье, оказывал активное содействие флорентийским нобиям из семьи Убальдини, и т. д.

Конфликт с папским легатом в Болонье привел войска кондотьера Хоквуда в тосканские земли. Прибытие его в Прато положило начало военным действиям. Первую крупную затрату на войну Флоренция произвела с целью откупиться от Хоквуда, дав ему 130 тысяч золотых флоринов.³² Военные действия потребовали от Флоренции огромных затрат и длительного напряжения всех сил. Коммуна создала чрезвычайный орган, которому было поручено руководство военными операциями и политическими делами. В эту полномочную комиссию входило восемь человек, поэтому они получили наименование «Восемь войны» (*Otto di guerra*), а затем саркастическое прозвище «Восемь святых» (*Otto santi*), так как продолжали войну с церковью, невзирая на папский интердикт, наложенный на Флоренцию. Как уже сказано, интердикт нанес существенный урон экономике Флоренции, доходы города сокращались, а война требовала все больших затрат. Основное бремя затрат ложилось на массового налогоплательщика, что вело к подрыву материального благосостояния ремесленников и наемных рабочих. Последние также облагались налогами и выплачивали определенные суммы по принудительным займам (*prestanze*), против которых выступили затем чомпи.³³

Усиление налогообложения в годы войны с папской курией привело к значительному увеличению должников, которых за неуплату долгов отправляли в тюрьму.³⁴ Многолетние военные действия привели к сокращению внешнеторговых операций, поэтому «Восемь святых», представлявшие прежде всего «жирный народ»,³⁵ мобилизовали все средства на разгром войск церкви. Победа должна была принести мир, а с ним нормализацию торговых связей, расширение сукнодельческого производства, новые прибыли. Война и связанный с нею интердикт приносили «жирному народу» лишь новые убытки. Это ощущали на себе представители младших цехов, работавших на внутригородской и общереспубликанский рынки. Первый значительно сократился, а второй почти прекратил свое существование. Крайне затруднена была доставка английской шерсти, мастер-

³² N. Rodolico I Сюрри, стр. 77.

³³ В. И. Рутенбург. Налогообложение и общественный кредит Флоренции XII—XV вв.

³⁴ G. Renard, t. II, стр. 95

³⁵ При создании этого органа было решено, что в него войдут 6 представителей старших цехов, 1 — от младших цехов и 1 — от грандов

³⁰ А. Acciaiuoli, стр. 18.

³¹ Cronica di Bologna, стр. 499—501

ские закрывались или свертывали свое производство. В 1377 г. производство сукна во Флоренции упало до 24 тысяч кусков.³⁶

Наиболее болезненно ощущали на себе результаты войны наемные рабочие. Сокращение продукции в сукнодельческих мастерских означало медленное умирание для тех из них, кто еще продолжал работать, и голодную смерть для потерявших работу. Максимум заработной платы, который фиксировал крайне низкую оплату труда, сохранялся и в военные годы, когда неимоверно возрастали цены на продукты первой необходимости, в условиях падения стоимости флорина; в то же время растущая задолженность наемных рабочих в этих условиях давала возможность их хозяевам-кредиторам направлять их за долги в тюрьму, избавляясь законным способом от такого беспокойного элемента, как теряющие работу чомпи.³⁷

Естественно поэтому, что уже в период войны «Восьми святых» наемные рабочие сукнодельческих и других мастерских, входивших в систему старших цехов, волновались и требовали увеличения заработной платы.³⁸

Таким образом, экономическое потрясение, связанное с антипапской войной являлось одним из глубинных истоков грозных событий 1378 г. Оно привело к резкому ухудшению положения флорентийских ремесленников и особенно наемных рабочих, положение которых было весьма тяжелым даже в годы хозяйственных успехов города.³⁹

³⁶ E. R. Labande, стр. 207

³⁷ См. выше, стр. 51.

³⁸ A. Panella, стр. 123.

³⁹ Первые историки чомпи писали о войне «Восьми святых», но не всегда связывали ее события непосредственно с их социальными и политическими последствиями. Так, например, у Каппони история войны излагается совершенно изолированно от событий восстания чомпи (G. Capponi, стр. 282—301). Фоссати посвящает ей несколько строк в связи с повышением налогового гнета (C. Fossati, стр. 127—129). Первый советский исследователь истории восстания чомпи П. П. Фридолин не обращается к событиям этой войны как к одной из предпосылок восстания, а ищет «виновников и вдохновителей беспорядков» (П. П. Фридолин. Восстание Чьомпи, т. 4—5, стр. 21, 29, 32 и др.), «вдохновителей движения» (П. П. Фридолин. Восстание Чьомпи. Тезисы, стр. 5). А. К. Дживелегов говорит о том, что в 1375 г. «началась новая война, длинная, скучная, разорительная: с римской курией». Время от середины 40-х годов до 1378 г. он называет периодом «непрерывных кризисов», которые привели, в частности, к росту «сознания у пролетариата» (А. К. Дживелегов. Флоренция, стр. 165). Крупнейший современный итальянский историк движения чомпи Николо Родолико в своей новой работе обращается к вопросу о войне «Восьми святых» в связи с восстанием чомпи, однако рассматривает ее кратко и несколько односторонне (N. Rodolico. I Ciompi, стр. 76—80). Об этой войне, как о причине восстания, пишут почти все историки, касающиеся восстания чомпи, например Лейхт (P. S. Leicht, стр. 165), но не дают ей четкой характери-

Восстание чомпи вспыхнуло в условиях ожесточенной борьбы городов Центральной Италии против восстановления в них светской власти папы. Флорентийская война «Восьми святых» была весьма существенным, но не единственным эпизодом антипапского движения городов. Это движение было направлено против усиления феодальных элементов Италии, группировавшихся в эти годы вокруг папства.

Таким образом, первым фактором, способствовавшим обострению классовых противоречий, являлось экономическое потрясение в городах Центральной Италии, и прежде всего во Флоренции, связанное с наступлением феодальных элементов городов на пополанские. В 70-х годах XIV в. лагерь феодальной реакции вел эту борьбу под знаменем римского папы и пользовался его войсками в качестве основной силы, действующей извне.

Попытка уничтожения пополанских порядков в развитых центрах Италии, вплоть до таких, как Флоренция, объясняется тем, что, как говорил К. Маркс, феодализм в Италии благодаря исключительному развитию городов был сломлен, подорван, но, конечно, не ликвидирован. Однако время истинного наступления феодальной реакции не наступило, оно произошло в Италии лишь к концу XV в. В 70-х годах XIV в. пополанские элементы были на подъеме, хотя в самих городах, в том числе и таких, как Флоренция, давали себя знать и элементы феодальности. Сама по себе военная обстановка не смогла бы привести к восстанию чомпи, если бы передовые города Италии не прошли бы долгой эволюции развития капиталистических отношений.

С ростом и развитием капиталистических отношений в передовых итальянских городах, и прежде всего во Флоренции, связана вторая, еще более глубокая, предпосылка восстания чомпи, как ярко выраженного движения наемных рабочих: формирование на протяжении нескольких десятилетий многотысячного отряда предпролетариата — ведущей и решающей силы восстания 1378 г. Это подчеркивал еще в 1924 г. Н. П. Грацианский: «... речь идет о чисто городском движении в обстановке капиталистического хозяйства — восстании чомпи

стики. Н. Ратнер, описывая историю восстания чомпи (Н. Ратнер) не обращается к истории этой войны. М. А. Гукowski справедливо отмечает, что война Флоренции с церковью привела весной 1378 г. к экономическим потрясениям, что в свою очередь вызвало обострение политической и социальной борьбы в городе (М. А. Гукowski. Итальянское Возрождение, стр. 182). Мы здесь обращаемся лишь к работам по истории восстания чомпи для того, чтобы определить отношение авторов к значению войны «Восьми святых» для этого движения. О самой же войне с папской курией существует большая специальная литература

во Флоренции, как первом показателе только что народившейся новой общественной силы — городского пролетариата».⁴⁰

Наличие относительно большой для своего времени прослойки предпролетариата во Флоренции может рассматриваться как необходимое условие, предпосылка восстания чомпи. Только наличие большого отряда наемных рабочих, составляющего основное ядро всех трудящихся города, могло привести к движению качественно новому, с специфическими рабочими требованиями, в том числе и политическими, вплоть до участия в управлении государством, несмотря на весь их примитивизм и непоследовательность.

Поэтому в XIII в., когда в итальянских городах была лишь небольшая прослойка наемных рабочих, были возможны лишь стихийные вспышки недовольства, подобные выступлению «бесштанников» Болоньи в 1289 г. Превращение небольшой в XIII в. прослойки наемных рабочих в большой отряд предпролетариата, ставший в XIV в. решающей силой флорентийской мануфактурной промышленности, было важнейшей предпосылкой крупнейшего восстания предпролетариата в период Средневековья.

Вряд ли можно согласиться с А. Сапори, что время восстания чомпи не являлось наиболее тяжелым периодом в отношении условий жизни,⁴¹ хотя, конечно, не всегда тяжелые условия жизни трудящихся вызывают восстания. Именно поэтому важно иметь в виду не только материальный уровень существования к моменту восстания, хотя он во Флоренции в 1378 г. был весьма низок, но и весь процесс эволюции прослойки наемных рабочих, а также весь ход и характер антипапского движения городов в XIV в.⁴²

Одним из условий острого социального конфликта было, по словам Сапори, «резкое нарушение равновесия между богатством и бедностью»,⁴³ что и привело к революционному движению.

В период, непосредственно предшествующий восстанию, реальная заработная плата чомпи были весьма низкой. Это особенно резко ощущалось в связи со снижением заработной платы после некоторого ее повышения, связанного с черной

⁴⁰ Н. П. Грацианский, стр. 4 Эта в общем правильная характеристика требует некоторого уточнения. восстание чомпи было движением предпролетариата, а не пролетариата, и являлось наиболее ярким, но не первым движением рабочих в Италии XIV в.

⁴¹ «... non avvennero nel momento in cui le condizioni di vita erano più dure» (A. Saporì, Lezioni, стр. 180).

⁴² См.: В. И. Рутенбург Антипапские восстания

⁴³ A. Saporì, Lezioni, стр. 182.

смертью. Снижение заработной платы наемных рабочих на 50% было одной из причин восстания чомпи.

Определенное значение имели также францисканские проповеди с их идеями равенства и культа бедности. Проповедь равенства нашла некоторое отражение и в требованиях сьенских повстанцев «дель Бруко», и в программе чомпи; что касается проповеди бедности, то она одержала некоторый успех лишь после подавления восстания, о чем будет идти речь впереди.

Родолико, Лабанд и Токко несколько преувеличивают значение этих проповедей как одной из причин восстания чомпи.

Можно согласиться с тем, что некоторое влияние, как об этом пишут Родолико и Лейхт, на события 70-х годов в Италии оказали городские движения во Франции, особенно во Фландрии, откуда в итальянские города приходили квалифицированные сукноделы.

Несколько сомнительными и, во всяком случае, крайне незначительными среди причин восстания чомпи были литературные влияния, о которых говорят Фаллетти и Ренар.

Гораздо большее значение имеет в этом плане террор гвельфской партии, о котором говорит Лейхт. При обращении к гвельфской партии нельзя ограничиться только вопросом о политическом терроре как одной из причин восстания чомпи. Он подводит нас к рассмотрению условий, которые во Флоренции — главном центре зарождения раннекапиталистических отношений в Италии — питали лагерь феодальной реакции. Его представители группировались там вокруг своеобразного центра, именуемого гвельфской партией.

Гвельфская партия

Удар, который пополанская Флоренция нанесла градам в 1293 г., провозгласив «Установления справедливости», значительно поколебал их позиции. Лишение политических прав всех лиц, не только по социальному положению, но и по происхождению относящихся к классу феодалов, было знаменательным сдвигом и наиболее рельефным показателем усиления пополанов в передовых итальянских городах в XIII—XV вв.

«Установления» характеризовали основную тенденцию развития Флоренции и подобных ей по своему социально-экономическому профилю городов Италии. Поэтому «Установления» являлись не только законом, но и политической декларацией, программой пополанского лагеря. Будучи законом, выросшим из реальной обстановки, они в значительной мере могли быть

проведены в жизнь. Будучи программой, они выходили за рамки своего периода и были рассчитаны на будущее. «Установления» являются наиболее яркой иллюстрацией упоминавшегося уже положения К. Маркса в приложении к флорентийской обстановке: благодаря исключительному развитию город смог сломить феодализм. Действительно, феодальные порядки были здесь подорваны, но не ликвидированы до конца.

В декрете 1289 г. запрещалось покупать или каким-либо образом приобретать людей крестьянского звания, а равно и использовать права на крестьянские повинности, «противные свободе личности»;⁴⁴ флорентийская коммуна вслед за коммунами Лукки, Сьены, Падуи, Бреши, Болоньи фактически декларировала отмену крепостного права. Ослабление экономической и политической мощи феодалов-крепостников не означало уничтожения их как класса феодальных владельцев земли, хотя смена форм эксплуатации, вплоть до переходного к капиталистическим формам половничества (mezzadria), была могучим толчком, приведшим к подрыву феодальных порядков. Переезд многих феодалов в город, начавшийся задолго до этих декретов, не означал изменения их социального положения, если они не теряли окончательно своих земель, продавая их потомственным пополанам, и не переключались целиком в сферу торгово-промышленной деятельности. Этот процесс приводил, однако, к тому, что часть собственно пополанских элементов связывала себя прочными хозяйственными нитями с землей, частично используя в качестве источника дохода феодальную ренту. В то же время часть грандов обращалась к городским промыслам, наиболее важные из которых превратились в раннекапиталистические мануфактуры и приносили их хозяевам прибавочную стоимость. В этом сказывался сложный социально-экономический характер итальянского города XIV в., даже такого развитого, как Флоренция.

Поэтому провозглашение «Установлений справедливости» как антифеодального закона и как программы подавления феодальных элементов хотя и было закономерным, но произошло в сложной обстановке переплетения нарушенных, но не ликвидированных феодальных и зарождения новых раннекапиталистических отношений. «Установления» могли бы быть реализованы полностью в случае наличия во Флоренции «чистых» социальных категорий слабейшего гранда и усиливающегося пополана-мануфактуриста. Действительность была сложнее, и дело завершилось своеобразным компромиссом

Многие магнатские семьи были тесно связаны с банковской и торгово-промышленной деятельностью, будучи членами компаний. Из 72 семей грандов около половины (33) имели отношение к этим компаниям. Поэтому крайне резкие требования автора «Установлений» Джано делла Белла не были поддержаны определенной частью «жирного народа», в результате чего делла Белла вынужден был бежать из Флоренции, а «Установления» пополнились поправками и уточнениями, несколько смягчавшими их антимагнатскую направленность.

Несмотря на спорность этого вопроса, не подлежит сомнению, что, во всяком случае, часть грандов, имена которых не были внесены в 1293 г. в список подлежащих ограничениям, могла теперь рассчитывать на получение политических прав путем вхождения в цех, даже без обязательного занятия в нем деловыми операциями.

Компромисс богатых пополанов с частью грандов объяснялся в значительной мере также тем, что демократизм «Установлений» 1293 г. был весьма ограниченным: внецеховая масса наемных рабочих не получала политических прав по этому закону. Этот союз с грандами был также необходим богатым пополанам для оттеснения на задний план младших цехов, за которыми «Установления» также юридически закрепляли политические права.

Все это привело к компромиссу определенной части «жирных» пополанов со значительной частью грандов, выражением чего являлась гвельфская партия (parte guelfa).⁴⁵

⁴⁵ Термины «гвельфы» и «гибеллины» появились в XII в. в связи с разделением всех итальянских городов на сторонников империи (гибеллины) и сторонников папы (гвельфы). Поражение германских феодалов во главе с Фридрихом Барбаросой в 1176 г., а затем поражение династии Гогенштауфенов в Италии после смерти Фридриха II (1250 г.) и гибели его сыновей усилили гвельфский лагерь, к которому принадлежала и Флоренция. Борьба гвельфов и гибеллинов продолжалась внутри городских стен. С 1300 г. вместо вечно враждующих гвельфов и гибеллинов во Флоренции появились новые, сменившие их, партии черных и белых гвельфов. Черные гвельфы включали грандов или близкие к ним элементы, белые стали партией «жирных» пополанов. Они заняли во Флоренции господствующее положение и вскоре стали называться гвельфской партией или просто партией (parte), что не было простым отказом от названия (белые). Она не являлась партией в современном смысле слова, но была важной, обладавшей реальной властью, политической организацией Флоренции XIV в. и определенным политическим направлением. Здание дворца гвельфской партии высится во Флоренции и в наши дни. Политическая история гвельфской партии в достаточной степени изучена (U. Dogni. Notizie storiche sull'Università di Parte Guelfa); в меньшей степени раскрыта социально-экономическая база этой партии

⁴⁴ Libro dell'provisioni dal anno 1288 al 1290 Archivio di Stato di Firenze

Нейтральное название (партия, гвельфская партия) не означало полной ликвидации противоречий между черными и белыми гвельфами или окончательного подавления черных. Социально-экономическое срастание грандов с богатыми пополанами привело к политическому компромиссу черных и белых, объединившихся в единой партии. Формально это был важнейший партийно-политический центр, определявший лояльность всех граждан флорентийского государства: быть гвельфом означало для каждого гражданина этой республики быть «добрым католиком» и политически благонадежным лицом. Сложность социальных перипетий Флоренции привела к такому своеобразному факту, что лояльность и ортодоксальность всех граждан определялась представителями главным образом магнатских родов, засевавших в руководстве партий.

Н. Родолико совершенно справедливо опровергает положение Дж. Каппони о том, что с магнатами было покончено после изгнания из Флоренции герцога Афинского в 1343 г. Магнатские семьи не исчезают и в следующие десятилетия. Даже после бурных лет восстания чомпи и последовавшего за ним правления младших цехов они живут и действуют: в 1382 г. на верность коммуне присягают Кавальканти, насчитывающие, по данным Родолико, 38 консортов, Барди — 23 и т. д.

Источником их социальной живучести является сочетание их торгово-промышленной деятельности с эксплуатацией земельных владений, что приводило к их срастанию с пополанскими родами. Последние в XIV в. расширяют свои земельные владения, приобретая участки земли на флорентийских и лукканских холмах. Родолико говорит о расширении земельных приобретений горожан во второй половине XIV в. на примере семейных записей Курьяни (1365—1378 гг.).⁴⁶ Однако на другом примере записей торговых книг компании Перуцци можно установить процесс возрастания земельных фондов горожан с конца XIII и в первой половине XIV в. (1286—1340 гг.).⁴⁷ С 1286 по 1338 г. Перуцци произвели 111 сделок по купле отдельных участков земли и целых имений, в том числе таких крупных, как например имение Барончелли, стоимостью 1487 лир (1299 г.), братьев Кьярмонтези — в 5000 лир (1309 г.), братьев Бонакольти — 5379 лир (1309 г.), имения Моцци — 8859 лир (1310 г.) и т. п.⁴⁸ В 30-х годах XIV в. значительные земельные участки приобретают члены компании

Перуцци, такие, как Барончелли, Содерини, Виллани и другие,⁴⁹ и даже служащие этой компании.⁵⁰

Процесс возрастания земельных владений пополанов на протяжении всего XIV века чрезвычайно важен для объяснения их социально-экономического срастания с грандами и их политического компромисса в гвельфской партии. Это было основой общности их интересов, что отмечено Родолико. Однако в такой же мере основой их союза было участие магнатских родов в торговле и промышленности. В гвельфскую партию входили гранды и «жирные» пополаны, державшие в своих руках главные хозяйственные рычаги Флоренции в городе и деревне, и в этом заключался источник силы гвельфской партии. Из этого следует, что политический союз «жирных» пополанов и грандов возник не в ходе восстания чомпи, о чем обычно пишут историки этого движения, а задолго до него, что имело огромное значение для хода и результатов восстания.

Среди 6 капитанов гвельфской партии было 3 представителя грандов и 3 пополанов, затем это число для представителей пополанских кругов было доведено до двух. Это количественное превосходство грандов в руководстве партией соответствовало действительному преобладанию в ней феодальных элементов — грандов, таких, как Пьеро Альбицци, Бенги Буондельмонти, Беттино Риказоли и др. Капитаны гвельфской партии могли подвергнуть амниции, т. е. объявить под политическим надзором, назвать гибеллином, любого жителя города. Обычно для этого использовалась формула: «Такой-то не является истинным гвельфом и преданным святой церкви» («Non vero guelfo e devoto di sancta Chiesa»).⁷ Практически это обозначало право исключения из выборных списков любого кандидата на правительственные должности на ближайшие пятнадцать лет.

Помимо личных мотивов, что тоже имело место в деятельности капитанов гвельфской партии, учитывались прежде всего социальные истоки тех прослоек флорентийского населения, представители которого подвергались амниции. Преследованиям со стороны гвельфской партии подвергались прежде всего горожане, которые не входили в господствующую группу грандов и «жирных» пополанов — земледельцев и мануфактуристов. Речь идет о значительной части «жирных» пополанов, не связанных с грандами, а также о «тощем» народе.⁷

В 1346 г. по инициативе гвельфской партии был издан закон, ограничивающий получение прав гражданства жителями контадо и дистретто, так как они обычно принимались в млад-

⁴⁶ N. Rodolico. La democrazia fiorentina, стр. 145—147; N. Rodolico. I Ciompi, стр. 67.

⁴⁷ Libri di commercio dei Peruzzi.

⁴⁸ Там же, стр. 442, 464, 468, 479

⁴⁹ Там же, стр. 38, 42—45, 49, 341, 347.

⁵⁰ Там же, стр. 68, 72—73, 77, 129.

шие цехи, что усиливало «тощий» народ. Формально это ограничение объяснялось тем, что жители флорентийских земель могли быть родственниками гибеллинов. Законы 1346 и 1347 гг. интересны не только своей направленностью, но и сами по себе как показатели большого внимания, которым пользовалась гвельфская партия при принятии решений правительством.

В течение первого десятилетия после черной смерти (1348—1358 гг.), когда возросла нужда в рабочих руках, несколько свернулась деятельность гвельфской партии, направленная на ограничение доступа в город жителей флорентийских земель. Но с 1358 г. снова дает себя знать девиз: «Находящийся под надзором лучше наказанного». ⁵¹ При помощи аммоничий можно было лишить определенных горожан политических прав или ограничить их, не выпуская их из поля зрения, в то время как высланные были вне наблюдения и в политическом смысле представляли собой легко воспламеняющийся материал.

Попытки ослабить гвельфскую партию не приводили к успеху: в 1360 г. заговор против нее был раскрыт, и дело закончилось казнями и ссылками; в 1366 г. один из приоров предложил увеличить число капитанов партии с 6 до 9, с включением в их состав представителей младших цехов. Посягательство на политическую монополию гвельфов провалилось. В 1376 г. другой приор предложил проводить все решения гвельфской партии об аммоничиях через коллегии приоров, но он лишь подвергся гонениям со стороны этой партии. ⁵² Гвельфская партия стояла фактически выше правительства, и это свидетельствовало о том, что истинные хозяева Флоренции гнездились не столько во дворце приоров, сколько в небольшом дворце гвельфской партии. В 1372 г. гвельфская партия добилась того, что приорат и советы коммуны могли принимать решения лишь с ее согласия.

Накануне восстания чомпи деятельность гвельфской партии еще более усилилась. Хронист Стефани рассказывает, обращаясь к 1375 г., что аммоничии подвергались все, кто сказал что-либо несогласное с желанием гвельфской партии, что, когда проходило заседание коллегии капитанов партии, в городе перед ними скорее снимали шапки, чем перед приорами и все трепетали перед ними. ⁵³ Гвельфская партия не только терроризовала

⁵¹ «...e meglio ammonito che gastigato» (M. Stefani, rubr. 674a, стр. 251).

⁵² N. Rodolico. I Ciompi, стр. 71—73.

⁵³ «...quando passava il collegio de'Capitani, erano più per la città scappuciate e trarre di berrette, che a'Priori. ogni uomo tremava di loro» (M. Stefani, rubr. 755a, стр. 295).

население при помощи аммоничий, но и усиливала экономическую свою мощь, увеличивая свои земельные владения путем отобрания их у подвергнутых высылке и объявленных мятежниками. ⁵⁴

Положение осложнилось во время войны с папской курией, о которой уже шла речь выше. Гвельфская партия, ее магнатские элементы, сочувствовала феодальному лагерю папской курии и фактически помогала противнику, хотя и объявила о своем нейтралитете.

Противостоящим партии центром фактически была комиссия Восьми (Otto della guerra или Otto della guardia), которой были даны неограниченные полномочия для ведения войны с папской курией. Хронист Стефани говорит, что она была создана «для защиты города» и имела «величайшую власть в деле ведения войны, заключения союзов и мира». ⁵⁵ Энергичная политика «Восьми святых» была направлена на разгром феодального лагеря, поэтому вокруг них объединялись силы той части «жирного народа», которая была в меньшей степени связана с земельными владениями и с магнатскими семьями. Так, например, среди членов этой комиссии был аптекарь Джованни Дини, ранее аммонированный гвельфской партией. ⁵⁶ Хронисты-современники достаточно ясно говорят о существовании партии Восьми: к ним принадлежала большая часть граждан, которые поддерживали и вели войну против церкви, это были комиссия Восьми и их последователи, те, кого преследовала угроза «быть аммонированными, объявленными гибеллинами». ⁵⁷

Наличие партии Восьми подтверждается также неопубликованными архивными материалами, хранящимися в архиве медичейского дворца во Флоренции. В одном из них, именуемом «Городские записи», говорится о том, что во время войны

⁵⁴ N. Rodolico. La democrazia, стр. 148.

⁵⁵ «...una grandissima alturità e balia a fare lega, guerra, pace...» (M. Stefani, rubr. 752a, стр. 293).

⁵⁶ Ser Nofri, стр. 55. В эту же комиссию входили Алессандро Барди, Джованни Магалотти, Андреа Сальвиати, Томмазо Строщи, Гуччо Гуччи, винодел Маттео Сольди и продавец зерна Джованни ди Моне. Хронист Стефани дает два последних имени неправильно: Марко Сольди и Томмазо ди Моне (M. Stefani, rubr. 752a, стр. 293). Эту неточность Стефани можно исправить, пользуясь хрониками современников чомпи (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 73), а также неопубликованной рукописью, хранящейся в Государственном архиве Флоренции, в которой они названы «Джованни, продавец зерна, Мат[ео] Сольди» («Giov. Biadaiuolo, Matt. Soldi») и где также сообщается, что после смерти Магалотти, в июле 1377 г., в комиссию был введен Симоне Перуцци (Nota d'Uffiziali. Archivio di Firenze. Manoscritti, 275, л. 13).

⁵⁷ Там же, стр. 55.

с папской курией власть фактически находилась в руках комиссии Восьми и «названная гвельфская партия, которая в еще большей степени (чем до того) была охвачена пылом и дерзновением, пришла к триумvirату и приобрела такое могущество, что многие были в страхе, однако (в то же время) питали и большую ненависть, поэтому их противники собирались вокруг Джорджо Скала, Томмазо Строцци, Альберти, Медичи и других против названных» (т. е. гвельфской партии).⁵⁸

Гвельфская партия играла на религиозных чувствах горожан, на естественном желании мира, используя сложную обстановку войны с папской курией. В апреле 1378 г. гвельфская партия подвергла амниции одного из «Восьми святых», а затем четырех лиц, намеченных на май—июнь на посты приоров и гонфалоньеров. Это был вызов, брошенный партии Восьми.

Партия Восьми была сильна не только ввиду официальной ей присвоенных прав чрезвычайной комиссии периода войны, но и благодаря реальной силе социальной прослойки, на которую она опиралась. Несмотря на фактическое господство в правительственных инстанциях, партия Восьми не имела абсолютного преимущества в политической жизни Флоренции, чем объясняется недостаточная решительность правительства приоров. Они не рисковали воспользоваться по отношению к главарям гвельфов правом образованной в 1372 г. комиссии Десяти по охране свободы (Dieci di Libertà), которая могла объявить о переводе любых лиц в гранды и даже в «сверхгранды» с потерей ими в результате этого политических прав.

Родолико отмечает отсутствие явного перевеса у обеих сторон, что приводило к относительному и временному равновесию в их отношениях — та и другая группировки могли обратиться друг против друга почти равной силы оружие: одна — амниции, другая — перевод в гранды.⁵⁹ Нам кажется, что характеристика Родолико должна быть уточнена: некоторый перевес был все же на стороне гвельфской партии. Показателем этого была ее решимость и непримиримость наряду с сдержанностью партии Восьми. Основанием этого был сильный блок магнатов и богатых пополанов, закрепленный их тесной экономической взаимосвязью.

В такой обстановке в среде партии Восьми могла появиться идея компромисса, носителем которой стал Сальвестро Медичи.

⁵⁸ «la parte de'Guelfi detta, la quale prese piu animo et ardire, era venuta al Triumvirato, et a tanta potenza, che erano molto temuti, e però molto odiati, onde i picci loro avversari si accorgerono con Messere Giorgio Scala, Tommaso Strozzi, gl'Alberti ed i Medici et altri contro a guelli...» (Commentarii civili. Riccardiana, 3251, л. 21). См. «Приложения», док. 2.

⁵⁹ N Rodolico. I Ciompi, стр. 78—80.

Роль этого политического деятеля сильно преувеличена, и его характеристика нуждается в уточнении.⁶⁰

Сальвестро принадлежал к партии Восьми, что видно из того, что он находился на подозрении гвельфской партии⁶¹ и был связан с кругами, противостоящими ей. Однако он смог избежать амниции и даже был введен в правительственную комиссию по переговорам с гвельфским центром. Последний считал себя сильнее партии Восьми и рассматривал попытку переговоров как свидетельство ее слабости: во время переговоров гвельфская партия решила не только подвергнуть амниции членов правительственных комиссий, но и попыталась реформировать конституцию республики, заменив коммунальное правление олигархическим. По сути дела, это была попытка установления безраздельного господства гвельфской партии. Только эта открытая попытка установления гвельфского единовластия заставила партию Восьми в лице Сальвестро Медичи отказаться от соглашения с гвельфской партией и искать нового союзника, без которого партия Восьми не могла победить в борьбе против гвельфского центра.

Таким союзником могли стать широкие народные массы, представляющие собой сложный социальный конгломерат населения итальянского города: сюда входили члены цехов (artigiani) весьма различных по своему имущественному, а нередко и социальному положению, ученики и служащие цехов (fattori, discepoli), наемные рабочие текстильных мануфактур (salariati, ciompi, popolo minuto), жители городской округи, крестьяне-половники (contadini, mezzadieri).

Состав этого лагеря говорил о весьма сложных взаимоотношениях, которые могли сложиться у партии Восьми с таким союзником. В целом народ мог оказать поддержку этой группировке в борьбе против гвельфского центра, который подвергал амниции представителей народных масс не в меньшей степени, чем представителей богатой пополанской верхушки (popolo grasso), не связанной с грандами и составлявшей основу партии Восьми.

Определенная часть этого лагеря видела в представителях партии Восьми своих хозяев-эксплуататоров, правителей, ведущих разорительную войну, приводившую к значительному ухудшению положения народных масс.

Такой союзник таил в себе больше опасностей, чем выгоды для партии Восьми, поэтому обращение Сальвестро Медичи

⁶⁰ О Сальвестро Медичи и последующих деятелях из этой семьи см.: М. А. Гукковский. Заметки и материалы по истории рода Медичи. I—II; G. A. Brucker; B. Dani.

⁶¹ M. Stefani, rubr. 787a, стр. 315.

Ж подобной поддержке свидетельствовало о том, что он надеялся воспользоваться народным лагерем как послушным орудием, находящимся в его руках, для чего обзаводился своими агентами, действовавшими в этом лагере. Кроме того, на этот союз, чреватый обострением ситуации, партию Восьми толкала необходимость: без союзника она не могла противостоять гвельфской партии.

Заключение этого союза развязало силы народных масс, и вовсе не дает права считать Сальвестро и его ближайших сторонников инициаторами или вождями восстания, как их представляли себе даже некоторые современники. Сальвестро Медичи, Бенедетто Альберти, Джованни Дини и прочие были только «толкачами» (*movitori*), как их удачно называет один хронист,⁶² в развитии событий, назревавших помимо их воли и их планов.

Но здесь мы уже переходим к вопросу о назревании и начале восстания. Союзник, к которому вынуждена была обратиться партия Восьми, представлял собой многоликий, далеко не однообразный по своему социальному положению, флорентийский народ. Мелкие купцы и рядовые ремесленники — члены младших цехов, жаждали окончания войны с папской курией, стремились к расширению своих политических прав. Их мечтой было сравняться богатством и правами с «жирным народом». «Жирный народ» во Флоренции XIV в. был господином положения в экономике и в политике. Члены флорентийских цехов, в том числе младших, объявили о равенстве всех пополюнов в «Установлениях справедливости» еще в XIII в., однако это осталось чистой декларацией, и сейчас, во второй половине XIV в., цеховая масса готова была добиваться более широких политических прав в борьбе против произвола гвельфской партии. Ее целью было превращение из мелких собственников в крупные.

Наиболее радикально настроенной частью народа были многочисленные наемные рабочие текстильных мануфактур, не обладавшие ни материальным достатком, ни политическими правами. Война с папской курией привела их на край гибели; и они готовы были на любой шаг для борьбы за свою жизнь, за улучшение своего материального положения, за приобретение политических прав. Однако этого нельзя было добиться, не вступая на путь ожесточенной политической борьбы. К тому же в 70-х годах XIV в. наемные рабочие Флоренции выступали уже не впервые, за их плечами был период организации вооруженных отрядов чесальщиков шерсти во время правления

герцога Афинского и попытка образования союза наемных рабочих под руководством Чучо Брандини. Многие участники движений 40-х годов были живыми носителями этих идей и передатчиками некоторого опыта этой борьбы. Не случайно знамя восставших 40-х годов воодушевляло борющихся чомпи и в 70-х годах. Определенную роль в этом направлении могли сыграть также движения их собратьев в Перудже и Сьене за несколько лет до восстания чомпи.

Партия Восьми представляла в начале восстания «среднюю равнодействующую» сложного параллелограмма социальных сил Флоренции. Можно говорить об особой группировке Сальвестро Медичи, как это делает большинство историков восстания чомпи.⁶³ Однако, если даже говорить о «Восьми святых» в точном смысле слова, то большинство из этой полновластной комиссии Восьми (пять из восьми) были сторонниками Сальвестро Медичи и, следовательно, противниками гвельфской партии. Не случайно противник этого лагеря, Луиджи Гвиччардини, сменивший на посту гонфалоньера Флорентийской коммуны, Сальвестро Медичи, обвинял последнего наряду с «Восьмью святыми» в том, что они вместе боролись против гвельфской партии и грандов.⁶⁴

Автор «Дополнений» к хронике Аччаюоли также тесно связывает действие Восьми войны с именами Сальвестро Медичи, Бенедетто Альберти и другими различными гражданами, которые по отношению к ним были «союзниками и близкими людьми».⁶⁵

В борьбе против гвельфской партии они фактически действовали вместе и опирались на одного союзника — цеховую массу. Поэтому правильнее считать Сальвестро представителем партии Восьми, а не вожаком цеховой массы и, тем более, народа вообще, с которыми он лишь заигрывал. Сальвестро был не более революционным, чем остальные представители партии Восьми, но более ловким и смелым политическим комбинатором. С самого начала своей политической деятельности он действовал крайне осмотрительно и скрытно. Сальвестро толкал народ на выступления, желая использовать его движение в целях угодных партии Восьми, а вовсе не пытался сдержать это движение путем реформ для обуздания черни, как об этом пи-

⁶³ Родолико и Фридолин говорят даже о партии Сальвестро Медичи (N. Rodolico. I Ciompi, стр. 98; П. П. Фридолин. Восстание Чьомпи. Тезисы, стр. 5).

⁶⁴ «... fatti molti ordini contro a la parte guelfa e posto gli ordini della giustizia a'grandi...» (L. Guicciardini, стр. 49).

⁶⁵ «... del vostro e del loro animo congiunti e collegati» (Aggiunte, стр. 35).

шет автор «Записок о доме Медичи», хранящихся в Государственном архиве Флоренции.⁶⁶

Накануне получения поста председателя Коллегии приоров (proposto), вносящего на ее рассмотрение законопроекты, он принимал во дворце верных ему людей, которые затем по ночам готовили петицию.⁶⁷ Когда 18 июня Сальвестро стал proposto, он представил петицию не как свое сочинение, а «от имени пополанов — торговцев и ремесленников города Флоренции и от имени бедных и слабых жителей его контадо и дистретто, от всех жаждущих спокойствия и желающих жить своей работой и своим имуществом».⁶⁸

Петиция была составлена намеренно в таких тонах, чтобы вызвать сочувствие и симпатии среди разных слоев пополанов и прежде всего ремесленников, мелких торговцев.⁶⁹ Петиция намеренно подчеркивала общие интересы пополанов — ремесленников и торговцев, а также жителей контадо.⁷⁰ В этой формуле петиции прежде всего звучал призыв партии Восьми к такому его союзнику, как цеховая масса. Петиция была антимангатской, антигвельфской.

Поэтому в обход существующих правил Сальвестро представил петицию не Коллегии приоров, где было много сторонников гвельфской партии, а консульте,⁷¹ которая также встретила проект далеко не единодушно. Это свидетельствовало о силе гвельфской партии во Флоренции, которая в самой петиции красочно характеризуется как «необузданное могущество магнатов».⁷² Речь идет не только о грандах, но и о могуще-

⁶⁶ «...considerando che; mezzi per riformarlo stato... di dare un freno cosi stretto... da soggetto cosi leggero e volubile come e la plebe» (Memoria della Casa de' Medici. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 458, л. 14)

⁶⁷ M. Stefani, rubr. 789—790, стр. 316—317.

⁶⁸ Эта петиция была впервые опубликована Фоссати (P. C. Fossati, стр. 228 и сл.).

⁶⁹ Поэтомую некоторой натяжкой является трактовка Фридолина, который присивно расшифровывает термин «пополаны» (populares), фигурирующий в петиции, как «крупные пополаны» (popolani maggiori). (П. П. Фридолин. Восстание Чьомпи, т. 4—5, стр. 17).

⁷⁰ «...popularium mercatorum et artificum... pauperum et impotentium comitatorum et districtualium civitatis eiusdem» (P. C. Fossati, стр. 228)

⁷¹ Обычно законопроект рассматривался приорами и после их одобрения обсуждался на коллегии, состоявшей из приоров, 12 «добрых людей» и знаменосцев цеховых ополчений. В коллегию входили чрезвычайные комиссии, в данном случае «Восемь святых» и «Десять свободы», а также особо приглашенные. Консульта, или Пратика, составлялась из докладчиков, выделяемых всеми вышеназванными группами. Они формулировали окончательный текст законопроекта, после чего он шел на утверждение Совета капитана народа и Совета подеста и становился законом.

⁷² P. C. Fossati, стр. 229.

ственных пополанских семьях Флоренции, с ними связанных.⁷³ П. П. Фридолин анализирует термины петиции «magnates et potentes», справедливо подчеркнув, что кроме старых феодальных фамилий среди магнатов появилось много новоявленных нобилей, а к ним близко по своим хозяйственным и политическим интересам стояли крупные пополаны.⁷⁴ Однако мы полагаем, что термин «potentes» относится в петиции не к «членам гвельфской партии» вообще, как полагал П. П. Фридолин,⁷⁵ а прежде всего к крупным пополанам, составлявшим значительную часть этой партии.

Не получив безоговорочной поддержки в консульте, Сальвестро обратился к Советам капитана и подеста, что встретило одобрение антимангатски настроенных слоев города: один из хронистов, рассказывая об обсуждении в Совете капитана вопроса о запрете купцам и банкирам вести дела грандов, считает последних «хищными волками» (lupi garaci). Поведение Сальвестро он рассматривает как борьбу с этими хищниками. Можно полагать, что советы были подготовлены к предложениям о восстановлении закона 1293 г., направленного против грандов, а в условиях 1378 г. — против гвельфской партии. Аччаюоли сообщает, что Сальвестро заявил в своей речи на заседании Совета: «Я хотел сегодня излечить город от злодейской тирании грандов и [других] могущественных людей».⁷⁶ Настроение широких цеховых масс и их готовность перейти к решительным мерам ярко проявились в известном эпизоде, описанном тем же хронистом. Когда Сальвестро сообщил о несогласии консулты с петицией, на совете поднялся шум, а сапожник Бенедетто Карлоне схватил за грудь представителя магнатского лагеря Карло Строцци и крикнул: «Карло, Карло, дела пойдут иначе, чем ты думаешь, и ваше засилие будет совершенно уничтожено». Строцци не осмелился ответить на это.⁷⁷

Однако, несмотря на открытую ненависть по отношению к грандам и другим «могущественным людям», и в Советах нашлись сторонники гвельфской партии: в обоих Советах против петиции голосовало до 30% состава, закон был принят не навечно, как предлагалось, а на один год.

Насколько сложным было положение, можно судить по тому, что такой итог голосования в Советах был получен лишь в результате внушительного воздействия народа, собравшегося на

⁷³ Там же.

⁷⁴ П. П. Фридолин. Восстание Чьомпи, т. 4—5, стр. 16—20.

⁷⁵ Там же, стр. 17.

⁷⁶ А. Acciaiuoli, стр. 14. Итальянский термин «possenti» соответствует латинскому термину петиции «potentes».

⁷⁷ Там же

площади перед дворцом. Находившийся в зале заседания Совета Бенедетто Альбрети, как рассказывает Аччаюоли, подошел к окну и начал кричать: «Да здравствует народ!» и, обращаясь к толпе на площади: «Кричите „Да здравствует народ!“»⁷⁸

Это был не случайный выкрик. Стефани говорит, что «в городе начались беспорядки, и во многих местах вооружались, как было договорено, восклицая: „Да здравствует народ и свобода!“»⁷⁹ Очевидно, этот клич был призывом к оружию, условным сигналом к восстанию, о чем дает право судить выражение хрониста «как было договорено», т. е. о чем было условлено. Можно предполагать, что партия Восьми не просто искала союзника в борьбе с могучей гвельфской партией, но и вела подготовительную работу среди членов цехов, предполагая в необходимый момент призвать их к оружию. Для этого давно созрели условия в период длительной войны с папской курией и непрерывных аммоний со стороны гвельфской партии. Поэтому призыв «Да здравствует народ и свобода!» был истинным девизом цеховой массы, рассматривавшей себя в качестве истинного народа — пополанов, желающей освободиться от гнета гвельфской партии.⁸⁰ Только в условиях нарастания стихийного, но подогреваемого партией Восьми, вооруженного выступления могли проявиться такие решительные настроения, какие обнаружались на заседании Советов 18 июня. Представители рядовых пополанов заявили противникам антимагнатского закона: «Кто не хочет, того разрубим на куски».⁸¹ Те, кому угрожали уничтожением, не собирались складывать оружие без боя: хронист Аччаюоли сообщает, что во дворце гвельфской партии собралось более 300 человек грандов и пополанов (*tanto grandi, come popolani*).⁸² По сообщению Стефани, все, кто был там, бежали,⁸³ однако более вероятным представляется сообщение анонимного хрониста, который рассказывает, как часть присутствующих во дворце гвельфов, узнав о принятии антимагнатских законов, бежала по крыше, а другие с обнаженным оружием в руках дви-

⁷⁸ «... gridate „Viva il popolol!“» (там же).

⁷⁹ «Il romore fu per la città, ed in molte luogora s'armò, come era ordinato, dicendo: „Viva il popolo e libertà“» (M. Stefani, rubr. 790a, стр. 318).

⁸⁰ Н. Родолико неосновательно считает этот девиз пустым звуком, проявляя к тому же скептическое, барски-буржуазное, отношение к лозунгам свободы и демократии: «Слова „справедливость“ и „свобода“, которые провоз лашались „Установлениями“, представляли собой те два больших слова, к которым с такой жадностью обращается пустая голова бедняка, которая становится бешеной всегда и везде» (N. Rodolico. I Ciompi, стр. 85).

⁸¹ «Di che 'l popolo gli disse: „Chi non vuole, fatelo tagliare a pezzi“» (M. Stefani, rubr. 790a, стр. 318).

⁸² A. Acciaiuoli, стр. 14.

⁸³ M. Stefani, rubr. 790a, стр. 318.

нужели ко дворцу приором с криками: «Мы ещё посмотрим, кто осмелится изгнать нас из Флоренции».⁸⁴

Ночь прошла в ожидании событий,⁸⁵ все были начеку. Наутро, 19 июня, никто не открывал лавок и мастерских, и они были на замке весь день, хотя была суббота. В воскресенье, 20 июня, члены цеха собрались у своих резиденций и выбрали своих представителей по одному от каждого.⁸⁶

Таким образом, обе стороны — гвельфская партия и партия Восьми — пока держались выжидательных позиций, но последняя действовала более уверенно. Положение гвельфского лагеря осложнялось также в связи с наличием в городе прибывших сюда на празднование дня св. Иоанна — покровителя города — сельских жителей, в большинстве своем настроенных против гвельфской партии. Насколько эта угроза была серьезной, можно судить по тому, что вскоре, когда вспыхнуло восстание, правительство приказало жителям контадо покинуть город.⁸⁷ Именно их, сельских жителей, имели в виду в петиции, представленной в Советы.⁸⁸

Накануне восстания партия Восьми опиралась на цеховую массу и частично на жителей контадо. Все действия этого лагеря не представляют собой простой инсценировки, разыгранной под руководством Сальвестро Медичи. Он был лишь одним из активных вожakov партии Восьми. Эта группировка «жирного народа» вела за собой в начале восстания цеховую массу. На данном этапе восстания различные социальные прослойки возглавлялись партией Восьми, противостоящей гвельфской партии. Сальвестро Медичи являлся наиболее характерным представителем партии Восьми. М. А. Гуковский справедливо считает Сальвестро Медичи главой «мастеров-капиталистов» из старших цехов.⁸⁹

Наряду с Сальвестро Медичи действовали его близкие и его союзники (*congiunti e collegati*),⁹⁰ его родственники, друзья и соратники по партии (*loro parenti e amici*,⁹¹ *suoi compagni*,

⁸⁴ «Vedremo che ci caccera da Firenze» (Diario d'Anonimo, стр. 357). Лейхт говорит даже о намерении гвельфской партии захватить дворец синьории и «подавить оппозицию Сальвестро Медичи» (P. S. Leicht, стр. 166).

⁸⁵ «... a udir e a vedere, quello que seguitassi» (A. Acciaiuoli, стр. 14).

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 92.

⁸⁸ «Pauperum et impotentum comitatorum et districtualium» (P. S. Fos-sati, стр. 229).

⁸⁹ М. А. Гуковский. Кто был истинным руководителем восстания чомпи, стр. 192.

⁹⁰ Aggiunte, стр. 35.

⁹¹ Ser Nofri, стр. 55.

quelli di cui si fidava),⁹² такие, как Джованни Дини, Томмазо Строцци, Микеле Вани, Франческо Спинелло, Франческо Козини, Пьетро Фронте,⁹³ Луиджи Альдобрандини, в доме которого по ночам вырабатывали статьи петиции,⁹⁴ Бенедетто Альберти, который из окна дворца синьории призвал народ к оружию, в то время как Сальвестро Медичи обращался с петицией к Советам.⁹⁵

Правительство накануне восстания стояло ближе к гвельфской партии, хотя его состав не был однородным.⁹⁶ Партия Восьми представляла собой наиболее решительное крыло «жирного народа», противостоявшее лагерю гвельфской партии и поэтому находившее контакт с цеховой массой, поддерживала антимангнатскую политику, провозглашенную в петиции. Это был тот период, когда «жирный народ», флорентийская зарождающаяся буржуазия, только что отделился от общей массы пополанов и играл роль вожака народа, умело выдвигая лозунги всеобщей демократии.⁹⁷

Для партии Восьми эти лозунги означали монопольную власть «жирных» пополанов в республике при ослаблении лагеря гвельфской партии.

Цеховой массе они несли существенное расширение ее политических прав.

Цеховая масса представляла собой на этом этапе те колеблющиеся элементы, которые обычно идут за более сильным.

⁹² M. Stefani, rubr. 789a, стр. 316—317.

⁹³ Там же, стр. 316.

⁹⁴ Там же, стр. 317.

⁹⁵ A. Acciaoli, стр. 14.

⁹⁶ В самой гвельфской партии не было абсолютного единства. В частности, ее вожакам Лапо ди Кастильонкьо и Альбицци противостояли Риччи.

⁹⁷ Н. Ратнер в своей статье о чомпи пишет, что петиция была далека от народных ожиданий (Н. Ратнер, стр. 85). С этим нельзя согласиться, так как петиция была написана в наиболее удачной для этого момента форме, которая, не конкретизируя требований отдельных социальных слоев, мобилизовала их вокруг партии Восьми. Борьба партии Восьми с гвельфской партией освещается автором как борьба двух соперничающих родов — Медичи и Альбицци, что уводит от сути вопроса (там же, стр. 83—85). В статье Ратнера, написанной живо и убедительно, содержатся некоторые правильные и точные характеристики и выводы; слабой ее стороной является некритическое использование Стефани и Макиавелли, к тому же не в оригинале, а в русском переводе. А. Н. Веселовский в целом правильно характеризует обстановку этого момента, когда он говорит о народном движении против папской курии и о поддержке народом власти «Восьми святых» «против вероломных происков гвельфской партии» (А. Н. Веселовский, стр. 219). Неверным является у Веселовского положение о том, что вождями цеховой массы (arti minori) были «люди гвельфской партии» (там же, стр. 220)

Среди бесправной внецеховой массы наемных рабочих, вытупавшей пока вместе с цехами, лозунги свободы и демократии будили мечты об улучшении их судьбы путем приобретения политических прав. Эта программа наемных рабочих — чомпи пока не была оформлена, но уже созревала. К тому же и значительная часть цеховой массы ремесленников, и особенно наемные рабочие, видели среди potentes гвельфской партии как своих непосредственных врагов — эксплуататоров, так и явных политических противников.

21 июня, в понедельник, с раннего утра во дворце правительства собрались избранные накануне представители цехов, которые настаивали на реализации решений, принятых в Советах 18 июня, однако в связи с сопротивлением со стороны приоров «ничего не смогли сделать, так как не было согласия», — сообщает Аччаюоли.⁹⁸ Мирный способ борьбы, обсуждений и голосований в коммунальных инстанциях, к которому и в дальнейшем будут прибегать восставшие, не возымел своего действия. Нарастала опасность победы сторонников гвельфской партии, которая, по образному выражению хрониста, еще могла «исправить игру».⁹⁹ Атмосфера накалилась до предела, и на следующий день тонкая оболочка флорентийской демократии прорвалась.

22 июня вспыхнуло вооруженное восстание. Цеховые ополчения, на которые делала ставку партия Восьми, собрались у резиденций своих цехов, а затем по призыву колокола на башне дворца приоров двинулись к площади. «Корова мычит!» — говорили флорентийцы о звуке набата,¹⁰⁰ однако в июньские дни 1378 г. этот юмор был окрашен в грозные тона. Вооруженные отряды цехов были сильнее гвардии капитанов, пригодной скорее для полицейских функций. Речь шла об ополчении младших цехов, так как старшие цехи не принимали в этом участия, не считая цеха меховщиков, знамя которого несли во главе цеховых ополчений.¹⁰¹ Ремесленники младших цехов с криками «Да здравствует народ и цехи!» провели на площади у дворца вооруженную демонстрацию,¹⁰² но не остановились на

⁹⁸ A. Acciaoli, стр. 14.

⁹⁹ «*ri fare il giuoco*» M. Stefani, rubr. 792a, стр. 318—319).

¹⁰⁰ Дворец приоров (Старый дворец) был построен на месте дома древнего рода Вакка (в переводе «корова»), поэтому когда звучал колокол башни Дворца, флорентийцы шутливо говорили: «Корова мычит!»

¹⁰¹ Вопрос о причинах поведения цеха меховщиков объяснен еще Фридолиным: этот цех связан со старшими цехами только по традиции, отличаясь от них по своей экономической структуре, а также значительно меньшими размерами своих богатств (П. П. Фридолин Восстание Чьомпи, т. 4—5, стр. 22; П. П. Фридолин Флорентийские цехи, стр. 93, 96)

¹⁰² Libri di commercio dei Peruzzi, стр. 521

этом. Они двинулись к домам магнатов и potentes из гвельфской партии и стали их поджигать. Первыми запылали три дома фактического главы гвельфской партии — Лапо да Кастильонкьо,¹⁰³ типичного представителя феодального рода, ненавидевшего пополанские порядки. Ему удалось спрятаться в церкви Санта Кроче, а затем, переодевшись монахом, бежать из Флоренции.¹⁰⁴

Затем подверглись сожжению и разгрому дома Каниджани, Содерини, Альбицци, дворец Пацци, дома Адимари, Карло Строщи, Семинетти, лоджия и дом Бенги Буондельмонти, Гваданьи, Кавичьоли, Корсини, Барбадоро¹⁰⁵ и др.

Как доказал Фридолин, большинство из них принадлежало к потомственным или новым грандам, часть которых была упомянута еще в списках 1293 г., остальные — к семьям крупнейших пополанов (potentes).¹⁰⁶ Поджоги и грабежи продолжались и на следующий день, 23 июня.

Итак партии Восьми, опираясь на младшие цехи, удалось обезглавить гвельфскую партию, подорвав ее политический престиж, и нанести чувствительный удар материальному благосостоянию ее вожakov. Хронист сер Ноффи прямо называет Сальвестро Медичи и его сторонников из комиссии Восьми вдохновителями поджогов.¹⁰⁷

Однако партия Восьми, подтолкнув движение масс, не могла остановить его и ввести в определенные рамки, о чем красочно говорит там же сер Ноффи. Перечислив имена вожakov этой партии (Томмазо Строщи, Сальвестро Медичи, Бенедетто Альберти, Джованни Дини), он сообщает, что события не остановились на том, чего они желали, «ибо когда масса народа сдвинута с места, она не вернется снова на то место, с которого ее сдвинули».¹⁰⁸

¹⁰³ Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 107.

¹⁰⁴ M. Stefani, rubr. 792a, стр. 319. Кастильонкьо бежал в Казентино, а затем жил в изгнании в Падуе и Риме, оказывая значительные услуги папе и неаполитанскому королю.

¹⁰⁵ Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 107; Ser Noffi, стр. 55, и другие хроники

¹⁰⁶ П. П. Фридолин. Восстание Чьомпи, т. 4—5, стр. 20—21. Родолико только называет фамилии владельцев домов, не определяя социального поджержия хозяев (N Rodolico I Ciompi, стр. 92)

¹⁰⁷ Ser Noffi, стр. 55. Дж. Скарамелла говорит о богатых горожанах, которые толкнули народ на поджог домов своих противников («molti della borghesia chiamarono a raccolta i Ciompi per incendiare le case degli avversari» G. Sca [ramella] Ciompi, стр. 384).

¹⁰⁸ «Ma la grande, quando è mossa, ispesse volte non ristà a posta di chi la muove» (Ser Noffi, стр. 55) П. П. Фридолин очень удачно выделит и дважды привел эту, звучащую как эпиграф ко всей истории восстания, фразу (П. П. Фридолин. Восстание Чьомпи, т. 4—5, стр. 20, 21) Термин «la

Речь идет именно о массе народа, так как, по данным хронистов, дело не ограничилось только цеховым ополчением. В этом движении активнейшее участие принял «тощий» народ (popolo minuto), «чернь» (mala gente),¹⁰⁹ т. е. внецеховая масса бесправных наемных рабочих — чомпи, которых некоторые хронисты считают решающей силой уже в первый, июньский, период восстания. Автор «Третьей анонимной хроники», описывая июньские события, говорит о вооружении народа, о том, что поднялся «тощий народ, именуемый чомпи», о том, как «чомпи носили знамя цеха меховщиков», поджигали и громили дома богачей, что к чомпи примыкали многие другие горожане (e con questi ciompi furono più cittadini).¹¹⁰

Можно полагать, что чомпи в июне 1378 г. не были ведущей силой восставших, но без сомнения они сыграли большую роль, как наиболее радикально настроенная часть восставших. Именно благодаря чомпи дело не ограничилось сожжением домов вожakov гвельфской партии, что входило в планы партии Восьми, но совершались нападения и на дома других «жирных» пополанов, на церкви и монастыри, где богачи хранили свои ценности в связи с беспокойным временем,¹¹¹ была также разгромлена страшная подземная тюрьма Стинке и освобождены все заключенные,¹¹² многие из которых попали туда за долги.

Здесь и начался тот период, «когда толпу сдвинули с места», и она не только не желала возвращаться назад, но пошла дальше, чем это было нужно партии Восьми. Восставшие начали наносить удары по «жирному народу» обеих партий (гвельфской партии и партии Восьми), так как закономерно видели в них своих противников — эксплуататоров, членов старших цехов, которые, естественно, не принимали участия в восстании.

В ответ на это происходит консолидация сил «жирного народа»: создается коалиция potentes из гвельфской партии

grande» Фридолин переводит как «большая часть народа»; формально это верно; фактически «la grande» в данном случае, как нам кажется, соответствует термину «la moltitudine» — «множество народа», «толпа».

¹⁰⁹ «...arti e popolo minuto» (Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 107); «il popolo minuto e l'arti» (A. Acciaiuoli, стр. 15); «mala gente» (там же); «popolo minuto» в этот период соответствует термину «чомпи»: «e levossi una gente di popolo minuto che si chiamarono ciompi» (Cronaca terza d'Anonimo, стр. 129).

¹¹⁰ Там же, стр. 129

¹¹¹ Церкви Санта Кроче, Санта Мариа Новелла, Санта Спирито (там же); по данным хрониста Каппони в одном только монастыре (Romiti degli Agnoli) было разграблено имущество стоимостью около 100 тысяч флоринов (A. Acciaiuoli, стр. 15).

¹¹² «In questo furore furono rotte le Stinche, cioè le prigioni, e uscironne tutti i prigionii» (Cronaca terza d'Anonimo, стр. 129).

с «жирным народом» партии Восьми. Приорат пытался приостановить волнения путем смертных казней,¹¹³ но эти меры уже не могли изменить хода событий. Правящие круги вместе с комиссией Восьми и капитанами гвельфской партии, среди которых их было теперь магнатских вожаков, опираясь на синдиков цехов, пытались завершить события путем расширения прав всех цехов, при ликвидации гвельфских аммоний. Была образована чрезвычайная комиссия Восьмидесяти (la Balìa di Ottanta), которая под давлением народа, вновь собравшегося на площади у дворца 24 июня, заставила приоров провести антимагнатское решение о грандах, сверхграндах и мятежниках.¹¹⁴

Это была конкретизация антимагнатской петиции, принятой в Советах приората 18 июня.

Июньские события вызвали многочисленные отклики в различных итальянских городах, и они помогают нам определить характер событий. Анонимный автор города Форли называет их «великой войной» (bella magno)¹¹⁵ между гражданами Флоренции. Феррарский хронист говорит о «великом мятеже» (seditio magna), главной силой которого был «вооруженный толщй народ», громивший дворцы и дома богачей.¹¹⁶ Хронист отмечает характерную черту восстания: в ходе июньских событий не было никакого кровопролития.¹¹⁷

Большинство иногородних хронистов подчеркивает антимагнатскую окраску июньского движения. Пистойский хронист, близкий сосед Флоренции, объясняет события тем, что на протяжении многих лет капитаны гвельфской партии причиняли неприятности горожанам, отстраняли их от должностей, притесняли ремесленников.¹¹⁸ Болонский хронист считает июньское движение «великим волнением», во время которого «**весь народ**

¹¹³ «... furono presi quattro e impiccati in più parti della città» (там же, стр. 129)

¹¹⁴ Согласно этому закону объявленного грандом (grando) лишали права занимать какую-либо должность, кроме должностей в гвельфской партии, объявленные сверхграндами (sopragrandi) или, что одно и то же, сверхмагнатами (sopramagnati) становились как бы чужеземцами в своем городе и врагами его; объявленные мятежниками (a ribelle) навечно выслались из города, а их имущество подлежало конфискации (мятежником был объявлен, например, Кастильоркво). О спорности даты принятия петиции см. П. П. Фридолин. Восстание Чьомпи, стр. 24

¹¹⁵ Annales forolivienses, стр. 70
¹¹⁶ «... pars Populi minuti armata manu ad domos et Palatia divitum incurrerunt et multas ex ipsis domibus derabaverunt» (Chronicon estense, стр. 502)

¹¹⁷ «... nulla tamen effusio sanguinis intervenit» (там же).
¹¹⁸ «Florentina Civitas quum per multos annos fuisset molestata per Capiteanos partis Guelfae qui movebant cives et privabant eos officis et opprimebant artifices» (Specimen, стр. 91)

взялся за оружие».¹¹⁹ Результатом этого восстания было, по его словам, отобрание у грандов прав на замещение государственных должностей.¹²⁰ Эта победа была вырвана силой, подчеркивает хронист.¹²¹

Таким образом, наиболее существенным результатом июньского этапа восстания явилось ослабление феодального, магнатского лагеря Флоренции, представленного прежде всего гвельфской партией. Удар был нанесен именно по магнатской части гвельфской партии, однако в ходе восстания пострадали и potentes — пополанские богачи¹²²

Главную массу восставших представляли собой ремесленники младших цехов, однако наиболее радикальной частью восставших были наемные рабочие — чомпи. Июньский этап не был периодом общецехового движения, так как старшие цехи, — уже не являвшиеся, правда, в XIV в. типично средневековыми корпорациями, за исключением небогатого цеха меховщиков, — не принимали участия в восстании. Восстание не было чисто цеховым, в нем значительную роль играли наемные рабочие

В результате июньского движения установилась власть «жирных» пополанов — potentes при ослаблении магнатских элементов. Это была не общецеховая власть и не власть младших цехов, хотя представители последних принимали участие в чрезвычайной комиссии Восьмидесяти.¹²³ Цеховая власть во Флоренции в XIV в. была во многом номинальной, и младшие цехи, добившись в июне 1378 г. некоторого расширения своих политических прав, пока не представляли собой решающей части правительственного органа (Ottanta), само же правительство — приорат — пока сохранялся в старом составе.

Цеховой была лишь форма правления, в действительности же правящей группировкой Флоренции были не цехи вообще, а гвельфская партия, комиссия Восьми, их ставленники в приорате и комиссиях, т. е. potentes, истинные хозяева Флоренции,

¹¹⁹ «Fu in Firenze un gran rumore di Giugno per questo modo che tutto il Popolo trasse all'armi» (Corpus chronicorum bononiensium, стр. 230).

¹²⁰ «... che nessuno de grandi dovesse più avere ufizio nè beneficio» (там же),

¹²¹ «Così per forza si convenne di vincere» (там же)

¹²² А Панелла прав, говоря о том, что июньское выступление было направлено против гвельфских олигархов, однако в этом же движении проявились также действия наиболее радикальной части восставших, направленные против пополанов-богачей, что Панелла отрицает (А Панелла, стр. 124). В целом восстание чьомпи этот буржуазный историк рассматривает, как «бездумную трагедию» (там же, стр. 126).

¹²³ А Дживелегов неверно указывает на то, что «цель, которую поставили младшие цехи», была достигнута (А Дживелегов Флоренция, стр. 168) Сокрушить гвельфскую партию, точнее ее феодальные элементы, было прежде всего целью «жирного народа»

которые были заинтересованы в подрыве, уже не по форме, а по сути, традиционного, но устаревшего общецехового государственного устройства.¹²⁴

Феодалы элементы потерпели поражение, власть potentes укрепились, младшие цехи лишь несколько улучшили свои политические позиции, наемные рабочие не получили ничего. Поэтому события продолжали развиваться: июньское движение оказалось лишь первым этапом великого флорентийского восстания 1378 г.

Глава пятая

ВОССТАНИЕ ЧОМПИ

(июльский этап)

«Когда масса народа сдвинута с места, она не вернется снова на то место, с которого ее сдвинули»

(Сер Ноффри. Хроника).¹

«Жирный народ», пользуясь ослаблением феодальных элементов, которое произошло в результате июньского восстания, делал все возможное для укрепления своей власти и пресечения дальнейших выступлений. Для этого цеховую массу, которая вместе с чомпи нанесла в ходе июньского этапа восстания главный удар по гвельфской партии, пытались задобрить антимагнатскими законами. 25 июня было вынесено решение о проверке законности аммоний и оправдания аммонированных. 26 и 30 июня были вынесены решения о восстановлении во всей своей силе «Установлений справедливости», которые с 1354 г., т. е. уже около 35 лет, благодаря политике гвельфской партии не применялись.

В целях укрепления своих позиций «жирный народ» через комиссию Восьмидесяти создал новый орган, именуемый Консортерией свободы (Consorteria libertatis). Члены этой консортерии имели широкие полномочия и могли проводить совещания как во дворце приоров, так и во дворце гвельфской партии, подготавливая законопроекты.²

¹²⁴ П. П. Фридолин выдвигал положение о том, что potentes, parte guelfa, «расправились в конце концов с государственным управлением, основанным целиком на цеховом строе, и захватили власть в свои руки, создав олигархию, а затем принципат» (П. П. Фридолин. Восстание Чьомпи, стр. 20). Эта заслуживающая специального рассмотрения мысль требует уточнений. Неверно простое противопоставление цехов капиталу, так как последний развивался именно в цехах (Ланы, Калималы, Сэты и др.). Положение Фридолина о фактическом упадке цеховой власти во Флоренции представляется в основе убедительным.

¹ «Ma la grande, quando è mossa, ispesse volte non ristà a posta di chi la muove» (Ser Nofri, стр. 55).

² Родолико говорит, что эти мероприятия проводились «в общих интересах укрепления централизаторских сил государства» (N. Rodolico. I Ciompi, стр. 94). На деле они служили интересам богатых поппаров из старших цехов, potentes из гвельфской партии, т. е. интересам флорентийского «жирного народа».

Место цеховой массы правительство «жирного народа» пыталось строго ограничить: 30 июня Ottanta приняла решение о предоставлении младшим цехам четвертой части мест в правительственных органах, при сохранении остальных за «жирным народом». Такое решение низводило вчерашних победителей на положение послушных и, по сути дела, бесправных соучастников правления «жирного народа».

Последний не был уверен в том, что кость, брошенная цеховой массе, будет принята ею. Не случайно, когда 1 июля вступили в должность новые приоры, возглавляемые гонфалоньером Луиджи Гвиччардини,³ они отказались от традиционных торжеств, посвященных началу деятельности новой синьории, из-за боязни волнений, которые могли вспыхнуть при большом стечении народа.

Это был момент, при котором от поведения цеховой массы зависел вопрос о направлении дальнейших событий. До сих пор младшие цехи в борьбе против феодальных элементов были союзниками «жирного народа», с которым они стремились сравняться в правах. Теперь же, когда выяснилось, что «жирный народ» не желает разделять с ними власть, они из союзника начали превращаться в его противника. Колеблющиеся элементы «всегда идут за более сильным и всегда становятся на более надежную сторону», — говорил В. И. Ленин, характеризуя поведение отдельных социальных прослоек во время восстания.⁴ Так и было во Флоренции, несмотря на всю специфику исторической обстановки XIV в. Члены младших цехов представляли собой колеблющийся элемент, так как по своей социальной природе они в одно и то же время были собственниками и тружениками. Как собственники они пытались дотянуться до положения богатых собственников — членов старших цехов, до положения «жирного народа», как труженики они приближались к массе наемных рабочих — чомпи, составлявших наиболее эксплуатируемую и поэтому наиболее решительно настроенную часть восставших. «Жирный народ» оттолкнул своих «младших собратьев», и последние в борьбе за свои права нашли новых союзников — чомпи. В этом заключается наиболее характерная черта июльского этапа восстания. В июле начинается собственно восстание чомпи. Перед тем как перейти к июльским событиям, необходимо напомнить картину эволюции социальных категорий, о которых шла речь в главе, посвященной

положению наемных рабочих в итальянских городах XIV—XV вв.

Сложность восстания чомпи заключалась в том, что среди участников восстания находились не только наемные рабочие (salariati, sottoposti, lavoranti), а их союзником были не только члены младших цехов (arti minori). Уже в июне, когда выступала цеховая масса, среди восставших были также некоторые категории ремесленников из старших цехов: речь идет о membri minuti, не только стоявших на втором плане по своему положению в цехе, но нередко терявших там свои избирательные права в связи с ростом их задолженности по отношению к membri grossi. Если в целом, как корпорации, старшие цехи действительно не принимали участия в восстании, то входившие во второстепенные подразделения (membra) этих же цехов красильщики (tintores), валяльщики (gualcherai) и другие были активными участниками как июньских, так и июльских событий. Среди 30 тысяч тех, кто, по данным Виллани, был связан с производством сукна, были не только названные в предшествующих главах 9 тысяч чомпи, но и многие тысячи работников, заполнивших новые три цеха, образованные в ходе июльских событий. В общей сложности их было, как уже ранее указывалось, не мене 13 тысяч.⁵ До июльского этапа восстания они входили в старшие цехи в качестве второстепенных, подчиненных или находившихся в зависимости от полноправных мастеров — «добрых людей цеха» (bonos homines dicte artis).

Кроме неполноправных членов старших цехов (membri minori), в восстании принимали участие подмастерья (compagni, fattori)⁶ и ученики (discerpoli), значительная часть которых, сохраняя некоторые черты цеховых категорий, фактически стала частью большой группы наемных рабочих или приближалась к ним, работала по найму (a salario), не имея перспектив для перехода на более высокие ступени социальной лестницы.

Младшие цехи тоже не представляли собой однообразной массы. Сюда входили относительно богатые мясники, кузнецы, сапожники, плотники и каменщики, ветошники, занятые починкой и продажей готовых носильных вещей, торговцы вином, разного достатка владельцы гостиниц, дубильщики кож, кожевники, пекари, оружейные мастера, слесари, торговцы маслом, сыром, солью.⁷

³ Тем самым Гвиччардини, который оставил небольшую заметку («Ricordanza») об июльских событиях 1378 г., участником и свидетелем которых он был (L. Guicciardini, стр. 47—49).

⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 26, стр. 106

⁵ См. выше, стр. 37—38

⁶ Часть fattori, как уже указывалось ранее, перешла в категорию надсмотрщиков за наемными рабочими

⁷ Сравнительную таблицу их имущества и доходов см.: Д. П. Фридолин Флорентийские цехи, стр. 96.

Подавляющее большинство полноправных мастеров младших цехов вкладывали свой непосредственный труд в производство продуктов или торговлю, и это в определенной степени приближало их к чомпи. В то же время младшие цехи являлись в целом феодальными корпорациями, где в небольшой степени использовали наемный труд, а подмастерья и ученики представляли собой средневековый тип этих социальных категорий.

Что касается неполноправных членов старших цехов (*membri minori*) и особенно зависимых ремесленников, а также подмастерьев и учеников этих цехов, все более приближающихся к категории наемных рабочих, то они по своему положению и по своим устремлениям были ближе к чомпи, чем ремесленники младших цехов. Союз последних с чомпи был, однако, вполне закономерным, так как у них был общий противник — полновластные и богатые мастера старших цехов, *potentes* — «жирный народ».

Июльский этап был наиболее своеобразным периодом восстания флорентийского народа. Некоторые хронисты характеризовали его как особое, второе после июньского, восстание. Так, один из хронистов называет июньские волнения «первым восстанием» (*primo tumulto*).⁸ Таким образом, июльское выступление вырисовывается как «второе восстание» в цепи бурных событий 1378 г.

В рукописи, хранящейся в архиве дворца Медичи (Риккардиана) и носящей название «Дневник воспоминаний о событиях, происшедших в городе Флоренции», о причинах июльского восстания говорится следующее: «... поднялся флорентийский народ (и взялся) за оружие из-за боязни быть угнетаемым крупными горожанами, а также из-за дурного правления и беспорядочности вышеназванной синьории».⁹

В этой характеристике причин восстания обнаруживается тонкое понимание как глубинных, так и непосредственных истоков июльских событий. Младшие цехи и низы боялись реальной угрозы полного восстановления власти «крупных горожан», поколебленной июньскими событиями. «Дурное правление» этой ослабленной, но продолжавшей действовать власти «жирного народа» проявлялось в действиях синьории, неуверенно и неумело ведущей сомнительную и в целом антинародную политику. Из этого глубинного истока исходила и непосредственная причина восстания: народ, ощутивший свою силу во время июньских событий, пришел к пониманию необходимости полу-

чения реальных прав из рук синьории. Поэтому составлялись петиции. Однако народ не верил в правительство, и уже в ходе подготовки петиций вынашивал мысль о смене синьории явочным порядком, в обход традиционных республиканских методов. Таким образом, не отказываясь от мирных методов, используя традиционные формы политической борьбы пополанской республики, восставшие искали и других, более решительных путей. Поэтому одной из наиболее существенных черт всего июльского этапа восстания была борьба за создание новой власти, при которой «крупные горожане» были бы лишены преимущества в управлении государством.

Синьория, которая прославилась «дурным правлением», начала свою деятельность 1 июля, а уже к середине июля была на пороге полного краха. Характерно, что Луиджи Гвиччардини, гонфалоньер справедливости в этом составе синьории, в своих воспоминаниях пытался взвалить вину за все недостатки своей синьории на партию Восьми, и прежде всего на Сальвестро Медичи, подчеркивая, что благодаря им «во всем государстве дома были на запоре и все были вооружены».¹⁰

Это напряженное положение привело к организации гайных сборищ наемных рабочих и цеховых ремесленников, одно из которых отмечено хрониками 18 июля 1378 г. за воротами Сан Пьеро Гаттолино в месте, именуемом Ронко.¹¹ Эти сборища были в разных местах и до 18 июля, как об этом свидетельствует один из активных участников движения¹² (рис. 10). На последнем собрании, куда явились представители разных районов города, был назначен уже срок выступления — 20 июля¹³ — и установлен условный сигнал — колокольный звон.

Основными участниками этих сборищ были наемные рабочие сукнодельческих мастерских цеха Ланы (*sottoposti all'arte della Lana*):¹⁴ чесальщики шерсти (*scardassieri*, *pettinatori*, *cardaiuoli*), шерстобиты (*vergheggiatori*), красильщики (*tintori*), трепальщики

¹⁰ « trovando tutta la terra asseragliata e ad arme» (L. Guicciardini, стр. 49).

¹¹ А Acciaiuoli, стр. 20—21 В «Diario d'Anonimo» (стр. 366) говорится о тех, кто поклялся действовать совместно из районов Камальдоли, Сан Пьеро Гаттолино и Беллетри, но не названо точно место их сборища. У М. Стефани сказано оговоре без указания места сходки (M. Stefani, стр. 322). Армандо Сапори считает название Беллетри неверным, являющимся плодом ошибочного чтения текстов (письмо А Сапори от 16 июня 1957 г., адресованное автору).

¹² «... siamo molte volte ragunati insieme in diversi luoghi» (A. Acciaiuoli, стр. 20) Р должно говорить о том, что сборища происходили с 12 июля (N Rodolico. I Ciompi, стр. 104).

¹³ «... stimarano che'l martedì si levassero ad arme» (M. Stefani, rubr. 795, стр. 322). Вторник, следующий за днем собрания в Ронко, — 20 июля.

¹⁴ A. Acciaiuoli, стр. 21.

⁸ Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 110

⁹ «... si levo il Popolo di Firenze ad arme, per paura di essere oppressati da grandi cittadini e per i mali governi e discordia di sopraditta signoria» (Diario di memorie. Riccardiana, 3628, л. 50).

(sonciatori), промывальщики (lavatori) и др.¹⁵ Главные участники этих сборищ — наемные рабочие — явились впоследствии основным и решающим ядром июльского этапа восстания. Численность участников готовившегося выступления могла достигнуть, по предположениям его организаторов, нескольких тысяч человек.¹⁶

Такой состав участников тайных собраний определил и основные требования восставших, которые стали впоследствии стержнем программы чомпи. Обычно об этой программе говорят, основываясь на петициях, выработанных в ходе восстания, в то время как наиболее важные и характерные ее пункты были составлены уже на этих собраниях к середине июля 1378 г.¹⁷

Первым, наиболее общим, принципиальным пунктом этой программы являлся отказ от подчинения «крупным горожанам», как они называются в неопубликованной хронике, т. е. владельцам сукнодельческих мастерских: они «не хотят более быть sottoposti».¹⁸ Этот отказ означал требование коренного изменения положения многих тысяч наемных рабочих сукнодельческих мастерских, превращение их из бесправной, задавленной черни в граждан Флорентийской республики. Этот пункт программы флорентийских чомпи походил на требование съенских повстанцев «дель Бруко», которые за семь лет до восстания чомпи выдвинули требование о равных правах с мастерами.¹⁹ У них, как и у чомпи, имелось в виду политическое равенство, а не превращение в мастеров, так как они согласны были и далее оставаться наемными рабочими, при условии повышения оплаты их труда.

У съенских собратьев чомпи требование предоставления им политических прав было сформулировано смутно и неопределенно. Флорентийские же чомпи, которые могли иметь перед собой не только опыт Съены, но и непосредственные воспоминания о годах правления герцога Афинского и о выступлении Чучо Брандини, пришли к конкретному решению этого вопроса. Чомпи четко заявляли, что «они хотят принимать участие в управлении государством»²⁰ и для обеспечения этого требования «желают иметь собственных консулов»²¹

В переводе на политический язык Флоренции XIV в. такое требование означало создание цеха наемных рабочих, что является свидетельством тяготения чомпи к старым формам феодальной организации. Но это лишь формальная сторона дела: наличие цеха гарантировало участие его представителей в правительстве республики, а значит получить возможность в рамках цеха, а также в правительственных инстанциях решать вопросы заработной платы и других условий труда.

Насколько эти планы чомпи были реальными, говорит тот факт, что в ходе восстания они осуществлялись. Требование создания особого цеха чомпи должно было привести к ликвидации порядков, существовавших в цехе Ланы до восстания: чомпи порывали с шерстяниками — владельцами сукнодельческих мануфактур, как непосредственные продавцы своей рабочей силы, а также отказывались от посредничества их агентов (ufficiale forestiere). Отныне, по их плану, между ними и работодателями в качестве посредника должен выступать их собственный цех, обладающий правами, равными с цехом Ланы.

Вот почему они заявляли, что «не хотят иметь дело ни с шерстяниками, ни с их (чужеземным) чиновником»,²² так как последний «за каждую малейшую провинность их мучает».²³ Поэтому чомпи предлагали навсегда ликвидировать эту ненавистную им должность.²⁴

Они с возмущением говорят, что с ними «очень плохо обращается не только (чужеземный) чиновник... но и мастера-шерстяники, которые платят очень плохо, и за работу, за которую следует давать двенадцать (сольдов), платят восемь».²⁵

Если первая часть требований вела к завоеванию политических прав, вторая часть должна была обеспечить улучшение материального положения наемных рабочих. Съенские наемные рабочие «дель Бруко» в своих экономических требованиях также выдвигали вопрос о повышении уровня оплаты труда, но в менее определенной форме, чем флорентийские чомпи. Съенские наемные рабочие полагали, что власти коммуны помогут им в решении вопроса о повышении заработной платы, установленной владельцами мастерских цеха Ланы.

Совпадение основных политических и экономических требований наемных рабочих «дель Бруко» Съены в 1371 г. и чомпи Флоренции в 1378 г. говорит о сходстве этих движений; оба они по своему характеру были восстаниями наемных рабочих. Их

¹⁵ Там же

¹⁶ Там же, стр. 22.

¹⁷ В целом правильную оценку этой программы дает Родолико (N Rodolico I Сютри, стр. 106), хотя он не производит детального ее анализа.

¹⁸ A Acciajoli, стр. 21

¹⁹ Neri Donato, стр. 224

²⁰ «E anche dicono, che vogliono avere parte nel reggimento della città» (A Acciajoli, стр. 21)

²¹ «Il perchè questi cotali dicono, che vogliono consoli per loro» (там же).

²² «... non vogliono avere a fare, nè con lanaiuoli, nè co'loro ufiziale» (там же) О роли «чужеземного чиновника» см. выше, стр. 51—59

²³ «... per ogni piccola cosa ci martoria» (там же)

²⁴ «... che l'uficiale non sia più» (там же).

²⁵ Там же, стр. 21

отличает лишь степень зрелости участия движения, чем определялась бо́льшая или меньшая завершенность программы и результатов самого восстания.

Требования чомпи, выработанные в Ронко, характеризуют июльский этап движения 1378 г. как восстание прежде всего и главным образом наемных рабочих, восстание предпролетариата. Весь комплекс этих требований мы условно именуем программой Ронко.

К. Маркс в своих неопубликованных выписках из «Истории Флорентийской республики» Дж. Каппони обращается к программе Ронко и выделяет в качестве ее наиболее характерных требований создание цеха чомпи (требование дать им консулов), участие в правительстве и повышение уровня оплаты труда на 50%. Эти требования подчеркнуты К. Марксом в тексте выписок. Там же отмечается решение чомпи не признавать «чужеземного чиновника».²⁶ Таким образом, К. Маркс выделяет требования политического порядка и главнейшее из экономических требований наемных рабочих.

Появившаяся позднее петиция чомпи содержит большое количество требований, часть из которых не отражает специфических нужд наемных рабочих, что свидетельствует об усложнении состава восставших.

Поэтому программа Ронко, которая в работах о чомпи еще не была специально исследована, является особенно показательной, так как представляет собой основной стержень программы чомпи без последующих наслоений и деталей.

Последним характерным пунктом программы Ронко является требование, в котором излагается настоятельное желание чомпи, «чтобы любое разграбление или поджог, совершенные ранее, никогда не могли бы ставиться в вину [тем, кто их совершил]».²⁷ Этот пункт свидетельствует, во-первых, об активном

²⁶ «*Simoncino* (einer der Ciompi), den die Signoria am 19 Juli 1378 abfangen liess [torturierten ihn, nachdem er schon die Hauptsachen gestanden] um zu wissen was das plebe vorhabe (namentlich die uomini della più minuta Arti) sagt u. a.: mit ihnen seien grandissima parte degli ammoniti; was „minuto“ will: che i mestieri soggetti all'Arte della lana [der Duca d'Atene hatte den ciompi consoli gegeben und insegna, wogauf un angioiolo Depinto] abbiamo consoli e collegi loro, nè riconoscano l'ufficiale che per piccola causa li tormenta, nè aver a fare co'maestri lanaioli, che molto male li pagano e del lavorio che vale dodici ne danno otto. Ed anche vogliono avere parte nel reggimento della città, auch vollständige Ungestraftheit für die rubberia und arsione fatta (a month vorher gegen die Glieder der Guelfenmagistratspartei)» (К. Маркс. Excerpte. стр. 13—14).

²⁷ «E vogliono, che ogni ruberia e arsione fatta, non se ne possa conoscere per nessun tempo» (А. Acciaiuoli, стр. 21). У Маркса это требование чомпи выписано из работы Каппони последним (К. Маркс. Excerpte, стр. 14).

участии наемных рабочих в июньских событиях, а во-вторых, характеризует как методы, так и цели восстания.

— Первая сторона вопроса интересна и в том отношении, что восставшие в какой-то степени боялись наказания за прошлые деяния и хотели амнистии. Эту их боязнь преувеличивали современные хронисты, у Макиавелли эта мысль доведена до предела. Вложив ее в уста некоего вымышленного персонажа, он говорит, что первой задачей чомпи было уйти от ответственности за дела, содеянные в последние (т. е. июньские) дни, а затем уже добиваться свободы и улучшения жизни.²⁸ Более того, Макиавелли приписывает чомпи своеобразную философию безнаказанности за непрерывно возрастающие преступления: «... для того, чтобы нам простили старые грехи, необходимо сотворить новые, удвоив злодеяния и увеличив поджоги и грабежи, и стараться при этом иметь много соучастников. Потому что там, где грешат многие, никого не наказывают».²⁹

Чомпи вовсе не был свойствен этот политический макиавелизм, они скорее страдали от политической наивности.

Таким образом, этот второстепенный пункт программы Ронко важен для определения устремлений и методов поведения наемных рабочих: они не стремились к ликвидации старых порядков, учреждений и законов. Но они хотели провести коренные изменения в своем положении в области политических прав и материального положения. Компромиссность и непоследовательность программы Ронко заключалась в том, что чомпи не ставили перед собой ни задачи полного уничтожения своих эксплуататоров, ни задачи полного овладения властью, что было вполне естественным для предпролетариата XIV в.

Однако это было стремлением к серьезным реформам, которое в условиях XIV в. свидетельствовало о смелом порыве и относительно высокой для своего времени политической сознательности.

К тому же чомпи стремились добиться этих реформ с оружием в руках, хотя, как правило, этот метод переплетался у них с мирными методами использования пополанской конституции Флоренции.

К тому же, как отмечал В. И. Ленин, реформы в определенный период могут быть весьма прогрессивными: «... это реформы восходящей линии, когда все более и более широкие массы привлекаются к борьбе... когда каждая схватка... порождает тысячи новых борцов, более озлобленных, более смелых, более обученных».³⁰

²⁸ N. Machiavelli, стр. 47.

²⁹ Там же.

³⁰ В. И. Ленин, Сочинения, т. 6, стр. 464.

Несмотря на всю специфику флорентийской обстановки XIV в. и ее коренное отличие от российской предреволюционной эпохи начала XX в., это положение В. И. Ленина поясняет характер тех реформ, за которые боролись чомпи: это были «реформы восходящей линии». Июньские и июльские схватки привели чомпи к третьему августовскому этапу, когда они, хотя и с опозданием выступили в качестве «борцов более озлобленных, более смелых, более обученных», хотя и не лишенных политической наивности

Таким образом, обратившись лишь к программе Ронко мы смогли установить характерные черты июльского этапа восстания, являющегося одной из наиболее ярких страниц восстания чомпи

Обращение к петициям и ходу восстания может дополнить и уточнить общую картину событий. Петиции изучались для характеристики программы восстания почти всеми исследователями восстания чомпи. В свое время мы также дали краткую характеристику политической и социально-экономической программы чомпи.³¹

Судить о программе Ронко можно на основании записей хрониста, имевшего отношение к делам синьории, которая по доносу некоего лица³² схватила трех вожаков чомпи³³ и допросила их об их намерениях. Записал их хронист Аччаюоли, который как приор, очевидно, присутствовал на допросах. Доносчик сообщил синьории, что для того, чтобы знать истинную правду о том, что происходило, нужно приказать схватить одного из трех: Симончино по прозвищу Конура, Паголо дель Бодда или Лоренцо Рикоманни, что они все знают о заговоре. Доносчику были хорошо известны эти вожаки, так как он указал, в каких районах города живут двое из трех названных. Ему также был известен намеченный срок выступления, так как он советовал

³¹ В. И. Рутенбург. Очерк, стр. 160—166.

³² Хронист, он же приор, вряд ли случайно скрыл имя доносчика «alcuno, lo quale aveva nome» (А. Ассиаюли, стр. 20)

³³ Все хронисты говорят о четырех вожаках чомпи, схваченных по доносу (Diario d'Anonimo fiorentino, стр. 366; M. Stefani, rubr. 795, стр. 322 и др.), однако Аччаюоли говорит о трех и называет их имена (А. Ассиаюли, стр. 10). Из этих трех, которых доносчик советовал синьорам схватить, удалось арестовать двух (Симончино и Паголо дель Бодда); возможно, что третьего (Лоренцо Рикомани) не удалось найти и вместо него был схвачен другой (некий Филиппо из района Сан-Пьетро-Гаттолино), названный в хронике (там же, стр. 22). Таким образом, можно говорить именно о трех, а не о четырех арестованных вожаках чомпи. Сведения Аччаюоли как приора, очевидно, наиболее точны. Противоречивые же сведения хронистов объясняются, можно полагать, тем, что действительно назывались четыре имени, но из них арестованы синьорией было трое

схватить этих вожаков незамедлительно,³⁴ что и было сделано.

Когда 19 июля Симончино был схвачен, его вынудили перед алтарем капеллы приоров рассказать о собраниях в Ронко по требованию одного из приоров. Его заставили назвать имена Паголо дель Бодда, Лоренцо Рикоманни и еще девяти активных участников этих собраний, хотя он и попытался отвести от них удар, заявив, что их на эти поступки толкали аммонированные.

Первый допрос Симончино был проведен, по словам приора Аччаюоли, «легко и спокойно»,³⁵ хотя на Симончино было оказано давление. После того, как о нем сообщили приорам и членам правительственных коллегий, они решили срочно обратиться за военной помощью в Сан-Джиминьяно, Прато, Пистойю и т. д.,³⁶ а также провести второй допрос Симончино с применением пыток, «чтобы сказал правду о заговоре».³⁷ И на этом допросе, который проводился в верхних помещениях дворца приоров, откуда до площади не долетал ни один крик истязуемого, Симончино, подвергнутый пытке на дыбе, повторил то же самое, что и в своем первом признании, «не более и не менее того, о чем он уже сказал».³⁸

Схваченные в ночь на 20 июля Паголо дель Бодда и Филиппо (ди Симоне), которые по словам самого Симончино «знали так же (как и он) и (даже) лучше об этом деле»,³⁹ «будучи подвергнуты допросу, повторили буквально то же, что сказал Симончино».⁴⁰

Итак, все допросы вожаков чомпи дают один и тот же материал о главных положениях программы чомпи, которые впоследствии, в ходе восстания, как уже сказано, обрастут другими, привнесенными извне, не из среды наемных рабочих, требованиями.

³⁴ «Se voi volete sapere la verità di questi fatti, fate d'avere uno che ha nome Simoncino, chiamato Bugigatto, dalla Porta a San Piero Gattolino o Pagolo del Bodda o Lorenzo Ricomanni da San Friano. E quale avete di questi tre, egli lo vi diranno tutto el trattato per ordine, che è ordinato; e questo fate senza indugio» (там же, стр. 20).

³⁵ «... di piane e di cheto» (там же, стр. 21).

³⁶ Там же, стр. 21.

³⁷ «... che dicesse il vero di questo trattato» (там же, стр. 22).

³⁸ «... nè più nè meno, che egli aveva detto» (там же).

³⁹ «... questi sapevano così e meglio questo fatto» (там же).

⁴⁰ «... esaminato dissono ad litteram come avea detto Simoncino» (там же). В хронике Аччаюоли говорится о том, что Симончино среди знающих о собраниях в Ронко назвал «Filippo di... da San Piero Gattolino» (там же, стр. 22). Полностью его имя оставалось неизвестным. Однако, если обратиться к петиции чомпи, мы там встретим среди списка 32 синдиков «Filippus Simonis, populi Sancti Petri in Gattolino» (Р. С. Fossati, стр. 230). Таким образом, некий Филиппо — очевидно, Филиппо ди Симоне, будущий кандидат в синдики.

В этом отношении программа Ронко имеет самостоятельное, а по своей определенности и заостренности более важное значение, чем последующие петиции

Именно в этом исключительное значение собраний в Ронко и программы, в которой впервые в истории движений наемных рабочих средневековья были сформулированы политические и экономические требования предпролетариата

Правильно оценивая программу чомпи, выработанную в Ронко, Родолико считает этот момент самым замечательным в восстании чомпи, однако совершенно с иной точки зрения, потому что чомпи были «полны надежд и иллюзий, которые всегда более красивы, чем реальность», а «с победой и после победы возникают новые проблемы, появляется несогласие и вновь проливается кровь».⁴¹

Эти нотки снисходительного сожаления и неверия в народные движения, победа которых якобы приводит лишь к обострению и новому кровопролитию, характеризуют Родолико как противника всяких революционных потрясений. Эти, отличные от его же собственных в прошлом, оценки тем более досадны, что они принадлежат ученому, который на протяжении полувека успешно изучал историю народных движений во Флоренции XIV в.⁴²

К тому же, часть этих «иллюзий» чомпи превратилась в реальность уже в ходе восстания, наиболее замечательным этапом которого явился как раз не период собраний в Ронко, период «иллюзий», а последующие события захват власти и освобождение от некоторых действительных иллюзий в августе 1378 г., что привело чомпи к высшему этапу восстания

Из допросов вожаков чомпи выяснилось, что было посторонним, привнесенным в движение наемных рабочих и их программу. Речь идет о попытке аммонированных использовать движение чомпи в своих интересах и о такой же попытке со стороны партии Восьми, хотя возможно, что те и другие действовали совместно. Как уже сказано, во время допроса Симончино указал на подстрекательство со стороны аммонированных, назвав четыре имени (аптекаря Джованни Дини, мостильщиков

Гулельмо и Андреа и веревочника Мазо).⁴³ На первом допросе он «не захотел назвать более ни одного горожанина»,⁴⁴ а на втором заявил, что «главой и руководителем этого заговора»⁴⁵ был Сальвестро Медичи. Это же подтвердили на допросе соратники Симончино, схваченные после него — Паголо дель Бодда и Филиппо ди Симоне.⁴⁶

Партия Восьми и наиболее ловкий и умный ее представитель, Сальвестро Медичи, без сомнения пытались использовать в своих целях движение чомпи, о чем далее будет сказано подробнее, и поэтому разыгрывали роль их вожаков. Тот факт, что они называли имя Сальвестро только под пытками, говорит о вере чомпи в добропорядочность Сальвестро, а также об их иллюзиях по отношению к такому сомнительному союзнику, как партия Восьми в целом, партия «жирного народа».

Свою связь с чомпи впоследствии подтвердил сам Сальвестро.⁴⁷ Чомпи называли Сальвестро «главой и руководителем», так как он был одним из наиболее известных во Флоренции политических деятелей, выступавших в качестве их советника и друга. Однако программа чомпи составлялась явно не под его влиянием, Сальвестро не был и не мог быть истинным вожаком чомпи,⁴⁸ как в целом «жирный народ» или отдельные его слои не могли быть их союзниками. Они пытались лишь использовать народное движение в своих интересах, что подтверждается дальнейшим ходом событий.

Настоящим союзником чомпи на этом этапе восстания была значительная часть ремесленников из младших цехов, а также члены второстепенных, подчиненных *terza* и наемные рабочие старших цехов (*Сэты*, *Калималы* и др.) Это подтверждают программы, выработанные на основе программы Ронко позднее в ходе восстания, в ночь на 21 июля 1378 г., в церкви Сан Лоренцо,⁴⁹ расположенной в получасе ходьбы от дворца приоров (рис. 11).

Родолико считает, что эта программа чомпи не изучена достаточно глубоко, хотя и заслуживает этого. Обращаясь к ней, он характеризует ее как «политическую программу, которая вы-

⁴¹ N. Rodolico *I Ciompi*, стр. 106

⁴² В своей работе, вышедшей в 1954 г. во Флоренции Родолико считает наиболее демократическим периодом правления власть всех цехов после подавления восстания чомпи, принося тем самым значение наиболее интересной стороны истории восстания — участие народа в управлении государством. Этот тезис Родолико несколько смягчает заявление о наличии «классового эгоизма» при правлении цехов (N. Rodolico *Storia degli italiani*, стр. 131—132), что тем более не дает права считать этот период наиболее демократическим.

⁴³ A. Acciajoli, стр. 21

⁴⁴ «E allora non volle dire di piu niuno cittadino» (там же)

⁴⁵ «Bene disse piu, che capo e guida di questo trattato era Silvestro di messer Alamano de' Medici» (там же стр. 22)

⁴⁶ Там же

⁴⁷ Там же, стр. 23

⁴⁸ Довыне в литературе можно встретить такие характеристики Сальвестро Медичи, как «душа» или «герой этого движения» (N. Valeri, стр. 221, 222)

⁴⁹ Lettera d'Anonimo, стр. 142. Герарди считает автором этого письма Джованни Медичи, отца знаменитого впоследствии Козимо Старшего (Documenti di Storia italiana, t. VI, стр. 367—368)

ходит за рамки частных интересов [одного] класса и обращается к интересам общим»⁵⁰ С таким итогом анализа программы Сан Лоренцо (как мы ее условно можем называть, в отличие от программы Ронко) нельзя согласиться.

Программа Сан Лоренцо является развитием и уточнением программы Ронко, так как она сохраняет свою направленность в качестве своеобразной «декларации прав наемных рабочих» Она была составлена как официальный документ на латинском языке⁵¹ в виде петиции, адресованной гонфалоньеру справедливости для рассмотрения в правительственных инстанциях Документ был написан от имени флорентийского *popolo minuto*⁵²

Первым пунктом петиции было требование ликвидации должности «чужеземного чиновника» и объявление недействительной любой попытки ее восстановления⁵³ Этот пункт может служить социальной лакмусовой бумажкой для определения тех кругов, которые выработывали программу Сан Лоренцо Это были наемные рабочие цеха Ланы и, очевидно, поддерживавшие их наемные рабочие и члены низших *tribuna* Сэты и Калималы.

Наиболее важной частью программы наемных рабочих было требование о предоставлении им политических прав Общая формула программы Ронко — «принимать участие в правительстве» — здесь конкретизировалась В трех статьях петиции выдвигалось требование об участии двух представителей *popolo minuto*, т. е. чомпи, в приорате (пункт 3 петиции),⁵⁴ один из которых должен был занимать пост главы правительства — гонфалоньера справедливости (пункт 17)⁵⁵ Предусматривалось также обязательное представительство 3 чомпи в правительственной комиссии «Двенадцати добрых мужей», 4 — среди гонфалоньеров ополчения коммуны и во всех прочих правительственных инстанциях Флорентийской коммуны (пункты 3, 6)⁵⁶ Это было требование о предоставлении представителям наемных рабочих четвертой части всех мест в правительстве Как уже говорилось, оно являлось компромиссным: ставился вопрос

⁵⁰ N Rodolico I Чомпи, стр 121

⁵¹ Родолико считает, что автором программы мог быть нотариус сер Андреа Корсини, который фигурирует среди 32 синдиков *popolo minuto* (там же)

⁵² «Pro parte Populi minuti civitatis Florentie» — этими словами начинается петиция чомпи составленная в Сан Лоренцо (P C Fossati, стр 228—233)

⁵³ «In primis, quod Officialis forensis Artis Lane civitatis Florentie ex nunc in totum intelligatur esse et sit remotus et privatus a suo officio, et quod de cetero ad tale officium nullus possit eligi vel assumi et quicquid in contrarium fieret, sit irritum et inane» (там же стр 228)

⁵⁴ P C Fossati, стр 231

⁵⁵ Там же

⁵⁶ «... et eo modo in aliis officiis Comúnis Florentie» (там же).

об уравнивании чомпи в правах с «жирным народом», а не о ликвидации власти последнего Понимая, что политическими правами во Флоренции могут пользоваться лишь члены цеха, чомпи не только выдвинули идею создания самостоятельного цеха, но и наметили, как уже сказано, 32 синдика, имена которых перечислены в петиции Среди этих синдиков можно встретить тех, кто играл активную роль на собраниях в Ронко

Таким образом, устанавливается не только идейная преемственность программы Ронко и Сан Лоренцо, но и персональная: активных вожakov чомпи ныне официально провозглашают синдиками⁵⁷ Чомпи, будучи наемными рабочими, стремились стать полноправными членами цехов, а для своего цеха требовали доли в правительстве Однако чомпи на этом не останавливались Чомпи не только добивались участия в правительстве, но и настаивали на таких широких полномочиях своих синдиков, пользуясь которыми те решали бы вместе с синдиками других цехов все дела В случае, если бы решение было принято представителями других цехов без участия 32 синдиков чомпи, или хотя бы 50% из них, такое решение считалось бы недействительным⁵⁸

Выполнение такого требования чомпи могло бы действительно обеспечить им весьма важную роль в правительстве⁵⁹

⁵⁷ Среди них новая фигура, будущий гонфалоньер Микеле ди Ландо (Michael Landi, populi Sancti Petri Maioris), красильщик Сильвестро ди Джованни, названный уже нотариус Андреа Корсини, а затем участник собраний в Ронко Филиппо ди Симоне который был схвачен синьорами после Симончино (см гл 5, прим 40) Лоренцо Риккомани на которого доносил синьорам их агент, как на одного из трех наиболее осведомленных о собрании в Ронко (A Acciajoli, стр 20) и о котором на допросе говорит Симончино называя его четвертым из 12 активных участников собрания в Ронко (там же)

⁵⁸ «Item, quod trigintaduo supra nominati possint et debeant interesse cum Sindicis pro Artibus civitatis Florentie deputatis, ad faciendum, providendum et ordinandum simul cum dictis Sindicis omnia et singula que per dictos Sindicos fieri possunt Et quod quicquid fieret per dictos Sindicos, absque dictis triginta duobus, vel duabus partibus ex eis, non valeat et non teneat» (P C Fossati, стр 332)

⁵⁹ М А Гуковский считает, что выполнение требований чомпи о правах представителей новых цехов обеспечило бы им «ведущую роль в сейврии» (Итальянское Возрождение, стр 186) Антонио Панелла в своей «Истории Флоренции» явно преувеличивает смысл и направленность требований чомпи, когда говорит, что они (*popolo minuto*) хотели все плоды победы получить только для себя («questi volevano tutti per sé i benefici della vittoria» — A Panella стр 126) Его суждение о неумеренности требований *popolo minuto* проистекает очевидно, из всего восприятия восстания чомпи как «безумной трагедии» («la razza tragedia» — там же, стр 126) За 68 лет до него К Чиполла более резко называл чомпи «бешеными и непримиримыми» («arrabbiati ed intrasigenti» — C Cipolla, стр 195)

При всей компромиссности политических требований наемных рабочих это положение показывает наличие у чомпи относительно высокого для XIV в. уровня политической сознательности. Такие требования появились среди наемных рабочих в такой четкой форме впервые в европейской истории.⁶⁰ Эти важнейшие стороны программы Сан Лоренцо имеют отношение именно к чомпи и не являются, как говорит Родолико, политической программой для всех.

Если обратиться к остальным, в основном социально-экономическим, пунктам этой программы, проанализированным Родолико⁶¹ и другими исследователями, то можно увидеть, что они так же имеют прямое отношение прежде всего к наемным рабочим. Установление твердого курса золотого флорина было непосредственно связано с вопросами повышения заработной платы (это отмечает и Родолико). Отмена закона 1356 г. об отсечении руки за долги и двухгодичная отсрочка долговых платежей интересовали в первую очередь бедняков, т. е. чомпи.⁶²

Некоторые пункты программы чомпи действительно выходят за рамки специфических требований наемных рабочих, но это происходит не от расплывчатости их петиции, а в связи с тем, что чомпи на этом этапе восстания имели такого союзника, как ремесленники и торговцы из младших цехов. Именно этим объясняется взаимное выдвигание требований, способствующих взаимному усилению союзника и соответствующих прежде всего его интересам. Так, например, как мы уже имели случай писать об этом,⁶³ чомпи в своей программе поддерживали требование младших цехов о ликвидации магистратуры по сбору торговых прибылей, в то время как петиция младших

⁶⁰ Об этом в целом правильно говорит А. К. Дживелегов в своей статье «Флоренция» (стр. 169). Однако нельзя согласиться с его слишком категорическим утверждением о том, что чомпи достаточно ясно представляли себе, что «политические завоевания являются единственным верным путем к социальным реформам». Автор переоценивает действительный уровень политической сознательности чомпи.

⁶¹ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 121 и сл.

⁶² См. анализ программы чомпи в кн. В. И. Рутенбург. Очерк, стр. 160—166. Только при предвзятом подходе к программе чомпи или при недостаточно глубоком ее анализе можно обойти молчанием ее политическую заостренность и говорить о том, что она носит «экономический и синдикалистский характер» («... un carattere economico e sindacale» — P. S. Leicht, стр. 167). Более правильно эту программу характеризует французский историк Буржен, который называет чомпи «мелким людом» (les humbles), термином, близким к итальянскому popolo minuto, подчеркивающим, что «социальные проблемы перерастали у них в политические» (P. Bourgin, стр. 51).

⁶³ В. И. Рутенбург. Очерк, стр. 160—161.

цехов содержит в себе требование чомпи об организации цеха popolo minuto с предоставлением этому цеху специального дома за счет коммуны.⁶⁴

Взаимная поддержка требований свидетельствовала о необходимости на этом этапе восстания союза чомпи с младшими цехами; те и другие могли добиться реализации своих программ только общими усилиями. Особенно существенна была поддержка со стороны младших цехов требования чомпи об образовании цеха popolo minuto как основы для получения политических прав. Защита этого требования чомпи обуславливала союз наемных рабочих с ремесленниками и мелкими торговцами. Однако наличие двух программ, двух петиций — младших цехов и popolo minuto, т. е. чомпи, — как справедливо заметил Родолико, свидетельствовало о разных целях и разных методах борьбы, что в конечном итоге привело их к расхождению.⁶⁵

Петиция младших цехов имела свою специфическую направленность, о чем мы вкратце имели уже случай писать.⁶⁶ Наиболее характерные пункты этой программы сводились к требованиям ограничения прав гвельфской партии. Здесь чувствовалось влияние партии Восьми, группировки Медичи, стремившихся укрепить власть определенной части «жирного народа». Ослабление магнатских элементов привело бы к его единовластному правлению. Младшие цехи поддерживали это требование, так как уже, имея некоторые политические права, они стремились ныне к их расширению. Эта умеренная программа содержала в себе семена будущего предательства со стороны младших цехов, не сочувствовавших гораздо более радикальным требованиям чомпи. Вокруг одной программы объединялись наемные рабочие, владеющие лишь собственными рабочими руками, не имевшие до восстания никаких политических прав, вокруг другой — мелкие собственники, которые и при старом порядке пользовались, хотя и не в полной мере, политическими правами.

В этом сложность движения чомпи и в этом его слабость.

Рассмотрение двух программ, возникших на июльском этапе восстания, дает возможность определить характер июльского восстания и все дальнейшие события.

⁶⁴ «Item quod, expensis et de pecunia Comunis Florentie, ematur et emi debeat una apotheca sufficiens et ydonea que sit propria et pleno iure populi minuti civitatis Florentie, pro adunando Artem et Consules dicti populi et alia oportuna ipsi Arti faciendo» (G. Capponi, t. I, Appendice № VIII, стр. 598).

⁶⁵ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 119. Менее четко об этом говорит Панелла (A. Panella, стр. 126).

⁶⁶ В. И. Рутенбург. Очерк, стр. 160—161.

Арест вожаков чомпи не мог изменить хода событий, так как выступление уже было назначено на 20 июля. В ночь на 20 июля Паголо дель Бодда и Филиппо ди Симоне заявили во время допроса, что «непрерывно завтра в девять утра поднимется волнение, о чем дан приказ».⁶⁷ Была четкая договоренность о моменте выступления. Первыми должны были подняться жители районов Камальдоли и Сан Фриано, по звуку колоколов церквей Санта Мариа дель Кармине и Сан Фриано; их должны поддержать колокольни Сан Пьеро Гаттолино и Сан Никколо, затем церкви Санто Стефано у Старого Моста, недалеко от самого дворца приоров, затем, на несколько кварталов дальше, вниз по течению Арно — церкви Сан Пьеро Маджоре и Сан Лоренцо. Сбор был назначен в четырех церквях: В Санто Спирито в Ольтарно, где ожидалось более 1000 человек, в Сан Стефано — более 400, в Сан Пьеро Маджоре — более 800, и все прочие из Беллетри — в Сан Лоренцо, которых предполагалось «множество».⁶⁸ Очевидно, эти цифры касались той минимальной численности людей, на которую вожаки чомпи могли рассчитывать совершенно определенно.

Узнав об этом, флорентийские власти решили собрать на площади войска: около 250 копьеносцев из охраны приората, а также цеховые ополчения.

Допрос Симончино проводился, как уже отмечалось, в верхних помещениях дворца. Никколо дельи Ориуоли, чинивший городские часы, находящийся на башне дворца, услышал как пытали вожака чомпи. Он быстро спустился с башни, направился к своему дому в Сан Фриано и, вооружившись, вышел на улицу с криком: «К оружию, к оружию, приоры рубят мясо [пытают], они послали за сер Нуро барджелло⁶⁹ и приказали привести его во дворец [вести допросы]. Вооружайся, поработанный люд [вооружайтесь], если не хотите все умереть!»⁷⁰ Далее он двинулся к церкви дель Кармине, где некий Нуро из Камальдоли начал звонить в колокол. Судя по тому, что Никколо двинулся именно к церкви дель Кармине, откуда по предварительному сговору и должен был прозвучать первый сигнал к выступлению, он, очевидно, не только симпатизировал чомпи,

но и был посвящен в их планы. Возможно, что и во дворце он оказался не без ведома вожаков чомпи. Таким образом, часовщик дельи Ориуоли и Нуро из Камальдоли — первые, известные нам, активные участники июльского этапа восстания.⁷¹

По сигналу церкви дель Кармине «от колокольни к колокольне зазвучали колокола всей Флоренции», — сообщает хронист.⁷² Это произошло несколько ранее намеченного срока, незадолго до 9 часов утра.⁷³

Так началось июльское вооруженное выступление. Описание дальнейшего хода событий в этот день достаточно подробно дано в работе Родолико,⁷⁴ который приводит большие отрывки из хроник. Поэтому мы ограничимся здесь выделением наиболее характерного, не всегда отмеченного в его описании.

Первой наиболее интересной чертой июльского вооруженного выступления, которая обозначалась в самом его начале, была его относительно четкая организованность. Как уже отмечено, даже условленный порядок сигнализации был использован почти в точности, несмотря на то, что выступление пришлось начать ранее предполагаемого срока.⁷⁵ Вооруженные массы не беспорядочно сбегались ко дворцу правительства, а собирались сначала в определенных пунктах, как это было решено заранее, а затем двигались к площади. Так, например, первым пришел на площадь отряд из Сан Пьеро Маджоре, за ним через узкую улицу Ваккеречча на площадь пришел второй отряд в 300 человек,⁷⁶ возможно собравшийся ранее в Сан Стефано, где, как предполагалось, до выступления могло собраться около 400 человек. Он мог прийти сюда ближайшим путем по улице Пор Санта Мариа. «По призывному звуку [колоколов] все объединялись и, [только] таким образом объединившись, послали сообщить, один отряд другому: „Все идите к площади!“ И так и делали»⁷⁷ — к площади чомпи шли со знаменем, на котором был изображен ангел, бывший символом их единства еще с 40-х годов.⁷⁸

На площади к ним присоединились подмастерья, ученики, наемные рабочие, члены второстепенных *metta* различных цехов, все те, кого Стефани подводит под один термин «фак-

⁶⁷ «... che senza fallo domattina a terra si leverò il tomore, e così è dato l'ordine» (А. Acciaiuoli, стр. 22).

⁶⁸ Там же, стр. 22.

⁶⁹ Барджелло (*bargello*) — полицейско-палачечная должность, выполнявшаяся человеком, имевшим юридическое образование и звание нотариуса (сер).

⁷⁰ «А l'arme, a l'arme; i priori fanno carne e gl'hanno mandato e fatto venire ser Nuro bargello in palagio; armatevi cattiva gente, se non che tutti sarete morti» (там же, стр. 22).

⁷¹ 15 января 1382 г. Никколо дельи Ориуоли в числе 25 других был осужден на изгнание из Флоренции (*Cronaca prima d'Anonimo*, стр. 96).

⁷² А. Acciaiuoli, стр. 22.

⁷³ Lettera d'Anonimo, стр. 141.

⁷⁴ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 97—110.

⁷⁵ Lettera d'Anonimo, стр. 141.

⁷⁶ А. Acciaiuoli. Cronaca, стр. 23.

⁷⁷ Lettera d'Anonimo, стр. 141.

⁷⁸ M. Stefani, rubr. 795, стр. 322.

торы» (fattori).⁷⁹ Причем Стефани лаконично и совершенно четко, что вообще свойственно его манере изложения, говорит о чомпи, как о главном, более организованном, ведущем отряде участников восстания, а о цеховой массе как о присоединившихся к ним союзниках. Это подтверждают и другие хронисты. Так, например, глава правительства — хронист Гвиччардини — говорит: «Чесальщики шерсти, ткачи и все прочие, работающие в сукноделии города Флоренции, должны были во вторник в 20-й день названного июля поднять восстание... во вторник поднялось восстание по этому сговору и за ними последовали все ремесленники...»⁸⁰

Совместное действие чомпи и цеховых ремесленников является второй характерной чертой июльского периода восстания, которая также проявилась в самом начале.

Собравшись на площади Синьории, чомпи и цеховые ремесленники выступали под лозунгом, который также свидетельствовал об их единстве: «Да здравствует народ и цехи!»⁸¹ Под «народом» подразумевался прежде всего «тощий» народ, т. е. чомпи, под «цехами» — прежде всего эксплуатируемая, неполноправная масса цеховых ремесленников.

Восставшие были настроены весьма решительно и требовали вернуть им арестованных и подвергнутых пыткам вожakov. Они потребовали: «Верните нам людей, которых вы держите там наверху!» и начали метать стрелы.⁸² На молчаливое несогласие синьоров они заявили: «Или вы нам их вернете, или мы сожжем вас во дворце».⁸³

Охрана, призванная синьорами на площадь, не превышала 80—85 человек⁸⁴ вместо ожидаемых 230—250,⁸⁵ а цеховые ополчения не явились. Эта небольшая охрана вела себя крайне пассивно: «...они не двигались, а стояли и смотрели», — говорит хронист.⁸⁶ Это характеризует поведение всего правительства, которое, в отличие от чомпи и их союзников, с самого начала восстания заняло оборонительную позицию. В этом проявлялась не только трусость и нерешительность правительства Гвиччардини, но и отсутствие у него твердой

⁷⁹ Там же. Здесь fattori нельзя переводить как «факторы-надсмотрщики», а тем более как «мальчики из лавок», как это делается в «Хрестоматии по истории средних веков» (т. II, М., 1950, стр. 241—242). Об эволюции термина «фактор» см. выше, стр. 30—32, 38.

⁸⁰ L. Guicciardini, стр. 49.

⁸¹ Diario d'Anonimo, стр. 366.

⁸² A. Acciaiuoli, стр. 23.

⁸³ Diario d'Anonimo, стр. 366.

⁸⁴ A. Acciaiuoli, стр. 22, 23.

⁸⁵ Там же, стр. 23.

⁸⁶ Там же.

социальной базы: после июньских событий партия Восьми, «жирный народ» лишились поддержки цеховой массы и были изолированы. Это чувствовалось во всех звеньях пополанского государства Флоренции. Когда утром 20 июля в доме Скали и в лоджии Торнаквинчи собрались некоторые главы городских ополчений и спорили, идти ли им на защиту правительства, они не могли сойтись ни на чем. Только один из четырех совещающихся предлагал помочь приорам.⁸⁷ Эта оборонительная тактика правительства была третьей характерной чертой, также проявившейся уже в начале восстания. Родолико, обращаясь к этому периоду, говорит о том, что главное, что можно обнаружить в свидетельствах хронистов — это страх правителей перед восставшими.⁸⁸ Страх был лишь поверхностным проявлением политического кризиса «жирного народа», который сковал его наступательные действия. Это и определило настроение чомпи, которые чувствовали себя «победителями площади».⁸⁹

Правда, среди приоров были такие, которые советовали вернуть восставшим арестованных «в двух кусках» (т. е. с отрубленной головой),⁹⁰ но они не рискнули пойти на такой шаг. Пока приоры колебались, решая судьбу арестованных вожakov чомпи, в толпе прозвучал призыв: «К дому гонфалоньера!» Вскоре запылал дом гонфалоньера Луиджи Гвиччардини,⁹¹ а также его родственников — сыновей Никколо Гвиччардини.⁹² Это произвело решающее воздействие на главу правительства, и арестованные вожак чомпи были освобождены.⁹³

Первая политическая и психологическая победа чомпи окрылила их и толкнула к тому, что они решили совершить еще во время своих тайных собраний в Ронко: «поджечь все дома пополанов».⁹⁴ Речь, конечно, шла о ненавистных им богатейших «жирных» пополанах. Хронист пишет, что народ двинулся по всей Флоренции, «поджигая и испепеляя» в течение всего дня.⁹⁵ Дома поджигали с определенным выбором: сожгли дома шерстяника Доменико Уголини, крупнейшего богача Николайо Альбицци, сын которого был владельцем сукнодельческих ману-

⁸⁷ Там же, стр. 24.

⁸⁸ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 109.

⁸⁹ «...vincitori della Piazza» (A. Acciaiuoli, стр. 23).

⁹⁰ «...tra priori fussin di quelli che dicesino: „Rendansi in due pezzi“» (там же).

⁹¹ Diario d'Anonimo, стр. 366.

⁹² M. Stefani, rubr. 795, стр. 322.

⁹³ Там же.

⁹⁴ «...dardere tutte le case de'popolani» (Diario d'Anonimo, стр. 366).

⁹⁵ «Onde tutto di quel popolo andarono per tutta Firenze, ardendo e dibrucciando» (там же).

фактурных мастерских, Антонио и Бартоломео Ридольфи в Ольтарно, Филиппо Корсини, Коппо дель Кане, Андреа Бальдези, Андреа ди Сеньино, который пытался помочь синьории, будучи главой, одного из ополчений, Симоне ди Риньери Перуцци, одного из крупнейших банкиров, сер Пьеро Грифо Риформаджони, Микеле ди сер Лотто и др.⁹⁶

Крайне интересно отметить, что при поджогах этих домов не было грабежей, имущество уничтожалось, сжигалось. Это своеобразие отмечено почти всеми хронистами, как флорентийскими, так и иногородними, настолько оно их удивляло и поражало. Автор «второй анонимной хроники» говорит, что при пожарах 20 июля сукна и вещи бросали в огонь, а тех, кто пытался взять что-либо, наказывали. Когда жена Доменико Уголини пыталась спасти из горящего дома два ларца с драгоценностями и деньгами, у нее их отняли и бросили в огонь.⁹⁷ Даже те хронисты, которые считали, что восставшие стремятся подвергнуть разграблению все государство,⁹⁸ вынуждены были признать, что поджоги они совершали без грабежей.⁹⁹ Молва о поджогах без грабежей докатилась и до других городов: пизанский хронист описывает, как вожаки чомпи приказывали идти к дому такого-то, отобрать все его одежды и сукна и сжигать все это на площади. «И таким образом, — завершает он рассказ, — были сожжены и разграблены дома многих прежних крупных горожан государства».¹⁰⁰ Хронист, говоря здесь о разграблении домов, не отмечает того, что вещи захватывались не в целях присвоения, а для уничтожения. Это было не стремлением к наживе, а борьба против богатства и роскоши. Флорентийский хронист Стефани рассказывает, что он видел, как при поджоге домов бросали в огонь одежды, драгоценности, серебро. «Я видел, — пишет этот хронист, — как одному из участников этих поджогов нанесли копьем удар в плечо за то, что он, схватив курицу и кусок солонины, не хотел бросать их в огонь. У него отобрали все это, сломали у курицы ноги и бросили в огонь. И в этот второй раз (т. е. в июле, первый раз поджоги были в июне, — В. Р.) сжигали без грабежей», — завершает он свой рассказ.¹⁰¹

⁹⁶ A. Acciaiuoli, стр. 24; M. Stefani, rubr. 795, стр. 322; Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 108.

⁹⁷ Там же

⁹⁸ « detto popolo minuto volevano mettere a ruba la terra » (Cronaca terza d'Anonimo, стр. 130).

⁹⁹ « senza rubarle » (там же).

¹⁰⁰ Cronica di Pisa, стр. 1074.

¹⁰¹ M. Stefani, rubr. 795, стр. 322.

Этот эпизод напоминает поведение повстанцев Уота Тайлера, которые вместе с городским плебсом Лондона, через три года после этих событий во Флоренции, за попытку хищения отправляли в огонь не только похищенное, но и самого похитителя, с характерным нападением: «Мы ревнители правды и справедливости, а не воры и грабители».¹⁰² Чомпи тоже рассматривали себя как носителей справедливости, к тому же освященной атрибутом власти — знаменем гонфалоньера справедливости.

Поджоги без грабежей являются четвертой характерной чертой июльского этапа восстания и всего восстания чомпи.

Для узаконения своих действий чомпи еще до массовых поджогов домов захватили знамя гонфалоньера справедливости, которое сохранялось в доме «исполнителя справедливости» и было им выставлено в окне для того чтобы оградить себя от нападения чомпи.¹⁰³ Однако знамя привлекло к себе их внимание, так как после поджога домов гонфалоньера Гвиччардини они вернулись на площадь и обдумывали вопрос о том, какой дворец им поджечь: капитана, исполнителя или подеста. Подойдя ко дворцу исполнителя, они потребовали знамя справедливости и, так как исполнитель не хотел отдавать его, взяли его силой.¹⁰⁴

Сам по себе факт насильственного отобрания знамени, принадлежавшего главе правительства, являлся революционным актом, в то же время, согласно феодальной символике, переход правительства знамени в руки народа обозначал получение им верховной власти в государстве. Все дальнейшие действия, совершаемые народом со знаменем гонфалоньера в руках, как бы узаконивались силой традиций.

Такое сочетание революционных методов действий со стремлением оформить их «конституционным» путем на основе существующих законов является пятой характерной чертой июльского этапа восстания и всего восстания чомпи.

Захватив знамя гонфалоньера, чомпи двинулись с ним по Флоренции и стали поджигать дома богатых пополанов. Их возглавляли в это время Камбио Бартоли, по прозвищу Галассо,¹⁰⁵ и Симоне ди Бьяджо, которые несли знамя гонфа-

¹⁰² Д. М. Петрушевский, стр. 25.

¹⁰³ A. Acciaiuoli, стр. 24.

¹⁰⁴ «... domandarongli il gonfalone della giustitia, e nol volendo dare lo tolsero per forza » (Lettera d'Anonimo, стр. 141).

¹⁰⁵ Возможно, что Галассо впоследствии был внесен в список синдиков цеха, который дан в тексте петиции popolo minuto под именем Камбио Бартоли из прихода Сан Лоренцо («Cambius Bartoli, vocatus Calosso [Calasso], populi Sancti Laurentii» — P. C. Fossati, стр. 331)

лоньера справедливости.¹⁰⁶ Одним из наиболее убедительных доказательств целеустремленности июльских поджогов было нападение чомпи на дворец цеха шерстяников, что было освящено знаменем гонфалоньера справедливости. Дворец Ланы был подожжен, все хранящиеся в нем документы захвачены и сожжены, за исключением книги вкладов¹⁰⁷ (рис. 12). Явочным порядком чомпи реализовали свою программу Ронко: имущество «чужеземного чиновника» было захвачено и, очевидно, сожжено, а сам он изгнан из дворца.¹⁰⁸

Факт захвата дворца Ланы отмечен К. Марксом: это единственное событие, которое было им выписано из всего текста двух с лишним страниц Каппони¹⁰⁹ и первое событие, о котором сказано в связи с началом восстания: «Народное восстание в тот же день (19 июля); подожжен дворец цеха Ланы и т. д.»¹¹⁰

Знамя гонфалоньера справедливости в руках восставших, будучи символом верховной власти республики, давало народу формальное право считать себя суверенным властителем государства. Здесь действовала традиционная сила средневековой символики, но в то же время, таким образом, была реализована мечта чомпи о политической власти. В этом проявилась шестая характерная черта июльского этапа восстания чомпи.

Под знаменем верховной власти республики восставшие привели в исполнение свой приговор над главными виновниками их несчастий: главой правительства, цехом Ланы, «чужеземным чиновником», богачей шерстяниками и банкирами, дома и имущество которых подверглись сожжению.

Под этим же знаменем вечером 20 июля¹¹¹ на площади Синьории восставшие провозгласили рыцарями несколько десятков граждан Флоренции.¹¹² Этим своеобразным правом, почерпнутым из типично феодальных традиций, народ воспользовался, чтобы подчеркнуть свои суверенные права, — как об

этом справедливо говорит Родолико.¹¹³ Возводимые народом в рыцарское достоинство объявлялись «рыцарями народа» (cavalieri di popolo). Современники называли их также «рыцарями чомпи» (cavalieri dei ciompi),¹¹⁴ что показывает, кто именно был инициатором всех этих дел и хозяином положения. Ни в одной из хроник нет специального пояснения, в честь чего было произведено это посвящение в рыцари. Поэтому можно полагать, что народ совершил это в честь своей фактической победы, так как к вечеру 20 июля чомпи были «победителями площади» и хозяевами города, что подтверждалось самим фактом возведения угодных им лиц в рыцарское достоинство.

Лишь в одной неопубликованной хронике объясняется, что факт присвоения рыцарских званий производился в честь заключения Флоренцией мира с папской курией,¹¹⁵ что могло быть лишь формальным поводом, хотя это пояснение представляется нам сомнительным. Обстановка этой церемонии красочно передана Родолико, который, пользуясь материалами хроник, рассказал, как провозгласили рыцарем народа Сальвестро Медичи, которого облачили в рыцарские доспехи троих рыцарей. Здесь же, не дожидаясь официальных декретов правительства, он получил от чомпи право доходов с лавок Старого Моста, бывших собственностью коммуны.¹¹⁶ Здесь же была объявлена награда в 2 тысячи флоринов чесальщику шерсти Гвидо Бандьера, провозглашенному также рыцарем народа.¹¹⁷ Автор «Второй анонимной хроники» называет еще Кименто, второго чесальщика шерсти, провозглашенного рыцарем народа.¹¹⁸ Из городских низов, кроме этих двух, названы еще булочники Вери дель Порчелло¹¹⁹ и Мео дель Грассо.¹²⁰ Остальные несколько десятков рыцарей народа — выходцы из видных

¹¹³ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 111—112.

¹¹⁴ Ser Nofri, стр. 59.

¹¹⁵ «A di 14 di Luglio 1378 si fece la pace fra e Fiorentini et la chiesa a Tivoli con certi patti et capitoli, et per detta pace si feciono dal popolo di Firenze gli infrascritti Cavalieri...» (Historie fiorentine. Там же). См. «Приложения», док. 7.

¹¹⁶ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 111—112. Родолико не называет немецкого «графа Аверарда» и немецкого дворянина «Аверардо дельла Кампана», которые, стоя у ворот дворца синьории, объявляли рыцарями народа всех, кого указывали им чомпи (Cronaca primo d'Anonimo, стр. 73).

¹¹⁷ M. Stefani, rubr. 295, стр. 324; Cronaca prima d'Anonimo, стр. 74. Автор «Второй анонимной хроники» говорит о 2500 флоринах и разъясняет, что это ему дается за счет имущества объявленных мятежниками (Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 110).

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ M. Stefani, rubr. 295, стр. 324.

¹⁰⁶ A. Acciaoli, стр. 247.

¹⁰⁷ Lettera d'Anonimo, стр. 142.

¹⁰⁸ A. Acciaoli, стр. 24.

¹⁰⁹ G. Carroni, стр. 342—344.

¹¹⁰ K. Marx. Exzerpte, стр. 14.

¹¹¹ Только один хронист относит это событие к 21 июля (Diario d'Anonimo, стр. 366).

¹¹² Аччаюоли называет цифру «64 или более» (A. Acciaoli, стр. 25); автор «Второй анонимной хроники» перечисляет 66 человек (Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 109, 110); автор «Первой анонимной хроники» перечисляет 57 человек (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 73—74); М. Стефани — 65 человек (M. Stefani, rubr. 795, стр. 323—324); в неопубликованной хронике перечислены 60 имен (Historie fiorentine. Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Ин. 180, л. 144 об.).

семей Флоренции, так же, как Медичи, Альберти, Перуцци, Альбицци, Барди, Ручеллаи, Сальвиати, Спино, Кавальканти, Макиавелли и т. д. Рыцарем народа был провозглашен сам гонфалоньер справедливости Луиджи Гвиччардини. Обстановка, в которой происходила эта процедура, представляла собой проявление революционного пафоса «победителей площади»; опьяненные успехами, они показывали себя великодушными хозяевами государства. В то же время это было и выражением силы победившего народа, который демонстрировал свое превосходство над любым богачом Флоренции, начиная с самого главы правительства: никто не смел отказаться от почетного титула «рыцаря народа», так как отказ от этого грозил сожжением дома. Не случайно посвящение в рыцари происходило под непрерывные выкрики панцирника Симончино ди Бьяджо: «Огонь и кровь!»¹²¹ Поэтому в рыцари посвящали «кого силой, кого под страхом [наказания], кого с их согласия».¹²²

В неопубликованной «Истории Флоренции», хранящейся в Москве, всех провозглашенных рыцарями автор делит на два списка: согласившиеся принять звание рыцарей народа и отказавшиеся от него.¹²³ Из 60 имен, перечисленных автором, большинство (31) были объявлены рыцарями народа вопреки их желанию, среди них Риньери Перуцци, Гвидо Макиавелли, Алессандро Альбицци, Джованни и Фульчио Медичи и др. Среди 29 добровольно принявших это звание от народа или, во всяком случае, не заявивших о нежелании его принимать, значатся: Сальвестро Медичи, Томмазо Строцци, Симоне Перуцци, Якопо Сакетти, Алессандро Барди, Вьери Камби, сам гонфалоньер справедливости Луиджи Гвиччардини и др.¹²⁴

¹²¹ «Fuoco e carne!» — буквально «Огня и мяса!» (А. Ассиаоли, стр. 26)

¹²² «chi per forza e chi per paura, chi volontariamente» (там же, стр. 25)

¹²³ «Quelli che tennono la cavalleria. Quelli che non la tennono» (Historie fiorentine Там же)

¹²⁴ Там же Родолико (N. Rodolico I Ciompi, стр. 112) и другие исследователи считают возведение в рыцарское достоинство гонфалоньера Гвиччардини дом которого накануне был сожжен восставшими показателем бессмысленности действий восставшего о народа. Источники показывают, что это был обдуманый шаг чомпи. В петиции пункты которой фиксировались после долгих обсуждений, сказано «Чтобы никто, чей дом был сожжен не мог никогда занимать какую-либо должность в коммуне, за исключением мессера Луиджи Гвиччардини» (Cronaca secondo d'Anonimo, стр. 111). Можно предполагать, что восставшие отмечали тем самым заслуги гонфалоньера который хотя и под давлением освободил их вожakov, вопреки совету некоторых членов правительства «вернуть их в двух кусках»

Весьма интересен рассказ хрониста о том, как тех, кто отказался принять это звание из рук чомпи,¹²⁵ приоры после поражения чомпи 18 октября 1378 г. возвели в рыцарское достоинство.¹²⁶ В отличие от революционных дней, когда рыцарями народа провозглашал сам народ, в октябре эту процедуру проводил подеста Фантино Венецианский. Принявшие из его рук звание «рыцарей народа и гвельфской партии» клялись в верности коммуне.¹²⁷

Таким образом, уже в первый день июльского этапа восстания в активных действиях народа проявились наиболее характерные черты движения чомпи.

Вечером толпа двинулась с площади Синьории через мост Рубаконте¹²⁸ в Ольтарно. Во главе со знаменем гонфалоньера справедливости шел рабочий-аппретурщик Бетто ди Чьярдо, которого симпатизирующий чомпи хронист называет «смелым молодым человеком».¹²⁹ Далее народ проследовал мимо Старого Моста ко «дворцу мессера Стефано» в Беллетри, который был центром сбора восставших.¹³⁰ Другой отряд собрался в Камальдоли.¹³¹ Родолико считает тактической ошибкой чомпи их расположение в Беллетри на холме Сан Миньято, так как они были отрезаны от правительственных зданий центральной части города, не овладели мостами через Арно и к тому же могли подвергнуться нападению ополчения контадо, призванного правительством.¹³²

Концентрация чомпи в Беллетри, в районе наиболее густо заселенном наемными рабочими и мелкими ремесленниками, где чомпи всегда могли найти опору и поддержку многих тысяч людей, не было их ошибкой. В одном только лагере вокруг «дворца мессера Стефано» насчитывалось 6—7 тысяч человек, бдительно охранявших знамя гонфалоньера справедливости — символ власти народа.¹³³ К тому же холм Сан Миньято был господствующей высотой, и поэтому в случае нападения правительственных войск восставшие обладали бы определенным превосходством. Что касается нападения этих войск, то оно

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Впоследствии — ponte alle Grazie.

¹²⁹ Cronaca prima d'Anonimo, стр. 74.

¹³⁰ Этот небольшой «дворец» — palagetto (Lettera d'Anonimo, стр. 142), как поясняет Родолико, был построен в свое время при канонике Стефано Бройе недалеко от церкви Сан Барнаба в районе Беллетри, где теснились лагуи бедняков (N. Rodolico. I Ciompi, стр. 113).

¹³¹ Lettera d'Anonimo, стр. 142.

¹³² N. Rodolico. I Ciompi, стр. 113.

¹³³ По сведениям одного хрониста, там было 6 тысяч человек (А. Ассиаоли, стр. 26), другого — 7 тысяч (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 74).

было почти исключено, так как синьория, как уже сказано, вела оборонительную политику, не имея прочной социальной базы в городе, и восставшие это хорошо знали.¹³⁴ К тому же, собравшись в Беллетри, они не отказывались от активных действий в дальнейшем.

Наоборот, они продолжали придерживаться наступательной тактики, решив утром следующего дня идти в церковь Санта Кроче, для того чтобы захватить там ящик со списками кандидатов для избрания в синьорию (*la cassa de priori*) и сжечь эти списки.¹³⁵ Это был последовательный шаг после отобрания знамени гонфалоньера справедливости. Знамя сделало чомпи сувереном республики, который теперь по праву мог ликвидировать старые списки и оформить новое правительство. Знакомая уже нам черта сочетания революционных методов действия с желанием оформить их законным традиционным способом проявлялась и здесь. Приоры были, очевидно, не менее точно информированы о намерениях чомпи, чем до этого о собрании в Ронко: доносчики продолжали свою работу. Поэтому ночью два приоры — Пьероццо Пери и Аламанно Аччаюоли — тайно пошли в Санта Кроче и перенесли оттуда во дворец правительства ящик со списками кандидатов в приоры. После этого приоры приступили к укреплению дворца, приказали увеличить запас камней на случай обороны, а также хлеба, вина, солины, сыра, уксуса, соли и решили «скорее умереть здесь, чем покинуть [дворец]».¹³⁶

Перенесение ящика из Санта Кроче во дворец было нарушением традиционных правил, и народ, не менее бдительно следивший за действиями приоров, «был этим очень недоволен и угрожал утром сжечь [дворец] приоров, так как они, как [об этом] сказали, украли [избирательный ящик] из Санта Кроче и перенесли его во дворец».¹³⁷

Родолико отмечает, что именно в связи с этим появилась идея захвата дворца.¹³⁸ Об этом, действительно, говорит хронист, который отмечает, что дело могло ограничиться захватом

ящика, если бы приоры не брали его из церкви.¹³⁹ Нам кажется, что это не совсем так. Захват избирательного ящика в Санта Кроче привел бы к составлению нового списка кандидатов в приоры, а выборы нового состава все равно привели бы к захвату дворца, даже если бы старые приоры не оставили его добровольно.

Замысел овладеть властью был у чомпи с самого начала. Он привел их к захвату знамени гонфалоньера, затем к разгрому наиболее им ненавистного дворца цеха Ланы — резиденции богатых суконщиков и их «чужеземного чиновника». Следующий удар чомпи готовили нанести не по дворцу синьории, которую, как они уже убедились 20 июля, никто не хотел защищать, а по дворцу подеста, где еще была такая реальная сила, как военные отряды.

Нанося удары по главным центрам старой полопанской власти, чомпи одновременно выработывали позитивную программу деятельности нового, будущего правительства. С этой целью 20—30 их представителей собрались в ночь на 21 июля в церкви Сан Лоренцо, куда также вызвали, как сообщает хронист, представителей комиссии Восьми и глав цехов для выработки программы в виде петиции.¹⁴⁰ Интересен сам по себе факт: чомпи вызывают к себе представителей цехов и те являются к ним и принимают участие в их собрании.

Чомпи играли ведущую роль, и цеховая масса шла за ними, как за более сильными. Это было не простое подчинение слабого сильному, а союз, имевший еще определенную основу. Выписывая материалы из работы Каппони, К. Маркс выделяет как наиболее существенную следующую его мысль: «Цеховые ремесленники и массы наемных рабочих пришли к соглашению на основе требований петиций; в конечном итоге каждая сторона дала свою петицию, но они представили их вместе с оружием в руках».¹⁴¹ Здесь произошло составление программы, рассмотренной нами выше, которая во многом решительно изменяла старые порядки, но подлежала, по мысли чомпи, официальному утверждению существующими правительственными инстанциями.

Утром 21 июля хлынул невиданной силы ливень. Он не давал возможности выйти на улицы,¹⁴² которые превратились

¹³⁴ Об этом говорят хронисты, подчеркивая, что приоров оставило их собственное цеховое ополчение («I priori aveano dolore assai vedendosi abbandonati da ogni persona e massimamente dalli gonfalonieri loro» — там же, стр. 25); чомпи понимали эту обстановку, она воодушевляла их, количество их союзников росло («Il perche, quando questi minuti viddono che alla difesa de' priori non veniva persona, multiplicarono grandissima quantita» — там же, стр. 23).

¹³⁵ Там же, стр. 26.

¹³⁶ «... morirvi che uscirne» (там же)

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 114.

¹³⁹ A Acciaiuoli, стр. 26.

¹⁴⁰ Lettera d'Anonimo, стр. 142.

¹⁴¹ «Gli artefici, e il popolo a fatica s'accordavano sulla materia delle petizioni; beide sollten die ihrigen aufsetzen und dann insieme armati le presentassero» (K. Marx. Exzerpte, стр. 14).

¹⁴² Cronaca primo d'Anonimo, стр. 73.

в реки,¹⁴³ но это не остановило чомпи, и они потребовали, чтобы к ним в церковь Сан Барнаба явились представители цехов со знаменами и поклялись «быть с народом и следовать ему во всем, что бы он ни пожелал делать».¹⁴⁴

Можно полагать, что представители цехов явились по вызову чомпи и поклялись им, пообещав действовать вместе¹⁴⁵ не только под страхом сожжения их мастерских, как это поясняет хронист — сторонник богатых пополанов,¹⁴⁶ а прежде всего под давлением рядовой массы старших цехов и большинства мелких ремесленников младших цехов. События ближайшего дня показали, что они являлись активными союзниками чомпи.

К 9 часам утра петиции были готовы. Ливень несколько утих, и отряд чомпи и ремесленников под знаменем гонфалоньера справедливости двинулся ко дворцу подеста, «чтобы сжечь все книги», как говорит очевидец событий.¹⁴⁷ Можно предполагать, что еще одна причина толкала восставших прежде всего ко дворцу подеста: здесь были заключенные,¹⁴⁸ и чомпи спешили их освободить, как это им удалось сделать в предыдущий день с заключенными дворца приоров. Во всяком случае, это нападение на дворец подеста не было случайным и необдуманным: сам подеста еще до того, как народ двинулся ко дворцу, послал во дворец синьории просить помощи, так как он слышал о готовящемся нападении на его резиденцию.¹⁴⁹ Один из хронистов сообщает, что восставшие «порешили между собой, что они пойдут ко дворцу подеста и захватят его».¹⁵⁰

Другой хронист рассказывает, как отряд восставших численностью более 10 тысяч человек со знаменами всех цехов, кроме цеха Ланы, двинулся к площади Синьории, чтобы вручить выработанные ночью петиции. Это было около полудня, «в час обеда».¹⁵¹ Восставшие пока не собирались захватывать дворец приоров, так как арестованных вожakov чомпи они уже освободили, воинской силы во дворце приоров также почти не было. К тому же правительство, сидевшее во дворце, должно было утвердить петиции восставших. Вполне естественно, что для

¹⁴³ «...che pareano fiumi» (A. Acciaiuoli, стр. 26).

¹⁴⁴ «...d'essere con detto popolo e di seguitare in ciò che volessi fare» (там же, стр. 27).

¹⁴⁵ «...e così giurarono e promisono» (там же).

¹⁴⁶ Там же, стр. 27.

¹⁴⁷ Lettera d'Anonimo, стр. 142.

¹⁴⁸ Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 112.

¹⁴⁹ A. Acciaiuoli, стр. 27.

¹⁵⁰ «...poi diliberarono fra loro che s'andasse e si si pigliasse il palagio del podestà» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 75).

¹⁵¹ Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 112.

того, чтобы заставить приоров быть послушными, необходимо было овладеть центром военной и судебной власти — резиденцией подеста и другими важнейшими объектами правительственной власти. Это было важно не только для того, чтобы сломить их военную силу, но также чтобы уничтожить всю хранившуюся в этих учреждениях документацию: сожжение старых документов, по убеждению всех повстанцев средневековья, вело к ликвидации старых порядков и очищало путь к новым. Новые порядки, о которых мечтали чомпи, были выражены в программе Ронко и зарегистрированы в петициях чомпи и цехов — в программе Сан Лоренцо. Более логичным могло бы показаться нанесение удара по резиденции правительства — дворцу синьории, провозглашение там программы Сан Лоренцо и образование своего правительства. Но эта мысль еще не созрела в головах восставших. Их вера в неизбежность пополанских законодательных норм, которую чомпи не изживут до конца восстания, была еще очень сильна. Их планы, может быть и в смутной форме, заключались в том, чтобы из официальной резиденции — дворца подеста, опираясь на законную власть всех цехов, олицетворением которой были знамена (gonfaloni) всех цехов, кроме Ланы, и пользуясь знаменем гонфалоньера справедливости — символом верховной власти, оказывать давление на приорат. Идея захвата дворца синьории созрела у чомпи несколько позднее.

Дворец подеста, представляющий собой небольшую, но неприступную крепость с зубчатыми стенами и башней, был старейшим правительственным дворцом Флоренции.¹⁵² Окружающие его узкие улицы были заполнены тысячами людей: это были чомпи и ремесленники различных цехов.¹⁵³ Охрана подеста пыталась разогнать толпу, бросая камни с башни дворца и осыпая восставших стрелами. Осаждавшие пробрались на колокольню церкви Бадии и другие соседние здания и оттуда метали стрелы в защитников дворца (рис. 13). Другие же тащили столы из ближайших таверн и поджигали их вместе с вязанками хвороста у ворот дворца.¹⁵⁴ С той и с другой стороны было уже человек по десять убитых и много раненых.¹⁵⁵ Осада дворца длилась уже два часа.¹⁵⁶ Восставшие поставили перед подестой условие: если он сдаст дворец без сопротивления, сохранить жизнь ему и его охране. Подеста пришлось согла-

¹⁵² Дворец подеста был построен между 1254 и 1261 гг.; дворец синьории, или Старый дворец (Palazzo vecchio), — между 1298 и 1314 гг.

¹⁵³ Cronaca prima d'Anonimo, стр. 75.

¹⁵⁴ Там же

¹⁵⁵ Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 112.

¹⁵⁶ A. Acciaiuoli, стр. 27.

ситься, огорив лишь неприкосновенность «камеры коммуны», где хранились деньги. Подеста и его стража сошли вниз и сдали дворец, «охваченные страхом, рассчитывая на милосердие божье».¹⁵⁷ Народ вошел во дворец, не причиняя обиды или вреда подеста,¹⁵⁸ которого провели и поместили в дом Форезе Сальвьато.¹⁵⁹ Прежде всего сломали запоры тюремных помещений, освободив 6 человек заключенных, которые там находились. Затем в знак перехода дворца подеста в руки народа и цехов над башней дворца было установлено знамя цеха кузнецов, на котором были изображены клещи, а в окнах дворца — знамена всех цехов, за исключением цеха Ланы. Среди знамен выделялось также знамя гонфалоньера справедливости Дворец подеста перешел в руки народа и стал не только главным центром восставших, владевших символами власти,¹⁶⁰ но, по сути дела, и резиденцией новой власти, так как приорат доживал последние часы и был уже не в состоянии влиять на ход событий, а власть подеста была ликвидирована в результате вооруженной борьбы.

Вожаки чомпи, которых хронисты именовали «знаменосцами тощего народа»,¹⁶¹ опирались на реальную силу многих тысяч наемных рабочих и ремесленников Флоренции, в руках которых был правительственный дворец. Они владели знаменем главы флорентийского правительства, им оказывали официальную поддержку 20 цехов из 21, существовавшего тогда во Флоренции.

Захват дворца подеста, набатный звон колокола его башни¹⁶² возвестили о появлении во Флоренции новой власти «тощего» народа и цеховой массы. Наличие во дворце синьории, деморализованного, но еще действующего приората и его коллегий свидетельствовало о том, что с 21 июля во Флоренции сложилось своеобразное сочетание двух властей. О появлении новой власти можно говорить лишь в том смысле, что чомпи

¹⁵⁷ « con gran paura, cheggendo merzede per Dio» (Cronaca prima d'Anonimo, стр 75)

¹⁵⁸ « senza essergli fatto niuna villania» (там же)

¹⁵⁹ Cronaca seconda d'Anonimo стр 112 Только один хронист говорит о том что подеста и его стража якобы были схвачены и затем брошены «мертвыми и ограбленными» — «morti e rubati» (Diario d'Anonimo, стр 267), но это опровергается показаниями всех остальных хронистов, что отмечено еще Герарди (A. Gherardi Documenti di storia italiana, стр 267)

¹⁶⁰ N Rodolico I Сюмпи, стр 118 Обращаясь к истории захвата дворца подеста, Родолико справедливо говорит, что осаждавшие его были не грабителями, а народом, сражавшимся за свои интересы, создававшим свою программу и формировавшим свое сознание (там же, стр 114)

¹⁶¹ «Gonfaloniere del popolo minuto» (Diario d'Anonimo, стр 368).

¹⁶² Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 112.

в союзе с цеховой массой, представляя собой вооруженный отряд, завладевший городом и диктовали свои требования. Для полного овладения властью было необходимо создать новое правительство, чего им вскоре удалось добиться. Что касается представителей старой власти, приората, не находившего защитников, то он фактически был, безусловно, слабее лагеря чомпи. Потенциальная сила старой власти «жирных» пополанов, как это подтвердили дальнейшие события, заключалась в том, что они сохраняли в своих руках мастерские, банковские конторы и другие виды собственности, используя это решающее преимущество на определенном этапе восстановления.

Таким образом, фактически новая власть во Флоренции появляется с момента захвата дворца подеста 21 июля, а не с захвата дворца синьории 22 июля (рис. 14). Последние события лишь завершили агонию правительства «жирных» пополанов.

Каждый новый час после захвата дворца подеста приносил победы лагерю чомпи и ослаблял позиции приоров. Под звуки набата были сожжены все пергамены и бумаги, найденные в канцелярии подеста.¹⁶³ Также было предано огню и все его хозяйство, и в то же время не было допущено никакого грабежа,¹⁶⁴ все содержимое «камеры коммуны» было сохранено.¹⁶⁵

Ликвидация старых порядков и старой власти выразилась также в захвате дворцов капитана народа, исполнителя справедливости и «ведомства изолибия», помещавшегося в Ор Сан Микеле. Все документы («tutte le scritture») и имущество этих учреждений были также сожжены.¹⁶⁶

В помещении капитана народа было найдено много веревок, как полагали восставшие — предназначавшихся для расправы над ними. Они нацепили эти веревки на копыя и носили по городу,¹⁶⁷ возвещая тем самым о завоеванной свободе.

Однако, несмотря на многочисленные иллюзии, чомпи не считали, что добытая ими свобода, вернувшая к жизни их вожаков и снявшая для всех остальных угрозу виселицы, не подвержена опасности. Они собирали сведения о передвижениях военных отрядов за стенами города. Как только до них дошел слух о приближении к Флоренции 5 тысяч солдат, идущих под командой Мильоре Гваданьи из Валь ди Ньеволе, они приняли решительные меры. Когда вечером 21 июля стража, посланная

¹⁶³ Cronaca prima d'Anonimo, стр 75

¹⁶⁴ « senza rubare alcuna cosa» (Lettera d'Anonimo, стр 143)

¹⁶⁵ Cronaca seconda d'Anonimo, стр 112

¹⁶⁶ Diario d'Anonimo, стр 367, Cronaca seconda d'Anonimo, стр 112; Lettera d'Anonimo, стр 143

¹⁶⁷ Cronaca seconda d'Anonimo, стр 112

приорами, заперла городские ворота и возвращалась во дворец, чомпи схватили ее и отобрали ключи.¹⁶⁸ Всю ночь отряды чомпи охраняли все ворота города и все мосты, а также заняли все пункты, через которые в город могли бы пройти войска.¹⁶⁹

Чомпи не имели своего правительства, но у них уже были «гонфалоньеры тощего народа», которые не только руководили их действиями, но и издавали указы. Так, например, 21 июля ими был издан указ, известный всему городу, согласно которому было запрещено кому бы то ни было появляться на площадях и улицах в плаще. Цель этого указа заключалась в том, чтобы от чомпи не могли таким образом укрыться их противники, которых они разыскивали. И все строго придерживались этого указа, так как его невыполнение грозило смертной казнью.¹⁷⁰

Чомпи обладали достаточной силой, чтобы приказать приорам выполнять их весьма существенные требования. Когда до них дошел слух, что из Валь ди Ньеволе и из Пистойи к Флоренции продвигаются иногородние войска на помощь правительству,¹⁷¹ они потребовали приостановить продвижение этих подкреплений. В противном случае они грозили «сжечь всех приоров и членов коллегии и весь город».¹⁷² Приорам через военную комиссию Восьми пришлось отдать приказ войскам вернуться обратно, хотя это было единственное для правительства возможное спасение.

Таким образом, уже 21 июля город фактически находился в руках чомпи.

Весьма показательным является сам способ передачи приорам петиций чомпи и цехов. «Когда этот тощий народ и члены цеха взяли дворец подеста, — рассказывает хронист, — они послали сказать приорам, чтобы те выслали к ним по два представителя от каждой коллегии, так как они намерены просить о некоторых делах при помощи петиций, которые являются справедливыми и разумными». И приоры послали к ним двух

¹⁶⁸ A. Acciaoli, стр. 30. «Diario d'Anonimo» сообщает, что ключи были отобраны до того, как закрыли ворота (стр. 368).

¹⁶⁹ «onde tutto malloledi notte questa brigata e popolo istettono a guardare a tutte le porti e a' ponti, e presono tutte quelle luogora dov'egli avieno dubbio, se quella gente venisse» (Diario d'Anonimo, стр. 368).

¹⁷⁰ «E mandarano i Ciompi un bando, che qualunque persona istesse col mantello indosso, fosse morto senza pena e senza bando. Onde la gente ch'era in sulla Piazza e per Firenze, tutti si traeno le mantella di dosso per paura di non essere morto» (там же, стр. 367).

¹⁷¹ A. Acciaoli, стр. 30.

¹⁷² «... ch'eglino arderebbono tutti i priori e collegi e tutta la terra» (там же).

гонфалоньеров и двух из «Двенадцати добрых мужей», чтобы «увидеть и услышать, чего они хотят».¹⁷³

Представители чомпи и цехов, которых хронист именуег спндиками, вместе с названными представителями официальных властей явились во дворец синьории и заявили, что они просят приоров прочесть, вынести решение о передаче их петиций на утверждение коллегий, заявив, что петиции они представляют «в интересах мира и доброго спокойствия города».¹⁷⁴

Представление петиций законному, хотя уже и бессильному, правительству чомпи и цеховая масса считали необходимым этапом для реализации их программы. Хотя они уже могли убедиться, что сила была в их руках, они хотели законного утверждения своей программы по всем правилам республиканской конституции Флоренции.

Просьбы об утверждении правительством их проектов сочетались у восставших с внушительной вооруженной демонстрацией под окнами дворца приоров, шум от которой, по выражению хрониста, «доходил до неба».¹⁷⁵ Тот же хронист считает, что принятию петиций приорам способствовала также невероятная жара, и за ним это повторяют многие историки чомпи, однако в больших прохладных залах дворца жара чувствовалась в меньшей степени, чем на площади, и решающим была, конечно, не жара, а накаленная политическая атмосфера: приоры приняли решение под давлением вооруженного народа. В тот же день петиции были утверждены Советом народа, и чомпи вернулись с площади Синьории в свою резиденцию — во дворец подеста, ставший теперь дворцом народа.

Наутро ожидалось решение Совета коммуны, которое превратило бы петиции в закон, и, как сообщает хронист, довольный народ обещал разоружиться.¹⁷⁶ Однако это было лишь мечтой «жирных» пополанов, к которым принадлежал хронист. Именно после этого чомпи отобрали у приоров ключи от городских ворот и установили во всем городе свою стражу.

22 июля Совет коммуны также утвердил петиции, однако восставшие вовсе не собирались складывать оружие. Теперь, когда их программа была санкционирована правительственными инстанциями по всем правилам республиканской конституции коммуны и стала законной, восставшие совершенно логично потребовали ее реализации. В связи с тем, что петиции выдвигали новый принцип формирования правительства, состав ста-

¹⁷³ A. Acciaoli, стр. 27.

¹⁷⁴ «... per pace e buon riposo della cittade» (там же).

¹⁷⁵ Там же, стр. 29.

¹⁷⁶ Там же, стр. 30.

рого приората должен был подвергнуться существенному изменению.

Последовавшие за этим события обычно считаются кульминационным пунктом восстания чомпи, однако их оценка требует некоторого пересмотра.

Многие тысячи вооруженных чомпи и ремесленников пришли на площадь Синьории под знаменем гонфалоньера справедливости, которое они вынесли из дворца подеста. Это знамя нес рабочий — аппретурщик Бетто ди Чьярдо. «Да здравствует тощий народ!» — восклицали они.¹⁷⁷ Стоял такой шум, что в зале, где читались петиции, ничего не было слышно.¹⁷⁸

Приоры чувствовали себя во дворце, как в осажденной крепости, которую покинули защитники. Поэтому после одобрения петиций Советом коммуны один из приоров, Гверрианте Мариньолли, счел наиболее благоразумным бежать из дворца синьории под предлогом сообщить народу, что петиции утверждены, а также проследить за тем, чтобы во дворец не проник никто из «тощего» народа.¹⁷⁹

Хронист, говоря об этом факте, едко замечает, что он был одним из тех «добрых вояк, которые на словах были первыми, но и бежали [первыми]».¹⁸⁰

Бегство Гверрианте было началом полного распада официальной государственной власти Флоренции, началом агонии беззащитного и бессильного правительства, переставшего быть настоящей властью с момента начала восстания, когда его покинули цехи и перестали охранять даже солдаты. Приорат Гвиччардини сыграл свою роль: он оформил в законодательном порядке новую программу, изложенную в петициях, и теперь восставшие не нуждались в нем.

Поэтому, когда народ заметил Гверрианте, покидавшего дворец и направлявшегося домой, он не тронул его, но сопровождал его словами, звучавшими страшной угрозой для оставшихся во дворце приоров: «Уходите все, так как мы не желаем, чтобы вы далее оставались приорами».¹⁸¹

Народ овладел воротами дворца и не выпускал из него членов Советов, заполнивших весь двор. Приоры же послали одного из недавно провозглашенных рыцарем народа Томмазо Строцци успокоить народ тем, что петиции утверждены. Но это

уже не могло удовлетворить народ. Строцци сообщил приорам, что Гверрианте бежал, а народ требует, чтобы все приоры покинули дворец. В самих петициях, ставших теперь правительственным решением, определялись новые принципы формирования правительства из представителей трех прослоек: старших цехов, младших цехов и чомпи. Попытки приората на этом основании включить в свой состав двух представителей восставших не имел успеха.¹⁸² Выполнение своих требований, записанных в петициях и ныне утвержденных, восставшие не доверяли старому правительству «жирных» пополанов.¹⁸³

Требования народа были весьма решительными. Один из хронистов говорит о том, что народ грозился, если они не покинут дворец, «разрубить их всех на части».¹⁸⁴ Правда, этот хронист обычно преувеличивал кровожадность чомпи и в этом отношении сгущал краски.¹⁸⁵ Болонский хронист говорит о том, что восставшие «хотели убить приоров, так как они были из тех, которые не шли вместе с тощим народом».¹⁸⁶ Хронист Аччаюоли, записи которого можно оценивать как восприятия напуганного и ненавидящего восставших приорам, говорит, что чомпи требовали ухода приоров из дворца под угрозой сожжения домов членов синьории, советов и всех их родственников; чомпи угрожали также убить жен и детей всех этих лиц в присутствии самих приоров.¹⁸⁷

Хронист, симпатизирующий чомпи, передает их требование наиболее точно: «Весь народ кричал единодушно: „Пусть синьоры будут осуждены на гибель, если не захотят уйти из дворца и отправиться по своим домам“».¹⁸⁸

Чомпи вместе с массой цеховых ремесленников могли бы захватить дворец и перебить приоров, но они этого не делали. Очевидно, они считались с тем, что именно эти приоры выполнили их требования, утвердив петиции, и поэтому они заслуживают того, чтобы их мирно отпустить домой. Это было проявлением того же великодушия победившего народа, которое проявилось по отношению к гонфалоньеру Гвиччардини, когда

¹⁸² Там же, стр. 31.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ «... gli taglierebbono tutti a pezzi» (Diario d'Anonimo, стр. 368).

¹⁸⁵ Например, именно этот хронист сообщал об убийстве подеста и его охраны при взятии дворца подеста, что опровергается показаниями всех других хронистов, как об этом выше указывалось.

¹⁸⁶ «... e voleano farli morire, perchè erano di que'che non tenevano col minuto Popolo...» (Corpus chronicorum bononiensium, стр. 230).

¹⁸⁷ A. Acciaiuoli, стр. 31.

¹⁸⁸ «Allora gridò tutto il popolo a una: che signori fossero mandati a terra; e, se non volessono uscire, che si e's'andasse alle loro case» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 75).

¹⁷⁷ Cronaca primo d'Anonimo, стр. 75.

¹⁷⁸ A. Acciaiuoli, стр. 30.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ M. Stefani, rubr. 795, стр. 325. Здесь игра слов: guerriero — «вояка», «воин»; Guerriante — «сражающийся», «воин», в данном случае имя приорам.

¹⁸¹ A. Acciaiuoli, стр. 30.

чомпи возвели его в рыцарское достоинство после освобождения их вожakov.

Безусловно, восставшие были настроены крайне решительно, и если бы приоры не покинули дворец, дело могло обернуться для них плачевно.

Хронист — сам член синьории — рассказывает, что приоры растерялись и, не зная что им делать, обратились за советом в коллегии. Участники заседания коллегий «были ошеломлены, проливали слезы, кто ломал свои руки, кто бил себя по лицу, и все растерялись и не могли принять решения».¹⁸⁹

Томмазо Строщи и Бенедетто Альберти после переговоров с народом, которые они вели в течение доброго часа («*riu d'una grossa ora*»),¹⁹⁰ вернулись во дворец и сообщили приорам, что воля восставших непреклонна. Тогда члены коллегий и комиссии Восьми заявили приорам, что если они разойдутся по домам, то это будет лучше и для них, и для города.¹⁹¹ По сообщению самого Аччаюоли, только он и еще один приор, Николо Неро, гордо заявили, что они не намерены уходить. В это время во дворец вошла большая группа хорошо вооруженных восставших во главе с Николо Карлоне. Приоры бросились в разные стороны. Вскоре бежал глава правительства — гонфалоньер Гвиччардини, которого Томмазо Строщи проводил в свой дом и которого его коллега по правительству, хронист Аччаюоли, называет трусом и ничтожеством. Последними из приоров, судя по сообщению самого Аччаюоли, во дворце остались он и Мариотто Даванцатти. Они, узнав о бегстве всех приоров, ни живые, ни мертвые («*tenponsi bene morti*») спустились вниз по лестнице, приказали отдать ключи представителю цехов и затем отправились к своим домам. Так же, по его сообщению, дворец покинули и члены коллегий.

«Итак, можно сказать, было утрачено счастливое, спокойное и доброе состояние государства», — завершает хронист свой рассказ о падении правительства.¹⁹²

Когда приоры покинули дворец, его ворота были открыты, и народ впервые в истории Флоренции вошел в правительственную резиденцию. Обычно этот эпизод называют взятием дворца и установлением власти чомпи. Однако никакого штурма дворца, как это было с дворцом подеста, не было. Правительство пало под давлением вооруженной демонстрации в тот момент, когда оно не было уже нужно восставшим и, более того, мешало им. Таков был конец того процесса, который начался

с первых часов июльского этапа восстания. В военном, политическом и психологическом аспектах правительство Гвиччардини потеряло власть с момента захвата восставшими знамени гонфалоньера справедливости и особенно после взятия дворца подеста, где фактически начала действовать новая революционная власть.

Бегство приоров и взятие правительственного дворца было хотя и весьма знаменательным, но не решающим фактом для судьбы пополанской власти. Это был завершающий этап ее падения, которое было обусловлено отходом от «жирных» пополанов цеховых масс в итоге июльского выступления. Это были последние проявления агонии пополанского правления. Мы не считаем поэтому возможным согласиться с Родолико в том, что с момента бегства приоров началось «краткое время правления чомпи».¹⁹³ «Время чомпи» началось раньше, до юридического оформления их власти после взятия дворца приоров, которая, как об этом будет сказано далее, принадлежала им далеко не полностью. Независимо от этого бегство приоров не являлось лишь звеном внутреннего распада правительства «жирных» пополанов, но произошло, как отмечают почти все хронисты, под давлением вооруженной массы восставшего народа.

Если бежавший из дворца приор хронист Аччаюоли говорит о том, что приоры ушли из дворца,¹⁹⁴ а поддерживающий его анонимный автор говорит, что «приоры ушли и дали им взять дворец»,¹⁹⁵ то другие хронисты пишут, что чомпи «выгнали весь остаток приоров»,¹⁹⁶ народ «изгнал приоров из дворца».¹⁹⁷ Симпатизирующий чомпи автор хроники уточняет, что под давлением восставших «устрашенные приоры сочли за лучшее бежать»,¹⁹⁸ т. е. опять-таки подтверждает, что они не ушли, а были изгнаны.

Обращает все же на себя внимание факт относительно мирного и бескровного свержения правительства: в то время как восставшие могли не только пригрозить приорам «разрубить всех их на куски», но и привести в исполнение эту угрозу, они отпустили всех приоров и членов коллегий по своим домам, не причиняя им никакого вреда.

¹⁸⁹ «La breve ora dei ciompi» (N. Rodolico. I Ciompi, стр. 130).

¹⁹⁴ «Partiti che furono i priori di palazzo» (A. Acciajoli, стр. 32).

¹⁹⁵ «...n'usciro e lasciaro loro prendere il palagio» (Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 112).

¹⁹⁶ «...mandarono fuori tutto il resto de'priori» (Lettera d'Anonimo, стр. 143).

¹⁹⁷ «...caccio i priori 'di palagio» (Ser Nofri, стр. 57).

¹⁹⁸ «...com' uomini paurosi, si n'usciro fuori per migliore» (Cronaca primo d'Anonimo, стр. 75).

¹⁸⁹ A Acciajoli, стр. 31.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ «...per manco male di loro e della città» (там же, стр. 32).

¹⁹² Там же.

Ранее мы уже наблюдали такое же поведение восставших при взятии дворца подеста: жизнь и неприкосновенность подеста и его охраны были им сохранены при условии оставления дворца.

Во время штурма дворца подеста были убитые и раненые с обеих сторон, но количество убитых, как уже указывалось, было сравнительно небольшим. Таким образом, восставшие не допустили никаких жестокостей или неоправданных убийств при взятии правительственных дворцов, а также дворцов цеха Ланы, «исполнителя справедливости» и «ведомства избытия».

Ни одного убийства не было при июльских поджогах дворцов Гвиччардини и других «жирных» пополанов. Даже, когда во время этих поджогов молодой Луиджи Беккануджи, по прозвищу Волокита, пытаясь не допустить поджога дома Андреа Бальдези, вступил в спор с одним из чомпи и убил его шпагой, восставшие не тронули его (хотя, возможно, ему просто удалось скрыться). В ответ на это первое убийство, совершенное представителем «жирных» пополанов, чомпи ответили сожжением дома отца убийцы — Бернардо Беккануджи.¹⁹⁹

Такое поведение чомпи объяснялось, во-первых, как уже было сказано, великодушием победителя, верившего в свою силу и недооценивавшего последствий своей снисходительности, и, во-вторых, их верой в традиционные формы пополанского законодательства, которая владела ими почти до конца восстания, когда восставшие ощутили на себе печальные результаты всех этих заблуждений.

Этим объясняется относительно мирный, почти бескровный характер всего восстания чомпи.²⁰⁰

Если чомпи не трогали тех, кто им подчинялся, как это было с приорами или подеста, они беспощадно расправлялись с непосредственными виновниками своих бед и страданий, такими, как нотариусы, составлявшие документы, направленные против них, или назначенные приорами исполнители, пытавшие вожakov восставших. В этом проявлялась наивность восставших, происходящая из их неопытности: они карали непосредственных исполнителей и отпускали на свободу тех, кто руководил этими исполнителями.

Показательным примером в этом отношении является эпизод с барджелло сер Нутто Пьери. Еще во время допроса Симончино это имя произносилось им как одно из наиболее ненавистных

¹⁹⁹ А. Acciajoli, стр. 24.

²⁰⁰ Буржуазный историк конца прошлого столетия Пьетро Орси, не объясняя причин, лишь замечает, что во время восстания чомпи было пролито очень мало крови («Il sangue sparso in questa rivoluzione fu ben poco» — P. Orsi, стр. 170).

для чомпи: «Мы собирались много раз вместе, в разных местах, чтобы принять решение о своем спасении, прослышав о том, что вы, синьоры, приказали повесить нас и что вы дали приказ призвать сер Нутто из Читта ди Кастелло²⁰¹ и назначить его барджелло для того, чтобы всех нас повесить».²⁰² Хронист, сторонник чомпи, дает возможность определить классовую направленность этой фигуры, когда говорит, что его призвали, «чтобы предложить его услуги жирному народу и использовать для того, чтобы вешать бедняков Флоренции».²⁰³ Симончино, сообщивший на допросе о сер Нутто, и стал первой его жертвой при вторичном допросе с применением пыток. Затем сер Нутто пытал его двух друзей, схваченных несколько позднее.²⁰⁴ Поэтому, когда после взятия дворца подеста восставшие появились под стенами дворца синьоров, они восклицали: «Мы хотим повесить сер Пьеро делле Риформаджони и сер Нутто!» После чего поставили на площади виселицы с шестью петлями.²⁰⁵

Тогда им не удалось захватить ни сер Пьеро, ни сер Нутто. В тот день, когда приоры бежали из дворца, 22 июля, из него бежал и их прислужник, славившийся своей жестокостью, — сер Нутто.²⁰⁶ Он спрятался в одной из таверн на улице Винеджа, недалеко от дворца приоров. Для того чтобы не быть узнаваемым, он решил побриться и вызвал к себе цирюльника. Явился ученик цирюльника, который побрил и постриг его. После чего слуга барджелло спросил: «Сер Нутто, сколько ему дать?» Уче-

²⁰¹ Только один хронист называет два города, из которых мог быть приглашен сер Нутто: Читта ди Кастелло и Ассизи («era dalla Città di Castello o vero d'Assiesi» — Diario d'Anonimo, стр. 368). В то же время только у него дается полное имя этого лица — сер Нутто Пьери (там же).

²⁰² А. Acciajoli, стр. 20.

²⁰³ «Uno barzello ch'era chiamato ser Nuto dalla Città di Castello, si era venuto a proferere al popolo grasso...»; «d'impicare i poveri uomini di Firenze» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 76).

²⁰⁴ «...ser Nuto Pieri ch'era venuto per guastare que' quattro ch'erano presi» (Diario d'Anonimo, стр. 368). Речь идет о Симончино, Паголо дель Бодда и Филиппо (см. выше, стр. 176—177).

²⁰⁵ Diario d'Anonimo, стр. 367. Сер Пьеро делле Риформаджони был также одним из наиболее ненавистных врагов чомпи, будучи нотариусом комиссии по выработке законов, как об этом сообщает его сын-хронист: «...notaio della riformazioni del popolo e comune di Firenze» (Ser Nofri, стр. 57). Его дом был сожжен в июльские дни, а сам он в страхе бежал в Сьену («...per paura n'andò a Siena» — там же). По сведениям другого хрониста, виселицы были в первый раз поставлены на площади еще 20 июля (А. Acciajoli, стр. 26).

²⁰⁶ Cronaca terza d'Anonimo, стр. 130; Diario d'Anonimo, стр. 368. У Родолико нечетко говорится о дне ареста и казни Нутто: создается впечатление, что это произошло в дни захвата дворца подеста, 21 июля, когда восставшие только требовали у приоров его выдачи (N. Rodolico, стр. 117).

ник, узнав кого он брил, сказал об этом своему мастеру, и это вскоре стало известно всему «тощему» народу.²⁰⁷

Когда под окнами таверны послышался шум толпы, сер Нуто спрятался под кровать и не хотел появляться оттуда, несмотря на то, что ему нанесли несколько ранений. Его выволокли из-под кровати и за руки потащили из гостиницы. Сер Нуто спросил: «Увы, я буду повешен?» Ему ответили: «Мы тебя убьем!» В этот момент ему нанесли смертельный удар топором по голове на улице Львов.²⁰⁸ Уже мертвого, ненавистного Нуто потащили к площади и повесили за ноги. Ярость восставших была так велика, что его труп разорвали на мелкие части и носили их на копьях по всей Флоренции и ее окрестностям.²⁰⁹ На виселице осталась лишь одна нога до колена.²¹⁰

Такова была справедливая плебейская расплата за злодеяния. Этот эпизод свидетельствует о том, что чомпи вовсе не были миролюбиво настроенными приверженцами только мирных законодательных мер. Участь сер Нуто могла ожидать приоров и подеста, если бы они не покинули своих резиденций по требованию народа.

И все же эпизод с барджелло сер Нуто Пьери был единственным случаем революционного террора восставших чомпи. Причины их необычайной сдержанности мы уже приводили, здесь необходимо констатировать, что обвинения чомпи в кроважидности и убийствах, которые были вымышлены еще их современниками, а затем перекочевали в дворянскую и буржуазную литературу, являются фальсификацией.

Восставших можно обвинять не в излишних зверствах, а в излишней сдержанности, в противоположность их противникам, «жирным» пополанам, которые при подавлении восстания приступили к разнузданному и длительному террору.

Говоря о хронисте Стефани, К. Маркс по сути дела дал в этом направлении отповедь как фальсификаторам, современным чомпи, так и позднейшим буржуазным фальсификаторам наших дней.²¹¹ Одним из ярких примеров фальсификации этого

²⁰⁷ Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 113. По другой версии слуга указал на сер Нуто одному из «гонфалоньеров тощего народа» и получил за это 4 золотых флорина и 40 сольдов (Diario d'Anonimo, стр. 368—369).

²⁰⁸ Поньше эти улицы, находящиеся вблизи Старого дворца, носят те же наименования: Виа Винеджа и Виа деи Леони. На улице Львов в XIV в. действительно находились львы. Они принадлежали коммуне и тщательно оберегались, так как в связи с рождением этих животных определяли: будет ли удачными или безуспешными военные или политические мероприятия Флоренции.

²⁰⁹ Там же, стр. 368—369

²¹⁰ Lettere d'Anonimo, стр. 143.

²¹¹ К. Маркс. Exzerpte, стр. 15.

вопроса в прошлом является «Флорентийская история» Леонардо Бруни Аретино, написанная в XV в. Опираясь на хронистов XIV в., он писал: «После упрочения внешнего мира последовали внезапно (столь сильные) внутренние беспорядки, которые никогда в прежние времена не потрясали город».²¹² И далее: «... не было ни конца, ни границ разнузданным стремлениям бедняков и злодеев, которые, имея в руках оружие, домогались имущества людей богатых и почетных и не думали ни о чем, кроме грабежей, убийств и изгнаний граждан».²¹³

Этот мотив затем в разных вариантах перепевали буржуазные историки последующих веков. В связи с вопросом об относительно мирном характере восстания чомпи следует рассмотреть некоторые стороны в исследовании А. К. Дживелегова, в котором он впервые дал интереснейший анализ антинародных взглядов таких видных гуманистов, как Поджо, Аретино, Салутати.²¹⁴

Анализируя два письма Колуччо Салутати, касающиеся восстания чомпи, он считает, что при написании первого письма от 4 августа 1378 г., в котором автор — гуманист и канцлер Флорентийской коммуны — хорошо отзываясь о порядках во время этого восстания, «руководствовался, конечно, карьеристскими соображениями».²¹⁵ Известно, что Колуччо Салутати был канцлером Флоренции с 1375 г. по 1406 г. Дживелегов подчеркивает, что он исполнял эту должность и до, и во время, и после восстания чомпи.²¹⁶ Необходимо уточнить, что в начале июльских событий Салутати бежал из дворца приоров и спрятался в церкви Санта Кроче, о чем сообщает хронист²¹⁷ и чего не учитывает Дживелегов.²¹⁸

Можно предполагать, что Салутати вернулся на свой пост лишь после того, как убедился в сдержанности чомпи. И вот как он рисует картину жизни Флоренции в конце июля и начале августа 1378 г.: «А я, который был зрителем столь великих событий, знаю, что хотя и были сожжены дома, но немно-

²¹² Leonardo Aretino, стр. 470.

²¹³ Там же, стр. 473.

²¹⁴ А. Дживелегов Восстание чомпи и гуманисты, стр. 419—428

В этом исследовании автор, что обычно для него, неправильно применяет такие термины и понятия, как «диктатура рабочих», «революция» (стр. 424), «крупная буржуазия», «фабриканты» и дает более чем сомнительную характеристику роли и места интеллигенции в классовой борьбе (стр. 427).

²¹⁵ Там же, стр. 425.

²¹⁶ Там же, стр. 424.

²¹⁷ «... e ser Coluccio fuggi in Santa Croce» (Ser Nofri, стр. 57).

²¹⁸ Он указывает только на «Первую анонимную хроникку», которая говорит о канцлере Салутати в конце августа (А. Дживелегов. Восстание чомпи и гуманисты, стр. 425).

гие, хотя были грабежи, но умеренные, были убийства, но в малом количестве, почти никаких. Не лежит во прахе Флоренция, не залита кровью, не опустошена хищениями. Стоят в целости дома, стоят высокие дворцы, в сохранности богатства и почти у всех неприкосновенно имущество... И борьба шла не из-за добычи, а из-за политической власти».²¹⁹

Наиболее важным в этой характеристике восстания чомпи, данной Салутати, является ее соответствие фактам. В целом, как это подтверждает материал хроник, именно таков был характер восстания. Уже поэтому письмо Салутати не представляет собой литературного сочинения, преследующего цель сохранить жизнь и положение автора. Как нам кажется, Салутати имел основания для похвал, которые он расточал первому правительству чомпи, о чем будет сказано далее. Однако в целом правильное изложение обстановки восстания до установления гонфалоньерата Микеле ди Ландо вовсе не было необходимо такому тонкому дипломату, как Салутати, только в целях карьеры. Ему важно было нарисовать в письме истинную картину вещей, показывающую и слабые стороны чомпи. Эта характеристика июльских событий еще рельефнее подчеркивает слабые стороны восстания, недостаточную его радикальность, в чем крылись причины его относительно быстрого подавления.

Можно согласиться с Дживелеговым в том, что Салутати в какой-то степени писал с целью доказать свою лояльность правительству чомпи, однако от этого его характеристика действительной картины восстания нисколько не тускнеет и не может быть зачислена в разряд литературных фантазий.²²⁰

Ранее мы уже отмечали, что относительно мирный и бескровный характер восстания чомпи объяснялся великодушием победившего народа и его верой в силу пополанской конституции Флоренции.

Яркая характеристика положения Флоренции во время восстания, данная Салутати, расширяет и обобщает разрозненные данные хронистов и показывает, насколько это восстание было, как только что отмечено, недостаточно радикальным. В то время как «жирные» пополаны готовились к беспощадной расправе с «тощим» народом Флоренции, восставшие, которые, и по свидетельству Салутати, дошли до мысли о необходимости участия

в политической власти, вовсе не ставят вопрос о получении всей власти, и тем более подрыве мощи своих врагов — эксплуататоров. Лишь у некоторых богачей были сожжены дома скорее в порядке наказания особо ненавистных фамилий. Чомпи, естественно, и не ставили вопроса об отобраении средств производства, сукнодельческих и других мастерских, имущества и денежных капиталов. Все оставалось в руках прежних владельцев. От предпролетариев XIV в., каким являлись чомпи, нельзя ожидать таких шагов, для них не созрела еще историческая обстановка. При рассмотрении главных черт восстания чомпи необходимо учитывать, что восставший народ, естественно, и не думал об овладении материальной базой, на которой вырастает истинная власть. Это положение выражено в формуле Салутати: «Стоят в целости дома, стоят высокие дворцы, в сохранности богатства и почти у всех неприкосновенно имущество».

В то же время, будучи с первых дней июльских событий фактическими хозяевами Флоренции, изгнав из дворца приоров правительство «жирных» пополанов, восставшие не ставили вопроса о полном захвате политической власти и образовании правительства чомпи и цеховой массы. Они сохраняли в правительстве треть мест за «жирными» пополанами, членами старших цехов.

Все это проистекало из идеи классового мира, которая, несмотря на острую вооруженную борьбу, была свойственна чомпи на этом, июльском, этапе восстания. Они хорошо отличали бедных от богатых, но считали, что с последними можно жить в мире и в добром союзе на условиях политического равноправия. Такова была практика восставших, свидетельствующая о том, насколько примитивными по своей программе были ранние восстания средневекового предпролетариата. Так, еще при взятии дворца подеста, цеховые знамена, выставленные в окна дворца, как сообщает хронист, охраняли «и богатые, и бедные».²²¹

Мы уже говорили о том, что совместные действия чомпи и цехов при взятии дворца подеста не являлись свидетельством союза бедных и богатых. Единодушие в их действиях проистекало из естественного союза членов неполноправных *triba* старших цехов, рядовых ремесленников младших цехов и внецеховой массы чомпи. Именно эта цеховая масса и заставила верхушку старших цехов отдать цеховые знамена восставшему народу. Возможно, что представители цеховой верхушки, не принимавшие участия в штурме дворца подеста, появились там

²¹⁹ «*omnisque fuit de statu, non de preda contentio*» (Coluccio Salutati, стр. 290). Письмо К Салутати от 4 августа 1378 г. дается здесь в весьма колоритном переводе А. К. Дживелегова

²²⁰ Это положение нисколько не изменяется от наличия второго письма Салутати, связанного с историей восстания чомпи, но написанного позднее, 21 августа 1383 г. в совершенно иной обстановке и с другими целями.

²²¹ «*molta gente vi ste', richi e poveri, e ciascuno per guardare il suo confalone della sua arte*» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 75)

после его взятия, имея свои виды на дальнейший ход событий. Отсюда — появление во дворце «и богатых, и бедных».

Наиболее показательным в этом рассказе хрониста, сторонника чомпи, является его собственное отношение к такому своеобразному сочетанию противоположных социальных слоев народа, как бедные и богатые. Его не удивляет то, что они находятся под одной крышей и под одним знаменем. Таким во многом было на июльском этапе восстания и настроение чомпи, наивно веривших в возможность классового мира. Это было выражено в принципах формирования правительства из разнородных элементов: «жирных» пополанов, цеховых ремесленников и наемных рабочих.

Когда 22 июля был сформирован новый приорат, обычно неправильно именуемый правительством чомпи, тот же хронист, близкий к чомпи, считает одной из его положительных сторон то, что к нему по своим нуждам мог обратиться как бедный, так и богатый.²²² 28 июля, когда избирался новый состав правительственных советов и комиссий, в них вошли как бедные, так и богатые. Хронист считает эти выборы хорошими, так как ими «были довольны многие люди».²²³

Этот же автор хроники, отражающий взгляды чомпи, подводит своего рода теоретическую базу под эту практику, заявляя, что «каждый должен быть доволен и поэтому каждый должен принимать участие в исполнении должностей, так как граждане должны быть объединены».²²⁴

Следует подчеркнуть, что мирное отношение чомпи к «жирным» пополанам проявлялось только в тех случаях, когда последние шли вместе с ними. В ходе июльских событий «жирному народу», как правило, приходилось считаться с такими настроениями чомпи, так как последние были хозяевами положения и опирались на вооруженный народ.

Таким образом, идея классового содружества чомпи носила в себе элемент неравенства, основанного на фактическом преобладании чомпи и потере ведущих позиций «жирным народом». Чомпи допускали такое мирное содружество на условиях выполнения их программы. Хронист, симпатизирующий чомпи, поясняет, что в условиях объединения всех граждан должно было входить следующее важное требование: «... чтобы бедняк по-

²²² «... o cittadino povero, o ricco, si andava al signore confaloniere di giostizia» (там же, стр. 75).

²²³ «A questo scuittino furono in tutto uomini CCXX... e così v'andava il povero come il ricco... e così si fece il buono scuittino, che contentò molta gente» (там же, стр. 78).

²²⁴ «... e che ciascuno fosse contento, e perchè ciascuno avesse parte degli uffici; e perchè fossero uniti insieme i cittadini» (там же, стр. 76).

лучил свое, то, что ему положено, так как всегда только он нес расходы и никогда не имел доходов, как [имели его] богатые».²²⁵

Для XIV в. такого рода политический компромисс — при условии некоторого преобладания чомпи — свидетельствовал об относительно высоком политическом сознании наемных рабочих. Главное заключалось в том, что они стали на путь борьбы за политическую власть и добились участия в управлении государством. Когда хронист, сторонник чомпи, говорит о новых выборах, состоявшихся после изгнания приоров из дворца, и сообщает, что ими были «довольны многие люди», то это относится прежде всего к бесправным в прошлом чомпи и к рядовым ремесленникам, права которых во многих случаях были только номинальными.

«Так были проведены хорошие выборы, которыми были довольны многие люди, [ранее] никогда не принимавшие [участия в правительстве] и всегда [лишь] несшие расходы».²²⁶

Что же касается «жирных» пополанов, то они уже во время восстания не питали каких-либо иллюзий, не верили в дружбу с чомпи и лишь вынуждены были изображать из себя лояльных союзников. Хронисты, сторонники «жирных» пополанов, презрительно именовали чомпи и их союзников — мелких ремесленников «тощим» народом, «презренным народом Флоренции».²²⁷ Несмотря на то, что в новое правительство вошли не только чомпи и цеховые ремесленники, но и «жирные» горожане, сторонники последних — хронисты с ужасом и злобой говорили о народе, заполнившем дворец приоров: «Поразительно то, что теперь можно было видеть дом приоров, синьоров наших, — который в прежние времена был так чист и украшен, так почетен и так хорошо упорядочен, — безобразным от всяческой скверны, полным зловония и опозоренным от всяческого бесчестия, потерявшим порядок и лишенным какого бы то ни было

²²⁵ «... e che il povero avesse la sua parte, come gli tocasse; però che sempre hanno portato la spesa, e non ebbono mai niuno guadagno se non ricchi» (там же, стр. 76—77). Под выражением «получить свое» («avesse la sua parte»), судя по контексту, можно понимать и участие в правительстве («ciascuno avesse parte degli uffici» — там же, стр. 76), и право на увеличение своих материальных ресурсов (guadagno). Фраза хрониста об объединении граждан и о правах бедняков относится к целой серии мероприятий, перечисленных им (выборы правительства, амнистирование амнистированных, объединение правительственных советов и т. д.). М. А. Гукковский относит ее к итогам выборов в новую синьорию и переводит ее в более категорической форме («чтобы бедняк мог тоже жить как следует» — М. А. Гукковский. Итальянское Возрождение, стр. 186—187).

²²⁶ «... e così si fece il buono scuittino, che contentò molta gente, i quali non avevano mai auto parte d'ufficio e sempre erano stati alle spese» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 78).

²²⁷ «... gente minuta .. popolazzo di Firenze» (Ser Nofri, стр. 57).

добрého обычая, ощущать как он издает непристойное зловоние от самой башни своей; было отвратительно и неприятно видеть до чего он дошел». ²²⁸ Виною тому были, по словам хрониста, «мошеники, воры, шерстобиты, злоумышленники, народ разнуданный, всякие подонки». ²²⁹

Так писали хронисты, отсиживаясь в своих дворцах-крепостях, не произнося вслух этих презрительных слов, в страхе перед всеильными пока «злоумышленниками».

Определенная часть «жирного народа», уstraшенная и разгневанная победой чомпи, выжидала и готовилась «поставить их на место»

Другая же часть не сидела сложа руки и решила использовать чомпи в своих интересах, пользуясь тем, что они питали иллюзию о возможности мирного сосуществования наемных рабочих с их эксплуататорами, чомпи с «жирными» пополанами. Это была партия Восьми, потерявшая в июньские дни доверие у цехов и желавшая компенсировать свою потерю за счет союза с чомпи, которых они хотели использовать в своих целях

Партия Восьми представляла собой «жирных» пополанов, не желавших ждать и умевших использовать самые разнообразные средства, в том числе и подкуп

Особая линия Восьми обозначалась в самом начале июльских событий, еще во время штурма дворца подеста Приоры по просьбе подеста обратились к комиссии Восьми за военной помощью, но те ответили, что войска заняты в Романье. Когда приоры напомнили, что около 120 солдат охраняют дома членов комиссии Восьми, последние послали солдат в распоряжение приоров, но с таким опозданием, что пока эти солдаты прибыли в распоряжение приоров, дворец подеста уже пал. ²³⁰

Во время вооруженной демонстрации у дворца приоров представители партии Восьми выступали, как об этом уже говорилось, посредниками между правительством и народом, пытались решить вопрос компромиссным путем. ²³¹ Однако, вопреки тому, что «многие хронисты» упрекали комиссию Восьми и Сальвестро Медичи в том, что именно они толкали чомпи на восстание и руководили ими, ²³² чомпи в решительный момент не пошли на компромисс и потребовали удаления всего правительства из дворца. ²³³ Но и после этого Восемь остаются во дворце, советуя

приорам срочно покинуть его, поясняя, что даже стража против них и что она охраняет только помещение комиссии Восьми, как было договорено. ²³⁴

Таким образом, партия Восьми, будучи частью «жирного народа», фактически способствовала падению власти подеста и приоров и установлению новой власти.

Чомпи способствовали этим действиям партии Восьми. союз с которой казался им полезным и закономерным. Такой характер взаимоотношений чомпи с партией Восьми являлся конкретной формой, в которую выливалась их идея мирного сосуществования бедных и богатых. Требуя изгнания приоров из дворца, чомпи в то же время настаивали на оставлении там комиссии Восьми. ²³⁵

Сотрудничество с партией Восьми чомпи представляли как союз равноправных участников, однако при неременном условии выполнения программы чомпи, в то время как партия Восьми стремилась к содружеству всадника и коня, отводя себе роль опытного наездника

Поэтому, когда после изгнания приоров образовалось новое правительство, которое несмотря на свой компромиссный состав, начало проводить решительные мероприятия, Восемь, не получив ведущей роли, считали себя обиженными и обойденными, о чем свидетельствует хронист Аччаюоли и неизвестный автор так называемого «Дополнения» к его хронике.

«Когда приоры тощего народа, которые затем попросту назывались чомпи, как об этом рассказывалось ранее, получили власть, комиссия Восьми по делам войны казалось, что они обмануты, потому что не такие перемены были проведены в государстве, т. е. в управлении [им], [как они думали], а противоположные, и не таким способом, как они полагали, а [совершенно] иным», ²³⁶ «... их надежды и планы рухнули, так как тощий народ сам захотел быть хозяином». ²³⁷ Тот же автор говорит, что партия Восьми хотела возглавить все дела, «стать старшей всех», но этот ее план провалился. ²³⁸ Он уточняет, что Восемь хотели

²³⁴ « questi fanti, che voi avete quaggiu nella sala, non sono a vostra pitizione, anzi sono contro a voi Tutta la famiglia s'era nascosta nelle camere degli otto, come eglio avevano ordinato» (там же, стр 32)

²³⁵ «Rimanghuno li otto in palazzo e non altri» (там же, стр 31)

²³⁶ «Quando i priori del popolo minuto, che poi volgarmente si chiamorno i Ciompi, come narremo qui innanzi, ebbono la signoria, agli otto della guerra parve essere stati ingannati, perchè non si riformò la terra, cioè il reggimento, per quel modo come credevano, ma per lo contrario» (Aggiunte, стр 35)

²³⁷ «Ma la speranza e il pensiero fallì loro, perchè il popolo minuto volle essere signore lui» (A. Acciaiuoli, стр 33)

²³⁸ « credendovi far voi e maggiori; del qual pensiero vi venne fallito» (Aggiunte, стр 35).

²²⁸ Aggiunte стр 36

²²⁹ « fu gente ruffiana, barattieri, ladroni, battilana, mettitori di male, gente dissoluta e d'ogni male condizione » (там же)

²³⁰ A. Acciaiuoli, стр 27

²³¹ Там же, стр 30—31

²³² Там же, стр 25

²³³ Там же, стр 31.

заменить собой старых приоров, изменить в городе порядки по своему усмотрению. «Но ваш план не удался, — с удовлетворением отмечает автор, — и тощий народ не поверил вам ни в чем и захотел власти для самих себя».²³⁹

Действительно, фактическое господство чомпи, опирающихся на цеховую массу, не допустило захвата власти «жирными» поланами из партии Восьми, несмотря на то, что чомпи обманывались на счет истинных целей этой группировки.

Но если партии Восьми не удалось овладеть властью открыто и непосредственно, она прибегала все усилия к тому, чтобы оказать влияние на ход событий окольным путем. Еще во время выработки петиций в Сан Лоренцо одна из них, петиция цехов, была составлена под влиянием партии Восьми и включала многие из ее требований. Можно предполагать, что партия Восьми делала все возможное и для влияния на петицию чомпи, в частности в вопросе о составе синдиков чомпи. Можно предполагать, что появлению среди синдиков, избранных чомпи, такой личности, как Микеле ди Ландо, чомпи были обязаны агентам партии Восьми. Это подтверждается поведением Микеле с самых первых шагов его деятельности.

Обычно в работах, касающихся восстания чомпи, говорится, что о появлении Микеле ди Ландо нигде нет сведений. Это не совсем так. Действительно, до того как народ ворвался во дворец, о Микеле ди Ландо как об активном участнике восстания ничего не было известно. Поэтому появление его в списке синдиков, выдвинутых чомпи, трудно объяснить. Правда, в этом списке много иных имен, о которых также ничего нельзя сказать, однако они остаются безвестными и в дальнейшем, в то время как имя Микеле внезапно выдвигается на первый план.

Как сообщает хронист — сторонник чомпи, «некий Микеле ди Ландо» появился на площади перед дворцом, перед тем как туда вошел народ.²⁴⁰

У хрониста сер Нофри рассказывается, как Микеле ди Ландо было вручено знамя гонфалоньера справедливости. Этот рассказ представляется нам вероятным именно по отношению к человеку, который бы внесен в списки синдиков, но не участвовал в подготовке и проведении восстания. Когда «этот скверный народ» («il detto popolazzo»), как хронист называет чомпи, стал искать того, кто бы их возглавил, Микеле ди Ландо, который

принадлежал к их компании, но был, по словам хрониста, «намного лучше своих собратьев»,²⁴¹ заявил: «Хотите, чтобы я стал во главе дел ваших?» Ему ответили согласием. «Тогда дайте мне знамя гонфалоньера и следуйте за мной...»²⁴² Чомпи согласились. Микеле потребовал, чтобы они шли на определенном расстоянии от него, так как боялся, чтобы его не убили. «Так он взял знамя гонфалоньера и за ним последовал этот люд», — завершает рассказ хронист.²⁴³

Показательным является то, что враждебный чомпи хронист, современник этих событий, с похвалой отзывается о Микеле ди Ландо. Не менее примечательным представляется поведение Микеле, который боится чомпи и в то же время спешит получить у них знамя гонфалоньера, представляющее собой символ верховной власти республики. Весь этот эпизод, к которому не обращались исследователи, в том числе и Родолико,²⁴⁴ рисует Микеле ди Ландо как подставную фигуру хорошо обученного ставленника чуждой чомпи группировки.

Если эти предположения могут служить лишь материалом для характеристики Микеле ди Ландо, не будучи прямым доказательством его прямых связей с «жирным народом», то его дальнейшее поведение дает возможность определить, с какими именно кругами был он связан.

22 июля Микеле ди Ландо входит во дворец со знаменем главы правительства в руках, а за ним следует «тощий» народ и провозглашает его «синьором и гонфалоньером справедливости».²⁴⁵ Звонком всех колоколов на башне дворца приоров восставшие приветствовали «победу, связанную со взятием дворца, завоеванную в честь господ бога. Затем решили сделать все,

²⁴¹ «... fu buono da molto piu che suo pari» (Ser Nofri, стр. 57)

²⁴² «Ora datemi questo gonfalone e seguitemi...» (там же).

²⁴³ «E cosi prese il gonfalone, e fu seguito da questa total gente» (там же). Хронист ошибочно говорит о том, что после этого был взят дворец подеста; речь может идти только о дворце приоров.

²⁴⁴ Родолико пишет, что неизвестно, как знамя гонфалоньера справедливости попало в руки Микеле из рук Бетто ди Чьярдо (N. Rodolico. I Ciompi, стр. 132). Известно только то, как это знамя перешло из рук Чьярдо в другие руки. Однако это не имеет существенного значения, так как до образования нового правительства его носили в своих руках разные лица, которые тогда и не могли претендовать на какие-либо права. Вручение же знамени гонфалоньера после изгнания приоров было произведено в такой обстановке, когда его обладатель становился тем самым главой правительства. Именно поэтому партии Восьми было выгодно сделать ход при помощи такой подставной фигуры, как Микеле ди Ландо, в момент формирования нового правительства, а не до этого

²⁴⁵ Cronaca prima d'Anonimo, стр. 75.

²³⁹ «... credendo voi di rimanere signori... riformare la città a vostro modo per quel tempo paresse a voi. Ma il vostro pensiero venne manco, e non vi volle credere il popolo minuto di nulla cosa e volle la signoria per se» (там же, стр. 36).

²⁴⁰ «Allora si giunse in sulla Piazza uno Michele di Lando...» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 75).

что было необходимо для укрепления и освобождения тощего народа», — как пишет хронист, сторонник чомпи.²⁴⁶

Судя по данным Аччаюоли, кандидатура Микеле ди Ландо всплыла после того, как сорвался план ввести в приорат одного из ближайших сторонников Сальвестро Медичи, представителя партии Восьми — Джорджо Скали. Когда чомпи узнали о вызове во дворец Джорджо Скали, они выразили свое отрицательное отношение к этому, заявив, что «сами хотят быть хозяевами».²⁴⁷ Тогда-то и понадобился Микеле, которого, как бывшего чесальщика шерсти, человека из народа, чомпи могли признать своим. Не случайно Аччаюоли, закончив рассказ о неудачной попытке с Джорджо Скали, сразу же переходит к имени Микеле ди Ландо.²⁴⁸

В «Дневнике» неизвестного флорентийца раскрывается одна характерная деталь дальнейшего хода событий: как только приоры покинули дворец «опечаленные и жалкие» («tristi e dolorosi»), сразу же послали за Сальвестро Медичи,²⁴⁹ что, очевидно, было делом рук Восьми, так как помимо них во дворце не было никого.

Вряд ли без участия партии Восьми, того же вездесущего Сальвестро, мастера политической игры, умевшего вовремя появиться и вовремя уйти, первые два дня Микеле ди Ландо правил единовластно,²⁵⁰ несмотря на склонность чомпи к оформлению всех своих завоеваний законным путем. Можно предполагать, что при подписании первых указов Микеле его рукой водили опытные демагоги из партии Восьми, вроде Сальвестро Медичи.

Это предположение подтверждается очень точным в своих формулировках хронистом Стефани. Он рассказывает, как Микеле в первые дни своего единовластного правления рассылал указы «от имени гонфалоньера справедливости тощего народа, в его руках были дворец и власть, он казнил и миловал, владел ключами и запирали ворота города, писал письма и приказы от

²⁴⁶ «...per vettona ch'avevano auto il palagio, a onore di Dio Po'si ordinarono di fare cio che fosse di bisogno per loro fortezza e francamento del popolo minuto» (там же).

²⁴⁷ «...dissono, che non lo volevano, ma che volevano essere i signori eglino» (А. Аччаюоли, стр. 33).

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Diario d'Anonimo, стр. 368.

²⁵⁰ Стефани говорит, что Микеле ди Ландо единовластно управлял Флоренцией 22 июля и 23 до 3 часов дня (M Stefani, rubr. 795a, стр. 325), хронист, сторонник чомпи, приводит другой срок — два дня с третью (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 75), А Аччаюоли — более 28 часов (А. Аччаюоли, стр. 32), в неопубликованной хронике, хранящейся во флорентийской Риккардиане, говорится о 40 часах («dove stette solo l'ore quaranta...» — Diario di memorie, Riccardiana, 3628, л. 50r).

своего имени...»²⁵¹ Трудно представить себе бывшего чесальщика, а в дни восстания надсмотрщика над чомпи, который бы «писал письма» без помощи и влияния сидевших во дворце Сальвестро и его соратников из партии Восьми.

Стефани говорит, что когда во дворце собрался парламент, Микеле «взял власть» («prese balia»), будучи назначенным этим собранием «для того, чтобы осуществлять ее вместе с вышеназванными синдиками и с мессером Сальвестро Медичи и с комиссией Восьми...»²⁵²

Присоединяясь к положению М. А. Гуковского о Микеле как ставленнике «жирных» пополанов, мы считаем, что его можно распространить и на более ранний период деятельности Микеле, что подтверждают и другие источники.

Так, хронист — сторонник чомпи, веривший в добропорядочность Микеле, пишет, что «господь бог дал ему почет и победу».²⁵³ Он же наивно раскрывает картину работы парламента, на котором был решен вопрос «о добром гонфалоньере справедливости».²⁵⁴ Этот вопрос решался теми же представителями Восьми и «многими другими гражданами».²⁵⁵ Хронист обычно именуется чомпи «народом» (il popolo), поэтому речь идет, очевидно, о членах цехов разного достатка, в том числе и богатых: «...и бедные, и богатые шли к гонфалоньеру справедливости».²⁵⁶ Во время торжеств, связанных с установлением но-

²⁵¹ «...si mandò il bando da parte del gonfaloniere della giustizia del popolo minuto, e tenne il palagio e la signoria, e fece e disfece, e tenne le chiavi, e serrò la città, e scrisse lettere e comandamenti da sua parte.» (M. Stefani, rubr. 796a, стр. 325—326)

²⁵² «...e prese balia egli nominatamente di fare insieme con gli sindaci predetti e con messer Salvestro de' Medici e con gli Otto della Balìa...» (M Stefani, rubr. 796a, стр. 326). Буржуазный исследователь XIX в. Пьетро Орси считает счастливым случаем появление во главе чомпи Микеле, который, по его словам, был человеком здравого смысла и энергии. Он прямо говорит, что Микеле «избрал в качестве советников Сальвестро Медичи и др.» («Fortunamente Michele di Lando era un uomo di buon senso e di energia, scelse a consiglieri Salvestro de' Medici, Giovanni Dini ed altri partigiani del popolo» — P. Orsi, стр. 170). Необходимо отметить, что первым этот факт из хроник Стефани ввел в научный оборот М. А. Гуковский, который писал: «...это позволяет, кажется нам, поставить вопрос о том, не был ли Микеле с самого своего появления во главе революционного правительства ставленником, а может быть, прямо агентом Сальвестро Медичи и возглавляемой им группы представителей жирного народа» (М. А. Гуковский. Кто был истинным руководителем восстания чомпи, стр. 193).

²⁵³ «...Dio gli desse onore e vittoria» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 75).

²⁵⁴ «...del buono confaloniere di giostizia» (там же)

²⁵⁵ «...con gli otto della guerra, e molti altri cittadini...» (там же).

²⁵⁶ «...o cittadino povero, o ricco, si andava al signore confaloniere di giostizia» (там же)

вой власти, Микеле ди Ландо, под звуки труб и колокольный звон, вышел на балкон дворца приоров в окружении тех же Восьми.²⁵⁷

Таким образом, Микеле ди Ландо, который, возможно с момента составления списка синдиков чомпи, состоял на службе у «жирных» пополанов из партии Восьми, после вступления в должность гонфалоньера безусловно находился под их влиянием и в их окружении. Одной из показательных в этом направлении характеристик является следующий отрывок из «Записок о доме Медичи», хранящихся в Государственном архиве Флоренции: «Дворец был взят во главе с неким чесальщиком цеха Ланы из наиболее мятежной и низкой черни, которая и провозгласила его гонфалоньером справедливости, имя его было Микеле ди Ландо. Он взял знамя гонфалоньера с помощью немногих членов цеха, установил власть (верховенство), дающую почетные права наиболее низкому слою населения, каким является плебс. Получавший поддержку от тех, которые делали вид, что были добропорядочными людьми, более исходя из правил благоразумия и честолюбия, чем из их собственной склонности (и совести)».²⁵⁸

Несмотря на то, что автор хотел сделать все для опорочивания чомпи, здесь выступают те «немногие члены цеха» — «жирные» пополаны из партии Восьми, которые оказывали на Микеле ди Ландо всяческое воздействие, играя на его честолюбии и «благоразумии».

Одиозная фигура Микеле, предателя и провокатора, не заслуживала бы большого внимания, если бы с его деяниями не была связана судьба народной власти. Именно благодаря обходным маневрам «жирных» пополанов из партии Восьми власть чомпи до ее официального провозглашения была более полной и более однородной по своей социальной окраске, чем после утверждения правления Микеле. Несмотря на кажущуюся парадоксальность этого положения, его подтверждает сам ход событий.

²⁵⁷ Там же, стр. 75.

²⁵⁸ «Preso il Palazzo da uno scardassatore di Lana de più sedizioso ed dell'infima plebe, e questo fu fatto da loro Confaloniere di Giustizia, chiamato per nome Michele di Lando. Questo presa la bandiera del Confaloniere con l'aiuto di pochi artigiani, stabilì l'autorità [la sovranità] a distinzione della parte più vile, che è la plebe, la quale ebbe assistenza da coloro che finsero essere gente de bene, più per le regole della Prudenza, ed dell'ambizione, che per quelle della propria inclinazione [e coscienza]» (Memorie della Casa de'Medici. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 458, л. 15). В квадратных скобках отмечены наиболее существенные отличия в тексте другого списка этой же хроники, хранящейся в Ленинграде: Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ит. Q IV, 20, лл. 37—38. См. «Приложения», док. 6.

Характеристика Микеле важна поэтому не для полноты обрисовки его фигуры или внесения новых деталей в его биографию, а для выяснения всех сторон истории движения чомпи. Для этого мы привлекаем только неиспользованные в этом плане или неопубликованные архивные материалы. В письме Колуччо Салутати от 4 августа 1378 г. говорит, что он находится «в руках добрейших людей, которых его движение возвысило, которых, как мне кажется, избрал перст божественного могущества, чтобы падающую отчизну поддержать полной согласия, силами благоразумия и добротой милосердия... Одно скажу, что выплыли и были возвышены до высот управления республикой те, кто был необходим для всеобщего спасения».²⁵⁹ Можно не сомневаться, что, помимо подчеркивания своей лояльности по отношению к правительству, образованному в результате восстания, Салутати, отвечая на письмо Доменико Бандини, в тонкой, завуалированной форме сообщал в Аретцо о том, что правление Микеле ди Ландо направлено на то, чтобы из-за восстания «падающую отчизну» поддержать «полнотой согласия» с «жирными» пополанами из партии Восьми. Можно полагать, что именно это сочетание и удовлетворяет бессменного канцлера флорентийской республики. Микеле, как представитель победивших чомпи, и Сальвестро, как вожак не желающих уступать богачей, — вот те необходимые для «спасения» Флоренции люди, которые, согласно Салутати, возвысились до кормила правления государством.

Для более полной характеристики роли Микеле ди Ландо следует обратиться к двум-трем весьма показательным свидетельствам.

Леонардо Бруни Аретино в своей «Флорентийской истории», написанной в 40-х годах XV в., пишет, что «если бы не доблесть и стойкость Микеле, гонфалоньера справедливости, который оказывал им («разнузданным желанием бедняков», — как он говорит в другом месте, — В. Р.) сопротивление, город был бы до конца опустошен. Этот человек, несмотря на то, что он был рожден людьми самого низкого состояния и был ремесленником, однако я осмелюсь сказать, что повелением божьим был он в эти опасные времена провозглашен правителем республики, так как он всегда выступал против бесчестной жадности «тощего» народа и толпы, всегда он сдерживал их, проти-

²⁵⁹ «In benignissimorum hominum, quos iste motus evexit, manus incidi quos michi videtur divine potentie digitus elegisse, ut rumentem, nescio quomodo, patriam integritate concordie, prudentie viribus et clementie benignitate fulcissent... Unum dicam, quod emerserunt et ad tante sunt republice gubernacula sublimati, quos oportuit pro salute cunctorum» (Colluccio Salutati, стр. 291).

вой власти, Микеле ди Ландо, под звуки труб и колокольный звон, вышел на балкон дворца приоров в окружении тех же Восьми.²⁵⁷

Таким образом, Микеле ди Ландо, который, возможно с момента составления списка синдиков чомпи, состоял на службе у «жирных» пополанов из партии Восьми, после вступления в должность гонфалоньера безусловно находился под их влиянием и в их окружении. Одной из показательных в этом направлении характеристик является следующий отрывок из «Записок о доме Медичи», хранящихся в Государственном архиве Флоренции: «Дворец был взят во главе с неким чесальщиком цеха Ланы из наиболее мятежной и низкой черни, которая и провозгласила его гонфалоньером справедливости, имя его было Микеле ди Ландо. Он взял знамя гонфалоньера с помощью немногих членов цеха, установил власть (верховенство), дающую почетные права наиболее низкому слою населения, каким является плебс. Получавший поддержку от тех, которые делали вид, что были добропорядочными людьми, более исходя из правил благоразумия и честолюбия, чем из их собственной склонности (и совести)».²⁵⁸

Несмотря на то, что автор хотел сделать все для опорочивания чомпи, здесь выступают те «немногие члены цеха» — «жирные» пополаны из партии Восьми, которые оказывали на Микеле ди Ландо всяческое воздействие, играя на его честолюбии и «благоразумии».

Одиозная фигура Микеле, предателя и провокатора, не заслуживала бы большого внимания, если бы с его деяниями не была связана судьба народной власти. Именно благодаря обходным маневрам «жирных» пополанов из партии Восьми власть чомпи до ее официального провозглашения была более полной и более однородной по своей социальной окраске, чем после утверждения правления Микеле. Несмотря на кажущуюся парадоксальность этого положения, его подтверждает сам ход событий.

²⁵⁷ Там же, стр. 75.

²⁵⁸ «Preso il Palazzo da uno scardassatore di Lana de più sedizioso ed dell'infima plebe, e questo fu fatto da loro Confaloniere di Giustizia, chiamato per nome Michele di Lando. Questo presa la bandiera del Confaloniere con l'aiuto di pochi artigiani, stabilì l'autorità [la sovranità] a distinzione della parte più vile, che è la plebe, la quale ebbe assistenza da coloro che finsero essere gente de bene, più per le regole della Prudenza, ed dell'ambizione, che per quelle della propria inclinazione [e coscienza]» (Memorie della Casa de'Medici. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 458, л. 15). В квадратных скобках отмечены наиболее существенные отличия в тексте другого списка этой же хроники, хранящейся в Ленинграде: Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ит. Q IV, 20, лл. 37—38. См. «Приложения», док. 6.

Характеристика Микеле важна поэтому не для полноты описания его фигуры или внесения новых деталей в его биографию, а для выяснения всех сторон истории движения чомпи. Для этого мы привлекаем только неиспользованные в этом плане или неопубликованные архивные материалы. В письме Колуччо Салутати от 4 августа 1378 г. говорит, что он находится «в руках добрейших людей, которых его движение возвысило, которых, как мне кажется, избрал перст божественного могущества, чтобы падающую отчизну поддержать полной согласия, силами благоразумия и добротой милосердия... Одно скажу, что выплыли и были возвышены до высот управления республикой те, кто был необходим для всеобщего спасения».²⁵⁹ Можно не сомневаться, что, помимо подчеркивания своей лояльности по отношению к правительству, образованному в результате восстания, Салутати, отвечая на письмо Доменико Бандини, в тонкой, завуалированной форме сообщал в Аретцо о том, что правление Микеле ди Ландо направлено на то, чтобы из-за восстания «падающую отчизну» поддержать «полнотой согласия» с «жирными» пополанами из партии Восьми. Можно полагать, что именно это сочетание и удовлетворяет бессменного канцлера флорентийской республики. Микеле, как представитель победивших чомпи, и Сальвестро, как вожак не желающих уступать богачей, — вот те необходимые для «спасения» Флоренции люди, которые, согласно Салутати, возвысились до кормила правления государством.

Для более полной характеристики роли Микеле ди Ландо следует обратиться к двум-трем весьма показательным свидетельствам.

Леонардо Бруни Аретино в своей «Флорентийской истории», написанной в 40-х годах XV в., пишет, что «если бы не доблесть и стойкость Микеле, гонфалоньера справедливости, который оказывал им («разнузданным желанием бедняков», — как он говорит в другом месте, — В. Р.) сопротивление, город был бы до конца опустошен. Этот человек, несмотря на то, что он был рожден людьми самого низкого состояния и был ремесленником, однако я осмелюсь сказать, что повелением божьим был он в эти опасные времена провозглашен правителем республики, так как он всегда выступал против бесчестной жадности «тощего» народа и толпы, всегда он сдерживал их, проти-

²⁵⁹ «In benignissimorum hominum, quos iste motus evexit, manus incidi quos michi videtur divine potentie digitus elegisse, ut rumentem, nescio quomodo, patriam integritate concordie, prudentie viribus et clementie benignitate fulcirent... Unum dicam, quod emerserunt et ad tante sunt republice gubernacula sublimati, quos oportuit pro salute cunctorum» (Colluccio Salutati, стр. 291).

водействуя, предупреждая и порицая их злонамеренные желания».²⁶⁰

Микеле ди Ландо выступает здесь как активный противник чомпи, ставший во главе республики «повелением божьим» при активном содействии «жирных» пополанов из партии Восьми.

Хроника, которая хранится в архиве дворца Медичи во Флоренции, дает краткое, но выразительное дополнение к этой характеристике: «Чернь вооружилась и, действуя силой, заняла дворец. Синьоры и гонфалоньеры вынуждены были уступить превратностям судьбы, покинуть дворец и отдать весь город, правление и государство во власть самому низкому плебсу и чомпи, которые вручили высшую должность Микеле ди Ландо, чесальщику, человеку хотя и низкому и из презренного сословия, но заслуживавшему похвалы всех писателей, которые сохранили память об этих временах».²⁶¹ И здесь Микеле ди Ландо противопоставляется народу, чомпи.

Неизвестный автор «Дневника памятных событий, происшедших в городе Флоренции», хранящегося во флорентийской Риккардиане, говорит, что «Микеле ди Ландо был чесальщиком, но с благородной душой».²⁶² После бегства приоров он был объявлен гонфалоньером справедливости, «один стоял во главе государства сорок часов и от своего имени издавал указы и управлял всем, и заметь, что был этот Микеле добрым и разумным гражданином и другом флорентийской знати, в то время как если бы он последовал... за народом и низами, и они лишали бы знать имущества и жизни, и развалили бы отечество, но названный Микеле со своим умом, искусством и талантом... (хотя и был) чесальщиком, но с благородной душой».²⁶³

Здесь Микеле ди Ландо выступает в качестве ставленника «жирных» пополанов, борца за сохранение отечества золотого флорина.²⁶⁴

²⁶⁰ Leonardo Aretino, стр. 473.

²⁶¹ «... l'Infima Plebe si armò, e per forza occupò il Palazzo, et i Signori, ed il Gonfaloniere furono forzati cedere alla mala Fortuna ed abbandonare il Palazzo, e lasciar tutta la Città, e Governo, e statò di quella in potere dell'ultima Plebe, e da Ciompi, la quale messe nel supremo Magistrato Michele di Lando, scardassiere, uomo benchè basso e vile di Condizione, molto lodato da tutti gli scrittori, che di quei tempi fanno memoria...» (Comentarii Civili Riccardiana, 3251, стр. 22v).

²⁶² Diario di memorie. Riccardiana, 3628, лл. 50r—51v.

²⁶³ Там же. См. «Приложения», док. 3

²⁶⁴ Отношение господствующих классов к Микеле ди Ландо наиболее рельефно выражено в словах синдика (мэра) Флоренции Убальдино Перурци. Когда в 70-х годах XIX в. флорентийские рабочие подали петицию о наименовании одной из улиц именем Микеле ди Ландо, он ответил «Вы об этом просите потому, что Микеле был вождем чомпи, а мы бы

Истинная роль и социальное лицо Микеле ди Ландо раскрылись в литературе постепенно, хотя до сих пор нельзя считать этот вопрос изученным до конца. Корацини в свое время сочинил его героическую биографию.²⁶⁵ Фоссати доказательно развенчал эту историческую легенду.²⁶⁶ Родолико в своей ранней работе, вышедшей еще в конце прошлого столетия, справедливо замечает, что истоки восстания чомпи, период подготовки к восстанию чомпи²⁶⁷ должны рассматриваться независимо от какого бы то ни было героя, будь то Джованни да Прочида или Микеле ди Ландо.²⁶⁸ Это в целом правильное замечание не снимает вопроса об изучении роли и деятельности конкретных личностей в период восстания, независимо от того, были ли они истинными вожаками или лжегероями. В своей второй работе, связанной с периодом после восстания чомпи, Родолико обращается к фигуре Микеле и говорит о нем, как о простом чесальщике шерсти (un semplice scardassiere).²⁶⁹ В 1934 г. в статье «Микеле ди Ландо», помещенной в «Итальянской энциклопедии», Родолико пишет, что Микеле происходил из семьи «тощих» пополанов и был рабочим цеха Ланы «и возможно чесальщиком шерсти».²⁷⁰

Более определенно о нем говорит Джино Скарамелла в своей статье «Чомпи», помещенной в 1931 г. в той же энциклопедии. Он пишет, что Микеле был «фактором цеха Ланы в мастерской Алессандро Альбиззи»,²⁷¹ что действительно соответствует данным хронистов.

Наиболее подробная характеристика Микеле ди Ландо, основанная главным образом на материале хроник и частично на официальных документах, дана в последней работе Родолико, посвященной чомпи. В этой книге показано, что Микеле ди Ландо был чесальщиком шерсти до восстания чомпи, а ко времени восстания уже состоял на жаловании в сукнодельческой мастерской

так решили потому, что он их разбил» (А К Дживелегов. Восстание чомпи и гуманисты, стр. 425). В нынешней буржуазной Флоренции в первой нише Нового рынка, в центре города, красуется фигура Микеле ди Ландо со знаменем в руках.

²⁶⁵ G. Corazzini, стр. XLVIII и сл.

²⁶⁶ P. C. Fossati, стр. 174, 191—195.

²⁶⁷ «... quel periodo di feconda preparazione del tumulto» (N. Rodolico. Il Popolo minuto, стр. 4).

²⁶⁸ «independentemente da un Giovanni da Procida, da un Michele di Lando, da un eroe qualsiasi» (там же, стр. 6) Джованни да Прочида, согласно легенде, — вождь народного восстания 1282 г. известного под названием «Сидиллийской вечерни».

²⁶⁹ N. Rodolico. La democrazia fiorentina, стр. 200.

²⁷⁰ N. Rodolico. Michele di Lando.

²⁷¹ «... un fattore di lana di un officio di Alessandro degli Albizzi, Michele di Lando...» (G. Scaramella. Ciompi, стр. 384—385).

Альбицци в качестве надсмотрщика над чомпи.²⁷² Поэтому внезапное появление во дворце приоров «35-летнего, а может быть и несколько более молодого», чомпо,²⁷³ в обуви на босу ногу²⁷⁴ было инсценировано умелыми режиссерами от политики.

Родолико, внимательно исследуя хроники, выяснил происхождение Микеле ди Ландо: его мать работала прачкой во флорентийской тюрьме Стинке, а также торговала зеленью, как и жена Микеле. Наиболее важным в этих биографических сведениях является социальное положение Микеле ди Ландо, который во время восстания принадлежал уже к ненавистному чомпи слою, который К. Маркс образно именовал «унтер-офицерским» составом мануфактурных мастерских.

Родолико привел все эти материалы наиболее подробно и обоснованно, хотя не им первым они были введены в научный оборот. Первым об этом сказал Джино Каппони в своей «Истории Флорентийской республики», вышедшей еще в 1875 г. Он привел выдержку из хроники Стефани, в которой говорится, что во время восстания Микеле был надсмотрщиком над чесальщиками шерсти в мастерской Алессандро ди Никколо, а до этого сам был чесальщиком шерсти. Каппони разъяснил, что хозяин Микеле — Алессандро — был из фамилии Альбицци.²⁷⁵

Еще в 1897 г. Альфред Дорен в своей работе о флорентийских цехах писал: «Бывший чесальщик шерсти, позднее „фактор“, Микеле ди Ландо...»;²⁷⁶ «Он осуществлял в одной мануфактуре надсмотр над чесальщиками шерсти еще до того, как вспыхнуло восстание».²⁷⁷ В своей другой большой работе, вышедшей в 1901 г. и специально посвященной флорентийскому сукноделию XIV—XVI вв., Дорен, изучая положение наемных рабочих в центральных мануфактурах, говорит о надсмотрщиках (*fatori sopra i lavoratori*), под контролем которых работали чомпи. Иногда надсмотрщики происходили из самих наемных рабочих, как Микеле ди Ландо, чаще подбирались из учеников с тем, чтобы впоследствии вступить в цех и принимать участие в прибылях владельцев мануфактур.²⁷⁸

Таким образом, социальное положение Микеле ди Ландо, которого с легкой руки Макиавелли позднейшие историки сделали

центральной фигурой движения чомпи, было установлено Дореном задолго до Родолико.

Несмотря на ставшую бесспорной после скрупулезных доказательств Родолико характеристику социального лица Микеле ди Ландо, многие, в том числе и итальянские, буржуазные ученые продолжают называть его чесальщиком шерсти, чомпо, рабочим, не учитывая последних точных данных исторической науки.

Подобно тому, как в старых работах Феррари,²⁷⁹ Карло Чиполла²⁸⁰ или Пьетро Орси,²⁸¹ Микеле ди Ландо именуется чесальщиком шерсти, рабочим-шерстяником, так и в работах буржуазных ученых последних лет он выступает в таком же социальном наряде. Луиджи Сальваторелли называет его «чомпо, Микеле ди Ландо»,²⁸² Буржен²⁸³ и Нино Валери²⁸⁴ — «чесальщиком шерсти». Только некоторые из буржуазных историков, вроде Антонио Панелла, называя Микеле чесальщиком, «вожаком безумных», туманно намекают, что он состоял на жалованьи «фабриканта-сукнодельца»,²⁸⁵ не уточняя, получал ли он эту плату как рабочий или как служащий-надсмотрщик.

Советские историки также обращались к исследованию этого вопроса. А. К. Живелегов в своей статье «Флоренция», помещенной в «Энциклопедическом словаре» Граната, на основе литературы, вышедшей на Западе до 1921 г., называет Микеле ди Ландо «молодым чесальщиком шерсти».²⁸⁶ П. П. Фридолин, несмотря на то, что ему хорошо были известны основные источники, не говоря уже об исследованиях Дорена, к которому он обращался специально, писал: «22-го июля встал во главе Флоренции чесальщик шерсти Микеле ди Ландо...»²⁸⁷ Он же называл Микеле среди «простых людей» — вожаков чомпи.²⁸⁸ Эту характеристику Микеле он не исправил к 1942 г.²⁸⁹ В статье М. А. Гукковского (вышедшей в 1939 г.), в которой в принципе правильно решен вопрос о роли Микеле ди Ландо, он все же именуется

²⁷⁹ «Michel Lando, ouvrier en laine» (I. Ferrari, стр. 504).

²⁸⁰ «... lo scardissiere» (C. Cipolla, стр. 198).

²⁸¹ «... cardatore di lana» (P. Orsi, стр. 170).

²⁸² «... un ciompo, Michele di Lando» (L. Salvatorelli, стр. 314—315).

²⁸³ «... le cardeur de laine Michel Lando» (P. Bourgon, стр. 57).

²⁸⁴ «... lo scardassiere Michele di Lando (di Orlando), favorito dal popolo...» (N. Valeri, стр. 223).

²⁸⁵ «Guidava i forsennati uno scardassiere... Si chiamava Michele di Lando ed era a salario presso un fabbricante di panni» (A. Panella, стр. 127).

²⁸⁶ А. К. Живелегов. Флоренция, стр. 169.

²⁸⁷ П. П. Фридолин. Восстание Чьомпи, стр. 27.

²⁸⁸ Там же, стр. 34.

²⁸⁹ П. П. Фридолин. Восстание Чьомпи, Тезисы... стр. 8.

²⁷² N. Rodolico. I Ciompi, стр. 131.

²⁷³ «... di età d'anni XXXV o meno» (Lettera d'Anonimo, стр. 143).

²⁷⁴ «... era in iscarpetta senza calze» (A. Acciaiuoli, стр. 33).

²⁷⁵ G. Carroni, стр. 348.

²⁷⁶ «... ehemaligen Wollkämmer, spätern „Faktors“. Michele di Lando»

(A. Doren. Entwicklung und Organisation der florentiner Zünfte, стр. 85; на стр. 84 он его также правильно именуется фактором).

²⁷⁷ «Er fürte in einer Manufaktur die Aufsicht über die Wollkämmer als der Astand ausbrachte» (там же, стр. 86, прим.).

²⁷⁸ A. Doren. Die florentiner Wolltuchindustrie, стр. 221.

чесальщиком шерсти.²⁹⁰ При описании восстания чомпи в книге того же автора, вышедшей в 1947 г., мы также видим, как во главе чомпи «идет оборванный, в туфлях на босу ногу, со „Знаменем справедливости“ в руках чесальщик Микеле Ландо, рослый и красивый молодой парень».²⁹¹

В статье Н. Ратнера, вышедшей в 1941 г., Микеле ди Ландо фигурирует как «малоизвестный чесальщик шерсти».²⁹²

В книге автора, вышедшей в 1951 г., на основании источников было доказано, что Микеле ди Ландо во время восстания чомпи был надсмотрщиком над чомпи, а не чесальщиком шерсти.²⁹³ Это положение было вскоре использовано в учебной литературе.²⁹⁴

Установление социального положения Микеле ди Ландо имеет большое значение для определения тех обстоятельств, в которых проводились мероприятия возглавленного им правительства.

Согласно требованиям, изложенным в петиции чомпи, правительство составлялось из трех прослоек горожан: «жирных»

²⁹⁰ М. А. Гуковский. Кто был истинным руководителем восстания чомпи, стр. 191.

²⁹¹ М. А. Гуковский. Итальянское Возрождение, стр. 186.

²⁹² Н. Ратнер, стр. 89.

²⁹³ В. И. Рутенбург. Очерк, стр. 166—172. В 1941 г., исходя из замечаний Каппони, Дорена и Скарамелла о Микеле ди Ландо как надсмотрщике, я обратился к изучению этого вопроса, однако эта работа была прервана войной до 1946 г. В последующие два года на основе внимательного прочтения всех хроник, связанных с восстанием чомпи, особенно Стефани, Питти, «Первой анонимной хроники», «Дневника» неизвестного флорентийца, «Хроники» Аччаюоли, «Письма безымянного автора» (Дж. Медичи) и других, мне удалось подтвердить положение Дорена и Дж. Скарамелла о Микеле ди Ландо как надсмотрщике над чесальщиками шерсти и расширить его, собрав об этом все имеющиеся в источниках материалы. Они были включены в работу, законченную в 1948 г. и защищенную в 1949 г. в качестве кандидатской диссертации, подготовленную затем в виде монографии, вышедшей в 1951 г. (В. И. Рутенбург. Очерк). С работой Родолико, вышедшей в 1945 г., мне удалось ознакомиться с опозданием на несколько лет, так как она несвоевременно была получена библиотеками СССР. По прочтении книги я должен был установить, что мои исследования, касающиеся социального положения Микеле ди Ландо совпадают в целом с анализом Родолико, который привлек в основном те же источники. Лишь в двух случаях Родолико не дает ссылок на источники, использованные мной (N. Rodolico. I Ciompi, стр. 164), а в третьем случае я пользовался источником, хранящимся в Ленинграде. Некоторые дополнительные данные Родолико были мной введены в мою книгу, когда она находилась уже в наборе (В. И. Рутенбург. Очерк, стр. 172). Независимо от того, что автор в 1946—1948 гг. пришел к установлению социального положения Микеле ди Ландо самостоятельно, приоритет в этом вопросе, естественно, сохраняется за Родолико, так как он установил его ранее.

²⁹⁴ В. Ф. Семенов, стр. 207.

пополанов, цеховых ремесленников и чомпи, по 3 человека от каждой категории.²⁹⁵ Если учесть, что одним из трех представителей чомпи был связанный с «жирным народом» Микеле, то можно считать, что фактически из 9 приоров чомпи имели в правительстве только 2 представителя: чесальщиков шерсти Леончино ди Франкино и Боннаккорзо ди Джованни.²⁹⁶ Среди «Двенадцати добрых мужей» было также два чесальщика шерсти, Лоренцо ди Пуччо Камбини и Бонаюто ди Иоанни, среди 16 гонфалоньеров городского ополчения — 2 чесальщика, Лоренцо ди Рикверо и Анджело ди Биндо, 1 аппретурщик и 1 промывальщик.²⁹⁷ Таким образом, как в правительстве, так и его комиссиях чомпи представляли явное меньшинство.

Интересна обстановка выборов и способ избрания правительства. Хронист, симпатизирующий чомпи, говорит о том, что приоры были названы присутствовавшими людьми.²⁹⁸ Можно полагать, что это относится не к способу избрания, а ко времени составления списков кандидатов на избрание, которые помещались в избирательную урну (borsa).

Сами же выборы происходили обычным традиционным путем. По указанию Микеле ди Ландо все синдикаты цехов и синдикаты чомпи избирали приоров при помощи бобов: черные бобы опускались — за, белые — против. Микеле сам называл имена кандидатов в приоры по списку, который был у него, заявляя: «Вот: за тех, кого вы хотите и кто вам мил и нравится, бросайте черный боб, а кто нет — белый».²⁹⁹

Нельзя утверждать, но можно предполагать, что в какой-то мере и здесь партия Восьми через гонфалоньера, более суток правившего только при ее содействии, оказала какое-то влияние на состав нового правительства.

Родолико считает явной заслугой Микеле ди Ландо его единоличное правление в первые дни победы, в тот переходный момент, когда еще не был оформлен новый приорат. Он считает, что в период созыва парламента, а затем полномочной комис-

²⁹⁵ Формально 3 человека от 7 старших цехов, 3 — от 14 младших и 3 — от вновь организованных цехов.

²⁹⁶ M. Stefani, rubr. 797a, стр. 386. У других хронистов можно встретить различные, хотя более или менее сходные, варианты списков приоров и их профессий, но во всех списках, кроме Микеле, встречаются два чесальщика; у Аччаюоли один из них именуется чесальщиком Боннаккорзо ди Ланьеро (A. Acciaiuoli, стр. 33), у хрониста, сторонника чомпи, — Боннаккорзо дель Чимберо (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 76).

²⁹⁷ M. Stefani, rubr. 797a, стр. 386.

²⁹⁸ «... così si chiamaro a boce otto priori, signori priori chiamati a bocca» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 76).

²⁹⁹ «A la fine il gonfaloniere della Giustizia recò una iscritta, dov'erano su iscritti, e disse: „Ecco: que'vogliano e caro l'e e piace metta la fava nera e chi no, metta la bianca“» (Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 114).

сии — балии и избрания правительства, Микеле проявил здравый смысл попола. Этот «здравый смысл» заключался в том, что Микеле, который, по Родолико, был «личностью способной и благоразумной», действовал не только по собственной инициативе, но и пользуясь советами других, что, как считает Родолико, не уменьшает его заслуг.³⁰⁰

К этому пояснению Родолико нечего добавить, кроме того, что такое поведение Микеле было заслугой не перед чомпи, а перед «жирными» пополанами, и оно вполне удовлетворяло последних, как и современных буржуазных авторов, которые, не отрицая того, что «чомпи также были творцами истории»,³⁰¹ довольны, однако, тем, что некоторые из их официальных представителей шли на поводу у «жирных» пополанов.

Состав нового приората не дает оснований безоговорочно именовать его правительством чомпи, как это делают все историки чомпи, так как в нем даже формально было только три их представителя, а фактически не более двух.

Независимо от состава правительства представители чомпи, опираясь на вооруженный народ и апеллируя к нему, могли бы подчинить себе большинство приората. Об этом можно судить по предшествующему периоду, когда вооруженный народ добился утверждения своей программы, направленной против «жирных» пополанов, синьории, возглавляемой Гвиччардини, несмотря на то, что она целиком состояла из представителей «жирного народа».

Поэтому о том, в какой мере приорат Микеле ди Ландо можно считать правительством чомпи, следует судить только по его практической деятельности.

Очень показательно, что первый декрет правительства Микеле ди Ландо, изданный вечером 22 июля 1378 г., требовал, «чтобы никто, какого бы состояния и происхождения он ни был, не должен наносить оскорбления ни нашему подеста, ни мессеру капитану народа, ни мессеру исполнителю, под страхом лишения имущества и жизни, чтобы тощий народ не наносил обиды при своей бешеной грубости ни одному из этих трех правителей».³⁰²

Если бы это был декрет правительства чомпи, он бы предупреждал об ответственности прежде всего врагов чомпи — «жир-

³⁰⁰ «... persona abile e prudente», «non ne diminuisce il merito» (N. Rodolico. I Ciompi, стр. 133).

³⁰¹ Там же, стр. XVI.

³⁰² «E la sera, alle XXII ore di di, mando il Gonfaloniere della giustizia un bando, e da parte de' Consoli dell'Arte minute, che niuna persona di che stato o condizione si sia non debbia fare villania al nostro Podestà ni a messere l'Eseguitore, a bando dell' avere e della persona, acciò che l' popolo minuto non facesse loro in quella furia villania a niuno di que'tre rettori...» (Diario d'Anonimo, стр. 369).

ных» пополанов, грандов. В этом же декрете только в общей форме говорится о всех категориях горожан, но предупреждается о суровой ответственности именно «тощий» народ, который только что победил и считал приорат своим правительством. Правительство «тощего» народа, т. е. чомпи, твердо решившее проводить в жизнь свою программу, не нуждалось бы в таком декрете. Здесь также чувствуется рука «жирных» пополанов, которые через гонфалоньера пытались на первых же порах деятельности нового правительства приостановить дальнейший ход событий, затушить пыл восставшего народа, обуздать и утихомирить его. В первом декрете Микеле ди Ландо раскрывается вся сущность его политики.

Несмотря на такую политику правительства Микеле ди Ландо, ему пришлось приступить к выполнению некоторых важных требований чомпи, так как они были реальной силой, могущей оказать влияние на политику. Даже первый декрет синьории Микеле ди Ландо об охране правительственных особ, очевидно, был воспринят массой чомпи как требование об уважении к должностным лицам, облеченным доверием самим «тощим» народом.

Наиболее важным декретом нового правительства было решение о создании новых цехов для внецеховой массы наемных рабочих и неполноправных членов старших цехов (Ланы и др.). Тем самым правительство выполняло одно из основных требований, зафиксированных еще в петициях и, по сути дела, означавших предоставление наемным рабочим политических прав.

К. Маркс в своих выписках приводил весьма убедительную оценку Каппони, которую последний дает решению об образовании новых цехов: «Они сразу же создали 3 новых цеха и консулат, первый — портных, курточников, стригальщиков и парикмахеров (тоже стригальщики?), второй — цех и консулат кардовщиков и красильщиков; третий — чомпи, или тощего народа. Это было сигналом для других ремесел, которые были подчинены главным цехам, чтобы подняться против тех, кто старше их, или для учеников — против их бесправного положения в цехах...»³⁰³

Это мнение Каппони в принципе верно: теперь внецеховая масса и члены второстепенных membra организовано противостояли своим хозяевам. Это придавало им большую силу, однако было много других, приводящих обстоятельств, ослаблявших лагерь чомпи. Некоторая неточность этого мнения Каппони заключается в том, что membra других, кроме Ланы, цехов не только поднялись против своих старших membra внутри сво-

его цеха по примеру вновь образованных цехов, но и входили в один из трех из них, как мы это увидим.

Родолико, ссылаясь на Стефани и автора «Первой анонимной хроники», доказательно пишет о том, что мысль об образовании трех цехов, очевидно, возникла позднее, между 25 и 31 июля, так как в петициях шла речь о создании одного цеха «тощего» народа.³⁰⁴ Состав этих трех цехов четко определяет Стефани, а анонимный хронист, симпатизирующий чомпи, дает о них интересные и достаточно подробные сведения.

Первый цех Стефани называет цехом чомпи (*l'Arte de' Ciompi*), поясняя, что это не являлось его официальным названием.³⁰⁵ О названии цеха можно судить по более поздним документам, где он именуется цехом «тощего» народа или «божьего народа»,³⁰⁶ хотя последнее название прилагалось ко всем трем вновь образованным цехам. Хронист, сторонник чомпи, говорит о составе этого цеха так: «В первый новый цех входили все, кто принадлежал к цеху Ланы».³⁰⁷ Сюда входили чесальщики шерсти, шерстобиты, аппретурщики, переносчики шерсти и сукон, обрабатывавшихся в красильных мастерских и мастерских по растягиванию сукон, ткачи и другие, всего около 9 тысяч человек. На их знамени был изображен ангел со шпагой в руке и с крестом³⁰⁸ — символ чомпи, по традиции сохраняемый ими еще со времени правления герцога Афинского.

Второй из вновь образованных цехов обычно именуют цехом красильщиков, хотя сюда входили, кроме них, мыловары, кардовщики, чистильщики и промывальщики, некоторые категории ткачей и т. д.³⁰⁹ Красильщики были основной частью этого цеха, что, в частности, выражалось в распределении числа консулов цеха: из 12 консулов красильщики имели наибольшее количество консулов — четыре.

Социальный состав этого цеха качественно отличался от первого цеха. Цех чомпи был корпорацией наемных рабочих. Цех красильщиков включал в свой состав ремесленников из цеха Ланы, не являвшихся полноправными членами этой корпорации — *altri membri di lana*, как определял Стефани.³¹⁰ Этот цех

³⁰⁴ N. Rodolico. *I Ciompi*, стр. 140.

³⁰⁵ M. Stefani, rubr. 797a, стр. 327.

³⁰⁶ «*Illa tertia Arte populi minuti sive Populi Dei*» (*Provvigione dell' 11 settembre 1378*; стр. 600). «...*pro populi Dei*» (там же, стр. 599). На эти документы ссылается и Родолико (N. Rodolico. *I Ciompi*, стр. 141—142).

³⁰⁷ «*La prima arte nuova si furono ciascuno che stava ad arte di lana*» (*Cronaca prima d'Anonimo*, стр. 77).

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ Там же.

³¹⁰ M. Stefani, rubr. 797a, стр. 327.

имел зеленое знамя с изображением руки со шпагой и надписью «Справедливость» («*Giustizia*») на ней.³¹¹

Третий новый цех — цех портных, чулочников, парикмахеров, а также работавших в мастерских по растягиванию сукон, стригальщиков и др.

По своему характеру этот цех был таким же, как и цех красильщиков: в него входили ремесленники разных цехов, главным образом таких, как Сэта и Калимала, не являвшиеся полноправными членами этих цехов.³¹²

Символом этого цеха было белое знамя и на нем рука с оливковой ветвью в обрамлении рукава из красного сукна. Хронист называл это рукой господней, протянутой с неба.³¹³ В двух последних цехах числилось, очевидно, около 4 тысяч человек.³¹⁴

Эти три новых цеха дополняли формально состав младших цехов, которых вместо 14 теперь становилось 17. Всего во Флоренции теперь насчитывалось 24 цеха. Эти цехи не были равны в отношении их политических прав, так как 7 старших цехов имели столько же мест в правительстве, сколько и 14 младших, и столько же мест имели 3 новых цеха. Теоретически преимущество было на стороне 3 вновь образованных цехов, однако это преимущество не было решающим. Всякое решение в правительстве можно было провести 6 голосами старых цехов против 3 новых. К тому же среди трех вновь образованных цехов не было и не могло быть социального равенства и полностью совпадающих интересов. Во время восстания наемные рабочие, получившие теперь свой цех, были союзниками второстепенных цехов Ланы и других старших цехов, которые теперь получили собственные цехи и добились полноправия. Это были цеховые ремесленники — собственники орудий производства, которые, став теперь в политическом отношении на одну ступень со всеми мастерами Ланы и других цехов, получили реальную возможность ослабить свою экономическую зависимость от мастеров старших цехов. Это, например, относилось к красильщикам, которые, как уже указано в начале этой главы, вели многолетнюю борьбу за свои права против полноправных мастеров цеха Ланы.

Итак, члены цехов красильщиков и портных добились своих целей, к которым они стремились, участвуя в восстании, и теперь

³¹¹ *Cronaca prima d'Anonimo*, стр. 77.

³¹² «...*altri membri ch'erano prima con altre Arti*» (M. Stefani, rubr. 797a, стр. 327).

³¹³ *Cronaca prima d'Anonimo*, стр. 77.

³¹⁴ «*E così s'accrescerono l'arti minute 13 migliaia d'uomini*» (там же). Здесь речь идет о всех трех новых цехах, в то время как о первом сказано: «...*egono per numero d'uomini novemila*» (там же). Таким образом, 9 тысяч необходимо вычесть из 13 тысяч.

им в меньшей степени был нужен союз с чомпи. Они отныне, естественно, входили в единый блок младших цехов, который после поражения восстания стал управлять Флоренцией, при активном участии двух новых цехов, более трех лет. Образование новых цехов фактически привело чомпи к потере союзников, а вскоре и к превращению бывших союзников во врагов.

Чомпи, получив свой цех, а значит и право участия в правительстве, добились своей цели, но эта цель была иллюзорной, так как равенство ремесленников-собственников и наемных рабочих было невозможным. В этом чомпи вскоре убедились на собственном горьком опыте.

Итак, образование цеха чомпи было в принципе верным требованием, ибо оно ставило целью таким способом добиться политических прав, но оно не давало победившим наемным рабочим политического преобладания. Последнее могло быть только в случае передачи всей власти или хотя бы большинства голосов в правительстве единственному цеху, который противостоял всем остальным, — цеху чомпи. Этого не давала также и избирательная комиссия (Commissione dello squittino), в которой состояли приоры, члены коллегий, 24 синдика цеха, 32 синдика чомпи и 64 их помощника (agroti), что, может быть, и обеспечивало большинство «тощему» народу, как пишет Родолико,³¹⁵ но лишь формальное. Полное овладение властью наемными рабочими могло бы произойти лишь в случае провозглашения их единовластия, к чему чомпи на этом этапе восстания не пришли и что вообще было неосуществимо в обстановке Флоренции XIV в.

Главное же заключалось в том, что истинного полновластия чомпи не могло быть, так как средства производства — мастерские шерстяников, сукноделов, шелкоткачей, денежные капиталы, земли и дома — находились главным образом в руках членов тех 7 старших цехов, которые по новой конституции, вошедшей в силу в результате победы чомпи, владели лишь тремя головами в правительстве. Фактически в экономике «жирный народ» оставался хозяином, а в политике делал все возможное для изоляции и ослабления чомпи.

Наиболее рельефно эта ситуация проявилась в вопросе о работе сукнодельческих мастерских после победы чомпи.

Во время восстания многие владельцы мастерских бежали из Флоренции или были заняты охраной собственных домов. Мастерские были закрыты, и чомпи не работали. Поэтому, естественно, что одним из первых решений нового правительства было требование об открытии мастерских

24 июля, в тот же день, когда происходило торжественное празднование, посвященное избранию нового приората и на площади теснились тысячи чомпи и ремесленников с оружием в руках,³¹⁶ был издан декрет об открытии сукнодельческих мастерских. Чомпи должны были существовать и для этого начать работу, сменить арбалеты и копья на карды для чесания шерсти.

Этот декрет гласил, что «все должны открыть свои склады, лавки и мастерские и заниматься своим ремеслом»³¹⁷

Обычно пишут о том, что все мастерские были закрыты и решение повисло в воздухе.³¹⁸

Родолико, обращаясь к той же хронике, находит в ней существенные уточнения³¹⁹ «... многие мастерские не открылись... открылось около 20 мастерских».³²⁰ Следует уточнить, к какому времени относятся эти сведения хрониста. Обе эти фразы относятся к 24 июля, так как последняя следует сразу же за рассказом о торжественном праздновании по случаю образования нового правительства, а первая значит под 24 июля. Это весьма характерно для обстановки, в которой происходила реализация требований чомпи. Правительство приняло решение, тем самым как бы выполняя эти требования, они проводились в жизнь, но в таких масштабах и в такой форме, что, по сути дела, срывались. Трудно сказать чего тут было больше предательства или намеренной бездеятельности. Скорее всего здесь было сочетание того и другого. Это была сознательная политика «жирного народа», который, владея средствами производства, мог держать победителей в петле голода.

Мастерские открывались крайне медленно. Так, после декрета 24 июля, хронист пишет, что 26 июля «начали открывать мастерские, но не все»³²¹. Это характерное сообщение не приво-

³¹⁶ Diario d'Anonimo, стр. 370

³¹⁷ «... ch ogni persona dovesse aprire i loro fondachi e botteghe, e fare loro misterii» (там же)

³¹⁸ В статье А. К. Дживелегова говорится «Фабриканты из Лана просто закрыли свои боттеги и разъехались по виллам» (А. К. Дживелегов Флоренция стр. 171). У Н. Ратнера сказано «Несмотря на постановление синьории об открытии магазинов и о восстановлении работ в суконном производстве, мастерские суконщиков оставались закрытыми» (Н. Ратнер, стр. 90). М. А. Гуковский пишет «Предприятия, лавки, конторы ростовщиков закрыты на замок в бурные дни конца июля, так и не открылись» (М. А. Гуковский Итальянское Возрождение стр. 187). П. П. Фридолин приводит выдержки из хроники, в которых говорится, что в ответ на решение правительства «ничего не было сделано» (П. П. Фридолин Восстание Чомпи, стр. 48).

³¹⁹ N Rodolico I Ciompi, стр. 146

³²⁰ «... che le botteghe s'aprissono funne aperte forse XX per tutto, e a pena» (Cronaca seconda d'Anonima, стр. 114)

³²¹ «E le botteghe si cominciaro ad aprire, ma no tutte» (там же, стр. 115).

дятся ни одним исследователем, а оно как нельзя лучше показывает методы саботажника «жирного народа» и предательской деятельности связанного с ним Микеле: не давать чомпи повода для открытого возмущения, выполнять их требования, но таким способом, чтобы фактически они были сорваны.

Давление чомпи на правительство, очевидно, заставляло его принимать дальнейшие меры для открытия мастерских и предоставления работы голодающим победителям. Через четыре дня после первого декрета, 28 июля, правительство издает декрет об открытии мастерских оружейников.³²² 1 августа правительство снова заявляет, что «все купцы и ремесленники, во имя господ-бога, могут и должны производить свои занятия и открыть свои склады, лавки и мастерские, и торговать с успехом».³²³ 3 августа опять появляется решение правительства, в котором говорится, что «все шерстяники должны производить 2000 кусков (сукна) в месяц, хотя бы они этого или нет, под угрозой серьезного наказания».³²⁴ 9 августа правительство требует немедленного возвращения во Флоренцию покинувших ее, под страхом перевода их в гранды и сверхгранды.³²⁵ Конечно, это прежде всего касалось богатых горожан — владельцев мастерских, укрывшихся в своих вилах и не выполнявших решение правительства.

Почти полная безрезультатность этих декретов выступает из самих формулировок: в первом из них просто говорится о долге, во втором на помощь призывается господь-бог, в третьем появляется угроза серьезного наказания, в четвертом — предупреждение о полном лишении политических прав.

Не менее характерным был декрет об организации народного ополчения, которое было создано в течение трех дней, между 25 и 28 июля,³²⁶ «для еще большего усиления тощего народа», как писал хронист — сторонник чомпи.³²⁷ В нем насчитывалось 1500 арбалетчиков (*balestrieri*), разделенных на отряды по 25 человек в каждом. Все они были расписаны по четырем кварталам города с тем, чтобы отряды каждой из них по очереди в течение

³²² Diario d'Anonimo, стр. 371.

³²³ «...tutti mercatanti e artefici, nel nome di Dio, possono e debbono fare i loro esercizi, d'aprire i loro fondachi e artefici, e fare le loro mercanzie con buona ventura» (там же, стр. 371—372).

³²⁴ «...che tutti i lanaiooli dovessero fare MM panni il mese, sotto gran pena, o volessono o non» (Cronaca terza d'Anonimo, стр. 130).

³²⁵ Diario d'Anonimo, стр. 372—373.

³²⁶ Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 114—115; Cronaca prima d'Anonimo, стр. 77.

³²⁷ «...per più loro aforzamento del popolo minuto (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 77). Хронист, противник чомпи, говорит: «...для усиления их государства» («...per forticamento di loro istato» — Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 114).

двух суток охраняли площадь Синьории в дневное время. Прочие важные пункты охранялись днем и ночью особо.³²⁸ Каждый арбалетчик получал плату от правительства в размере 13 сольдов в день. Это жалование ненамного превышало нищенскую оплату чомпи. Если же учесть, что за те дни, когда арбалетчики не несли службы, им платили меньше, то пребывание в этой почетной правительственной охране не обеспечивало им минимального прожиточного минимума. Хронисты говорят о том, что арбалетчики вынуждены были закладывать свое оружие ростовщикам.

Через 10 дней после торжественного смотра арбалетчиков,³²⁹ когда проходили «красивые и хорошо вооруженные отряды», только что получившие первую оплату,³³⁰ правительство вынуждено было издать строгий указ, запрещавший ростовщикам давать арбалетчикам заем под заклад оружия под угрозой 10 лир штрафа, по образному выражению хрониста, «за каждый кусок оружия»,³³¹ т. е. за каждый арбалет.

Таким образом, идея народного ополчения, сама по себе имевшая огромное значение для укрепления народной власти, была искажена благодаря невероятно низкой оплате ополченцев, из-за которой эта воинская сила становилась недееспособной.

И здесь мы наблюдаем пышную декларацию о создании народной армии, проведение смотров, официальное объявление о выплате денег арбалетчикам, проведение этой выплаты на площади Синьории.³³² Все это делалось для того, чтобы убедить народ в благих намерениях правительства и поддерживать его уверенность в том, что программа выполняется, а его права охраняются его собственной вооруженной силой. Фактически народная армия слабела и распадалась.

Естественно, что в правительственных инстанциях были истинные представители чомпи, которые при проведении всех этих мероприятий, делали, очевидно, все возможное для их действительной реализации, но все это наткнулось на скрытое противодействие «жирных» пополанов и на предательство.

³²⁸ Cronaca prima d'Anonimo, стр. 77. Другой хронист говорит об одной тысяче арбалетчиков и некотором количестве других войск, цифра у него пропущена (Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 114—115). Третий — только об одной тысяче арбалетчиков (Diario d'Anonimo, стр. 371).

³²⁹ Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 115.

³³⁰ «...fu tenuta una bella brigata e bene armata» (Diario d'Anonimo, стр. 371).

³³¹ «...che niuno prestatore debba o possa prestare sopra niun'arme di niuno balestriere... pagerà per ciascum pezzo d'arme lire dieci, e non se ne riceverà niuna scusa» (там же, стр. 373)

³³² Там же, стр. 374.

фактическое свертывание сукнодельческой промышленности не только лишало чомпи заработка, но и ставило город на грань финансовой катастрофы. Правительство вынуждено было объявлять о сборе налогов. Еще 27 июля было объявлено о том, что все, кто внесет необходимые налоги до середины августа, не будут подлежать штрафу.³³³ Этот льготный срок, очевидно, устанавливался в связи с тем, что налоги поступали туго благодаря тому же систематическому противодействию прежде всего «жирных» пополанов, многие из которых, как уже сказано, совсем покинули город.

В начале августа правительство объявило о сборе крупного налога в 40 тысяч золотых флоринов³³⁴ и вскоре — еще о налоге в 25 тысяч золотых флоринов.³³⁵

С таким же трудом поступали налоги и из контадо. Поэтому 9 августа правительство объявило о снижении сельскохозяйственных налогов на одну треть,³³⁶ хотя этот акт можно рассматривать также как необходимую реакцию правительства на требования крестьян контадо (*i lavoratori della terra*), которым были знакомы забастовки и сговор против своих хозяев.³³⁷ Возможно, что это решение было связано с необходимостью поощрения сельскохозяйственной деятельности, так как наряду с финансовыми затруднениями город испытывал явную нехватку хлеба. Одним из самых первых декретов правительства, 24 июля 1378 г., было решение о свободной продаже зерна и муки без всякого обложения (*sanza gabella*) на ближайшие шесть месяцев.³³⁸ Но эта льгота была, очевидно, недостаточной для решения проблемы продовольствия. 9 августа правительство решительно заявило, что тот, кто имеет пшеницу или овес, должен доставить их во Флоренцию под угрозой потери зерна.³³⁹ 13 августа издается распоряжение правительства, запрещающее вывозить зерно из контадо,³⁴⁰ что заставляет предполагать, что запасы зерна вывозились не из контадо во Флоренцию, а в обратном направлении — к границам республики 18 августа это

³³³ Там же, стр. 371.

³³⁴ По сведениям одного хрониста, 7 августа (*Cronaca seconda d'Anonimo*, стр. 116), другого — 11 августа (*Diario d'Anonimo*, стр. 372).

³³⁵ *Cronaca seconda d'Anonimo*, стр. 116.

³³⁶ «... tutti contadini allibrati dovessero pagare la loro libra meno il terzo del loro estimo ch'era loro imposto» (*Diario d'Anonimo*, стр. 373).

³³⁷ О положении крестьян флорентийского контадо см.: N. Rodolico. *Il Popolo minuto*, стр. 95—97, 175—179; G. Renard, t. II, стр. 80—86; см также выше, стр. 4—5, 9, 36, 40, 45.

³³⁸ *Cronaca seconda d'Anonimo*, стр. 114.

³³⁹ *Diario d'Anonimo*, стр. 373.

³⁴⁰ Там же, стр. 274.

распоряжение повторяется,³⁴¹ что свидетельствует о невыполнении предыдущего указа.

Таким образом, и в этом направлении мероприятия правительства не выполнялись. И здесь главными виновниками саботажа были те же «жирные» пополаны, которые в XIV в. были не только хозяевами загородных вилл, но и многих крупных земельных владений. В удушении города голодной блокадой принимали участие и гранды, владевшие своими поместьями.

Это был фактически блок грандов и определенной части «жирного народа», близкого по своему социальному составу к группировке гвельфской партии, той части ее, которая не желала идти на какой-либо компромисс с восставшими и не полагалась на использование их силы в своих интересах.

Другая группировка «жирных» пополанов, собиравшаяся вокруг партии Восьми, пыталась использовать лозунги восстания и усилиться, учитывая сложную ситуацию.

По сути дела, обе эти группировки «жирных» пополанов стремились к одному: ликвидировать все завоевания чомпи и полностью восстановить власть «жирного народа».

Однако различие в их политике и тактике играло существенную роль. Группировка партии Восьми ведет относительно последовательную линию на подрыв феодального землевладения и близкого к нему землевладения *potentes* из гвельфской партии. Еще при правительстве Микеле ди Ландо началась систематическая продажа имуществ и земель мятежников, главным образом грандов. Уже 27 августа 1378 г. правительство объявило о продаже имуществ мятежников (*beni di rubelli*).³⁴²

В Ленинграде хранятся фрагменты «Книги предложений», внесшихся приором и гонфалоньеру справедливости,³⁴³ начиная с 1 сентября 1378 г. В одном из официальных решений от 7 декабря 1378 г. говорится о подтверждении продажи имуществ и земель мятежников и о дальнейшей продаже имуществ и земель Лапо ди Кастильонкьо.³⁴⁴ Решения принимаются и в следующие годы, вплоть до 1381 г. Покупателями обычно являются «жирные» пополаны. Так, например, 7 декабря 1378 г. дом, принадлежавший Кастильонкьо в Сан Ремиджи, был куплен пополаном Лоренцо Бони.³⁴⁵

³⁴¹ Там же.

³⁴² Там же, стр. 376.

³⁴³ «... Nunc est liber continentes in se propositorum, exertionum, protestationum, licentiae, diversae scriptae et actae» *Liber continentes in se propositorum*. (Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР, Зап.-европ. секция, 3/173, л. 1).

³⁴⁴ «... domini Lapi de Castiglionchio rebelli et exbanniti» (там же).

³⁴⁵ Там же.

Таким образом, правительство, образованное в результате восстания чомпи, объективно действовало в направлении подрыва феодального землевладения, а значит и феодальных отношений.

Поскольку эта политика не была эпизодической и продолжалась годами, она не могла не оставить глубокий след в экономике флорентийского государства. Учитывая, что чомпи были активными участниками разгрома гвельфской партии в июне и до конца июля поддерживали представителей партии Восьми, нужно признать, что в отношении подрыва феодальных отношений восстание чомпи сыграло прогрессивную роль. Тем самым выполнялась программа чомпи, среди пунктов которой было требование полного восстановления «Установлений справедливости», провозглашавших лишение грандов политических прав.

Все эти мероприятия правительства, поднявшегося на высокой волне восстания предпролетариата, выполнялись определенным составом соответствующих учреждений республики. 31 июля были сожжены все старые избирательные списки, и в избирательных ящиках появились новые, с включением кандидатов из чомпи и цеховой массы, это привело к некоторой демократизации управления. К тому же, как правильно отмечает Родолико, в составлении избирательных списков решающую роль теперь должны были играть 32 синдика чомпи и 64 приданных им помощников (argoti).

Но Родолико и многие другие авторы не учитывают того, что должностные лица, назначенные правительством и приносившие ему присягу, не подлежали прохождению через избирательную комиссию. Более того, часто правительство не производило новых назначений, а лишь официально переутверждало их, принимая от них присягу. 28 июля правительство приняло решение о том, что все подеста, кастелланы и другие должностные лица должны принести клятву приорам, после чего они могут продолжать исполнять свои прежние обязанности.³⁴⁶

Характерным примером, подтверждающим сохранение старого состава правительственного аппарата, является деятельность дипломатического аппарата правительства Микеле ди Ландо. Из «Регистра послов», хранящегося в Государственном архиве Флоренции, явствует, что многие дипломатические представители республики, назначенные еще до июльского восстания, сохраняли свои посты во время гонфалоньерата Микеле, а некоторые и позднее. Так, например, Алессандро дель Антелла был назначен представителем Флоренции при папе еще

15 мая 1378 г. и оставался на этом посту, по крайней мере, до 13 ноября 1378 г.³⁴⁷ Чиприано Альберти был назначен посланником в Арrezzo 5 июля 1378 г. и оставался на этом посту до 14 сентября 1379 г.³⁴⁸ Стольдо Альтовити был представителем при папском дворе с 15 мая по 13 сентября,³⁴⁹ и т. д. Новые назначения, производившиеся в июле, показывают, что состав дипломатических представителей республики, по сути дела, не изменился: назначения получали выходцы из семей «жирных» пополанов, владевшие соответствующим образованием и опытом.³⁵⁰

Таким образом, восстание чомпи не привело к существенному изменению личного состава правительственных инстанций. Наряду с компромиссным составом правительства это был существенный фактор, способствовавший тому, что программа чомпи выполнялась крайне медленно, а часто лишь формально.

Все это вместе взятое привело к безотрадному положению, которое красочно описал хронист Стефани: «Народ томился от голода, так как мастерские были на запоре, а если и бывали открыты, то не работали, так как Лана не хотела делать ничего, и чомпи, которые хотели получить все должности, не имели ничего для пропитания...»³⁵¹ Таков был итог июльского этапа восстания. Положение чомпи, добившихся организации правительства, где впервые в истории сидели их представители, оказалось крайне сложным. Ставка на равенство оказалась битой, иллюзия чомпи о сотрудничестве «жирных» и «тощих» оказалась несостоятельной. Чомпи предстояло выбирать между голодной смертью и новой борьбой.

³⁴⁷ Registro di ambasciatori. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti 287.

8.

³⁴⁸ Там же, л. 28.

³⁴⁹ Там же, л. 107.

³⁵⁰ Там же, лл. 42, 115.

³⁵¹ «Ed essendo il popolo arrabiato di fame, perchè le botteghe quasi stavano serrate, e se stavano aperte non lavoravano, e la Lana non voleva fare nulla, di che questi Ciompi volevano tutti gli ufici, e non avieno di che manicare...» (M. Stefani, rubr. 799a, стр. 328).

³⁴⁶ «... giurare l'ufficio loro nelle mani di nostri Signori» (Diario d'Anonimo, стр. 371).

Глава шестая

ВОССТАНИЕ ЧОМПИ

(августовский этап)

«... и должны они находиться во дворце приоров, чтобы ни одно дело, касающееся государства, не проводилось бы без их решения».

(Стефани. Флорентийская хроника).¹

Чомпи избрали путь борьбы. Это было вполне естественно, так как они считали себя хозяевами положения, которые вправе и в силах добиться реализации своей программы.

В июльские дни чомпи видели, как реализуется их программа в декрете нового правительства о создании трех цехов, о народном ополчении и другие, но уже в первой половине августа они могли убедиться в том, что все эти мероприятия не принесли им ни политических преимуществ, ни материального благополучия. На горьком опыте чомпи познали слабые стороны своей июльской программы и методов ее реализации.

Хронист, сторонник чомпи, красочно выразил итоги июльского этапа, плачевный результат которых они полностью ощутили во второй половине августа: «Вам [«тощему» народу] не достанется никакого дела в управлении, так как они [«жирный народ»] все делают для себя, и подносят вам ко рту пустую ложку; поэтому изыскивайте способ исправить это положение».² И чомпи стали его искать.³

¹ «... stessero in palagio de' Priori, e che niuna Cosa che tocasse alla città, non si facesse senza la diliberazione di costoro» (M. Stefani, rubr. 802a, стр. 330—331).

² «Voi non averete a fare nulla in gli ufici, imperocchè tutti costoro gli vorranno per loro; e v'imboccano col cucchiaino voto; e però trovate modo di disfargli» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 79).

³ Августовские события достаточно подробно изложены в работах: N. Rodolico. La democrazia fiorentina, стр. 192—195; П. П. Фридо-

25 августа обычно указывается в работах о восстании чомпи как первая дата нового этапа восстания.⁴

Установление даты начала августовского этапа имеет важное значение потому, что это был самый короткий и в то же время наиболее насыщенный событиями отрезок восстания чомпи.

К тому же при современном состоянии источников о восстании чомпи нельзя допускать произвольных дат тех или иных событий. Дата 25 августа, которая довольно прочно закрепилась в специальной литературе, не имеет под собой прочных оснований.

Можно определенно сказать лишь о том, что в двадцатых числах августа подозрения чомпи по отношению к их представителям в правительстве Микеле ди Ландо и их возмущение его действиями привели их к мысли о необходимости проведения сборищ, на которых они обсуждали положение дел и искали способ исправить это положение».

Материалы процесса Чирри сообщают о том, что чесьальщик Пьеро Чирри вместе с Лукой Мелани, Бартоломео ди Лоренцо, которого в просторечии называли Мео дель Грассо (т. е. сын жирного, толстяка), и другими при участии гранда Луки ди

лини. Восстание Чьомпи, стр. 49—52; N. Rodolico. I Ciompi, стр. 149—174. Поэтому ограничимся характеристикой главных черт августовского этапа.

⁴ Я его условно называю августовским, так как важнейшие события этого этапа относятся к августу. В такой же мере и предыдущие этапы условно были названы июньским и июльским, так как переломные моменты народного движения происходили в эти месяцы, хотя их дальнейшее развитие протекало и в последующие месяцы. П. П. Фридолин приводит 25 августа как несомненную дату (П. П. Фридолин. Восстание Чьомпи, стр. 50). Эту же дату приводит как совершенно определенную Н. Ратнер (стр. 91 и др.), хотя ссылается при этом на материалы процесса Пьеро Чирри, в которых нет указания на день и число («loco et tempore in dicta inquisitione contentis» — Atti del Capitano del Popolo del 1379, стр. 442). Эта дата не сохранилась, так как материалов процесса 1378 г. в архиве нет. Документ проверен нами в Государственном архиве Флоренции. Материалы процесса Чирри, происшедшего в декабре 1379 г., представляют собой источник первостепенной важности для характеристики этого периода. 25 августа можно найти у хрониста — сторонника чомпи, но он связывает эту дату с событиями, которые, очевидно, были позднее (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 79). На некоторую неточность дат этого хрониста указывал еще Герарди (A. Gherardi. Documenti di storia italiana, стр. 377). Родолико еще в 1905 г. определил эту дату как весьма возможную — «come probabilissima» (N. Rodolico. La democrazia fiorentina, стр. 193), а М. А. Гуковский в 1939 г. также дает приемлемую формулировку, говоря, что события, связанные с новой организацией сил чомпи, произошли, по-видимому, 25 августа (М. А. Гуковский. Кто был истинным руководителем восстания чомпи, стр. 194). Правда, в более поздней работе, которая не была специально посвящена чомпи, о 25 августа говорится в категорической форме (М. А. Гуковский. Итальянское Возрождение, стр. 188).

Тотто да Панцано деи Фиридоли собралась на поле за монастырем, расположенном в Ольтарно, на окраине картьеры Сан Спирито, именуемой Камальдоли. С ними было более 200 человек чесальщиков шерсти (*de Arte Scardazeriorum*) и их сторонников. Там были избраны «Восемь святых божьего народа» (*li Otto Santi de la Balia del Popolo de Dio*), которые представлялись им как бы фактическим правительством Флоренции («*quasi dominos totius civitatis Florentie*»).⁵ Дата этого собрания остается неизвестной, хотя можно определенно сказать, что это произошло до 27 августа, как это отмечено Родолико.⁶ Можно предполагать, что оно было не единственным, что до этого были проведены совещания вожаков. М. А. Гуковский предполагает, что руководящее ядро собиралось «во второй половине августа».⁷ Я полагаю, что лучше говорить о двадцатых числах этого месяца.

Принципиальное значение этого собрания состоит, во-первых, в том, что уже здесь чомпи выступили особо от двух прочих новых цехов, которые через несколько дней резко отделились от них и открыто их предали. Материалы процесса Чири говорят об однохарактерном составе этого собрания. Это были члены цеха чомпи, главным образом чесальщики шерсти.⁸ Наблюдения Фридолина о присутствии здесь красильщика Николао Бетти свидетельствуют, конечно, о том, что «к ним примыкали, несомненно, и *minuti* из других цехов»,⁹ но это не меняет положения о составе собрания. Чомпи, чесальщики шерсти, будут основной и почти единственной силой всех дальнейших событий августовского этапа, что дает право считать этот период восстанием чомпи в узком смысле слова.

Второй принципиально новой стороной августовского этапа, проявившейся уже на этом первом собрании в Камальдоли, является создание правительства чомпи — «Восьми святых божьего народа».¹⁰ В результате более чем неэффективной деятельности

⁵ *Atti del Capitano del Popolo del 1379*, стр. 441—442. Термин «*la Balia*» включает понятие власти, иногда полновластия, в узком смысле слова комиссии, облеченной властью.

⁶ N. Rodolico. *La democrazia fiorentina*, стр. 193.

⁷ М. А. Гуковский. *Итальянское Возрождение*, стр. 188.

⁸ «... eorum sequacium numero ducentorum de Arte Scardazeriorum et ultra» (*Atti del Capitano del Popolo del 1379*, стр. 441).

⁹ П. П. Фридолин. *Восстание Чьомпи*, стр. 50.

¹⁰ *Atti del Capitano del Popolo del 1379*, стр. 442—443. Данные о выборах «Восьми божьего народа» можно установить только из сочетания материалов процесса Чири и хроник. Все хроники, например, говорят о выборах Восьми в Санта Мариа Новелла, в приговоре же, очевидно, более точно сказано о выборах их на поле в Камальдоли. В связи с тем, что Восемь избрали постоянным местом своего пребывания помещение капеллы Аччаюоли во внутреннем дворе монастыря и церкви Санта Мариа Новелла,

компромиссного правительства Микеле ди Ландо, в котором наемные рабочие не смогли обеспечить защиту своих интересов, чомпи на собственном опыте пришли к убеждению о необходимости создать свой полновластный правительственный орган (*quasi dominos totius civitatis*). В ближайшие дни эта мысль была доведена у чомпи до логического конца.

Поскольку основные положения новой августовской программы чомпи были приняты в Камальдоли, мы будем условно именовать все их требования, оформленные затем в петицию, программой Камальдоли. Это представляется нам вполне закономерным еще и потому, что авторами программы, обсуждавшейся и в общих чертах принятой в Камальдоли и затем записанной в Санта Мариа Новелла, были люди одного и того же социального круга — чомпи, главным образом чесальщики, т. е. наемные рабочие.

Об этом свидетельствуют как официальные, так и нарративные источники. В приговоре Чири говорится о чесальщиках, собравшихся в Камальдоли и обсуждавших там свою программу.¹¹ В хронике сер Ноффри рассказывается об обсуждении в Санта Мариа Новелла петиции «людом, называемым чомпи, который состоял из чесальщиков и наемных рабочих и им подобных».¹²

Принцип избрания Восьми соответствовал правилам формирования приората: от каждой картьеры города выделялось по два представителя.¹³ Как вокруг приората создавались коллегии и назначались другие должностные лица специальных назначений, так и при правительстве чомпи были избраны 16 советников и помощников, 4 нотариуса и 3 камерария.¹⁴ Все советники, как и члены верховного органа «Восьми святых божьего на-

все хронисты считают, что там они и были избраны и даже именуют их «Восьмью святой Марии Новеллы» («*gli Otto di S. Maria Novella*» — M. Stefani, rubr. 802a, стр. 330). Возможно, что после решения в Камальдоли это правительство чомпи было оформлено в Санта Мариа. Название «Восьмью святых» было взято из иронического прозвища военной комиссии Восьми, фактическая власть которой оказалась весьма прочной. В противовес Восьми «жирного народа», чомпи создали свою полновластную комиссию Восьми «божьего народа». Последний термин относился ко всем трем новым цехам, но в конце августа он фактически олицетворял только наемных рабочих — чомпи.

¹¹ «... eorum sequacium numero ducentorum de Arte Scardazeriorum...» (*Atti del Capitano del Popolo del 1379*, стр. 442).

¹² «... raguno in Santa Maria Novella di questa gente, che si chiamavano i ciompi, che erano scardassieri e lavoranti e simili...» (Ser Nofri, стр. 58).

¹³ «... si chiamassoro otto uomini, due per quartiere» (Cronaca primo d'Anonimo, стр. 79).

¹⁴ «... elessono sedici uomini per loro consiglieri e compagni, e guatro notai, e tre camarlinghi» (Lettera di N. Bonifazii, стр. 152).

рода», были избраны исключительно из «тощего» народа.¹⁵ Они хотели, как говорит хронист, чтобы эти Восемь «имели бы полную власть»,¹⁶ т. е. пользовались бы уважением и правами правительствующего органа. Другой хронист пишет, что все было сделано, чтобы они были окружены почетом и могли бы успешно выполнять свои обязанности.¹⁷ Было принято решение, согласно которому эти Восемь и их советники должны были систематически избираться в качестве постоянного правительственного органа каждые два месяца, как и приорат. Этот правительственный орган чомпи также должен по этому решению находиться во дворце приоров для того, «чтобы ни одно дело, касающееся государства, не проводилось бы без их решения».¹⁸ Все решения должны были приниматься приорами и затем после утверждения «Восьми святых божьего народа» идти на рассмотрение коллегий и советов. Без санкции Восьми решения приората должны были считаться недействительными.¹⁹

Таким образом, сохраняя приорат как традиционный правительственный орган, чомпи решают подчинить его контролю своих Восьми, которые фактически становятся верховной властью государства.

В приговоре по делу Чири говорится, что эти Восемь должны были, как этого хотели чомпи, владеть высшей властью и как бы господствовать во Флоренции, быть выше приоров и их коллегий.²⁰

При таком сочетании власть приората сводилась бы на нет и установилось бы единовластие наемных рабочих. Не случайно один из хронистов называет новый орган чомпи «реформаторами устоев государства», аннулирующих власть цеховых синдиков.²¹

Насколько это было реально в конкретных исторических условиях Флоренции XIV в., показали ближайшие события.

Утром 28 августа, в субботу, собралось свыше 5 тысяч хорошо вооруженных (*bene armato*) чомпи и рядовых ремеслен-

ников под предводительством «Восьми святых божьего народа», которые предлагали направиться во дворец с новой петицией.²²

Эта петиция готовилась вожаками еще в Камальдоли, обсуждалась на собраниях в церкви и монастыре Санта Мариа Новелла при активном участии народа. Правительство Микеле ди Ландо сорвало июльскую программу чомпи и довело последних до голодного существования. Как пишет хронист, «тощий народ, неудовлетворенный, голодный и всегда думающий о новых мероприятиях, начал роптать, так как ему казалось, что в правительстве имеют вес богатые горожане и члены цехов и что гонфалоньер Микеле ди Ландо сблизился с ними и находится под их покровительством».²³

Поэтому при составлении петиции атмосфера была крайне накаленной. Петиция формулировалась одним из четырех нотариусов «Восьми святых божьего народа», Аньооло Латини,²⁴ и

¹⁵ «...tolsero sedici altri pure del popolo minuto» (M. Stefani, rubr. 802a, стр. 330).

¹⁶ «...vogliono ch'avessero da tutti mero e misto impero» (там же).

¹⁷ «...e dettono loro la balia e sergenti e altre cose per onorarli, e che potessino esercitare il loro uficio» (Aggiunte, стр. 38).

¹⁸ M. Stefani, rubr. 802a, стр. 330—331.

¹⁹ Там же, стр. 331; «...8 uomini delli corpi delle loro arti, i quali avessero a stare in palagio come i priori, e a confermare tutto quello che facevano i priori, a altrimenti non valesse» (Aggiunte, стр. 38).

²⁰ «...et quod ipsi octo sic electi tenerent et tenere deberent maioriter principatum et quasi dominium totius civitatis Florentie super dominos Priores et collegia...» (Atti del Capitano del Popolo del 1379, стр. 442).

²¹ «...8 riformatori delle cose dello stato... Questi riformatori annullano la balia a' sindachi» (Aggiunte, стр. 38).

²² *Atti del Capitano del Popolo del 1379*, стр. 442—443; *Lettera di N. Bonifazii*, стр. 151; *Cronaca seconda d'Anonimo*, стр. 116. Первый анонимный хронист (*Cronaca primo d'Anonimo*, стр. 80) говорит о принятии петиции 27 августа, хотя этой даты в самом тексте хроники нет (она впоследствии была написана на полях хроники другим лицом), и можно полагать, что это описание относится к 28 августа; эту дату приводят все другие хронисты, дополняя ее названием дня (суббота), что относится именно к 28 августа. Полагаясь на дату (на полях), помеченную при публикации «Первой анонимной хроники», П. П. Фридолин отнес все важнейшие события на 27 августа (П. П. Фридолин. Восстание Чьомпи, стр. 51). Это нужно признать ошибочным. В этом отношении прав Родолико, который говорит о принятии петиции 28 августа. Только в письме Нанни Бонифазии говорится о том, что 27 августа «тощий народ двинулся через весь город ко дворцу приоров с петицией, которую он требовал принять». Возможно, что и эти данные относятся к 28 августа. Даты на полях издания «Первой анонимной хроники», очевидно, были использованы и М. А. Гукковским, который также относит события на площади св. Марка к 27 августа (место 28), выборы приората к 28 августа (место 29), а вооруженное столкновение чомпи с «жирными» пополанами к 29 августа (место 31) (М. А. Гукковский. Итальянское Возрождение, стр. 188—189). Эти даты подлежат уточнению. Следует отметить, что неточность в хронологии этих событий встречается во многих работах, хотя в старой работе Каппони (1875 г.) почти все даты верны (G. Capponi, стр. 348—359).

²³ «...Il popolo minuto non sazio e sempre pensando cose nuove, cominciò a mormorare, parendogli che gli artefici di buon condizione e li cittadini avessino qualche parte nel governo e che Michele di Lando gonfaloniere si fusse accostato dalla loro» (Aggiunte, стр. 37). «Accostare» обычно значит «приближаться», на тосканском диалекте «accosto» означает «поддержка», «покровительство». Здесь, можно полагать, хронист вкладывает в этот термин оба понятия.

²⁴ Обычно его одного называют в качестве нотариуса чомпи, хотя в одном из писем современника названы еще 3 нотариуса чомпи: Николо да Чиньяно, Доменико ди Сальви, Антони Цукери (*Lettera di N. Bonifazii*, стр. 152).

учителем Гваспарре дель Рикко,²⁵ который был у них писцом (scrivano).²⁶ Один кричал: «Пиши Гваспарре, я хочу, чтобы было так!», с другой стороны раздавался крик: «Хочу так!» В это время кто-то приставил к горлу Гваспарре меч, порвал написанное и протянул к нему новый лист, заявляя: «Пиши!» Написанное вычеркивалось и составлялись новые пункты. «Шум и споры казались каким-то адом», — завершает описание хронист.²⁷

Судя по результатам этих бурных обсуждений, споры могли идти только по поводу недостаточной категоричности требований. Петиция была составлена как ультиматум и направлена против существующих порядков и правящих кругов.

Программа Камальдоли наносила главный удар по принципу компромиссного общецехового правления. Против него чомпи выступала «из-за измены, которую совершили синдики».²⁸ «Мы не довольны тем, что вы сделали», — заявляли чомпи.²⁹

Петиция требовала лишить синдиків цеха права занимать какие-либо должности в республике в течение ближайших 6—10 лет под страхом смертной казни.³⁰ Это же касалось приоров, членов коллегии «Двенадцати добрых мужей», глав городских ополчений.³¹ Вместе с тем чомпи требовали роспуска «Консортерии свободы», созданной 8 августа из 80 выборщиков и синдиків всех цехов (Consorteria della Libertà, или Ottanta della Libertà) и способствовавшей деятельности правительства Микеле.

²⁵ Гваспарре дель Рикко называет анонимный хронист, сообщая, что он держал школу на Гибеллинской улице, где обучал детей грамоте («... che teneva scuola insegnando a fanciulli in via Ghibellina» — Aggiunte, стр. 38). О нем же Стефани дважды сообщает, что он еще в 1353 г. подвергался пытке за ересь (M. Stefani, rubr. 800a, стр. 329; rubr. 806a, стр. 336). На стр. 336 Стефани сообщает полное имя Гваспарре, которое в советской литературе впервые установлено М. А. Гуковским (Кто был истинным руководителем восстания чомпи, стр. 195); им же уточнен район его жительства (Сант Амброджо) на основании хроник «Diario d'Anonimo». К сожалению в указанную статью вкралась досадная опечатка: год, когда Гваспарре преследовали за ересь, обозначен не 1353, а 1383 (там же). Одна из хроник дает возможность предполагать, что Гваспарре был за ересь брошен в тюрьму («... un Cuasparri, che... era stato l'anno 1353 cacciato per ralerino» — Aggiunte, стр. 38). А. Сапори сообщает, что после восстания чомпи он был присужден к ношению желтого креста как «нотариус народа», а затем выслан (A. Sapori. Le Marchand, стр. 126).

²⁶ M. Stefani, rubr. 800a, стр. 329.

²⁷ Там же.

²⁸ «... per lo fallo ch'e' sindachi aveano fatto...» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 80).

²⁹ «Noi non siamo contenti di quello che voi avete fatto» (Diario d'Anonimo, стр. 376).

³⁰ Cronaca prima d'Anonimo, стр. 80; Cronaca seconde d'Anonimo, стр. 116.

³¹ «Simile priori e ufficiali erano allora, cioè priori, dodici e gonfaloniere» (там же, стр. 117).

Таким образом, не выступая за ликвидацию системы приората и требуя его подчинения верховной власти «Восьми свя-тых», чомпи требовали, однако, недопущения в приорат неугодных им лиц, что свидетельствовало об их стремлении сделать все правительство единообразным по своему социальному составу и характеру своей деятельности. Это же касалось всех других государственных инстанций (коллегии «Двенадцати добрых мужей», глав городских ополчений и т. д.) вплоть до охраны и слуг приоров.³²

Стремление изменить состав приората и других государственных учреждений выражало требования чомпи об изменении антинародной практики в деятельности правительства, о чем говорит текст приговора Чири.³³

Требование ликвидации Консортерии свободы наносило удары в том же направлении. Родолико в своей ранней работе считал, что ликвидация этой Консортерии объяснялась ее изолированностью, которая проистекала из средневекового понимания свободы как корпоративной привилегии.³⁴ Однако эту привилегию ей дали сами чомпи вместе с другими цехами «божьего народа», победившими в июле. Причиной их недовольства являлось нежелание сохранять эти привилегии в руках тех лиц и организаций, которые обманули ожидания чомпи. Выступления чомпи против этой Консортерии, как и против всех других органов власти, свидетельствовало о фактическом отходе от чомпи значительной части Консортерии, в том числе и их наиболее близких союзников — новых цехов «божьего народа», которые теперь сближались с младшими цехами.

Отношение чомпи к Консортерии можно охарактеризовать так же, как это делает Родолико в своей новой работе, говоря о синдиках: недоверие чомпи к синдикам и цеховым элементам объясняется отходом последних от чомпи.³⁵

Программа Камальдоли требовала внешней и фактической демократизации правления. Памятуя о позорной эволюции Микеле ди Ландо, превратившегося из оборванного чесальщика в пышно разодетого гонфалоньера, чомпи требовали ликвидации системы оплаты всех должностных лиц,³⁶ с тем, чтобы никто не

³² Там же.

³³ «... fecerunt coniurationem et conspirationem contra syndicos Artium tunc existentes et contra alia regimina civitatis Florentie» (Atti del Capitano del Popolo del 1379, стр. 442).

³⁴ «... nella coscienza dell'uomo del Medio Evo... la libertà era concessa come un privilegio» (N. Rodolico. La democrazia fiorentina, стр. 190).

³⁵ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 153.

³⁶ «Che niuno salario avesse niuno, per ufficio avesse» (Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 117). Другой хронист пишет о требовании снизить оплату

стремился к ним из-за корыстных побуждений. Они выступали также за лишение всех должностных лиц, за исключением гонфалоньера справедливости, каких-либо преимуществ.³⁷

Чомпи, наконец, покончили с иллюзией по отношению к партии Восьми, которой они доверяли в июле. Эта партия «жирного народа» полностью показала свое лицо, ибо именно она направляла деятельность Микеле ди Ландо. Петиция требовала отобрания у одного из наиболее видных представителей этой партии, Сальвестро Медичи, прав на доходы со Старого Моста,³⁸ данных ему в свое время самими чомпи.

Весьма показательным являлось требование программы Камальдоли относительно феодалов. Мы уже имели случай обратить внимание на антифеодальную направленность восстания чомпи. Теперь она была выражена в одной из формул петиции: «... чтобы ни один рыцарь не мог получить какой-либо должности».³⁹ Это требование свидетельствовало о недостаточно решительной деятельности правительства Микеле и его вдохновителей — «жирных» пополанов в направлении борьбы с феодальными элементами: нобили назначались на государственные должности, в частности, как мы видели ранее, на дипломатические, декреты о высылке грандов нередко не выполнялись, что отмечено еще Фридолиным, и т. д.

Чомпи являлись более последовательными борцами против феодалов, чем партия Восьми, представлявшая «жирных» пополанов.

В программе Камальдоли давалось позитивное решение финансовой проблемы: чомпи предлагали прекратить выплату процентов вкладчикам из государственного банка — Монте (Monte) на срок в 10 лет.⁴⁰ Вкладчиками в Монте являлись, как правило,

членам комиссии Восьми с 15 флоринов в месяц до 5 флоринов (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 80). Родолико, ссылаясь на хрониста, указывает, что это произошло в связи с отказом выдать жалование синдикам «тощего» народа (N. Rodolico. I Ciompi, стр. 154). В этом им отказали главы других цехов, что вызвало возмущение среди синдиков чомпи (Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 116). Это произошло 26 августа — число, которое, по словам П. П. Фридолина, «ничем особенным не отмечено» (П. П. Фридолин. Восстание Чьомпи, стр. 51), в то время как это событие нанесло еще один удар по слабейшему уже союзу чомпи с цеховыми ремесленниками.

³⁷ «E levaro niuna preminenza avesse niuno di podesteria, che aveano cierge d'avere, ed altri ufici; eccetto il confaloniere della giustizia» (Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 117). П. П. Фридолин пишет, что речь идет лишь о внешних отличиях должностных лиц (П. П. Фридолин. Восстание Чьомпи, стр. 53).

³⁸ Cronaca prima d'Anonimo, стр. 80.

³⁹ «... che niuno cavaliere non potesse avere niuno uficio» (там же; Aggiunte, стр. 38).

⁴⁰ Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 117.

«жирные» пополаны. В то же время эта программа предусматривала освобождение от долгов бедных горожан, т. е. прежде всего наемных рабочих и зависимых ремесленников на ближайшие два года.⁴¹ Доходы государства увеличивались также за счет возвращения ему прав на получение прибылей с лавок Старого Моста, Старого рынка, а также прекращения выплаты жалования должностным лицам коммуны.

Чомпи не только составили новую программу финансовых мероприятий, но и распоряжались некоторыми суммами денег, что свидетельствует о практической деятельности правительственного органа чомпи. Так, в письме современника этих событий говорится, что «Восемь святых божьего народа» имели в своем распоряжении около 26 мер мелкой медной монеты и несколько тысяч золотых флоринов, которые они тратили, распределяли и использовали для разных оплат, согласно их решениям.⁴²

Таким образом, правительственный орган чомпи существовал и действовал. Советские исследователи дали ему в целом правильную оценку, называя его революционным комитетом, который стал правительственным органом.⁴³ Действительно, чомпи фактически создали «революционным» путем наряду с одним правительством другое, чрезвычайное, свое,⁴⁴ причем «тут шла уже речь не об участии в управлении республикой, а о господстве в ней»,⁴⁵ «о контроле над правительством».⁴⁶

Фактически с преклонением перед пополанской конституцией чомпи покончили после образования своего правительственного органа «Восьми святых», что уже само по себе было явным нарушением традиционных флорентийских избирательных норм. Но иллюзии не развеялись до конца. Об этом свидетельствует сам факт составления петиции, которую 28 августа на площади св. Марка было решено направить на утверждение приоров. Содержание петиции до 28 августа сохранялось в тайне. Родолико говорит об этом в качестве предположения,⁴⁷ хотя хронист, сто-

⁴¹ Cronaca prima d'Anonimo, стр. 80.

⁴² «E trovaronsi avere circa di ventisei stiaia di quatrini e non so chiaramente quante migliaia di fiorini in oro; e quegli spendeano, e divideano, e pagarono, come per loro si deliberava» (Lettera di N. Bonifazii, стр. 151).

⁴³ М. А. Гуковский. Итальянское Возрождение, стр. 188. Следует лишь уточнить, что «Восемь святых» не сами объявили себя правительственным органом, как об этом пишет М. А. Гуковский, а были избраны массой чомпи: «... detti otto eletti per lo popolo» (Lettera di N. Bonifazii, стр. 151), «... questi otto chiamati per lo popolo» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 79).

⁴⁴ П. П. Фридолин. Восстание Чьомпи, стр. 56.

⁴⁵ Н. Ратнер, стр. 91.

⁴⁶ Там же, стр. 93.

⁴⁷ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 153.

ронник чомпи, пишет совершенно определенно, что об этой петиции не должен был знать ни один человек,⁴⁸ и добавляет к этому, что, «как говорили, все это было свято и хорошо для богатого и для бедного».⁴⁹ Последнее выражение только в определенной степени можно рассматривать как действительное стремление чомпи в этот период восстания, так как вся петиция была направлена на защиту бедных. Возможно, это был маневр — до решительного выступления скрыть содержание петиции, что весьма сомнительно, если учитывать политическую наивность чомпи. Скорее всего чомпи действительно верили в то, что петиция одинаково полезна для всех. Что же касается самих «жирных» пополанов, то после ее открытого провозглашения они, а затем и поддержавшие их цехи, включая и два новых цеха «божьего народа», определили требования петиции как «преступные и несправедливые».⁵⁰

Петиция, с которой 28 августа несколько тысяч вооруженных чомпи двинулись от площади св. Марка ко дворцу приоров, была не столько прошением, сколько программой, содержащей категорические требования. К тому же принятие этих требований обозначало бы действительный подрыв власти «жирных» пополанов. Смысл этого коренного изменения рельефно выражен хронистом Стефани, который говорит, что «тощий» народ требовал, чтобы «синьорами и должностными лицами были ученики, а не мастера».⁵¹ Под учениками Стефани понимает всех тех, кто

⁴⁸ «...la quale pitizione non si potè mai udire per persona veruna» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 79).

⁴⁹ «...che dicevano che l'erano tutte quante sante e bone per lo ricco e per lo povero» (там же).

⁵⁰ «...eorum petitionibus iniquis et iniustus» (Atti del Capitano del Popolo del 1379, стр. 443). П. П. Фридолин первым сопоставил эти две противостоящие характеристики петиции, исходящие из двух борющихся между собой лагерей (П. П. Фридолин. Восстание Чьомпи, стр. 51), но не дал объяснения второй части этой формулы, где говорится, что эти требования одинаково хороши для бедных и богатых. Следует напомнить, что автор «Первой анонимной хроники» был сторонником содружества бедных и богатых, считая, что все мероприятия чомпи полезны для всего «народа» (как «тощего», так и «жирного»). Программа Камальдоли говорит о том, что на августовском этапе восстания такое восприятие действительности не было уже свойственно большинству чомпи.

⁵¹ «...li discerpoli furono li signori e gli ufficiali e none i meastri» (M. Stefani, rubr. 804a, стр. 333). Это выражение Стефани было приведено в работе Родолико (N. Rodolico. I Ciompi, стр. 160—161) без объяснения понимания термина «discerpoli» в данном случае. К тому же Родолико считает это отражением психологического состояния флорентийских богачей, а не истинного положения. Мы же полагаем, что эти слова Стефани выражают суть программы Камальдоли. Психологическое состояние «жирных» пополанов в большей степени отражает «Дневник» Мональди, отрывок из которого приведен Родолико (цит. по кн.: N. Rodolico. I Ciompi, стр. 161).

работает на мастеров, т. е. наемных рабочих и рядовых ремесленников. Принятие программы Камальдоли «жирные» пополаны рассматривали как ликвидацию «старой доброй» Флоренции: «Если бы тощие победили, — пишет в своем «Дневнике» Мональди, — каждый добрый горожанин был бы изгнан из своего дома, и туда вошел бы чесальщик и взял бы все, что там имелось; в мертвой и пустынной Флоренции и ее округе был бы хозяином тот, кто ничего не имел».⁵²

Поход вооруженного «тощего» народа ко дворцу синьории рассматривался «жирными» пополанами как восстание. Это понимали и во Флоренции, и далеко за ее пределами. Так, например, миланский анонимный хронист справедливо воспринимал августовские события как вооруженное восстание народа.⁵³

Во главе этого восстания стоял революционный орган, избранный чомпи. В качестве военачальника чомпи избрали названного уже гранда Луку да Панцано, произведенного ими в рыцари народа.

Около 9 часов утра 28 августа многотысячная вооруженная толпа внезапно с разных сторон вступила на площадь Синьории и заняла ее, направляясь ко дворцу приората.⁵⁴ Многие натянули арбалеты и кричали: «Да здравствует тощий народ и цехи!»⁵⁵ Лука да Панцано отправился во дворец с петицией, где она была прочтена приорами и коллегиями, принята и даже утверждена канцлером коммуны знаменитым Колуччо Салутати, который поставил печать коммуны. Лука да Панцано сообщил об этом чомпи, что вызвало возгласы одобрения.⁵⁶

Такой успех был достигнут только благодаря тому, что правительство было во власти вооруженного народа, окружившего дворец. В письме современника этих событий имеется существенная деталь: сначала некоторые приоры ответили, что они не мо-

⁵² «Se i Minuti avessero vinto, ogni buon cittadino che avesse, sarebbe stato cacciato di casa sua, et entratovi lo scardassiere, tagliandovi ciò che avesse; in Firenze et in contado morto e deserto era ciascuno chi nullo avesse» (цит. по кн.: N. Rodolico. I Ciompi, стр. 161). Этот известный отрывок приводился многими авторами, от Дж. Каппони в 1875 г. до Н. Родолико в 1945 г. (G. Carroni, стр. 354; N. Rodolico. I Ciompi, стр. 161). Его же целиком выписывает К. Маркс из работы Каппони: «Auch al Monaldi im Diario schreibt mit Bezug auf die Ciompi...»; далее следует полностью вышеприведенный итальянский текст этого отрывка.

⁵³ «...et hoc fuit de mense Augusti. Eiodem tempore Civitas Florentiae ad tumultum Populi venit ad arma...» (Annales mediolanenses, стр. 770).

⁵⁴ «...in sulla terza vennono... con armata meno, a la Piazza di priori» (Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 116); «...si vennono alla Piazza di signori, e si la presoro d'ogni parte...» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 80); «...capitando al palagio di nostri signori» (Lettera di N. Bonifazii, стр. 151).

⁵⁵ Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 116.

⁵⁶ Cronaca prima d'Anonimo, стр. 80.

гут принять решения по этой петиции, так как это неудобно Советам приората, однако в конечном итоге приняли ее.⁵⁷ Нет сомнения, что им пришлось принять под угрозой оружия.

Чомпи держали в своих руках инициативу, вели наступательную тактику и добивались своего, заставляя правительство утверждать их требования. Хотя петиция была принята и утверждена коллегами, чомпи хотели, чтобы был издан специальный закон, одобренный на Общем совете и даже на парламенте, но не настаивали на этом, и оставили все до следующего дня.

На следующий день, в воскресенье 29 августа, происходили выборы нового приората, во время которых чомпи вновь показали, что они являются хозяевами положения. С утра площадь была заполнена вооруженным народом, количество которого то уменьшалось, то увеличивалось. Там он находился до вечера, когда начали звонить, призывая к началу выборов.⁵⁸

Начались выборы. Из избирательных урн вынимались записки с именами кандидатов в приоры и гонфалоньеры, и читающий, стоявший у окна дворца приоров, спрашивал у чомпи: «Хотите его?» Те отвечали: «Нет, не хотим!» «Рви, рви!» Или «Хорош, хорош!»⁵⁹ Таким образом был избран удобный им приорат, при нарушении всех традиционных избирательных норм. Как полагали чомпи, этот приорат будет подчиняться «Восьми святым божьего народа», так как последние направляли ход выборов.⁶⁰

Во главе нового приората был поставлен чомпо, чесальщик шерсти Бартоло[мео] ди Якопо, по прозвищу Бароччо («Воз», возможно за свою силу), от каттеры Санта Мариа Новелла был избран приором второй чомпо — Джованни ди Доменико, по прозвищу Триа. Третьим представителем от 3 новых цехов был стригальщик Бенинказа ди Франческо. Среди остальных приоров был шерстяник, купец, вышивальщик — от 7 старших цехов,

⁵⁷ Lettera di N. Bonifazii, стр. 151.

⁵⁸ Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 118.

⁵⁹ «...istavano alle finestre... e dicevano: „Il tale è cavato priore; e tale è cavato gonfaloniere“; dicendo: „Volete lo?“ a certa parte di gente minuta; ed e dicevano: „No, che non lo vogliamo“» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 80); «...istraccia, istraccia; buono, buono» (M. Stefani, rubr. 803a, стр. 331).

⁶⁰ «...dicti Octo supra nominati et plures alii cum magna multitudine hominum armatorum... exclamando et rumore maximum faciendo turbaverunt et impederunt extractionem dictorum minorum Priorum et gonfalonieris, non volentes quod secundum consuetudinem et ordinamente civitatis Florentie dicta officia traherantur sed potius extraherentur ad libitum et voluntatem ipsorum...» (Atti del Capitano del Popolo del 1379, стр. 443); «Si che si trassoro come volloro» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 80); «...se piaceva loro rimanea, se non piaceva loro si il facciano stracciare» (Cronaca terza d'Anonimo, стр. 131).

сапожник и два кузнеца — от 14 младших. Принцип избрания приората был старый, хотя персональный состав был санкционирован «тощим» народом.⁶¹ Новый приорат было бы неточно считать правительством чомпи,⁶² это было лишь правительство, удобное чомпи. Большинство в нем также не принадлежало к чомпи.⁶³ Современники подчеркивали, что только двое представляли в нем «самый тощий народ».⁶⁴

Пока не начался срок полномочий нового приората (1 сентября), «тощий» народ продолжал свое наступление на позиции правительства Микеле ди Ландо. «Восемь святых божьего народа», продолжая заседания в Санта Мариа Новелла, решили потребовать реализации утвержденной под их давлением программы Камальдоли, а также принесения им, как верховному органу республики, старыми и новыми приорами и их коллегами официальной присяги на евангелии.⁶⁵ В понедельник, 30 августа, во дворец были посланы три представителя «Восьми святых», объявившие об этих требованиях. Среди них был нотариус Аньола Латини.⁶⁶ Приоры и члены коллегий, бывшие тогда во дворце, не хотели приносить присяги чомпи, так как по традиции полагалось присягать всему «народу» (popolo), но со слезами на глазах, как говорит хронист, вынуждены были это

⁶¹ M. Stefani, rubr. 803a, стр. 331.

⁶² Как неточно сказано в моей работе (В. И. Рутенбург. Очерк, стр. 173).

⁶³ Как неточно сказано в работе М. А. Гуковского (Итальянское Возрождение, стр. 180).

⁶⁴ «...nuovi priori, de'quali fu gonfaloniere di iustitia uno del popolo minutissimo, che si chiamava Bartolomeo Barucci, tessitore, e de'priori uno ancora, chi si chiamava... del popolo minutissimo» (Lettera d'Anonimo, стр. 148). Термин «popolo minutissimo» («самый тощий» народ) по отношению к чомпи встречается только у автора этого письма. По данным почти всех других хронистов, гонфалоньер был чомпо, чесальщик, а не ткач. Ткачом его называет еще пистойская хроника («Bartholus Baracchi textor rannogum» — Specimen, стр. 42). В одной из хроник новый гонфалоньер именуется «Антонио ди Якопо Мароччи, чесальщик, гонфалоньер справедливости» («Antonio di Iacopo Marocci, iscardassiere, gonfaloniere di giustizia», Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 118). В другой его называют «Бартоломео ди Якопо Коста, чесальщик» («Bartolomeo di Iacopo Costa pettinatore» — Diario d'Anonimo, стр. 380). Эти разночтения можно проверить по одной из рукописей, опубликованной Муратори и хранящейся в архиве дворца Медичи во Флоренции, в которой он именуется «Bartolo[meo] di Iacopo detto Barocci scharfassiere» (G. e N. Carroni, Commentarii. Riccardiana, 2027, л. 23).

⁶⁵ П. П. Фридрих считает, что это решение было принято в день избрания нового приората, т. е. 29 августа, основываясь на тексте приговора Чири, но слова «в тот же день вечером» («dicta die de sero» — Atti del Capitano del Popolo del 1379, стр. 444) скорее относятся к следующему дню, т. е. к 30 августа, что подтверждается материалом хроники (Cronaca secondo d'Anonimo, стр. 119).

⁶⁶ M. Stefani, стр. 332.

сделать, так как в противном случае чомпи угрожали им тем, что выбросят их из окон дворца.⁶⁷

Итак, «Восемь святых божьего народа» не только объявили себя верховной властью, но и начали осуществлять функции правящего органа, фактически подчинив себе приора.⁶⁸ Последний вынужден был покориться, так как перевес был еще на стороне чомпи. «Жирный народ» правильно оценивал обстановку и пока боялся давать отпор, в то время как чомпи несколько преувеличивали свои возможности и силы и не следили за происками своих противников.

Из всех лиц, подлежавших присяге верховному правительственному органу чомпи, категорический отказ выразил только один человек. Этим человеком был гонфалоньер справедливости Микеле ди Ландо, которого месяц назад восставшие воспринимали как «первого чомпо», своего вожака и защитника.⁶⁹

Представителями «Восьми святых», которые утром 31 августа отправились во дворец приоров принимать присягу у тех, кто не успел ее дать накануне, были чесальщик Доменико ди Туччо, по прозвищу Тамбо, Маттео ди сер Сальви⁷⁰ и с ними один из нотариусов «Восьми святых». Тамбо и Маттео сами первыми вызвались идти во дворец.⁷¹

По свидетельству одного из хронистов, посланцы «Восьми святых» вели себя во дворце крайне резко, без всякого уважения к званиям гонфалоньера и приоров, угрожая им в случае неподчинения их требованиям применить оружие и лишить их почестей и должностей.⁷²

⁶⁷ «E i lunedì... mandaro la sera III al palagio di priori, e fatto dare loro sacramento a priori vecchi e nuovi simili a'collegi... si giuraro con lagrime in su gli occhi» (Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 119); «...questi otto chiamati per lo popolo... vollono che tutti i priori giurassino nelle loro mani, e perchè niuno non potessa contradire alla loro petizione, e così ciascuno di priori giurò, e così tutti que' di collegio» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 79—80); «E i detti nuovi signiori chiamati e simile i vecchi giurarono non nelle mane del popolo, ma nelle mani di detti otto eletti per lo popolo...» (Lettera di N. Bonifazii, стр. 151); «...non volendolo giurare, gli minacciarono di gittagli a terra delle finestre. Di che giurarono di fare quello che quegli otto volessono» (Cronaca terza d'Anonimo, стр. 131).

⁶⁸ Один из хронистов пишет прямо, что Восемь имели большую власть, чем приоры («Per que' VIII era a Santa Maria Novella, i quali aveano più balia che i priori...» — Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 119).

⁶⁹ «...Michele di Lando, che, Ciompo primo, si scaglia poi contro i Ciompi» (N. Rodolico. I Ciompi, стр. 146).

⁷⁰ M. Stefani, стр. 336. Стефани дает другое имя — Марко ди сер Сальви, в то время как другие источники именуют его Маттео.

⁷¹ «Niuno non diceva: „Io la vo' portare io; se non che Tambo ed un suo compagno...“» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 79).

⁷² «I quali dua deputati domandarono e esposono la loro imbasciata con grande arroganza e rimproveramenti ai priori e al gonfaloniere d'essere ingrati

После этого произошел хорошо известный, красочный, однако несколько театрализованный эпизод, описанный почти во всех работах о чомпи и основанный на сообщении Стефани и некоторых других хронистов. Микеле ди Ландо в ответ на требования чомпи заявил: «Подождите немного, я сейчас вернусь», и отправился в соседнее помещение, схватил меч и вернувшись воскликнул: «Где предатели?» Он набросился на делегатов «Восьми святых», нанеся им ранения в голову и руки. Более вероятным нам представляется сообщение некоторых хронистов о том, что Микеле бросился на представителей чомпи с кинжалом или ножом, висевшим у него сбоку, не выходя из комнаты за оружием. Они пытались бежать, но были схвачены и брошены в башню дворца. Бежать удалось лишь нотариусу, бывшему с ними.⁷³

Это был неожиданный для чомпи выпад, и, когда новость дошла до «Восьми святых божьего народа», они, очевидно, были не только опечалены, но и крайне изумлены, так как считали, что они идут от успеха к успеху. Это было печальное заблуждение чомпи, которые, несмотря на июльские события, имели крайне недостаточный опыт политической борьбы.

Поступок Микеле ди Ландо, который, наконец, открыто показал свое истинное лицо,⁷⁴ объяснялся не храбростью или находчивостью, а тем, что к 31 августа произошел неизвестный и непонятный еще для чомпи перелом.⁷⁵

di beneficii fatti loro de quelli popoli, e minacciando che, se non davono quello che domandavano, se lo torrebbero con l'armi, e togliorebbono a loro ogni onore e beneficio» (Aggiunte, стр. 38).

⁷³ M. Stefani, rubr. 804a, стр. 333. Стефани пишет, что представители чомпи были заключены под лестницу; хронист, сторонник чомпи, говорит, что их бросили в башню дворца («e furo messi su in pregione, nella torre di palagio» — Cronaca prima d'Anonimo, стр. 80); «Il gonfaloniere, uomo animoso con coltello che aveva a canto' dette loro delle ferite» (Aggiunte, стр. 38—39); «Avvenne, che III di que' signiori otto andaro in palagio di priori... e... nella presenza del gonfaloniere della giustizia senza fare riverenza niuna, domandarono s'erano venuti que' non aveano giurato. Di che la risposta fu, che si trasse uno coltello da lato, e diegli in sulla testa; e oltre a questa diede altra fedita» (Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 119).

⁷⁴ Предательская роль Микеле ди Ландо на этом этапе хорошо изучена в ранней работе Родолико (N. Rodolico. La democrazia fiorentina, стр. 199—206), поэтому мы исследовали ее подробно лишь в первый период его деятельности (июльский этап).

⁷⁵ Этот вопрос в достаточной степени изучен Фоссати (G. Fossati, стр. 190—204) и уточнен в новой работе Родолико, который скрупулезно рассмотрел его в специальном параграфе своей книги, именуемом «Заговор против чомпи» (N. Rodolico. I Ciompi, стр. 159—165). Мы можем поэтому ограничиться лишь упоминанием о наиболее показательных фактах и постараемся осветить наиболее характерные стороны этой обстановки.

Небольшая стычка членов цеха Ланы с чомпи произошла 28 августа, за несколько дней до решающего разгрома чомпи.⁷⁶ Чомпи попытались напасть на площади Синьории на знамя Ланы, в ход пошли арбалеты. Мастера Ланы, хозяева сукнодельческих мануфактур, которым не удалось сломить чомпи путем своеобразного локаута, жаждали расправы. Но для этого еще не было достаточно сил, и богатые шерстяники сдержались. С 29 августа заговорщики из «жирного народа» усиленно и в полной тайне начали готовиться к выступлению. Центром заговора был дворец приоров. 29 августа, в день выборов новых приоров, последние обещали чомпи утвердить их петиции на парламенте 1 сентября. Чомпи, не зная всех подробностей, инстинктивно не доверяли приорам, этим и объяснялись их настоячивые требования присяги и гарантий, с которыми они обратились к приорам 30 и 31 августа. В тот же день, когда «тощему» народу удалось избрать правительство во главе с чесальщиком Бароччо, т. е. в воскресенье 29 августа, приоры тайно послали Бенедетто Альберти с приказом в ночь на вторник 31 августа и в среду 1 сентября запереть ворота Флоренции. Были также посланы письма в контадо с просьбой к восходу солнца 1 сентября прислать во Флоренцию людей для подавления восстания. На следующий день, в понедельник 30 августа, были посланы «через добрых ремесленников и купцов» новые письма в контадо, в которых приоры требовали держать наготове оружие и быть настороже («stessero avvisati»), так как «Восемь божьего народа» разрушают государство.⁷⁷

Активную роль в заговоре играл приорат Микеле ди Ландо. Родолико считает, что в нем приняли участие и новые приоры,⁷⁸ но это представляется нам сомнительным. Во всяком случае, двое из новых приоров — представители чомпи, Бароччо и Триа, не были к этому причастны, так как их почти сразу же после подавления восстания чомпи, 1 сентября, изгнали из правительства, заменив другими.⁷⁹

Активную роль в этом заговоре сыграл Микеле ди Ландо. Родолико справедливо говорит, что и восстание чомпи не было делом Микеле и что он им не руководил, даже если он несколько часов возглавлял его. Родолико, не оправдывая предательства Микеле ди Ландо и приводя факты его позорного поведения в эти дни, все же несколько отводит от него удар, заявляя, что этот факт «нужно рассматривать с точки зрения роли зауряд-

ной личности в этих событиях, как одну из слабостей рода человеческого».⁸⁰

Хронист, сторонник чомпи, короче и справедливее оценил поведение и роль Микеле ди Ландо — «предатель».⁸¹

Микеле ди Ландо идет на сговор с военной коллегией Восьми, с которой, по данным Стефани, он ведет переговоры о должности или вознаграждении. Стефани рассказывает, как в капелле дворца Микеле вместе с представителями Восьми клянется на распятии, обещая все держать в секрете, «чтобы ни один чомпо об этом не знал».⁸² Это подтверждает и уточняет хронист, сторонник чомпи, сообщая, что прежде всего они договорились с Микеле ди Ландо о деньгах. Родолико обращается к этому хронисту, но не говорит о некоторых интересных деталях этого тайного соглашения. Хронист рассказывает, что сутью этого договора было соглашение «жирного народа» со всеми цехами о том, как разгромить правление чомпи и отобрать у «тощого» народа «почет и государство». Заговор, продолжает хронист — сторонник чомпи, был составлен между военной комиссией Восьми и гонфалоньером Микеле ди Ландо. Было условлено, что на площади соберутся ополчения всех цехов, после чего будут закрыты входы и выходы на площадь. Было решено об этом оповестить весь «жирный народ». И они поклялись держать все это в строжайшем секрете.⁸³

Затем были пущены в ход клевета и провокация, мастерами которых были опытные политики из «жирного народа». У них на выучке и пребывал Микеле ди Ландо.

Сразу же после предательского нападения на представителей «Восьми святых» и их ареста Микеле со знаменем гонфалоньера справедливости, которое нес Бенедетто Карлоне, выехал из дворца приоров в сопровождении большой толпы пополанов, восклицая: «Да здравствует народ и цехи, смерть тем, кто хочет синьора!», поясняя, что синьора хотят «Восемь святых».⁸⁴

Это была сознательная и обдуманная провокация, при по-

⁸⁰ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 163—164.

⁸¹ «... Michele di Lando, traditore...» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 90).

⁸² См. об этом также: В. И. Рутенбург. Очерк, стр. 171.

⁸³ «Fo ordinato per tutti l'arti, e per tutti i cittadini di popolo grasso, di volere disfare e di volere torre l'onore e lo stato al popolo minuto, cioè di quell' arte che si chiamavano' ciompi... e questo trattato ordinarono gli otto della guerra e col confaloniere della giostizia. Primamente faceno contento lui di danari... Chè ordinarono, che tutte la bandiere dell'arti fossoro arrecate in sulla Piazza... e pigliassoro tutte la bocche della Piazza... Allora così giurarono di tenere segreto questo tratto... ed e'consigliarono Michele di Lando, che e'mandasse per tutti que' di popolo grasso, e fecesse loro a sentire questo...» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 81).

⁸⁴ «...dicendo questi otto volevano signore» (там же).

⁷⁶ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 159.

⁷⁷ «...detti gli Otto dal popolo del loro Iddio, guastavano la città» (M. Stefani, rubr. 804a, стр. 332).

⁷⁸ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 163.

⁷⁹ Джорджо Скали и Франческо ди [Микеле] (Aggiunte, стр. 40).

мощи которой гонфалоньер убивал сразу двух зайцев: оправдывал свое коварное нападение на обезоруженных представителей чомпи и проводил психологическую подготовку к разгрому чомпи, изображая их как людей, желающих погубить Флорентийскую республику.

Эту явную провокацию Родолико характеризует несколько своеобразно: «...использованное ими оружие — обман народа — оказалось эффективным».⁸⁵

«Жирный народ» делал все, чтобы оклеветать чомпи. В ход была пущена явная выдумка о том, будто бы чомпи хотели сделать своим капитаном мессера Бартоломео ди Смидуччо да Сан Северино, пройти по всем землям республики, грабить, изгонять и убивать всех богатых и «добрых» людей, забрать их добро, преградить все пути и затем, продав город тому, кто больше даст, уйти в Сьену, где и прожить все эти захваченные богатства. Так передает эту фантастическую, неправдоподобную выдумку хронист Стефани.⁸⁶

Стефани был не единственным хронистом, писавшим небывальщицы о намерениях чомпи. Еще, когда чомпи выдвинули свою августовскую программу Камальдоли, в которой они заботились о лучшем устройстве государства, «жирные» пополаны пустили слух о том, что среди требований чомпи фигурирует следующее: «...дать им два-три дня для разграбления города».⁸⁷

⁸⁵ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 165.

⁸⁶ «...intendevano correre la Terra, e rubarla e cacciare e uccidere tutti i ricchi e li buoni uomini, e torsi la loro roba, e murare e steccare le bocche delle vie... poi vender la città a chi più ne desse, e andarsene con questa roba a Siena, e quivi stare e abitare con loro ricchezza» (M. Stefani, rubr. 804a, стр. 333). Даже Стефани, «жирный» пополан и противник чомпи, чувствовал некоторую фальшь в этой выдумке и стыдливо написал: «...было ли это правдой, — так говорят, а я не знаю» («...se vero era, si disse, non so...» — там же). Несмотря на это сомнение, он как истинный «жирный» пополан красочно описывал этот вымысел. В историографии восстания чомпи давно уже опровергнут этот вымысел, касающийся мессера Бартоломео да Сан Северино. Его дело рассматривалось 4 сентября 1378 г. на заседании секретного совета, где была признана его полная непричастность к чомпи (A. Gherardi. Documenti di storia italiana, стр. 377). К этому можно было бы добавить следующее: чомпи имели гранда-военачальника Луку да Панцано, однако не только не использовали его для проведения грабежей и убийств, а даже не оказали ему поддержки, когда он пытался отобрать знамя гвельфской партии, хранившееся в ее дворце (Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 117). Родолико отмечает как показательный эпизод проповедь, которую по просьбе самих чомпи им читали монахи Святой Марии Новеллы о полезных и добрых делах, подчеркивал, что именно в августе не было совершено ни одного акта убийства или грабежа (N. Rodolico. I Ciompi, стр. 166).

⁸⁷ «...e volevano due di utoli per rubare la città» (Cronaca terza d'Anonimo, стр. 131); «...e tra l'altre cose chiedevano di volere tre di utili, cioè di potere tre di rubare la città» (Ser. Nofri, стр. 58).

Именно об этой клевете на чомпи хронист Стефани и ему подобных К. Маркс писал: «*Маркьоне Стефани* в своей „Истории“ клеветает на чомпи и на самом деле воспроизводит только все те чудовищные нелепости, которые при каждом пролетарском восстании распространяются этими господами, вызывая в них страх».⁸⁸

Эта характеристика К. Маркса бьет как по старым, так и по современным клеветникам от буржуазии и в то же время определяет характер восстания чомпи, как в принципе пролетарский, так как главной силой восставших были наемные рабочие, флорентийский предпролетариат.⁸⁹ Это определение Маркса, относящееся больше всего к августовскому этапу восстания, в то же время и в целом характеризует восстание чомпи и ему подобные как первые выступления в славной истории пролетарского движения.

Если первой стадией подрывной работы, направленной против чомпи, была систематическая и все более расширяющаяся клевета, то второй, ведшейся параллельно, была организация сил для физического разгрома чомпи.

Место и роль приората, возглавляемого Микеле ди Ландо, в организации этого разгрома колоритно определяется в «Дневнике», хранящемся в архиве Риккардианы во Флоренции: «...вышеназванный Микеле ди Ландо заключил соглашение с благородными гражданами, напал на чернь и сокрушил ее».⁹⁰

31 августа «город клокотал с самого утра»,⁹¹ носились зловещие слухи, один юродивый вещал о том, что вскоре пролетит кровь и запольхает пламя.⁹² Говорили, что «чернь собралась в Святой Марии Новеллы и ведет много разговоров и принимает решения о том, как пойти и напасть на дворец синьоров».⁹³

⁸⁸ «*Marchione Stefani* in seiner Geschichte verläumdet di Ciompi und in Tat reproduziert nur alle die ungeheuerlichen Albernheiten, die bei jeder proletarischen Erhebung von der Ehrbarkeit etc ausgebreitet und „befürchtet werden“» (K. Marx. Exzerpte, стр. 15). Здесь же К. Маркс замечает: «Наш *Kapponi* (сам буржуа) говорит однако...» («*Unser Capponi* (selbst bourgeois) sagt jedoch...» — там же), после чего приводит слова Каппони об истинных целях чомпи, желающих участвовать во всех делах государства (G. Sarroni, стр. 354).

⁸⁹ О термине «предпролетариат» см. выше, стр. 39—40.

⁹⁰ «...il sopradetto Michele di Lando si accordò con i Nobili e affrontò la plebe e ruppellà» (Diario di memorie. Riccardiana, 3628, л. 54r). См. «Приложения», док. 3.

⁹¹ «...venendo il martedì, li mattina assai bulichio era per la terra...» (Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 119).

⁹² Там же.

⁹³ «La quel plebe si era radunta in Santa Maria Novella e fatto più la paroli e l'ordini per venire ad affrontare il Palazzo de Signori...» (Diario di memorie. Riccardiana, 3628, л. 54r).

«Городские записи о наиболее значительных событиях, происшедших в городе Флоренции», хранящиеся в Риккардиане, как бы продолжают этот рассказ: «...заподозрив, это чернь вооружается против него, Микеле ди Ландо, и против дворца он, чтобы не уступить, как его предшественники, и поддержать достоинство магистрата и свои звания и честь, вооружился для того, чтобы предупредить своих противников и напасть на них. Во главе с последовавшим за ним большим отрядом горожан и жирного народа он двинулся, чтобы отыскать чернь, которая собралась в Санта Мариа Новелла главные силы (fatto testa grossa)».⁹⁴

Очевидно, чомпи действительно собирались в Санта Мариа Новелла, но затем переменили место своего сборища, узнав о страшных событиях во дворце приоров от бежавшего оттуда нотариуса,⁹⁵ который был свидетелем нападения Микеле на двух членов «Восьми святых», находившихся теперь под арестом.

Родолико прав, когда говорит, что чомпи не представляли себе угрожавшей им реальной опасности и благодаря своей политической неопытности не предпринимали решительных мер, если не считать неоднократных требований о подтверждении их петиций,⁹⁶ о чем уже ранее говорилось. Действительно, вплоть до сообщения об аресте Тамбо и Маттео Сальви чомпи наивно верили в свое полное превосходство и только смутно догадывались о неискренности старого приората. Однако если замечание Родолико справедливо для периода скрытой борьбы, то с 31 августа, когда приорат показал свое истинное лицо, поведение чомпи изменилось. Они, очевидно, перенесли место своих постоянных собраний из Санта Мариа Новелла, тем самым не дав возможности Микеле ди Ландо одним ударом покончить с главными силами (testa grossa) лагеря чомпи и его руководящим центром.

Когда отряд гонфалоньера, не обнаружив чомпи в Санта Мариа Новелла, направился в Ольтранарно, традиционный район собраний наемных рабочих, один из отрядов чомпи уже двигался к площади, со стороны улицы Ваккеречча, куда он, возможно, пришел от Санта Мариа Новелла, чтобы попасть на площадь раньше возвращения гонфалоньера, что ему и удалось.

Когда на узкой Ваккеречча⁹⁷ их остановили, они храбро взялись за арбалеты и мечи и силой заняли площадь. Как говорит

⁹⁴ Comentarîi Civili. Riccardiana, 3251, лл. 22v—22r. См. «Приложения», док. 2.

⁹⁵ «...e la novella andò a S. Maria Novella» (M. Stefani, rubr. 804a, стр. 333).

⁹⁶ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 166.

⁹⁷ Ведущая на площадь Синьории небольшая и узкая улица и сейчас носящая это название.

хронист, сторонник чомпи, до возвращения гонфалоньера все входы на площадь были заняты народом.⁹⁸

Несмотря на этот правильный ход, чомпи ожидали дальнейших событий, не применяя силы. По свидетельству того же хрониста, они еще не верили в измену всех их представителей в приорате,⁹⁹ а главное они твердо рассчитывали на свое количественное и моральное превосходство, полагая, что на их стороне тысячи наемных рабочих и рядовых ремесленников старших цехов.

К тому же чомпи, считая, что на их стороне правда, верили, что это гарантирует им победу.

Поэтому они беспрепятственно пропустили во дворец вернувшегося туда Микеле ди Ландо под прикрытием знамени гонфалоньера справедливости, которое они в свое время сами ему вручили. Они верили в силу этого знамени не только по традиции средневековой символики, но и потому, что они «являлись главами и творцами этого государства», — как говорит от их имени симпатизирующий им хронист.¹⁰⁰

На площадь со всех сторон, по образному выражению хрониста, «в изобилии притекал народ», здесь были и бедные, и богатые, но главным образом «жирные» пополаны и цеховые ремесленники, мелкие и крупные, которые знали о заговоре, подготавливавшемся против чомпи.¹⁰¹

Последние же были в неведении. На площади начали кричать: «Бросайте вниз тех двух из Восьми, которые хотят синьора!» Речь шла о Тамбо и Маттео Сальви, схваченных утром по приказу гонфалоньера. Провокационная поездка Микеле дала свои результаты: это требование исходило не только от «жирных», но и от части рядовых ремесленников, введенных в заблуждение.¹⁰²

Чомпи отвечали на это: «Не бросайте, сначала узнайте, виновны ли они, а потом уже наказывайте, проводя полное и разумное расследование».¹⁰³

⁹⁸ «Una grande ischiera di popolo minuto innanzi al gonfaloniere, vollono entrare in su la Piazza, da lato di Vachereccie e doverano lasciati. Di che tesoro balestra, e si si misero allora colle spade in mano valorosamente; e si entrarono in sulla Piazza per forza... e innanzi che tornasse la Piazza era presa da ogni parte» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 81).

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ «E que furono i caporali e facitori di questo stato» (там же).

¹⁰¹ «Molte gente pioveva da ogni parte alla Piazza: d'ogni condizione, ricchi e poveri, ispezialmente i grassi e gli artefici minuti e grandi; perchè sapevano il fatto dello trattato che doveva essere» (там же).

¹⁰² «Allora parte di popolani grassi e minuti erano in sulla Piazza gridando: „Gittate giuso que due degli otto che volien signore“» (там же).

¹⁰³ «Non gittate; conoscati s'egli hanno fallato, e si puliscano facendone giostizia grande con ragione» (там же).

На 31 августа приорат назначил торжественное собрание всех цехов и ополчений у дворца для приема знамен в знак единения. На площадь явились все цехи и городские ополчения. Затем около трех часов дня появился огромный отряд чомпи со своим знаменем с изображением ангела. Когда они входили на площадь, им никто ничего не сказал, так как видели, что они достаточно сильны, чтобы ответить на любой выпад. Правда, в связи с тем, что была большая жара, часть из них разошлась, с каждым часом их становилось все меньше, так как они не знали о том, что замышлялось против них,¹⁰⁴ и верили в официальную версию демонстрации единства. «Откройте глаза, — говорили им, — вы будете преданы своими же»,¹⁰⁵ но они, будучи сами преисполнены добрыми намерениями и бесхитростным благородством, ожидали того же от своих противников.

Когда приоры около 7 часов вечера потребовали внести знамена всех цехов во дворец, это было выполнено беспрекословно, так как все цехи были в заговоре против чомпи.¹⁰⁶ Последние же отказались внести во дворец свое знамя, олицетворявшее все их права и завоевания.¹⁰⁷ Их усиленно убеждали отдать его, так как было условлено, что как только их знамя будет отдано, «их будут рубить на куски и разгонять, а у их арбалетчиков пережут тетиву».¹⁰⁸ Чомпи знамени не отдали, и это так же сыграло свою роль: в силу влияния той же средневековой символики, против утвержденного законом цеха и знамени труднее было поднять других, особенно два остальных цеха «божьего народа».

Тогда приоры придумали второй вариант: они отдали приказ, чтобы все независимо от того, в каком они цехе, стали бы под знамена городских ополчений, т. е. по месту жительства. Таким образом, чомпи были разобщены и ослаблены: «... бедняки были этим удивлены, — пишет хронист, — не зная истинной причины такого распоряжения».¹⁰⁹

¹⁰⁴ «In su l'ora della mezza nona, venne la segnia de l'Agnolo alla Piazza, con grandissimo istuolo di popolo minuto. Entraro in sulla Piazza, e non fu detto loro niente; perche vedevano ch'erono molti forti da risponde loro... caldo era grande... molta genta si parti... si che diventavano men forti più l'ora che l'altra, perche non sapevano il loro male» (там же, стр. 82).

¹⁰⁵ «Aprite gli occhi che vo' sarete traditi da vostri medesimi» (там же, стр. 81).

¹⁰⁶ «Di che tutte le segnie dell'arti furono portate, perchè sapevano il trattato ch'era fatto» (там же, стр. 82).

¹⁰⁷ «Allora i signori fecero e tennoro altro modo e altro trattato... i poveri che v'erano, si miraviagliavano di questo non sapiendo la cagione» (там же).

¹⁰⁸ «... ch'era ordinato, che, come avessono dato la loro insegna, tutti fossero tagliati per pezzi e discacciati, e tutte le gorde tagliassoro alle balestra di balestrieri» (там же).

¹⁰⁹ Diario d'Anonimo, стр. 378.

Цех мясников и хозяев таверн, как ему было приказано выскопоставленными заговорщиками, закрыл чомпи дорогу.

Только теперь чомпи начали догадываться, что их завлекли в ловушку и что ремесленники оказались предателями. Они начали угрожать ремесленникам, приготовляя свои арбалеты,¹¹⁰ но было поздно. На них напали мясники, хорошо владевшие топорами. Это было около 9 часов вечера.¹¹¹

Хронист, сторонник чомпи, так описывает этот драматический эпизод: «Народ упорно защищался. Поэтому нападавшие не имели успеха. Каждый из них с мечом, топором, копьем защищался как мог, не боясь никого. Когда же предатели-синьоры, как избранные из их же цеха, так и члены цеха Ланы, увидели, что они не могут их сломить, они начали бросать с дворца множество камней и метать стрелы им в спину. Увидев, что синьоры, те, которым они доверяли и стояли у них на страже, предали их и бросают им в спину камни, они все почувствовали, что пришла смерть. Тогда они отступили и были сломлены и рассеяны. Много было мертвых и раненых в этот день...»¹¹² Под градом стрел, уже обращенные в бегство, они все же восклицали: «Да здравствует тотщий народ!»¹¹³

Так были разбиты чомпи... «Таковы были короткая 38-дневная жизнь и конец буйного государства, которое называют государством чомпи», — пишет хронист, их противник.¹¹⁴

Если обратиться к причинам поражения чомпи, которые мы наблюдали, рассматривая весь ход событий, то они сводятся к следующему.

Наиболее явная из них — это политическая неопытность чомпи, их вера во всеобщие справедливость и благородство. От-

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Cronaca prima d'Anonimo, стр. 82.

¹¹² «Il popolo si difendeva gagliardamente. Quivi non aveva vantaggio. Ciascuno colle spade, e mannaie, e lance si difendevano giusta la loro possanza, e non timevano di niuna persona. Quando que' traditori signori, chiamati per la loro arte, e membri d'arte di lana, vidono che non si lasciavano rompere, allora si gittarono di palagio molte priete e verettoni a dosso a costoro. Quando costoro vidoro che i cignori, cioè coloro di cui si fidavano e stavano alla loro sicurtà, ed e'si vidono traditi e gittarsi adosso le priete, allora si temnono tutti morti. Allora si misono in volta, e furono rotti e dicacciati. Assai furo morti e fediti per quello giorno...» (там же, стр. 82). Один из хронистов приводит такие цифры: было 20 убитых и более 30 раненых (Diario d'Anonimo, стр. 378).

¹¹³ «... interfecti, missi fuerunt in fugam. Et fugientes clamabant: Vivat Populus infimus» (Specimen, стр. 43). Пистойский хронист дает оценку событий, заявляя: «... свершилась месть за несправедливость» («... et fiat vindicta de injuria» — там же).

¹¹⁴ «Questo fine e corta vita di 38 dì ebbe lo stato violento che lo chiamano dei Ciompi» (Aggiune, стр. 41).

сюда переоценка своих сил, с одной стороны, и излишняя доверчивость к своим противникам — с другой.

В то же время надо отметить достаточно трезвую оценку обстановки и вытекающую отсюда целеустремленность «жирных» пополанов, возглавляемых партией Восьми. Обладая многолетним политическим опытом, «жирные» пополаны пустили в ход весь свой сложный арсенал интриг, подкупов, провокаций и прямого обмана. К тому же они вели неутомимую деятельность по мобилизации военных сил для разгрома чомпи, обращаясь не только к внутригородским резервам, но и к внешним. Можно предполагать, что письма, направляемые из Флоренции такими их представителями, как Салутати или Бонифацци, имели также целью информировать соответствующие круги вне Флоренции о положении дел, о силе и слабости борющихся лагерей, для подготовки разгрома «черни». «Добрые люди» Флоренции решили взяться за оружие только после того, как извне были подтянуты военные резервы и внутри города была проведена политическая и организационная подготовка разгрома чомпи.

Таким образом, с одной стороны — великодушие и наивность чомпи, впервые достигнувших государственной власти, с другой — происки опытных политиков, идущих на все для спасения своей собственности и сохранения своего нарушенного господства.

И, несмотря на всю сложность пущенных в ход средств, «жирным» пополанам удалось разгромить чомпи только благодаря коварному обману, разъединению их сил, нападению из-за угла. Это говорит об относительной силе предпролетариата Флоренции, перед которым их хозяевам, «жирным» пополанам, пришлось отступить до последней минуты.

Среди разнообразного арсенала средств, направленных на подрыв и разгром лагеря чомпи, немаловажную роль сыграло предательство. Его роль, среди прочих факторов, нельзя преувеличивать, но было бы неправильным сбрасывать ее со счета. Родолико делает неубедительное обобщение, заявляя, что «всякое военное и политическое поражение всегда теми, кто проиграл, объясняется предательством».¹¹⁵

В ходе восстания чомпи, особенно на последнем его этапе, предательство сыграло если не решающую, то весьма существенную роль. Сам Родолико говорит, что Микеле, бывший чомпо, стал инициатором и подстрекателем разгрома чомпи.¹¹⁶ О роли Микеле, как активного участника и во многом руководителя разгрома чомпи, говорят почти все хронисты. Приведем одну лишь

выдержку из неопубликованной хроники, хранящейся во Флоренции: «... [он] обратил их в бегство и разгромил и, тем самым, счастливо принес победу и таким образом, с большой славой для себя, спас город, доблестно избавив его от руки чомпи и низкой черни. Итак, благодаря доблести Микеле ди Ландо, они сложили оружие, мятеж был подавлен, государство перестроено и восстановлены в правах благородные пополаны из жирного народа».¹¹⁷

Несмотря на ярко выраженный панегирический тон этой характеристики, направленности деятельности Микеле здесь дана в целом правильно, независимо от преувеличения его роли и забвения других обстоятельств.

Отсюда и соответствующее отношение к Микеле со стороны «восстановленных в правах» благородных пополанов из «жирного народа». Когда после победы над восставшими всех близких к правлению чомпи удаляли с официальных постов, эти проскрипции не затронули, по сообщению пистойского хрониста, Микеле ди Ландо и ему подобных, которые «хорошо действовали против черни».¹¹⁸

Хронист рассказывает, что Микеле после подавления восстания чомпи, получил много почестей и званий, необычно высоких для его профессии и происхождения. И все это за то, что он «правил весьма осмотрительно, и с твердостью духовной и телесной».¹¹⁹

¹¹⁷ «... gli messe in fuga e gli ruppe, e ne riportò felicemente la vittoria e così salvò con molta sua gloria la Città cavandola virtuosamente di mano ai Compì ed all'infima Plebe, e così, per la virtù di Michel di Lando si posorno li arme, ed i tumulti, e si riformò la Città. Restorono le nobili Popolani del Popolo grasso...» (Comentarii Civili, Riccardiana, 3251, л. 22г). В данном случае «gli» — «их» (тосканский диалект, в просторечии употребляется и ныне).

¹¹⁸ «... et privaverunt omnibus officilis Communis, excepto Michaële Landi, et Ghiotto Secciani, qui contra infimos bene se gesserant» (Specimen, стр. 44). Об этом говорится и у других хронистов: «тощий народ не получал более официальных постов, за исключением, однако, Микеле ди Ландо и Людовико ди Пуччо и некоторых других, ввиду их хороших качеств и положения» («... il popolo minuto non avesse più ufici, eccetto però Michele di Lando e Ludovico di Puccio e certi altri di buona qualità e condizione» — Aggiunte, стр. 40).

¹¹⁹ «... li molti onori e gradi... eccessivi alla professione e generazione sua... sempre governatosi con buon consiglio, e con forza d'animo e di corò» (там же, стр. 40—41). За свое предательство по отношению к чомпи Микеле ди Ландо получил различные награды и посты. 3 августа 1378 г. он как gonfalonьер получил вооружение с гербом коммуны и серебряный кубок со 100 золотыми флоринами. 7 августа он вступил в цех колбасников, тем самым обнаружив нежелание быть вместе с «божьем народом» трех новых цехов. В тот же день он был включен в Консортерию свободы. 30 августа приорат вынес решение о выдаче ему 263 золотых флоринов 21 сольда дополнительно к преподнесенным 3 августа. 30 мая 1381 г.

¹¹⁵ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 171, 172.

¹¹⁶ «Michele... iniziò, e aizzò la scaccio ai Ciompi» (там же, стр. 173).

Как мы уже видели, хронисты приводят имена не только Микеле как человека, который пользовался «добрым советом» врагов чомпи. Он был не единственным предателем, хотя как глава республики мог нанести, и в действительности нанес, чомпи больше вреда, чем кто-либо другой. Поэтому, естественно, фигура Микеле стала весьма известной и столь же одинокой.¹²⁰ Рядом с ним могут быть поставлены более мелкие фигуры, сыгравшие такую же позорную роль предателей. Их называет хронист, сторонник чомпи, в ранее приведенном отрывке: «... предатели-синьоры, как избранные из их же цеха, так и члены цеха Ланы».¹²¹ Речь идет о чесальщиках Леончино ди Франкино и Бонаккорзо ди Джованни из картьеры Сан Спирито, которые, будучи приорами в составе правительства Микеле, не сообщили своим собратьям о заговоре, готовившемся против них, а затем приняли участие в разгроме чомпи.

Однако политическая опытность «жирных» пополанов и предательство не смогли бы сыграть свою роль, если бы на стороне наемных рабочих были цеховые ремесленники, выступавшие вместе с ними ранее, на июльском этапе восстания. Поэтому наиболее важной причиной поражения чомпи явился раскол в их лагере, бывшем во время июльских событий единым целым. За чомпи шли прежде всего их естественные и ближайшие союзники — наемные рабочие таких старших цехов, как Сэта и Калимала. Возможно, что они поддержали бы чомпи, своих собратьев (еще недавно подчиненных цеху Ланы), во время трагических событий на площади 31 августа 1378 г. Однако благодаря коварной тактике приората они были оторваны от чомпи и разобщены. Они стояли на площади не только далеко от чомпи, но к тому же и в разных местах, каждый по месту своего жительства, под знаменем отряда своей картьеры. Если у них и были попытки оказать какое-либо содействие чомпи, то оно без труда

Микеле дает в приданое своей дочери Филиппе 600 золотых флоринов, 20 апреля 1381 г. он назначается капитаном народа в Вольтерру, причем в документе, найденном Родолико, он именуется «благородным мужем», «почетным гражданином Флоренции». До 1382 г. он принимает участие в работе правительственных комиссий Флоренции. Наконец, в 1382 г., когда он вынужден был покинуть Флоренцию, он вступил в цех Ланы в Лукке, где владел сукнодельческой мастерской, став, таким образом, одним из эксплуататоров наемных рабочих, чомпи (N. Rodolico. La democrazia fiorentina, стр. 200—206).

¹²⁰ Показательно, что автор вышедшей в период фашистского режима «Истории Италии, рассказанной народу» говорит о Микеле ди Ландо, как о человеке «большой мудрости, который [в своих поступках] руководствовался [чувством] патриотизма» («... con molta saggezza e guidato dal suo patriotismo...») — P. Giudici, стр. 120).

¹²¹ «... traditori signori chiamati per la loro Arte, e membri d'arte di lana» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 82).

было подавлено «добрыми людьми» этой картьеры: как свидетельствует хронист, сторонник чомпи, каждый отряд чомпи был сломлен выставленным против него отрядом противника.¹²²

Иную позицию занимали младшие цехи и примкнувшие к ним теперь два цеха «божьего народа». Родолико пишет, что чомпи не приняли мер против заговора старших и младших цехов, направленного против них, а также ничего не сделали для объединения с остальными двумя «цехами божьего народа».¹²³

Нельзя считать это положение верным по своей сущности. Чомпи действительно не приняли достаточных мер для предупреждения заговора, но это, как указывает сам Родолико, объяснялось скорее их неведением. Что же касается возможных мероприятий чомпи, направленных на укрепление их союза с цехами, то в тот период это было нереальным.

В своем месте мы уже приводили интересное наблюдение Родолико по поводу выработки июльских петиций в Сан Лоренцо: появление двух петиций — цехов, с одной стороны, и чомпи — с другой, являлось исходным пунктом будущего раскола. Чем дальше и последовательнее шли чомпи по линии реализации своей программы, тем больше отходили они от своих недавних союзников — членов цеха. Будучи частными собственниками, получившими теперь политические права наравне со старшими цехами,¹²⁴ члены младших цехов достигли своего и теперь стремились к закреплению этих порядков и увеличению своих прибылей. Их стремлением теперь было из ремесленников средней руки (mezzani) превратиться в «жирных» пополанов (grassi).

Два новых цеха «божьего народа», цехи портных и красильщиков, состоявших из неполноправных в прошлом членов цехов (второстепенные membra) или из внецеховых ремесленников, также принципиально отличались от цеха чомпи. Теперь они стали уже полноправными членами цеха и их стремлением было удержать за собой политические права и, по возможности, увеличить свои достатки. Определенную эволюцию прошли и внецеховые в прошлом ремесленники, которые еще более цепко держались за свои цеховые права.

Их стремлением было теперь достичь положения настоящих самостоятельных ремесленников средней руки, входивших в млад-

¹²² «... si che ciascuno fu rotto della loro brigata» (там же). Однако о поведении наемных рабочих других цехов мы не имеем каких-либо сведений, поэтому судить об этом можно лишь предположительно. Часть этих наемных рабочих стала членами цехов «божьего народа» и, возможно, к этому времени сблизилась с ремесленниками, отойдя от чомпи.

¹²³ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 166—167.

¹²⁴ В приорате, как известно, три места отводилось старшим цехам и столько же — младшим.

шие цехи, из бедного люда (*povere gente*) превратиться в ремесленников средней руки.

Это было закономерное для средневекового города явление, охарактеризованное Ф. Энгельсом. Плебейская оппозиция, говорит он, «соединяла в себе разложившиеся составные части старого феодального и цехового общества с еще неразвившимся, едва обнаружившимся на поверхности пролетарским элементом зарождавшегося современного буржуазного общества».¹²⁵

Членов двух цехов «божьего народа» можно сравнить с теми обедневшими членами цеха и подмастерьями, о которых говорит Энгельс.¹²⁶

Некоторой параллелью пролетарским элементам Тюрингии могут служить чомпи Флоренции, которые тоже, будучи «зачаточным пролетарским элементом»,¹²⁷ получили кратковременный перевес над всеми остальными группами, участвовавшими в движении.

Несмотря на отличия немецкого города XV—XVI вв., о котором говорит Энгельс, от итальянского, это явление наблюдалось и в последнем, и даже несколько обострилось в связи с перерождением здесь старших цехов в раннекапиталистические организации.

Программа Камальдоли, требовавшая преобладания чомпи в республиканской структуре Флоренции, их контроля над цеховым приоратом, обязательного санкционирования всех его решений верховной инстанцией чомпи — «Восьми святых», нанесла окончательный удар по блоку наемных рабочих и цеховых ремесленников, сложившемуся в июле.

Чем более последовательно шли по своему пути чомпи, тем вернее отталкивали они своих союзников — цеховых ремесленников средней руки и вызывали лютую ненависть «жирных» пополанов. В связи с этим в конце августа во Флоренции сложился блок «жирных» и «средних» пополанов, который и решил судьбу чомпи. Все остальные обстоятельства, способствовавшие падению непродолжительного господства чомпи, — интриги, предательство, активная организаторская деятельность опытных политиков «жирного» народа и т. д. — являлись производными от этого основного явления закономерного раскола пополанской Флоренции на частнособственническую и предпролетарскую. Достаточно обратиться к первой главе нашей работы, рассматривающей вопросы о формировании, росте и положении прослойки наемных рабочих в итальянском городе XIV—XV вв., чтобы убедиться в закономерности этой социальной диффузии.

¹²⁵ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 29.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же, стр. 30.

Эти глубинные процессы давали себя знать и на поверхности. Многие хронисты, наблюдая события последних дней августа и начала сентября 1378 г., когда скрытые до того силы вырвались наружу, отмечали направление, по которому пошло размежевание сил, приведшее к разгрому чомпи.

«И, таким образом, — пишет пистойский хронист, — все цеховые ремесленники были против власти названных Восьми».¹²⁸ Они и выступили по тайному сговору с приоратом 31 августа и разгромили чомпи: «тощий народ, — пишет современник событий Нанни Бонифазии, — был побежден и изгнан народом и цехами».¹²⁹

Другие хронисты расшифровывают, кто именно входил в состав этого *popolo*, выступившего против *popolo minuto* и разгромившего его.

Флорентийский хронист, симпатизирующий чомпи, говорит о том, что 31 августа на площади были люди разного положения, но «главным образом жирные пополаны и цеховые ремесленники, малые и крупные, которые знали о заговоре»,¹³⁰ и его осуществили.

Сьенский хронист Нери Донато говорит о той части *popolo*, которая, будучи главным социальным и военным резервом, определяла исход событий: «Флорентийцы, то есть *popolo*, с возмущением выступили в день... сентября из-за безумия этих самых тощих (*minutissimi*), среди которых кто хотел синьора, кто рыцаря и новых установлений; поэтому ремесленники средней руки (*li mezzani*) сразились с ними и изгнали их, и прогнали и выслали более тысячи чесальщиков и им подобных».¹³¹

Итак, чем последовательнее становились действия и требования чомпи, тем меньше шансов было у них на победу. В условиях Италии XIV в. последовательная программа предпролетариата не имела перспектив. Чомпи являлись первым, или одним из первых в Европе отрядами предпролетариата. Это был предпролетариат наиболее раннего в Европе периода капиталистических отношений, зародившихся в XIV в. и продолжавших развиваться в XV в. Малая результативность действий чомпи, несмотря на их настойчивость и героизм, проистекала из степени развитости предпролетариата. Масштабы деятельности итальянского предпролетариата ограничивались стенами средневекового

¹²⁸ «Et tantum omnes Artifices erant contra dictos Octo baliae...» (Specimen, стр. 42).

¹²⁹ «... popolo minuto fu vinto e cacciato dal popolo e dall' arti» (Lettera di N. Bonifazii, стр. 152).

¹³⁰ Cronaca prima d'Anonimo, стр. 81.

¹³¹ «... cacciaro e sbandiro più di mille scardazini e pettinini; e tutti loro simili» (Neri Donato, стр. 261).

города XIV в. или едва выходили за его рамки, в то время как немецкий предпролетариат XVI в. действовал в Саксонии и Тюрингии в условиях революционного потрясения всей страны.

Поэтому немецкий предпролетариат хотя бы некоторых областей Германии попытался возглавить крестьянское движение в одном из районов страны, в то время как чомпи были недостаточно связаны даже с крестьянами городской округи. Правда, внутри города они попытались возглавить весь город и прежде всего массу цеховых ремесленников.

Немецкий предпролетариат создал примитивно-коммунистическую программу, так как он, по разъяснению Ф. Энгельса, по своему социальному положению выходил за рамки структуры феодального строя, и в своих мечтах вышел «за пределы едва только нарождавшегося тогда современного буржуазного общества».¹³²

Итальянский предпролетариат также вышел за рамки феодального строя, выдвинув требования ликвидации феодальной цеховой иерархии и добился этого на некоторое время. В условиях раннего разложения феодальных отношений в Италии и превращения передовых городских центров в республики зарождающейся буржуазии — «жирного народа», итальянский предпролетариат поднял знамя борьбы против своих раннекапиталистических эксплуататоров. Он попытался выйти за рамки зарождавшегося капиталистического общества, выдвинув требование приоритета предпролетариата при решении всех вопросов политической важности: «... чтобы ни одно дело, касающееся государства, не проводилось без их решения».¹³³

Чомпи не пришли к какой-либо примитивно-коммунистической теории, хотя считали все свои дела одинаково полезными для всех горожан. «Первая анонимная хроника», являющаяся интереснейшим документом эпохи, так как ее составитель был первым и единственным из хронистов, сочувствующим чомпи, свидетельствует о том, что чомпи исповедовали идеи всеобщего равенства: «... чтобы все это было свято и хорошо для богатого и для бедного»,¹³⁴ «чтобы все были довольны», чтобы и бедные, и богатые имели равные права и обязанности.¹³⁵

Практически это требование не шло дальше потребительской, налоговой и избирательной уравниловки, однако его последовательное развитие, безусловно, приводило к идее всеобщего равенства, при котором наличие равных прав должно было привести к равному материальному, экономическому положению

¹³² Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 37.

¹³³ M. Stefani, rubr. 802a, стр. 330—331.

¹³⁴ Cronaca prima d'Anonimo, стр. 79.

¹³⁵ Там же, стр. 76—77.

всех пополанов, бедных и богатых, т. е. к ликвидации материальных и политических различий между ними. Эта едва пробивающаяся наружу мысль чомпи может быть названа первым проблеском примитивно-коммунистических идей, которые шли в направлении примитивного уравниательства, в свое время охарактеризованного Ф. Энгельсом.¹³⁶

Верховный правительственный орган чомпи — «Восемь святых божьего народа» — в своей деятельности, как они это представляли, мог бы конкретизировать их программу или ее реализацию. Но «Восемь святых» не успели стать безраздельно господствующим правительственным органом. Причиной тому была не только недостаточная решительность и оперативность чомпи, которые могли бы в последних числах августа, до завершения подготовки внешних и внутренних сил пополанской реакции, разогнать приорат и установить власть «Восьми святых». Если бы даже это совершилось, «Восемь святых» не смогли бы долго продержаться, основывая свою политику и свою практическую деятельность на теории всеобщего равенства. Ибо «жирные» пополаны, владевшие орудиями производства, землей, дворцами и крепостями, денежными капиталами, запасами товаров и зерна, имевшие большой опыт политического руководства и немалые внешние связи, всей своей тяжестью обрушились бы на чомпи.

«Жирные» пополаны нашли бы поддержку среди цеховых ремесленников, которых пугала программа и практика уравниательства чомпи; мелкие частные собственники не хотели равенства с бедняками, владеющими только своими рабочими руками. Они стремились сравняться с «жирными», за которыми они и пошли.

Все это подтвердилось 31 августа на площади у дворца приоров, в тот момент, когда чомпи еще не добились полновластия «Восьми святых».

В том же случае, если бы чомпи удалось на время установить это полновластие, они были бы еще решительнее и беспощаднее раздавлены хозяевами сукнодельческих мастерских в союзе с мелкими собственниками многочисленных цеховых мастерских.

Итак, установление власти чомпи было практически бесперспективным, что не делает их движение ни бессмысленным, ни безрезультатным.

Движение чомпи, как и предшествовавших ему восстаний в Перудже и Сьене, было совершенно закономерно, так как с появлением капиталистических отношений, как указывал К. Маркс, начинается борьба наемных рабочих против их

¹³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 52.

эксплуататоров.¹³⁷ Появление во Флоренции, Сьене и других развитых центрах Италии раннекапиталистических отношений, естественно, породило первые в истории движения наемных рабочих. Их слабость и незавершенность вытекали из слабости и незавершенности раннекапиталистических отношений в Италии. При рассмотрении этих событий нужно оценивать в качестве вполне естественных такие слабые стороны этих движений, как политическую неопытность и известную наивность их участников, крайнюю доверчивость к своим противникам, компромиссность и излишнее великодушие в отношении с ними, наконец попытку установить новые принципы государственного управления, основанного на идее всеобщего равенства, при котором бы «все были довольны», и бедные, и богатые.

В то же время было бы явной недооценкой отрицать относительно высокую для XIV в. сознательность предпролетариата передовых итальянских городов. Это выразилось прежде всего в идее организации союза наемных рабочих еще в первой половине XIV в., во время движения Чучо Брандини, затем — собственного цеха наемных рабочих, в рамках которого они сами могли бы решать вопросы оплаты своего труда, а также как единственного в тех условиях пути к получению политических прав к участию в управлении республикой. И, наконец, высшей ступенью их сознательности являлась идея создания собственного правительства наемных рабочих, при котором были бы заложены основы республики всеобщего равенства.

На практике последняя идея означала бесперспективную попытку содружества эксплуатируемых и эксплуататоров, в теории, точнее в смутных мечтах, — образование нового государства, построенного на основах справедливости и всеобщего равенства.

Движения городских низов и наемных рабочих в передовых городах Италии нельзя считать безрезультатными. По своему характеру они, естественно, не могли представлять собой движения, направленные на ликвидацию только что зародившихся в Италии капиталистических порядков и экспроприацию экспроприаторов. Их скорее можно назвать движениями, участники которых объективно пытались улучшить эти капиталистические порядки, субъективно стремясь облегчить свое материальное положение путем участия в политической власти.

В то же время наиболее крупное из них — восстание чомпи — объективно имело также антифеодалные тенденции, что можно найти как в программах этого движения, так и в конкретных мероприятиях, проводившихся или поддерживав-

шихся чомпи. Одной из прогрессивных сторон восстания чомпи была более последовательная, чем у «жирного народа», политика и практика нанесения ударов по феодальным элементам города.

В плане истории борьбы труда и капитала, истории движений предпролетариата средневековья, а затем рабочего класса нового времени, восстание чомпи было «более, чем эпизодом», как это правильно признал еще Родолико, подчеркивающий, что здесь впервые сформировалось и утвердилось сознание наемных рабочих, оформленное в собственную программу, которую они пытались применить в политических установлениях.¹³⁸ Эта в целом правильная оценка становится еще более весомой, когда мы обращаемся к заключительной формуле Родолико, которую он дает в конце своего предисловия этой же книги: «... чомпи так же были творцами этой истории»,¹³⁹ усилия, сделанные чомпи, — это шаг вперед на долгом пути борьбы наемных рабочих с работодателями.

Однако эти бесспорно правильные положения Родолико подрывает в своих дальнейших рассуждениях, вытекающих из убеждений буржуазного ученого, который ненавидит и боится пролетарского движения.

Родолико также заявляет, что «история делается победителями» и чомпи проиграли не только из-за совершенных ими ошибок, но и, как он пишет, из-за «иллюзий всех времен — легко и быстро решать сложные проблемы в духе нетерпимости и мятежности (faziosità), которые свойственны всем революциям, итальянским средневековым в частности».¹⁴⁰

Если, согласно Родолико, восстание чомпи имеет более чем эпизодическое значение в истории труда и в истории рабочего класса, то опыт этого раннего движения предпролетариата Родолико оценивает как отрицательный, и не только для «революций» средневековых, но и революций «всех времен».¹⁴¹ Этот отрицательный опыт, по его рассуждениям, вытекает не из специфики замкнутого городского движения чомпи, не из слабости предпролетариата, не из его теории и практики содружества со своими противниками, а из его нетерпимости, партийности.

¹³⁸ N. Rodolico. I Ciompi, стр. VII.

¹³⁹ «... di Ciompi, che furoro anch'assi costruttori di quella storia» (там же, стр. XVI).

¹⁴⁰ Там же, стр. VII.

¹⁴¹ Мы уже не обращаемся к той методологической путанице, при которой восстание смешивается с революцией, а революционные движения средневековья приравниваются к революциям «всех времен», т. е. к революциям буржуазным и даже социалистическим, против которых, по-видимому, и направлены стрелы Родолико.

Таким образом, раз и навсегда осуждается непримиримость борющегося народа, нетерпимость рабочего класса к своим противникам. Это не только логический вывод, естественно вытекающий из предыдущих рассуждений Родолико, но и буквальный смысл его рассуждений. Мы уже видели, как, исследуя историю июньского этапа движения чомпи, Родолико осмеивал свободу и справедливость, которые, по его словам, порождает «пустая голова бедняка».¹⁴² Однако смысл и характер обобщений Родолико полностью раскрываются, когда он говорит о «классовом эгоизме» наемных рабочих, о классовом сознании, которое, как он пишет, по своей сущности является несовершенным («imperfetta coscienza di classe»). Что же требуется для усовершенствования этого сознания? Вот ответ Родолико: «Для воспитания сознания, для того, чтобы поднять его, вдохнуть в него любовь и чувство самопожертвования во имя ближнего, нужны слова не Маркса или Ленина, которые сбивают с пути истинного, а слова евангелия, которые не знают классов».¹⁴³

Проповедь классового мира — вот в чем состоит «теория» Родолико, страх перед всепобеждающими идеями марксизма-ленинизма и успехами современного рабочего движения — вот что толкает Родолико на провозглашение лозунгов содружества эксплуатируемых с эксплуататорами. Нет нужды говорить об архаичности и тщетности этого метода, к которому и по сегодняшней день прибегают поборники классового мира. Примитивизм этих социальных рецептов Родолико не требует особых доказательств, как и сами рецепты не заслуживают детального анализа. Однако они являются весьма показательными для буржуазного ученого. Родолико скрупулезно изучает факты и делает немало правильных частных выводов и обобщений, но переходя к теоретическим обобщениям, он становится на сторону тех, кто боролся против чомпи и сегодня борется против их потомков. Это явление объяснено еще В. И. Лениным: «Ни одному из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой ни одному профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории по-

¹⁴² Там же, стр. 85.

¹⁴³ Там же, стр. 223. Конкретная характеристика обстановки, о которой идет речь у Родолико, также ошибочна: он считает, что у красильщиков и портных не было цеховых интересов, потому что они были наемными рабочими. Большинство членов этих цехов были ремесленниками — собственниками средств производства.

литической экономии. Ибо эта последняя — такая же партийная наука в современном обществе, как и *гносеология*».¹⁴⁴ Показательна эволюция Родолико в этом же вопросе: в 1905 г. Родолико считал, что у цехов красильщиков и портных не хватало «высокой идеальности, поэзии любви, а без любви легко развивается естественный эгоизм», приведший их к разрыву с чомпи.¹⁴⁵ В 1945 г. Родолико видит в действиях этих цехов «классовый эгоизм», явившийся, по его нынешним представлениям, источником всех бед. Правда, элементы этих формулировок он черпал у Дорена еще в своей старой работе,¹⁴⁶ а сам впервые ввел положение о «классовом эгоизме» еще в 1922 г. («class egoism»).¹⁴⁷

Если Родолико выступает в качестве проповедника классового мира, то его учитель и первый крупный исследователь восстания чомпи, Фоссати, в своей книге, вышедшей еще в 1882 г., писал, что «нельзя не аплодировать делу тех», кто разгромил чомпи, которые «стремились все иметь в своих руках, полагая, что только они способны мыслить и управлять».¹⁴⁸ Именно эта сторона «классового эгоизма» чомпи пугала и пугает буржуазных ученых, а их идея «классового мира» предполагает бесправие трудящихся. В этом отношении между Родолико и его учителем Фоссати родство не только академическое, но и классовое.

Суть всех рассуждений такого типа сводится к резко отрицательному отношению к преобладанию в политической жизни низов, плебса, трудящихся. Эта мысль рельефно отражена в одном из политических афоризмов Кампанеллы, очевидно, относящихся к характеристике периода чомпи: «Но если побеждает плебс таким образом, что он тянет благородных [граждан] за собой и за своими обычаями, то это истощает республику, как это было во Флоренции».¹⁴⁹

¹⁴⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 327—328.

¹⁴⁵ Это отмечено еще П. П. Фридолиным (Восстание Чьомпи, стр. 58), который критиковал идеалистические воззрения Родолико (о причинах измены названных цехов красильщиков и портных по отношению к чомпи) и ошибочные воззрения А. Дорена, считавшего красильщиков и портных «лучшими элементами» среди наемных рабочих, а в политическом и социальном отношениях наиболее зрелыми.

¹⁴⁶ Там же, стр. 434.

¹⁴⁷ N. Rodolico. The struggle for the right of association, стр. 190.

¹⁴⁸ C. Fossati, стр. 266—267.

¹⁴⁹ «18. Ma se la plebe vince in modo che tiri la nobiltà alla sua parte, et ai suoi costumi consumano la Republica come avvenne a Fiorenza» (Aphorismi Politici di Fra Tomaso Campanella Dominicano. Рукописное отделение Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ит. F. XVII, л. 98). До этого следуют афоризм 17, в котором, по образцу Платона, сравниваются монархия, тирания, аристократия, олигархия, политика и демократия, и афоризм 16, в котором сравниваются римская республика, венецианский догат и управление римской курии. Сложная и против-

Как мы уже отмечали, мысль о самостоятельном управлении, или точнее — о приоритете власти, не была у чомпи доведена до конца, хотя являлась одной из наиболее ценных сторон их программы и их деятельности.

В XIV в. эта борьба не привела и, как уже отмечалось, не могла привести к победе и утверждению власти предпролетариата. Поэтому как модернизаторские и антинаучные нужно рассматривать встречающиеся у буржуазных авторов формулировки, в которых восстание чомпи характеризуется как попытка установления диктатуры пролетариата, о чем, например, пишет итальянский историк Лейхт.¹⁵⁰

В работах советских исследователей, посвященных восстанию чомпи, дается принципиально отличная от буржуазных ученых оценка этого крупного и симптоматичного движения. Общая оценка его содержания, направленности и результатов не вызывает существенных возражений, за редчайшим исключением.¹⁵¹

Собственно, изложенными выше событиями разгрома чомпи 31 августа 1378 г. и заканчивается история восстания чомпи, в связи с чем мы разрешили себе поставить несколько вопросов, связанных с общей характеристикой этого специфически итальян-

речивая философия Кампанеллы требует особого рассмотрения, однако элементы этого положения не случайны, их можно обнаружить и в других его произведениях.

¹⁵⁰ «I Ciompi avrebbero voluto instaurare una dittatura proletaria» (P. S. Leicht, стр. 168).

¹⁵¹ Н. П. Грацианский в целом правильно писал о движении чомпи, что «речь идет о чисто городском движении в обстановке раннего капиталистического хозяйства», хотя некоторые его термины требуют уточнения (Н. П. Грацианский, стр. 4, 133—134). А. К. Дживелегов называет чомпи пролетариатом и даже говорит о возможности установления во Флоренции XIV в. диктатуры пролетариата. Восстание же чомпи именуется автором социальной революцией (А. Дживелегов, Флоренция, стр. 160—170 и др.). Такая модернизация событий XIV в. является исключением в советской литературе. П. П. Фридолин, как правило, называет это движение восстанием, однако использует и такую формулу, как «революция чомпи» (П. П. Фридолин, Восстание Чьомпи, стр. 60). Модернизированно звучит его сравнение народного ополчения с красной гвардией (там же, стр. 48). В 1942 г. П. П. Фридолин снова употребляет такие термины, как «революция», «цеховая буржуазия» и т. д. (П. П. Фридолин, Восстание Чьомпи. Тезисы, стр. 5—7). В своих работах, в целом правильно освещающих историю восстания чомпи, М. А. Гуковский иногда также допускает термин «революция» (М. А. Гуковский, Кто был истинным руководителем восстания чомпи, стр. 191); (М. А. Гуковский, Итальянское Возрождение, стр. 183; М. А. Гуковский, стр. 710). Несколько модернизированно звучит также формулировка «рост рабочего движения», использованная в моей работе 1951 г. (В. И. Рутенбург, Очерк, стр. 18). Все эти терминологические неточности могут дать пищу для модернизации истории движения чомпи, а тем самым для неверной характеристики его сущности, искажения исторической действительности.

янского, но весьма симптоматичного для всей Европы XIV в. события.

Следующим актом после драматических событий 31 августа 1378 г. являются репрессии со стороны победителей, «устанавливающих порядок». Необходимо сказать несколько слов о характере этих репрессий.

Пизанский хронист посвятил событиям 31 августа несколько слов. Под заглавием «Как были смещены чомпи» он пишет: «В день 31 августа главы цехов с некоторыми гражданами Флоренции из жирного народа сражались с чомпи и удалили их из правительства».¹⁵² Он рассматривает это событие как государственный переворот, так как предыдущий параграф, в котором в тех же выражениях описывается, как были смещены приоры, а с лишением их власти ликвидировано и государство «жирного народа», он назвал «Изменение [правления] флорентийского государства».¹⁵³

Это и был водораздел в истории Флоренции, когда, по выражению сер Нофри, «было установлено новое правление цеховых ремесленников и других добрых имущих людей».¹⁵⁴ Так хронисты говорят о составе победителей, которые, по Родолико, «делают историю», «устанавливают порядок», репрессируют посягавших на их добро и права.

Феррарский хронист, рассказывая об июльских событиях, говорит о поджогах и грабежах со стороны «тощего» народа. Когда же чомпи были разгромлены, «богачи в свою очередь сделали им то же самое».¹⁵⁵ Хронист вряд ли хотел сказать, что богачи грабили и жгли, хотя при подавлении восстания «дель Бруко» в Сьене, они именно так и поступали. Но и во Флоренции не было картины бескровного умиротворения, которую рисует тот же хронист.¹⁵⁶

Репрессии начались сразу же с 31 августа. До полуночи вооруженные отряды охраняли площадь и весь город, а в пол-

¹⁵² «A di XXI d'Agosto quelli della Capitadini con alquanti Cittadini di Firenze del popolo grasso combatteteno con li Ciompi, e spuoseneli di Signoria» (Cronaca di Pisa, стр. 1074). «XXI» — очевидно, описка хрониста, вместо «XXXI».

¹⁵³ «Mutamento dello Stato di Firenze» (там же, стр. 107г).

¹⁵⁴ «...feciono nuovo reggimento d'artefici e altri uomini da bene» (Ser Nofri, стр. 58). В начале 1379 г. даже было принято решение приората, согласно которому день св. Джулиана, когда произошел разгром чомпи, надлежало отмечать как праздничный (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 91).

¹⁵⁵ «...pars Populi minuti armata manu ad domos, et palatia divitum incurerunt, et multas ex ipsis domibus derobaverunt, combusserunt. Divites vero, versa vice, postea eis simile fecerunt» (Chronicon estense, стр. 502).

¹⁵⁶ «... et multis relegatis, pacificati sunt nulla tamen effusio sanguinis intervenit» (там же).

ночь один из отрядов двинулся в рабочие районы Беллетри и Сан Барнаба, обыскивая дома чомпи с целью схватить бежавших с площади. Первыми пострадали жены чомпи, с которыми отряд «золотого знамени» («in confalone a oro») обошелся очень грубо.¹⁵⁷

Победители еще не верили в окончательную победу, боялись, что чомпи соберутся снова и поэтому было приказано, по решению старых и новых приоров, звонить во все колокола дворца, призывая «каждого жирного и каждого члена цеха» вооружиться. Но чомпи были разбиты, как рассказывает их сторонник-хронист, как люди, которые доверяли своим и были ими же преданы, поэтому у них не было смелости снова начать борьбу.¹⁵⁸

1 сентября из окна дворца приоров было выброшено знамя цеха чомпи с изображением ангела, его рвали на куски и топтали ногами. В тот же день из состава нового приората были выведены два представителя «божьего народа» — чесальщики шерсти: первый и последний из рядов чомпи гонфалоньер справедливости — Бароччо и приор-чомпо Триа.¹⁵⁹ Бароччо был спасен автором «Первой анонимной хроники», который, таким образом, не только симпатизировал чомпи, но и помогал им.¹⁶⁰

После изгнания приоров-чомпи новый состав приората, пополненный Джорджо Скали и Франческо ди Микеле, вынес решение о запрете занимать должности тем, кто недавно входил в цех чомпи и снова уже именовались «подчиненными цеху Ланы».¹⁶¹ Это не касалось двух новых цехов — красильщиков и портных, которые предали чомпи; была определена новая квота представительства в приорате: 4 приора избирались от старших цехов и 5 от всех младших, к которым теперь причислялись и бывшие цехи «божьего народа».¹⁶² Первый удар обрушился на тех шестерых членов «Восьми святых божьего народа», которые еще были на свободе, двое находились под арестом во дворце приоров, — все они были осуждены специальным решением приората.¹⁶³ Трудно сказать, кто из них был действительно подверг-

нут наказанию «материальному и персональному» (della avere e della persona), кому удалось бежать, а кто погиб на площади 31 августа. Приорат тоже этого мог не знать и вынести приговор заочно.

Два члена «Восьми святых», схваченные во дворце приоров, были казнены в начале сентября.¹⁶⁴ В то же время был издан указ о возврате под страхом отсечения ноги оружия членами народного ополчения или оплаты, которую они получали. Всем чесальщикам, шерстобитам и другим наемным рабочим было приказано сдать всякое оружие под страхом смертной казни.¹⁶⁵

Если обратиться к далеко неполной у хронистов статистике репрессий, то при простом их перечне, без специального рассмотрения сущности и деталей каждого случая, можно прийти к выводу, что они проводились систематически и продолжались в течение нескольких лет.

Не считая, естественно, таких случаев, как сожжение женщины за убийство мужа или повешение одного болонца за кражу ослов,¹⁶⁶ укажем лишь на репрессии, связанные с антиправительственной деятельностью: с 1 сентября до конца 1378 г. было 7 случаев репрессий, при которых подверглись различным наказаниям 128 человек, из них 8 были казнены; в 1379 г. — 18 случаев репрессий, охвативших 135 человек, из них 16 были присуждены к смертной казни, 1 подвергся отсечению руки, 1 — вечному заключению; в 1380 г. — 6 процессов, через которые прошло 99 человек, из которых 6 были казнены, 39 объявлены мятежниками; в 1381 г. — 2 случая репрессий по отношению к 34 человекам, из которых 9 были лишены жизни.¹⁶⁷

Отсюда следуют по крайней мере два вывода:

1) в отличие от чомпи, их противники не придерживались теории содружества бедных и богатых и обильно проливали кровь своих врагов;

2) систематические и кровавые репрессии свидетельствовали не только о беспощадности правящих кругов, но и о продолжающейся борьбе.

¹⁵⁷ «... cercando per le di case di quella gente, la qual' era cacciata; e fecero villania a molte poveri femmine» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 82).

¹⁵⁸ «... come gente rotta, e senza capo... come gente che si fidavano e furono traditi da' loro medesimi... Non ebono cuore» (там же).

¹⁵⁹ Там же, стр. 83.

¹⁶⁰ Там же. Очевидно, он был арбалетчиком чомпи или, скорее, одним из солдат охраны дворца приоров.

¹⁶¹ «E si divietarono che niuno sottoposto a l'arte della lana non potesse avere uffizi veruno di comune» (там же).

¹⁶² Там же.

¹⁶³ «Diero i signori bando dell'avere e della persona a sei uomini; i quali furo di quegli otto chiamati per lo popolo minuto» (там же).

¹⁶⁴ Там же, стр. 84.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же, стр. 89, 91.

¹⁶⁷ Там же, стр. 83—97; M. Stefani, rubr. 807a—910a, стр. 335—401; Diario d'Anonimo, стр. 382—388; Atti del Capitano del Popolo del 1379, стр. 441—445. Во многих случаях нельзя установить, к чему был присужден тот или иной обвиняемый, поэтому здесь даны только определенно указанные случаи смертной казни, которых в действительности, очевидно, было больше. Ученные здесь процессы или решения об осуждении (объявление мятежниками и т. д.) касаются всех политических дел, так как состав подвергнутых наказаниям был весьма сложен (гранды, пополаны, чомпи и т. д.).

Эта борьба, как будет далее показано, была насыщена героикой движения чомпи и поэтому завершающий эпизод в истории чомпи, казнь их вожаков, был не только последней страницей великой драмы, но и вдохновляющим примером для последующих борцов за знамя и идеи чомпи.

На этот эпизод обратил внимание К. Маркс в своих выписках из работы Каппони: «Процесс против зачинщиков последнего восстания... Это — правосудие (было совершено, — В. Р.) от имени правления цеховых ремесленников; ророю, который во Флоренции был естественным синьором, не хотел признавать (принимать в расчет) плебейских деяний».¹⁶⁸

Первыми были казнены двое из руководителей чомпи, поплатившиеся за свои «плебейские деяния».

Это были вожаки чомпи, члены «Восьми святых божьего народа», Доменико ди Туччо, по прозвищу Тамбо, первым вызвавшийся идти во дворец с требованием выполнения приорами августовской петиции чомпи, и Марко ди сер Сальви Гаи.¹⁶⁹ Они вели себя во дворце смело и настойчиво по отношению к приорам, невзирая на их высокие звания. Микеле ди Ландо ранил Тамбо, а затем оба чомпи были брошены за решетку. Они прошли через три этапа следствия: у капитана народа, исполнителя справедливости и подеста. Во время допросов их заставили сообщить имена вожаков чомпи.¹⁷⁰ Все должностные лица, ведшие следствие, отказались выносить им приговор, так как для этого, как пишет хронист — сторонник чомпи, «не было оснований». И только под давлением «некоторых граждан» (*cersi cittadini*) подеста вынес смертный приговор.¹⁷¹ Родолико совершенно прав, говоря в своей ранней работе, что это объяснялось не убеждением всех должностных лиц в невинности

¹⁶⁸ «Prozess gegen die autori der letzten sedizione... Diese giustizie in nome d'un governo d'artigiani; il popolo, come in Firenze natural signore, non volle sapere (reichen) die faccia plebea» (К. Магх. Exzerpte, стр. 17). Говоря о правосудии цеховых ремесленников, К. Маркс здесь имеет в виду и последующий приговор (27 сентября), в который включено около 30 человек, что им также выписано из работы Каппони. Следует отметить, что при весьма скупом выборе фактов и характеристик, данных Каппони, К. Маркс наиболее пространные выписки делает из главы, касающейся восстания чомпи, особенно из материалов последнего, августовского, периода восстания, по которому у него сделаны выписки подряд из 8 страниц почти всего текста Каппони (С. Саррони, стр. 336, 340, 341, 343—346, 348—359; К. Магх, Exzerpte, стр. 13—17).

¹⁶⁹ Имя «Гаи» дает автор «Дневника» (Diario d'Anonimo, стр. 382—383).

¹⁷⁰ «Fatto il Podestà l'esaminatione... E poi per la confessione di costoro e d'altre informazione diede bando a molti...» (M. Stefani, rubr. 807a, стр. 336).

¹⁷¹ Cronaca prima d'Anonimo, стр. 84.

Тамбо и Гаи, а тем, что у них еще не было уверенности в окончательном разгроме чомпи: они боялись, что чомпи еще вернутся к власти и отомстят за своих вожаков.

Но, в конце концов, приговор был вынесен, и поздно вечером 5 сентября 1378 г. приведен в исполнение.¹⁷² Вся площадь была заполнена вооруженными конными и пешими войсками из-за боязни нового восстания в народе в связи с этой казнью,¹⁷³ хотя еще днем было спокойно, и охрана была более усиленной, чем в другие дни.¹⁷⁴ После казни усиленная охрана несла службу всю ночь.¹⁷⁵ Правительство хотело утратить народ этой казнью, но само пребывало в страхе перед возможностью восстания.

По официальной версии, вожаков чомпи казнили за то, что «они хотели разрушить государство города Флоренции»,¹⁷⁶ хотя приговор даже не был прочитан.¹⁷⁷

Перед казнью осужденные обратились к собравшемуся на площади народу со следующими словами: «Это богу ведомо, что мы умираем из-за величайшей несправедливости, но, если родина может получить успокоение через нашу смерть, мы умираем удовлетворенные». «Они замолкли, — пишет хронист, — и несправедливость совершилась. Множество сочли это великим злом. Похоронены они были своими людьми»,¹⁷⁸ т. е. своими соратниками — чомпи.

¹⁷² Дата 5 сентября дается у авторов «Дневника», «Второй анонимной хроники», в пистойской хронике Содзоменни (Diario d'Anonimo, стр. 382; Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 122; Spezimen, стр. 41). У Стефани дата точно не указана: «... a vespro a di... di settenbre» (M. Stefani, rubr. 807a, стр. 336). У автора, сторонника чомпи, указано 11 сентября, хотя точно указан час казни — около 22 часов вечера: «A di xi di settembre, la domenica in sulle ventidue ore...» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 84). Мы уже отметили, что этот хронист, как установил еще Герарди, неточен по части дат. В данном случае у него описка, так как он сам подтверждает, что казнь была совершена в воскресенье, в то время как 11 сентября 1378 г. был субботний день (пятое же сентября 1378 г. действительно приходится на воскресенье).

¹⁷³ «La piazza era tutta piena di soldati a cavallo e a piede, tutta bene armata, per paura che la terra non andasse a romore» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 84).

¹⁷⁴ «A di V di settenbre molte novelle e cose si dissono, per giente avrebbe voluto vedere male; e il di istette molto sospesa la terra, e fessi maggiore guardia ch'altri di» (Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 122).

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ «... che vollono guastre lo stato della città di Firenze» (Diario d'Anonimo, стр. 382—383).

¹⁷⁷ «... senza leggere condannazione» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 84).

¹⁷⁸ «Questo sapi Idio, come noi moiamo a grandissimo torto; e, se per noi si de'raccionare la terra, moriamo contenti». Si tacettoro, e fessi la ingiostizia. A molta gente ne parera molto male. Sopelliti furo da lor genti» (там же). Здесь мы даем несколько измененный, более точный, чем в нашей книге 1951 г. (В. И. Рутенбург. Очерк, стр. 173), перевод их речи.

Если бы даже хронист вложил эту речь в уста вожаков чомпи сам,¹⁷⁹ это служило бы доказательством того, что чомпи, низы Флоренции приняли казнь своих руководителей как величайшее преступление, что образ Тамбо и Гаи запечатлелся у них как образ народных мучеников и героев.

Можно ли Тамбо и Гаи считать главными вожаками чомпи? В связи с этим закономерно возникает общий вопрос: кто был истинным руководителем восстания чомпи? Этот вопрос был поставлен только в советской литературе М. А. Гуковским в 1939 г.¹⁸⁰

В этой работе совершенно правильно говорится о том, что до последнего времени в некоторых работах фигура Микеле ди Ландо выдвигается на первый план, в то время как он не играл никакой роли при подготовке восстания и принимал активное участие в подавлении восстания.¹⁸¹

М. А. Гуковский среди работ, где «в центре изложения всегда стоит одна фигура» — Микеле ди Ландо, назвал исследование П. П. Фридолина. В этой работе действительно говорится о Микеле, что вполне закономерно при изучении всех сторон восстания. Можно признать, что его роль охарактеризована Фридолиным неправильно. Однако именно Фридолин первый еще в 1925 г. отметил, что в июле 1378 г. «у флорентийского пролетариата появились собственные вожди», что «в уличной революции 20-х чисел июля предводительствовали простые люди». Они названы у него — это Галассо, Симоне ди Бьяджо, Гвидо Бандьера. К ним он причисляет и Микеле ди Ландо. Кроме них, у него названо еще десять имен: Симончино, Паголо дель Бодда, Лиончино ди Бьяджино, Лоренцо Рикомани, Нардо ди Камальдоли, Лука ди Мелано, Мео дель Грассо, Цокколо Бандьера, Сальвестрино да Сан Джорджо, Гванда ди Гвальфонда.¹⁸²

Таким образом, нужно отметить, что, несмотря на неправильную оценку Микеле, которую дал Фридолин, он первым в советской литературе и вообще в литературе о чомпи дал почти исчерпывающий список истинных вожаков чомпи, основываясь на хрониках Аччаюоли и «Первой анонимной».¹⁸³

¹⁷⁹ Судя по материалам тех же хроник, произнесение последнего слова перед казнью практиковалось нередко, а такие вожаки чомпи, как Тамбо, не раз выступали на сходках чомпи, во дворце перед приорами и т. д., поэтому их речь можно считать не вымышленной.

¹⁸⁰ М. А. Гуковский. Кто был истинным руководителем восстания чомпи.

¹⁸¹ Там же, стр. 191.

¹⁸² П. П. Фридолин. Восстание Чьомпи, стр. 34—35.

¹⁸³ А. Acciajoli; Cronaca prima d'Anonimo.

М. А. Гуковский расширил круг источников¹⁸⁴ и сделал новые весьма ценные наблюдения. Основываясь на том, что два имени — Мео дель Грассо (Бартоломео ди Лоренцо) и Лука Мелани — встречаются в материалах, относящихся к июлю, августу, сентябрю и даже октябрю 1378 г., он считает этих двух лиц «скромными и героическими вдохновителями одной из первых рабочих революций, «главными вожаками восстания», «смельными революционерами». Они «явились организаторами, вдохновителями, вождями движения середины июля... они же в последние дни августа... подготавливают новое восстание, снова организуют массы и ведут их на борьбу», а после разгрома движения «снова сколачивают ядро недовольных, снова готовят выступление, но обнаруженные, вторично попадают в число осужденных, на этот раз, очевидно, окончательно».¹⁸⁵

Итак, М. А. Гуковский считает, что истинными руководителями восстания чомпи были Мео дель Грассо и Лука Мелани. За ними идут учитель Гваспарре дель Рикко и нотариус Аньоло Латини, которые «не только помогали своими специальными знаниями чомпи», но и «душой и телом вошли в их среду, принимали активное участие в событиях».¹⁸⁶

После работы, которую сам автор назвал «предварительной заметкой», вышел общий труд М. А. Гуковского, в котором деятельность Мео дель Грассо и Луки Мелани показана на фоне всего хода восстания чомпи, изложенному на нескольких страницах. Здесь их роль и деятельность несколько конкретизируются. Все эти четыре лица названы им здесь руководителями тайной подготовки восстания. В июльские дни Мео и Лука руководят такими собраниями чомпи за стенами города, в каче-

¹⁸⁴ Кроме использованных Фридолиным, им были привлечены «Diario d'Anonimo», хроника М. Stefani и материалы процесса Чири, опубликованные Родолико (Atti del Capitano del Popolo del 1379).

¹⁸⁵ М. А. Гуковский. Кто был истинным руководителем восстания чомпи, стр. 195—196. В монографии 1947 г. говорится о том, что Мео и Лука, «скрываясь в подполье, продолжали организацию рабочих низов, подготовку заговоров и восстаний» (М. А. Гуковский. Итальянское Возрождение, стр. 190). В 1957 г. в Италии вышла в свет статья М. А. Гуковского, в которой эти вожаки также именуется «истинными главами и вдохновителями восстания Чомпи» («i veri capi e ispiratori della rivolta dei Ciompi» — М. А. Gukowski, стр. 712), «главными руководителями движения», «главными руководителями Чомпи» («principali capi della sommossa, principali capi dei Ciompi» — там же, стр. 713). М. А. Гуковский пишет, что эти имена не назывались ни в одной работе, посвященной восстанию чомпи (там же, стр. 712). Детального исследования деятельности Мео и Луки, подобно проведенной М. А. Гуковским, действительно нет ни у одного автора, но их имена фигурируют среди списка вожаков чомпи у Фридолина (П. П. Фридолин. Восстание Чьомпи, стр. 34—35).

¹⁸⁶ М. А. Гуковский. Кто был истинным руководителем восстания чомпи, стр. 196.

стве председателей возглавляют, как говорит М. А. Гуковский, революционный комитет чомпи. В августе они входят в правительственный орган «Восьми святых божьего народа» как «истинные революционные вожди». Тут же проявляют свою деятельность Гваспарре и Аньоло Латини.

Из других активно действующих в ходе восстания фигур здесь названы Симончино, Никколо Берарди, Тамбо и Бароччо.¹⁸⁷

Место и роль революционных вожakov восстания можно определить по их поступкам, или, как говорил Фридолин, по их «акциям».¹⁸⁸ Мы рассмотрели историю восстания чомпи и старались на протяжении всего изложения показывать эти «акции» отдельных, известных из хроник и официальных материалов, лиц, активно участвовавших в движении чомпи на разных этапах.

Для дополнения и уточнения исследования М. А. Гуковского проследим по источникам, каковы были «акции» Мео дель Грассо и Луки Мелани, чтобы выяснить, можно ли именно их считать главными вожакими движения чомпи.

Впервые их имена были названы на допросе Симончино, выданного доносчиком, 19 июля 1378 г. среди двенадцати других.¹⁸⁹ Наряду со всеми названными они принимали участие в собраниях накануне июльского восстания. Будучи участниками руководящей группы чомпи, они, однако, ничем из нее не выделялись. Среди этих наиболее осведомленными были Симончино, Паголо дель Бодда и Лоренцо Рикомани, которых доносчик и предлагал схватить в первую очередь, так как, по его сообщению, «эти трое вам расскажут о заговоре все по порядку».¹⁹⁰ И хотя их арестовали в разное время и допрашивали отдельно, они действительно все рассказали слово в слово (*ad litteram*), так как были в курсе этих дел.¹⁹¹ Таким образом, о деятельности Луки Мелани и Мео дель Грассо до середины июля 1378 г. нам ничего не известно. В середине же июля главными вожакими чомпи скорее можно считать Симончино, Паголо дель Бодда, Лоренцо Рикомани¹⁹² и, возможно, Филиппо ди Симоне, а не

Луку Мелани и Мео дель Грассо. Данных, подтверждающих, что именно их нужно считать организаторами и вдохновителями июльского восстания, мы не находим. Трудно также подтвердить, что именно под их руководством и даже председательством происходили тайные собрания чомпи, что они возглавляли всю группу руководителей чомпи.¹⁹³

Материалы процесса Чирри дают нам несколько имен активных участников августовских событий, среди которых на первом месте, после Луки Панцано, стоят имена Луки Мелани и Мео дель Грассо. Поэтому можно полагать, что эти последние, имея уже июльский опыт борьбы, действительно готовят новое восстание, наряду с другими. Их ведущую роль здесь можно предполагать, и можно сказать, что они вместе с другими шестью были членами «Восьми святых». С абсолютной точностью этого нельзя сказать, так как в приговоре, не считая Луки Панцано, названы четырнадцать имен: Пьеро Чирри, Лука Мелани, Бартоломео ди Лоренцо, по прозвищу Мео дель Грассо, Фьоре ди Бартоло, его сын Занобио, Николо ди Бетти, красильщик, Анджоло ди Ченни, Нюфриво ди Чинелли, Николо ди Бартоло, Маттео сер Сальви, Симоне д'Андреа, по прозвищу Морелли, Доменико ди Бонакурзи, Доменико Туччи, Франческо Бартоли. Какие восемь имен из двенадцати относятся к «Восьми святым», не сказано, так как в тексте встречается лишь общая форма «вышеназванные Восемь».¹⁹⁴ В приговоре говорится об активной деятельности Луки Мелани,¹⁹⁵ который вместе с красильщиком

¹⁸⁷ М. А. Гуковский. Итальянское Возрождение, стр. 184, 186.

¹⁸⁸ «Predicti Octo» (*Atti del Capitano del Popolo del 1379*, стр. 441—444). Определенно членами «Восьми святых» были Маттео Сальви и Доменико Туччи, казненные 5 сентября 1378 г., а также, надо полагать, Пьеро Чирри. К этим именам необходимо еще добавить Аньоло, по прозвищу Баккано, из прихода Сан Никколо, которого хронист, сторонник чомпи, называет первым среди шести членов «Восьми святых», оставшихся после ареста Тамбо и Гаи и осужденных после подавления восстания чомпи (*Scopasa prima d'Anonimo*, стр. 83). Имена остальных членов «Восьми святых» у него, к сожалению, отсутствуют (лакуна). Никто из известных нам по имени вожakov чомпи не входил в правительство Микеле ди Ландо, как об этом пишет М. А. Гуковский (Итальянское Возрождение, стр. 186), а оба представителя чомпи, Боннаккорзо ди Джованни и Леончино ди Франческо (M. Stefani, rubr. 796a, стр. 326), оказались молчаливыми пособниками Микеле (*Scopasa prima d'Anonimo*, стр. 81—82). Возможно, что Леончино ди Франческо впоследствии снова действовал на стороне чомпи, так как его казнили 9 мая 1379 г. на берегу Арно; его могли репрессировать так же, как бывшего синдика цеха чомпи.

¹⁸⁹ Правильнее — Лука ди Мелано или Лука дель Мелано. Симончино на допросе называл его Лука ди Мелана («Luca di Melana» — A. Acciaiuoli, стр. 21), у хрониста Стефани он именуется Лука дель Мелано (M. Stefani, rubr. 807a, стр. 337; rubr. 811a, стр. 340; rubr. 845a, стр. 366). В приговоре дается латинизированная форма его имени — Luca

¹⁸⁷ М. А. Гуковский. Итальянское Возрождение, стр. 183—189.

¹⁸⁸ «Дело ведь не только в именах (конечно, сохранить их для потомства следует), а в „акциях“ этих имен» (письмо П. П. Фридолина от 14 ноября 1949 г., адресованное автору).

¹⁸⁹ A. Acciaiuoli, стр. 20.

¹⁹⁰ «... questi tre, egli no vi diranno tutto el trattato per ordine» (там же).

¹⁹¹ Там же, стр. 22. Лоренцо Рикомани, очевидно, не удалось найти, но был схвачен Филиппо ди Симоне, будущий синдик цеха чомпи.

¹⁹² Лоренцо Рикомани был к тому же избран одним из синдиков цеха чомпи.

Николо ди Бетти, Бартоло и Занобио дель Фьоре и другими 29 августа вмешивались от имени чомпи в ход избрания нового приората, превратив выборы из конституционных в революционные, народные. Мео дель Грассо здесь не назван, хотя можно предполагать, что его имеют в виду среди «других вышеназванных» («et alii ex pridictis»).¹⁹⁶

Кроме этого, в приговоре описаны активные действия Доменико Туччи, Маттео сер Сальви, Франческо Бартоли и Симоне д'Андреа, по прозвищу Морелли, которые в конце августа идут во дворец и требуют у приоров присягнуть на евангелии, обещая выполнить программу чомпи, выработанную в Камальдоли.¹⁹⁷

Таким образом, и в августе 1378 г. Лука ди Мелано и Мео дель Грассо действуют среди других ведущих вожжаков чомпи, причем Мео, по-видимому, играет второстепенную роль. И для этого периода восстания нет определенных данных, которые бы давали основание именно их считать главными вожжаками чомпи.

Что касается сведений, которые можно почерпнуть у Стефани и в «Дневнике» безымянного автора, то они ограничиваются указанием на осуждение Мео дель Грассо и Луки ди Мелано. В приговоре от 17 сентября 1378 г. перечислены имена активных участников движения чомпи, которые «были вместе с чомпи — чесальщиками, ворами, грабителями и убийцами... выступившими против государства Флорентийской коммуны». ¹⁹⁸ По сообщению автора «Дневника», было осуждено 44 человека, хотя в его списке поименно перечислено 36 человек, на что обратил внимание еще Герарди. Столько же их называет поименно и Стефани, хотя не все имена у них совпадают.¹⁹⁹

Характер приговора 17 сентября раскрывает Стефани: сюда были внесены все вожжаки и активные деятели восстания чомпи, которые были названы на допросах Тамбо и Гаи («per la confessione di costoro») и по информации других лиц («e d'altre

Melani (Atti del Capitano del Popolo del 1379, стр. 441). М. А. Гуковский предполагает, что его имя следует читать как испорченное «Миланец». В приговоре указано, что он происходит из Монтепероли («Luca del Melano da Montesperoli» — Diario d'Anonimo, стр. 384—389). В статье М. А. Гуковского он называется также Лука дель Мелано ди Монтеперти («Luca del Melano di Montesperiti» — М. А. G u k o w s k i, стр. 712).

¹⁹⁶ Там же, стр. 443.

¹⁹⁷ Там же, стр. 444.

¹⁹⁸ Diario d'Anonimo, стр. 384—385. Хронист, сторонник чомпи, дает другую дату — 25 сентября (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 84).

¹⁹⁹ M. Stefani, rubr. 807a, стр. 336—337. Стефани не дает даты осуждения, а лишь сообщает, что это было после казни Тамбо и Гаи, т. е. в сентябре.

informazioni»).²⁰⁰ В этот список были внесены все, кого приорат считал заслуживающими осуждения как «врагов государства». Это не был приговор процесса, а лишь решение правительства, которых в его практике было множество.²⁰¹ Скорее всего большинство, если не все из этого списка, бежало при подавлении восстания чомпи. Примером тому может служить чесальщик шерсти Гвидо Бандьера, которого еще в июле 1378 г. чомпи провозгласили рыцарем народа. Его имя значится в списке осужденных 17 сентября, а затем появляется в таком же январском списке 1380 г., где он значится как «мессер Гвидо Бандьера, чесальщик». Здесь он фигурирует среди многих бежавших из Флоренции (usciti) и подлежащих наказанию. И снова в марте того же 1380 г. он заочно объявляется наряду со многими другими мятежником.²⁰²

Другим подтверждением именно такого характера решения приората является пример с военачальником чомпи в августовские дни грандом-авантюристом Лукой да Панцано. Его имя значится в осуждении 17 сентября, а затем снова появляется в ноябре 1379 г. среди имен заговорщиков, действовавших за пределами Флоренции, на ее землях, и подлежащих осуждению.²⁰³

Наконец, о характере приговора говорит решение приората от 11—12 октября 1380 г. о выделении 10 тысяч флоринов для организации убийств «любым путем и способом» («in ogni forma e via e modo») тех, кто объявлен подлежащим наказанию мятежником.²⁰⁴

Те же активные деятели чомпи, которых удавалось схватить, подвергались смертной казни: об этом говорит пример с Пьеро Чирри, казненным 17 декабря 1379 г.²⁰⁵

Даже второстепенный деятель движения чомпи, священник церкви Сан Лоренцо, который согласился звонить в колокол, призывая к восстанию, был схвачен в том же, 1379, году, подвергнут пытке и осужден на вечное заключение в железной клетке, помещенной над тюрьмой Стинке.²⁰⁶

Вряд ли можно считать, что все перечисленные в решении (а не приговоре) от 17 сентября были жертвами, приговорен-

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ «A di XXV Settembre si diedoro i signori bando...» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 84).

²⁰² M. Stefani, rubr. 295a, стр. 324; rubr. 807a, стр. 336; rubr. 845a, стр. 365; rubr. 851a, стр. 371; Cronaca prima d'Anonimo, стр. 74; Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 110.

²⁰³ M. Stefani, rubr. 807a, стр. 336; rubr. 826a, стр. 351.

²⁰⁴ Там же, rubr. 875a, стр. 381.

²⁰⁵ Atti del Capitano del Popolo del 1379, стр. 445.

²⁰⁶ Cronaca prima d'Anonimo, стр. 93.

ными к весьма тяжким карам.²⁰⁷ Все они, без исключения, могли стать жертвами, но не все стали, так как многие из них были далеко от карающей руки закона.

Такой же, очевидно, был характер и второго решения, вынесенного приорами в конце октября или начале ноября 1378 г. по делу о заговоре, характер которого нужно исследовать особо, так как наряду с именами Луки ди Мелано и Мео дель Грассо, которые, действительно, были участниками нового заговора, как это впервые установил М. А. Гуковский, фигурирует яростный враг чомпи, хронист сер Ноффри.²⁰⁸ Предположение М. А. Гуковского, что эти два вожака чомпи покинули город,²⁰⁹ справедливо, однако это произошло, судя по решению 17 сентября, еще при подавлении восстания, почему в октябрьском (или скорее ноябрьском) решении им не определена степень наказания. Мео и Лука бежали из Флоренции после разгрома восстания чомпи, и не столько скрывались в подполье,²¹⁰ сколько были вне пределов досягаемости флорентийских властей. Можно лишь предполагать, что они «продолжали организацию рабочих низов, подготовку заговоров и восстаний».²¹¹ Хроники дают основание говорить лишь об их участии в заговорах. Нет данных и о том, что они сложили свои головы на эшафоте.²¹² Во всяком случае, в отношении Луки ди Мелано можно твердо сказать, что он не был казнен не только в 1378 г., но находился вне пределов Флоренции до января 1380 г., когда он был внесен в список 47 покинувших Флоренцию (*usciti*) и подлежащих осуждению наряду с Гвидо Бандьера, Симоне д'Андреа, указанных в приговоре Чирри 1379 г., и др.²¹³

Таким образом, дополняя М. А. Гуковского, который первым нашел, что имена Луки ди Мелано и Мео дель Грассо принадлежат не только периоду восстания чомпи, но запечатлены и на страницах истории последующего периода, вплоть до октября 1378 г., мы можем расширить эти рамки для одного из них — Луки ди Мелано — до 1380 г.

Что же касается длительности их деятельности, то она, действительно, свидетельствует об упорстве, настойчивости и убежденности в правоте своего дела. Именно в этом, нам кажется,

²⁰⁷ М. А. Гуковский. Кто был истинным руководителем восстания чомпи, стр. 194.

²⁰⁸ М. Stefani, rubr. 810a, стр. 340.

²⁰⁹ М. А. Гуковский. Кто был истинным руководителем восстания чомпи, стр. 195.

²¹⁰ М. А. Гуковский. Итальянское Возрождение, стр. 190.

²¹¹ Там же.

²¹² М. А. Гуковский. Кто был истинным руководителем восстания чомпи, стр. 195; М. А. Gukowski, стр. 712.

²¹³ М. Stefani, rubr. 845a, стр. 365—366.

— и состоит научное открытие М. А. Гуковского, установившего, что Лука ди Мелано и Мео дель Грассо боролись за свои цели как в июле, так и в октябре 1378 г. во время восстания и после него. Но сама по себе длительность деятельности тех или иных участников движения чомпи не дает права считать их главными вожаками чомпи. Если исходить из этого критерия, то в таком случае на первом месте должен стоять названный выше чешский мессер Гвидо Бандьера, которого с июля 1378 г. до 1380 г. «жирный народ» рассматривал как одного из своих врагов. В таком же положении находился Камбио ди Бартоло Калассо, выдвинутый в июле 1378 г. синдиком цеха чомпи,²¹⁴ который первый в истории Флорентийской республики нес знамя гонфалоньера справедливости во главе восставших чомпи.²¹⁵ Только 24 января 1382 г. он был осужден капитаном народа.²¹⁶ В отношении длительности стажа деятельности одно из первых мест принадлежит также Никколо дель Ориуоли, часовщику, который еще в июле 1378 г., услышав как пытаются Симончино, призвал чомпи к восстанию.²¹⁷

В январе 1382 г. он считался государственным преступником и был за участие в заговоре и движении против правительства осужден капитаном народа.²¹⁸

Наконец, в решении 17 сентября 1378 г. наряду с Мео дель Грассо и Лукой ди Мелано можно встретить десять активных деятелей движения чомпи.²¹⁹ Здесь и Паголо дель Бодда, схваченный приорами в июле 1378 г. после ареста Симончино, и Бартоломео Бароччо, первый гонфалоньер-чомпо, избранный 29 августа 1378 г. при поддержке «Восьми святых», и перечисленные в приговоре Чирри возможные члены «Восьми святых», сыгравшие большую роль в революционных выборах приората 29 августа 1378 г. вместе с Лукой ди Мелано, красильщик Никколо ди Бетти, Фьоре ди Бартоло и его сын Заноббио, затем Никколо ди Бартоло, Ноффрио ди Чинелло, Франческо Бартоло и Симоне д'Андреа, явившиеся, судя по приговору, во дворец приоров в конце августа и принимавшие присягу у приоров от имени чомпи.²²⁰ Причем Симоне д'Андреа, как и Лука ди

²¹⁴ *Petizione del Popolo minuto*, стр. 4.

²¹⁵ А. Acciaoli, стр. 24.

²¹⁶ М. Stefani, rubr. 910a, стр. 401. Правда, о его роли можно судить по размеру штрафа (300 лир), неуплата которого грозила более суровым наказанием. Однако нам не известно, к чему именно были приговорены Лука и Мео.

²¹⁷ А. Acciaoli, стр. 22.

²¹⁸ М. Stefani, rubr. 910a, стр. 400.

²¹⁹ Там же, rubr. 807a, стр. 336—337.

²²⁰ *Atti del Capitano del Popolo del 1379*, стр. 441—444.

Мелано, был последний раз осужден лишь в январе 1380 г.²²¹

Что же касается того, что эти имена Луки и Мео идут во главе списков осужденных,²²² то это не может быть определяющим началом, к тому же в списке осужденных 27 сентября 1378 г. у анонимного автора «Дневника» Лука ди Мелано идет на 4-м месте, а Мео дель Грассо — на 5-м,²²³ у Стефани, в этом же списке, они занимают 31-е и 32-е места.²²⁴ Во втором решении в октябре—ноябре 1378 г. они занимают 5-е и 6-е места.²²⁵ В третьем один из них, Лука ди Мелано, стоит на 44-м месте.²²⁶ В приговоре Чири они стоят на 2-м и 3-м местах.²²⁷

Какой же вывод можно сделать, исходя из всех приведенных выше данных?

Мео дель Грассо и Луку ди Мелано можно считать, как это установлено М. А. Гуковским, в числе руководителей чомпи. Однако правильнее было бы смягчить категоричность формулировки, гласящей о том, что они были главными вождями, организаторами и вдохновителями восстания чомпи. Что касается Аньоло Латини и Гваспарре дель Рикко, то их краткая, но яркая характеристика как активных участников движения, данная в статье 1939 г. М. А. Гуковским на основе источников, весьма интересна и вполне приемлема,²²⁸ в то время как возведение их в ранг руководителей движения наряду с Мео и Лукой в монографии 1947 г.²²⁹ менее убедительно. Поэтому правильнее можно считать приведенное уже ранее положение П. П. Фридолина, выдвинутое им в 1925 г., о том, что наемные рабочие, чомпи, уже в июльские дни имели собственных вождей — простых людей из народа.²³⁰ Это мы можем дополнить нашим положением, выдвинутым еще в предварительном очерке восстания чомпи, данном в нашей монографии 1951 г., о том, что трудно назвать имя вождя чомпи, хотя источники дают возможность назвать несколько имен равной величины.²³¹ Нами тогда

²²¹ М. Stefani, rubr. 845a, стр. 305.

²²² М. А. Гуковский. Кто был истинным руководителем восстания чомпи, стр. 195.

²²³ Diario d'Anonimo, стр. 384—385.

²²⁴ М. Stefani, rubr. 807a, стр. 336—337.

²²⁵ Там же, rubr. 810a, стр. 340.

²²⁶ Там же, rubr. 845a, стр. 366. Это решение не рассмотрено М. А. Гуковским.

²²⁷ Atti del Capitano del Popolo del 1379, стр. 441.

²²⁸ М. А. Гуковский. Кто был истинным руководителем восстания чомпи, стр. 196.

²²⁹ М. А. Гуковский. Итальянское Возрождение, стр. 183.

²³⁰ П. П. Фридолин. Восстание Чьопин, стр. 34—35.

²³¹ В. И. Рутенбург. Очерк, стр. 173.

были названы Доменико Туччо, Марко Гаи, Симончино, Паголо дель Бодда, Лоренцо Рикомани, Нардо ди Камальдоли Лиончино, Мео дель Грассо, Лука ди Мелано, Гваспарре дель Рикко и Аньоло Латини.²³²

Пользуясь более широким кругом источников, мы можем уточнить, что в первом ряду вожаков чомпи на июльском этапе восстания мы видим Симончино, Паголо дель Бодда и Лоренцо Рикомани, на августовском — Доменико ди Туччи, по прозвищу Тамбо, Маттео ди сер Сальви Гаи, Пьеро Чири, Луку ди Мелано, Никколо ди Бетти, Фьоре ди Бартоло, Занобио, Симоне д'Андреа, по прозвищу Морелли, Франческо ди Бартоли и Бартоломео ди Лоренцо, по прозвищу Мео дель Грассо. Судя по их «акциям», все эти полтора десятка имен вправе занимать место в первой шеренге крупнейшего в XIV в. восстания предпролетариата, если источники не скрыли от нас деяния других, может быть равных им героев и борцов. В ходе изложения восстания чомпи мы показали и других активных участников движения чомпи. Назовем из них, кроме перечисленных на предшествующих страницах, Нардо из Камальдоли, который первым начал бить в набат в июле 1378 г., призывая чомпи к выступлению,²³³ пандирника Симончино ди Бьяджо, восклицавшего при посвящении в рыцари народа 20 июля 1378 г. «Огонь и кровь!»,²³⁴ чесальщика Кименто и булочника Вери дель Порчелло, возведенных тогда же в звание «рыцарей народа» вместе с Мео дель Грассо,²³⁵ затем рабочего-аппретурщика Бетто ди Чьярдо, которого хронист характеризует как «смелого молодого человека» и который вечером 29 июля возглавлял чомпи, неся знамя гонфалоньера справедливости в Ольтарно, а на следующий день — на площадь дворца приоров,²³⁶ Николо да Карлоне, первым ворвавшегося во дворец приоров во главе вооруженных чомпи,²³⁷ самого автора «Первой анонимной хроники», спасшего в своем доме гонфалоньера-чомпи Бароччо²³⁸ после его изгнания из приората в сентябре 1378 г. и безымянных «знаменосцев того народа», явочным порядком ставших первыми представителями революционной власти в июльские дни 1378 г.²³⁹

Такое большое место этому вопросу мы уделили именно потому, что вместе с М. А. Гуковским считаем, что эта частная

²³² Там же, стр. 173—174.

²³³ А. Acciajoli, стр. 22.

²³⁴ Там же, стр. 26.

²³⁵ Cronaca seconda d'Anonimo, стр. 110.

²³⁶ Cronaca prima d'Anonimo, стр. 74—75.

²³⁷ А. Acciajoli, стр. 32.

²³⁸ Cronaca prima d'Anonimo, стр. 83.

²³⁹ Diario d'Anonimo, стр. 368.

проблема восстания чомпи имеет в то же время кардинальное значение.²⁴⁰ Историки обязаны выяснить, а современные наследники чомпи вправе знать истинных руководителей первого крупного движения предпролетариата, не смешивая их с такими лжевожаками, как предатель и провокатор Микеле ди Ландо или демагог Сальвестро Медичи.

Справедливо развенчивая этих лжеруководителей, необходимо по возможности уточнить истинную роль настоящих вожakov восстания. Эти уточнения не только не умаляют их героизма и самоотверженности, но помогают обрисовать более реально истинных руководителей предпролетариата XIV в.

Два частных вопроса, рассмотренных в конце этой главы, имеют общее значение для изучения дальнейшей истории городских народных движений: 1) систематические репрессии, процессы и осуждения на протяжении ряда лет свидетельствовали о продолжающейся героической борьбе городских низов против восторжествовавшего режима «жирного народа» и цеховых собственников; 2) продолжающееся сопротивление, как правило, возглавлялось опытными вожаками чомпи, что является небольшой, но очень существенной деталью.

Эта специфика народных движений в период подавления восстания чомпи и в последующий период требует специального рассмотрения, к которому мы обратимся в следующей главе.

Глава седьмая

ВОССТАНИЯ КОНЦА XIV—НАЧАЛА XV в.

«...мы умираем из-за величайшей несправедливости, но, если родина может получить успокоение через нашу смерть, мы умираем удовлетворенными».

(Первая анонимная хроника).¹

Восстание чомпи оставило глубокий след не только в истории Флоренции, но и всей Италии и имело как крупнейшее восстание предпролетариата XIV в. в условиях феодализма общеевропейское значение.

Это проявилось прежде всего в том, что оно подняло волну народных движений в ближайшие за восстанием, а затем и в последующие годы. Сложные, нередко противоречивые по своей направленности восстания и заговоры все были связаны с великим восстанием 1378 г. Состав их участников, как правило, был разнохарактерным, но бунтарский элемент чомпи нередко давал себя знать и в этих восстаниях.

Продолжающиеся годами народные движения после подавления восстания чомпи свидетельствуют о глубоких истоках движения чомпи и их собратьев в других итальянских городах XIV в. и подтверждают, что эти восстания не были случайными эпизодами городской жизни.

Таким образом, первым из последствий восстания чомпи являлись городские движения конца XIV—начала XV в. и прежде всего именно та их часть, которая по своему характеру представляла собой выступления предпролетариата.

К этим восстаниям, которые были отблесками великой грозы 1378 г., мы и обращаемся в этой главе.

Экономическая обстановка, в которой происходила эта борьба, не требует особого изучения, так как конец XIV и на-

²⁴⁰ М. А. Гуковский. Кто был истинным руководителем восстания чомпи, стр. 191.

¹ «...noi moriamo a grandissima torto; e, se per noi si de'racconciare la terra, moriamo contenti» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 84).

чало XV в. являются частью одного периода — временем дальнейшего развития капиталистических отношений, зародившихся в Италии XIV в.²

Глубокий след восстание чомпи оставило и во внутривитанской жизни Флоренции, где в течение ближайших трех с лишним лет после восстания установилось так называемое правление младших цехов и только к началу 1382 г. «жирным» пополанам удалось полностью взять власть в свои руки, ликвидировав цехи красильщиков и портных, созданные в дни восстания 1378 г.

К тому же в эти годы во Флоренции принимаются многочисленные законы, почерпнутые из программы чомпи, что подтверждает ее реальную основу. Проведение этих мероприятий нередко носило демагогический характер и на практике приносило пользу лишь господствующим кругам Флоренции, но сама необходимость обращаться к конструктивным предложениям чомпи достаточно показательна.

Период «правления младших цехов» и проведения указанных реформ достаточно хорошо изучен³ и к тому же представляет собой особую тему, поэтому в нашей работе мы должны будем ограничиться лишь общей оценкой этих сторон истории Флоренции.

Очень важным следствием восстаний в Перудже, Сьене и особенно Флоренции является изменение формы правления государства от попанской республики через олигархию к тирании (синьории). Восстания были не единственной, однако существенной причиной этой эволюции, приведшей к установлению такой формы правления, при которой демагогическое заигрывание с народом переплеталось с жестоким подавлением любого проявления недовольства. Хотя установлению тирании предшествовали глубинные социально-экономические сдвиги, именно восстания предпролетариата заставили зарождающуюся буржуазию развитых городов-государств Италии отказаться от части своих буржуазно-демократических прав в пользу отдельных семей, обеспечивавших сильную власть, пресекавшую народные выступления. Наиболее ярким образцом этого явления была, как известно, тирания семьи Медичи во Флоренции XV в.

² В. И. Рутенбург. О прогрессивности капиталистических отношений в Италии XIV—XV вв., стр. 387—410; В. И. Рутенбург. Маркс о ростовщичестве и первые ломбарды в Италии XV в., стр. 207—221; В. И. Рутенбург. Об истоках Возрождения в связи с творчеством Леонардо да Винчи, стр. 168—190.

³ N. Rodolico. La democrazia fiorentina; N. Rodolico. I Ciompi, стр. 176—235.

Изучение социально-экономических условий возникновения и развития итальянской тирании представляет собой особую и сложную проблему, которая может быть рассмотрена лишь в специальных работах.⁴

Эта сторона социально-экономической и политической эволюции Италии, вытекающая из потрясений, связанных с восстаниями наемных рабочих, имеет не только общеталианское, но и общеевропейское значение, так как при всей своей специфике итальянская тирания (синьория), в частности медичейская, являлась одним из первых проявлений абсолютистского строя в Западной Европе.⁵

Что касается последних десятилетий XIV и первых десятилетий XV в., то это было время, когда в целом еще продолжали существовать условия, сходные с предшествующим периодом, многие города еще только находились на пути к тирании.

Поэтому в этой главе, не обращаясь к проблемам, выходящим за рамки нашей темы, мы остановимся лишь на истории народных движений, протекавших на своеобразном фоне внутривитанской жизни Флоренции.

Когда 31 августа закончилось предательское избиение чомпи на площади дворца приоров и ночью отряды победивших собственников бесчинствовали в лачугах чомпи, победителей обуяло не только чувство мести, но и страх перед чомпи, которые снова смогут взяться за оружие. Однако это не оправдало тех кровавых преступлений, которые допустили «добрые горожане». Саркастически звучит характеристика, которую в совершенно серьезном тоне дает буржуазный ученый Джузеппе Муре, говоря, что «жирные» пополаны XIV в. были людьми «с высокими патриотическими чувствами, действовавшие в атмосфере высокой морали».⁶

«Жирные» пополаны и цеховые ремесленники боялись, что чомпи вновь объединятся и нанесут им ответный удар.⁷ Это было вполне естественно в первые моменты после разгрома. Однако страх не проходил и в последующие годы: «...те, что управляли, — говорит хронист о начале 1380 г., — испытывали великий страх»; «...они боялись [событий, которые

⁴ Е. В. Бернадская, стр. 62—81.

⁵ А. Д. Ролова. Социально-политическая борьба во Флоренции в 1527—1537 гг. и зарождение абсолютизма Медичи; А. Д. Ролова. Экономический строй Флоренции во второй половине XV и в XVI веке, стр. 217—237.

⁶ D. Mure, стр. 41.

⁷ «Ma molti cittadini temevano che costoro non fecessero raunata» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 82).

могли возникнуть] внутри города, чем за его пределами»; «... боялись как бы внутри города не произошло восстания».⁸

Этот страх был обоснованным. Попытки восстания, заговоры, протесты давали себя знать как на протяжении всего «правления младших цехов», так и в последующие годы.

В связи с этим К. Маркс делает следующие выписки из работы Каппони: «1378—1387 — правление младших цехов... цеховой люд оттолкнул от себя часть самого себя (Чомпи)... За короткий период правления младших цехов, с одной стороны, наблюдаются постоянные заговоры, с другой — подозрения, чрезвычайные меры и пролитие крови, чтобы заглушить подозрения...»⁹

Большая часть этих движений изучена Родолико.¹⁰

После казни Тамбо и Гаи последовало еще 18 смертных приговоров, некоторые из осужденных спаслись бегством. Среди осужденных был некий Никколо,¹¹ о котором рассказывает хронист — сторонник чомпи. «Перед исполнением приговора он сказал: „О, люди добрые, находящиеся здесь, я вам скажу несколько слов, во имя любви к богу послушайте меня. Я прошу бога, чтобы он принял душу мою, когда она отделится от тела. Тысяча тысяч чертей, если я виновен в том, за что меня заставляют умереть. Да пошлет мне бог свое милосердие, ибо я умираю, как мученик божий. Пусть каждый молится за меня богу во имя любви к нему“. Затем он наклонился и не сделал более ни одного движения. Ему отсекали голову мечом, да простит его бог!»¹²

После этой казни было приказано обыскать все церкви и изъять все спрятанные там знамена народа и гвельфской партии и поместить их в специальную комнату дворца приоров. Художникам под страхом смертной казни воспрещалось ри-

⁸ «... coloro che reggevano avevano gran paura»; «... si temeva dentro più che di fuori»; «... per paura che romore non avesse nella città, dentro» (там же, стр. 94).

⁹ «1378—1387 — Governo delle Arti Minori... hatte il popolo degli artefici einen Teil seiner selbst (i Ciompi) von sich abgestossen... Nel breve governo delle Arti minori einerseits beständige Verschwörungen, anderseits: i sospetti, le esorbitanze, ed il sangue versato a spegnere i sospetti» (К. Маркс. Exzerpte, стр. 17). Слово «Чомпи» вписано Марксом, у Каппони его нет (G. Capponi, стр. 300).

¹⁰ N. Rodolico. La democrazia fiorentina, стр. 365—405; N. Rodolico. I Ciompi, стр. 206—235. Здесь мы даем цитаты из источников только в тех случаях, когда рассматриваются не изученные Родолико восстания или при необходимости дополнить его. Наиболее важными источниками для изучения этих движений являются хроники: Стефани, «Первая анонимная», а также, в меньшей степени, сер Ноффи и «Третья анонимная».

¹¹ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 176—177.

¹² Cronaca prima d'Anonimo, стр. 84—85.

совать эти знамена или значки.¹³ Можно предполагать, что Никколо был казнен по доносу за укрытие в одной из церквей знамени «тощего» народа — чомпи, с изображением ангела; пошел на смерть, но отказался выдать его знамя.

Чомпи видели в своем знамени залог их единства и победы. Даже после поражения восстания отдельные чомпи продолжали держаться гордо и непримиримо. Эта их непримиримость на последнем августовском этапе движения была положительной чертой чомпи — революционного плебейства XIV в. Именно за эту черту их порицал один из первых историков восстания Фоссати, который ввел термин «непримиримость» в оборот, рассматривая ее как отрицательную сторону поведения чомпи.¹⁴

Родолико в своей работе 1905 г. выступил против этого термина, справедливо заметив тогда, что обострение происходило «не только из-за непримиримости одних, но и из-за вероломства других».¹⁵

Однако после подавления движения чомпи приходилось идти на компромисс и искать союзников среди грандов, вожаков гвельфской партии и т. п.

Первая попытка выступления против правительства может быть отмечена уже в сентябре 1378 г. 10 сентября в районе Сан Спирито, а через несколько дней в другом районе собрались заговорщики — гранды и близкие к ним «жирные» пополаны из гвельфской партии: Таламоне Каникули, Пьетро Росси, Бернардо Липпи дель Кано и другие, сговорившиеся явиться во Флоренцию в октябре 1378 г. во главе вооруженных сил из контадо под девизом «Да здравствуют гвельфы!» и захватить власть. Заговорщики были заочно присуждены к смертной казни.¹⁶ Родолико обходит молчанием наиболее характерное явление в этом выступлении — то, что феодальные круги гвельфской партии и близкая к ним часть «жирных» пополанов, разгромленные в связи с восстанием чомпи, осмелились впервые поднять голову только после подавления восстания чомпи. Некоторая активизация феодальных кругов после восстания чомпи — еще одно доказательство того, что это восстание нанесло ощутительный удар по феодальным элементам.

Трудно сказать, предполагали ли главари этого заговора включить в состав его участников разгромленных чомпи, — об

¹³ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 177.

¹⁴ «I Ciompi, o meglio una parte dei Ciompi, quella che dir si potrebbe, con vocabolo odierno, intrasigente, si muovevano dunque nuovamente» (C. Fossati, стр. 188).

¹⁵ N. Rodolico. La democrazia fiorentina, стр. 196.

¹⁶ Там же, стр. 367.

этом нет никаких данных, хотя это и не лишено некоторых оснований.

Уже следующая попытка антиправительственного выступления, в конце 1378 г., продемонстрировала возможность создания блока самых различных элементов, объединенных одной общей целью — ниспровергнуть победившее в сентябре 1378 г. правительство и изменить порядки. Программы этих группировок были разными, но они объединяли свои силы, так как не могли надеяться на успешность выступлений порознь. Общим для них было то, что все они были ссыльными, мятежниками или бежавшими (*banditi, gibelli o fuorusciti*). Их объединяла ненависть к правящим кругам, которые были непосредственными виновниками их бедствий и краха их политических стремлений.

Чомпи, бежавшие или изгнанные в Пизу, Сьену, Болонью и другие города, вынуждены были вступать в контакт с грандами или пополанами.¹⁷ Хронист сер Ноффри говорит о союзе пополанов из гвельфской партии, гибеллинов и чомпи.¹⁸ Делая выписки из работы Каппони, К. Маркс цитирует следующую фразу: «... чомпи сближались с грандами, так как и те, и другие были изгнаны средними (кругами ремесленников, — *V. P.*) или вынуждены были бежать».¹⁹

Показательным в этом отношении является заговор в декабре 1378 г., участники которого готовили выступление под тремя знаменами: гвельфской партии, феодальные элементы которой еще не получили политических прав, цеха Ланы, который еще не получил господства в правительстве, и чомпи, разбитых и не имеющих никаких прав. Все они намеревались выступить под лозунгом: «Да здравствует народ и гвельфская партия. Смерть гибеллинам!» Одним из участников заговора был избранный еще во время восстания чомпи рыцарем народа Грегорио Торнаквинчи. Он был арестован и 20 декабря казнен. Четыре дня спустя, вечером 24 декабря, в церкви Санта Мариа дель Импрунета собралось 1500 чомпи и грандов во главе с Лукой да Панцано и Бенги Буондельмонти, которые готовили в этот день восстание во Флоренции, но, узнав о казни Торнаквинчи, Росси и других вожakov, разошлись, убоявшись, что их настигнет отряд правительственных войск.

25 декабря на место сбора участников движения прибыли вооруженные силы из Флоренции. Им удалось обнаружить в таверне Импрунеты пять человек, возможно, совершенно не-

¹⁷ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 204—205.

¹⁸ «... guelfi... e quali teneano co'ciompi e parte ghibellina» (Ser Nofri, стр. 63).

¹⁹ «... die Ciompi hatten sich angeschlossen an die Grandi „entrambi essendo dai mezzani del pari oppressi, o fuorusciti“» (К. Маркс. Exzerpte, стр. 20).

причастных к заговору, которых, однако, на пытке заставили сказать, что они должны были войти во Флоренцию вместе с восставшими.²⁰

В неопубликованной хронике, хранящейся в Москве, говорится о том, что при подавлении этой попытки выступления рубили головы представителям низов (*bassa patione*) и не хотели подвергать казни представителей городских верхов (*cittadini potenti*), так как многие из них «были введены в заблуждение»; только наиболее виновные из них были высланы.²¹

После этого Джорджо Скали предложил правительству для устрашения недовольных устроить процессию по городу с топором и плахой, а Сальвестро Медичи предложил назначить 500 флоринов премии тому, кто откроет заговор и выдаст имена заговорщиков. Второе предложение правительством было принято.

16 января 1379 г. был казнен красильщик Карота дель Корсо, обвиненный в доставке письма из Сьены во Флоренцию, содержащего сведения для подготовлявших заговор.²²

22 января 1379 г. были повешены двое наемных рабочих из Поджибонси, которые были казнены, по словам хрониста — сторонника чомпи, без всякой вины. «О боже, — заявили они, — за что нас вешают? Мы ведь не воры, не предатели и не убийцы. Боже, смилуйся над нами».²³ Бывший военный вожак чомпи, Лука да Панцано, был арестован, но ему удалось бежать из тюрьмы подеста, в связи с чем было казнено 13 человек, очевидно безосновательно обвиненных.²⁴ Стефани говорит о возможном новом заговоре и называет 11 лиц, подлежащих наказанию. Среди них Мео дель Грассо и Лука ди Мелано. Об их роли в этих событиях судить трудно, так как сам Стефани сомневается в том, был ли действительно заговор и полагал, что подеста завел дело в связи с переполохом, вызванным бегством Луки да Панцано. Поэтому перечисленные у Стефани лица могли быть лишь заподозрены в заговоре, особенно те, кому не был определен какой-либо вид наказания, как например Мео и Лука. Сам сер Ноффри, осужденный вместе с Мео и Лукой, подробно перечисляя все заговоры, ничего не говорит об этом и объясняет свое бегство в Сьену тем, что в январе 1379 г. под удар правительственного террора попал близкий к семье Ноффри человек — красильщик Карота дель Корсо.²⁵

²⁰ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 208.

²¹ Historie fiorentine, л. 146; см. «Приложения», док. 7.

²² Cronaca prima d'Anonimo, стр. 89. Родолико этот случай не отмечен.

²³ Там же.

²⁴ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 209.

²⁵ M. Stefani, rubr. 810a, стр. 340; Ser Nofri, стр. 58.

В 1379 г. можно отметить еще несколько случаев печально кончившихся выступлений. Родолико начинает их с апреля, хотя хронисты рассказывают о попытке выступления, которая была в марте того же года.

18 марта одному седельщику отрубили язык и правую руку за то, что он сказал: «... нынешнее правление нехорошо и оно долго не продлится». Его наказали так, — говорит хронист, — чтобы устрашить других его примером». ²⁶ Если этот седельщик не был участником какой-либо группы подготавливавших выступление, он был не единственным, подготовившим против существующего режима. В марте во Флоренции готовилось выступление. Сигнал к нему должен был дать священник церкви Сан Лоренцо, который обещал звонить в колокола. К подготовке выступления имели отношение бывший член приората и синдик цеха чомпи Лиончино, Кекко из Поджибонси, Вольпичино Убальдини. Состав участников позволяет предполагать, что здесь чомпи готовились выступать вместе с грандами. Лиончино и Кекко были схвачены и обезглавлены на берегу Арно, Убальдини был повешен, священник из Сан Лоренцо присужден к вечному заключению в клетке над Стинке. ²⁷

В подготовке апрельского выступления принимали участие также разнохарактерные элементы — чомпи и гранды. Восставшие предполагали выступать под эмблемой гвельфской партии и под знаменем чомпи с изображением ангела. Среди вожаков были Гверрианте Мариньолли и Паньо Строцци, приор Сан Лоренцо, традиционного очага движения чомпи, а также шерстобит Антонио, по прозвищу Фальсна, и чесальщики Пальмерио Микелино и Додече (Дюжина). ²⁸

Хронист, сторонник чомпи, наиболее четко описывает организацию выступления. Многие горожане, и среди них наемные рабочие цеха Ланы, решили собрать свои отряды в пяти пунктах города: в одном из домов на площади Сан Спирито, у Делле Кармине, у Санта Кроче, Санта Репарата и у Санта Мариа Новелла. По сигналу колокола из Сан Лоренцо все отряды должны были направиться в эту церковь как бы для присутствия на проповеди, а там напасть на выходящих из церкви с оружием в руках и «рубить их на куски». ²⁹ Родолико приводит подробные и крайне интересные по своему содержа-

²⁶ «... che reggimento non era buono, che non durerebbe troppo. Così fu fatto per asempo degli altri» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 92).

²⁷ Там же, стр. 93.

²⁸ Там же, стр. 92. Родолико называет в качестве руководителей только Мариньолли и Строцци, однако хроника и материалы следствия говорят об активном участии в подготовке выступления названных наемных рабочих.

²⁹ «... tagliare a pezzi» (там же).

нию (и по языку, показывающему, какова была разговорная речь в XIV в.) записи допросов, сохранившиеся в актах капитана народа. ³⁰ По заявлению одного из допрошенных чесальщиков, по прозвищу Додече, целью восстания было не простое вооруженное нападение в порядке мести изгнанных и бежавших из Флоренции, а захват власти в свои руки, установление новых порядков, при которых «все станут богатыми». ³¹

Восстание не удалось, так как его главаря были схвачены по доносу чесальщика предателя Лаполино. С охраной, данной ему приоратом, он пошел в мастерскую, где работал сам, и выдал трех своих товарищей по работе, которые были допрошены и 16 апреля повешены. Паньо Строцци удалось бежать, Мариньолли и его сыновья были казнены. Среди казненных был также брат автора «Новелл» — Джаноццо Саккетти. ³² Всего было осуждено на казнь 15 человек.

Предатель, получивший, очевидно, свои 500 флоринов, по решению, принятому по предложению Сальвестро Медичи, не долго смог пользоваться этим состоянием. 26 марта следующего, 1380, года он был убит двумя учениками, и затем труп его выброшен в Арно, «так как он, — пишет хронист, сторонник чомпи, — был виновником несправедливой смерти многих своих осужденных товарищей». ³³

Это был один из крупных, неудавшихся заговоров. Он был отмечен Каппони и записан К. Марксом как одно из выдающихся событий этих лет. ³⁴

В декабре 1379 г. во Флоренции был раскрыт заговор, участники которого готовили выступление против правительства. ³⁵ Одним из активных участников, готовивших выступление, был рабочий цеха Ланы по имени Бруно. ³⁶ Он был схвачен и подвергнут допросу, во время которого сообщил, что у него было знамя с изображением герба гвельфской партии и что он и многие горожане поклялись поднять восстание, соединив свои силы с флорентийскими изгнанниками, которые сговорились, кроме того, о помощи немецкого отряда в 400 копий, направ-

³⁰ N. Rodolico. La democrazia, стр. 375—383.

³¹ «... e meterimo lo reggimento a nostri mani e farimo ciò che vorimo et serimo tutti ricchi» (N. Rodolico. La democrazia fiorentina, стр. 379).

³² G. Capponi, стр. 362.

³³ «A di XXVI di marzo, fu morto Lapolino, traditore, da due garzoni... e po'fu giittato ad Arno; perchè gli avera fatto morire a torto di molti suoi compagni» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 95).

³⁴ K. Marx. Exzerpte, стр. 17.

³⁵ N. Rodolico. La democrazia fiorentina, стр. 389—395.

³⁶ Это имя не названо Родолико, хотя его дает автор «Третьей анонимной хроники» («... Bruno, lavorante d'arte di lana» — Cronaca terza d'Anonimo, стр. 132).

лявшегося из Ломбардии. Был арестован некий Ненчю, слепой на один глаз, который сообщил, что у заговорщиков якобы было королевское знамя. Очевидно, речь шла о знамени венгерского короля, так как одним из участников готовящегося выступления был Донато Барбадоро, посланник Флоренции при венгерском дворе. В результате провала были казнены Бруно, Ненчю и около двадцати видных горожан. И здесь мы наблюдаем объединение сил чомпи с любимыми оппозиционными группировками.

Возможно, что это выступление должно было сочетаться с подготовкой похода на Флоренцию. В декабре 1379 г. готовилось выступление из Сьены и Ареццо с целью захвата важного пункта Фильине, а затем и Флоренции. Отряд, вышедший из Сьены, насчитывал около 30 конных и 120 пеших. К утру отряды подошли к Фильине, но увидели, что ворота ее заперты, подъемный мост не спущен, а на стенах крепости находятся войска, готовые к обороне. Отряды флорентийских изгнанников решили, что они преданы, и бежали. Многие из них заочно были присуждены к смертной казни. Среди участников этого неудачного похода были гранды Панцано, Герардини, Магалотти, Веллутти, Брунелески, из «тощего» народа Джованни Скведжо и пять чесальщиков шерсти с колоритными прозвищами: Сандро Гьянда (Желудь), Бартоло Контесса (Графиня), Мики Буратта (Пустомеля), Джусто Пецотто (Кусочек), Нерио Пелагра (Скупец).³⁷

Такие же попытки наблюдались и среди изгнанных флорентийцев в других городах, например в Болонье.³⁸

Эти выступления также отмечены в выписках К. Маркса из работы Каппони. Маркс делает здесь такую приписку: «Всё же заговоры и т. д. снова продолжаются».³⁹

Как мы уже видели, наиболее беспокойным элементом в эти годы были лица, изгнанные и высланные из Флоренции, объединявшие свои силы и искавшие опору среди всех противников флорентийских кругов. Так, в 1380 г. высланные флорентийцы объединились вокруг Джонотто, сенешала Карла Дураццо. Они проникли в Тоскану и угрожали Флоренции.⁴⁰ Однако эти авантюры извне, как правило, заканчивались провалом. Очень важно было в таких случаях иметь за собой поддержку изнутри, в самой Флоренции. Здесь ее находили прежде всего среди чомпи, снова ставших sottoposti цеха Ланы, ненавидевших пра-

вителей из младших цехов, коварно их покинувших и предавших. «Жирные» же пополаны были естественными противниками чомпи. Эта связь между внешними и внутренними антиправительственными силами поддерживалась постоянно.

Подтверждением тому являлись следующие события. Вечером 8 августа 1380 г. двое из «тощего» народа, Андриньо ди Лоренцо и Маттео Червеллери, читали письмо, полученное из Вероны от флорентийца Бернардо Липпи, в котором сообщалось, что флорентийские изгнанники, собравшиеся в Вероне, не позднее середины сентября двинутся на Флоренцию. Бернардо в письме просил Андриньо быть готовым вместе с его товарищами, поднять движение внутри города на поддержку отряда флорентийцев из Вероны. Вскоре Андриньо и Маттео были арестованы и казнены.⁴¹

В том же месяце был повешен чесальщик Микко да Декомано, который вместе со своими товарищами по цеху чомпи готовил восстание в городе под девизом «Да здравствует тощий народ и гвельфская партия!..» Готовившие восстание чомпи сговорились о том, что они захватят какие-нибудь городские ворота, чтобы в случае провала выступления спастись бегством. Выступление действительно провалилось, Декомано был схвачен, а его друзьям удалось бежать из Флоренции.⁴² Таковы были первые после восстания чомпи выступления, направленные против режима цеховых собственников.

В октябре 1381 г. во время антиправительственного выступления раздавались возгласы: «Мы победим вас при помощи силы, как это раньше сделали чомпи».⁴³ Выступавшие не являлись наемными рабочими, они лишь грозились действовать так же решительно, как чомпи. Это были восстановленные аммонированные, требовавшие себе больших прав. Они начали даже договариваться с одним из глав городского ополчения. Заговор был раскрыт, шесть человек было казнено, многие высланы. Попытка расширить политические права потерпела крах. «Правление младших цехов», которое было относительно демократическим по сравнению с единовластным правлением «жирного народа», подходило к концу. И даже этому, лишь относительно демократическому, правлению Флоренция была обязана восстанию чомпи. После подавления восстания чомпи нельзя было резко перейти к открытой реакции и власти «жирных» пополанов. Последние нуждались в социальной опоре, а ее можно было найти только в среде рядовых ремесленников-собственни-

³⁷ N. Rodolico. La democrazia fiorentina, стр. 383—387.

³⁸ Там же, стр. 387.

³⁹ «Doch congiure etc dauern fort» (К. Маркс. Exzerpte, стр. 17).

⁴⁰ N. Rodolico. La democrazia fiorentina, стр. 395.

⁴¹ Там же, стр. 397.

⁴² Там же, стр. 397—398; N. Rodolico. I Ciompi, стр. 214.

⁴³ «Noi la faremo vincere per forza, come faceano i Ciompi in questo tempo indietro» (M. Stefani, rubr. 897a, стр. 390).

ков. Окончательное ослабление чомпи, провал всех их попыток вооруженным путем подорвать компромиссное правление младших и старших цехов, убедило «жирный народ» в том, что теперь можно не считаться со своим союзником и подчинить его себе. Для того чтобы прийти к этому, понадобилось три года. Родолико отмечает, что конец 1381 г. был периодом массовых репрессий.⁴⁴

В этой сложной обстановке в декабре 1380 г. произошло столкновение между красильщиками и членами цеха Ланы, не отмеченное Родолико. Спор между представителями этих двух цехов привел к тому, что почти весь город вооружился.⁴⁵ Октябрьское и декабрьское столкновения показательны в другом направлении: два младших цеха, образованных во время восстания чомпи, были недалеко от своей гибели, во всяком случае эти стачки свидетельствовали о серьезной трещине, которая произошла между ними и всеми остальными цехами, среди которых ведущей политической силой снова становился цех Ланы.

Вскоре после этих событий произошел окончательный переход власти к богатым шерстяникам-мануфактуристам при поддержке младших цехов. Два бывших цеха «божьего народа», изменивших чомпи и тем самым объективно способствовавших возвышению Ланы, были закрыты. Родолико именует это событие «эпилогом восстания чомпи, которое разрешилось восстанием шерстяников».⁴⁶ Это положение неверно как в своей первой, так и во второй частях. Эпилогом восстания чомпи были те выступления, которые не затухали с первого дня его подавления и продолжались и после ликвидации «правления младших цехов» — периода, названного Родолико в 1905 г. временем заката флорентийской демократии («La democrazia fiorentina nel suo tramonto»). Установление, по сути дела, безраздельной власти «жирных» пополанов было логическим концом этой эволюции, которая хорошо сформулирована безымянным автором неопубликованной флорентийской хроники. Подавление восстания чомпи он рассматривал как событие, в результате которого были фактически «восстановлены [в правах] благородные пополаны из жирного народа, те, которые выступили против гвельфов»,⁴⁷ т. е. близкой к феодальным кругам гвельфской партии. События 1382 г. он правильно расценивал не как восстание,

а как реформу: «в 1382 было реформировано государство целиком в пользу жирного народа».⁴⁸

К этим результатам жирные пополаны шли постепенно, на протяжении трех лет. Суть и ход этого процесса удачно сформулированы М. А. Гуковским: «Реакция наступает медленно, осторожно, опасаясь новых революционных взрывов, которые были возможны, так как и после своего разгрома чомпи оставались грозной силой...»⁴⁹ 1382 год завершил этот период медленного наступления, почти незримого завоевания власти. «Жирный народ» открыто перешел в нападение.

«Правление младших цехов» охватывает время с 1378 г. по начало 1382 г. Этот период специально изучен Родолико в его ранней работе «Флорентийская демократия в период своего заката (1378—1380)»,⁵⁰ вышедшей в 1905 г. Здесь мы хотим только подчеркнуть, что это был переходный, особый период в жизни флорентийского государства.

В буржуазной историографии последних лет этот период рассматривается слишком упрощенно как правление «террористического режима, который стал тираническим от страха», как чисто «демагогическое правление *popolo minuto*».⁵¹ Такая оценка выхолащивает многие существенные стороны периода «правления младших цехов».

В течение первых пяти месяцев в приорате большинство сохранялось за младшими цехами: из девяти мест в правительстве младшие цехи располагали пятью, а старшие только четырьмя. Затем, в 1379 г., было введено новое равное распределение мест — по четыре от каждой группы. Среди младших цехов на равных правах действовали представители двух цехов, обязанных своим происхождением восстанию чомпи. Второстепенные *membra* старших цехов, неполноправные ремесленники и даже часть внецеховой массы сохраняли свои политические права.

Более того, «жирные» пополаны, объявившие чомпи противниками цеховой демократии, вынуждены были проводить некоторые требования программы чомпи как в целях чистой демагогии, так и с тем, чтобы воспользоваться конструктивными предложениями чомпи для формирования некоторых сторон государственного аппарата Флоренции.⁵²

⁴⁴ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 215—216.

⁴⁵ «...quasi fu la città sotto l'arme» (M. Stefani, rubr. 887a, стр. 386).

⁴⁶ «L'epilogo del Tumulto dei Ciompi si risolve nel tumulto che chiamerei dei Lanaiuoli» (N. Rodolico. I Ciompi, стр. 216, 224).

⁴⁷ «Restorono le nobili Popolani del Popolo grasso, Capi di quel nuovo governo, quelli, che si scoperti contro a Guelfi...» (Comentarii Civili. Riccardiana, 3251, л. 23v).

⁴⁸ «Nel 1382 si riformò la Città tutta in favor del popolo grasso» (там же, л. 24r).

⁴⁹ М. А. Гуковский. Итальянское Возрождение, стр. 190.

⁵⁰ N. Rodolico. La democrazia fiorentina.

⁵¹ A. Panella, стр. 130—131.

⁵² Реформы государственного аппарата Флоренции в годы переходного периода изложены Родолико в специальной главе его исследования, финан-

Для того чтобы после подавления восстания чомпи не смогли бы найти опоры среди населения контадо, чтобы не дать пищи для волнений в землях Флоренции,⁵³ 4 сентября 1378 г. было решено сохранить закон, принятый в годы восстания, согласно которому обложение (*estimo*) было там снижено до одной трети и цена на соль — вдвое. В ближайшие дни это дало возможность новому правительству обеспечить себе военную помощь таких пунктов контадо, как Гангаланди, Сан Миньято, Фиренцуола, Вальдиньевале и др.⁵⁴

Флорентийская округа была обязана чомпи тем, что хотя бы временно государственный налоговый пресс был несколько ослаблен.

В течение первых месяцев «правления младших цехов» чомпи продолжали пользоваться таким важным завоеванием периода восстания, как свобода от преследований со стороны «чужеземного чиновника». Только после ликвидации преобладания в правительстве представителей младших цехов, в 1379 г., шерстяникам удалось восстановить эту должность, хотя и с ограниченными правами. «Чужеземный чиновник» был лишен права применения пыток и физических наказаний и не имел права арестовывать наемных рабочих, входивших в два новых цеха, созданных во время восстания. Но он действовал и, как и раньше, находился во дворце Ланы. Только после ликвидации этих двух цехов в начале 1382 г. были восстановлены все былые права «чужеземного чиновника» по отношению к наемным рабочим цеха Ланы.⁵⁵ Таким образом, этим завоеванием наемные рабочие Флоренции пользовались в течение всех трех лет переходного периода.

Весьма показательны также финансовые реформы, проводившиеся в переходный период. Еще в июле 1378 г. чомпи требовали прекратить выплату процентов и добиться восстановления в течение двенадцати лет денежных капиталов в государственном банке Монте, что могло явиться конкретным способом укрепления пошатнувшихся финансов коммуны. Эта реформа обсуждалась в различных инстанциях коммуны более двух лет. Известно, что 19 октября 1379 г. против какой бы то ни было реформы банка Монте выступал Бенедетто Альберти, против нее был и Сальвестро Медичи. Комиссия юристов решила сохранить выплату 5%, а также было решено выплачивать кре-

совые реформы — в другой главе (N. Rodolico. *La democrazia fiorentina*, стр. 223—307), поэтому мы коснемся здесь только характера и сущности этих реформ.

⁵³ *Diario d'Anonimo*, стр. 382.

⁵⁴ N. Rodolico. *La democrazia fiorentina*, стр. 216.

⁵⁵ N. Rodolico. *I Ciompi*, стр. 200, 225—226.

диторам за счет имуществ, конфискованных у мятежников. Реформа была утверждена 7 декабря 1380 г.: создавался единый размер процента (5% от действительной суммы, внесенной в банк в качестве депозита); прежние разные размеры процентов (*l'un per due, l'uno per tre, libero Monte*), которые допускали весьма выгодную для «жирных» пополанов возможность получать 100 флоринов за внесение в банк 45% этой суммы, ликвидировались. Так, хотя лишь частично, была воплощена в жизнь идея чомпи о ликвидации банковско-спекулятивного центра, разорявшего республику в целом, массу мелких держателей прежде всего, и обогащавшего верхушку «жирного народа». Производилась также выплата долгов за счет налога на вино и на поместья контадо.⁵⁶ Экономическое значение реформы банка, выросшей из программы чомпи, было так велико, что Стефани, учитывая ее пользу для пополанской Флоренции, считал эту реформу самым важным мероприятием «за последние 100 лет».⁵⁷

Выступая против банка Монте и принудительных займов, ставших бичом широких городских кругов, чомпи требовали установления прогрессивного налога (*estimo*) в зависимости от количества недвижимого имущества. Закон об *estimo* был принят 29 октября 1378 г. Для проведения в жизнь этого решения была создана комиссия со сроком работы в течение полугода. Только 5 августа 1379 г. комиссия докладывала о результатах своей работы. Вопрос обсуждался и в 1381 г., когда старшим цехам удалось поколебать единство младших цехов, что помогло «жирным» пополанам 22 ноября 1381 г. добиться ликвидации *estimo*.⁵⁸ И все же налоговый проект чомпи, выдвигавший наиболее справедливый принцип налогообложения в условиях итальянской коммуны XIV в., хотя и ненадолго, восторжествовал, подтвердив тем самым реалистичность и рациональность этой стороны программы флорентийского предпролетариата.

Одним из показателей неуравновешенности экономики Флоренции накануне восстания чомпи было падение стоимости переменных денег. Чомпи требовали установления твердого курса флорина (не более 68 сольдов во флорине). Увеличение количества сольдов во флорине обозначало для чомпи снижение реальной заработной платы, так как существовал фиксированный максимум (8 сольдов), о чем говорилось в первой главе. В то же время установление твердого курса флорина было од-

⁵⁶ N. Rodolico. *La democrazia fiorentina*, стр. 268—287.

⁵⁷ «...credo, che già 100 anni, niuna così gran cosa si facesse colle fave» (M. Stefani, rubr. 883a, стр. 385).

⁵⁸ «...non più Monti, non più prestanze, ma *estimo*». (N. Rodolico. *La democrazia fiorentina*, стр. 287—307; N. Rodolico. *I Ciompi*, стр. 193—196).

ним из важнейших мероприятий, способствовавших укреплению экономики города при условии нормальной работы мастерских. Постановления об ограничении количества солдатов во флоринце принимались трижды: в январе 1379 г., октябре 1380 г. и январе 1381 г. С падением «правления младших цехов» эти решения были отменены.⁵⁹

Таким образом, и это конструктивное требование чомпи сыграло свою роль, его польза была подтверждена двухгодичным опытом. В последующие годы эта проблема решалась в зависимости от выгоды «жирных» пополанов, ибо, как писал по этому поводу Стефани, «каждый льет воду на свою мельницу».⁶⁰

Некоторые реформы, проводившиеся уже после поражения восстания в переходный период, свидетельствовали о том, что программа чомпи в области экономического развития Флоренции была для своего времени наиболее демократической, прогрессивной и во многом реалистичной.

Переходный период, начавшийся в 1378 г. с «правления младших цехов» и завершившийся их полным подчинением «жирным» пополанам из старших цехов в 1382 г., был также следствием того, что восстание чомпи было не случайной и безрезультатной вспышкой, а явлением глубинного порядка, повлиявшим на исторический ход событий по крайней мере ближайших трех лет после восстания. В течение трех лет лагерь «жирных» пополанов делал все возможное для ликвидации движений, в которых большее или меньшее участие принимали чомпи, а также для подчинения себе ремесленников младших цехов, которые теперь готовы были отречься от двух цехов «божьего народа», возникших в период восстания.

Этот кризис назрел еще к концу 1381 г., а 16—20 января 1382 г. произошли события, приведшие к безраздельному господству «жирного народа». Он нашел социальную опору в среде ремесленников младших цехов, близких к старшим, в качестве собственников средств производства. Военную опору «жирные» пополаны нашли в лице кондотьера-чужеземца Джона Хоквуда, прославившегося в Италии своим военным искусством и своей жестокостью, а также среди генуэзских арбалетчиков — известных тогда всей Европе наемников.

⁵⁹ N. Rodolico. La democrazia fiorentina, стр. 256—268; N. Rodolico. I Ciompi, стр. 196—198.

⁶⁰ «...ciascuno tira acqua a suo mulino» (M. Stefani, rubr. 877a, стр. 382; К. Маркс в своих выписках из работы Каппони цитирует это выражение Стефани, записывая цифровые данные и суть этих финансовых реформ (К. Маркс. Exzerpte, стр. 18).

К. Маркс обратил внимание на кондотьеров, представлявших собой бич тогдашней Италии, не признававших, как пишет К. Маркс, «ни веры, ни закона».⁶¹

Выписывая имена участников переворота 20 января 1382 г., К. Маркс отмечает Джона Хоквуда, возглавлявшего на площади у дворца приоров несколько сотен вооруженных всадников, рядом с которыми были вооруженные члены Ланы, так называемые «добрые горожане» (*buoni cittadini*) из «старших семей» (*maggiori famiglie*) города.⁶²

До этого, с 16 по 20 января, производились аресты и казни. 20 января вооруженные члены Ланы под возгласы «Да здравствует гвельфская партия!» срывали и уничтожали корпоративные знаки двух цехов «божьего народа», так называемых «22-го» и «23-го».⁶³

20 января Лана составила петицию о ликвидации этих двух цехов, желая оформить свои действия в законодательном порядке. В петиции излагалось требование отмены всех решений, принятых в течение трех лет «правления младших цехов». Петиция была поддержана парламентом, как правило, игравшим роль «народа» в политических инсценировках такого порядка, о чем уже говорилось. Были торжественно избраны рыцари «жирного народа» и приорам поручена разработка закона. 21 января петиция стала законом, хотя он в разных инстанциях уточнялся и утверждался до 15 марта 1382 г.⁶⁴ Согласно этому закону объявлялось о ликвидации цеха красильщиков и портных; восстанавливались права «чужеземного чиновника» и объявлялась недействительной высылка из Флоренции всех, кто был объявлен грандом между июнем 1378 г. и 15 января 1382 г., т. е. за весь период восстания чомпи и «правления младших цехов».⁶⁵

Так свершился «закат флорентийской демократии». Он подготавливался издавна всем ходом событий, не без систематического, хотя до поры до времени осторожного, воздействия со стороны «жирных» пополанов. С самого начала периода «правления младших цехов» они занимали важное место во всех инстанциях коммуны.⁶⁶ Так, например, в Консортрии сво-

⁶¹ «Auch diese neue condottieri di milizie waren sans foi ni loi» (К. Маркс. Exzerpte, стр. 17. Последние французские слова принадлежат не Каппони, а Марксу).

⁶² Анлийское написание имени Джона Хоквуда (John Hawkwood) здесь дано Марксом (К. Маркс. Exzerpte, стр. 18).

⁶³ Diario d'Anonimo, стр. 435.

⁶⁴ G. Gapponi, Appendici, IX, стр. 609—624.

⁶⁵ N. Rodolico. La democrazia fiorentina, стр. 407—437; N. Rodolico. I Ciompi, стр. 223—228.

⁶⁶ N. Rodolico. La democrazia fiorentina, стр. 223—254.

боды действовали рука об руку такие фигуры, как Бенедетто Альберти, Сальвестро Медичи и Микеле ди Ландо.⁶⁷ О характере их деятельности в период «правления младших цехов» говорит один из пунктов петиции, рассматривавшейся в Совете народа 26 января 1382 г. Об этом пункте говорит хронист — сторонник чомпи: «... чтобы Микеле ди Ландо, предатель, мог иметь достаточно солдат, одетых в форму коммуны; и чтобы коммуна оплачивала их; и это он просил для своей охраны».⁶⁸ С сентября 1378 г. до января 1382 г. под прикрытием формального равенства всех 23 цехов, от Ланы до красильщиков, шла непрерывная, обостренная, ни на миг не затихающая борьба.

После переворота 1382 г. все также проходило под девизом цехового равенства, даже в правительственных инстанциях не было явного перевеса «жирных» пополанов. Выписывая из работы Каппони материалы, касающиеся обстановки, сложившейся после 1382 г., К. Маркс подчеркивает: «Это характерно для Флоренции: „победа проявилась в достижении слабого превосходства в магистратах и в советах, причем каждый магистрат заключал в себе смесь наиболее несовместимых элементов...; это порождало зависть, питаемую всеми и против всех (самим девизом, — В. Р.) равенства“».⁶⁹ Лозунги цехового равенства сопровождали и этот переворот, что 24 января 1382 г. привело к попытке восстановить кажущееся равенство. На площади появился вооруженный народ, слышались возгласы: «Да здравствуют 23 цеха!» После небольшого сопротивления, во время которого было убито три человека, народ был рассеян, было также приказано запереть мастерские, чтобы в них не могли более собираться работавшие там.⁷⁰ При обращении Родолико к этим событиям проявляется его буржуазная мораль. Он не желает никаких потресений и объявляет, что все попытки народа бороться за свободу якобы бесплодны: «Так во все времена, — пишет он в 1945 г., — уничтожается свобода, что заслуживает лишь горькой усмешки».⁷¹

⁶⁷ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 183—185.

⁶⁸ «... che Michele di Lando, traditore, potesse avere una coppia di tanti vestiti della roba del comune; e pagassegli il comune; e questo adimandava per sua guardia» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 90).

⁶⁹ «Dies charakteristisch für Florenz: „parea vittoria l'ottenere una debole maggioranza ne' magistrati e ne' consigli, ciascun magistrato in sè avendo la mistura degli elementi i più discordi...; questo avea fatto la gelosia nutrita in tutti e contro a tutti della egualità“» (К. Маркс. Exzerpte, стр. 19). Слова «это характерно для Флоренции» принадлежит Марксу, далее следует его выписка из Каппони.

⁷⁰ «... feciono serrare la botteghe dell'Arti, di che gli artefici non si poterono più ragunare» (M. Stefani, rubr. 905a, стр. 397).

⁷¹ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 228.

Ликвидация цехов, в которых хотя бы частично находились наемные рабочие, и восстановление должности «чужеземного чиновника», полицейско-судебные функции которого были направлены против наемных рабочих, означали торжество власти «жирного народа».

Нельзя согласиться с положением, выдвинутым Родолико в его большой работе 1954 г., о том, что ликвидация «правления младших цехов» была концом цеховой власти во Флоренции и переходом к олигархии.⁷² Цеховая власть была лишь формой правления. К олигархическому правлению Флоренция пришла, не уничтожая этой формы власти, лишь к 1387 г.

Очень показательным было и такое важнейшее мероприятие нового режима, как возвращение из ссылки объявленных грандами. Это был компромисс «жирного народа» из партии Восьми с «жирным народом» из гвельфской партии, которая теперь снова начала входить в силу. К тому же нельзя забывать некой «заслуги» грандов, способствовавших подавлению восстания чомпи.⁷³ Весьма ощутительный удар, который был нанесен восстанием чомпи и последующим «правлением младших цехов» по близким к феодальным кругам «жирным» пополанам из гвельфской партии, ослабил их, и теперь они выступали в качестве младшего партнера партии Восьми. После 1382 г. объединенные силы «жирных» пополанов были направлены против общего противника — эксплуатируемых ими наемных рабочих Ланы и других цехов, а также против всяческих попыток подорвать их власть, расширить демократические права.

Таким образом, чомпи достойны сочувствия, а не горькой усмешки Родолико, к тому же их борьба не была совершенно безрезультатна. Одним из важнейших результатов их движения являлось ослабление феодальных элементов и близких к ним «жирных» пополанов из гвельфской партии, проявивших себя до 1378 г.

Положение, сложившееся к 1382 г., может быть охарактеризовано лаконической формулой, выписанной К. Марксом из работы Каппони: «Во Флоренции гранды бессильны, плебс слаб».⁷⁴ Младшие цехи получили третью часть должностей коммуны и, таким образом, перестали играть существенную роль в политической жизни государства. Их демократические права отмеривались скупой рукой «жирного» пополана: в 1387 г. был

⁷² N. Rodolico. Storia degli italiani, стр. 131—132.

⁷³ Некоторые ученые говорят о союзе «жирного народа» и грандов, который сложился при подавлении восстания чомпи (G. Thomas; A. Gherardi. Dei rivolgimenti, стр. 14).

⁷⁴ «In Florenz die grandi impotenti, la plebe scarsa» (К. Маркс. Exzerpte, стр. 19). Слова «Во Флоренции» дополнены Марксом к фразе Каппони.

сделан второй шаг в этом же направлении, за младшими цехами сохранилась лишь четвертая часть должностей коммуны.

Ликвидация цехов красильщиков и портных сблизила их снова с чомпи и вызвала некоторое усиление «слабого плебса». С другой стороны, нобили, исходя из решения правительства об амнистировании пополанов, наказанных переводом в гранды, пытались бороться за возвращение себе политических прав. Из этого сложного сочетания сил выросло антиправительственное выступление 15 февраля 1382 г., во время которого гранды хотели ликвидировать остатки антифеодалных «Установлений справедливости». К ним присоединились чомпи.⁷⁵ Они собрались в большом количестве на Новом рынке, а затем двинулись к площади Синьории, где кричали: «Долой, долой!»⁷⁶ Но там им противостояла такая сила, как войска Джона Хоквуда. Попытка закончилась неудачей.⁷⁷

10 марта 1382 г. произошло выступление чомпи совместно с бывшими членами ликвидированных за два месяца до этого цехов красильщиков и портных. 150 человек двинулись из Ольтарно, перешли мосты и появились в центральной части города. Возглавлял их Луиджи Бекануджи, по прозвищу Москоне. Восставшие шли под лозунгом «Да здравствует 24 цеха!» и требовали собрать парламент, на котором было бы провозглашено восстановление цехов красильщиков, портных, а также и цеха чомпи.⁷⁸ Восставшие сожгли дом Берто ди Чьярдо, изменившего чомпи. Капитан народа не торопился оказывать сопротивление с тем, чтобы дать членам цеха Ланы собраться с силами и разгромить бывшие цехи «божьего народа» во время парламента, который собрался 11 марта. Здесь были вооруженные чесальщики, красильщики и т. д.⁷⁹ Выступление закончилось разоружением чомпи и казнью вечером 12 марта четырех вожakov: Москоне, его отца Бернардо Бекануджи, Андреа ди Бартолоне и еще одного, не названного хронистом.⁸⁰ Это выступление отмечено К. Марксом в его выписках из работы Каппони.⁸¹

Правящие круги были встревожены первым после 1378 г. открытым выступлением чомпи, объединившимися со своими старыми союзниками. Всякое выступление, вносящее брожение

⁷⁵ «... i Grandi e li Ciompi mossero con loro» (M. Stefani, rubr. 913a, стр. 403).

⁷⁶ «... venne di Mercato tutta quella gente armata in sulla Piazza de' signori, gridando: 'A terra, a terra!» (Cronaca terza d'Anonimo, стр. 154).

⁷⁷ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 228—229.

⁷⁸ N. Rodolico. La democrazia fiorentina, стр. 422—423.

⁷⁹ N. Rodolico. I Ciompi, стр. 229—230.

⁸⁰ M. Stefani, rubr. 917a, стр. 407—408.

⁸¹ K. Marx. Exzerpte, стр. 21.

в сознание задавленного теперь и экономически, и политически народа, тревожило правящие круги. В связи с этим следует отметить процессы, направленные против еретиков-проповедников, которые теперь, после разгрома чомпи, находили отзвук в среде трудящихся масс Флоренции.

В июле 1381 г. было вынесено решение о передаче инквизиции дел о фратичелли, проповедующих бедность. В декабре того же года происходил инквизиционный процесс над одним из фратичелли — Андреа Берти.⁸²

В декабре 1382 г., когда снова складывается союз всех трех бывших цехов «божьего народа», как об этом говорит один из актов, хранящихся в Государственном архиве Флоренции, выносится решение, согласно которому фратичелли как еретики изгонялись из Флоренции под страхом большого штрафа.⁸³ Иногда дело доходило и до трагического конца: в январе 1389 г. во Флоренции был сожжен на костре фратичелло Микеле Берти.⁸⁴ Родолико отмечает, что Флоренция была одним из центров еретического движения, где фратичелли имели немало последователей, однако до 80-х годов XIV в. проповедь бедности не соответствовала лозунгам, с которыми выступали наемные рабочие Сьены, Флоренции и других городов, требовавшие равенства с мастерами, повышения заработной платы и т. д. Все, что собрано Родолико в специальной главе о религиозном сознании «тощего» народа,⁸⁵ в большой степени имеет отношение к Фландрии, Англии и другим странам, и показывает, при сопоставлении с программами и ходом восстаний наемных рабочих Италии, как мало последние были связаны с еретическими учениями.

Даже в специальной работе Канту нет никаких данных о связи еретических учений с идеями чомпи. Говорится лишь о том, что фратичелли были известны в Сицилии и Тоскане, и о сожжении названного выше Микеле Берти за проповеди против светской власти церкви.⁸⁶

На последнем этапе движения предпролетариата, когда чомпи, а за ними и остальные цехи «божьего народа» были разгромлены и ослаблены, проповедь фратичелли могла оказать некоторое воздействие на городскую бедноту, чем и объясняются декреты правительства «жирного народа», направленные против еретиков.

⁸² N. Rodolico. La democrazia fiorentina, стр. 82—83.

⁸³ Atti giurisdizionali. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 838, № 118.

⁸⁴ N. Rodolico. La democrazia fiorentina, стр. 83.

⁸⁵ Там же, стр. 47—86.

⁸⁶ C. Cantù, стр. 132—134.

Одним из показателей того, что еретические учения все же не находили во Флоренции особо благоприятной почвы, говорит тот факт, что предложенный инквизитором, действовавшим там, специальный магистрат из 12 человек для борьбы против ереси так и не был создан.⁸⁷

Однако различные меры правительства не могли уменьшить недовольство и пресечь выступления. Уже через два месяца после первого открытого выступления, в майскую ночь 1382 г., наемные рабочие цеха Ланы собрались на улице Сан Галло и двинулись по кварталам Ольтарно с криками: «Да здравствует гвельфская партия! Выходите на улицу, чомпи, выходите, ибо вы преданы, выносите фонари наружу!»⁸⁸ Капитан народа во главе конного друзда занял мосты и изолировал восставших Сан Галло от других кварталов Ольтарно. Произошла схватка, многие были ранены, некоторые арестованы. Четверо арестованных чомпи закончили жизнь на виселице.

Несмотря на это 28 мая вооруженные чомпи из Беллетри сорвали с одного из мостов знамя и дали его некоему Франческо, по прозвищу Пеше (Рыба), очевидно, с целью сохранения символа власти на будущее. Казни не останавливали чомпи.⁸⁹

В конце октября того же, 1382, года группа чомпи, красильщиков и других решила собраться у моста Каррайа и удерживать его как центр сбора остальных чомпи из Ольтарно. Две группы чомпи под четырьмя знаменами, среди которых было и традиционное знамя чомпи, должны были соединиться и идти в центральную часть города для захвата дворца приоров. Капитан народа Канте из Губбио раскрыл план восстания в последний момент. Финал этого неудавшегося выступления был отмечен повешением четырех и вынесением смертных приговоров еще 50 его участникам, большая часть которых принадлежала трем ликвидированным цехам «божьего народа».⁹⁰

Ликвидация двух цехов «божьего народа» в 1382 г. значительно увеличила число участников народных движений. В отличие от цеха чомпи, уничтоженного в 1378 г. и ослабленного преследованиями и репрессиями за три года «правления младших цехов», эти два цеха сохранили почти весь свой состав, и он стал активнейшим элементом народных движений 1382—1387 гг. Прежде всего это были наемные рабочие старших цехов — Сэты и Калималы, затем зависимые ремесленники и, наконец, члены второстепенных *тембра* различных цехов. Разбитые

и ослабленные чомпи находили в них теперь естественного союзника, и, несмотря на то, что чомпи нередко в буквальном смысле слова истекали кровью, они не только участвовали в волнениях, но и не оставляли мысли о захвате дворца приоров.

В большинстве движений 80-х годов наемные рабочие и ремесленники двух цехов «божьего народа» выступали вместе с чомпи. Нередко в этот период они представляли собой главную и ведущую часть восставших. Хронист Стефани говорит, что процессы многих заговоров проводились капитаном народа без основания, но «люди из двух цехов» нередко действительно были замешаны в заговорах и их подвергали высылке в большом количестве.⁹¹

Примером такого выступления являются события ноября 1382 г., которые не описаны в работах Родолико. Во главе подготавливших выступление был виноторговец Бартоломео Порчелли, которого хронист называет «крупным вожаком этого заговора».⁹² Вместе с ним выступления готовили шапочник Ненчьо, кардовщик Гвельфо и дубильщик Фацио. Они должны были собрать членов всех трех бывших цехов «божьего народа». Они готовились выступить под знаменами двух цехов «божьего народа» и неизменно фигурирующего почти во всех выступлениях знамени гвельфской партии, которое являлось в их представлении олицетворением оппозиционности. Был назначен план: собраться в субботний день у моста Каррайа, оттуда двинуться к площади Санта Мариа Новелла с целью захватить дворец подеста и воздать по заслугам богачам. Этот план был открыт опытным слугой «жирных» пополанов — мессером Канте. Продавец льняных материй Мео донес ему о том, что у него покупали материал для знамен. После этого названные вожаки, а затем и еще двое из цехов «божьего народа», Джованни Маскальцоне и Кокко, были схвачены и казнены.⁹³

Положение наемных рабочих и зависимых ремесленников значительно ухудшилось к концу 1382 г., когда начали проявляться первые результаты очередной эпидемии, разразившейся со всей силой весной 1383 г. и продолжавшейся до сентября. Многие богатые владельцы мастерских покинули город и бежали в свои имения в контадо. Промышленность начала работать с перебоями, цены на продукты питания возросли.

Флорентийские низы, живущие на поденной оплате, связывали все эти бедствия, и не без основания, с деятельностью пра-

⁸⁷ U. Dorini. Il Diritto penale, стр. 131.

⁸⁸ «Viva Parte Guelfa, fora, fora Zompi che siti traditi, ponete fora le lucerne» (N. Rodolico. I Ciompi, стр. 231).

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ N. Rodolico. La democrazia fiorentina, стр. 424.

⁹¹ «...altri v'erano intinti, erano gente di condizione delle due Arti...»; «E così ne'nguisi, le diè bando a una buona brigata di quella condizione» (M. Stefani, rubr. 950a, стр. 424).

⁹² «...grande capo di questo trattato» (там же, rubr. 947a, стр. 423).

⁹³ Там же, стр. 423—424.

вительства «жирного народа», которое не принимало никаких мер для уменьшения их нужды. Поэтому в июле 1383 г. вспыхнуло восстание под лозунгом: «Да здравствуют 24 цеха и да умрут предатели, которые заставляют нас умирать от голода!» Выступление было назначено на определенное число — 21 июля, являвшееся днем пятой годовщины со дня восстания чомпи. Восставшие готовились выступать под четырьмя знаменами: знаменем коммуны и тремя знаменами ликвидированных цехов «божьего народа». Знамя чомпи с изображением ангела было сделано в Мантуе флорентийскими изгнанниками Морелло Гарофано и одним из Скали и затем передано Сильвестро, проживавшему в Падуе. Его брат Чекко привез знамя из Падуи во Флоренцию и хранил его у себя дома под седлом как самую драгоценную вещь, так как с этим знаменем, как рассказывал Чекко другому активному участнику подготавливавшегося восстания — Лоренцо ди Джованни, «мы будем сильнее, с ним нам будет и почет». Целью восставших было вместе с их товарищами по изгнанию овладеть городом, свергнуть правительство, восстановить цех чомпи.

В ночь на 21 июля около 30—40 чомпи собрались на мосту Каррайа, где Чекко высоко поднял знамя чомпи и понес его через мост, провозглашая девиз восставших, требующих смерти предателям, засевшим во дворце, и процветания «божьему народу». С ним вместе шел Лоренцо ди Джованни, пронесший последний раз в истории Флоренции знамя чомпи по улицам города. В это же время через мост прошел второй отряд восставших со знаменем коммуны. В других пунктах города, в том числе и на площади Санта Мариа Новелла, у традиционного очага движения чомпи, собирались участники восстания из двух других цехов «божьего народа» под знаменами красильщиков и портных. Восставшим не удалось дойти до дворца приоров. До того как они объединились в условленном пункте, на них напали правительственные отряды. Еще в июне 600 солдат были наняты правительством, которое могло ожидать беспорядков в городе, где царил голод и эпидемия. Наемники рассеяли отряды восставших и схватили их вожаков. Прославившийся своей жестокостью капитан народа Канте из Губбио приказал пытать Лоренцо, палачи отрывали от его тела куски мяса. Перед повешением Лоренцо заявил, что он заслужил того, чтобы в будущем его прославляли («in futurum valeat gloriari»).⁹⁴

Так умирали последние знаменосцы чомпи, отметившие своим героическим выступлением годовщину восстания. Знамя

⁹⁴ N. Rodolico. La democrazia fiorentina, Appendici, doc. IX, стр. 481—484; N. Rodolico. I Ciompi, стр. 232—234.

и идеи чомпи вдохновляли на подвиги флорентийский предпрлетариат в течение многих лет.

Если это было последнее выступление, связанное с именем чомпи,⁹⁵ то вспышки недовольства низов известны и в последующие годы XIV и в начале XV в. Подавление последнего выступления чомпи во Флоренции произошло незадолго до ликвидации «правления младших цехов» в Сьене. «Жирные» пополаны Флоренции, восстановившие свое господство в 1382 г., оказали активное вооруженное содействие своим сьенским собратьям. В марте 1385 г. с «правлением младших цехов» (в Сьене) было покончено. Даже Стефани считал это грубым вмешательством в чужие дела.⁹⁶ Многие представители младших цехов Сьены были схвачены и казнены. Флорентийские изгнанники должны были попасть в руки властей своего города.⁹⁷ Среди них многие были высланы. Сьенский хронист говорит о том, что 4000 «добрых ремесленников» были изгнаны из Сьены. Для привлечения на свою сторону народа «жирные» пополаны Сьены уже во время переворота выбросили демагогический девиз: «Да здравствует мир!»⁹⁸ Это был не мир, а замирение, торжество пополярской реакции над цеховыми ремесленниками, сьенскими и изгнанными флорентийскими чомпи. Эти события, относящиеся к внешнеполитическим связям Флоренции и Сьены, были подтверждением того, что «плебс слаб», как подчеркивал К. Маркс, выписывая эту характеристику из работы Каппони. Стефани хорошо определил сущность этих событий в истории борьбы «жирного» и «тощего» народа: «наиболее высокие горожане» Флоренции проявили свою солидарность по отношению к своим сьенским коллегам, чтобы свалить правление горожан «мелкого и наиболее низкого происхождения».⁹⁹ Таким образом, борьба «жирных» пополанов против городской прослойки «наиболее низкого происхождения» и в эти годы, как это было при подавлении восстания «дель Бруко», проводилась не только в масштабе внутригородском. В ходе этой борьбы «жирные» пополаны, несмотря на их соперничество на рынках, нередко действовали на основе солидарности эксплуататоров в борьбе против общего врага — наемных рабочих и зависимых ремесленников. Подавление «правления младших цехов» в Сьене не замедлило сказаться и на флорентийских делах. «Жирные» попо-

⁹⁵ N. Rodolico. La democrazia fiorentina, стр. 427.

⁹⁶ Это отметил Родолико (там же, стр. 429).

⁹⁷ Cronaca prima d'Anonimo, стр. 97, 99.

⁹⁸ «Viva la pace» (Agnolo di Tura, стр. 294).

⁹⁹ «...perocche non era conforme lo stato de'Sanesi a quello dei Fiorentini, perocche a'Fiorentini era stato di più alti cittadini, ed in Siena di minore condizione e più bassa» (M. Stefani, rubr. 968a, стр. 431).

ланы Флоренции не торопились с реформой, так как были уже фактически почти полновластными хозяевами государства. Однако они стремились к оформлению их прав конституционным порядком. Они хотели «отобрать у ремесленников — плебеев часть власти и предусмотрели так, чтобы они имели четвертую часть почетных должностей вместо третьей части».¹⁰⁰ Это решение «жирных» пополанов вызвало решительный протест.

6 мая 1387 г., по выражению хрониста, поднялось вооруженное движение «всех горожан» — гвельфов под лозунгом «Да здравствует народ и гвельфы... приоры ничего не делают из того, что мы хотим!»¹⁰¹ Мелкие ремесленники попытались оказать сопротивление и с оружием в руках двинулись ко дворцу,¹⁰² но все закончилось лишь вооруженной демонстрацией. «Жирный народ» был сильнее и без большого труда одержал победу, большое число мелких ремесленников было выслано.¹⁰³

Круг суживался: установление «сильной власти» приводило к лишению политических прав все более широких слоев городских трудящихся.

Пополанская демократия, разгромившая в 1378 г. чомпи, лишившая в 1382 г. политических прав членов двух цехов «божьего народа» и, наконец, в 1387 г. сохранившая за всеми младшими цехами минимум прав, шла по своему логическому пути к олигархии, а затем и тирании.

В списке «Краткой флорентийской хроники» Строщи, хранящейся в Государственном архиве Флоренции, говорится о разгроме движения чомпи («fo'ancora rotti le santi»), затем о ликвидации двух цехов «божьего народа» («l'arti furon ridutti al numero di 21»), в которых работали «низкие и мелкие ремесленники» («artisti infimi et minuti»), и об установлении новой власти, которую автор хроники связывает с именем Сальвестро Медичи и его последователей.¹⁰⁴

¹⁰⁰ «...torre e gli artefici plebei più autorità provviddano che dove gli havevano la terza parte degli honori, ne hovessino la quarta...» (Historie fiorentine. Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Ин. 180, л. 156).

¹⁰¹ «Levossi il romore per tutta la terra, a dì VI di maggio, gridando: „Viva il popolo e guelfi“. Allora s'armarono tutti i cittadini guelfi, e trassero alle piazze ed a casa i signori priori dicendo: „Costoro non fanno nulla che noi vogliamo...“. A presso segui, ch'all'arti minute fu tolto uno priore, e confoloni ed ogni ufici, i quali avevano per tezro» (Cronaca prima d'Anonimo, стр. 100).

¹⁰² «...molti corsono al palagio armati...» (Historie fiorentine. Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Ин. 180, л. 156).

¹⁰³ «...gran numero di minori artefici» (там же).

¹⁰⁴ Tito Vespasiano Strozzi. Breve cronaca fiorentina. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 740, л. 26.

Автор неопубликованного политического трактата XVII в., хранящегося во Флоренции, подчеркивал, что от реформы 1387 г., когда «наиболее благородные» горожане получили три четверти всех должностей коммуны за счет «занимавшихся неблагородными ремеслами», которым оставили одну четвертую часть, идет прямая линия к «той форме правления, которую Флоренция имела вплоть до 1530 г.»¹⁰⁵ т. е. к тирании.

Здесь же указан и тот путь, по которому шла олигархия, а затем, в еще большей степени, тирания для укрепления своей социальной базы. Направляя удары против своих соперников, они искали поддержки в кругах мелких ремесленников, отодвинутых на задний план политической арены. Они сохранили за ними право «выбиться в люди». Эта демагогия вела к обогащению отдельных одиночек «из народа» и к молчаливому послушанию всех остальных. «...со временем, — пишет тот же анонимный автор, — многие из [группы] мелких [ремесленников] приобретали богатство и блеск, оставляли торговлю и причислялись к группе старших».¹⁰⁶

Ослабление младших цехов происходило также при помощи проникавших в них «жирных» пополанов, которые подчиняли себе цеховую массу изнутри, парализуя в них всяческие выступления против олигархического правления. «Жирные» пополаны заставляли имматрикулировать себя в младшие цехи, чтобы таким образом занять в них ведущее положение.

Начало этого явления наблюдалось уже в годы олигархического правления Мазо Альбицци (1387—1417), а затем Ринальдо Альбицци и Никколо да Уццано (1417—1434) и пышным цветом расцвело в годы медичейской тирании.

«Славнейший флорентийский народ», как его называл хронист Деи,¹⁰⁷ рассматривал Козимо Медичи как «знамя всей Италии и отца бедняков»,¹⁰⁸ в то время как многие семьи Флоренции разорялись и гибли.¹⁰⁹

Однако и в годы правления этих «отцов бедняков» продолжались выступления флорентийских ремесленников, направленные против олигархического режима верхушки «жирных» горо-

¹⁰⁵ Ricordo delle varie forme di governo della Republica di Firenze. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 739, № 9. См. «Приложения», док. 4.

¹⁰⁶ «...con il tempo molti di quelli della Minore aquistarno e ricchezze, e splendore, e lasciarono i traffichi e furno annoverati fra quelli della Maggiore...» (там же).

¹⁰⁷ «...groriosissimo popolo fiorentino» (B. Dei. Cronica. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 199, № 9).

¹⁰⁸ «...e standardo di tutta Italia e padre de'poveri» (там же, № 12r).

¹⁰⁹ «La rovina di molti chasati e di molta altri cittadini fiorentini» (там же).

жан. Так, например, 9 октября 1393 г., во время гонфалоньерата Мазо Альбицци, была сделана попытка флорентийских изгнанников из Болоньи, опиравшихся на силу ремесленников внутри города, восстановить правление 24 цехов, т. е. вернуть политические права всем трем ликвидированным цехам «божьего народа», включая и чомпи. Заговор не удался, и трое ремесленников были арестованы и подвергнуты пыткам. Этот факт был отмечен К. Марксом.¹¹⁰

История борьбы против олигархической верхушки Флоренции знала самые сложные сочетания, но при всех этих выступлениях их инициаторы апеллировали к народу и пытались поднять восстание. Так, например, «было в августе 1396 г., когда во Флоренцию явились 9 высланных горожан, которые хотели убить мессера Мазо Альбицци и поднять город на восстание».¹¹¹

Уже в 90-е годы олигархическое правление достигло некоторого успеха, ему удалось завоевать симпатии части пополанов, особенно из кругов ремесленников средней руки, отдельные представители которых «приобретали богатство и блеск» благодаря демагогической политике «отца бедняков». Так и события августа 1396 г. завершились тем, что пытавшиеся убить главу олигархического правления и призывавшие народ подняться против него, были у стен Санта Репарата «окружены и осаждены народом и, в конце концов, схвачены, восемь из них были обезглавлены, а бежать удалось одному лишь Скортикино».¹¹² Нет сомнения в том, что на стороне Альбицци выступает не весь народ, а лишь определенные его слои.

Возможность заигрывания с пополанами и привлечения части их на свою сторону объяснялась не только самой демагогической политикой олигархической верхушки, но и в первую очередь тем, что «плебс слаб». Вторым источником, питавшим олигархию, было явление, которое в той же выписке К. Маркса определено формулой «гранды бессильны». Могучая волна восстаний наемных рабочих нанесла чувствительный удар феодальным элементам Флоренции и близким к ней кругам пополанов из гвельфской партии. Несмотря на формальное восстановление некоторых прав и почетных привилегий, гвельфская партия теряла свое значение, что объяснялось прежде всего ослаблением

¹¹⁰ К. Marx. Exzerpte, стр. 23.

¹¹¹ «A di... di Agosto vennero in Firenze nove tra banditi et altri cittadini per uccidere messer Maso degli Albizzi et levar la terra à romore...» (Historie fiorentine. Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Ин. 180, л. 168).

¹¹² «... furono attornati et assediati dal popolo, et finalmente furono presi et decapitati otto di loro, et Scortichino che era con loro scampò et fuggissi» (там же).

ее социальной базы. Амнистированные в 1382 г. гранды, вновь объявленные пополанами (grandi fatti popolani), по сути дела, были в свое время пополанами, переведенными в гранды (popolani fatti grandi).¹¹³ Обессилевшие гранды и близкие к ним пополаны из гвельфской партии были теперь не страшны. «Жирные» пополаны из партии Восьми, пользовавшиеся в свое время могучей силой народного движения, существеннейшим образом подорвали экономическую и политическую мощь своих соперников из кругов гвельфской партии. Это было прогрессивным явлением для Флоренции периода раннекапиталистических отношений. Подточив затем, путем то прямого обмана, то тонкой демагогии, непрочное единство народного лагеря чомпи и рядовых ремесленников, они нанесли чомпи сокрушительный удар, пресекая тем самым дальнейший ход демократизации флорентийского государства. Эта демократизация сохранялась теперь в рамках пополанской республики. Разгромив тех, кто помог им ослабить нобилей и их союзников из гвельфской партии, «жирные» пополаны привели Флоренцию к условиям, в которых зародилась и стала процветать олигархия. Она стала естественной наследницей пополанской республики партии Восьми.

Таким образом, сложная эволюция социальной борьбы во Флоренции оказывала существенное влияние на перестройку хозяйственных основ республики, что в свою очередь определяло новые формы государственного строя.

В частности, нобильские элементы, терявшие земельные владения и политические права, заполняли ряды изгнанников и мятежников (fiorsuciti e ribelli). Они теперь восстанавливали свои политические права и свои владения с большим трудом. «Жирный народ», как из рядов партии Восьми, стоявшей у кормила правления, так и из рядов гвельфской партии, образовывал в конце XIV—начале XV в. единую категорию «жирного народа». Этот «жирный народ» был владельцем как мануфактурных и подчиненных им цеховых мастерских, так и земельных владений. Мы уже обращались в своем месте к вопросу о возрастании земельных фондов «жирных» пополанов и к политике правительства периода революционных потрясений, способствовавшей переходу земель в их руки. Можно отметить, что концентрация земельных владений в руках «жирных» пополанов усиливается с 80-х годов XIV в. Это подтверждает хранящаяся во флорентийском архиве «Книга счетов» Чурьянни. Она показывает непрерывный рост земельных владений этой семьи

вплоть до мая 1378 г., а затем с середины 1380 г., когда подтверждаются ее права на приобретенные участки земли.¹¹⁴

Этот частный пример, не дающий права на широкие обобщения, между тем весьма показателен. Олигархическое правительство Альбицци, а за ним Альбицци — Уццано допускает в определенных рамках возрождение нобильских фамилий во Флоренции, тем более, что сами вожаки олигархических правящих кругов, вроде Уццано, были связаны в определенной степени с нобильскими традициями в хозяйстве и политике.¹¹⁵ Перепись населения во Флоренции по кварталам города показывает некоторое увеличение дворянских фамилий в 1392 г. по сравнению с 1382 г.¹¹⁶

Заигрывание с ослабленным плебсом и обессиленным нобилитетом было лишь побочной линией деятельности флорентийской олигархии. Главной ее опорой являлись мануфактуристы Ланы и других старших цехов, прежде всего текстильных. Показательным в этом отношении является решение 1393 г. о введении высоких пошлин на иноземные сукна и даже запрещение их ввоза, что способствовало значительному процветанию флорентийской сукнодельческой мануфактуры.

К. Маркс обращает внимание на это явление, связывая его именно с политикой флорентийской олигархии. Он делает следующие выписки из работы Каппони, дополняя их краткими, но существенными характеристиками: «Характерно: „На благо и по требованию цеха Ланы, который играл большую роль в этих делах, и в котором Альбицци были могущественнейшими членами, решено, чтобы на пятилетний срок был воспрещен ввоз чужеземных сукон, исключая некоторые определенные небольшие пункты“. Благожелательно расположенный к олигархии *Наддо да Монтекатини* называет цех Ланы „источником всех богатств, которые производились в эти годы в республике“».¹¹⁷

Расширяющаяся сукнодельческая мануфактурная промышленность требует рынков, приобретения портовых центров, создания собственного флота. Правительство вело крайне осто-

¹¹⁴ Libro L. Ciuriani. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 77, л. XVIIг. См. «Приложения», док. 1.

¹¹⁵ V. I. Rutenburg, стр. 689—706.

¹¹⁶ Cittadini descritti in quartieri nel 1381 e 1391, Miscellanea. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 171, № 3, лл. 43—48.

¹¹⁷ «Charakteristische: „A beneficio ed a richiesta dell' Arte della Lana ch'ebbe gran mano in questi fatti, e nella quale erano gli Abbizzi potentissimi, si decretò che per cinque anni fosse proibita l'entrata dei panni forestieri, eccetto d'alcuni pochi luoghi designati“. Der oligarchisch gesinnte *Naddo da Montecatini* nennt l'Arte della lana „caggione d'ogni bene, che si facesse in quelli anni nella Republica“» (К. Маркс. Exzerpte, стр. 23. Слова «характерно» и «благожелательно расположенный к олигархии» принадлежат Марксу).

рожную внешнюю политику, «жирным» пополанам было не до войны, так как они хотели обезопасить себя от новых вспышек восстаний, пресекать непрерывные заговоры.

«С 1382 г. заправили жирного народа Флоренции оказываются полными хозяевами в коммуне, хозяевами, не встречающими серьезного сопротивления ни в разгромленных феодальных верхах, ни в еще более разгромленных народных массах».¹¹⁸

Теперь же олигархия, представляющая собой твердую власть «жирных» пополанов, и прежде всего мануфактуристов сукнодельческой промышленности, приступает к активной внешнеполитической деятельности. В 1406 г. олигархическая Флоренция смогла, наконец, решить проблему выхода к морю, захватив Пизу — предмет своих вековых захватнических мечтаний.¹¹⁹ В 1415 г. Флоренция приобрела Ливорно, а затем, как это отмечено в выписках К. Маркса из работы Каппони, в «1422: первая галера послана ими в Александрию (что являлось началом осуществления, — В. Р.) проекта открытия большой торговли пряностями и другими товарами, имея в виду прибыли, которые извлекала из этого Венецианская республика».¹²⁰ За один лишь 1420 год, по широко известным данным дожа Томмазо Мочениго, только через Венецию на Восток было вывезено 16 тысяч кусков флорентийского сукна, а других товаров на 840 тысяч дукатов. Расцвет сукнодельческой промышленности в конце XIV—начале XV в. сочетался с началом развития флорентийского шелкоделия. Большие прибыли, получаемые мануфактуристами Флоренции в этот период, шли не только за счет успешной внешней торговли, приносившей торговую прибыль, но и прежде всего за счет эксплуатации разгромленных флорентийских чомпи, дальнейшего выжимания из них прибавочной стоимости. Вопрос об улучшении экономического положения наемных рабочих «благодаря непрерывно растущему производству» и условиям «отличной конъюнктуры»¹²¹ не может быть пока решен из-за отсутствия необходимых данных, хотя можно предполагать, что в целях дальнейшего развития сукноделия владельцам мастерских пришлось пойти на некоторое увеличение заработной платы чомпи.

Однако некоторые материалы об участии в антиправительственных выступлениях флорентийских низов в этот период все же говорят о достаточно тяжелом положении массы бесправ-

¹¹⁸ М. А. Гукровский. Итальянское Возрождение, стр. 190—191.

¹¹⁹ В. И. Рутенбург. Очерк, стр. 102—106.

¹²⁰ «1422: erste galera von ihnen geschickt nach Alessandria, mit Plan zu eröffnen grossen traffico di spezierie e di altre merci, veduto i guadagni che ritraeva la Repubblica de'veneziani» (К. Маркс. Exzerpte, стр. 25).

¹²¹ А. Дживелегов. Флоренция, стр. 175.

ных наемных рабочих, даже при некотором повышении уровня их оплаты. Они находились под двойным прессом цеховой и государственной администрации.

В выписках К. Маркса из работы Каппони фигурируют следующие, например, случаи: «1396: олигархи ссылают на 20 лет *Донато Аччаюоли*; также осуждены *Аламанно ди Сальвестро* и другие *Медичи* и мелкие ремесленники (*artefici di minor conto*)». ¹²² К. Маркс подчеркивает слова «мелкие ремесленники». Их участие свидетельствует не только о начале будущего традиционного блока Медичи с «народом», но и о недовольстве рядовых тружеников Флоренции положением дел в государстве.

Далее К. Маркс выписывает из работы Каппони данные высказке в 1397 и 1400 г. вместе с Альберти, Медичи, Скали «многих из плебса». ¹²³ И здесь действует, очевидно, не только демагогическая пропаганда Медичи и им подобных, но и настроения самого флорентийского плебса.

Во всяком случае, олигархическое правительство вынуждено создать крупные вооруженные силы, состоящие из нескольких сотен наемников и двух тысяч из наиболее верных горожан. Остальным горожанам оружие запрещали носить под страхом смертной казни. К. Маркс не только выписывает эти данные из работы Каппони, но и пишет в начале цитаты: «Сущность: олигархи заставляют коммуну» оплачивать наемников и создают гвардию горожан, подчеркивая слова о запрещении всем остальным горожанам носить оружие под страхом смертной казни. ¹²⁴

Усиление государственного аппарата в виде вооруженных сил, направленных не столько на защиту от внешних врагов, сколько от внутренних, весьма показательны. Эти внутренние враги — не только соперники правящих олигархов типа Медичи, но и народ, без поддержки которого демагогическая политика Медичи не имела бы успеха и не привела бы их к власти. Запрет ношения оружия массой горожан говорит о недоверии олигархического правительства к большинству населения и о боязни народных движений, которые загнаны вглубь, но источник которых не ликвидирован.

Иногда эти движения вспыхивают и пробиваются на поверхность, подчеркивая тем самым ложность общего розового фона процветания и благополучия, на котором обычно ри-

¹²² К. Маркс. Exzerpte, стр. 23. Слова «олигархи ссылают на 20 лет *Донато...*» и «также» принадлежат К. Марксу.

¹²³ «... molti di plebe» (там же, стр. 24).

¹²⁴ «Hauptsache: die Oligarchen fecero il Comune soldasse 300 fanti... acrissero poi 200 cittadini atti nell'arme e dei loro più confidenti... ed ai non iscritti in quella milizia era vietato portare armi, pena la testa» (там же, стр. 23).

суются события конца XIV—начала XV в. Так, например, в работе Дорини говорится, что после чомпи в 1378 г. и последующего «правления младших цехов», правила «всегда победоносная олигархическая партия, которая управляла Флоренцией без существенных противоречий вплоть до 1434 г., до установления медичейского господства». ¹²⁵

В ноябре 1411 г. во Флоренции был открыт заговор, в котором роль главной действующей силы, а может быть и инициатива, принадлежала низам Флоренции, скорее всего наемным рабочим сукнодельческой промышленности. В подготовке выступления был замешан также монах фра Лоренцо дель Кастао. Как и в движениях чомпи прошлого XIV в. мы встречали рядовых священников, готовивших вместе с чомпи вооруженные выступления, так и в XV в. мы видим монаха, возможно проповедника-еретика. Не обошлось и без участия в подготовке выступления представителей видных пополанских семей в лице Нанни Буондельмонти. Подготовка выступления была сорвана, как это нередко было и в прошлом XIV в., при помощи тайных агентов правительства. Вожаки жестоко поплались: было повешено трое из представителей низов, Буондельмонти была отсечена голова, фра Лоренцо заключен в клетку, поставленную над печально знаменитой гюрмой Стинке, ¹²⁶ своеобразной флорентийской подземной Бастилией.

Показательно, что вскоре после этих событий, 12 декабря 1411 г., в Совете народа и Совете коммуны, лишь после упорного сопротивления проходит решение правительства о новом принудительном займе. Только путем измора удалось навязать его, что автор рукописной «Флорентийской истории» считает «бесчестным и грубым». ¹²⁷ Трудно сказать, связана ли ноябрьская попытка выступления флорентийских низов с введением нового принудительного займа, противниками чего были еще чомпи 70-х годов XIV в., однако влияние народного недовольства давало себя знать даже в правительственных органах олигархической республики.

¹²⁵ U. Dorini. Il diritto penale, стр. 20.

¹²⁶ «A di... di Novembre si scoperse un trattato fatto da gente di vil'condizione et ne furno impicati tre, et a Nanni del Pila de Buondelmonti fu mozzo il capo et fra Lorenzo de Castao fu messo in gabbia nelle Stinche» (Historie fiorentine. Руксписный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Ин. 180, л. 183r).

¹²⁷ «A di 12 di dicembre essendosi vinto tra e Signori et Collegi una petizione di prestanza et dipoi con gran fatica nel consiglio del popolo, ragunono il consiglio del comune, et... non si vinceva... et dipoi la rimessono molte volte... et finalmente per strachi la vinsono... mai più non fu usata tanta dishonestia et villania» (там же).

В 1414 г. в связи с заключением мира с неаполитанским королем Владиславом, потребовавшим выплаты 60 тысяч золотых флоринов, происходит острое столкновение между городскими верхами и народом.¹²⁸ В этом движении активное участие, очевидно, принимали рядовые налогоплательщики, которых прогрессивные мыслители своего времени, вроде Лодовико Гети, предлагали совершенно освободить от налогов.¹²⁹

В октябре 1429 г. происходит восстание в Вольтерре, направленное против налогообложения, введенного флорентийской олигархией. Только в ноябре это движение удается подавить. Несмотря на своеобразие этого движения, оно было направлено против флорентийской олигархии. В этом восстании играл заметную роль народ покоренной Вольтерры во главе с сапожником Джусто д'Антонио, который был убит.¹³⁰

Эти материалы, очевидно далеко не полные, — ибо источники не сохранили нам большего, а часть источников, возможно, еще и не обнаружена, — свидетельствуют о слабости народных движений в конце XIV и особенно начале XV в. «Плебс слаб» и с трудом поднимает голос протеста. Однако этот голос протеста продолжает звучать, напоминая о том, что силы народа неиссякаемы.

Переходный период от олигархии к тирании является малоизученным периодом как в области экономической, так и в области политической истории. Однако мы считали необходимым кратко проследить историю народных движений этого периода, не дожидаясь появления специальных исследований, рассматривая материал этой главы в качестве первого наброска для характеристики сложной эволюции конца XIV—начала XV в. Эта необходимость вытекает из того, что корни итальянской и прежде всего медичейской тирании (синьории) исходят из олигархии, условиями создания которой в качестве одного из решающих элементов является сложная социально-политическая борьба. Стержнем же этой борьбы явились народные движения передовых итальянских городов XIV—XV вв.

Что же касается расстановки классовых сил в начале XV в., то она в принципе сохраняется такой же, как и в XIV в., а в об-

¹²⁸ «Della detta pace fu gran'contrarietà fra cittadini per che chi voleva et chi non voleva» (там же. Ин. 180, л. 186).

¹²⁹ В. И. Рутенбург. Налогообложение и общественный кредит Флоренции XII—XV вв., стр. 162—168.

¹³⁰ «A di 23 ottobre e volterrani si ribellono... per che non volevano casto... A di 4 di novembre e volterrani tornorono alla divotione... dal popolo di Volterra fu morto Giusto d'Antonio Calzolaio che era stato capo della detta ribellone...» (Historie fiorentine, Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Ин. 180, л. 186).

ласти мануфактурной и подчиненной ей цеховой промышленности передовых городов Италии, и прежде всего Флоренции, становится, пожалуй, еще более четкой.

К. Маркс подчеркивает это, выписывая следующую цитату из работы Каппони, который говорит о 20-х годах XV в.: «Для расширения промышленности капитал являлся всем, и богатство давало движение великой машине труда, в которой труженики были лишь частицами ее, лишенными политической жизни для самих себя. В этом XV веке старшие и младшие цехи, их консулы и главы были уже превращены в механизме республики в пустое наименование; не было там ничего другого — лишь бедные и богатые».¹³¹

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Литература о восстаниях в городах Италии XIV—XV вв. возникла вместе с восстаниями. Первыми историками этих восстаний были их свидетели и современники, сочинения которых представляют собою хроники городской жизни.

Литературные сочинения, подобные хроникам, современным этим восстаниям или близким к ним по времени написания, примыкают собственно к источникам. Естественно, к ним в еще большей степени относятся официальные и полуофициальные документы. Однако по объему и значению на первом месте среди этих источников идут хроники.

Несмотря на свою относительную неточность, обусловленную субъективным восприятием событий авторами хроник, в целом они дают наиболее полный и чрезвычайно колоритный материал по истории народных движений. Степень недостоверности хроник нередко преувеличивалась, даже по отношению к наиболее серьезным и обоснованным, например таким, как хроника Виллани.¹

Джованни Виллани был крупнейшим итальянским хронистом XIV в. Его хроника К. Маркс счел возможным именовать своего рода «Историей».²

«История» Дж. Виллани основывается на длительном и серьезном изучении прежних исторических трудов.³ Автор «Истории» обладал незаурядным писательским дарованием, высокой для своего времени образованностью и большим жизненным опытом, что отмечено еще первым историком итальянской литературы Тирабоски.⁴ Сочинение Дж. Виллани наполнено конкретным, нередко цифровым, материалом по экономике Флоренции и яркой, хотя и лаконичной, характеристикой социальных битв первой половины XIV в.

Все это не исключает, естественно, ограниченности автора «Истории», обусловленной самой исторической обстановкой конца XIII—начала XIV в.

В качестве служащего Дж. Виллани представлял флорентийские компании во Флоренции, Франции, а затем в Неаполе, а также был видным политическим деятелем и дипломатом. Финансовый крах компании Буоннакорзи привел Дж. Виллани в тюрьму Стинке, а в 1348 г. он пал одной из первых жертв черной смерти, опустошившей не только Флоренцию, но и всю Европу.

Дж. Виллани был современником и большим почитателем Данте. В хорошо известной характеристике Ф. Энгельс говорил о Данте как о последнем

¹ См. об этом: В. И. Рутенбург. Очерк, стр. 192—193.

² «1348 + Giovanni Villani. Aus dessen „Istorie“ gibt Capponi Auszug. ...» (К. Маркс. Exzerpte, стр. 8). «Giovanni Villani zu gegen Ende seiner historia sagt...» (там же, стр. 10).

³ G. Villani, I. I, cap. I, стр. 17.

⁴ Tiraboschi, стр. 38.

псате средневековья и в то же время первом поэте нового времени. К Джованни Виллани, как и к Данте Алигьери, во многом может быть применима эта характеристика Ф. Энгельса: можно сказать, что Виллани был последним историком флорентийского средневековья и в то же время первым флорентийским историком нового времени. Дж. Виллани с ненавистью относится к феодалам.

Дж. Виллани жил и писал в первой половине XIV в., и без его «Истории» не может быть исследован ни один из существенных вопросов экономической и политической истории этого периода.

Первые выступления наемных рабочих были еще недостаточно грозными и опасными для «жирного народа», и Дж. Виллани, писавший в этот период, советовал «сдерживать гнев народа и бедного люда» мирными методами.⁵

Джованни был первым в своеобразной династии хронистов Виллани. Его непосредственными продолжателями были его брат Маттео и племянник Филиппо. Если Виллани I, как очевидец, писал историю нескольких десятилетий, то Виллани II описал события пятнадцати лет, а Виллани III — лишь события одного года.

Маттео Виллани начал свою хронику⁶ в 1348 г., когда черная смерть, ярко описанная Боккаччо, унесла первого Виллани. Приняв из его рук перо, М. Виллани не ставил перед собой цели создать новое произведение, он лишь продолжил хронику, не меняя ее стиля и построения. Ему, как и Джованни, не чужды характеристики экономических условий их родного города. Как и его брат, М. Виллани был представителем «жирного народа». В июле 1363 г. М. Виллани умер от чумы, и хроника была продолжена одним из его шести сыновей.

Филиппо Виллани продолжает труд своего знаменитого дяди и своего отца.⁷ Страницы его хроники содержат ценный материал для характеристики Флоренции 60-х годов XIV в., непосредственно предшествовавших восстанию чомпи.

К этому периоду относятся еще несколько ценных хроник. Наиболее характерными из них являются следующие.

Донатто Веллутти написал хронику своей семьи с 1300 по 1370 г.⁸ Бывший нобиль, активно участвовавший в политической и хозяйственной жизни Флоренции, Д. Веллутти живописует яркую галерею типов «жирных» помещиков Флоренции, хозяев и эксплуататоров чомпи. В литературном отношении эта хроника стоит выше «Истории» Дж. Виллани. Хроника Д. Веллутти примечательна еще одной своей стороной: к ней приложен небольшой фрагмент безымянной хроники, рассказывающей о раннем движении чомпи во Флоренции в 1345 г. под руководством Чучо Брандини.⁹ Этот отрывок является единственным свидетельством нарративных источников о движении Чучо Брандини.¹⁰ Трудно сказать, кто является автором этого интереснейшего отрывка: сам ли Донатто Веллутти, кто-либо из его родственников или иное лицо.

Восстание чомпи, которое было далеко не единственным, а лишь крупнейшим и завершающим в серии городских восстаний XIV в., описывается с разной степенью подробности во многих хрониках или мемуарах. Эти хро-

ники были изданы в разное время, а затем переизданы в едином сборнике Джино Скарамелла в 1916 и 1934 гг. под названием «Восстание чомпи, хроники и мемуары».¹¹ Из шести хроник и мемуаров этого сборника лишь одна хроника написана человеком, симпатии которого были на стороне трудящегося народа, на стороне чомпи.¹² Впервые замечание об этом хронисте сделано Карло Фоссати в 1875 г., который назвал его «Первым анонимом» («Primo anonimo»). В следующем, 1876, году в вводной статье к публикуемой хронике о нем писал Алессандро Герарди.¹³ В 1887 г. Джузеппе Кораццини¹⁴ дал ему название «Выборщика» («Squittinatore»), так как хронист, будучи одним из служащих коммун, присутствовал при голосовании (squittinio) и как представитель «тощего» народа являлся результатам выборов, которые были обеспечены победой чомпи. Название это, случайное и неточное,¹⁵ сохраняется, однако, по традиции.

У этого хрониста мы находим сведения об экономической политике чомпи, о новых цехах, созданных в результате восстания, о создании правительства чомпи и о подавлении восстания, о казнях руководителей чомпи и о симпатиях к ним народа. К сожалению, характер хроники «Выборщика» не позволяет изучить восстание шаг за шагом, но лишь некоторые его стороны и эпизоды.

Для систематического изучения восстания чомпи приходится обращаться к остальным пяти хроникам и мемуарам времени чомпи.

На первом месте среди них стоит так называемая хроника Джино Каппони.¹⁶ Автором этой хроники Дж. Скарамелла считает не Каппони, а Алессандро Аччаюоли. Последний, будучи в это время приором, мог знать все подробности о ходе событий. В указанном уже сборнике хроник и мемуаров периода восстания чомпи она называется хроникой Аччаюоли.¹⁷ Однако Родолико отмечает, что все это могло быть известно не только приору, но и другому лицу. Хотя в литературе возникла новая точка зрения на авторство хроники,¹⁸ Родолико согласен все же назвать ее «Каппониевской хроникой» («Cronaca capponiana»),¹⁹ что несколько смягчает категоричность решения вопроса об авторе. Можно согласиться с Родолико, что всестороннее знакомство с событиями не являлось монополией флорентийских приоров. Логическим завершением этой гипотезы должно было бы стать предположение о том, что наиболее сведущим членом приората являлся его глава — гонфалоньер справедливости, которым был в составе этого правительства Луиджи ди мессер Пьеро Гвиччардини. Однако мемуары Луиджи Гвиччардини²⁰ вовсе не представляют собой наиболее подробного и четкого описания

¹¹ Il Tumulto dei Ciompi. В этот сборник входят: Acciaiuoli; S. Peruzzi; L. Guicciardini; Ser Nofri; Cronaca primo d'Anonimo («Cronaca dello Squittinatore»); Cronaca seconda d'Anonimo («Diario Campagnano»).

¹² «Cronaca primo d'Anonimo» или «Diario dello Squittinatore».

¹³ P. C. Fossati (2-е изд. вышло в 1882 г. в г. Сьене). A. Gherardi. Documenti di storia italiana, стр. 379 и сл.

¹⁴ G. O. Corazzini, стр. 46.

¹⁵ Это было убедительно показано в работе Родолико (N. Rodolico. La democrazia fiorentina, стр. 210, прим. 2).

¹⁶ G. Capponi. Caso o tumulto de'ciompi dell'anno 1378. Rerum italicarum Scriptores, t. XVIII, Mediolani, 1731. Этим изданием мы не пользуемся, так как оно устарело после выхода в свет сборника документов «I tumulti dei Ciompi».

¹⁷ A. Acciaiuoli.

¹⁸ G. Scaramella. Questioni varie, стр. 307—326.

¹⁹ N. Rodolico. I Ciompi, стр. VIII.

²⁰ L. Guicciardini.

⁵ G. Villani, I. X, cap. CXVIII, стр. 111—112.

⁶ M. Villani, t. I (1348—1356 гг.), t. II (1356—1363 гг.).

⁷ F. Villani (1363—1364 гг.). Хроника Ф. Виллани помещена в конце II тома хроники М. Виллани.

⁸ D. Velluti.

⁹ D. Velluti, Appendice, стр. 148.

¹⁰ Об этом движении ничего не сказано даже у хорошо информированного Дж. Виллани.

событий; они являются краткими записями о восстании с изложением своего понимания его причин.

Аччаюоли стал приором лишь 28 июня 1378 г., а последующий ход событий во Флоренции описан у него с такой же степенью подробности и до избрания его в правительство. 22 июля 1378 г. правительство, в котором был Аччаюоли, пало в результате восстания, однако и после этого хронист не менее детально и четко описывает дальнейшие события.²¹

В хронике говорится о решительном поведении приора Аччаюоли во время осады дворца синьории народом.²² Такая характеристика поведения Аччаюоли могла быть дана им самим с целью сохранить свой образ для истории в положительном освещении. С большей долей вероятности можно предполагать, что автором хроники является приор А. Аччаюоли.

Нет нужды в новом названии Родолико — «Капониивская хроника», ибо оно вносит лишь путаницу и приводит к тому, что одна и та же хроника Дж. Капони — А. Аччаюоли получила в литературе три разных названия.

Дж. Капони, которому первоначально приписывалась, а возможно и принадлежит эта хроника, происходил из известного флорентийского рода, давшего 57 приоров и 10 гонфалонверов. Еще в 1224 г. один из Капони вступил в сукнодельческий цех Ланы; в дальнейшем Капони были связаны также с шелкоткацким цехом Сэты и занимались также и банковскими операциями.

В год восстания чомпи Капони было около 30 лет. После подавления восстания чомпи он являлся ярким сторонником олигархического правления, особенно после утверждения в 1393 г. Альбицци в качестве господствующей семьи. В дальнейшем он проявил себя как активнейший политический деятель «жирного народа» Флоренции: в 1406 г. он стал первым правителем покоренной Пизы, в 1413 г. — послом Флорентийской республики в Венеции. Умер Дж. Капони 19 мая 1421 г.

По своему характеру хроника Дж. Капони — А. Аччаюоли является не только враждебной чомпи, но и наиболее реакционной из всех флорентийских хроник того времени. Захват власти восставшими чомпи хронист считал полным крахом «цветущего города», концом его «счастливого состояния».²³ Он признавал Флоренцию лишь под властью «жирного народа» и выступал в защиту гвельфской партии, в которой значительную роль играли гранды, действовавшие в союзе с наиболее реакционными представителями «жирного народа». Хронист приветствовал систему политических преследований, которой пользовалась гвельфская партия, и осуждал ту часть «жирного народа», которая вела войну против грабительских отрядов папы римского. Восстание чомпи он считал наказанием, ниспосланным Флоренции за войну, которую она вела против «святой церкви божьей».

Одной из интереснейших хроник, в которой описано восстание чомпи, является «Дневник флорентийского анонима».²⁴ Название это было дано этой хронике ее издателем и комментатором Александро Герарди, который впервые опубликовал ее еще в 1873 г.²⁵

Анонимный автор хроники, возможно, являлся одним из должностных лиц синьории, так как знал о пришедших ночью в синьорию донесениях.²⁶ Хронист являлся ярко выраженным представителем флорентийского «жирного народа»: интересы коммуны у него совпадают с интересами цехов, по-

поланов.²⁷ Его политическим кредо являлся гвельфизм, принадлежность к которому рассматривалась во Флоренции XIV в. как проявление политической благонадежности. Гиббелинов он называет «изменниками города Флоренции».²⁸ Его гвельфизм и даже признание гвельфской партии официальной силой флорентийской политики не обозначали оправдания ее мероприятий, направленных на закрепление прав нобилитета. Хронист являлся открытым противником феодальной знати.²⁹ Он желал видеть гвельфскую партию соответствующей его пониманию гвельфизма, т. е. партией «жирного народа». Желая очищения этой партии от феодальных элементов, он поддерживал линию партии Восьми, линию Медичи. Сальвестро Медичи получил от хрониста лестную характеристику «доброе и любезное гражданина».³⁰ Медичи заигрывал с чомпи в интересах своей партии и своих личных, внешне был с ними близок. Этим объясняется во многом и отношение анонимного хрониста к чомпи. Как человек, являвшийся служащим синьории, он рассматривал восстание чомпи с точки зрения законных властей, однако без ненависти по отношению к «тощему» народу, который в демагогических целях пыталась использовать партия Медичи. Большая часть хроники посвящена дипломатической и военной истории Флоренции, однако восстание чомпи нашло в ней солидное место. Отличительной стороной этого анонимного «Дневника» является его выразительность и лаконичность.

К периоду восстания чомпи относится также хроника сер Ноффри Риформаджоне.³¹ В ней охарактеризована обстановка во Флоренции накануне восстания, а виновниками его объявляются сторонники борьбы с римским папой — члены комиссии Восьми. К народу хронист относится с презрением и называет его «черню» Флоренции (il popolazzo di Firenze).³² Хронист, очевидно, является нотариусом и представляет мнение одного из старших цехов (судей и нотариусов). Враждебное отношение к восстанию соединяется у Ноффри с недостаточно детальным знакомством с обстановкой. В частности, как истинная роль, так и социальное положение Микеле ди Ландо показаны им ошибочно.

Небольшой отрывок из торговых книг компании Перуцци представляет собою мемуары Симоне Перуцци.³³ Будучи членом комиссии Восьми, он пытался сбежать, доказать свою непричастность к событиям лета 1378 г. Мемуары Перуцци бросают некоторый свет на экономическое положение Флоренции, которое можно определить по состоянию компании Перуцци.

Одной из наиболее серьезных и интересных хроник XIV в. является «Флорентийская хроника» Марконе Стефани.³⁴ К. Маркс применяет к его хронике такой же термин, как и к хронике Виллани — «История».³⁵

М. Стефани начал писать хронику 42 лет в 1378 г. — в год восстания чомпи, и писал ее до 1385 г. Он был видным политическим деятелем пололанской Флоренции: в 1379 г. приором, а затем послом. Умер М. Стефани в 1403 г.

Стефани хорошо известна «История» Дж. Виллани, он дважды ссылается на нее, приводя из нее выдержки. Ранний период его хроники (1300—1348 гг.) написан по рассказам или на основании других хроник. Можно,

²⁷ Там же, стр. 363.

²⁸ Там же, стр. 299.

²⁹ Там же, стр. 294.

³⁰ Там же, стр. 356.

³¹ Ser Nofri.

³² Там же, стр. 1457.

³³ S. Peruzzi, стр. 520—524.

³⁴ M. Stefani.

³⁵ K. Marx. Exzerpte, стр. 15.

²¹ A. Acciaoli, стр. 32.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Diario d'Anonimo.

²⁵ Diario d'Anonimo. Archivio Storico Italiano, seria terza, t. XVII, 1873, стр. 377 и сл. Мы пользуемся изданием 1876 г.

²⁶ Diario d'Anonimo, стр. 305.

предполагать, что с 1348 г. Стефани начал писать по собственным впечатлениям, о чем говорит живость изображения событий и детальное их описание.³⁶ «Флорентийская хроника» Стефани отличается не только ярким стилем, но и четкостью определений. Первым из хронистов он дал определение социального характера таких понятий, как «жирный народ» и «тощий» народ, гвельфы и гибеллины, черные гвельфы и белые гвельфы, старшие и младшие дехи. И если эти характеристики не всегда исчерпывающи, они очень важны для нас как представления современника.

Экономическая жизнь Флоренции у Стефани освещается не систематически, однако и эпизодическое обращение к ней весьма ценно.

Стефани был хорошо знаком с официальными документами коммуны: он систематически приводит списки членов приората Флоренции, которые перемежаются у него с повествовательным текстом хроника.

Будучи представителем «жирного народа», Стефани, естественно, оправдывал борьбу против нобилей, хотя и относился к ним более сдержанно, чем Виллани. Это объясняется тем, что сила нобилей была к его времени уже давно сломлена, и «жирный народ» уже пошел на компромисс с ослабленным противником в целях совместного подавления народных движений.

Во времена Стефани во Флоренции выросла грозная сила чомпи — десятков тысяч наемных рабочих шерстоткацких мануфактур. Вероятно, события, связанные с восстанием чомпи в 1378 г., и толкнули Стефани на написание хроника, целью которой явилось прославление богатой пополаанской Флоренции. М. Стефани записывает все вымыслы, сочиненные врагами чомпи — «жирными» пополаанами с целью очернить восставших. К. Маркс, как мы уже писали, с гневом отзываясь об этой фальсификации Стефани.³⁷ Со Стефани и ему подобных хронистов XIV в. начинается фальсификация истории восстания чомпи, которая в буржуазной литературе в разных формах продолжается и доныне.

К тому же типу источников относится более поздняя хроника Буонаккорзо Питти.³⁸ Написанная в начале XV в., она дает ценные материалы и для истории XIV в. Питти были в свое время изгнаны из Семифонте как гвельфы и поселились в гвельфской Флоренции, вскоре заняв одно из видных мест среди ведущих флорентийских родов. Отец хрониста — Нери Питти, дважды входивший в приорат, был владельцем крупной сукнодельческой мастерской; он умер в 1374 г., за 4 года до восстания чомпи, когда его сыну-хронисту было 20 лет. Буонаккорзо Питти начал писать лишь в 1412 г., однако он пользовался не только личными впечатлениями, но и записями деда, приора Маффео Питти, и рассказами отца. Сам хронист несколько раз избирался консулом цеха шерстяников, был капитаном гвельфской партии, гонфалоньером справедливости и т. д. Его хроника обращена главным образом к последним десятилетиям XIV в. и дает немногочисленные, но ценные сведения о сукнодельческой промышленности Флоренции.³⁹ В хронике имеется характеристика «жирного народа», к которому принадлежал сам хронист: он называет их представителей «добрыми горжанами» (*i buoni cittadini*) или буржуа (*borghiesi*).⁴⁰ Им он противопоставляет «тощий» народ, чомпи (*i Ciompi*), восстанию которых он также отводит место в своей хронике.⁴¹

Небольшой, но не лишенный интереса материал о восстании чомпи можно найти также в хрониках других итальянских городов. Этот материал

не был изучен даже теми учеными, которые являются специалистами по истории восстания чомпи (Родолико, Скарамелла и другие в Италии, Фридрих и нас, и др.).

Обращение к хроникам разных итальянских городов вдвойне интересно: во-первых, оно дает дополнительный материал о том или ином городском восстании и, во-вторых, дает возможность определить значение данного восстания в общепитальянском масштабе.

О восстании чомпи повествуют хроники многих итальянских городов: дальних — Милана и Феррары, более близких — Болоньи, Форли, Пизы и Сьены, соседней Пистойи и Сан Миньято. По своим результатам и размаху восстание чомпи рисуется как политическое событие, имевшее общепитальянский резонанс. Отзвуки восстания чомпи доносились до городов, отдаленных от Флоренции на сотни километров. Миланский анонимный хронист весьма резонно считал наиболее важным этапом восстания чомпи августовские события 1378 г., когда чомпи пытались организовать собственный правительственный орган, опираясь на силу оружия.⁴²

Анонимный хронист города Феррары называет флорентийские события 1378 г. «крупным мятежом», во время которого народ с оружием в руках выступил против богатей, разграбил их дома и дворцы и поджег их. Заслуживает внимания свидетельство хрониста о том, что «богачи же в свою очередь сделали то же самое, т. е. грабили и жгли дома чомпи, пока восставшие не были умиротворены (*pacificati sunt*)». Пизанская хроника называет события 1378 г. во Флоренции государственным переворотом (*mutamente dello Stato di Firenze*). Анонимный хронист сообщает о составе восставших. Главным в восстании хронист считает изгнание приората «жирного народа» и подрыв его правления.⁴³

С большой подробностью изложены эти события в сьенской хронике Нери Донато.⁴⁴ Хронист начинает историю восстания не с июня, а с июля 1378 г., что имеет некоторое основание, так как в этом месяце начались действительно решающие события. Демагога Сальвестро Медичи он именует «вожаком народа» и повторяет обычную клевету о грабежах, которые якобы производили восставшие. Интересны записи хрониста, подчеркивающие ненависть чомпи к хозяевам цеха шерстяников (Ланы), а также раскол в лагере восставших, в результате которого «средние слои» (*li mezzani*), т. е. ремесленники, выступили против низов, «мельчайшего народа» (*minutissimi*), т. е. наемных рабочих, и тем помогли богатым пополаанам разгромить чомпи.⁴⁵

С такой же степенью подробности охарактеризовано восстание чомпи в хронике города Пистойи, написанной настоятелем пистойского собора мессером Дзезмино (Томино) Содззомени.⁴⁶

⁴² *Annales mediolanenses*. Использование 1-го издания Муратори является нередко не только возможным, но иногда и необходимым. Несмотря на более высокий уровень научной подготовки текста в новом издании XX в. — подробные комментарии в вводных статьях, параллельные тексты, исправления и т. п., — оригинальное издание дает возможность ближе подойти к внешнему виду рукописного текста хроника для проверки правильности расшифровки текста и других материалов и для сравнения текста обоих изданий. Некоторые хроники приходится изучать только по старому изданию, так как в наших книгохранилищах отсутствуют несколько томов нового издания.

⁴³ «...spuosono li Priori e loro stato» (*Chronicon Estense*, стр. 5); Anonimo. *Cronica di Pisa*, стр. 1074.

⁴⁴ Neri Donato.

⁴⁵ «...el Populo fe' capo Misser Salvestro de' Medici», «...robare per tutto» (там же, стр. 259—261).

⁴⁶ Specimen.

³⁶ M. Stefani, rubr. 634a, стр. 230—231 и сл.

³⁷ K. Marx. Exzerpte, стр. 15.

³⁸ B. Pitti.

³⁹ Там же, стр. 15—16, 75, 76, 164 и сл.

⁴⁰ Там же, стр. 66—67.

⁴¹ Там же, стр. 43, 46 и сл.

Хронист родился в 1387 г. и умер в 1458 г. В 1407 г. он проходил курс наук во Флоренции. Он был одним из наиболее образованных людей своего времени и видным церковным деятелем. Несмотря на свою принадлежность к верхам католической церкви, Содзомени не являлся сторонником гвельфской партии, которая осуждала войну Флоренции с папой. Возможно эти позиции хрониста объясняются отсутствием у него симпатий по отношению к тому папе, который вел войну с Флорентийской республикой, принесявшую разорение и пистойским землям.

Хронисту известны многие подробности восстания чомпи: он говорит об аресте четырех чомпи, хотя об этом молчат некоторые флорентийские хроникеры, перечисляет районы города, где началось восстание, определенно называет Микеле ди Ландо надсмотрщиком (*factor Artis Lanae*) и предателем, перечисляет состав 3 новых цехов, рассказывает о создании правительственного органа чомпи в августе 1378 г. и об упорном сопротивлении чомпи во время жестокого подавления восстания.

Весьма обстоятельно описано восстание чомпи в хронике Лоренцо Бониконти из Сан Миньято.⁴⁷ Он использует Леонардо Бруни Аретино, хотя считает его описание хода восстания не вполне откровенным.⁴⁸ Ни в одной из хроник не дается такая откровенно апологетическая характеристика предательских действий Микеле ди Ландо. Хронист настроен резко отрицательно по отношению к восставшему народу, который он именуется «толпой» или «чернью» (*multitudo, plebs*).

Болонская хроника⁴⁹ характеризует июньские события 1378 г. во Флоренции как вооруженное выступление народа, который силой добился победы над грандами, лишив их должностей и имущества. Под грандами хронист очевидно, понимает кобилей и «жирных» пополапов, связанных с гвельфской партией. Далее сообщается о втором вооруженном выступлении, результатом которого являлось изгнание старого правительства и образование нового. Интересно разделение хронистом всего населения Флоренции на две части: богатые и бедные (*di roveri e ricchi*). Восстание хронист рассматривает как великий грех, за который якобы господь ниспослал разорение Италии.⁵⁰

Хроника города Форли,⁵¹ повествуя о событиях 1378 г., посвящает восстанию чомпи лишь несколько строк. Хронист называет восстание «волнениями и большими войнами». Он сообщает о вооруженном выступлении народа, захвате правительственного дворца и создании нового правительства. Хронист не разграничивает собственно восстания чомпи от событий следующих двух лет после его подавления, называя весь этот период временем «раздоров».⁵²

Одно из наиболее ранних городских народных движений (1289 г.), связанных с борьбой сукноделов, — выступление «бештанников» — описано в двух хрониках Болоньи: указанной уже хронике Маттео Гриффони и в анонимной.⁵³

Для изучения восстания 1371 г. в Перудже большое значение имеет анонимная «Хроника города Перуджи от 1309 до 1491 г.»⁵⁴ В хронике содержится материал о своеобразной системе цехов, охватывавшей и наемных рабочих, о сложных перипетиях борьбы партии «жирного народа» пополапов, с нобилиями. Кратко, но выразительно хроника повествует о ходе и резуль-

татах восстания перуджинских шерстяников в 1371 г. и о новом их выступлении в 1382 г.

Большое значение имеет также съенская хроника Нери Донато,⁵⁵ в которой сохранен ценнейший и еще мало изученный материал о городских восстаниях 50—60-х годов XIV в. в Съене и о первом крупном восстании наемных рабочих в Италии — восстании «дель Бруко» (съенских чомпи) в 1371 г. Хроника Нери Донато начинается с 1352 г. и доходит до 1381 г. Продолжением ее является фрагмент из хроники Аньоло ди Тура дель Грассо, доводящий историю Съены до 1384 г. Нери Донато происходит из семьи, члены которой состояли в одном из наиболее богатых и почетных цехов Съены — «старьевщиков» (*rigattieri*, или на съенском наречии — *ligrattieri*). Нери Донато был одним из почетных горожан Съены; в 1372 г. он заложил первый камень в фундамент стены у новых городских ворот.⁵⁶ Он не выступает в своей хронике в качестве ярого врага восставших и даже проявляет чувство жалости и снисходительности по отношению к восставшим, поясняя, однако, что беспощадная расправа с ними мотивировалась якобы тем, «чтобы не поощрять тех, кто видел много, но не имел ничего».⁵⁷ Снисходительность Нери Донато объясняется также тем, что он, видимо, принадлежал к оппозиционной группировке съенского «жирного народа», пополапов, и среди многих других в 1372 г. был правительством подвергнут штрафу в 100 флоринов.⁵⁸ Действия этого правительства, естественно, не вызывали безоговорочного одобрения со стороны хрониста.

В сочинении дворянского историка Съены Орlando Малавольти,⁵⁹ судя по материалу его «Истории», использовано несколько съенских хроник, которые в XVI в. могли быть доступны ему и которые к XVIII в., когда Муратори мог издать лишь одну хроникеру Нери Донато, возможно были утеряны или уничтожены. О. Малавольти не противоречит этой хронике Нери Донато и значительно ее дополняет.

Несколько хроник содержат в себе материал об антипапском движении, имевшем место в Перудже.⁶⁰ Болонье,⁶¹ Чезене⁶² и других итальянских городах⁶³ в 70-х годах XIV в. Весьма показательным, что они мало изучались итальянской буржуазной наукой и поэтому остались белым пятном в изучении истории народных движений, в то время как они представляют собой весьма показательную страницу истории Италии XIV в.

Наиболее важной из этих хроник является названная выше хроника Перуджи — города, который был одним из активнейших центров сопротивления папской власти в этот период. Анонимный перуджинский хронист являлся историком пополаповской антипапской партии.

Некоторые материалы для истории событий, предшествовавших антипапскому движению в Перудже, дают также неопубликованные источники, хранящиеся в архиве Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР.⁶⁴

При обращении к хроникам нужно учитывать время и условия их написания, однако даже хроники, написанные в первой половине XV в., не теряют своей ценности, так как их отделяют от событий, изучаемых нами,

⁴⁷ *Chronicon sive annales.*

⁴⁸ Там же, стр. 36.

⁴⁹ *Cronica di Bologna.*

⁵⁰ Там же.

⁵¹ *Annales forolivienses.*

⁵² «*Rumore et bella magna*» (там же, стр. 70).

⁵³ *Griffonibus* и *Corpus chronicorum bononiensium.*

⁵⁴ *Cronaca di Perugia.*

⁵⁵ *Neri Donato.*

⁵⁶ Там же, стр. 231.

⁵⁷ Там же, стр. 226.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ *O. Malavolti.*

⁶⁰ *Cronaca di Perugia.*

⁶¹ *Corpus chronicorum bononiensium.*

⁶² *M. Griffonibus.*

⁶³ *Chronicon Estense; Neri Donato.*

⁶⁴ *Contro i Bestimatori.*

лишь сорок-пятьдесят лет. Эти хронисты пользовались рассказами своих отцов — очевидцев или современников, а поэтому их труды сохраняют значение источника. Нередко эти авторы пользовались материалами более ранних историков; осмысление этих данных по прошествии нескольких десятилетий иногда еще рельефнее рисует обстановку восстания.

За нерративными источниками типа хроник следуют сочинения, имевшие практическое значение для «жирных» пополанов XIV в. Это — справочники, или скорее руководства по банковским, торговым и промышленным делам, носившие наименование «трактатов» (*trattati*). Эти трактаты вводят нас в конкретную обстановку деятельности хозяев мануфактурных мастерских, членов торгово-банковских и торгово-промышленных компаний, которые эксплуатировали наемных рабочих и ремесленников итальянских городов. Эти руководства содержат большой материал, характеризующий состояние экономики итальянских городов в XIV—XV вв.

Наиболее важными из этого типа источников являются сочинения Пеголотти и «Трактат цеха шерстяников».⁶⁵

Эти трактаты помогают уяснить тот социально-экономический фон, на котором разворачивались события, изучаемые в этой работе.

Официальные документы являются одним из важнейших видов источников, в том числе и для изучения народных движений в городах Италии. Речь идет о постановлениях по налогообложению, о таможенных тарифах, о расценках оплаты наемного труда, о законопроектах, законах и уставах, о приговорах, петициях восставших, поданных на рассмотрение или утверждение.

Нередко эти документы отрывочны и случайны, однако и в таком виде они представляют собой первоклассный материал для характеристики условий хозяйственного развития города и положения трудящихся масс. Образцами этих документов могут служить такие материалы, как например таможенный тариф на шерсть и красители, поступившие во Флоренцию во второй половине XIV в.;⁶⁶ кадастр 1431—1432 гг.,⁶⁷ который позволяет установить количество членов цехов шерстяников, шелкоткачей и других в первой трети XV в.; справочник об условиях обмена шерсти на сукно;⁶⁸ расценки сплаты по окраске сукон и шерсти, установленные цехом шерстяников⁶⁹ в 1333—1334, 1344—1345, 1375, 1387 и 1428 гг.; расценки оплаты труда прядильщиков, ткачей и красильщиков в шелкоткацкой промышленности;⁷⁰ другие материалы, как опубликованные в качестве приложений к книгам Дорена, Давидсона и других, так и неопубликованные.

Документы такого типа еще не исчерпаны не только в итальянских, но и в наших архивохранилищах. В качестве образца можно указать на фрагменты записей торгово-промышленной компании Уццано, хранящихся в Архиве Ленинградского отделения Института истории Академии наук

⁶⁵ F. Pegolotti; или ныне устаревшее издание Паньини (*Pagnini. Della decima*), вышедшее в 1766 г.; *Trattato dell'Arte della Lana*. Подробнее см. о них: В. И. Рутенбург. Очерк, стр. 198—200.

⁶⁶ A. Doren. *Die florentiner Wollentuchindustrie*, Anhang, № II, стр. 494—495.

⁶⁷ Там же, Anhang, № III, стр. 497—500.

⁶⁸ Там же, Anhang, № IV, стр. 501—505.

⁶⁹ Там же, Anhang, № Va, стр. 506—517.

⁷⁰ Там же, стр. 518—519.

СССР.⁷¹ Эти неопубликованные материалы, частично уже использованные нами ранее,⁷² охватывают период с 1368 по 1386 г. Они дают возможность выяснить вопрос о превращении владельцев мелких ремесленных мастерских в наемных рабочих.⁷³

Официальные документы также дают ценный материал, характеризующий экономическую политику и хозяйственную эволюцию города. Образцом таких документов является неопубликованный фрагмент «Книги предложений и решений флорентийской синьории» за 1378 г., хранящийся в Ленинграде.⁷⁴ Этот фрагмент дает некоторые основания для характеристики сдвига, которые произошли в землевладении в результате восстания чомпи.

Определенный интерес представляют выписки известного русского ученого М. М. Ковалевского из архивов разных итальянских городов, хранящиеся в Архиве Академии наук СССР в Ленинграде и представляющие несколько рукописных томов.⁷⁵ Наиболее интересными являются выписки из решений правительства Сьены о налогах,⁷⁶ которые позволяют установить цены на хлеб и цены на труд в конце XIII в., в разные десятилетия XIV в. и начале XV в. Этот материал дает возможность уточнить обстановку в Сьене накануне восстания «дель Бруко». Ценность этих выписок определяется тем, что далеко не все они опубликованы, а выписки произведены с большим умением.

Для определения экономического состояния Перуджи, где произошло одно из первых выступлений городского плебса в 1371 г., также имеет значение неопубликованный, хранящийся в Ленинграде, документ о распределении хлеба среди бедных и о продаже хлеба в Перудже в 1340 г.⁷⁷

Среди документов, характеризующих экономическое состояние Флоренции, технику, структуру производства и производственные отношения, большой интерес представляют постановления цеха шерстяников, например постановление, принятое накануне восстания чомпи в 1377 г.,⁷⁸ в котором устанавливается порядок сплаты зависимых ремесленников и также наемных рабочих. Несомненный интерес представляют постановления цехов в период правления герцога Афинского, а также в 1347—1350 гг. о положении красильщиков и об их консулах.⁷⁹

Первоклассным материалом являются уставы разных цехов Перуджи, Сьены, Флоренции.⁸⁰ Они представляют собой незаменимые источники при изучении эволюции сьенского и флорентийского цехов к мануфактурному производству, при определении многочисленных социальных категорий го-

⁷¹ *I libri di Uzzano*. Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР, Зап.-европ. секция, 60—71/46, 76—77/46, 31/46, 86/46, 112/46, 140/94, 1/262, 5/183.

⁷² В. И. Рутенбург. Очерк, стр. 131, 142—143, 149, 190—193.

⁷³ V. I. Rutenburg, стр. 689—706.

⁷⁴ *Liber continentens*. Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР, Зап.-европ. секция, 3/173.

⁷⁵ Архив Академии наук СССР, ф. 103, оп. 1, №№ 140, 141, 150—153, 407, 419—422, 428, 680, 692—693, 954, 978—981.

⁷⁶ *Imposta su beni stabili esistenti nella città* (там же).

⁷⁷ *Per distribuzione*.

⁷⁸ *Deliberazioni dell'Arte della Lana*, стр. 136—140.

⁷⁹ Там же, Дсс. №№ 6, 7, 16, стр. 141, 142 и сл.

⁸⁰ *Statuto della Lana di Siena*; *Statuto della Seta*; *Statuto dei rigattieri*; *Statuto della Lana di Firenze*. Некоторые интерес представляют выписки М. М. Ковалевского из Архива Перуджи (*Spoglio delle Matricoli*. Архив Академии наук СССР, ф. 103, 1, № 934, лл. 253—301).

родского населения, их положения, условий труда наемных рабочих и зависящих ремесленников.

Исключительный интерес для изучения истории городских восстаний XIV в. имеют петиции, составленные восставшими, а также приговоры и другие решения, осуждающие восставших. Из них мы узнаем о волнениях, происходивших во Флоренции в сентябре 1343 г.⁸¹ о вооруженном выступлении чесальщиков шерсти в Сьене в 1346 г.,⁸² о движении Чучо Брандини,⁸³ и других. Решение флорентийского приората 1347 г., направленное против крестьян-арендаторов, говорит о заговорах и массовом отказе их от работ.⁸⁴ Приговор, вынесенный народным капитаном Флоренции в 1379 г.,⁸⁵ дает ценный материал для изучения наиболее интересного периода восстания чомпи — августа 1378 г.

Для определения политической и социально-экономической программы чомпи, а также установления содержания и направленности восстания, решающее значение имеют петиция «тощего» народа⁸⁶ и петиция цехов 21 июля 1378 г.⁸⁷ Эти петиции позволяют определить две линии восстания, имевшие в начале точки соприкосновения, а затем все более расходившиеся: линию чомпи и линию мелких ремесленников. Немалый интерес представляют собой приговоры, вынесенные народным капитаном Флоренции в 1382 и 1383 гг.,⁸⁸ показывающие дальнейшую борьбу чомпи за свои права после подавления восстания.

Своеобразным источником являются художественные произведения, современные изучаемым событиям. Они должны изучаться наряду с документальными и нарративными памятниками этой эпохи, так как представляют собой облеченную в художественную форму характеристику нравов социальных типов, событий изучаемого периода.

К источникам такого типа в первую очередь относятся «Новеллы» Франко Саккетти и «Декамерон» Джованни Боккаччо.⁸⁹

Франко Саккетти был одним из наиболее ярких флорентийских писателей-попалаанов XIV в.; Саккетти стоял ближе к литературной традиции лишенных всяческого изящества, но реалистически воспринимавших жизнь

⁸¹ N. Rodolico. Il Popolo minuto, d. c. № 8, стр. 143.

⁸² Atti di Podestà, стр. 146—148. Libro delle inquisizioni, стр. 158—159.

⁸³ Там же, doc. № 25.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Atti del Capitano del Popolo del 1379, стр. 441—445.

⁸⁶ Petizione del Popolo minuto, стр. 228—233.

⁸⁷ Provvisione del 21 luglio 1378, стр. 594—599.

⁸⁸ Atti del Capitano del Popolo Conte dei Gabrielli, стр. 479—484.

⁸⁹ F. Sacchetti. Novelle, tt. 1—2. В русском переводе Т. Герценштейн даны лишь новеллы I тома (Ф. Саккетти. Человеческая комедия. М., 1917); G. Воссассио. Il Decamerone. Лучший русский перевод — А. Веселовского (Д. Боккаччо. Декамерон. М.—Л., 1933). Оба перевода сделаны крупными специалистами, хорошо знавшими и тонко ощущавшими обстановку Италии XIV в. Однако при изучении Саккетти и Боккаччо как исторических источников необходимо прибегать к оригиналу, так как в переводе некоторые термины даны неточно. Например, ткач (tessitore) назван у Веселовского хозяином, в то время как он сам был в зависимости от мастера-суконщика (lanaiuolo) и работал на него (Д. Боккаччо. Декамерон, стр. 449). В переводе Герценштейн рабочие-шерстяники (lavoranti di lana) названы ткачами (Ф. Саккетти. Человеческая комедия, стр. 192), а шерстобит (scamata la lana) назван валяльщиком. Эти неточности имеют существенное значение при изучении конкретной исторической действительности.

поэтов XIII в. Рустико ди Филиппи или Чекко Анджольери и к своему современнику — поэту Антонио Пуччи. Саккетти хорошо знает и понимает простого человека и его простую, но красочную речь, яркими штрихами описывает он жизнь наемного рабочего — чомпи.⁹⁰ Его новеллы в значительно большей степени, чем у Боккаччо, живописуют жизнь низов Флоренции. Саккетти нередко дает совершенно конкретную обстановку и даже истинные имена своих современников.⁹¹

Живая, конкретная действительность облечена в «Декамероне» Джованни Боккаччо в изысканную литературную форму. В отличие от чисто попалаанских новелл Саккетти, новеллам Боккаччо не чужды сюжеты о рыцарях и королях, навеянные придворной обстановкой Неаполя, однако и они дают нам материал о положении рабочих и ремесленников сукнодельческой промышленности во Флоренции XIV в.

Оба писателя дают интереснейший материал для понимания эпохи, будучи не только живыми свидетелями интересующих нас событий, но и пытливыми и проникательными их наблюдателями.

Среди эпистолярных источников особое место занимают письма Колуччо Салутати⁹² (1331—1406), который на протяжении 30 лет — с 1375 до самой смерти в 1406 г. — был канцлером Флорентийской республики. Это был канцлер-гуманист. Колуччо Салутати был канцлером Флорентийской республики до восстания чомпи, оставался им во время восстания и продолжал выполнять эту же должность после его подавления. Письма, написанные Салутати в период восстания чомпи, особенно два из них,⁹³ являются свидетельством хорошо информированного современника и наблюдателя этих событий.

Салутати был не только канцлером-гуманистом, но и членом цеха шерстяников (Ланы), куда он был принят в 1382 г. после восстания чомпи. Эта почетная имматрикуляция была показательным фактом в биографии государственного деятеля, не имевшего непосредственного отношения к сукноделию. «Жирный народ» Флоренции, эксплуатировавший чомпи, и его республику он не только не порицал, но служил им и выступал в качестве их представителя.

Из исторических работ XV в. наиболее интересными являются сочинения Леонардо Бруни Аретино, Поджо Браччолини и Никколо Макиавелли.

Леонардо Бруни Аретино (1369—1444) своими работами связывает XIV и XV столетия. Он являлся одним из продолжателей Салутати на посту канцлера Флорентийской республики в 1410—1411 гг., а затем беспрерывно с 1427 г. по 1444 г. Выходец из тосканского городка Аретцо, он нашел во Флоренции свою вторую родину. Он отличался политическим тактом, ясностью мысли и тонкой иронией. В «Истории флорентийского народа»⁹⁴ Бруни проявляет себя как убежденный республиканец, представлявший Флоренцию «жирного народа». Он резко отрицательно относился к народу и народным движениям. Это подтверждается материалами 9-й книги его «Истории Флоренции», которую автор доводит до 1402 г. В них Бруни обращается к истории восстания чомпи, очевидно основываясь на хрониках

⁹⁰ F. Sacchetti, t. I, nov. 100, стр. 403—405; t. II, nov. 192, стр. 347—356 и сл.

⁹¹ Там же, t. II, nov. 192, стр. 347—356.

⁹² Coluccio Salutati, v. I—IV. Roma, 1891—1911.

⁹³ Там же, v. I, l. IV, epist. XII, стр. 289—292; v. II, l. V, epist. XVII, стр. 83—98.

⁹⁴ Leonardo Aretino.

Стефани и Каппони. Народ он именует «толпой» (la moltitudine), «чернью» (uomini d'infima condizione),⁹⁵ восставшие выступают у него в качестве людей, желающих лишь пограбить богатых и склонных исключительно к грабежу и убийствам, восхваляет предателя Микеле ди Ландо и поучает правителей государства искусству задушить восстание в самом начале.⁹⁶

Поджо Браччолини (1380—1459), известный писатель и историк, лишь мимоходом обращается к событиям внутренней истории. В своей «Истории Флорентийского народа»⁹⁷ он рассказывает о войнах Флоренции, происходивших с середины XIV в. до второй половины XV в. (1350—1455 гг.). Рассматривая историю войны Флоренции с папской курией, Поджо посвящает буквально несколько строк событиям восстания чомпи. Он гсворит о четырех годах (очевидно, с 1378 г. по 1382 г.), когда между гражданами Флоренции происходили столкновения и городом управляли то знатные граждане (optimates), то правительства смешанного состава, то «низкая чернь» (plebs infima).⁹⁸ В итальянском переводе резко отрицательное отношение Поджо к народу выражено еще более резко: «... наиболее презренное порождение человеческого рода на земле».⁹⁹

Макиавелли, который во многом спирается на Бруни и Поджо, подчеркивал, что оба они или молчат о гражданских распрях (civili discordie) или говорят о них крайне скупно (in modo breve).

Никколо Макиавелли был последним канцлером Флорентийской республики (1499—1512).

«История Флоренции» Макиавелли принадлежит к лучшим его работам. Хорошо известно, что К. Маркс считал его «Историю Флоренции» шедевром.¹⁰⁰ Она написана около 1512 г. Макиавелли создает свои исторические построения на основе таких источников, как хроники и исторические произведения его предшественников, вроде Л. Бруни. Материал, относящийся к истории народных движений XIV в., он берет из хроник Дж. Виллани, Каппони—Аччаюли и т. п. Некоторые пояснения этого последнего хрониста Макиавелли принимает и вводит в свой текст; если не дословно, то по существу. Он соглашается с его положительной оценкой роли демагога Сальвестро Медичи,¹⁰¹ повторяет его мысли о необходимости сохранения старых политических порядков¹⁰² и т. д.

Макиавелли выступает в своей «Истории Флоренции» в качестве открытого противника народа, особенно самой угнетенной его части — чомпи, которых он презрительно именует «смердной городской чернью».

Факты подчинены у Макиавелли его выводам, а последние — его классовым интересам; он создает своеобразную литературную композицию, при помощи которой нередко создается видимость конкретной обстановки. Так, например, он вкладывает в уста Луиджи Гвиччардини, Микеле ди Ландо и некоего «наиболее пламенного и самого опытного» повстанца пространные речи, весьма колоритные и фантастические, составленные с определенной тенденцией,¹⁰³ не лишённые, однако, интереса. Так, например, красочная речь

⁹⁵ Там же, I, 9, стр. 471.

⁹⁶ Там же, I, IX, стр. 473.

⁹⁷ Poggio Bracciolini; существует также итальянский перевод: Poggio Fiorentino.

⁹⁸ Там же, стр. 242—243.

⁹⁹ Poggio Fiorentino, стр. 58.

¹⁰⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 93.

¹⁰¹ «Per vigilare lo Stato, correggere l'insalanza di potenti...» (N. Machiavelli, стр. 44).

¹⁰² Там же, стр. 45.

¹⁰³ Там же, стр. 45—49.

представителя восставших, несмотря на всю ее фантастичность и не свойственный чомпи макиавелизм, вскрывает одну из коренных причин восстания: растущее неравенство между беднотой и богачами.¹⁰⁴ «Историей Флоренции» Макиавелли нужно и можно пользоваться как источником, однако с большой осторожностью и с учетом всего ее своеобразия.¹⁰⁵

Большой интерес представляют собой архивные материалы, находящиеся в СССР. Некоторые материалы, характеризующие экономику Флоренции, содержат в себе трактаты XVI—XVII вв. по истории и экономике Флоренции, собранные в весьма объемистом кодексе, хранящемся в Западноевропейской секции Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР.¹⁰⁶

Наши сведения о народных движениях в Италии пополняет также сочинение анонимного автора XVI в., которое названо им «Записки о доме Медичи, с описанием его возникновения и дальнейшего развития».¹⁰⁷ Этот сравнительно небольшой кодекс, написанный на пергамене, хранится в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Основная часть рукописи (110 листов) представляет собой краткую историю рода Медичи от легендарных времен до 1580 г. Это сочинение является панегириком, воспевающим деяния рода Медичи. Однако автор рукописи знаком с историей и не ограничивается лишь описанием жизни и выдающихся поступков различных представителей рода Медичи, он дает не только исторический фон, но и конкретную обстановку. Для выяснения политической обстановки 40-х годов XIV в. интересны страницы, на которых описывается правление герцога Афинского.¹⁰⁸ Несколько страниц посвящены восстанию чомпи 1378 г.¹⁰⁹ Автор характеризует его как насильственный захват власти «чернью» (infima plebe), в период правления которой якобы не было никакого порядка. Дворянский автор записок считает, что от восстания пострадали дворянство и богачи (nobili e ricchi), а подавление восстания принесло восстановление всех почестей того же дворянства.¹¹⁰

¹⁰⁴ Там же, стр. 47.

¹⁰⁵ В «Хрестоматии по истории средних веков» (т. II, Учпедгиз, М., 1950, стр. 231—240) даны пространные выдержки из «Истории Флоренции» Макиавелли в переводе М. В. Берданосова. Перевод сделан тщательно и сохраняет колорит языка Макиавелли, однако некоторые термины требуют уточнения и последовательного однообразия перевода. Низы, или «чернь» («plebe» — N. Machiavelli, стр. 48), переведены термином «толпа» (Хрестоматия, стр. 235). Толпа обычно на языке этого времени именуется «moltitudine». Через несколько страниц то же слово «plebe» (N. Machiavelli, стр. 49) переведено как «простой народ» (Хрестоматия, стр. 238). Термин «тщий народ» («popolo minuto», N. Machiavelli, стр. 48) передано переводчиком в вольной передаче — «неимущий народ» (Хрестоматия, стр. 236). Эти примеры можно умножить.

¹⁰⁶ Miscellanea di storia fiorentina. Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР, Зап.-европ. секция, 183/8, 183/34 и др.

¹⁰⁷ Memorie di casa Medici. Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ит. Q. IV. 20. Рукопись еще до революции 1917 г. была куплена А. Журавлевым во Флоренции из собрания профессора Эмилио Сантарелли и подарена Публичной библиотеке.

¹⁰⁸ Там же, стр. 27—39 (лл. 18—19).

¹⁰⁹ Там же, стр. 33—40 (лл. 21—24). См. «Приложения», док. 6.

¹¹⁰ Там же, стр. 39 (л. 24).

Изучение рукописи приводит к выводу о том, что эти записи составлены в XVI в. и написаны одним автором. До сих пор всю эту рукопись считали произведением XVII в., хотя лишь последние 20 листов ее, написанные другим почерком, относятся к XVII в. и представляют собой записи прихода и расхода великого герцога Тосканского 1620 г.¹¹¹ Свообразную характеристику восстания чомпи мы находим в рукописях Кампанеллы, находящихся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде.¹¹²

Небольшое дополнение к нашим материалам дает также неопубликованная рукопись XVI в. «История Флоренции до 1586 г.», хранящаяся в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве.¹¹³ Эта рукопись представляет собой значительно более объемистый кодекс (625 страниц), чем предыдущая ленинградская рукопись. Анонимный автор основывается, очевидно, на хрониках и дает весьма подробную историю Флоренции.¹¹⁴

Автор хорошо знает детали истории Флоренции, приводит подробные списки членов приората, высланных и т. д. Восстание чомпи находит себе отражение на страницах его «Истории». Он дает список флорентийцев, которых чомпи объявили рыцарями народа, и список тех, кто отказался принимать это звание из рук восставшего народа. Восстание он считает направленным против гвельфской партии. Поражение восстания он поясняет тем, что чомпи захотели слишком большого участия во власти и против них выступили цехи.

Эти неопубликованные рукописи хотя и относятся к XVI в., однако представляют безусловный интерес, так как они не были известны в литературе. Этим и объясняется опубликование наиболее интересных фрагментов из них в «Приложениях» к этой книге.

Чрезвычайный интерес представляют собой архивные материалы Италии, почерпнутые нами во время научной командировки в 1956 г. в архивах Флоренции, Прато и Сьены.

Несмотря на наличие опубликованных источников, относящихся к истории народных движений, фонды неопубликованных материалов, связанных с этой проблематикой еще далеко не исчерпаны. Их удалось обнаружить в Государственном архиве Флоренции (Archivio di Stato di Firenze) и во флорентийском Архиве дворца Медичи (Riccardiana). Что же касается материалов, характеризующих экономику Италии XIV—XV вв., а также положение трудящихся сукнодельческой промышленности, то в этом отношении архив Датини в Прато под Флоренцией (Archivio di Francesco Datini) представляет собой золотое дно для исследователей. Нами использован также некоторый материал из Государственного архива Сьены (Archivio di Stato di Siena).

Обратимся к краткой характеристике материалов, хранящихся в архивах Флоренции, использованных в этой работе. Прежде всего это — документы, хранящиеся в Государственном архиве Флоренции.

Источники официального характера (акты, регистры и др.) дают разнообразный материал для нашей темы. «Список должностных лиц Флорентийской республики, записанный Винченцо Больдрини», дает материалы о собы-

тиях, происходивших непосредственно после изгнания герцога Афинского.¹¹⁵ Список членов комиссий позволяет уточнить историю одного из ранних восстаний наемных рабочих во Флоренции 40-х годов XIV в. Здесь же можно найти некоторые данные о периоде деятельности комиссии Восьми с 1376 г.

Юридические акты коммуны Флоренции с 1331 по 1394 г.¹¹⁶ помогают восстановить картину хозяйственного и политического состояния Флоренции в 40-х годах XIV в.,¹¹⁷ уточнить вопрос об использовании праздничных дней для работы в мастерских во второй половине XIV в.,¹¹⁸ о месте и роли еретических движений, в частности фратичелли, во Флоренции 80-х годов XIV в.¹¹⁹

Бухгалтерские записи и счета консулов флорентийского цеха Ланы¹²⁰ весьма интересны для уточнения вопроса о размерах заработной платы в 40-х годах XIV в.

Выписки из списков населения Флоренции и распределения его по кварталам¹²¹ дают возможность проследить эволюцию социального состава населения города в 80—90-х годах XIV в.

Регистр псалов Флорентийской республики, составленный по материалам камеры фиска,¹²² уточняет наши представления о государственном аппарате республики в годы восстания чомпи.

Ценные сведения о росте земельных владений до и после восстания чомпи дает «Книга счетов и памятных записей Лапо ди Валоре Чурьяни»¹²³ (1325—1429 гг.).

«Книги постановлений» Сьенской коммуны дают ценный материал о составе правительства в 60-х годах XIV в., а также о мероприятиях богатых поповцов после подавления восстания «дель Бруко».¹²⁴

Неоценимым материалом для установления размеров оплаты наемных рабочих являются счетные книги компании Франческо Датини, хранящиеся в архиве Прато.¹²⁵

Источники нарративного характера весьма разнообразны и неравноценны. Чрезвычайно интересной для самостоятельного изучения представляется рукопись XIV в., хранящаяся в Риккардиане, именуемая «Семейные записи Альберти».¹²⁶ Они начинаются с 1300 г. Для нашей темы мы использовали из нее лишь данные, характеризующие состояние хозяйства богатых флорентийцев в 1349 г., после черной смерти.

Незначительный, но колоритный материал о политическом положении Флоренции в начале XV в. дает список известной хроники Бенедетто Деи,¹²⁷

¹¹⁵ Nota d'Uffiziali. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 275.

¹¹⁶ Atti giurisdizionali. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 878.

¹¹⁷ Там же, № 112.

¹¹⁸ Там же, № 119.

¹¹⁹ Там же, № 118.

¹²⁰ Partiti de'Consoli. Archivio di Stato di Firenze, Artedella Lana, 75.

¹²¹ Cittadini descritti in quartieri. Miscellanea, Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 171.

¹²² Registro di ambasciatori Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 287.

¹²³ Libro di Lapo Ciurrianni. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 77.

¹²⁴ Deliberazioni del Consiglio generale.

¹²⁵ Quaderno di lavoranti (di lana) «D». Archivio Datini da Prato.

¹²⁶ Notizie della famiglia Alberti. Riccardiana, 818. На рукописи приписка: «Эта книга Симоне ди Маттео Кавиоли флорентийского аптекаря...» Очевидно, он являлся одним из собирателей редких рукописей. Первые ее страницы пергаменные, далее — бумага, начальная ее часть написана почерком XIV столетия.

¹²⁷ Benedetto Dei. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti 119. Первый лист хроники из пергамена, далее — бумага.

¹¹¹ См. об этом: В. И. Рутенбург. Очерк, стр. 202.

¹¹² Tomaso Campanella.

¹¹³ Historie fiorentine. Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Ин. 180. См. «Приложения», док. 7.

¹¹⁴ Характеристика этой «Истории», которая считалась рукописной книгой из библиотеки Леонардо Бруни Аретино, дана в книге: В. И. Рутенбург. Очерк, стр. 202—203.

хранящийся в Государственном архиве Флоренции. Эта хроника еще доньше не опубликована целиком,¹²⁸ к тому же она имеет несколько списков, из которых прочитанный нами считается оригиналом,¹²⁹ написанным рукой самого хрониста, что установлено сличением ее с другими рукописями Бенедетто Деи, хранящимися в библиотеке Строрци.

Список «Краткой флорентийской хроники» Тито Веспасиано Строрци,¹³⁰ который принадлежит тому же архиву, начинается с 1321 г. и доходит с перерывами до 1381 г. Этот документ дает некоторый материал для характеристики политического строя Флоренции во время восстания чомпи и затем в период «правления младших цехов».

Хранящаяся в Риккардиане рукопись «Гражданские записи о наиболее замечательных событиях, происшедших в городе Флоренции»¹³¹ содержит в себе краткое, но достаточно выразительное изложение событий, из которых для нашей темы наиболее важными являются история правления герцога Афинского (1342—1343 гг.), войны с папской курией (1375—1378 гг.) и, наконец, восстания чомпи 1378 г. В ней подтверждаются связи Микеле ди Ландо с «жирным народом» и четче вырисовывается существо «правления младших цехов» (1378—1382 гг.), а также социально-политическое содержание переворота 1382 г.

В том же архиве хранится «Дневник событий, происшедших в городе Флоренции».¹³² По этой рукописи можно судить об антифеодальных настроениях плебса в 40-е годы XIV в., несмотря на появление среди грандов вожаков-демагогов, возбуждающих народ на антиправительственные выступления. Эта рукопись помогает также определить причины июльского восстания 1378 г., взаимоотношения Микеле ди Ландо с верхами города и «тощим» народом и его роль в подавлении восстания чомпи, а также уточнить состав августовского правительства во главе с чесальщиком шерсти Бартоло Бароччо.

В Государственном архиве Флоренции хранится рукописная история рода Медичи, относящаяся к XVI в., — «Записи о доме Медичи от его происхождения до падения».¹³³ Для нашей темы здесь интересны характеристики герцога Афинского и Сальвестро Медичи. В ней можно также найти данные о настроении флорентийских низов в период движения чомпи. При изучении всех характеристик необходимо учитывать, что безымянный автор рукописи смотрит на них через призму мировоззрения нобиля XVI в., восхваляющего род Медичи.

Эта рукопись является одним из списков, так как описанная выше рукопись Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде содержит текст, почти полностью совпадающий с текстом флорентийской рукописи.¹³⁴ Некоторые весьма любопытные расхождения

¹²⁸ См.: Pagnini, t. II, №№ VII—VIII, стр. 235—280, где воспроизведена лишь часть ее.

¹²⁹ Надпись на рукописи гласит: «Эта Хроника Бенедетто Деи (вероятно) является подлинно написанной его рукой, как установлено при сравнении с другими подлинными рукописями названного Деи, находящимися в Библиотеке Строрци». (Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 119, л. 1а).

¹³⁰ Tito Vespasiano Strozzi. Archivio di Stato di Firenze. Manoscritti, 740.

¹³¹ Commentarii civili. Riccardiana, 3251.

¹³² Diario di memorie. Riccardiana, 3628.

¹³³ Memorie della Casa de'Medici. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 458.

¹³⁴ Memorie di casa Medici. Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей, Ит. Q. IV, № 20.

в тексте этих двух списков частично рассмотрены нами в книге Ленинградская рукопись представляет большой интерес, так как она продолжена в последующем, XVII, веке.¹³⁵

Хранящаяся в Государственном архиве Флоренции «Заметка о различных формах правления Флорентийской республики»¹³⁶ составлена в XVII в. и представляет собой историческую справку, которая позволяет уточнить эволюцию не только высших правительственных инстанций Флоренции в XIV—XV вв., но различных социальных прослоек населения республики.

И наконец, для истории народных движений в Сьене, в частности восстания «дель Бруко», нами использована рукопись, хранящаяся в Государственном архиве Флоренции, представляющая собой «Историю города Сьены», написанную сьенским нобилем Алессандро Содзини.¹³⁷

Более детальное описание и характеристика этих неопубликованных источников потребовала бы специального исследования.

¹³⁵ В. И. Рутенбург. Очерк, стр. 202.

¹³⁶ Ricordo delle varie forme di governo. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 739, № 9.

¹³⁷ A. Sozzini. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 708.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Документ 1

Книга счетов, памятных дат и заметок, написанная Лапо ди Валоре Чугьянни, начатая в 1325 г. и продолженная затем до 1429 г. (Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 77, p. I, л. VXXII^r).

Libro di Conti e Memorie, e Ricordi scritte da Lapo di Valore Ciurianni, cominciato l'Anno 1325 e seguito poi fine all'Anno 1429 da Valorino figliuolo del detto Lapo, e da Barna figlio del detto Barna,¹ da questo libro si ricevano tutte quelle poche memorie delle Loro antichissima famiglia, che si spense poco dopo al tempo al quale aveva il presente Libro nel 1348

Chonperamo di XXI di maggio 1378 da ser Nicholaio figliuolo ereda di Mannino Bucci da Petroio che sta in Udine in Frioli.

Uno potere con meza casa alta, e con uno chasolare apicchata a essa; con corte aia e forno e terra avignata, posto nel popolo di San Giusto a Petroio. Ne'pro... di San Piero in Bossolo, luogo detto al poggio di Petroio da I^a via, II^a (Nicholo Dinello)² herede di Lando, a III° Andrea Lucardini, a lo III° i detti Beni.

Un altro pezo di terra lavoratoia del detto potere posto in detto popolo luogo detto Alcolto Nerozo al I^o strado piuvica, a II^a via, a III° Nicholo Dinello, a III° le Brede di Lando. Ci detti Beni e Giovanni di Giunta.

Un altro pezo di terra lavoratoia del detto potere posta in detto popolo e luogo, detto F(r)onte Brandi al I^a via, a II^a e III^a Martine Torchietti, al III^a il detto Torchietto e le herede di Piero Bandini.

Un altro pezo di terra posto nel detto potere in detto popolo e luogo, detto Ciriano al I^a via, a II^a strada, al III^a le herede Andrea Lucardini, al III° monna Lagia, moglie che fu di Neri Baldesi overo Nicholo Dinello.

Uno pezo di terra posta in detto popolo e luogo a I^o fossato, a II° il veschovado di Firenze, a III° Giovanni di Giunta, a III° apuntata...

Et il detto Sinibaldo il sopradetto di XXI di maggio 378 vende il detto potere eterne per suo dato e fatto a meo, di guelfo ricevette per monna Margherita figliuola che fu di Valerino Ciurianni e il detto ser Nicholaio promiso la difesa e vendita sichome de sopra si antieno chome carta per mano di ser Tinedio detto di per pregia di fiorini trecento desse

¹ Очевидно, описка, должно быть Valorine.

² В тексте слова Nicholo Dinello зачеркнуты.

la charta, ma il vero costo fu fiorini 392 e la ghabella fiorini quindici, in tutto-fiorini CCCLVII...

A di di¹ XV di giugno 1380 la detta monna Margherita richonbbe avere conperato e paghato de danari di Valorino e Borgognione figliuogli di Barna. Il sopradetto podere et... e feceno danagione a detta charta per ser Tinello questo di.

Документ 2

Городские записи о наиболее значительных событиях, происшедших в городе Флоренции (Riccardiana, 3251, лл. 21r—24r).

Comentari civili delle cose più notabili occorse nella Città di Firenze

Finita la guerra per la morte del Papa, fin autorità degli Otto, e rimase la parte de'Guelfi detta, la quale presse più animo, et ardire, era venuta al Triumvirato, et a tanta potenza, che erano molto, temuti, e però molto odiati, onde i ricci loro avversarii si accorgono con Messeri Giorgio Scala, Tommaso Strozzi, gl'Alberti, ed i Medici, ed altri contro a quelli, i quali indavano pensando come potessono impedire, che il Maggio del 1378 non fusse tratto Gonfaloniere Salvestro di Messere Alamano di Medici, il che non successe loro, per che Salvestro fu tratto Gonfalonier di Giustizia a 28 d'Aprile del detto Anno alla tratta della Signoria, ed il primo giorno di Maggio presse il Supremo Magistrato.

Circa la fine di Giugno fu tratto la nuova Signoria, e fatto Gonfaloniere Luigi Guicciardini, a tempo del quale seguì memorabil Caso detta de Ciompi,² quando l'Infima Plebe si armò, e per forza occupò il Palazzo, et i Signori, ed il Gonfaloniere furo forzati cedere alla mala Fortuna ed abbandonare il Palazzo, e lasciar tutta la Città, e Governo, e stato di quelle in potere dell'ultima Plebe, e de Ciompi, la quale messe nel supremo Magistrato Michele di Lando scardassiere uomo benchè basso e vile di Condizione, molto lodato da tutti gli scrittori, che di quei tempi fanno memoria il quale mentre che cercava di riordinare la Città venuto in sospetto alla Plebe si armava contro di lui, e del Palazzo, ond'elli per non avere a cedere, come i suoi antepassati per mantenere la dignità di quel Magistrato, et il grado, ed onor suo si armò per prevenire, ed assaltare i suoi avversarii e con gran seguito di Cittadini, e del Popolo grasso andò a trovar la Plebe, che a S. Maria Novella avevano fatto testa grossa per assaltare il Palazzo e venende con loro alle mani con suantaggio, prima che fossero ad ordine, gli messe in fuga e gli ruppe, e ne riportò felicemente la vittoria e così salvò con molta sua gloria la Città cavandola virtuosamente di mano ai Ciompi³ ed all'infima Plebe, e così, per la virtù di Michel di Lando si posarono li arme, ed i tumulti, e si riformò la Città.

Restarono le nobili Popolani del Popolo grasso Capi di quel nuovo governo quelli, che si scoperti contro a Guelfi tra quali fu M. Salvestro de Medici, M. Giorgio Scali, e M. Benedetto degli Alberti, e M. Tommaso Strozzi tutti fatti in quel tumulto Cavalieri del Popolo.

Questo governo durò tre anni per che in esso a gli Artefici, e Popolo minuto, et alla Plebe fu dato più parte che a nobili, e però si chiamò quel governo plebeo, e da questi due nomi di nobili, e Plebei furono di poi chiamati le Sette della Città nobili, e Plebei.

Nel 1382 si riformò la Città tutta in favor del popolo grasso...

¹ В тексте di повторено.

² В рукописи описка — Corp i

³ В рукописи описка Compi.

Дневник о памятных событиях, происшедших в городе Флоренции (Riccardiana, 3628, лл. 50—51).

Diario di memorie attenenti alla Città di Firenze

... a di ventie di Luglio nel anno mille trecento settantotto... di di Santa Margherita fra gli dicia none e venti ore si levo il Popolo di Firenze ad arme, per paura di essere oppressati da grandi cittadini e per i mali governi é discordia di sopraditta signoria, fecciono volte novità e saccheggiarono molta roba del cittadini che era refugiata negli Angioli¹ e feciono ass. i danari e ruberie per Firenze, e saccheggiarono le Terre del comune di Firenze, levarono (?) di Palazzo tutti i sopradetti Signori che erano stava di Venti tre e messonsi a voce viva Michele di Lando sc rdassiere Gonfaloniere di Giustizia, dove stette solo l'ore quaranta, e di Sua parte andava i Bande e governava lui il tutto, e nota che detto Michele fu buono e saggio cittadino, e amico della Nobilita di Firenze. Se gli avesse seguito delle Popolo e Plebe, e toglievano a nobili la vita e la roba e spagliavangli della Patria, ma il detto Michele con il suo cervello et arte e ingegno... scardassiere, ma di animo nobile...

si levo Popolo a romore e lasciaro Bartolo Baroncio gonfaloniere di Giustizia e Mercurio Francesco di Chele, riggattiere per nuovo Gonfaloniere di Giustizia...

Notare che il sopradetto Michele di Lando si accordò con i Nobili e affrontorno la plebe e ruppella. La quel plebe si era radunata in Santa Maria Novella e fatto più la paroli e l'ordini per venire ad affrontare il Palazzo de Signori...

Документ 4

Замечание о различных формах правления флорентийской республики (Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 7339).

Ricordo delle varie forme di governo della Republica di Firenze

Si trova che la Città di Firenze ha havuto diverse forme di governo, prima ne'tempi più antichi duro molti anni a' reggersi per Consoli, di poi per anziani, e l'anno 1202 a Signori Priori, e l'anno 1291 in circa aggiunsero a detti Signori Priori il Gonfaloniere di Giustizia...

... in tempi assai antichi furono divisi gl'abili al Governo della Republica in due Classe, Maggiore e Minore. In quella delle Maggiore furono compressi i più Nobili e questi godevano i 3/4 di tutti gl'Offizii, e Magistrati, e del numero loro era sempre il Gonfaloniere di Giustizia. In quella delle Minore furono discritti quelli che exercitavano mestieri non nobili, ma civili, e questi godevano solamente la quarta parte de Magistrati, ne potevano essere Gonfalonieri di Giustizia. E ben vero che con il tempo molti di quelli della Minore a quistarno, e ricchezze, e splendore, e lasciorono i traffichi, e furono annoverati fra quelli della Maggiore; e questa forma di governo hebbe fine l'anno 1530, che hebbe il Dominio da Serenissimo Casa de Medici.

¹ Название монастыря.

История города Сьены, написанная Алессандро Содзини, сьенским нобилем (Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 708, лл. 2, 4v 4r, 62r).

Istorie della città di Siena scritta da Alessandro Sozzini nobil senese

Trenta Anni sono per mio diposto, e per fuggir l'òtio, scrissi molte revolutioni della nostra Città di Siena... la liberatione della Patria nostra senese appressa con il Giogo... dita Città nel principio che comincio à vivere a Republica fu di governare popolare... quali nel tempo ressero e governorno bene e diligentemente la loro Città.

Da poi fatti per forza Padroni del tutto, si divisero dalla Moltitudine del Popolo, e si fecero chiamare Gentilhomini e cosi fa diviso il primo Membro dal suo corpo, et er...¹ facci Padroni del tutto come tiranni residero e governorno longo tempo a i quali non basto godersi tutte le Pubblici entrate, ma come danno li tempi le passie delli homini nacque in fra di loro discordie, e disceditione grandissima e da tale inimicitia vennero al'Armi con tal bestialità, rabbia e furore che crudelissime come Cani ci ammassavano ne di tali inumanità contienti si ardevano uno ad'altro...

Di qui nacque che tutta la moltitudine de Cittadini per armata mana...

Novità che il Popolo cacci li dodici Salimbeni e furno deposti del regimento e furno fatti 100 reformatori (?) 1371 e ne seguì grande occitione fra dec... l'molte Cittadini e fa novamente reformata il reggimento di gentilhomini populo e nove e fa portata la cavata de bossoli nello spedale di Santa Maria delle Scala per la prima volta.

Документ 6

Записи о доме Медичи с описанием его возникновения и дальнейшего развития (Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрин в Ленинграде, Ит. Q. IV. 20, лл. 21—24).

Memorie di Casa Medici con l'origine e discendenza a loro

Salvestro Alamanno di Salvestro de Medici amantissimo della Republica li giorno di l'Anno, a di 26 Luglio 1340 dopo dieci mesi di tirannia animosamente con altri suoi parziali lo discaccio e spogliatolo di quella autorità liberò la Città da si crudele e inumano tiranno. Salvestro Cavaliere illustre, e di gran maneggio e splendore della Republica oltre le molte ambascerie fatte a diversi potentati e più principi di Europa, come uomo valorosissimo fu nel anno 1351 eletto Commessario con Giovanni, suo fratello, nelle guerra che si faceva contro i Visconti a Scarperia per liberarla dal assedio, fu fatto cavaliere dal podestà della città di Firenze e rigalate di 300 fiorini d'oro; Salvestro fu fatto gonfaloniere l'anno 1378 e perche le cose pubbliche stranamente e difformate e discordinate si ritrovavano, et i buoni cittadini avrebbero volsuto qualche riforma. Salto Salvestro a quella dignità di gonfaloniere, simile a lui quella di dittatore romano, considerando che i mezzi per riformarlo stato dependevano di cotanti giudizi e da soggetto cosi leggiere e volubile, come e la plebe e non vole mai cosa costante, e che non era bastato l'aver tolto un tiranno

¹ Лагуна.

alla patria, mentre molti erano risorti, che a tiranneggiarla aspiravano, — considerando ancora, che non era capace il suo secolo di dare un freno così stretto e così regolato come sarebbe stato necessario, perche la Firenze¹ aveva preso troppo accrescimento e vi era non poco pericolo di tumulto in ritrattare le cose passate. Niente di meno per non lasciare senza rimedio il male, fece vedere che non voleva altrimenti segnalare il suo carico, e grado con una generale riforma de passati disordini, come in effetto messe in esecuzione, correggiendo diversi leggi e particolarmente quella degl'Americi esercitata disordinatamente al tempo della guerra contro a molti cittadini per la quale sera indebolito et alterato grandemente lo stato della Città, per essere molti ammoniti, et ammaestrati di non pigliare officio alcuno della Republica, oltre la mortalità di molti cittadini, seguita per l'ammonizioni e rigora di detta Legge. Ma i turbolenti che sono sempre i più fastidiosi et i più difficili a frenare temendo che le loro azzioni fussero ricercate et i complici puniti, sollevorno il popolo dando ad intendere ai più faziosi che li potenti avevano nuovi disegni per la loro e della loro libertà. Il popolo minuto armato corse al Palazzo dei priori acciò li fossero resi il loro prigioni e restituti agli onori onde indugiandosi a satisfarli arsero di rabbia la casa di Luigi Cucciardini,² allora gonfaloniere. Sue ceduto a Salvestro corsero per la Città in più luoghi arrendo le case di molti nobili e ricchi cettadini³ il seguente giorno presero il Palazzo del podestà e messerlo a sacco e col medesimo furore cacciarno del Palazzo, et i priori et il gonfaloniere per forza e stabilirno nella Città un governo ciclopiano nel quale ogni uno viveva a sua posta et a sua fantasia. Presero il Palazzo da scardassatore di Lana de più sediziosi e del infima plebe, e questo fu fatto dal loro gonfaloniere di giustizia chiamato per nome Michele di Lando. Questo presa la bandiera del gonfaloniere con l'aiuto di pochi artigiani, stabili la sovranità a descrizione della parte più vile che e la plebe, la quale ebbe assistenza da coloro, che finsero esser gente da bene, più per li regoli della prudenza, e del ambizione, che per quelle della propria inclinazione e coscienza. Questi dunque divenuti insolentissimi e sregolati affatto mentre così tumultuava no davano all'armi Salvestro Medici armata mano, con molti altri della famiglia e suoi aderenti corso per abbatterle perche movendo molti con l'autorità sua al medesimo. Non resto mai sinche l'orgoglio e l'insolenza di tanti tiranni spenta non fu e che non ebbe con la sua prudenza e consiglio riformato lo stato della Republica nella spedizione e sollevamento di dicto Michele di Lando, lor capitano.

Ebbe pro Salvestro con i suoi grandissime difficoltà e liberarsi da costoro. Ma si come la plebe e volubile e di quelli istessi cominciarono a combattere in favore di Salvestro de Medici che se fossero stati di unito parere non so come sarebbe ita la essa, vedendo l'adempimento de suoi doveri presero maggiormente i suoi compagni l'animo benche fussero molti malamente feriti et alcuno già fatto inabile a poter combattere non ostante, non li vollero mai lasciare fin a tanto che non ebbero distrutto i più pertinaci. Finito questo sollevamento fu restituito gl'onori alla nobilità e resa la libertà al popolo, fu per ciò molto onorato et a voce, commune di tutti e fu riconfermato cavaliere per sostentamento di tal dignità e gli fu dato dalla Republica l'entrata delle botteghe del Ponte Vecchio, et in quel tempo tanto stimato e ben visto che il popolo sentendo, che egli se ne tornava a casa con meraviglioso l'occorso e concorso se li faceva avanti per onorarlo

¹ В рукописи списка Лиренца, очевидно, доминанта от „1а“.

² В тексте Guicciardini.

³ Так в тексте.

e per farli reverenza e concorrendo per le piazza, come se avessero et vedere qualche cosa nova e dicevano e Viva Salvestro de Medici, che e stato il liberato della patria nostra, questo a rotto i lacci e le catene della nostra servizii, et in somma con gli atti e con le parole fu universalmente da tutti onorato.

Giovanni, fratello di Salvestro fu al pari di lui stimato...

Документ 7

История Флоренции (Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве, ф. 256, № Ин. 180, лл. 144—145).

Historie florentine fino al 1586

Entrati a di primo di Maggio 1378:

Francesco di Feduccio di Cione Falconi	} Popolo Santo Spirito
Nicolo di Lippo Alberti	
Piero di Fronte, lanaiuolo	} Popolo Santa Croce
Francesco di Spinello, vaiaio	
Lorenzo di Matteo di Buoninsegna	} Popolo Santa Maria Novella
Simone di Benedetto Gherardi	
Piero di Gino Ghetti	} Popolo Santo Giovanni
Simone di Bartolomeo, calzolaio	

Salvestro di messere Alamanno de Medici, gonfaloniere di giustizia — popolo Santo Giovanni.

Ser Domenico Salvestri, loro notario.

Et essendosi in detto anno fatto pallottole de Capitani della parte di quelli che erano nella borsa, et perche non piacevano erano state disfate, e capitani che creorno a di 15 di febraio per due mesi feciono nuovo squittino, et feciono pallottole et messono in su terza poliza 6 de più confidenti, et dua di meno, accioche in ogni capitanato fussino piu confidenti perche non possessino sieno all'ammunire, et feciono un gonfaloniere dell'arme del Re Carlo, et feciono tra Capitani un gonfaloniere, et fu il primo Bendi Buondelmonti, et elessono 48 consiglieri pro collegi della parte per un anno, et messere Lapo de Castiglionchio dette il consiglio.

Entrati a di primo di Luglio 1378:

Brancatio di Berto Borsi	} Popolo Santo Spirito
Tommaso di ser Rotone Brancacci, l'inaiuolo	
Pierozzo di Piero Pieri	} Popolo Santa Croce
Zanobi di Cambio Orlandi	
Manetto di Giovanni Davanzati	} Popolo Santa Maria Novella
Alamanno di messere Alamanno Acciaiuoli	
Niccolao di Lapo del Nero	} Popolo Santo Giovanni
Gueriante di Matteo Marignolli	

Luigi di messere Piero Guicciardini, gonfaloniere di giustizia
popolo Santo Spirito
Ser Baldo Brandaglia, loro notaro.

A di 14 luglio 1378 si fece la pace fra e Fiorentini et la chiesa a Tivoli con certi patti et capitoli, et per detta pace si feciono dal popolo di Firenze gli infrascritti Cavalieri, da quali tennono la cavalleria certi si et certi non, come queste a piè sarà notato cioè.

Quelli che tennono la cavalleria	Quelli che non la tennono
Mess. Alessandro di messere Ricciardo de Bardi	Mess. Rinieri di Luigi Peruzzi
Mess. Luigi di messere Piero Guicciardini	Mess. Guido Machiavelli
Mess. Simone di Vieri Peruzzi	Mess. Alessandro di Niccola degli Albizzi
Mess. Jacopo di mess. Piere Sachetti	Mess. Fuligno di Conte de Medici
Mess. Tommaso di Marco Strozzi	Mess. Giovanni di Cambio de Medici
Mess. Vieri di Cambio et Mess. Salvestro di mess. Alamanno de Medici ¹	

I Priori in detto tempo feciono di nuovo Cavalieri tutti quelli che erano stati fatti cavaliere per mano di Ciompi, cioè quelli che vollono accettare la cavalleria et feciono sindaco messere Fantino da Vinegia podestà di Firenze, et lui di nuovo gli rifece trenta cavalieri, et giurorno nelle sue mani fedeltà al comune di Firenze, et chiamaronsi cavalieri di popolo et di parte guelfa et durono 31 quelli che ritenuonola cavalleria et a di 18 d'ottobre 17 di loro in persona, et 14 per procuratore vennono insieme dalla chiesa de Servi si' no alla ringhiera de signori, et erano vestiti . . .

A di 15 di luglio furno ammoniti Giraldo di Pagolo . . . A di 23 di luglio si levo la terra a romore, che ne fu cagione il popolo minuto cioè e Ciompi, che corsono al palagio, e Priori per mala concordia che era fra loro, et per paura se ne andorno a casa, e Ciompi presono il palagio, et arsono le borse et feciono parlamento, et chiamorno Michele di Lando, scardassiere, gonfaloniere di giustizia, il quale stette solo hore 46 et da sua parte andarno e bandi, il quale elesse gli infrascritti Priori cioè 3 — delle maggiori arti, et tre delle minori et dua de ciompi, e quali stettono insino a di 31 d'Agosto 1378.

Priori fatti per il sopradetto Michele di Lando:

Giovanni d'Agnolo Capponi
Giacino di Francesco, pettinatore
Giovanni Bartolo Speziale
Salvestro di Bese Compiobesi
Spinello Borsi
Benedetto di Bendi da Carlone, pianellaio
Salvestro di Giovanni, tintore
Buonaccorso di Giovanni, pettinatore

Michele di Lando, scardassiere, gonfaloniere di giustizia popolo Santa Croce.

Ser Guccio Franceschi loro notaro.¹

E l'detto romore fu mosso come e detto da Ciompi, et dall'altro popolo minuto e quali furno instigati da alcuni degli otto della guerra, cioè da Tommaso di Marco degli Strozzi da Guccio di Dino Gucci et da Giovanni Dini, et da più altri grandi cittadini de quali furno i principali messere Giorgio Scali, Benedetto degli Alberti, Salvestro di messere Alamanno di Medici, Francesco di Jacopo del Bene, Bernardo et Salvestro Velluti, Pagolo Malefici, Matteo et Francesco Alderotti, Giovanni d'Agnolo Capponi, Amaretto Manneli et Donato Dini et da altri minuti, il quale popolo minuto con l'aiuto de sopradetti cittadini et altri corsono la città, arrendo et rubando molte case et spetialmente d'alcune famiglie guelfe, gridando per la terra con grillande d'ulivo in capo, facendo molto pazzie et chi loro vendette, et non era nessuno che ardisse a contrastargli per la gran quantità che erano et senza sentimento, et corsono al munistero di Santa Maria degli Agnoli et a Santo Spirito et a molte altre chiese, dove era rifuggito molta roba de cittadini et di quella ruborno assai, et facendo molte altre ruberia per le case et uccissiene, per modo e tutti e buoni cittadini si fuggirno in luoghi sagreti, et in questo romore trovando alcuno cittadino loro amico a suo dispetto lo facevano cavaliere et ficione molti, de quali alcuni la mantengono, et alcuni non, et cacciato e Priori di palagio gli rifecono come e detto cioè il terzo a popolani delle sette maggiori arti, et il terzo agli artefici et il terzo a ciompi, cioè scardassieri, pettinatori et divettini et simili, et così divisono in terzo tutti gli altri ufitti et aggiunsono agli artefici tre arte: la prima erano cimatori, barbieri et forbiciai et per insegna portavano un'braccio con un'ramo d'ulivo in pugno; la seconda e detti scardassieri et altri ciompi, et portavano un agnolo; la terza tintori, purgatori, et lavoratori et portavano un braccio armato con una spada ignuda in mano et così furno intutto arte 24.

A di 31 d'agosto parendo agli altri artefici che i ciompi travessino troppo gran parte degli ufitti, levorno la terra a romore et cacciorongli del reggimento et spensono quell'arte, et rimasono arte 23 et feciono che 4 Priori fussino delle sette arte maggiore, et 4 delle 16 arte minore, el gonfaloniere fussi sempre delle 16 arte minore et così stette il reggimento in questo modo insino al gennaio.

¹ Всего 29 имен слева и 31 имя справа, здесь дана часть из них.

¹ Так в тексте.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА¹

Классики марксизма-ленинизма

- Маркс К. Капитал, т. I. М., 1952; т. III. М., 1953.
Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940.
Marx Karl. Exzerpte (1879). Carponi Gino. Storia della Repubblica di Firenze. Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, фонд I, опись I, ед. хр. № 4081. (Неопубликованная работа).
Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма, 1948.
Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VI.
Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VI.
Энгельс Ф. Диалектика природы. Госполитиздат, 1948.
Энгельс Ф. Заметки о Германии. В кн.: Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. Госполитиздат, 1952.
Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. Госполитиздат, М., 1952.
Энгельс Ф. Предисловие к 1-му итальянскому изданию „Коммунистического манифеста“. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II.
Энгельс Ф. Предисловие к 4-му немецкому изданию „Коммунистического манифеста“. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II.
Ленин В. И. Кустарная перепись в Пермской губернии. Сочинения, т. 2.
Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Сочинения, т. 3.
Ленин В. И. Письма о тактике. Сочинения, т. 24.
Ленин В. И. Попятное направление в русской социал-демократии. Сочинения, т. 4.
Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? Сочинения, т. 26.
Ленин В. И. Эра реформ. Сочинения, т. 6.
Ленин В. И. Эмпириокритицизм и исторический материализм. Сочинения, т. 14.

Источники

А. Неопубликованные источники

Акты

Atti giurisdizionali del Comune di Firenze, t. III. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 838.

¹ В списке даны названия только тех источников и работ, на которые в данной монографии есть ссылки.

- Cittadini desertieri in quartieri, Miscellanea. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 171.
Contro i Bestimatori di G. C. della Vergine e dei Santi. Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР, Зап.-европ. секция, 6/153.
Deliberazioni del Consiglio generale di Siena, t. 172. Archivio di Stato di Siena, № 43.
Imposta su beni stabili esistenti nella città di Siena. Архив Академии наук СССР, ф. 103, 1, № 934, фонд М. М. Ковалевского.
Liber continentes in se propositorum. Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР, Зап.-европ. секция, 3/173.
Miscellanea di storia fiorentina: povere catalogo delle famiglie antiche fiorentine per alfabeto; varie legole di commercio per lo stato della Toscana. Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР, Зап.-европ. секция, 183/8, 183/34.
Nota d'Ufficiali della Repubblica Fiorentina estratta da Vincenzo Boldrini. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 275.
Partiti de' Consoli Archivio di Stato di Firenze, Arte della Lana, 75.
Per distribuzione e vendita di pane ai poveri in tempo di carestia. Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР, Зап.-европ. секция, 7/158.
Registro di ambasciatori cavati dall'intrate et uscita esistenti in Camera Fiscale. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 287.

Уставы цехов

- Archivio di Siena. Выписки. Архив Академии наук СССР, ф. 103, оп. 1, №№ 140—141, 150—153, 407, 419—422, 428, 680, 692—693, 954, 978—981, фонд М. М. Ковалевского.
Spoglio delle Matricoli de' Collegi delle arti di Perugia. Архив Академии наук СССР, ф. 103, 1, № 934, фонд М. М. Ковалевского.

Книги банковской, торговой и промышленной бухгалтерии

- I Libri di commercio degli Uzzano. Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР, Зап.-европ. секция, 60—71/46, 5/183.
Quaderno di lavoratori (di lana), „D“. Archivio Datini da Prato, Reg. 258 (vecchia 860).

Хроники

- Carponi G. e N. Commentari de' Ciompi e dell'acquisto di Pisa. Riccardiana, 2027.
Commentari Civili delle cose più notabili occorse nella città di Firenze. Riccardiana, 3251.
Dei Benedetto. Cronica. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 119.
Diario di memorie attenenti alla città di Firenze. Riccardiana, 3628.
Libro di conti e memorie, e ricordi scritti da Lapo di Valore Ciurianni. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 77.
Memorie della Casa de' Medici con l'origine, e descendenza loro. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 458.

Memorie di casa Medici con l'origine e discendenza loro. Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Ит. Q. IV. 20.
Notizia della famiglia Alberti (dell' 1300). Riccardiana, 818.
Strozzi Tito Vespasiano. Breve cronaca fiorentina. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 740.

Исторические работы XV—XVII вв.

Historie fiorentine fino al 1586. Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 256 № Ин. 180.
Ricordo delle varie forme di governo della Repubblica di Firenze. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 739, № 9.
Sozzini Alessandro di Gerolamo nobil sanese. Istorie della città di Siena. Archivio di Stato di Firenze, Manoscritti, 708.

Художественные произведения XVII в.

Campanella Tomaso fra Dominicano. Aphorismi Politici. Отдел Рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Ит. F. XVII. 2.

Б. Опубликованные источники

АКТЫ

Atti del Capitano del Popolo del 1379, doc. I. См.: N. Rodolico. La democrazia fiorentina, Appendice.
Atti del Capitano del Popolo Conte dei Gabrielli de Gubbio. Sentenza del 9 Dicembre 1382. Sentenza del 12 Agosto 1383, doc. VIII. См.: N. Rodolico. La democrazia, Appendice.
Atti di Podestà Guido Fortebracci da Montone 1346—47, doc. № 10. См.: N. Rodolico. Il Popolo minuto.
Cantini L. Legislazione toscana, t. XX. Firenze, 1810.
Deliberazioni dell'Arte della Lana, № 46, doc. № 5. См.: N. Rodolico. Il Popolo minuto.
Documenti di storia italiana, t. VI. Firenze, 1876.
Inventiva d'una impositione di nuova gravezza per Lodovico Cheti. В кн.: W. Roscoe. The life of Lorenzo de' Medici, called the Magnificent, Appendix, № XII, London, 1864.
Libro delle deliberazioni del Consiglio generale di Siena. Archivio di Stato di Siena, t. CLXXII. См.: R. B. D'Ajano. Tumulti e scioperi a Siena.
Libro delle inquisizioni del Capitano del popolo Conte Gabriell da Gubbio 1345, doc. №№ 14, 17. См.: N. Rodolico. Il Popolo minuto.
Petizione del Popolo minuto approvata nei Consigli 21, 22 luglio 1378, doc. IX. См.: C. Fossati. Il Tumulto dei Ciompi.
Provvisione del 21 luglio 1378, approvata nei consueti consigli a' 21 e 22, doc. № VIII. См.: G. Capponi. Storia della Repubblica di Firenze. Appendice.
Provvisione del 21 settembre 1378. См.: Statuti dei fornai.
Provvisione dell' 11 settembre 1378. См.: G. Capponi. Storia della Repubblica di Firenze.

Уставы цехов

Matricole dei cimatori e purgatori. См.: D'Ajano. Lotte sociali a Perugia.
Spoglio delle Matricole dei Collegi delle Arti di Perugia fatto da A. Mariotti. См.: D'Ajano. Lotte sociali in Perugia.
Statuti delle arti dei fornai e dei vinattieri di Firenze (1337—1339) con appendice di documenti relativi alle Arti dei farsettai e dei tintori (1378—1379), a cura di F. Morandini. Firenze, 1956.
Statuto dei rigattieri: Statuti dell'arte dei rigattieri e linaioli di Firenze (1296—1340), a cura di F. Sartini. Firenze, 1940.
Statuto della Lana di Radicondoli. Statuti senesi, scritti in volgare ne' secoli XIII e XIV. Collezione di opere inedite o rare dei primi tre secoli della lingua, t. I, Bologna, 1863.
Statuto della Seta: Statuti dell'arte di Por Santa Maria del tempo della Repubblica, a cura di U. Dorini. Firenze, 1934.
Statuto dell'arte della Lana di Firenze (1317—1319), a cura di A. M. F. Agnoletti. Firenze, 1940.
Statuto dell'arte della Lana. Statuti senesi, scritti in volgare ne' secoli XIII e XIV. Collezione di opere inedite o rare dei primi tre secoli della lingua, t. I, Bologna, 1863.
Statuto dell'Arte dei carnaiuoli. Statuti senesi, scritti in volgare ne' secoli XIII e XIV. Collezione di opere inedite o rare dei primi tre secoli della lingua, t. I, Bologna, 1863.
Statuto dell'Arte de' chiavai di Siena. Statuti senesi, scritti in volgare ne' secoli XIII e XIV. Collezione di opere inedite o rare dei primi tre secoli della lingua, t. II, Bologna, 1863.
Statuto de' cuoiai. Statuti senesi, scritti in volgare ne' secoli XIII e XIV. Collezione di opere inedite o rare dei primi tre secoli della lingua, t. II, Bologna, 1863.

Книги банковской, торговой и промышленной бухгалтерии

Inventario dell'Archivio di F. Datini in Prato. Libri dei tessitori e tessitrici. Gli Archivi della storia d'Italia, ser. II, v. IV, Rocca S. Casciano, 1915.
Libri di commercio dei Peruzzi, a cura di A. Saporì. Milano, 1934.

Руководства по торговле и текстильному производству

Pegolotti F. B. Libro di divisamenti di paesi e di misure di mercatanzie. La pratica della mercatura, ed. A. Evans, Cambridge Mass., 1936.
Trattato dell'Arte della Lana. См.: A. Doren. Die florentiner Wollentuchindustrie. Anhang № 1.

Хроники

Acciaiuoli A. Cronaca (1378). Il Tumulto dei Ciompi, Cronache e Memorie a cura di Gino Scaramella. Raccolta degli storici italiani, nuova ed., t. XVIII, p. III, Bologna, 1934.
Aggiunte anonime, Raccolta degli storici italiani, nuova ed., t. XVIII, Ap. III, Bologna, 1934.

- Agnolo di Tura e Andrea Dei. Cronica sanese. Rerum italicarum Scriptores, t. XV, Mediolani, 1729.
- Annales forolivienses, Raccolta degli storici italiani, t. XXII, p. II, f. 20,72. Città di Castello, 1903.
- Annales mediolanenses (1230—1402) ab Anonymo Auctore. Rerum italicarum Scriptores, t. XVI, Mediolani, 1730.
- Anonimo. Cronica di Pisa, Rerum italicarum Scriptores, t. XV, Mediolani, 1729.
- Corpus chronicorum bononiensium, Raccolta degli storici italiani, t. XVIII, p. I, f. 8. Città di Castello, 1913.
- Cronaca della Città di Perugia dal 1309 al 1491. Diario del Graziani. Archivio Storico italiano, t. XVI, p. I, Firenze, 1850.
- Cronaca prima d'Anonimo. Raccolta degli storici italiani, nuova ed., t. XVIII, p. III, Bologna, 1934.
- Cronaca seconda d'Anonimo. Raccolta degli storici italiani, nuova ed., t. XVIII, p. III, Bologna, 1934.
- Cronaca terza d'Anonimo. Raccolta degli storici italiani, nuova ed., t. XVIII, p. III, Bologna, 1934.
- Cronache dei secoli XIII e XIV. Documenti di storia italiana, vol. unico, Firenze, 1876..
- Cronica d'Anonimo. Frammento. Appendice alla Cronica di D. Velluti, Firenze, 1731.
- Cronica di Bologna. Cronica B. Raccolta degli storici italiani, t. XVIII, p. I, f. 1—2, Città di Castello, 1902.
- Cronica di Pisa. Rerum italicarum Scriptores, t. XV, Mediolani, 1729.
- Chronicon estense. Raccolta degli storici italiani, t. XV, p. III, f. 57, Città di Castello, 1911.
- Chronicon sive annales Laurentii Bonincontrii Miniatensis (1360—1458). Rerum italicarum Scriptores, t. XXII, Mediolani, 1732.
- Diario d'Anonimo fiorentino dell'anno 1358 al 1389. Documenti di storia italiana, t. VI, Firenze, 1876.
- Donato Neri. Cronica sanese. Rerum italicarum Scriptores, t. XV, Mediolani, 1729.
- Griffonibus M. de. Memoriale historicum de rebus bononiensium (1109—1428). Raccolta degli storici italiani, t. XVIII, p. II, f. 9—10, Città di Castello, 1902.
- Guicciardini L. Ricordanza (luglio 1378). Raccolta degli storici italiani, nuova ed., t. XVIII, p. III, Bologna, 1934.
- Il Tumulto dei Ciompi. Cronache e Memorie a cura di Gino Scaramella. Raccolta degli storici italiani, nuova ed., t. XVIII, p. III, Bologna, 1934.
- Lettera d'Anonimo sul'tumulto dei Ciompi, t. XVIII, p. III, Bologna, 1934.
- Lettera di N. Bonifazii. Raccolta degli storici italiani, nuova ed., t. XVIII, p. III, Bologna, 1934.
- Ser Nofri di ser Piero delle Riformagioni. Cronaca, Raccolta degli storici italiani, nuova ed., t. XVIII, p. III, Bologna, 1934.
- Peruzzi Simone. Ricordanza. Raccolta degli storici italiani, nuova ed., t. XVIII, p. III, Bologna, 1934.
- Pitti B. Cronica, Bologna, 1905.
- Spezimen Historiae Sozomeni Presbyteri pistoriensis. Raccolta degli storici italiani, t. XVI, p. I, f. 59, Città di Castello, 1908.
- Stefani Marchione di Coppo. Cronaca fiorentina, a cura di N. Rodolico, Raccolta degli storici italiani, t. XXX, Città di Castello, 1903—1913.

- Velluti D. Cronica di Firenze, a cura delle Y. d. Luugo e G. Volpi. Firenze, 1914.
- Villani G. Cronica. Firenze, 1844—1845.
- Villani M. Cronica. Firenze, 1846.
- Villani F. Cronica. Firenze, 1846.

Исторические работы и письма XV—XVII вв.

- Aretino Leonardo. Isteria fiorentina. Firenze, 1861.
- Machiavelli N. Istorie fiorentine. Opere complete, 1877.
- Malavolti O. Historia de fatti e guerra de' Sanesi, cosi esterne, come civili, seguite dall'origine della lor' Città a'fino all'anno MDLV, Venezia, 1599.
- Poggio Bracciolini. Historiarum florentini populi. Rerum italicarum Scriptores, t. XX, 1731.
- Poggio Fiorentino. Isteria tradotta di latino in volgare da Jacopo suo figlio. Firenze, 1598.
- Salutati Coluccio. Epistolario, a cura di F. Novati, Fonti per la storia d'Italia, v. I. Roma, 1891.
- Vizani P. Dieci libri della historia della sia patria. Bologna, 1602.

Художественные произведения XIV в.

- Boccaccio G. Il Decameron. Firenze, 1827.
- Boccaccio G. Lettere volgari. Firenze, 1834.
- Sacchetti F. Novelle, tt. 1—2. Firenze, 1860.

Литература

- Бернадская Е. В. Классовые основы ранней итальянской синьории. Ученые записки Смоленского государственного педагогического института, вып. II 1953.
- Веселовский А. Н. Италия и Возрождение. Вилла Альберти. Собрание сочинений, т. 3, СПб., 1908.
- Градианский Н. П. Крестьянские и рабочие движения в средние века. М., 1924.
- Гуковский М. А. Заметки и материалы по истории рода Медичи, I. Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 39, вып. 4, 1939; II, там же, № 86, вып. 12, 1941.
- Гуковский М. А. Итальянское Возрождение, т. I. Л., 1947.
- Гуковский М. А. Кто был истинным руководителем восстания чомпи. Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, т. III, Л., 1939.
- [Гуковский М. А.]. Gukowski M. A. Chi fu a capo della sommosa dei ciompi? Studi in onore di A. Saporì, Milano, 1957.
- Дживелегов А. К. Восстание чомпи и гуманисты. Архив Маркса и Энгельса, кн. 5, М.—Л., 1930.
- Дживелегов А. К. Флоренция. Энциклопедический словарь Граната, т. 44.
- Карсавин Л. П. Очерки религиозной жизни в Италии XII—XIII веков. СПб., 1912.
- Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства, тт. I—III. М., 1903.
- Косминский Е. А. История средних веков. М., 1954.
- Кулишер И. М. Лекции по истории экономического быта Западной Европы, т. I. Изд. 8-е, М.—Л., 1931.

- Лазарев В. Н. Происхождение итальянского Возрождения, т. I, М., 1956.
- Лозинский С. Г. История папства, 1934.
- Луддатто Дж. Экономическая история Италии. М., 1954.
- Петрушевский Д. М. Восстание Уота Тайлера. М., 1937.
- Ратнер Н. Восстание чомпи. Средневековье в эпизодах и лицах. М., 1941.
- Ролова А. Д. Социально-политическая борьба во Флоренции в 1527—1537 гг. и зарождение абсолютизма Медичи. Автореферат, Л., 1953.
- Ролова А. Д. Экономический строй Флоренции во второй половине XV и в XVI веке. Средние века, вып. VIII, 1956.
- Рутенбург В. И. Антипапские восстания в Италии XIV в. (по материалам хроник Перуджи и Болоньи). Ежегодник Музея истории религии и атеизма, I, М.—Л., 1957 г.
- Рутенбург В. И. Восстание городского плебса в Перудже в 1371 г. Средние века, вып. VI, М., 1955.
- Рутенбург В. И. Восстание „обездоленных“ в Сиене в 1371 г. Средние века, вып. IV, 1953.
- [Рутенбург В. И.]. Rutenburg V. I. La compagnia Uzzano. Studi in onore di A. Saporì, Milano, 1957.
- Рутенбург В. И. Маркс о ростовщичестве и первые ломбарды в Италии XV в. Ученые записки Ленинградского государственного университета, вып. 18, № 130, серия историч. наук, Л., 1951.
- Рутенбург В. И. Налогообложение и общественный кредит Флоренции XII—XV вв. Ученые записки Ленинградского государственного университета, серия историч. наук, вып. 10, Л., 1941.
- Рутенбург В. И. Об истоках Возрождения в связи с творчеством Леонардо да Винчи. Ученые записки Ленинградского государственного университета, вып. 21, № 192, серия историч. наук, Л., 1956.
- Рутенбург В. И. О прогрессивности капиталистических отношений в Италии XIV—XV вв. Средние века, вып. VI, М., 1955.
- Рутенбург В. И. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. М.—Л., 1951.
- Семенов В. Ф. История средних веков. М., 1951.
- Столцкая-Герешкович В. В. К вопросу о „раннем капитализме“ во Флоренции XIV в. Средние века, вып. V, М., 1954.
- Фридолин П. П. Восстание Чьомпи. Из истории рабочего движения в Италии XIV века. Известия Азербайджанского государственного университета им. В. И. Ленина, обществ. науки, тт. 4—5, Баку, 1925; тт. 6—7, Баку, 1926.
- Фридолин П. П. Восстание Чьомпи. Тезисы диссертации. Тбилиси, 1942.
- Фридолин П. П. Флорентийские цехи накануне капиталистической эпохи (к вопросу о зарождении капиталистического строя в Западной Европе). Известия Азербайджанского государственного университета им. В. И. Ленина, обществ. науки, т. XIII, Баку, 1928.
- Чистозвонов А. Н. Исследовать явления в их исторической самостоятельности и связях. Средние века, вып. VI, М., 1955.
- Эпштейн А. Д. К вопросу о „раннем капитализме“ во Флоренции. Средние века, вып. IV, М., 1953.
- Banchi L. I Porti della maremma senese durante la repubblica, narrazione storica con documenti inediti. Archivio Storico Italiano, ser. 3, t. XI, p. I, Firenze, 1870.
- Bonazzi L. Storia di Perugia dalle origini al 1860, vv. 1—2. Perugia, 1875.
- Bourgin P. Histoire de l'Italie. Paris, 1948.
- Brucker G. A. The Medici in the fourteenth century. Speculum, v. XXXII, № 1, Cambridge Mass., 1957.
- Caggese R. Firenze dal Priorato di Dante alla caduta delle Repubblica. Firenze, 1913.
- Cantù C. Eretici d'Italia, v. I. Torino, 1865.
- Capponi G. Storia della Repubblica di Firenze, t. I. Firenze, 1875.
- Cippola C. Storia delle signorie italiane dal 1313 al 1530, v. IV, p. I. Milano, 1881.
- Corazzini G. O. I Ciompi. Cronache e documenti con notizie intorno alla vita di Michele di Lando. Firenze, 1882.
- D'Ajano R. B. Die venetianische Seidenindustrie und ihre Organisation bis zum Ausgang des Mittelalters. Stuttgart, 893.
- D'Ajano R. B. Lotte sociale a Perugia nel secolo XIV. Vierteljahrschrift für Social-und Wirtschaftsgeschichte, Bd. VIII, Berlin—Stuttgart—Leipzig, 1910.
- D'Ajano R. B. Tumulti e scioperi a Siena. Vierteljahrschrift für Social-und Wirtschaftsgeschichte, Bd. V, Berlin—Stuttgart—Leipzig, 1907.
- Dami B. Un demagogo del secolo Trecento, Salvstro Medici. Firenze, 1899.
- Davidsohn R. Geschichte von Florenz, Bd. I—IV. Berlin, 1896—1924.
- Doren A. Das florentiner Zünftwesen. Berlin, 1908.
- Doren A. Die florentiner Wollentuchindustrie vom 14. bis zum 16. Jahrhundert (ein Beitrag zur Geschichte des modernen Kapitalismus). Stuttgart, 1901.
- Doren A. Ein sozialer Aufstand in Florenz. Beilage zur Allgemeine Zeitung, München, 1904, №№ 156—157.
- Doren A. Entwicklung und Organisation des florentiner Zünfte im 13. und 14. Jahrhundert. Leipzig, 1897.
- Doren A. Italienische Wirtschaftsgeschichte. Jena, 1934.
- Dorini U. Il Diritto penale e la delinquenze in Firenze nel secolo XIV. Lucca, 1922.
- Dorini U. L'Arte della seta in Toscana. Firenze, 1928.
- Dorini U. Notizie storiche sull'Università di Parte Guelfa in Firenze. Firenze, 1902.
- Douglas L. A History of Siena. New York, 1902.
- Edler F. Glossary of medieval terms of business. Italian series 1200—1600. Cambridge Mass., 1934.
- Fanfani A. Le origini dello spirito capitalistico in Italia. Milano, 1933.
- Ferrari I. Histoire des révolutions d'Italie ou guelfes et gibelins, t. IV. Paris, 1858.
- Fossati P. C. Il Tumulto dei Ciompi. Pubblicazioni del R. Istituto di Studi superiori, pratici e di perfezionamento in Firenze, v. I, Firenze, 1875.
- Gherardi A. Dei rivolgimenti politici di Firenze. Rivisto storico italiano, v. VI, f. III, 1889.
- Gherardi A. Documenti di storia italiana, v. VI. Firenze, 1876.
- Giudici P. Storia d'Italia narrata al popolo. Firenze, 1931.
- Grodecki R. Z dziejów walrei klasiwej w rzemiosle górnictwo polskim. Kwartalnik historyczky, v. LXI, № X, Warszawa, 1954.
- Gualazzini U. Rapporti fra capitale e lavoro nell' industria tessile lombarda del Medioevo. Torino, 1932.
- Labande E. R. L'Italie de la Renaissance. Ducento-Trecento-Quattrocento. Evolution d'une société. Paris, 1954.
- Leicht P. S. Operai artigiani agricoltori in Italia dal secolo VI al XVI. Milano, 1946.

Lopez R. S. Settecento anni fa: il ritorno all'oro nell'occidente duecentesco. Rivista Storica Italiana, anno LXV, f. I—II, Napoli, 1953.

Luchoire G. Documenti per la storia dei rivolgimenti politici del comune di Siena dal 1354 al 1369. Lyon, 1906.

Luzzatto G. Storia economica d'Italia. Roma, 1949.

Meiss M. Painting in Florence and Siena after the black death. Princeton, 1951.

Melis F. La formazione dei costi nell'industria laniera alla fine del Trecento. Economia e Storia, f. I—II, Roma, 1954.

Mure D. Struttura e funzionamento della compagnia mercantile dei Peruzzi. Roma, 1950.

Oriani A. La lotta politica in Italia, origini della lotta attuale. Torino—Roma, 1892.

Orsi P. Signorie e principati (1300—1530). Milano, 1898.

Ottocar N. Studi comunali e fiorentini. Firenze, 1948.

Pagnini G. F. Della decima e diverse altre gravanze, imposte del comune di Firenze, della moneta e della mercantura de' fiorentini fino al secolo XVI, tt. 1—3. Lisbona—Lucca, 1765—1766.

Panella A. Storia di Firenze, Firenze, 1949.

Peragallo E. Origin and Evolution of Double Entry Bookkeeping. A study of Italian practice from the fourteenth century. New York, 1938.

Perrens F.-T. Histoire de Florence depuis les origines jusqu'à la domination des Médicis, tt. 1—6. Paris, 1902.

Perrens F.-T. Histoire de Florence depuis la domination des Médicis jusqu'à la chute de la république (1434—1531), tt. 1—3. 1888—1890.

Perrens F.-T. La civilisation florentine du XII au XVI siècle. Paris, 1892.

Peruzzi S. L. Storia del commercio e dei banchieri di Firenze in tutto il mondo conosciuti dal 1200 al 1345. Firenze, 1868.

Professione A. Siena e le Compagnie di Ventura nelle seconda metà del secolo XIV. Civita nova, Marche, 1898.

Renard G. Histoire du travail à Florence, tt. I—II. Paris, 1913—1914.

Riscotti E. Storia delle compagnie di ventura in Italia, vv. 1—4. Torino, 1884—1885.

Rodolico N. Il Popolo minuto, note di storia fiorentina (1343—1378). Bologna, 1899.

Rodolico N. I Ciompi. Una pagina di storia del proletariato operaio. Firenze, 1945.

Rodolico N. La democrazia fiorentina nel suo tramonto (1378—1382). Bologna, 1905.

Rodolico N. Storia degli Italiani, Firenze, 1954.

Rodolico N. The struggle for the right of association in XIV century in Florence. History, October, 1922.

Salvatorelli L. Sommario della storia d'Italia dai tempi preistorici ai nostri giorni. Torino, 1938.

Sapori A. I secoli d'oro del mercante di Firenze. Il Trecento. Firenze, 1955.

Sapori A. La crisi delle compagnie mercantili die Bardi e dei Peruzzi. Firenze, 1926.

Sapori A. Lezioni di storia economica. L'età della Rinascita, Milano, 1955.

Sapori A. Le Marchand italien au Moyen Age. Paris, 1952.

Sbaragli L. I mercanti di mezzana al potere in Siena. Bollettino senese di storia della patria di Siena, Nuova serie, anno 8, f. 1, 1937.

Scaramella G. Ciompi. Enciclopedia Italiana di scienze, lettere ed arti, t. X, 1931.

Scaramella G. Firenze allo scoppio del Tumulto dei Ciompi. Pisa, 1914.

Scaramella G. Questioni varie intorno alle cronache capponiane. Archivio Muratoriano, VII, 1908.

Schevill F. History of Florence from the Founding of the City through the Renaissance. New York, 1936.

Schiaperello A. La casa fiorentina ed i suoi arredi nei secoli XIII—XIV—XV. Firenze, 1908.

Simeoni L. Gli antichi statuti delle arti veronesi. Venezia, 1914.

Simonin. Une insurrection ouvrière à Florence en 1378. Journal des Economistes, 15 décembre 1873.

Sismondi S. Histoire des républiques italiennes du moyen âge, t. 6. Paris, 1809.

Thomas G. Les révolutions politiques de Florence (1117—1530). Paris, 1887.

Tiraboschi G. Storia della letteratura italiana, t. v, p. 2. Venezia, 1795.

Valeri N. Signorie e principati (1343—1516). Storia d'Italia illustrata, v. V, Verona, 1949.

Valsecchi F. Comune e Corporazione nel Medio Evo Italiano. Milano—Venezia, 1949.

Zanoni L. Gli Umiliati nei loro rapporti con l'eresia, l'industria della lana ed i comuni nei secoli XII e XIII sulla scorta di documenti inediti. Milano, 1911.

Zerbi T. Aspetti economico-tecnici del mercato di Milano nel Trecento. Como, 1936.

Zerbi T. Le origini della partita doppia, questioni aziendali e situazioni di mercato nei secoli XIV e XV. Milano, 1952.

Рецензии

Стоклицкая-Терешкович В. В. Рецензия на сборник „Средние века“, вып. IV, М., 1953. Вопросы истории, 1954, № 3.

Аннотация на статью: В. И. Рутенбург. Восстание городского плебса в Перудже в 1371 г. Rassegna sovietica, Roma, 1956, № 1.